

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СЪЕЗД
СЛАВИСТОВ

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА,
ЭТНОГРАФИЯ
И ФОЛЬКЛОР
СЛАВЯНСКИХ
НАРОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук
В. А. ДЬЯКОВ,

доктор филологических наук
В. И. ЗЛЫДНЕВ,

доктор исторических наук
И. И. КОСТЮШКО
(отв. редактор),

доктор филологических наук
Н. И. КРАВЦОВ

доктор исторических наук
В. В. КРОПОТКИН,

доктор филологических наук
Г. Н. МОИСЕЕВА,

доктор филологических наук
В. К. СОКОЛОВА,

доктор исторических наук
В. П. ШЕРСТОВИТОВ

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА 1978

В докладах глубоко и всесторонне освещаются значение Великого Октября для исторического развития славянских народов, социально-экономические процессы у славянских народов СССР в XX в.; рассматриваются также вопросы, связанные с кризисом буржуазной демократии в западных и южных славянских странах на протяжении межвоенного периода, проблемы национально-освободительного движения южных славян в XIX в. и влияние на него русской прогрессивной мысли. Большое место уделено истории формирования национальных славянских культур, этногенезу и фольклору славянских народов, методологическим проблемам истории мировой славистики.

В. В. ЗЕЛЕНИН, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ, А. Я. МАНУСЕВИЧ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ СЛАВЯНСКИХ СТРАН ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР, НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

В 1977 г. советский народ, народы стран социалистического содружества, все прогрессивное человечество торжественно отметили 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

«Шесть десятилетий назад,— говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»,— героический пролетариат России под руководством партии большевиков во главе с Владимиром Ильичем Лениным поднялся на решительный штурм буржуазно-помещичьего строя и сокрушил его. Впервые в истории борьба трудящихся против эксплуатации, социального и национального гнета завершилась их полной победой»¹.

В Постановлении ЦК КПСС победа Октября характеризуется как «главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»².

Рожденная Октябрьской революцией, Советская власть своим первым государственным актом — ленинским Декретом о мире, провозгласившем ясную и четкую программу борьбы за справедливый, демократический, всеобщий мир, указала всем народам единственно отвечавший их интересам выход из кровавой империалистической войны на основе демократической перестройки международных отношений, заключения демократического мира без аннексий и контрибуций, признания за всеми народами права на национальное самоопределение и свободное решение вопроса о формах своего государственного устройства.

Ввиду невозможности даже в самых общих чертах охарактеризовать все аспекты международного значения Великого Октября в настоящем докладе сосредоточено внимание на вопросах воздействия Октябрьской революции в России на борьбу зарубежных славянских народов за мир, национальную независимость и социальный прогресс, создания коммунисти-

ческих партий в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии, возглавивших борьбу трудящихся своих стран за подлинную независимость и свободу народов, за социализм. Хронологические рамки доклада ограничены периодом 1917—1921 гг.

*

Первая мировая война, порожденная противоречиями империализма и развязанная летом 1914 г. германским империализмом, началась с вооруженного нападения на Сербию. Фронты войны сразу же прошли по территориям многих славянских стран. Те славянские народы, земли которых не являлись театром военных действий — Хорватия, Чешские земли, Словакия и др., — также незамедлительно испытали бедствия и страдания, принесенные им войной, в которой обе воюющие стороны преследовали угнетательские, грабительские цели.

В захваченных Австро-Венгрией и Германией в ходе военных действий Сербии, Черногории, принадлежавшем царской России Королевстве Польском был установлен жестокий оккупационный режим. К разорениям, которые они претерпели во время военных операций 1914—1915 гг., прибавилась политика систематического ограбления, проводившаяся германскими и австро-венгерскими оккупационными властями. Эта политика выражалась в реквизиции продовольствия и сырья, в угоне сотен тысяч людей на принудительные работы. Всякие попытки противодействия произволу оккупантов беспощадно подавлялись.

От режима, установленного оккупантами в захваченных ими странах, мало чем отличались порядки, царившие в «исконных» славянских провинциях Австро-Венгрии и Германии. Политический и национальный гнет, полицейский террор в сочетании со все ухудшавшимся экономическим положением, хозяйственной разрухой, ростом цен, нехваткой продовольствия, материальными разрушениями и людскими потерями, связанными с войной, делали особо невыносимым положение народов, земли которых подверглись нашествию германской и австро-венгерской армий.

С самого начала войны, наряду с военными действиями против своих внешних противников, правящие верхи монархии Габсбургов развязали настоящую «вторую войну», направленную против славянских подданных империи. Картины разгула шовинизма, полицейских преследований, насаждения палочной дисциплины в армии, тупости чиновников и звериной жестокости офицеров, содержащиеся в принадлежащих перу Ярослава Гашека «Похождениях бравого солдата Швейка», отражали мрачную, но вполне реальную действительность не только в Чешских землях периода первой мировой войны, но и во всех славянских провинциях Австро-Венгрии.

Не желая воевать за интересы габсбургской монархии, тысячи австро-венгерских солдат и офицеров славянского происхождения (нередко целые воинские подразделения) с самого начала войны сдавались в плен или переходили на сторону России, выражая тем самым не только и не столько протест против войны как таковой, сколько свой протест против национального угнетения, свое нежелание воевать против других братских славянских народов, особенно против России — единственной великой славянской державы, с которой, несмотря на господствовавший в ней режим самодержавия, многие угнетенные славянские народы связывали свои надежды на освобождение от австро-венгерского и германского господства. Массовые размеры приняли дезертирство из австро-венгерской армии еще до отправления маршевых батальонов на фронт, умышленное членовредительство и др.

С первых дней войны австро-венгерский военно-полицейский аппарат обрушился на югославянское население многонациональной монархии, в первую очередь на сербов, которые были объявлены «нацией убийц». В Боснии и Герцеговине, Среме и других югославянских владениях монархии Габсбургов австро-венгерские власти, по их собственным признаниям, чувствовали и вели себя как «во вражеской стране»³. Массовые аресты, «монструозные» процессы против членов сербских культурных, просветительных, религиозных организаций, против духовенства, учащихся, депортация населения приграничных районов, децимация (расстрел каждого десятого) в воинских частях, отказывавшихся отправиться на фронт, и другие репрессивные меры были направлены на подавление антивоенного движения. Даже такие столпы австро-венгерской реакции, как граф И. Тиса, вынуждены были признать, что репрессивные меры, принятые против населения ряда областей, перешли всякие мыслимые границы и грозят серьезными осложнениями⁴.

В 1916 г. в Сербии от голода и эпидемий умерло около 30 тыс. человек. Голод охватил многие районы Черногории⁵. При подавлении вспыхнувшего в феврале 1917 г. восстания в ряде округов Восточной Сербии оккупанты уничтожили свыше 15 тыс. человек⁶.

В тяжелом экономическом и политическом положении оказалась и остававшаяся суверенным государством Болгария. Германофильская клика царя Фердинанда в октябре 1915 г. вовлекла ее в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Мобилизация в армию 800 тыс. человек — а это составляло около $\frac{1}{5}$ населения страны — губительно сказалась на ее экономике.

Фактически Болгария стала военным и аграрно-сырьевым придатком германской военной машины. Угольная, горнодобывающая и некоторые другие отрасли промышленности, многие банки оказались под контролем германских монополий. Из

страны вывозились огромные количества продовольствия, кож, шерсти, хлопка. Денежный рынок был наводнен германскими бумажными марками и обесцененными в результате инфляции левами. Дороговизна, многократно увеличенная спекуляцией, тяжелым бременем ложилась на плечи народных масс. Голод, эпидемии, непосильный труд (особенно на милитаризированных предприятиях), низкие нормы снабжения городского населения, реквизиции сельскохозяйственной продукции у мелких крестьян разоряли население, разрушали экономику болгарского государства ⁷.

Являясь участником коалиции центральных держав, Болгария в политическом и военном отношении все больше и больше теряла свою самостоятельность. Для Болгарии, как и для других славянских стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы, жизненной необходимостью становилось немедленное прекращение кровопролитной, чуждой их интересам войны. Заключение мира стало главным требованием не только широких народных масс угнетенных славянских народов австро-германского блока и захваченных им стран, но оно все решительнее выдвигалось и народными массами господствующих наций. Борьбу за демократический мир, против империализма, против аннексий и угнетения других народов возглавил интернационалистический авангард рабочего класса, вдохновленный борьбой большевиков, В. И. Ленина за справедливый демократический мир на основе самоопределения и свободы народов. Но правящие круги обеих враждующих коалиций не помышляли о заключении мира, а, наоборот, стремились любой ценой добиться полной победы над противником. Попытка Австро-Венгрии протиснуться при посредничестве принца Сикста Бурбона Пармского возможности сепаратного мира со странами Антанты была резко пресечена «старшим партнером» по коалиции — кайзеровской Германией ⁸.

Между тем борьба народов за мир принимала все больший размах. Как в царской России, так и в странах Четверного союза участились забастовки рабочих, голодные бунты, политические демонстрации, восстания солдат.

Для славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы борьба за демократический мир сливалась с борьбой за национальное освобождение, за завоевание или восстановление утраченной национальной независимости. Но отношение империалистических правительств обеих воюющих коалиций к вопросу о независимости славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы не оставляет сомнений в том, что победа любого из двух блоков — Антанты или Четверного союза — не могла привести к решению этой задачи.

Нет нужды доказывать, что победа коалиции центральных держав на многие годы закрепила бы угнетение как славянских народов Австро-Венгрии, так и оккупированных и поде-

ленных центральными державами Сербии и Черногории и захваченных польских губерний России.

В правящих кругах Австро-Венгрии разрабатывались триалистические планы, планы соединения Королевства Польского, т. е. так называемой русской Польши, с Галицией и образования из них третьего (наряду с Австрией и Венгрией) элемента габсбургской монархии⁹. Польские земли, находившиеся под германским господством, естественно, остались бы за границами польской части монархии Габсбургов, и, более того, существовала угроза отсечения территорий Королевства Польского в пользу Германии¹⁰.

Наиболее агрессивные круги германского империализма намеревались установить своё господство над всеми польскими губерниями России путем создания в рамках замышлявшейся ими «Срединной Европы» польского государственного образования из польских территорий, находившихся под властью русского царя.

Стремясь использовать население оккупированных польских губерний Российской империи в качестве пополнения своих армий, германский и австро-венгерский генерал-губернаторы этих территорий после длительных переговоров между Берлином и Веней издали от имени своих монархов 5 ноября 1916 г. совместную декларацию, в которой заявили о намерении Германии и Австро-Венгрии в будущем создать «самостоятельное» польское государство из польских земель, захваченных у России. Границы этого «государства» подлежали установлению лишь в будущем, но сразу же определялось, что оно будет связано с обеими оккупирующими державами. Германо-австрийский акт не обещал ни объединения польского народа, ни предоставления Польше государственной независимости, а имел своей целью лишь пополнение вооруженных сил центральных держав путем создания польских формирований из населения оккупированных губерний¹¹.

Никакой перспективы к освобождению польского народа не сулила и победа царской России и ее союзниц. И Великобритания и Франция считали польский вопрос находящимся всецело в сфере интересов России. Царское же правительство ставило одной из своих целей в войне, провозглашенных еще в августе 1914 г. в воззвании верховного главнокомандующего русской армией, объединение всех польских земель «под скипетром русского царя», т. е. захват польских территорий, доставшихся в XVIII—XIX вв. Австрии и Пруссии, и соглашалось лишь на то, что воссоединенный таким образом польский народ в будущем получит свободу «в своей вере, языке и самоуправлении»¹². Эту позицию России поддерживали правительства Англии и Франции¹³. После захвата русской части Польши Германией и Австро-Венгрией русскими буржуазно-помещичьими партиями был выдвинут лозунг продолжения войны якобы

за «освобождение» Польши от новых захватчиков с последующим предоставлением ей автономии в составе Российской империи. При этом считалось само собой разумеющимся, что союзники России по Антанте вообще не будут считать вопрос о Польше предметом международного обсуждения¹⁴.

К судьбам славянских народов Австро-Венгрии правительства Англии и Франции до определенного времени практически проявляли не больше интереса, чем к будущему польского народа. Более того, по Лондонскому договору 1915 г. они и Россия обязались предоставить Италии ряд югославянских территорий Австро-Венгрии, часть Албании и другие земли. Такой ценой Антанта соглашалась оплатить разрыв Италии с центральными державами и вступление в войну на ее стороне.

Позорную сделку империалистов Антанты с Италией гневно клеймил В. И. Ленин. Отмечая, что только для Сербии война против Австрии является продолжением национально-освободительного движения, он писал, что Антанта «*продает* интересы сербской свободы итальянскому империализму...»¹⁵

Несмотря на то что многочисленные буржуазные партии и группировки в Чехии, Словакии, Хорватии и других славянских землях империи, а также чехословацкие и югославянские эмигрантские организации стремились заручиться поддержкой со стороны держав Антанты в отношении своих планов послевоенного устройства многонациональной империи Габсбургов, деятельность эмигрантских политических центров интересовала правящие круги стран Антанты лишь в той мере, в какой она помогала им в использовании освободительного и антивоенного движения славянских народов для ослабления Австро-Венгрии и Германии. К тому же в самих буржуазных кругах и группировках славянских народов не было единства по вопросу о будущем их народов.

Наиболее консервативные из чешских и словацких буржуазных партий ограничивались планами автономии в рамках лишь слегка реорганизованной империи. Более радикальные группировки строили планы создания самостоятельных государств. Имелись и проекты создания некоей «славянской империи» под эгидой России¹⁶. Но царская Россия весьма сдержанно относилась к такого рода проектам, поскольку ни она, ни ее союзники не намеревались добиваться расчленения Австро-Венгрии. К тому же царская дипломатия не хотела связывать себя обязательствами в отношении чешского и словацкого народов¹⁷.

Весьма запутанный клубок противоречий представлял собой вопрос о послевоенных судьбах югославянских народов ввиду переплетения разнородных интересов правительств Сербии и Черногории, входивших в число союзников Антанты, с одной стороны, и буржуазных партий и организаций югославянских земель Австро-Венгрии — с другой.

Главной внешнеполитической целью сербского правительст-

ва и династии Карагеоргиевичей было присоединение к Сербии всех сербских земель Австро-Венгрии, создание «Великой Сербии» с выходом к Адриатическому морю. При особо благоприятных условиях не исключалось объединение всех югославянских земель. Идеологическим обоснованием этого объединения должна была послужить теория единого «трехименного» народа, состоящего из сербов, хорватов и словенцев, Против гегемонистских великосербских стремлений сербской буржуазии решительно выступала стоявшая на интернационалистских позициях сербская социал-демократия¹⁸.

Планы создания «Великой Сербии» встречали известную поддержку царского правительства России, считавшего Сербию своей главной опорой на Балканах. При этом часть русских правящих кругов предпочитала, чтобы и в своих расширенных границах Сербия осталась православным государством, в связи с чем планы объединения в одном государстве сербов с католиками-хорватами и словенцами не встречали у этих кругов сочувствия¹⁹. Такая позиция части влиятельных кругов Петрограда при стремлении английского и французского правительств в целом сохранить монархию Габсбургов не открывала перспектив к освобождению югославянских народов двуединой монархии от чужеземного гнета и решению важнейшей исторической задачи — образованию объединенного югославянского государства.

Консервативные хорватские и словенские буржуазные партии и группировки, действовавшие в стране, сохраняли лояльность по отношению к империи Габсбургов и не мыслили будущего своих народов вне рамок Австро-Венгрии. В своих конечных целях они не шли дальше перестройки ее на принципах австро-венгерско-югославянского триализма.

Группой либерально-буржуазных хорватских (преимущественно из Далмации), словенских и боснийско-герцеговинских деятелей, эмигрировавших в страны Антанты, в апреле 1915 г. в Лондоне был создан Югославянский комитет, выступавший за отделение югославянских земель от Австро-Венгрии и создание независимого государства Югославии путем объединения этих земель с Сербией и Черногорией. Наиболее радикальные элементы из числа сторонников Югославянского комитета представляли себе будущую Югославию как буржуазно-демократическое государство, построенное на федеративных началах, в котором каждая из национальных земель пользовалась бы широкой внутренней автономией. Такая концепция вступала в непримиримое противоречие с идеей «Великой Сербии», которую сербский премьер Никола Пашич и принц-регент Александр Карагеоргиевич замыслили создать как централизованное государство с бесспорным преобладанием сербского элемента.

Консервативное руководство Югославянского комитета во главе с Анте Трумбичем вынуждено было признать руководя-

щую роль находившегося в эмиграции правительства Сербии, являвшегося союзником Антанты, в то время как международно-правовой статус самого Комитета был весьма зыбким и неопределенным. Упорный отказ сербского правительства и Александра придать общегославянский характер частям сербской армии, сформировавшимся из добровольцев, рекрутируемых в Европе и Америке и из рядов югославян — австро-венгерских военнослужащих, оказавшихся в плену в России, лишал Комитет эвентуальной военной силы, на которую он мог бы опереться в случае разгрома Австро-Венгрии.

Слабость позиций Югославянского комитета привела к его фактической капитуляции перед жесткой великосербской шовинистической политикой, проводившейся Пашичем и Александром даже после эвакуации в конце 1915 г. на греческий остров Корфу.

Безрадостной и бесперспективной в плане национально-освободительных устремлений славянских народов Австро-Венгрии была позиция Англии и Франции²⁰. Если в ноте, направленной участниками союзнической конференции 10 января 1917 г. американскому президенту в ответ на его обращение от 18 декабря 1916 г. ко всем воюющим державам с предложением изложить свои позиции по вопросу о будущем мире, в весьма общей форме говорилось, что в число целей Антанты входит восстановление Сербии и Черногории, а также «освобождение итальянцев, славян²¹, румын и чехословаков»²², что являлось по существу признанием необходимости расчленения Австро-Венгрии, то вскоре же и Англия и Франция недвусмысленно подтвердили свой курс на сохранение империи Габсбургов²³⁻²⁴.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России хотя и вызвала известную перегруппировку политических сил на международной арене, но не внесла чего-либо принципиально нового в отношении правительства воюющих блоков к вопросу о судьбах угнетенных славянских народов; не был поставлен и главный вопрос — вопрос о заключении мира, которого так жаждали измученные войной народы.

В своих первых внешнеполитических заявлениях российское буржуазно-помещичье Временное правительство декларировало свою «верность союзникам», свое стремление продолжать войну «до полной победы». Вся недолговечная деятельность Временного правительства служила подтверждением меткой характеристики, данной ему В. И. Лениным. Это «правительство, — писал Ленин в марте 1917 г., — есть, в сущности, лишь приказчик англо-французского капитала...»²⁵.

Все возрастающая экономическая, военная и политическая зависимость России от Антанты привела к ослаблению ее влияния на международные дела. Свержение царизма, а особенно военные неудачи Временного правительства говорили о прова-

ле надежд тех политических партий и группировок в славянских странах и землях, которые связывали будущее своих народов с царской и буржуазно-помещичьей Россией (Р. Дмовский и его сторонники в Польше, русофильские правомонархические круги чехословацкой буржуазии во главе с И. Дюрихом, премьер-министр Сербии Н. Пашич и принц-регент Александр Карагеоргиевич, черногорский король Никола).

Исходя из своих империалистических целей (захват Галиции и др.), Временное правительство допускало возможность расчленения монархии Габсбургов и создания под покровительством России самостоятельных чехословацкого и югославянского государств²⁶. Но ему приходилось считаться и с позицией его «старших партнеров» по Антанте, стоявших на позициях сохранения многонациональной монархической Австро-Венгрии.

И после Февральской революции империалистические круги России и выразитель их взглядов — буржуазное Временное правительство — по существу сохранили прежние цели политики по вопросу о независимости Польши. Правда, в воззвании Временного правительства к полякам от 16(29) марта 1917 г., принятом под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, упоминалось об освобождении и объединении польских земель, но тут же оговаривалось, что будущая Польша должна находиться в «свободном военном союзе» с Россией и что окончательное решение польского вопроса должно принадлежать российскому Учредительному собранию²⁷.

Правительства стран Антанты солидаризировались с позицией Временного правительства. Лишь в условиях нарастания в России социалистической революции и в связи с опасностью потери союзника на востоке Европы правительства Франции, Англии, Италии и США сделали заявления о признании в качестве «официальной польской организации» обосновавшегося в Париже в августе 1917 г. Польского национального комитета, который возглавил ранее всецело ориентированный на царизм Р. Дмовский. При этом лишь во французской ноте отмечалось, что Польский национальный комитет «должен подготовить организацию будущего суверенного и независимого польского государства»²⁸.

В конце 1917 г., уже после Октября, правящие круги стран Антанты, продолжая стремиться к отрыву Австро-Венгрии от Германии, вновь проявили готовность к сохранению ее целостности, т. е. к закреплению разделов Польши, а равно и к сохранению габсбургского господства над другими славянскими народами.

Весьма лицемерную и двусмысленную позицию в польском вопросе занимало правительство США. В своем послании сенату от 22 января 1917 г. президент В. Вильсон заявил, что Польша должна стать «единой, независимой и автономной». Растяжимость и неопределенность этой формулировки позво-

лили выразить с ней полное согласие как Временного правительства, так и участников германо-австрийской коалиции. Таким образом, ни так называемые «западные демократии», ни присоединившаяся к ним новорожденная русская буржуазная «демократия» не помышляли о содействии польскому народу в завоевании им национальной свободы и государственного суверенитета.

Февральская революция вызвала глубокую тревогу в рядах сторонников «Великой Сербии». Пашич был весьма обеспокоен приходом к руководству министерством иностранных дел России П. Н. Милюкова, известного своими симпатиями к болгарским и хорватским буржуазным кругам. Как можно судить по некоторым заявлениям Временного правительства, оно в целом больше симпатизировало буржуазно-демократическому варианту объединения югославянских народов, нежели монархической концепции «Великой Сербии». Об этом свидетельствовали интервью Милюкова французскому агентству «Радио» и приветствие Временного правительства Корфской конференции. Больше же всего Пашича встревожила широко развернувшаяся в России под руководством большевистской партии борьба народных масс за немедленное прекращение кровопролитной войны, за демократический мир. Поняв, что его ориентация на военную победу царской России, как главной опоры великосербской монархической концепции решения югославянского вопроса, потерпела провал, учитывая слабость Временного правительства и его полную зависимость от Парижа и Лондона, сербский премьер весьма резко изменил курс своей политики²⁹.

При сложившемся соотношении сил сербское эмигрантское правительство стало искать пути к сделке с итальянским империализмом, которая могла быть достигнута только ценой уступок за счет югославянских земель Австро-Венгрии³⁰. На путь открытого сотрудничества с Италией, шедшего вразрез с позицией России, стал черногорский король Николай³¹.

Между тем правительства западных держав, в том числе и правительство США, продолжали проводить политику противодействия национальному освобождению славянских народов Австро-Венгрии. Так, правительство США объявило 6 апреля 1917 г. войну только одной Германии, рассчитывая, что таким путем, как бы гарантируя сохранение монархии Габсбургов, легче будет подтолкнуть Австро-Венгрию к заключению сепаратного мира со странами Антанты. При этом, естественно, не могло быть и речи о предоставлении свободы угнетенным народам Дунайской монархии. Более того, когда США после Октябрьской революции сочли необходимым пойти на объявление войны Австро-Венгрии, президент В. Вильсон в своем послании конгрессу 4 декабря 1917 г. специально подчеркнул, что Соединенные Штаты не имеют никаких намерений раздробить или переустроить Австро-Венгерскую империю. «Перед

президентом Вильсоном, — писал в этой связи Чарльз Сеймур, — стояли две политические альтернативы. Он мог объявить габсбургской монархии войну на смерть и обещать полное освобождение Чехословакии, полякам, южным славянам и румынам... Или он мог провозгласить право подвластных национальностей на „автономию“... под короной Габсбургов... Президент выбрал вторую альтернативу»³².

Но если империалистические правительства США, Англии, Франции и буржуазно-помещичьей России не помышляли о содействии угнетенным славянским народам в их борьбе за национальную свободу и государственную самостоятельность, то принципиально по-иному поставила этот вопрос российская рабочая демократия в лице возникших после Февральской революции Советов.

14 (27) марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов опубликовал воззвание «Народу польскому», в котором говорилось: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов заявляет, что демократия России стоит на почве признания национально-политического самоопределения народов и провозглашает, что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении»³³.

Деятельность многих Советов, направленная на улучшение положения военнопленных в России³⁴, среди которых были сотни тысяч славян, осуществлявшаяся вопреки приказам и распоряжениям Временного правительства, стремившегося сохранить угнетенное и несправное положение иностранных пролетариев, обеспечить продолжение их бесчеловечной эксплуатации русскими помещиками и капиталистами, привлекала на сторону Советов военнопленных.

Советы Юга России решительно выступили против жестоких порядков, царивших в сформированном в районе Одессы Сербском добровольческом корпусе. Это способствовало резкой активизации антивоенной борьбы в корпусе, демократизации национально-освободительного движения среди югославян в России. Петроградский Совет в своем решении от 7 (20) июня 1917 г. резко осудил смертный приговор жертвам сфабрикованного Александром и Пашичем Салоникского процесса³⁵.

Развернувшаяся в России под руководством В. И. Ленина и большевистской партии борьба рабочих, крестьян и солдат за мир, хлеб и свободу, за передачу власти подлинным защитникам интересов народа — Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — оказывала большое воздействие на трудящиеся массы и солдат обеих воюющих коалиций, особенно в странах и землях австро-германского блока. Принявшее широкий размах братание солдат на фронте было ярким выражением их непреодолимого стремления к миру. Глухие раскаты надвигавшейся в России новой революционной грозы

становились все слышнее по ту сторону фронта, оцетинившегося тысячами орудийных жерл.

Февральская революция способствовала значительной активизации рабочего, демократического и антивоенного движения в Польше, славянских провинциях Австро-Венгрии, Болгарии.

Несмотря на резкое ослабление сил польского пролетариата в условиях германской оккупации (угон тысяч рабочих в Германию, закрытие многих предприятий, безработица и т. д.), намного усилилось стачечное движение польских рабочих³⁶.

Ко второй половине 1917 г. антивоенные настроения, требования немедленного заключения мира приобрели широкий размах в Чешских землях и Словакии. Известия о Февральской революции в России послужили стимулом к дальнейшему подъему революционного, антивоенного и национально-освободительного движения. Резко возросло число забастовок, голодных демонстраций, собраний, митингов, участники которых требовали мира, хлеба, свободы, национальной независимости³⁷. Требования немедленного заключения мира, выражения солидарности с революционным пролетариатом России, призывы к созданию независимого чехословацкого государства были выдвинуты во время первомайских демонстраций и митингов, прошедших в Чешских землях и Словакии в 1917 г., и привели осенью к выступлениям, которые В. И. Ленин характеризовал как взрыв возмущения чешских рабочих³⁸.

Под антивоенными лозунгами, под знаком солидарности с рабочими России прошли первомайские митинги и демонстрации в югославянских провинциях Австро-Венгрии. Так, рабочее собрание, состоявшееся 1 мая в Сараеве, послало приветствие российскому пролетариату, а в Загребе на рабочих митингах были выдвинуты требования о немедленном прекращении войны³⁹.

На новую ступень поднялась борьба трудящихся Болгарии за немедленное заключение мира, усилилась политическая активность трудящихся масс, развернулось братание на Румынском и Салоникском фронтах, участились выступления крестьян против реквизиций, городских средних слоев — против дороговизны и т. д.⁴⁰

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, народ которой под руководством партии большевиков во главе с В. И. Лениным взял дело мира в свои руки, открыла перед другими народами, перед трудящимися угнетенных славянских стран пути к скорейшему прекращению войны, заключению всеобщего демократического мира, завоеванию национальной независимости.

Октябрьская революция явилась могучим ускорителем революционной борьбы пролетариата и национально-освободительного движения угнетенных народов во всем мире, указала эк-

сплуатируемым массам путь борьбы за коренное переустройство общественных отношений, за социализм, вооружила их неоценимым практическим опытом, создала благоприятные международные условия для успеха этой борьбы.

Лозунги Октября — «фабрики — рабочим», «земля — крестьянам», «мир — народам» — были близки и понятны трудящимся всего мира, отвечали их сокровенным чаяниям и мечтам. С первого же своего акта — Декрета о мире — Советская власть вступила на путь борьбы за прекращение империалистической войны, борьбы за перестройку международных отношений на принципах демократии, равноправия и свободы всех народов.

С победой Октябрьской революции коренным образом изменилась расстановка сил в мировом масштабе. Рабочий класс России, поднявшийся до положения господствующего, руководящего класса крупнейшей державы мира, направил все свои усилия в области международных отношений на борьбу за свободу и независимость всех народов, за их право самим определять свою судьбу.

Ленинский Декрет о мире с предельной ясностью и четкостью выдвинул вопрос о всеобщем справедливом демократическом мире без аннексий и контрибуций. В декрете подчеркивалось, что именно такого мира «жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран», что такого мира «самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии»⁴¹.

Требование заключения мира без аннексий, т. е. без всякого присоединения «к большому или сильному государству малой или слабой народности, без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено»⁴², заключало в себе одно из важнейших положений марксизма-ленинизма, определяющих политику пролетариата в национальном вопросе, а именно признание за каждой нацией права на самоопределение, на независимое государственное существование. Идеи ленинского Декрета о мире встретили широчайший отклик среди трудящихся всех стран, среди угнетенных славянских народов, подняли их борьбу за национальную независимость на новую ступень.

Как известно, разработанная В. И. Лениным программа Российской социал-демократической рабочей партии содержала пункт о признании права самоопределения наций вплоть до отделения⁴³. Этого важнейшего положения большевистская партия во главе с В. И. Лениным последовательно придерживалась во всей своей практической политической деятельности. Весьма ярко и отчетливо это проявилось, например, в вопросе о судьбах польского народа. Считая вопрос о праве наций на

самоопределение одним из фундаментальных программных принципов, В. И. Ленин писал в 1903 г., что «эта программа нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна»⁴⁴. В «Тезисах по национальному вопросу», написанных через 10 лет после приведенной выше работы и за год до начала первой мировой войны, В. И. Ленин отметил, что в силу целого ряда условий в России имелись две нации, «которые легче всего и „естественнее“ всего могли бы осуществить свое право на отделение. Это — Финляндия и Польша»⁴⁵. В тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», написанных в августе 1914 г., вскоре после начала первой мировой войны, В. И. Ленин, определяя непосредственные задачи международного революционного движения, указывал: «пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д.»⁴⁶

Политика большевистской партии и Советского правительства по национальному вопросу была последовательным и неуклонным воплощением в жизнь этих ленинских принципов.

Столь же последовательно В. И. Ленин и большевистская партия отстаивали право на независимое государственное существование и угнетенных народов Австро-Венгрии. В. И. Ленин полностью солидаризировался с мыслью Розы Люксембург о том, что «ликвидация Австро-Венгрии... является требованием исторического процесса развития»⁴⁷. Он подчеркивал, что и в условиях империализма возможно «образование новых государств в Европе, польского, финляндского и т. п... венгерского, чешского и т. п.»⁴⁸ При этом В. И. Ленин указывал, что демократические преобразования будут ограниченными и непрочными без победы социализма.

Ленинский Декрет о мире, последовательная борьба Советского правительства за претворение в жизнь принципов этого декрета, Декларации прав народов России, Обращения трудящихся мусульман России и Востока и других аналогичных документов явились мощным ускорителем национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

В Декларации прав народов России, принятой 2(15) ноября 1917 г. и подчеркнувшей, что «Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения», указывалось в качестве неотложной задачи решительное и бесповоротное раскрепощение и освобождение народов России, терпевших гнет и произвол⁴⁹. В Декларации Совет Народных Комиссаров торжественно провозгласил равенство и суверенность всех народов России, право их на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств⁵⁰.

Впервые с победой Великого Октября принципы свободы народов, их равенства, права на самоопределение стали одним из основ государственной политики, политики государства нового типа. Эти основополагающие документы первого в мире социалистического государства сыграли определяющую роль в деле воссоздания независимости польского народа, в возрождении польской государственности, в существенном изменении политического положения других славянских и неславянских народов.

Пролетарская Россия выступала в начавшихся в Бресте переговорах за объединение всего польского народа. «Революционная демократическая Россия,— писали «Известия» 12(25) декабря 1917 г.,— требует независимости, объединения и демократизации Польши». Советская власть делала все для того, чтобы добиться претворения в жизнь провозглашенных ею принципов⁵¹.

Декрет Советского правительства от 29 августа 1918 г., которым аннулировались все договоры по вопросу о разделах Польши «ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство»⁵², явился важной международно-правовой основой возрождения польской государственности.

Сбывались пророческие слова В. И. Ленина: «Свобода Польши невозможна без свободы России».

Выдвинутая Советским правительством программа всеобщего демократического мира, вызвавшая живейший отклик и горячее одобрение народов всех воевавших стран, заставила империалистические правительства Запада дать свое истолкование послевоенных отношений между странами и тем самым попытаться нейтрализовать то огромное воздействие, которое оказывали на истерзанные войной народы Декрет о мире, политика молодой Советской России.

С такими программами выступили премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж и президент США В. Вильсон.

Что же обещали славянским народам английский премьер и американский президент? И Ллойд Джордж и Вильсон в связи с широким общественным движением, развернувшимся в Польше под воздействием Октябрьской революции, и в расчете на то, чтобы использовать традиционные симпатии других народов к находившейся более века под чужеземным игом Польше для прикрытия своей империалистической политики и для того, чтобы саму Польшу превратить в орудие своей политики, посчитали целесообразным высказаться за предоставление независимости польскому народу⁵³.

Выражая согласие на образование самостоятельного буржуазного польского государства, правительства западных стран намеревались использовать его в качестве своего орудия в

борьбе против Советской России и в качестве преграды между Советской Россией и революционным движением в странах Центральной Европы. Именно эгоистические империалистические расчеты Англии, стремившейся, следуя традиционной политике «равновесия сил», сохранить достаточно мощную империалистическую Германию, которая могла бы угрожать Советской России на востоке и Франции на западе, явились главным препятствием в деле объединения западных польских земель с возрожденной в конце 1918 г. Польшей⁵⁴.

Стремление руководителей западных империалистических держав ослабить взрывную силу идей Октября, ленинского лозунга демократического мира ясно видно из речи Ллойд Джорджа, объявившего «бесполезным» принятие формулы «без аннексий и контрибуций» или «права на самоопределение». Английская программа будущего устройства мира не предусматривала предоставления национальной свободы народам Габсбургской империи.

Ллойд Джордж прямо заявил, что в военные цели Великобритании не входит раздробление Австро-Венгрии, но что для сохранения длительного мира необходимо предоставление «реальной автономии на чисто демократических принципах тем австро-венгерским народностям, которые ее добиваются с давних времен». При этом, в противовес провозглашенному Советской властью праву народов на самоопределение, Ллойд Джордж выдвинул весьма удобный для угнетающих наций принцип «управления с согласия управляемых». Для Сербии и Черногории британский премьер предусматривал лишь простое восстановление их прежних территорий.

Борьба угнетенных славянских народов Австро-Венгрии за создание национальных суверенных государств полностью игнорировалась и в «14 пунктах» Вильсона. «Народам Австро-Венгрии,— гласил пункт 10,— место которых среди наций мы хотим видеть обеспеченным и гарантированным, будет предоставлена самая широкая возможность автономного развития». Выступая за сохранение Австро-Венгерской империи в целом, программа Вильсона допускала возможность лишь несущественных изменений ее территории. Так, предусматривалось полное восстановление территорий Румынии, Сербии и Черногории и предоставление Сербии «свободного и обеспеченного выхода к морю» (пункт 11). Одновременно с этим Италии было обещано «исправление» ее границ (пункт 9). Территориальные приобретения, обещанные Италии по Лондонскому договору 1915 г. и в скрытом виде подтвержденные Вильсоном, могли быть сделаны только за счет земель, населенных югославянами, и поэтому таили в себе зародыш будущих непримиримых югославо-итальянских противоречий.

Как уже отмечалось, союз болгарской монархической клики со злейшими врагами славянских народов — империалистами

Германии и Австро-Венгрии — принес болгарскому народу неисчислимы бедствия.

Стремление к миру, вдохновляющий пример Великой Октябрьской социалистической революции обусловили широкий размах антивоенного движения среди солдат болгарской армии. В августе — сентябре 1918 г. солдатские волнения охватили многие полки на фронте и в тылу. Целые роты и батальоны отказывались отправляться на позиции⁵⁵. В стране назревала революционная ситуация.

Поражения на фронтах ускорили приближение революционного взрыва. Как известно, в последних числах сентября 1918 г. в Болгарии вспыхнуло восстание, в котором приняли участие тысячи солдат. Восставшие провозгласили республику и двинулись на Софию с целью захвата власти в столице.

Правительству при поддержке находившихся на территории Болгарии немецких войск удалось подавить восстание, тысячи человек были уничтожены без суда и следствия. На ходе восстания отразилась также ошибочная позиция партии тесных социалистов, которая не поддержала солдатское выступление, так как руководили им деятели не разделявшего социалистической идеологии Болгарского земледельческого народного союза.

Хотя Владайское (солдатское) восстание потерпело поражение, оно нанесло сильный удар болгарской буржуазии и антинародной правящей клике, ускорило выход Болгарии из войны, оставило глубокий след в истории революционной борьбы трудящихся Болгарии за свои права, за социальный прогресс.

Можно без всякого преувеличения сказать, что 1918 год прошел во всех славянских странах и землях под знаком непрерывного и неуклонного нарастания революционной борьбы трудящихся масс, активизации национально-освободительного движения. Широко развернулась антивоенная борьба как на фронте, так и в тылу.

После январской забастовки 1918 г., охватившей все земли Австро-Венгрии и сопровождавшейся в ряде промышленных центров появлением Советов рабочих депутатов, крупнейшим выступлением за мир «на основе русского демократического предложения», за безусловное признание права народов на самоопределение, за демократическое переустройство государства явилось восстание 6 тыс. военных моряков в Которской бухте — главной военной гавани австро-венгерского флота 1—3 февраля 1918 г.⁵⁶

Выступления солдат и матросов имели место и в других частях австро-венгерских вооруженных сил, в том числе среди оккупационных войск в Сербии, Черногории и др.

Идеи Октября, его лозунги, убеждение в том, что и в своих странах трудящиеся массы должны поступить так, как посту-

пили рабочие и крестьяне России, несли возвращавшиеся домой бывшие военнопленные из России, репатриация которых началась вскоре после подписания Брестского мира. Являясь свидетелями, а многие из них и участниками пролетарской революции в России, они распространяли в своих странах «бациллы большевизма».

Правящие круги империи в целях предотвращения опасности социального переворота должны были пойти на уступки буржуазно-националистическим организациям угнетенных национальностей.

В то же время по мере углубления революционного и политического кризиса и приближавшегося военного краха в стране буржуазно-националистические круги Чешских земель, Хорватии и др. постепенно отходили от позиций сохранения Австро-Венгрии и стали все более активно выступать под флагом национальной независимости. При этом в условиях непрерывного нарастания массовой революционной борьбы трудящихся буржуазные политические деятели уже не могли ограничиться одними национальными лозунгами, а вынуждены были обещать проведение ряда социально-экономических реформ, отвечавших интересам рабочих и крестьян. Социальная демагогия буржуазных партий, их обещания проведения реформ способствовали распространению среди трудящихся масс иллюзий о том, что создание национальных государств, освободившихся от чужеземного гнета, приведет к осуществлению их заветных чаяний. Эти иллюзии активно поддерживало оппортунистическое руководство социал-демократических партий. Рабочий класс Чешских земель, Словакии, югославянских земель монархии Габсбургов, испытывавший все возрастающее влияние идей Октябрьской революции, пропагандистами которых зачастую выступали возвращавшиеся из России военнопленные и беженцы, являвшиеся либо участниками¹⁷, либо свидетелями борьбы за утверждение в России Советской власти, все еще не имел революционного руководства и оставался раздробленным в политическом и организационном отношениях. Все это привело к тому, что политическое руководство нараставшим демократическим движением оказалось в руках буржуазных и мелкобуржуазных кругов, сумевших направить его в русло борьбы лишь за национально-освободительные цели.

13 июля 1918 г. в Праге был создан Национальный комитет из представителей большинства чешских политических партий, открыто заявивший, что его целью является подготовка к созданию демократического, суверенного чехословацкого государства. Национальный комитет стремился, с одной стороны, не допустить революционного взрыва в стране, с другой — готовился к тому, чтобы в удобный момент с добровольного согласия австрийских властей провозгласить создание независимой Чехословакии и взять власть в свои руки.

Сильнейший удар по разваливавшейся монархии нанесла всеобщая забастовка 14 октября, охватившая все чешские районы и принявшая ярко выраженный политический характер. Во многих местах население принимало разработанную по инициативе левых социалистов резолюцию, объявлявшую Чехословакию республикой, срывало австрийские флаги, занимало административные здания и т. д.

Когда в Праге 28 октября стало известно, что австро-венгерское правительство заявило о своем согласии начать мирные переговоры на основе предложений, содержащихся в ноте Вильсона от 18 октября, в городе возобновились стихийные манифестации. В этот же день Национальный комитет опубликовал акт об отделении от Австро-Венгрии и провозглашении чехословацкого государства.

Собравшийся 30 октября в Турчанском Мартине Словацкий национальный совет принял декларацию, в которой подчеркивалось языковое и культурное родство чешского и словацкого народов, выдвигались требования на самоопределение этих народов и немедленного заключения мира «на всенародных христианских принципах»⁵⁸. В требованиях национального совета в своеобразном преломлении были выражены принципы, отражавшие влияние Октябрьской революции. В последующие дни, особенно после революций в Австрии (30 октября) и Венгрии (31 октября), старая австрийская администрация была сметена в Чешских землях и Словакии стихийным движением масс.

В созданном на развалинах империи Габсбургов чехословацком государстве власть прочно взяла в свои руки чешская буржуазия, которая сумела воспользоваться обстановкой, сложившейся в результате военного поражения монархии и развития в стране революционно-освободительного движения.

Явившись главным международно-политическим фактором, содействовавшим возникновению независимого Чехословацкого государства, Октябрьская революция послужила мощным катализатором борьбы пролетариата. Однако сила его натиска была ослаблена идейным разбродом, порожденным оппортунизмом, национальной и организационно-политической разобщенностью его рядов, замедленным темпом идейного и организационного оформления революционного направления в рабочем движении Чехословакии, тем обстоятельством, что восстановление национальной государственности объективно способствовало распространению националистических настроений в широких слоях населения, в том числе и среди пролетариата. «Национальное освобождение, — отмечал Богумир Шмераль, — использованное буржуазией, стало тормозом классовой активности нашего пролетариата...»⁵⁹

Создание Чехословацкой республики было крупным шагом вперед в борьбе чехов и словаков против остатков феодализма, за общественный прогресс. Однако освобождение от нацио-

нального гнета не привело к уничтожению гнета социального. Перед революционными силами чешского и словацкого народов в борьбе за социальный прогресс стояли трудные задачи. Ближайшей из них было создание марксистско-ленинской коммунистической партии — авангарда в борьбе за социальное освобождение, за социализм.

Под непосредственным воздействием Октябрьской революции резко усилилась борьба народных масс югославянских земель Австро-Венгрии за национальное освобождение⁶⁰. В антивоенную борьбу втягивались все более широкие массы солдат угнетенных славянских наций: до огромных масштабов дошло дезертирство из армии как в тылу, так и на фронте, голодные бунты солдат, протесты против жестокого обращения со стороны офицеров и т. д. Гражданское население оказывало поддержку дезертирам, скрывавшимся от преследований властей нередко значительными группами в лесах и горах, за что они получили прозвище «зеленый кадр». В рядах «зеленого кадра» было немало возвращенцев из Советской России.

К осени 1918 г., в условиях острейшего экономического и политического кризиса, в империи Габсбургов произошло образование независимого государства югославянских народов. Широкий размах приобрело крестьянское движение, основными лозунгами которого были требования раздела помещичьих земель, передачи земли в руки тех, кто ее обрабатывает. Отряды «зеленого кадра» нападали на помещичьи усадьбы, раздавали крестьянам скот, запасы зерна, инвентарь. В ряде городов они захватили государственные продовольственные склады, продукты из которых раздавали голодающим городским труженикам.

Используя революционный опыт Октября, трудящиеся во многих местах создавали свои органы власти, провозглашали «советские республики»⁶¹.

Размах массового революционного движения заставил хорватскую и словенскую буржуазию поспешить с решением вопроса о государственном отделении от Австро-Венгрии и объединении с Сербией и Черногорией. При этом важную роль играли расчеты на помощь сербской армии, развернувшей наступление на Салоникском фронте, и участие войск Антанты в подавлении революционного движения в Хорватии, Словении и других югославянских землях⁶².

29 октября 1918 г. созданное в начале месяца представителями буржуазных партий и групп из всех югославянских земель Австро-Венгрии Народное вече сербов, хорватов и словенцев объявило об отделении от Австро-Венгрии и образовании самостоятельного Государства словенцев, хорватов и сербов.

1 декабря 1918 г. состоялось торжественное провозглашение государства всех югославянских народов — Королевства сербов, хорватов и словенцев, объединившего Сербию и Го-

сударство СХС (несколько позже в него вошли Воеводина и Черногория).

Власть в новом государстве захватила сербская буржуазия, оказавшаяся в тот момент политически наиболее сильной, опиравшейся на армию, на поддержку правительств и войск западных стран.

В ноябре 1918 г. увенчалась успехом и борьба польского народа за национальную независимость. Однако имущим классам удалось сохранить свое господствующее положение. Новые славянские государства возникли в ходе революционного процесса, начатого Октябрьской революцией. Выдающиеся завоевания польского, югославянских, чешского и словацкого народов, которые использовали коренной перелом во всемирной истории, совершенный Великим Октябрем, и связанные с этим изменения в расстановке классовых сил во всем мире для восстановления и утверждения новых государств, в результате расстановки классовых и политических сил завершились утверждением в этих странах господства капиталистов и помещиков. В политическом отношении народные массы в Польше, Югославии, Чехословакии находились еще под влиянием буржуазных, правокрестьянских и правосоциалистических партий. Все эти партии — с теми или иными различиями — насаждали солидаристские идеи и раздували иллюзии, будто достигнутая степень решения национального вопроса является прологом к более или менее автоматическому эволюционному осуществлению надежд народных масс на резкое улучшение условий жизни, на подъем материального благосостояния, изменение условий труда и быта.

В результате утверждение независимости Польши, Югославии, Чехословакии проходило при неоспоримо доминирующем политическом влиянии буржуазных политических партий, буржуазно-националистической идеологии.

Революционный авангард пролетариата, более или менее правильно оценивавший антинародный характер утвердившейся власти в новых государствах, был организационно слаб, располагал поддержкой лишь меньшинства рабочего класса, был практически полностью изолирован не только от городских и сельских средних слоев, но и от деревенской бедноты, трудящегося крестьянства.

Предпринятая лишь в Болгарии попытка революционного свержения существовавшего режима потерпела неудачу в незначительной степени из-за отсутствия союза между рабочим классом и широкими массами крестьянства и ошибочной позиции пролетарского авангарда — партии тесных социалистов. Тесняки, хотя и были полностью солидарны с большевиками и широко пропагандировали идеи Великого Октября, не рассматривали себя, как констатировал Г. Димитров, активной силой, способной «играть руководящую роль в подготовке, организации и

развитии пролетарской революции»⁶³. Они не понимали существующих в широких массах крестьянства революционных возможностей «как в буржуазно-демократической, так и в социалистической революции»⁶⁴.

Поражение Владайского восстания завершило собой первый этап революционного кризиса 1918—1919 гг. в Болгарии⁶⁵. Тесняки, делая шаг вперед в своем идейно-политическом и организационном развитии, присоединились к учредителям Коммунистического Интернационала, хотя их представители не имели возможности участвовать в его I конгрессе в марте 1919 г. и лишь на очередном, XXII съезде своей партии, проходившем в мае того же года, преобразовали ее в Болгарскую коммунистическую партию. На XXII съезде партии тесных социалистов, явившемся I съездом БКП, была принята программная декларация, в которой указывалось, что победа социалистической революции в России «ясно указывает цели и средства международной революции пролетариата»⁶⁶.

Тогда как БКП образовалась путем преобразования уже существовавшей партии, то в других славянских странах коммунистические партии возникли несколько иным путем.

Коммунистическая рабочая партия Польши, образовавшаяся в декабре 1918 г., в отличие от всех других партий, возникших непосредственно после Октябрьской революции, оформилась на основе объединения двух революционных партий: Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, ряд лет тесно сотрудничавшей с партией большевиков, и Польской социалистической партии-левицы. В принятой объединительным съездом «Политической платформе» отмечалось, что с победой Октябрьской революции открылась эра социальной революции, началась борьба за диктатуру пролетариата, социализм и солидарность народов⁶⁷. Эта глубоко революционная и интернационалистская позиция партии только у части ее деятелей сочеталась с пониманием необходимости выработки соответствующих опыту международного революционного движения стратегии и тактики⁶⁸.

Более сложным, чем в Болгарии и Польше, был процесс образования коммунистической партии в многонациональной, накопившей в различных частях страны революционный опыт Югославии. В «Платформе объединения», принятой в апреле 1919 г. на съезде, положившем начало Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов), указывалось на необходимость борьбы за диктатуру пролетариата в целях построения коммунистического общества⁶⁹.

Весьма продолжительная борьба левых социал-демократических и социалистических революционных групп и течений в Чехословакии за создание коммунистической партии завершилась после крупнейшего революционного выступления той поры — всеобщей стачки в декабре 1920 г. на Учредительном съезде

КПЧ в мае 1921 г. На состоявшемся в октябре — ноябре 1921 г. Объединительном съезде в единой партии объединились все национальные коммунистические организации страны⁷⁰.

Таким образом, если в Болгарии преобразование партии тесняков в БКП произошло довольно скоро после кульминационного момента революционного кризиса 1918—1919 гг.—Владайского вооружения, то в новых славянских государствах коммунистические партии сложились уже после того, как эти государства стали независимыми и в них укрепился поддерживаемый правыми социалистами капиталистический строй.

К тому же все молодые коммунистические партии, активно поддерживая дело Октябрьской революции, политику партии большевиков, будучи бесспорно солидарны с политическими целями, стратегией и тактикой Коммунистического Интернационала, в то же время еще не были партиями подлинно нового типа, должны были пройти известный путь для того, чтобы усвоить марксистско-ленинское учение и научиться применять его в своей революционной практике. Огромную помощь всем молодым партиям оказывал В. И. Ленин⁷¹. Требовались опыт и время для овладения сложным искусством руководства революционной борьбой пролетариата и обеспечения его союза с трудящимся крестьянством и всеми демократическими и прогрессивными силами. Именно на этот путь, путь нелегкий и непростой, становились эти новосозданные коммунистические партии. Самое их образование открывало новую эпоху в истории рабочего движения славянских стран.

Тесная, прямая, причинная связь, существующая между победой Великой Октябрьской социалистической революции и образованием независимых Польши, Чехословакии, Югославии, нашла свое непосредственное продолжение в образовании в Польше, Болгарии, Югославии, Чехословакии коммунистических партий, ставших во главе борьбы своих народов за социальный прогресс, за мир, за полное решение национального вопроса, за коренные демократические преобразования, за социализм.

Борьба народов славянских стран за решение всех стоящих перед ними насущных задач оказалась тем более трудной и сложной, что господствующие классы этих стран во все межвоенное двадцатилетие неизменно проводили реакционную антидемократическую, антикоммунистическую, антисоветскую политику. Находившаяся в коренном противоречии с основными национальными интересами народов, эта политика не только препятствовала социальному, политическому, культурному прогрессу, но в условиях агрессии германского империализма, длительное время поощряемой и поддерживаемой державами Запада, привела к потере независимости тех славянских стран и народов, которые обрели ее после Октябрьской революции,

а также к превращению Болгарии в зависимую от гитлеровской Германии страну.

Гитлеровские захватчики оккупировали и расчленили Чехословакию, сокрушили Польшу и развернули действия, направленные к полному уничтожению польского народа, поработили и раздробили Югославию, осуществляли колониальный грабёж Болгарии. Буржуазия и помещики, ранее господствовавшие в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы, оказались не только не способными к организации сопротивления захватчикам, но в части своей стали их прямыми прислужниками или заняли преступную, антинациональную позицию выжидания, надеясь, что гитлеровская Германия потерпит поражение в начавшейся в 1939 г. второй мировой войне. Они тормозили национально-освободительную борьбу народов, оказавшихся под гитлеровским игом.

Только авангард рабочего класса — возникшие в ходе начатого Октябрьской революцией мирового революционного процесса коммунистические и рабочие партии — неизменно стоял на позициях действенной защиты национальной независимости своих стран и народов, непримиримой борьбы против гитлеровских оккупантов, их ставленников и союзников. Под руководством марксистско-ленинских партий рабочий класс славянских стран поднялся до роли подлинного выразителя общенациональных интересов и центра сплочения всех действительно патриотических, национальных, демократических сил. Эта роль рабочего класса и его революционных партий особенно возросла после начала Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии. Советский Союз, вынесший на себе основную тяжесть войны с гитлеровской Германией, неизменно способствовал освобождению угнетенных ею народов и выступал как классовый союзник трудящихся, поднявшихся на борьбу против фашизма.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне создала благоприятные возможности для восстановления независимости Югославии, Польши, Болгарии, Чехословакии. Благодаря руководящей роли в сложившихся национальных, отечественных, демократических фронтах рабочего класса и его марксистско-ленинских партий в этих странах, равно как и в ряде других стран, борьба за национальное освобождение оказалась неотделимой от борьбы за социальное освобождение от господства эксплуататорских классов.

Дело Великого Октября нашло свое закономерное продолжение в победе народно-демократических, социалистических революций в славянских и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Возвещенные ленинским Декретом о мире принципы международных отношений нового типа восторжествовали с образованием мировой системы социализма, к которой принадлежат все славянские и ряд других государств. Новая

Конституция СССР — конституция развитого социалистического общества,— продолжая идеи и дела Великой Октябрьской социалистической революции, зафиксировала в статье 30-й положение, что Советский Союз как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества «развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе социалистического интернационализма, активно участвует в экономической интеграции и в международном социалистическом разделении труда».

В союзе, дружбе, взаимопомощи славянских стран и многонационального Советского Союза — залог их последующего социально-экономического, политического, культурного и научного прогресса, направленного на благо их народов, на упрочение мира во всем мире.

- ¹ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М., 1977, с. 3.
- ² Там же.
- ³ *Petrović N.* Nacionalno pitanje i slovo Austro-Ugarske monarhije.— *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1966, br. 1-2, s. 54—55, 62.
- ⁴ *Petrović N.* Nacionalno pitanje..., s. 57—58.
- ⁵ *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968, с. 195—198.
- ⁶ *Čulinović F.* Odjeci Oktobra u jugoslavenskim krajevima. Zagreb, 1975, s. 75.
- ⁷ Икономиката на България до социалистическата революция, т. 1. София, 1969, с. 429—433.
- ⁸ *Prince Sixte de Bourbon.* L'offre de paix séparée de l'Autriche. Paris, 1920; *Benedikt H.* Die Friedensaktion der Meinlgruppe. 1916—1918. Graz, 1962.
- ⁹ О планах Германии и Австро-Венгрии в отношении Сербии и Черногории см.: *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне, с. 176—182; *Он же.* Образование югославского государства. М., 1975, с. 153 и след.
- ¹⁰ *Яблонский Г.* Великий Октябрь и независимость Польши. М., 1967, с. 16—17.
- ¹¹ *Grosfeld Leon.* Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914—1918. Warszawa, 1962, s. 156—187.
- ¹² *La question polonaise pendant la guerre mondiale.* Paris, 1920, p. 6—7.
- ¹³ Там же, с. 18, 82—83 и др.
- ¹⁴ Там же, с. 42; см. также: Русско-польские отношения в период мировой войны. М.—Л., 1925.
- ¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 241.
- ¹⁶ *Шмераль Я. Б.* Образование Чехословацкой республики в 1918 году. М., 1967, с. 60—65.
- ¹⁷ Там же; *Клеванский А. X.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965, с. 10—14, 27.
- ¹⁸ *Štregar V.* Socijaldemokratija o stvaranju Jugoslavije. Beograd, 1965, s. 44.
- ¹⁹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг., сер. III. 1914—1917 гг., т. VII, ч. 2. М.—Л., 1935, № 720.
- ²⁰ *Šepić D.* Jugoslovensko pitanje u politici saveznika 1914—1918.— In: *Politički život Jugoslavije. 1914—1945.* Beograd, 1973, s. 179—199.
- ²¹ По настоянию итальянского министра иностранных дел имевшееся в англо-французском проекте ноты слово «югославян» было заменено более общим и неопределенным выражением «славяне» (*Gradja o stvaranju jugoslovenske države* (1.1—20.XII 1918). *Priredili D. Janković, B. Krizman.* Beograd, 1964, s. 14.

- ²² Там же.
- ²³⁻²⁴ Манусевич А. Я. Октябрьская революция и независимость Польши, Чехословакии и Югославии.— В кн.: Исторические связи славянских народов. Доклады к V Международному конгрессу славистов. М., 1964, с. 62.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 52.
- ²⁶ Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты..., с. 71.
- ²⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 1. М., 1963, с. 26 и 37—38.
- ²⁸ Яблоньский Г. Великий Октябрь и независимость Польши, с. 44—50.
- ²⁹ Janović D. Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917 godine. Beograd, 1967. Об острых противоречиях между сторонниками «Великой Сербии» и «Югославии» среди югославянских добровольцев в России см.: Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917—1921. М., 1977, с. 21 и след.
- ³⁰ Кицова К. Э. Русская революция и Италия. М., 1968, с. 176—177.
- ³¹ Иенатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 334.
- ³² Архив полковника Хауза, т. III. М., 1939, с. 236.
- ³³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 1, с. 26.
- ³⁴ См.: Гамрецкий Ю. Советы Украины — защитники интересов военнопленных.— В кн.: Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции, М., 1967, с. 119—130.
- ³⁵ Подробно об этом см.: Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября..., с. 27—51.
- ³⁶ См.: Яблоньский Г. Великий Октябрь и независимость Польши, с. 67.
- ³⁷ История Чехословакии, т. II. М., 1959, с. 258—263.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 385.
- ³⁹ Писарев Ю. А. Образование югославского государства, с. 189.
- ⁴⁰ Бирман М. А. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1958, с. 40—49.
- ⁴¹ Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1959, с. 11—12.
- ⁴² Документы внешней политики СССР, т. I, с. 12.
- ⁴³ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 421.
- ⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 239.
- ⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 315.
- ⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 6.
- ⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 8.
- ⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 105.
- ⁴⁹ Документы внешней политики СССР, т. I, с. 14.
- ⁵⁰ Там же, с. 15.
- ⁵¹ См.: Манусевич А. Я. Борьба Советского правительства за выход из мировой войны и польские интернационалисты в России (январь — март 1918 г.).— Уч. зап. Ин-та славяновед. 1962, т. XXX, с. 11—59.
- ⁵² Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 1, с. 418—419.
- ⁵³ «Мы полагаем,— говорил Ллойд Джордж,— что независимая Польша, включившая все исконные польские элементы, которые пожелают войти в ее состав, является насущной необходимостью для прочного существования Восточной Европы» (Papers Relating to The Foreign Relations of the United States. 1918. Suppl. I, vol. 1. Washington, p. 45). 13-й пункт программы Вильсона гласил: «Следует создать независимое польское государство, которое должно охватить территорию с неоспоримо польским населением, обладать гарантированным и безопасным доступом к морю, а его политическая и экономическая независимость, так же как и территориальная целостность, должна гарантироваться международным соглашением» (там же, с. 9—13).
- ⁵⁴ «С сегодняшнего дня я становлюсь на протемецкую позицию»,— заявил Ллойд Джордж Черчиллю в день подписания перемирия в 1918 г. Черчилль же пошел еще дальше. «С момента заключения перемирия,— писал он в 1920 г.,— девизом моей политики стало: мир с немецким народом, война

- с большевистской тиранией» (цит. по: Яблоньский Г. Великий Октябрь и независимость Польши, с. 125).
- ⁵⁵ Ленин и исторические судьбы болгарского народа. София — Москва, 1970, с. 109.
- ⁵⁶ Frei B. Die roten Matrosen von Kattaro. Wien, 1927; Čulinović F. Odjeci Oktobra u jugoslavenskim krajevima; Stulli B. Ustanak mornara u Boki Kotorskoj 1—3 februara 1918. Split, 1959.
- ⁵⁷ См.: Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967; Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке Республики. М., 1971; Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. М., 1976; и др.
- ⁵⁸ См.: Марьина В. Революционное движение в Словакии в 1918—1919 гг.— В кн.: Октябрьская революция и зарубежные славянские народы. М., 1957, с. 242.
- ⁵⁹ Protokoly sjezdu KSC, sv. 1. Praha, 1958, s. 109.
- ⁶⁰ «Многие факты свидетельствуют о том, что помимо других факторов, значения которых не следует преуменьшать, особенно развития военных операций,— писал видный югославский ученый Чулинович,— именно под влиянием Октябрьской революции и провозглашенного Советским правительством права наций на самоопределение с осени 1917 г. усилилось национальное движение в югославянских землях» (Čulinović F. Odjeci Oktobra u jugoslavenskim krajevima, s. 79).
- ⁶¹ В начале ноября 1918 г. жители банатских сел Кусич и Златица избрали новую общинную управу и провозгласили ее «советской республикой». Власть разогнали новую управу, ее руководители были арестованы (Čulinović F. Jugoslavija između dva rata, knj. 1. Zagreb, 1961, s. 127).
- ⁶² На заседаниях Народного веча СХС 27 и 28 октября 1918 г. многие депутаты с тревогой говорили о «большевизме и анархии», получивших широкое распространение (Čulinović F. Jugoslavija između dva rata, knj. 1, s. 67, 102, 103).
- ⁶³ Димитров Г. Избранные произведения, т. III. М., 1957, с. 580.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ См.: Бирман М. А. Революционная ситуация в Болгарии..., с. 113—149; Христов Х. Войнишкото въстание 1918. София, 1961.
- ⁶⁶ БКП в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК, т. 2. София, 1951, с. 5.
- ⁶⁷ KPP. Uchwały i rezolucje, t. 1. Warszawa, 1953, s. 37—39.
- ⁶⁸ См.: Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971, с. 457—466; Swietlikova F. Komunistyczna Partia Robotnicza Polski. Warszawa, 1968.
- ⁶⁹ Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. 2. Београд, 1950, с. 12.
- ⁷⁰ В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973, с. 173.
- ⁷¹ См.: В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ СССР

К началу XX в. славянские народы (наиболее значительными среди них были русские — более 65 млн., украинцы — около 31 млн., поляки — более 19 млн. и белорусы — около 7 млн.), жившие на территории Российской империи, были уже широко вовлечены в орбиту капиталистического хозяйства. Наиболее развитыми в промышленном отношении были районы Украины, центральной части России, Польши, где сложились крупные промышленные центры, сформировались отряды промышленного пролетариата, своя национальная буржуазия. Менее продвинулась на пути капиталистического развития Белоруссия. Тяжелой промышленности здесь не было. Развивались главным образом легкая и пищевая, работавшие на местном сырье.

В национальных районах государства социальный гнет, обусловленный делением общества на антагонистические классы, сочетался с национальным. Царизм проводил по отношению ко всем нерусским народам, в том числе и к украинцам и белорусам, великодержавную шовинистическую политику.

Эта политика правящих кругов России шла вразрез с интересами русского народа.

В. И. Ленин в своих работах неоднократно подчеркивал, что политика российского правительства вся пропитана духом национализма, стремлением обособить народы, хотя против трудящихся всех наций представители имущих классов тех же наций выступают сообща. «Посмотрите на капиталистов,— писал В. И. Ленин в 1913 г.,— они стараются разжечь национальную вражду в „простом народе“, а сами отлично обделяют свои делишки: в одном и том же акционерном обществе — и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и немцы. Против рабочих объединены капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой!»¹ Последовательно разоблачая черносотенный шовинизм самодержавия, национализм буржуазных партий, В. И. Ленин связывал освобождение народов от социального и национального гнета с их верностью принципам пролетарского интернационализма, сплочением трудовых масс разных национальностей вокруг рабочего класса. Пролетариат — вот та социальная сила, которая могла обеспечить решение в многонациональной стране

национального вопроса. «На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг — всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов»².

Именно потому, что интересы трудящихся масс всех народов совпадали, революционное движение, начатое русским рабочим классом, нашло повсеместную поддержку и распространилось на национальные районы.

Уже через несколько дней после победы Октябрьского вооруженного восстания Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным обратился ко всем народам бывшей царской России с декларацией, в которой объявил, что в основу своей деятельности по национальному вопросу он положил следующие начала: равенство и суверенитет народов, их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена всяких национальных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств³.

Народы, в том числе славянские, обрели национальную государственность, гарантировавшую их суверенное развитие.

Насущными задачами Советской власти в области международных отношений явились ликвидация различий в уровнях экономического, культурного, социального развития народов, создание равных, благоприятных условий для развития наций и народностей.

Вставшие перед славянскими, как и другими народами, эти сложные задачи можно было успешно решить лишь при тесном сотрудничестве всех народов и народностей.

Уже в период интервенции и гражданской войны закладываются основы их союза, сначала военного, а затем политического и хозяйственного. Единство действий обуславливалось договорами, которые республики заключили между собой. Однако жизнь показала недостаточность договорных отношений, и в декабре 1922 г. VII съезд Советов Украинской ССР обратился к остальным республикам с призывом объединиться в единое государство. Предложение подверглось совместному обсуждению и 30 декабря 1922 г. был создан Союз ССР, в который вошли Российская, Украинская, Белорусская советские социалистические республики и Закавказская Федерация.

Новое государство представляло собой федерацию, основанную на принципах добровольности, равенства и суверенитета. Наряду с общесоюзными органами власти и законодательством, республики имели свои, сохраняя право свободного выхода из Союза. Необходимость объединения была обусловлена общими задачами по восстановлению народного хозяйства и строительству нового общества, единством интересов в деле укрепления обороноспособности страны, проведения внешней политики.

С образованием советских социалистических республик Белоруссии, России и Украины начался процесс формирования у трех восточнославянских народов социалистических наций.

Одним из важнейших условий складывания нации, как социалистической, так и буржуазной, является общность территории. Существовавшее до революции административно-территориальное деление не учитывало интересы нерусских народов. Белорусская, Российская и Украинская республики образовались на основе национально-территориального признака. В дальнейшем их границы уточнялись с тем, чтобы создать максимально благоприятные условия для развития и прогресса каждого народа. В исторических судьбах восточнославянских народов в этот период, пожалуй, важнейшее место занимает укрупнение Советской Белоруссии.

В результате укрупнений в 1924 и 1926 г. территория Советской Белоруссии увеличилась более чем вдвое, а численность населения — почти втрое, 80% более чем пятимиллионного населения республики составляли белорусы, 8 — русские, 8 — евреи, 2% — поляки⁴.

Если к 1917 г. русская и украинская буржуазные нации уже в основном сформировались, то в Белоруссии этот процесс находился еще в развитии. По существу, белорусский народ окончательно оформился в нацию лишь в годы Советской власти, и поэтому особенно важно было обеспечить для этого процесса оптимальные условия.

Социалистические нации сложились у восточнославянских народов к концу 30-х годов, когда в стране были построены основы социализма. Процесс национальной консолидации украинского и белорусского народов полностью завершился в 1939 г.; в октябре 1939 г. народные собрания освобожденных Западной Украины и Западной Белоруссии приняли решение о национализации банков, крупной промышленности, конфискации помещичьих земель и вхождении в состав Союза ССР. Воссоединение имело большое прогрессивное значение для дальнейшего экономического, культурного и национального прогресса украинского и белорусского народов⁵.

Развитие любой нации всегда опирается на экономику, которая, как известно, представляет собой фундамент жизнедеятельности общества. Гражданская война и интервенция нанесли хозяйству огромный урон. Промышленное производство к 1920 г. сократилось по сравнению с 1913 г. (годом наивысшего развития хозяйства царской России) в 7 раз; чугуна в 1920 г. было выплавлено почти в 22 раза меньше, чем в 1901 г. На Украине промышленное производство снизилось еще больше, чем в целом по стране: к концу гражданской войны промышленная продукция Украинской республики составляла около 10% довоенного уровня; донецкие шахты давали менее 18% добычи угля от уровня 1913 г.; по существу прекратилась добыча железной

руды. Из 715 предприятий восточных районов Белоруссии к 1921 г. не работало 480⁶.

После восстановления хозяйства единственным путем, обеспечивавшим прогресс республик, а следовательно и наций, являлась социалистическая индустриализация с опорой на внутренние резервы. Благодаря концентрации усилий и ресурсов советских республик, их взаимопомощи, восстановление и развитие хозяйства двинулись вперед быстрыми темпами. За пятьдесят лет существования СССР, с 1922 по 1972 г., общий объем промышленной продукции вырос в 321 раз, в том числе по группе А — в 822 раза. По отдельным республикам положительные результаты установления социалистической системы хозяйства выявились довольно скоро. На Украине восстанавливались старые и возникли новые отрасли промышленности: химическая, энергетическая, приборостроительная и др. К 1940 г. объем промышленной продукции превысил уровень 1913 г. в 7 раз, в том числе машиностроение выросло в 29 раз, металлообработка — в 34 раза, химическое машиностроение — в 50 раз. Одна Украина стала давать продукции в два раза больше, чем вся Российская империя накануне первой мировой войны. Еще большие сдвиги произошли в экономике Белоруссии. За годы Советской власти Белоруссия превратилась в индустриально развитую социалистическую республику. По БССР, включая и западные области, выпуск продукции крупной промышленности с 1913 по 1940 г. возрос в 14 раз. Здесь также возникли новые отрасли промышленности: энергетическая, станкостроительная, сельхозмашиностроение, турбостроение и др. В промышленном производстве страны удельный вес Белорусской ССР, учитываемый даже общий рост экономики по Союзу, увеличился с 0,88% в 1913 г. почти до 2% в 1940 г.

В ходе второй мировой войны УССР, БССР и РСФСР понесли огромный ущерб; на территории Украины, Белоруссии и западной части РСФСР проходили военные действия. В результате материальные потери Украины составили 285 млрд. руб., России — 255 млрд. и Белоруссии — 75 млрд. руб. (в ценах 1941 г.)⁷. Тем не менее республики, опираясь на взаимопомощь всех советских народов, уже к началу 50-х годов в целом восстановили свое хозяйство, а в 1951—1971 гг. среднегодовые темпы прироста национального дохода в среднем по стране составили 8,5%; продукция промышленности увеличивалась на 10%, а сельского хозяйства — на 4% ежегодно⁸.

Конечно, средние показатели не могут отразить всю сложность того или иного процесса, характерные его черты в конкретных условиях различных республик. Одной из особенностей Советского Союза являлась неодинаковая степень развития вошедших в него республик в экономическом, социальном, культурном отношении, особенно заметная в первый период существования СССР. Характерной чертой развития Белоруссии в

составе Союза ССР были ускоренные по сравнению со средними общесоюзными показателями темпы подъема хозяйства республики. Это было проявлением ленинской национальной политики, направленной на выравнивание уровней развития республик путем подтягивания бывших отсталых национальных окраин до уровня экономически высокоразвитых районов. В частности, к 1940 г. валовая продукция крупной промышленности по сравнению с 1917 г. увеличилась в среднем по стране в 11,7 раза, в то время как по Белоруссии — в 23 раза. На Украине, бывшей до 1917 г. гораздо более высокоразвитым районом, чем большинство других, объем промышленной продукции вырос в 10 раз.

К концу 30-х годов различия в уровнях развития республик уже не были столь резкими, как в начале социалистического строительства. Однако они сохранялись и в послевоенные годы, хотя пропорции в темпах развития республик значительно сблизились. Так, в 1971 г. рост общего объема промышленной продукции по сравнению с 1940 г. составил в целом по СССР 1282%, в том числе по Белорусской ССР — 1398, по РСФСР — 1145 и по Украинской ССР — 891%. Национальный доход, увеличившийся с 1960 по 1971 г. в целом по СССР на 110%, по Белоруссии, России и Украине увеличился соответственно на 138, 108 и 106%⁹. Общий объем капиталовложений с 1940 по 1975 г. вырос по СССР в 17,7 раза, по БССР — в 20 раз, по УССР — в 19 раз и по РСФСР — в 11,5 раза¹⁰. Все это свидетельствует о продолжении в послевоенный период политики выравнивания. В результате соотношение между максимальным и минимальным уровнями развития производительных сил, выраженное через производство национального дохода на одного трудоспособного по всем республикам, составлявшее в 1962 г. 4 : 1, в 1968 г. выражалось уже как 1,8 : 1¹¹.

Изменения в экономике республик шли одновременно с изменением их социально-классовой структуры. Социалистическая революция, сопровождавшаяся национализацией земли, крупных промышленных предприятий, внешней торговли и рядом других мероприятий, уничтожила помещиков как класс и подорвала корни существования крупной буржуазии, однако мелкая буржуазия города и деревни продолжала существовать, представляя собой противовес социалистическому укладу¹². Еще в 1928 г. в целом по СССР буржуазия, торговцы, кулаки составляли 4,6% (в 1924 г. — 8,5%), а крестьяне-единоличники и некооперированные кустари, служившие питательной средой для капиталистического уклада, — 74,9% (в 1924 г. — 75,4%) от общего числа населения страны. В результате строительства социалистической индустрии и социалистического сельского хозяйства к концу 30-х годов буржуазные элементы были окончательно вытеснены из экономики, а крестьяне-единоличники и некооперированные кустари к 1939 г. вместе составляли всего

2,6% населения, полностью они исчезли уже в послевоенное время.

Одним из важнейших сдвигов, вызванных социалистическим строительством, явилось изменение соотношения городского и сельского населения. До революции по всей территории империи основная масса населения была занята в сельском хозяйстве, и изменение такого положения было очень медленным, несмотря на бурное развитие капитализма, особенно в начале XX в., когда уже оформился российский империализм. Так, в 1897 г. городское население в целом по стране составляло 15%, а в 1913 г.— 18% населения (сельское — соответственно 85 и 82%). В том же 1913 г. процентное соотношение городского и сельского населения составляло по собственно России 17:83, по Украине — 19:81 и по Белоруссии — 14:86 в пользу сельского. К 60-м годам городское население в РСФСР и УССР соответственно превысило сельское, составив на 1965 г. соотношение соответственно 59:41 и 51:49¹³. В Белоруссии городское население также выросло, достигнув 39%, однако по уровню урбанизации республика отставала от России и Украины. Этому было несколько причин. Прежде всего, до революции Белоруссия была аграрным краем с относительно небольшим количеством городов, здесь отсутствовала промышленная база для их развития. Далее, в годы Великой Отечественной войны города Белоруссии подверглись особенно большому разрушению.

Достаточно отметить, что еще к 1965 г. БССР была единственной республикой Союза, в которой количество населения не достигло уровня довоенного 1940 г. Развитие народного хозяйства республики в послевоенный период характеризовалось не только восстановлением старых, но и (главным образом) созданием новых отраслей: автомобильной, тракторной, дорожных машин, строительных механизмов и др.; многие предприятия имели всесоюзное значение, давали продукцию на экспорт. В республике началась промышленная разработка нефти, калийных солей и других полезных ископаемых. Благодаря помощи других республик промышленность Белоруссии была восстановлена на более высоком, чем до войны, техническом уровне, оснащена современной техникой, в нее успешно внедрялась новая технология. Прямым следствием этого процесса явился рост урбанизации, связанный с ростом старых и возникновением новых городов как крупных промышленных центров.

К 1975 г. в Белоруссии, как и в других республиках с компактным проживанием славянского населения, численность городских жителей стала больше сельских (50,5%).

Определяющее воздействие на социальную структуру советского народа оказывает рабочий класс, являющийся его ведущей силой как вследствие своей авангардной роли в общественном развитии, так и по причине своего большого удельного веса в массе всего населения. Рабочие составляют ныне более

60% всего занятого в общественном производстве населения СССР, причем абсолютный рост численности рабочего класса очень высок. Особенно выделяется в этом отношении этап развитого социализма. За 1940—1958 гг. ряды рабочего класса выросли на 18,1 млн. человек, а за 1959—1974 гг. — на 31 млн.¹⁴ В период с 1959 по 1970 г. удельный вес рабочего класса в составе занятого населения вырос примерно в 1,2 раза по Союзу; при этом по Российской Федерации он увеличился в 1,1 раза, по Украине — в 1,3 раза и по Белоруссии — в 1,6 раза. Коэффициент вариации, фиксирующий по трем рассматриваемым республикам отклонение от средних общесоюзных показателей удельного веса рабочего класса, составлявший в 1959 г. примерно 42%, к 1970 г. снизился до 17%¹⁵. Это показывает, что темпы роста рабочего класса в республиках еще несколько различны, однако к настоящему времени относительные показатели в этой области настолько сблизились, что позволяют рассматривать социально-классовую структуру данных республик как тужеждественную¹⁶.

Вообще с построением социализма в СССР и переходом к строительству коммунизма социальная структура советского общества значительно изменилась. В восьмой пятилетке из нее исчезла последняя группа людей, не вовлеченных в социалистическое производство: крестьяне-единоличники, некооперированные кустари. Советский народ как социально-классовая общность стал еще более сплоченным. Этому способствовала также передача в 1956—1960 гг. в систему государственных предприятий всех артелей промкооперации, базировавшихся на групповой собственности, в результате чего произошли увеличение численности (более чем на миллион) и дальнейшая консолидация рабочего класса — ведущей социальной силы советского народа. Все без исключения городское население оказалось связанным с единой общенародной собственностью на средства производства. В настоящее время советское общество состоит из ассоциированных социалистических рабочих и служащих — 82,9% (из них рабочих — 60,9%) и колхозного крестьянства — 17,1%¹⁷.

Социалистическая революция, совершенная под знаменем интернационализма, открыла широкие возможности для расцвета наций. Важное место занимало здесь возрождение национальной культуры в самом широком смысле. Советской власти нужно было преодолеть элементы национальной недоверия, порожденные веками насилия. И она не только объявила принцип свободного развития наций, но и осуществляла его на деле.

Важнейшим мероприятием в этой области явилась коренизация всей государственной и общественной жизни республик, создание благоприятных условий для развития в них национальных культур. Этот процесс, начавший интенсивно разви-

ваться с 20-х годов (после упрочения Советской власти), получил в практической жизни характерное название «украинизации» и «белорусизации»¹⁸. Делопроизводство в республиках (государственные, общественные организации) стало переводиться на коренной язык. Установились тесные взаимоотношения между народными комиссариатами просвещения республик. В июне 1920 г. была образована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧКликбез), которая установила связь с национальными районами, оказывая им помощь в организации и укреплении материально-технической базы обучения. В 1921 г. в Белоруссию было отправлено 60 тыс. букварей, 495 пудов бумаги для нужд Комиссии по ликвидации безграмотности. В 1922 г. ВЧКликбез послала на Украину 105,6 тыс. экз: учебной и методической литературы. Республики оказывали друг другу помощь в подготовке преподавательских кадров, осуществляли обмен опытными педагогами. В мае 1921 г. Совнарком РСФСР принял декрет «О возвращении к работе по своей специальности работников просвещения и социалистической культуры»¹⁹, в соответствии с которым деятелям науки и культуры национальных республик, пожелавшим выехать из РСФСР в свои республики, оказывалось всемерное содействие, в том числе выделялись специальные вагоны для переезда их семей, что в условиях разрухи на транспорте было очень важным и сложным мероприятием.

В результате предпринятых усилий во второй пятилетке (1933—1937 гг.) ликвидация неграмотности и малограмотности среди населения страны была в основном завершена.

Развитие экономики республик, национальной культуры сразу сказалось на социальной структуре ранее угнетавшихся народов. Лишь с 1926 по 1932 г. численность рабочих-украинцев возросла на 61,3%, белорусов — на 113,3%. К концу второй пятилетки в составе рабочего класса Украины было около 60% украинцев, в Белоруссии — 63,5% белорусов²⁰.

В ходе социалистического строительства в республиках была создана национальная интеллигенция, получила развитие наука. В 1919 г. была основана Академия наук УССР — центр научной мысли в республике. В Белоруссии до революции не было ни одного вуза, но уже в 1921 г. в Минске открылся Белорусский государственный университет. В 1921/1922 учебном году из РСФСР в его адрес было послано 5 тыс. книг, а также 14 микроскопов и другое оборудование. Значительную помощь оказала Украина. Профессорско-преподавательский состав в основном также прибыл из этих республик. В 1928 г. была открыта АН БССР. В 1940 г. численность научных работников по РСФСР достигла 62 тыс. человек, по Украине — 19,3 тыс. и по Белоруссии — 2,2 тыс. человек. С 1940 по 1975 г. она возросла по данным республикам соответственно в 13,5; 9 и

14 раз. Количество студентов высших учебных заведений увеличилось за тот же период примерно в 5,9; 4,2 и 6,5 раза²¹. В настоящее время по уровню образованности населения и по количеству научных работников на 10 тыс. человек населения РСФСР, УССР и БССР находятся среди ведущих государств мира.

В процессе строительства и упрочения социалистического общества на базе совершенствования социалистической системы хозяйства наблюдается интенсивный процесс сближения города и деревни, умственного и физического труда, охватывающий все республики СССР.

Советская власть дала возможность развивать прогрессивные тенденции в национальной жизни, которые ведут не к отчуждению, а к сближению и сплочению народов. Благодаря этому национальная по форме, социалистическая по содержанию культура народов СССР все более приобретает интернациональные черты. Имеющиеся в настоящее время средства массовой коммуникации способствуют развитию процессов культурного сотрудничества и тем самым делают процесс взаимовлияния культур более интенсивным.

Национальное и интернациональное в процессе развития социалистических наций не вступают в противоречие друг с другом; их взаимодействие — это взаимоотношения общего и особенного. Всем народам СССР гарантируется свобода развития всех сфер их жизни, в том числе национальной культуры, национального языка.

В Конституции СССР законодательно закреплены принципы интернационализма во всех сферах жизни советских народов, гарантируются их суверенные права. В ст. 36 отмечается, что «граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права. Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР», при этом «равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни» (ст. 34). Ряд статей Основного Закона говорят специально о правах языков народов СССР. Так, законы СССР, постановления и иные акты Верховного Совета СССР публикуются на языках союзных республик (ст. 116), судопроизводство ведется на языке «союзной или автономной республики, автономной области, автономного округа или на языке большинства населения данной местности. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право полного ознакомления с материалами дела, участие в судебных действиях через переводчика и право выступать в суде на родном языке» (ст. 159)²².

В нашей многонациональной стране и белорусский и украинский, как и другие языки народов СССР, призваны к государственной, политической, научной и культурной жизни. Начало этому, как и многим другим прогрессивным социально-этническим процессам, положила социалистическая революция. До 1917 г. печатной литературы на белорусском языке практически не было. Но уже 1 марта 1918 г., в условиях острого дефицита бумаги, в Петрограде вышел первый номер белорусской газеты «Дзянніца»; с июля начал издаваться журнал «Чырвоны шлях», а с 1920 г. в Минске газета «Савецкая Беларусь». В 1975 г. в БССР выходило 179 газет (из них 129 на белорусском языке); в УССР — 2029 (в том числе 1573 на украинском языке); в Российской Федерации выходило 4226 названий газет (из них на русском языке — 3922). Количество книг, издаваемых на белорусском, украинском и русском языках, с 1940 по 1975 г. возросло соответственно с 383 (общий тираж 7,8 млн.) до 475 (11 млн.), с 2013 (41,3 млн.) до 2477 (104,7 млн.) и с 34 404 (345,7 млн.) до 60 259 (1377,6 млн.)²³. Все это говорит о том, что в Советском Союзе созданы все условия для свободного развития национальных культур и национальных языков.

Следствием и одновременно одной из предпосылок сближения социалистических наций — процесса, который в условиях социализма идет все быстрее, — является развитие у советских людей дву- и даже многоязычия. Конечно, равенство наций означает и равенство языков, однако «потребности экономического оборота, писал В. И. Ленин еще в 1913 г., всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства»²⁴. Все нации и народности СССР в процессе формирования новой исторической общности людей — советского народа — добровольно избрали русский язык в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества, языка, посредством которого представители нерусских наций и народностей могут получить отечественную и зарубежную научно-техническую информацию, приобщиться к сокровищам мировой культуры и культуры народов СССР.

В регионах, где живут представители народов, между которыми издавна существуют хозяйственные и культурные связи, многие владеют кроме русского и другими часто употребляемыми здесь языками.

Языки восточнославянских народов СССР настолько близки друг другу, что это дает возможность свободного взаимного общения русских, украинцев и белоруссов. Более или менее длительное общение с представителями родственной нации и тем более проживание в ее среде приводят к быстрому усвоению ее языка. Так, по данным переписи 1970 г. 14,2% украинцев и 19,0% белорусов считали русский язык своим родным языком, а кроме того, соответственно 36,3 и 49,0% из общего числа лиц

данных национальностей назвали русский язык в качестве второго языка, которым свободно владели.

Все республики СССР многонациональны. В любой из них проживают представители многих народов. Их связывают узы дружбы и сотрудничества. По данным той же переписи, в 1970 г. в РСФСР нерусское население составляло 17,2%, на Украине неукраинцев было 25,1%, в Белоруссии небелорусов — 19%. Эти группы населения могут обучать своих детей по выбору на языке других народов, которые более или менее компактными группами проживают на территории данной республики. На Украине, например, в $\frac{3}{4}$ школ преподавание ведется на украинском языке. Для неукраинцев, в уважение их национальных прав, открыты школы с преподаванием на русском, молдавском, венгерском, польском и других языках, так же как в России, Казахстане и других республиках существуют украинские школы.

Итак, мы видим, что социально-этнические процессы у славянских народов СССР развиваются на основе ленинских принципов интернационализма, позволяющих всем нациям и народностям в равной степени реализовывать преимущества социализма во всех областях их национальной жизни.

Эти принципы, всегда составляющие программные установки коммунистической партии по национальному вопросу, находят практическое воплощение в деятельности советского социалистического многонационального государства с самого начала его существования. В Конституции СССР, принятой в 1924 г., среди объективных обстоятельств, вызвавших необходимость создания союза республик, было и то, что «...само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью... в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные преуспевания, и свободу национального развития народов»²⁵. Эти идеи были сохранены и развиты в Конституции 1936 г. и ныне действующей Конституции СССР, принятой в 1977 г. Согласно ст. 70 Основного Закона Советский Союз — это «единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных советских социалистических республик. СССР олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма». Ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти и управления в числе других вопросов подлежат «...проведение единой социально-экономической политики, руководство экономикой страны... разработка и утверждение государственных планов экономического и социального развития СССР, утверждение отчетов об их выполнении» (ст. 73)²⁶.

Заканчивая рассмотрение некоторых аспектов развития русского, украинского и белорусского народов на протяжении двадцатого столетия, следует подвести некоторые общие итоги.

— До социалистической революции эти народы заметно различались по уровню социально-экономического развития. Царизм препятствовал их свободному этническому развитию, проводя политику подавления национального самосознания и национальной русификации нерусского населения.

— Социалистическая революция, установление новых общественных отношений были единственным средством национального освобождения и создания предпосылок для подлинно социалистического решения национального вопроса.

— Создание добровольного федеративного Союза Советских Социалистических Республик позволило сконцентрировать их ресурсы и благодаря всесторонней взаимопомощи обеспечить быстрый социальный и национальный прогресс всех советских (в том числе славянских) народов.

— К концу 30-х годов среди славянских, как и у других народов СССР, безраздельно утвердились социалистические отношения. К этому времени относится завершение процесса формирования русской, украинской и белорусской социалистических наций, состоящих из двух дружественных классов: рабочего класса и колхозного крестьянства, а также народной интеллигенции.

— Развитие славянских народов проходит в тесном взаимодействии с другими народами Союза ССР, представляющего собой братское содружество более чем ста свободных наций и народностей. Если в переходный период славянские нации, находившиеся на более высоком уровне экономического и культурного развития, оказывали бескорыстную помощь отстававшим в прошлом народам, то в последующий период эта помощь стала сочетаться с широким вкладом неславянских наций и народностей в дальнейший прогресс русского, украинского и белорусского народов.

— Социализм обеспечивает развитие процесса национальной консолидации, всестороннего расцвета национальной жизни, рост национального самосознания. Но национальное самосознание не перерастает и не может перерасти в чувство превосходства одних наций над другими, не может питать национализма и шовинизма, так как оно постоянно корректируется идеями интернационализма, осознанием огромного вклада в развитие других братских наций и народностей.

— В условиях социализма расцвет наций сочетается с процессом все более углубляющегося их сближения. Единство экономической жизни, общественных отношений, однотипность социально-классовой структуры, общность идеологии обеспечили сплочение народов СССР в новую историческую общность людей — многонациональный и единый советский народ. Его со-

ставными компонентами являются русская, украинская и белорусская социалистические нации, как и все другие братские народы Советского Союза.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 376.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 383.
- ³ Декреты Советской власти, т. 1. 25 октября 1917 г.—16 марта 1918 г. М., 1957, с. 39—41.
- ⁴ История национально-государственного строительства в СССР, т. 1. М., 1972, с. 419—424.
- ⁵ Некоторые изменения границ производились и в более позднее время. К концу Великой Отечественной войны в состав УССР вошла территория Закарпатской Украины. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. из состава РСФСР в состав УССР была передана Крымская область. Это мотивировалось тем, что последняя имеет общность экономики, тесные хозяйственные и культурные связи с Украиной и к тому же тяготеет к ней географически (см.: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1961 гг. М., 1961, с. 78).
- ⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VIII. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921—1932 гг. М., 1967, с. 23—24.
- ⁷ Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972, с. 55. Данные цифры не отражают всего ущерба, так как учитывают лишь потери от прямого уничтожения имущества граждан, государственных и общественных организаций.
- ⁸ Народное хозяйство СССР. 1922—1972, с. 65.
- ⁹ Народное хозяйство СССР. 1922—1972, с. 135, 360.
- ¹⁰ Подсчитано по кн.: Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976, с. 513.
- ¹¹ Куличенко М. И. Развитие наций и национальных отношений в СССР на современном этапе.— Вопросы истории, 1971, № 9, с. 6.
- ¹² Подробно об экономической структуре России первых послереволюционных лет и тактике большевиков в борьбе с мелкобуржуазной стихией см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 283—314; т. 43, с. 205—245.
- ¹³ СССР в цифрах в 1975 году. Краткий статистический сборник. М., 1976, с. 7; Народное хозяйство СССР. 1922—1972, с. 499, 516, 531; Народное хозяйство Белорусской ССР. Статистический ежегодник. Минск, 1975, с. 13.
- ¹⁴ Сенявский С. Л. Социально-экономическое развитие советского общества в годы 8-й и 9-й пятилеток.— История СССР, 1976, № 1, с. 44.
- ¹⁵ Подсчитано по источнику: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V. М., 1973, с. 27—33.
- ¹⁶ По-видимому, говорить об абсолютных совпадениях в данной области не приходится, так как некоторые различия всегда будут сохраняться, меняясь в зависимости от различных факторов в пользу то одной, то другой республики.
- ¹⁷ СССР в цифрах в 1975 году, с. 15.
- ¹⁸ Политика коренизации носила в СССР всеобщий характер.
- ¹⁹ Собрания узаконений, 1921, № 45, ст. 225.
- ²⁰ Глейзерман Г. Е. Классы и нации. М., 1974, с. 54.
- ²¹ Подсчитано по кн.: Народное хозяйство СССР в 1975 г., с. 166, 681.
- ²² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 17, 16, 41, 57.
- ²³ Народное хозяйство СССР в 1975 г., с. 710, 707.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 423.
- ²⁵ Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М., 1972, с. 458.
- ²⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических республик, с. 26, 27.

РОЛЬ И МЕСТО ОТДЕЛЬНЫХ СЛОЕВ КРЕСТЬЯНСТВА В РЕВОЛЮЦИЯХ 40-Х ГОДОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Классики марксизма-ленинизма придавали большое значение роли крестьянства в революции, поэтому вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства является важнейшим в марксистско-ленинской теории социалистической революции. Опираясь на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса и творчески развивая их в условиях империализма, В. И. Ленин создал цельное марксистское учение по аграрно-крестьянскому вопросу. Он внес выдающийся вклад в разработку революционной стратегии и тактики пролетариата по отношению к крестьянству, в определении его места и роли в революционном процессе на различных этапах его развития.

Ленинская теория аграрного вопроса и разработанная на ее основе аграрная программа большевистской партии позволили в период подготовки и проведения Октябрьской революции привлечь на ее сторону широкие крестьянские массы и обеспечить победу. Учение В. И. Ленина о важнейшей роли крестьянства в социалистической революции, о необходимости поддержки пролетариата трудовыми слоями деревни для победы революции и закрепления ее успехов имеет международное значение. Правильность этого учения, подтвержденная опытом трех русских революций и особенно Октябрьской революцией, была признана всем международным революционным движением в межвоенный период. Работа коммунистических партий в деревне в целях привлечения на сторону пролетариата основных масс крестьянства являлась одним из условий приема в Коммунистический Интернационал. Отказ от этой работы расценивался как отказ от пролетарской революции¹. Разрабатывая вопрос о путях подвода непролетарских трудящихся слоев к социалистической революции, обосновывая лозунг «рабоче-крестьянского правительства», Коминтерн подчеркивал: «Вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства есть один из самых коренных вопросов международной пролетарской революции. Правильная оценка взаимоотношений этих двух основных классов определяет собой успех нашей борьбы как перед завоеванием власти, так и после него»².

Союз рабочего класса и трудящегося крестьянства является одной из общих закономерностей социалистической революции, как в период ее подготовки и проведения, так и в период закреп-

ления ее завоеваний. В. И. Ленин писал: «...союз рабочих и крестьян трудно осуществляется, но во всяком случае является единственным непобедимым союзом против капиталистов». И далее: «...мы можем построить коммунизм только в том случае, если крестьянство сознательно придет к определенному выводу. Мы можем это сделать только в том случае, когда мы войдем в союз с крестьянами»³. В. И. Ленин подчеркивал, что руководство рабочего класса, его партии является важнейшим условием формирования и укрепления союза пролетариата с крестьянством, в котором заинтересованы оба эти класса⁴. Он указывал, что без союза с крестьянством «невозможна политическая власть пролетариата, немислимо сохранение ее... Высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удерживать руководящую роль и государственную власть»⁵.

Чрезвычайно большое и принципиальное значение для международного рабочего и коммунистического движения имела разработка В. И. Лениным вопроса о дифференциации крестьянства в условиях капитализма и роли и месте отдельных слоев крестьянства на различных этапах революционного процесса, об отношении революционной пролетарской партии к отдельным группам деревенского населения на той или иной стадии развития революции.

В настоящем докладе предпринята попытка сравнительно-исторического рассмотрения некоторых сторон проблемы становления и развития рабоче-крестьянского союза в Октябрьской революции и революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В нем затрагиваются прежде всего вопросы об отношении пролетариата и его революционных партий к отдельным слоям крестьянства в ходе развития революций, о последовательности втягивания отдельных слоев трудовой деревни в революцию, о позиции сельской буржуазии, о внутренней трансформации содержания рабоче-крестьянского союза в ходе развития революционного процесса. Представляется, что все эти вопросы не нашли еще достаточно глубокого и всестороннего рассмотрения ни в советской исторической литературе, ни в историографии европейских социалистических стран. Так, например, в исторических работах, касающихся аграрных преобразований и роли крестьянства в народно-демократических и социалистических революциях, как правило, лишь констатируется тот факт, что коммунистические и рабочие партии сразу взяли курс на союз со всем трудящимся крестьянством, не выдвинув задачи нейтрализации середняка, но всесторонне не рассматривается вопрос, почему в отличие от Октябрьской революции стала возможной такая линия. Недостаточно внимание уделяется анализу позиций самого среднего крестьянства на различных этапах революционного процесса. Практически вне поля зрения историков остались такие важные вопро-

сы, как поведение сельской буржуазии в ходе народно-демократических и социалистических революций и политика по отношению к этому слою деревенского населения коммунистических и рабочих партий.

Естественно, что в коротком докладе невозможно в одинаковой мере осветить все аспекты затронутой темы, равно как и привести обширный конкретный материал, подтверждающий выдвинутые положения. Некоторые вопросы становления рабоче-крестьянского союза достаточно полно освещены в существующей литературе, представляются в целом ясными, и поэтому нет необходимости останавливаться на них подробнее. Это касается, в частности, вопроса о позициях сельскохозяйственного пролетариата и беднейшего крестьянства в революциях и взаимоотношений рабочего класса с этими социальными слоями деревни. Большинство исследователей приходят к однозначному выводу: сельскохозяйственные рабочие и крестьянская беднота, подобно тому как это было в период подготовки и проведения Октябрьской революции в России, являлись основной и наиболее прочной опорой рабочего класса в деревне, его главным союзником на всех этапах революции; интересы именно этих слоев в первую очередь учитывались в аграрных программах и аграрной политике коммунистических и рабочих партий.

В период национально-освободительной борьбы против фашизма в рассматриваемых странах Центральной и Юго-Восточной Европы возник блок рабочего класса по существу со всем крестьянством, включая и антифашистски настроенную часть сельской буржуазии. Для коммунистов было ясно, что блок с сельской буржуазией может носить лишь временный характер, что ослабление и распад его неминуемы при переходе от решения национально-освободительных задач к задачам революционно-демократического характера и тем более к задачам социалистическим. В то же время соглашение со средним крестьянством, которое в период национально-освободительной борьбы носило прежде всего политический характер, необходимо было сохранить и упрочить. С самого начала развития революции коммунистические и рабочие партии взяли курс на укрепление союза со всем трудящимся крестьянством и не выдвинули задачи нейтрализации середняка, как это было в Октябрьской революции. При этом линия на союз, соглашение со всем трудящимся крестьянством вовсе не означала отказа революционных партий пролетариата от дифференцированного подхода к отдельным его слоям.

Возможность ориентации на союз со всеми трудовыми слоями деревни определялась внутренними и международными условиями развития революций в странах Центральной и Юго-восточной Европы, которые значительно отличались от условий развития Великой Октябрьской социалистической революции. К моменту установления народно-демократической власти уже

более двух десятков лет существовало первое в мире социалистическое государство, которое одержало величайшую победу в борьбе против фашистской Германии. Укрепление сил социализма и демократии в мире под влиянием и в результате этой победы было несомненным. Поддержка народно-демократических правительств Советским Союзом и мировыми прогрессивными силами воспрепятствовала контрреволюционной интервенции в целях свержения власти народа и возврата к капиталистическим порядкам. Эти внешнеполитические условия не могли не сказаться на позициях средних слоев населения и в значительной степени определили их более лояльное отношение к новому строю, чем это было в России.

Линия на союз, соглашение со всем трудящимся крестьянством была принята революционными пролетарскими партиями еще в довоенные годы, когда VII конгресс Коминтерна выдвинул задачу борьбы за создание широкого народного антифашистского фронта. Основой этого фронта должен был стать союз рабочего класса и трудящегося крестьянства⁹.

В годы войны наиболее последовательным борцом против немецкого фашизма и коллаборационистской буржуазно-помещичьей верхушки в странах Центральной и Юго-Восточной Европы выступал рабочий класс во главе с коммунистами, что снискало ему поддержку и симпатии со стороны всех трудящихся. В то же время крупная буржуазия и помещики, а также представляющие их политические партии были скомпрометированы сотрудничеством с фашизмом. Это, безусловно, сказалось на отношении к ним мелкобуржуазной демократии, подорвало связывающие их традиционные узы, пошатнуло чисто стихийное стремление средних слоев следовать за буржуазией и поддерживать ее.

Благоприятная внешнеполитическая обстановка и расстановка классовых сил внутри каждой из стран создали условия, при которых возможно было мирное развитие революции, не сопровождающееся вооруженной борьбой двух основных борющихся классов и гражданской войной между ними. Путь постепенного решения главного общественного противоречия между пролетариатом и буржуазией был приемлем для непролетарских трудящихся масс, что облегчало привлечение их на сторону революции. Политика национального фронта дала возможность включить в созидательную деятельность широкие слои населения. В состав правительств вошли партии, которые представляли интересы крестьянства или объявляли себя таковыми. Это также оказало влияние на позиции средних слоев крестьянства, которые отнеслись с доверием к новой власти.

Прочные позиции, занятые рабочим классом и его партиями во всех народно-демократических правительствах, расширение этих позиций по мере углубления революции позволили пролетариату развернуть действенную борьбу за интересы трудяще-

гося крестьянства. В то же время буржуазные партии, претендовавшие на роль выразителей и защитников крестьянских интересов, по мере развития революции все более и более разоблачали себя как противники трудящихся слоев крестьянства и сторонники и выразители интересов кулацко-капиталистической верхушки деревни.

Следует учесть и еще один момент. Во всех рассматриваемых странах Центральной и Юго-Восточной Европы революции, выросшие из национально-освободительной борьбы, приобрели раньше или позже социалистический характер. Социалистическую перспективу развития революционного процесса, конечно, имели в виду и коммунистические, и рабочие партии этих стран. Но для объяснения политики революционных партий пролетариата по отношению к средним крестьянам важно то, что ни одна из них на завершающем этапе антифашистской борьбы не ставила в качестве непосредственной цели переход к решению социалистических задач. Представляется, что это имело большое значение для определения линии коммунистических и рабочих партий в крестьянском вопросе — линии на союз со всем трудящимся крестьянством.

Таким образом, особенности внешнеполитического и внутреннего развития в рассматриваемой группе стран дали возможность революционным пролетарским партиям после установления народно-демократического строя ориентироваться, опираясь на бедноту, на соглашение со всем трудящимся крестьянством. От соглашения с середняком в борьбе за национальное освобождение рабочему классу надлежало перейти к соглашению с ним в борьбе против буржуазии. Наиболее действенными способами решения этой задачи были последовательное проведение в жизнь и развитие демократических требований самого крестьянства, тех требований, которые буржуазия уже не могла и не хотела осуществить. Главным среди них было справедливое решение аграрного вопроса в интересах трудящегося крестьянства. Пролетариат рассматриваемых стран явился самым активным и последовательным борцом за его претворение в жизнь.

Учитывая необходимость привлечения середняка на сторону революции, развития и укрепления союза с ним, пролетарские партии в ряде стран, прежде всего там, где это позволяло наличие земли, подлежащей разделу, поддержали требование о наделении ею середняка (Польша, Чехословакия, восточная часть Германии). Конечно, ввиду острого земельного голода и ограниченности земельных фондов землю получили в первую очередь безземельные и малоземельные крестьяне, а из середняков — лишь наиболее нуждающиеся и прежде всего много-семейные.

В результате земельных реформ в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы в большей или меньшей степени

возросло значение середняцких хозяйств. Средняки стали основной категорией деревенского населения, поставляющей продукцию на рынок. Следует отметить, что различные исследователи с разной меркой подходят к определению места, которое занимал середняк в социальной структуре пореформенной деревни стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Одни учитывают лишь удельный вес середняцких хозяйств в общем числе крестьянских хозяйств, другие — долю занимаемой ими земельной площади, третьи — их участие в поставках товарной продукции. Неодинаковость подхода порождает и противоречия между отдельными исследователями в оценке хозяйственной роли и значения середняка. Очевидно, при решении этого вопроса должны учитываться все указанные факторы, но все же последний представляется наиболее важным. Поэтому если критерием брать производство на рынок, то вполне правомерно считать, что средний по размеру принадлежащей ему земли крестьянин стал «центральной фигурой» деревни во всех рассматриваемых странах.

В результате проведения аграрных реформ неоднородность середнячества как определенной социальной категории деревенского населения усилилась. Наряду с низшими и высшими его группами, первая из которых по своему положению тяготела к бедняцким слоям деревни, а вторая — к кулацким, появились «новые» и «старые» середняки. «Новые» середняцкие хозяйства, будучи таковыми по размерам принадлежащей им земли, по существу являлись маломощными, приближающимися по своим возможностям к мелким крестьянским хозяйствам.

Тот факт, что «новые» середняки получили землю из рук народной власти, что по своему положению они были ближе к беднякам, чем к «старым» крепким хозяевам, что они испытывали сильное давление со стороны оставшихся в деревне эксплуататорских групп, давал основание полагать, что этот слой деревенского населения будет поддерживать левые силы во все более углубляющейся и обостряющейся борьбе пролетариата и буржуазии. И действительно, по мере развития революции «новые» середняки все более определенно и быстрее, чем «старые», становились на сторону сил демократии и социализма. Однако говорить о том, что, получив землю от народной власти, они сразу стали ее горячими сторонниками и надежной опорой, как это нередко делается в литературе, было бы упрощением. На позиции «новых» средних крестьян оказывало влияние множество факторов, начиная с таких общих, как урегулированность внешнеполитического положения той или иной страны, и кончая такими конкретными, как объем поставок сельскохозяйственных продуктов или размер экономической помощи со стороны государства. Среди этих факторов можно было бы назвать расстановку классовых и политических сил в стране (известно, что средний крестьянин чаще склоняется на сторону сильно-

го, и в этом плане «новый» середняк не составлял исключения), влияние и позиции отдельных политических партий в деревне, влияние церкви, активность реакции, развитость частнособственной психологии и т. д. Все это оказывало воздействие на настроения «новых» середняков и определяло их позиции на том или ином этапе развития революции.

Поэтому можно сказать, что становление союза рабочего класса со средним крестьянством в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не было таким простым и однозначным процессом, как это подчас представляется в литературе. Превращение середняка в «центральную фигуру» деревни имело двойные последствия с точки зрения его участия в революции: с одной стороны, пробуждение политической активности середняка, его втягивание в революцию на стороне пролетариата (во время проведения аграрных реформ), а с другой — спад его революционности после того, как он получил землю, что было связано с опасениями потерять эту землю.

Углубление демократической аграрной революции, все более четко вырисовывающаяся перспектива социалистических преобразований (а в некоторых странах, например в Болгарии и чуть позже в Югославии, эта перспектива стала уже реальностью) не могли не насторожить среднее крестьянство, опасавшееся за свою собственность. Некоторая его часть, прежде всего зажиточная, начала проявлять колебания, заняла выжидательную позицию, а в некоторых случаях выразила доверие буржуазии и ее партиям.

В Польше наибольшей остроты классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, стремящейся оторвать крестьянство от рабочего класса, достигла после образования Временного правительства национального единства (в июне 1945 г.). Спекулируя на экономических и политических трудностях развития страны, используя мелкобуржуазную психологию крестьянства, объявив себя общенародной партией, партия Миколайчика (ПСЛ) осенью 1945 г. привлекла на свою сторону часть трудящегося крестьянства, особенно среднего. В Венгрии сильные колебания крестьянства наблюдались также после проведения земельной реформы, осенью 1945 — в начале 1946 г., что проявилось на выборах в парламент в октябре 1945 г., когда победу одержала Партия мелких сельских хозяев. В Чехословакии (точнее, в Словакии) через год после установления народной власти буржуазии также удалось увлечь за собой часть крестьянства, что проявилось в победе Демократической партии на выборах в парламент весной 1946 г. В этих трех странах колебания среднего крестьянства проявились наиболее отчетливо. Задача привлечения основных масс среднего крестьянства на сторону революции была четко сформулирована коммунистическими партиями Чехословакии и Венгрии только в 1947 г.

К. Готвальд, разъясняя летом 1947 г. выдвинутый партией лозунг завоевания большинства нации, говорил: «Завоевать большинство нации означает завоевать еще больше крестьян. Особенно завоевать среднего крестьянина»⁷. На заседании ЦК Венгерской коммунистической партии в январе 1947 г. отмечалось, что наряду с завоеванием беднейшего крестьянства на свою сторону необходимо стремиться привлечь среднее крестьянство или хотя бы нейтрализовать его⁸.

В Болгарии и Югославии, где позиции революционных сил были более крепкими, в Румынии, где крестьянство находилось в основном под влиянием «Фронта земледельцев», а также в занимавшей особое положение восточной части Германии колебания средних крестьян были значительно меньшими.

Большему или меньшему усилению колебаний среднего крестьянства способствовали такие причины, как обострение частнособственнических инстинктов, связанное с получением земли, критика реакционных сил по адресу проведенных реформ, распускаемые реакцией слухи о ликвидации частной собственности на землю и ее коллективизации, тяжелое экономическое положение, в котором находились все рассматриваемые страны в первый послевоенный год, тяготы обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов, возложенные на деревню, неурегулированность внешнеполитического положения многих стран и т. д.

Однако последовательная борьба пролетариата за интересы трудящегося крестьянства, непосредственные экономические и политические выгоды, полученные им в ходе революции от народно-демократической власти, явились, бесспорно, решающим фактором, который все более крепко привязывал мелкое и среднее крестьянство к рабочему классу. По мере развития и углубления революции все более и более стали обнажаться те антагонистические противоречия между трудящимся крестьянством и аграрной буржуазией, которые в предшествующий период находились как бы на заднем плане и были прикрыты сначала общенациональными, а затем общедемократическими интересами крестьянства. Процесс нарастания противоречий внутри крестьянства ускорялся в результате сопротивления, которое аграрная буржуазия и вся реакция оказывали мероприятиям народной власти, направленным на помощь трудящимся крестьянам и улучшение их положения. Иллюзии о единстве интересов деревни, свойственные в первую очередь среднему крестьянству, давали все новые и новые трещины. Период колебания некоторой части середняков закончился. В решающий момент схватки с буржуазией большинство середняков во всех странах оказалось на стороне пролетариата.

Таким образом, установление союза рабочего класса со средним крестьянством не было единовременным. Его укрепление и развитие происходило по мере становления и упрочения

диктатуры пролетариата. Сначала соглашение было достигнуто с низшими слоями среднего крестьянства и «новыми» середняками, а потом с более крепкими хозяевами. Осуществление линии на соглашение со средним крестьянством вовсе не исключало проведения политики нейтрализации в отдельные моменты развития революции по отношению к отдельным, прежде всего наиболее зажиточным его слоям. Как правило, это было связано с обострением классовой борьбы и колебаниями середняка. В условиях мирного развития революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы пролетарские партии добивались нейтрализации середняка, действуя преимущественно методами убеждения, идя на уступки ему, оказывая экономическую помощь, разоблачая политику буржуазии и ведя борьбу против нее. Характеризуя методы нейтрализации, В. И. Ленин писал: «Нейтрализация складывается из убеждения, примера, обучения опытом, пресечения уклонений насилем и т. п.»⁹ Коммунистические и рабочие партии рассматриваемых стран осуществляли нейтрализацию некоторых слоев среднего крестьянства, когда и где это было необходимо, по существу с помощью тех же экономических и политических мер, которые были направлены на соглашение с трудящимися слоями деревни. Оптимальным результатом этих мер было установление союза с середняком, привлечение этого слоя на сторону революции, минимальным — его нейтрализация.

Меры насилия по отношению к среднему крестьянству в народно-демократических революциях также имели место, но они не носили массового характера, а были скорее исключением из общего правила и проводились не по отношению к целому слою крестьянского населения, а по отношению к отдельным его представителям, не желавшим почему-либо считаться с распоряжениями народной власти. Наказанию подвергались лица, не выполнявшие обязательные поставки сельскохозяйственной продукции, спекулирующие продуктами, нарушающие правительственные законы и постановления и т. д.

В связи с рассмотрением вопроса о политике по отношению к среднему крестьянству следует сказать, что в существующей литературе часто совершенно правильное положение о том, что в народно-демократических революциях не выдвигалась политическая задача нейтрализации середняка, подменяется не совсем точным утверждением о том, что ни в одной из рассматриваемых стран Центральной и Юго-Восточной Европы ни на каких этапах развития революционного процесса не было необходимости в нейтрализации середняка. В действительности же в отдельных странах на отдельных этапах революции элементы этой политики имели место.

Иногда из верной посылки о том, что коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы с самого начала революций ориентировались на союз со всем

трудящимся крестьянством, как бы автоматически делается вывод о наличии такого союза на всех этапах революционного процесса. Такая постановка вопроса не дает возможности понять всю сложность и противоречивость поведения среднего крестьянства, упрощенно представляет процесс перехода середнячества на сторону революции, схематизирует взаимоотношения пролетариата с этим многочисленным слоем деревенского населения.

Нужно также отметить, что когда сравнивается политика по отношению к среднему крестьянству в Октябрьской и народно-демократических революциях, то акцент, как правило, делается на том, что тут было отличного. Однако если учесть, что политика нейтрализации середняка в Советской России была первым шагом к союзу с ним, что с самого начала Советская власть стремилась к тому, чтобы договориться со средним крестьянином, жить в мире с ним, что к политике прочного союза со средними слоями деревни Советская власть перешла еще тогда, когда с гражданской войной и иностранной военной интервенцией далеко не было покончено, то следует говорить не только о том, чем различалась постановка вопроса о середняке в Советской России и европейских странах народной демократии, но и о том, что здесь было общего, а именно: стремление к соглашению со средним крестьянством. В более благоприятных условиях развития революций 40-х годов это стремление, однако, могло реализоваться гораздо последовательнее, чем в специфической обстановке Октябрьской революции в России.

Что касается политики коммунистических и рабочих партий по отношению к сельской буржуазии в народно-демократических революциях, то она тоже не была однозначной. Отношение народной власти к кулачеству менялось по мере углубления революционного процесса в социалистическом направлении, в зависимости от задач, которые должна была решать революция на том или ином этапе своего развития, и в зависимости от поведения самого кулачества. На начальном после освобождения от фашизма этапе революций перед народными правительствами встали в качестве главных, первоочередных задачи общедемократического порядка — ликвидация монополистического капитала и крупного землевладения, где таковое сохранилось, а также восстановление разрушенного войной хозяйства. В решении этих задач были заинтересованы не только трудящиеся слои населения, но и мелкая и средняя буржуазия города, а также сельская буржуазия. Поэтому в первое после освобождения время возможно было сохранение широких демократических фронтов, сложившихся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период национально-освободительной борьбы. Если пролетариат, возглавивший эти фронты, стремился к их сохранению и укреплению, то буржуазно-помещичья

реакция добивалась их развала, ослабления с тем, чтобы использовать оторвавшиеся от них слои в своих собственных интересах, в интересах противодействия развитию революции.

В сложившихся сразу после освобождения условиях политика коммунистических и рабочих партий по отношению к сельской буржуазии определялась, таким образом, стремлением, во-первых, привлечь к решению общедемократических задач как можно более широкие слои населения, а во-вторых, разъединить силы, способные выступить на стороне контрреволюции и тем самым ослабить лагерь буржуазно-помещичьей реакции.

Этими соображениями объяснялся и тот факт, что законы об аграрных реформах в Венгрии, восточной части Германии, Польше, Румынии, Чехословакии, осуществление которых началось в ходе освобождения указанных стран от фашизма или сразу после войны, не затрагивали интересы антифашистской сельской буржуазии¹⁰. Исключением здесь была Югославия, где развитие революции еще до принятия закона о земельной реформе ушло дальше, чем в перечисленных странах, и где объем крупного землевладения не был особенно велик.

В Югославии наступление на кулачество началось, по существу, еще в период народно-освободительной войны, когда многие кулаки, как пособники оккупантов, коллаборационисты, усташи, четники и т. д. экспроприировались органами народной власти. А со второй половины 1945 г., когда осуществление аграрных преобразований было оформлено законом, когда была введена дифференцированная система закупок сельскохозяйственных продуктов, политика ограничения кулачества как класса обозначилась совершенно отчетливо.

Обострение классовой борьбы в югославской деревне, недовольство ее зажиточных слоев политикой народной власти нашли отражение в активизации деятельности «крестьянской оппозиции» в Народно-освободительном фронте, которая в 1946 г. открыто выступила против всех мероприятий, проводимых правительством¹¹. Сельская буржуазия оказывала сопротивление выполнению постановления об обязательной сдаче государству излишков сельскохозяйственной продукции, саботировала налоговую политику, стремилась подчинить кооперативы своему влиянию, проникала в органы народной власти и комитеты Народно-освободительного фронта и вела в них подрывную работу. Кулачество в этот период стало основным врагом революции в деревне¹².

Политическое сопротивление кулацко-капиталистических слоев в Югославии было сломлено уже в конце 1946 г.: «крестьянская оппозиция» была ликвидирована, а ее лидеры преданы суду за антинародную деятельность. Однако на хозяйственном фронте борьба с кулачеством, экономические позиции которого были в определенной мере ослаблены, продолжалась и далее. Введенная в 1947 г. система налогообложения существ-

венно ограничила возможности капиталистического развития крупных крестьянских хозяйств¹³.

Болгарская коммунистическая партия примерно в первые полтора года после создания правительства Отечественного фронта (до принятия закона о трудовой поземельной собственности, т. е. об аграрной реформе) также старалась избежать открытого конфликта с сельской буржуазией, считая его преждевременным. Главным экономическим принципом, выдвинутым болгарскими коммунистами в первый послевоенный год, было сотрудничество народно-демократической власти с патриотически настроенной демократической частью буржуазии, максимальное использование частной инициативы для восстановления и развития народного хозяйства. Правильность этого курса, проводимого БРП(к) после 9 сентября 1944 г., была подтверждена и VIII расширенным пленумом ЦК БРП(к), состоявшимся в феврале—марте 1945 г.¹⁴

Эта политика не исчерпала себя еще и в конце 1945 г., о чем свидетельствует выступление Т. Костова в Народном собрании, где он говорил: «Для решения поставленных задач необходимо привлечение всех имеющихся сил нашего народа. Правительство Отечественного фронта не только не отказывается от частной инициативы в хозяйственной жизни, но считает, что она будет играть важную роль и впредь». Однако правительство готово было предоставить «самую широкую и всестороннюю поддержку частной инициативе» лишь на определенных условиях, а именно: 1) она должна соотноситься с общим государственным хозяйственным планом развития производства и производительных сил в стране и находиться под общим контролем и руководством государства; 2) она должна отказаться от спекуляции и черной биржи, не стремиться к легкому и быстрому обогащению, а направить свои усилия на созидательную деятельность в производстве и строительстве; 3) она должна обеспечить сносное существование своим рабочим и служащим¹⁵. Лишь при выполнении этих условий народная власть готова была сотрудничать с демократически настроенными слоями буржуазии, в том числе и сельской, в работе по восстановлению страны. В то же время БРП(к) заявляла, что будет вести беспощадную борьбу со спекулянтами, дельцами черной биржи и саботажниками¹⁶.

Еще осенью 1945 г. болгарские коммунисты, имея в виду отношения между отдельными слоями крестьянства, руководствовались принципом: «Мы ориентируемся сегодня,— говорил В. Коларов на заседании Национального комитета Отечественного фронта в сентябре 1945 г.,— на всю крестьянскую массу в целом. Наша политика основывается на политической приверженности к Отечественному фронту всех крестьян». Эта линия партии объяснялась, по словам В. Коларова, большим экономическим значением всех слоев крестьянства¹⁷.

Закон о ТКЗХ не запрещал приема в кооперативы зажиточных крестьян, некоторые из них стали членами ТКЗХ, стремясь при этом подчинить кооперативы своим интересам¹⁸.

Поддержка частной инициативы лояльно настроенных по отношению к народной власти слоев сельской буржуазии не означала отказа от подавления спекулятивных и саботажных тенденций кулачества. Народная власть стремилась привлечь сельскую буржуазию к участию в восстановлении страны, одновременно пресекая ее попытки оказывать сопротивление государственной политике и ее эксплуататорские тенденции.

Принятие закона об аграрной реформе весной 1946 г. означало начало наступления на кулацко-капиталистические элементы в Болгарии, переход на практике к политике экономического ограничения и вытеснения кулачества. Аграрная реформа ограничила кулацко-капиталистическое землевладение в стране, но большая часть кулачества от нее не пострадала¹⁹. Тем не менее установление максимума землевладения, запрещение продажи земли, полученной по реформе, ограничение аренды земли, несомненно, задевали интересы кулачества и в известной мере ограничивали его эксплуататорские возможности. Следующими шагами в деле ослабления экономических позиций сельской буржуазии были изъятие у нее мельниц, маслобоен, шерстечесальных мастерских, фруктово-лимонадных заводов по закону о национализации промышленности в декабре 1947 г., введение прогрессивно-подходящего налога, легшего основной своей тяжестью на плечи кулачества, принудительный выкуп в феврале 1948 г. крупного сельскохозяйственного инвентаря и машин²⁰.

Вопросы ограничения и вытеснения кулачества были широко поставлены на XVI пленуме ЦК БРП(к) в 1948 г. К этому времени кулачество в Болгарии было в значительной степени отеснено с занимаемых им экономических позиций, а его роль и влияние в деревне ограничены²¹. В феврале 1948 г. Г. Димитров говорил: «В результате аграрной реформы, создания трудовых кооперативных земледельческих хозяйств и государственных сельскохозяйственных предприятий, а также в результате изъятия государством крупного сельскохозяйственного инвентаря совершается процесс ликвидации паразитических крупных крестьянских хозяйств»²².

Перспектива перехода к социалистическому преобразованию деревни, наметившаяся в Болгарии и Югославии ранее, чем в других странах, развертывание в них социалистической революции заставили сельскую буржуазию этих стран скорее отшатнуться от демократического лагеря и перейти к поддержке того класса, частью которого являлась она сама, перейти на позиции контрреволюции. Поэтому в Болгарии и Югославии в политике коммунистических и рабочих партий по отношению к

кулачеству более четко и ранее, чем в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, выявилась линия на его ограничение и вытеснение.

В других странах курс коммунистических и рабочих партий, направленный на использование сельской буржуазии, ее хозяйственных возможностей для экономического подъема страны, сохранялся более длительное время. Так, I съезд Польской рабочей партии, состоявшийся в декабре 1945 г., подчеркивал, что в рамках Национального фронта есть место для всех истинных патриотов, для всех демократов, для всех крестьянских слоев. Съезд подтвердил правильность политики, проводимой по отношению к сельской буржуазии. «Мы должны стремиться,— говорилось в докладе на съезде ПОРП,— к определенному сотрудничеству также с богатыми слоями деревни в рамках Национального фронта, в рамках борьбы за восстановление страны, за воссоединение и освоение западных земель, за официальное признание мирной конференцией наших границ на западе и севере»²³.

На VIII съезде Коммунистической партии Чехословакии в марте 1946 г. крестьянство пока тоже рассматривалось как единое целое, что, с одной стороны, было связано с незавершенностью демократических и антифашистских задач революции в Чехословакии, а с другой — со стремлением не допустить снижения уровня производства в крупных крестьянских хозяйствах в целях стабилизации продовольственного положения в стране²⁴.

Коммунистические и рабочие партии Польши, Чехословакии, а также Венгрии, Румынии и восточной части Германии в своей политике по отношению к кулачеству руководствовались рядом экономических и политических соображений. Для всех стран чрезвычайно острым был продовольственный вопрос, и экономическое ослабление крупнокрестьянских хозяйств могло повлечь за собой обострение кризиса в продовольственном снабжении. Усилить нажим на сельскую буржуазию не позволяла и степень зрелости крестьянского движения: до тех пор, пока кулачество как целое не выступало против народно-демократического строя, всякая попытка подорвать его позиции в деревне могла вызвать недоверие со стороны трудящегося крестьянства, усилить его колебания и затормозить складывание рабоче-крестьянского союза. Расстановка классовых и политических сил в этих странах также не позволяла начать форсированное наступление против деревенской буржуазии.

Однако такая постановка вопроса коммунистическими и рабочими партиями не означала их отказа от противодействия эксплуататорским тенденциям кулачества, от ограничения возможностей его капиталистического развития. Такие ограничения содержались уже в законах об аграрных реформах. Активная государственная помощь трудящимся слоям деревни, стрем-

ление улучшить их материальное положение, организация новых трудовых отношений на основе крестьянской взаимопомощи и развития кооперации — все это сокращало возможности усиления капиталистической эксплуатации со стороны сельской буржуазии. Ее обогащению и укреплению препятствовала и классово-дифференцированная политика в области цен, налогов, кредитов, закупок сельскохозяйственной продукции и распределения промтоваров.

В то же время коммунистические и рабочие партии вели активную политическую борьбу против сельских капиталистов, разоблачая их политических представителей в крестьянском движении, парламентах, правительствах и т. д.

Все это вместе взятое приводило к ослаблению позиций сельской буржуазии, хотя в результате проведения аграрных реформ и уничтожения крупнопомещичьего землевладения возникли объективные возможности для развития капитализма в сельском хозяйстве и усиления кулачества.

Таким образом, блок рабочего класса с антифашистской частью сельской буржуазии, который сложился в период национально-освободительной борьбы против фашизма, был несколько ослаблен во время проведения аграрных реформ, поскольку их последовательного демократического характера противоречил интересам зажиточной части деревни. Этот блок стал давать все новые и новые трещины и постепенно разваливался на стадии борьбы за восстановление разрушенного войной хозяйства и по мере развития революции, поскольку кулачество не желало да и не могло в силу своей капиталистической сути выполнять условия сотрудничества, предложенные ей народной властью.

Поняв в ходе проведения аграрных реформ и после их завершения, что народная власть проводит четкую классовую политику, отвечающую интересам трудящегося крестьянства, кулацко-капиталистические элементы стали оказывать ей все большее и большее сопротивление, одновременно пытаясь утвердить свои политические и экономические позиции в деревне. После ликвидации класса помещиков кулачество стало главным эксплуататором трудящегося крестьянства, хотя его возможности в этом плане и были значительно ограничены. Сельская буржуазия стремилась поставить в зависимость от себя мелких и средних, особенно «новых» крестьян с помощью сохранившихся в ее руках средств производства и капиталов. Она отдавала внаем на кабальных условиях принадлежащие ей сельскохозяйственные машины, инвентарь, рабочий скот, давала в долг семена, ссужала под высокий процент деньги и т. д. Кулачество стремилось прибрать к своим рукам сельскохозяйственные кооперативы, препятствовало их демократизации. В некоторых странах, особенно в Румынии, ему удалось даже несколько расширить свое землевладение, скупив или арендовав

в обход закона землю у «новых» хозяев, оказавшихся в трудном положении. «Если в экспроприации помещичьей земли,— говорил Г. Георгиу-Деж,— было заинтересовано все крестьянство, в том числе и кулачество, которое надеялось получить часть этой земли и избавиться от своего крупного конкурента по эксплуатации крестьянства, то с проведением аграрной реформы и даже в ходе ее проведения стали резко проявляться различные и противоположные интересы кулачества, с одной стороны, и бедноты и среднего крестьянства — с другой... Кулачество... добилось в некоторых местностях извращения духа реформы и захватило в свои руки некоторую часть экспроприированной земли, укрепив таким образом свои позиции»²⁵.

Классовая борьба в деревне в рассматриваемых странах с развитием революции приобретала новые черты. Ее фронт неуклонно перемещался в среду самого крестьянства. В политике коммунистических и рабочих партий по отношению к кулачеству все более явственно обозначались элементы линии на ограничение и вытеснение.

Г. Георгиу-Деж отмечал, что к концу народно-демократической революции, когда «обострилась классовая борьба между крестьянской беднотой и средним крестьянством, с одной стороны, и кулачеством — с другой... партия и правительство, оказывая помощь бедняку и середняку, проводили в то же время все более твердую политику ограничения эксплуататорских капиталистических элементов в деревне — кулаков»²⁶.

Коммунистическая партия Румынии с начала 1947 г. ориентирует сельские партийные ячейки на организацию и сплочение трудящегося крестьянства в борьбе за его экономические и политические права, против тенденций кулачества расширить свои позиции и усилить эксплуатацию широких слоев крестьянства. Инструкция крестьянского отдела ЦК КПР гласила, что «центральной задачей на будущее является организация в партии неимущих крестьян и высвобождение их из-под влияния кулацких элементов»²⁷.

Правительство издало ряд законов и предприняло ряд мер, носящих явно антикулацкий характер. В июне 1947 г. была запрещена свободная продажа земли частным лицам. Ее купля стала преимущественным правом государства. Это создавало препятствия для концентрации земли в руках кулаков. Той же цели служили законы, принятые летом 1947 г. Согласно одному из них, максимум земельной площади, находящейся в распоряжении самостоятельно ведущего хозяйства крестьянина, ограничивался 15 га. Другим законом аннулировались все акты купли-продажи земли, заключенные в районах, пострадавших от засухи, после 1 августа 1946 г. Вся купленная кулаками земля была бесплатно возвращена трудящимся крестьянам²⁸.

В Венгрии переход к политике ограничения капиталистических элементов деревни тоже начался фактически на завершаю-

щем этапе народно-демократической революции. Значительный удар по венгерскому кулачеству был нанесен уже тем, что левым силам при поддержке широких слоев крестьянства удалось отбить наступление реакции на результаты аграрной реформы, проведение которой в ряде районов страны привело к определенному сокращению землевладения сельской буржуазии. Пункт о возврате некоторых разделенных во время реформы земель бывшим собственникам, включенный в закон об утверждении результатов земельной реформы, практически не осуществлялся.

Еще летом 1946 г. в разгар борьбы трудящегося крестьянства против попыток реакции пересмотреть результаты земельной реформы Венгерская коммунистическая партия выдвинула требование национализации крупных мельниц, передачи в общественную собственность крестьянства средних мельниц и установления крестьянского контроля над мелкими мельницами²⁹. Это требование, направленное против сельской буржуазии и поддержанное широкими массами крестьян, было продиктовано стремлением сплотить трудовые слои деревни и начать изоляцию кулачества.

Существенным ударом не только по городской, но и по сельской буржуазии было установление в Венгрии летом 1947 г. прогрессивного налога на имущество. Принятое в конце того же года правительственное постановление лишало, по существу, всех частных лиц возможности приобретать в собственность крупные сельскохозяйственные машины: тракторы, молотилки и др.³⁰ В первой половине 1948 г. ВКП открыто провозгласила курс на ограничение и вытеснение кулачества³¹.

Эксплуататорские тенденции кулачества, его стремление укрепить свои позиции за счет трудящегося крестьянства более отчетливо проявились в Венгрии и Румынии, странах, деревня которых была преимущественно мелкокрестьянской и чрезвычайно бедной. В связи с этим и антикулацкие меры к концу рассматриваемого периода носили здесь более целенаправленный характер.

В Польше, Чехословакии и восточной части Германии антикулацкая линия в политике коммунистических и рабочих партий обозначилась в это время менее явно. В Чехословакии она проявилась в связи с борьбой за налог на миллионеров осенью 1947 г. и против саботажа обязательных поставок крупными крестьянами, стремящимися использовать засуху для подрыва снабжения. Политика ограничения и вытеснения кулачества была провозглашена КПЧ в ноябре 1948 г. как одно из условий перехода к социалистическому преобразованию деревни.

Политика по отношению к сельской буржуазии на этапе демократических аграрных преобразований в восточной части Германии определялась как общей линией Антифашистско-де-

мократического блока, которая исходила из признания частной инициативы и охраны частной собственности всех лиц, не являющихся военными или нацистскими преступниками, так и поведением крупного крестьянства, которое в этот период в основной своей массе заняло выжидательную позицию, т. е. сохраняло более или менее благожелательный нейтралитет. В то же время демократические государственные органы уже с начала проведения земельной реформы стремились ограничить возможность капиталистического развития крупных крестьянских хозяйств, используя для этого налоговую, кредитную, закупочную и прочую политику³².

Такая же линия в отношении сельской буржуазии проводилась и в Польше.

Таким образом, во всех рассматриваемых странах Центральной и Юго-Восточной Европы коммунистические и рабочие партии в ходе народно-демократических революций проводили по отношению к антифашистской сельской буржуазии двуединую политику: с одной стороны, привлечение ее к сотрудничеству в рамках национальных фронтов при условии ее лояльного отношения к народной власти и безусловного выполнения распоряжений последней, с другой — ограничение эксплуататорских тенденций кулацких слоев деревни.

Линия ограничения эксплуататорских тенденций кулачества ранее и более отчетливо выявилась в странах, аграрный строй которых характеризовался отсутствием или меньшим размером крупного землевладения и в которых социалистическая перестройка деревни как практическая задача встала раньше (Болгария, Югославия), чем в других странах.

По мере упрочения народно-демократической власти, укрепления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, углубления революции в социалистическом направлении и возрастания сопротивления капиталистических элементов деревни политике народной власти в отношении к ним со стороны революционных пролетарских партий усиливалась линия на их ограничение и вытеснение. Попытки части кулаков открыто выступать на стороне реакции и контрреволюционных сил немедленно пресекались.

Обстановка, в которой протекали революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, обусловила иные, чем в Советской России, формы поведения кулачества и благоприятствовала проведению отличной по отношению к нему политики. Эта политика позволила на начальном этапе революций разьединить силы реакции, ослабить ее лагерь, оторвав от него основную массу сельской буржуазии и заставив ее встать на нейтральные позиции. Эта политика помогла также временно использовать помощь зажиточных слоев деревни в экономическом восстановлении стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Однако коммунистические и рабочие партии указанных стран прекрасно понимали, что кулачество, являясь частью класса капиталистов, может быть лишь временным попутчиком революции, ненадежным партнером рабочего класса, последовательно стремящегося к углублению революционного процесса в социалистическом направлении. Они сознавали, что сельская буржуазия немедленно переметнется в лагерь контрреволюции, как только почувствует, что ее интересы начинают ущемляться, и поэтому в своем отношении к кулачеству руководствовались советом В. И. Ленина «строго надзирать «за союзником», как за врагом»³³.

Недовольство кулацко-капиталистических элементов деревни народной властью, проявившееся особенно сильно на завершающем этапе революций, не приняло таких острых форм, как кулацкие восстания, которые имели место в Советской России в первые годы Советской власти. Однако следует отметить, что в некоторых странах попытки вооруженного сопротивления мероприятиям народной власти со стороны кулачества были, например: участие в деятельности польского вооруженного подполья, поддержка бендеровских банд в Словакии, усташских и четнических банд в Югославии. Естественно, что такого рода сопротивление и подавлялось соответствующими способами. Но в целом методы пресечения антинародной деятельности кулаков не выходили за рамки административно-экономических мер и политической борьбы против них.

К концу рассматриваемого периода сельская буржуазия была политически изолирована от трудящихся слоев крестьянства, хотя ее экономические позиции были ослаблены лишь отчасти и, следовательно, влияние в деревне продолжало еще сохраняться.

Привлечение основных масс крестьянства на сторону рабочего класса в его противоборстве с буржуазией было одним из основных вопросов, от решения которого зависел успех революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Коммунистические и рабочие партии рассматриваемых стран в своей политике по отношению к крестьянству исходили из учения В. И. Ленина о союзниках пролетариата в буржуазно-демократической и социалистической революциях, опирались на опыт Октябрьской революции и одновременно учитывали конкретные исторические условия развития своих стран. Результатами творческого подхода коммунистических и рабочих партий к решению сложнейшего аграрно-крестьянского вопроса были укрепление рабоче-крестьянского союза в ходе развития народно-демократических революций, постепенное втягивание трудящегося крестьянства в революционный процесс на стороне пролетариата, что в конечном счете и привело к упрочению и победе диктатуры пролетариата в рассматриваемых странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В условиях иной расстановки внешних и внутренних классовых сил, в ходе мирного развития революций коммунистическим и рабочим партиям Албании, Болгарии, Венгрии, восточной части Германии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии удалось более последовательно воплотить в жизнь многие из ленинских идей, которые невозможно было достаточно полно реализовать в первые годы Советской власти в России. Обстановка, в которой протекали народно-демократические революции, была более благоприятной для осуществления курса на соглашение со средним крестьянством и для проведения более гибкой политики в отношении сельской буржуазии, создавала больше условий для сотрудничества с крестьянскими партиями, давала больше возможностей для оказания хозяйственной помощи трудящимся слоям деревни, укрепления экономического союза с трудящимся крестьянством.

Упрочение и развитие союза пролетариата и трудящегося крестьянства под руководством рабочего класса явились залогом победы трудящихся над силами реакции и окончательного утверждения диктатуры пролетариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 206—207.

² Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932 гг. М., 1933, с. 368.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 300.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 170.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 47.

⁶ Димитров Г. Съчинения, т. 10. София, 1950, с. 56.

⁷ Gottwald K. Spisy, XIV. Praha, 1958, s. 63.

⁸ Пушкаш А. И. Борьба за аграрные преобразования в Венгрии. 1944—1948. М., 1959, с. 161.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 456.

¹⁰ Хотя следует отметить, что в ходе практической реализации реформ разделу, прежде всего там, где не хватало земли, подвергались и хозяйства зажиточных крестьян.

¹¹ Petranović B. Politička i ekonomska osnova narodne vlasti u Jugoslavije za vreme obnove. Beograd, 1969, s. 150—154.

¹² Там же, с. 418—419.

¹³ Begović V. Izgradnja socijalizma ili jačanje kapitalističkih elementa u selu i u gradu.— In: Neška osnovna pitanja poljoprivrednog zadrugarstva. Zagreb, 1968, s. 72.

¹⁴ БКП в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК, т. IV. 1944—1955. София, 1955, с. 8.

¹⁵ Стенографски дневници на XXVI Обикновено народно събрание, кн. 1. София, 1946, с. 61.

¹⁶ БКП в резолюции и решения..., т. IV, с. 33.

¹⁷ Централен държавен архив на НРБ (далее — ЦДА на НРБ), ф. 28, оп. 1, а. е. 26, л. 140.

¹⁸ Икономиката на България през переходния период от капитализма към социализма, т. II. София, 1972, с. 315, 397.

¹⁹ Если учесть, что в конце 1946 г. в стране было 9705 хозяйств размером более 20 га, которые располагали свыше 300 тыс. га земли, а по реформе у 3600 индивидуальных собственников было изъято немногим более 56 тыс. га, то станет ясно, что основная часть сельской буржуазии от реформы не постра-

дала. Следует иметь в виду, что кулацкие хозяйства были и в группе хозяйств площадью менее 20 га (см.: *Исусов М.* О социальной структуре болгарской деревни после второй мировой войны.— In: *Etudes Historiques*, V, s. 595; *Трифопова М.* Przeobrażenia agrarne w Bułgarii w latach 1944—1948.— In: *Reformy agrarne i polityka rolna w europejskich krajach demokracji ludowej.* Warszawa, 1974, s. 33).

²⁰ ЦДА на НРБ, ф. 89, оп. 13, а. е. 19, лл. 79—80.

²¹ *Трифопова М.* Кооперирането на селското стопанство — важен фактор за развитието на съюза на работниците и селяните в България (9 септ. 1944—1948).— Известия на Института по история на БКП, 1969, т. 21, с. 83.

²² *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2. М., 1957, с. 604.

²³ *Ochab E.* Wieś polska na powych drogach. Łódź, 1946, s. 43.

²⁴ Й. Непомуцкий, выступавший на съезде с докладом об аграрной политике партии, говорил: «Коммунисты и компартия считают необходимым... проводить в вопросе цен, распределения и кооперативного движения такую политику, которая шла бы на пользу мелким и средним крестьянам. Эта политика не направлена против зажиточных крестьян и приносит им существенные выгоды» (*Rubik J.* O některých otázkach vývoje dělnické rolnického svazku v lidově demokratickem Československu.— *Nová mysl*, 1954, č. 12, s. 1420).

²⁵ *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. 1. М., 1956, с. 172—173.

²⁶ Там же, с. 173.

²⁷ *Александреску Й.* Работническо-селският съюз и неговото развитие през периода 1944—1947.— Известия на Института по история на БКП, 1972, т. 27, с. 467.

²⁸ Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. М., 1974, с. 248—249.

²⁹ История венгерского революционного рабочего движения, т. III. М., 1974, с. 133.

³⁰ *Нежинский Л. Н.* Очерк истории Народной Венгрии. М., 1965, с. 51—52.

³¹ *Пушкаш А. И.* Борьба за аграрные преобразования..., с. 161.

³² *Дернберг С.* Рождение новой Германии. 1945—1949. М., 1962, с. 174, 221—223.

³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 75.

**РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ
В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
В УСЛОВИЯХ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА
(На материале Болгарии до сентября 1944 г.)**

Опыт разных стран показывает, что в условиях буржуазного общества развитие национальной культуры протекает неравномерно и противоречиво. В ней переплетаются разные идеологические и художественные тенденции. Однако за всей сложностью и противоречивостью явлений можно выделить и некоторые общие закономерности. Именно на них обратил внимание В. И. Ленин в 1913 г. в статье «Критические заметки по национальному вопросу». «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре,— писал он.— Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие же две культуры* в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»¹. Важно отметить, что В. И. Ленин не только выделяет две национальные культуры в великорусской культуре, но и подчеркивает общую историко-культурную закономерность наличия двух культур и в других странах, у других народов, наций.

Что же собой представляют эти культуры и чем они отличаются? В этой же статье В. И. Ленина содержится такое положение: «В *каждой* национальной культуре,— пишет он,— есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»². Итак, В. И. Ленин не только определяет общие тенденции в этих культурах (демократическую и социалистическую), но и указывает на те социальные силы, которые порождают, питают две разные культуры (трудящиеся массы и эксплуататоры, социалистическая и реакционно-буржуазная идеологии). Если первая существует в виде более или менее развитых элементов, то вторая — «не в виде только «элементов», а в виде *господствующей культуры*»³. Задача марксистов и подлинных интернационалистов в создании социалистической культуры состоит в том, чтобы «из *каждой* национальной культуры» взять «*только* ее демократические и ее социалистические элементы», взять «их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре...»⁴

Приведенные положения легли в основу марксистско-ленин-

ской теории о культуре и ее развитии. К ним обращаются в коллективных трудах и специальных исследованиях. В недавно вышедшей у нас книге «Основы марксистско-ленинской теории культуры» говорится, что «создание элементов новой социалистической культуры в недрах капиталистического общества является, с одной стороны, закономерным результатом всего предшествующего развития общества, в том числе и его духовного развития, а с другой — необходимой предпосылкой социалистической революции»⁵. Там же, в разделе «Характер культурного прогресса в антагонистическом обществе», отмечается, что «поступательное развитие культуры в антагонистических формациях осуществлялось неравномерно, с отклонениями, зигзагами и попятными движениями»⁶. При этом для буржуазной культуры эпохи империализма характерно насаждение цинизма, культ силы, презрительное отношение ко всему человеческому, а «социалистическая культура, зарождающаяся уже в недрах капиталистического общества, ставит своей целью всестороннее развитие каждого человека, расцвет его способностей и высоких нравственных качеств, полное выявление его творческой индивидуальности»⁷.

Мы привели это определение из работы по культуре, созданной советскими философами, чтобы показать, что общие положения о развитии культуры в буржуазном обществе, высказанные В. И. Лениным еще в 1913 г., остаются в силе и сейчас. Вместе с тем нельзя не заметить, что мы все еще отвлеченно говорим о закономерностях развития социалистической культуры в период больших социальных потрясений — в канун и в период социалистических революций. Если обратиться к реальной ситуации развития культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы с начала века и в период между двумя мировыми войнами (после Октябрьской революции, при созревании революционной ситуации в ряде стран: Германии, Венгрии, Болгарии), то картина развития культуры при тех же общих закономерностях вырисовывается в более сложных отношениях. И для того, чтобы познать более глубоко историко-культурные закономерности на этом этапе (а не просто в антагонистическом обществе), необходимы специальные исследования по отдельным национальным культурам с выявлением и своеобразием и общего в движении революционной и социалистической культуры. С этой целью мы остановились на культуре Болгарии, которая, по нашему мнению, дает возможность проследить некоторые специфические моменты и в то же время содержит в своем развитии важные общие тенденции, заслуживающие самого пристального внимания.

Болгария — страна древней и богатой культуры, которая имеет свои высокие художественные завоевания, не раз получавшие широкое признание в мире. Достаточно вспомнить памятники древнеболгарской письменности IX—X вв., которые

сыграли большую роль в развитии языка и литературы других славянских народов, антифеодальное движение болгарских богومیлов, нашедшее отклик в странах Западной Европы, наконец, второе южнославянское влияние в России в XIV—XV вв., в котором важную роль играла тырновская литературная школа. И все же отдельные подъемы средневековой общественно-культурной жизни болгарского народа в силу ряда исторических условий, в особенности длительного византийского, а затем османского ига, не могли привести к устойчивому и естественному развитию духовной жизни. Формирование болгарской национальной культуры (культуры болгарской нации) произошло в конце XVIII — 70-х годах XIX в. в условиях острой национально-освободительной борьбы. Лишь в конце 70-х годов Болгария получает национальную независимость и в стране происходит складывание своих национальных культурных центров, развиваются просвещение и печать, появляются культурные объединения и идет процесс утверждения разных видов национальной художественной культуры.

На рубеже XIX—XX вв. в болгарской национальной культуре мы уже наблюдаем усиленное проявление противостоящих идейно-художественных тенденций, вызванных к жизни разными социальными силами. Здесь и продолжение традиций демократической культуры эпохи национального Возрождения, явившихся главной силой поступательного развития реалистической литературы, театра, изобразительного искусства и музыки, и увлечение модными модернистскими течениями, спиравшимися на современную идеалистическую философию, в частности Ницше и теорию «искусство для искусства». Наконец, в это же время под влиянием растущего социалистического движения в стране появляются пролетарская периодическая печать, произведения пролетарской литературы и рабочие песни, складывается марксистская эстетическая мысль. Фактически на рубеже XIX—XX вв. в Болгарии зарождаются элементы социалистической культуры, которые будут расти и развиваться с усилением в стране демократического и социалистического движения, а после 9 сентября 1944 г. — начала социалистической революции — приведут к ее широкому и многостороннему развитию. Но можно ли сказать, что на протяжении всего этого времени — от начала 900-х годов и до осени 1944 г. — в Болгарии были лишь «элементы социалистической культуры» или «элементы демократической культуры»? Если мы обратимся к отдельным областям болгарской революционной культуры с начала XX в. и особенно к периоду между двумя войнами, то не можем не заметить непрерывно нарастающие социалистические тенденции в пролетарской и коммунистической печати, определенного развития пролетарской и социалистической литературы, пролетарского изобразительного искусства, пролетарской музыкальной культуры. В то же время исследователи болгар-

ской социалистической культуры склонны видеть на этом историческом этапе лишь «элементы социалистической культуры». Вот как об этом пишет К. Попов в одной из недавних работ: «Зарождение элементов социалистической культуры происходит в недрах капитализма, но само по себе оно не означает перелома в духовной жизни капиталистического общества, потому что, играя революционизирующую роль, они остаются в пределах старой системы духовного производства»⁸.

Нельзя не согласиться с автором, что в условиях буржуазного государства, а в данном случае и монархического режима, отдельные явления революционной культуры (или, как говорят культурологи, «элементы социалистической культуры») не могут получить полнокровного развития, так как они находятся под контролем «старой системы», сложившейся в монархическом государстве. Официальной культурой остается культура правящего класса. В этом также нет сомнения. Но возникающие новые явления в революционной культуре не просто «остаются в пределах старой системы духовного производства», а вступают с ней в непримиримую борьбу, разрушая эту систему. Сами же элементы социалистической культуры не просто увеличиваются, возрастают, а, проникая в разные области культуры, они становятся тенденциями, ведущими к ее изменению. Если мы ограничимся одной констатацией «элементов социалистической культуры», то мы не сможем раскрыть сложный и динамический процесс, протекавший в революционной культуре нации, не сможем показать количественный и качественный рост социалистических тенденций и, по существу, не сможем выявить ту острую борьбу в национальной культуре, которая протекала на протяжении длительного времени.

Наша задача состоит в том, чтобы на опыте болгарской художественной культуры проследить, как изменялись элементы социалистической культуры в Болгарии с начала нынешнего столетия до осени 1944 г., как они изменялись в количественном и качественном отношении, воздействуя на общий процесс национальной культуры и на общественно-политическую жизнь страны.

Надо заметить что находящийся в поле зрения исторический период не однороден в социально-политическом и историко-культурном отношениях. Здесь следует выделить, по крайней мере, три внутренних этапа, отличающихся не только степенью интенсивности историко-культурного процесса, но и его содержанием. Хронологически первый из них можно обозначить временем с конца 90-х годов прошлого столетия до конца первой мировой войны, второй — с 1918 г. до начала 30-х годов и третий — с начала 30-х годов до крушения буржуазно-фашистского режима в сентябре 1944 г.

В плане социально-политическом первый этап характеризуется усилением позиций буржуазии, ростом ее империалисти-

ческих тенденций, что особенно проявилось в годы второй балканской и первой мировой войн. Вместе с тем это время является временем обострения классовой борьбы, усиления социал-демократического движения, распространения идей научного социализма. Появляется рабочая и социал-демократическая печать, в которой принимает участие болгарская народная интеллигенция. Писатели демократического направления (Ц. Бакалов-Церковский, Ст. Михайловский, А. Страшимиров, К. Христов, П. Яворов, П. Тодоров) явно проявляют интерес к социалистическим идеям и сотрудничают в социал-демократических изданиях. Как показал опыт, увлечение социалистическими идеями у этих писателей было непродолжительным и не столь глубоким, но оно, бесспорно, обогатило социальную проблематику в художественных произведениях названных поэтов и прозаиков, способствовало усилению критического начала в их реалистических произведениях⁹.

В начале 900-х годов широко проникают в Болгарию произведения «буревестника русской революции» М. Горького. Большой популярностью пользовались его «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», которые печатались в социал-демократических изданиях, а болгарская молодежь читала их на утренниках и вечерах, на рабочих собраниях. Крупным событием не только культурной, но и общественной жизни страны стала постановка в Софии в 1903 г. пьесы М. Горького «На дне», осуществленная болгарским режиссером М. Икономовым. Участник этого представления рассказывает, что все зрители были захвачены спектаклем, а когда на сцене актеры запели «Солнце всходит и заходит», в зале все встали и хором подхватили эту песню. На следующий день ее распевали в гимназиях и ремесленных мастерских, в университете и на предприятиях столицы¹⁰. Успех сопутствовал также постановке «Мещан» М. Горького и его роману «Мать», изданному на болгарском языке в 1907 г.

На рубеже XIX—XX вв. возникает болгарская марксистская критика. Видными представителями ее были Д. Благоев, Г. Бакалов и Д. Димитров. В 1901 г. в Пловдиве вышел сборник Д. Благоева «Общественно-литературные вопросы», в который вошли его статьи, публиковавшиеся в 90-е годы в социал-демократической печати. Во введении к сборнику критик писал: «Все мои статьи — плод моего стремления приложить к разным общественно-литературным вопросам социалистическую точку зрения»¹¹. Через несколько лет, в 1911 г., Г. Бакалов выпустил брошюру «Болгарская литература и социализм», в которой содержалась характеристика развития литературы во второй половине XIX и начале XX в. в связи с общественными движениями в стране и возникновением идей социализма в Болгарии¹². Вершинными явлениями в новом литературном процессе Д. Благоев и Г. Бакалов с основанием считали по-

явление болгарских пролетарских писателей Г. Киркова и Д. Полянова, с творчеством которых они связывают рождение новых явлений в национальной литературе. По существу, это было рождение социалистических элементов.

В произведениях пролетарских писателей впервые в болгарской литературе появляются образы рабочих и социалистов, противостоящих миру бездушного капитала, миру эксплуататоров и тунеядцев. В обобщенных, порой аллегорических образах пролетарские поэты утверждают торжество справедливости в будущем социалистическом обществе и говорят о неизбежной гибели мира капитализма. Два противостоящих мира, созданных по контрасту в образах-аллегориях,— наиболее характерный мотив пролетарских писателей, выражавших с глубокой убежденностью новые исторические тенденции, которым суждено будет дальнейшее развитие. «Наследие Полянова,— писал Г. Бакалов,— будет подхвачено новыми борцами. Социалистическая поэзия будет развиваться, расти вместе с усилением пролетарской борьбы»¹³.

На этом раннем этапе проявления ростков социалистической культуры в Болгарии деятели марксистской критики и пролетарские писатели стремятся обособиться от других течений и направлений не только в творческом, но и в организационном отношении. Известно, как критиковал Д. Благоев писателей, которые сотрудничали в изданиях разных политических направлений, как выступал против «неразборчивого сотрудничества». С одной стороны, тенденция идейно-художественного самоопределения свидетельствовала о наличии сложившихся у революционных писателей идейных и творческих принципов, а с другой — таила опасность отделения, изоляции новых явлений в культуре от сложившихся ранее демократических позиций у прогрессивных писателей. Преодоление этого возможно было лишь в результате дальнейшего эстетического и идейно-художественного развития теории и практики революционного искусства, при широком использовании демократического национального наследия.

На рубеже XIX—XX вв. в условиях подъема общественного движения можно обнаружить определенные изменения и в болгарской музыкальной культуре. Особенно это обнаружилось в появлении рабочих маршей, в создании рабочих хоров. Первые болгарские композиторы Э. Манолов, Д. Христов, Г. Атанасов пишут музыку на слова болгарских поэтов Г. Киркова («Рабочий марш»), Н. Ракитина («Красное знамя»), С. Румянцева («Молодежная песня»). Одновременно с оригинальными песнями на утренниках и вечерах часто распространяются русские, польские и немецкие революционные песни. Это вносит определенный дух интернационализма — явление, новое для болгарской культуры. «Во всех рабочих маршах,— пишет болгарский музыковед В. Крыстев,— господствуют интонации

городской бытовой музыки. В отличие от городских песен Возрождения, где своеобразно преломлялся сельский мелос, в маршах отсутствует национальный колорит... Авторами таких песен бывают сами рабочие либо представители городской интеллигенции, подражавшие определенным образцам. И поскольку в болгарской музыке подобных примеров не было, эталоном служили те песни и марши, где идеи борьбы рабочего класса, его настроения и мысли были выражены наиболее убедительно. Это были прежде всего песни русского и немецкого пролетариата»¹⁴.

Важным достижением в культурном развитии Болгарии этого времени явилось создание национальных центров в области науки — основание Софийского университета и Болгарской академии наук, в области искусства — появление профессионального театра, создание Болгарского музыкального союза и учреждение первого музыкального училища, преобразование рисовального училища в художественно-промышленное, а также крупное городское строительство, в особенности зданий культурного и административного назначения. Во всем этом нельзя не заметить определенного прогресса, в котором, правда, больше ощущается развитие общедемократических тенденций и фактически не прослеживаются собственно элементы социалистической культуры. В отличие от эпохи национального Возрождения, когда в становлении болгарской культуры преимущественно использовался опыт русской культуры, теперь — при сохранении традиционных отношений — расширялись связи болгарских ученых и писателей, художников и архитекторов с культурой западноевропейских стран, особенно Германии, Австрии, Франции. Все это содействовало дальнейшему развитию и обогащению болгарской национальной культуры, хотя нередко порождало и определенные противоречия, вызванные борьбой противоположных идеологических или художественных концепций. Не секрет, что в начале XX в. из Германии проникали в Болгарию теории идеалистической философии и модернистской эстетики, которые усиливали противоречивые явления в болгарской художественной культуре.

После первой мировой войны в истории Болгарии начинается новый этап, вызванный крахом политики националистической буржуазии и революционными выступлениями болгарских пролетариев. Одним из первых таких крупных выступлений было Владайское восстание солдат в 1918 г. Болгарские крестьяне и рабочие, одетые в солдатские шинели, использовали опыт участников Великой Октябрьской революции и обратили оружие против монархии и реакционных правителей. В результате царь Фердинанд вынужден был отказаться от престола и к власти пришло демократическое правительство А. Стамболийского. Новым мощным сотрясением устоев буржуазного строя явилось всенародное антифашистское восстание в 1923 г. Как писал

Г. М. Димитров, оно провело такую «глубокую кровавую борозду между народными массами и фашистской буржуазией»¹⁵, которую ничем уже нельзя было заполнить. Эти революционные выступления не привели к коренному изменению существующего буржуазно-монархического строя, но они оставили глубокий след в последующем политическом развитии страны и явились прелюдией к социалистической революции 1944 г. Подъем революционного движения в стране сразу же после первой мировой войны привел к существенным изменениям в области культуры.

Прежде всего обращает на себя внимание широкое распространение идей научного социализма. Разворачивается активная политическая деятельность выдающихся болгарских марксистов Г. Димитрова, В. Коларова, Х. Кабакчиева. В стране широко распространяются идеи Октябрьской революции, революционной советской литературы. Партия тесных социалистов преобразуется в Болгарскую коммунистическую партию и вступает в III Коммунистический Интернационал. В это время растет и ширится в стране коммунистическая и антифашистская печать. Наряду с зарекомендовавшими себя ранее социал-демократическими изданиями «Ново време» и «Работнически вестник», появляются такие общественно-литературные органы болгарских коммунистов, как «Червен смях», «Нов път», «Наковалня», «Новис», «РЛФ» и др.

Возрастает издание оригинальной и переводной марксистской литературы, в частности трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, работ В. И. Ленина. В политической и общественно-культурной жизни особое внимание уделяется развитию пролетарской культуры. Осенью 1920 г. ЦК Болгарской коммунистической партии разослал своим окружным и местным комитетам письмо, в котором целый раздел был посвящен вопросам пролетарской культуры в Болгарии. В нем говорилось: «Наша партия, естественно, будет участвовать в этой организации (речь идет о международном объединении Пролеткульт.— В. З.), и ЦК уже назначил комитет пролетарской культуры, который под руководством ЦК возьмет в свои руки дело организации этой деятельности в нашей партии. Секретарь этого комитета — Д. Полянов. Вся партия вправе ожидать, что в короткое время ее всесторонняя культурная работа решительно шагнет вперед, приобретя систему, планомерность и истинно коммунистический дух»¹⁶. В развитии пролетарской культуры активно участвовали Г. Бакалов, Д. Полянов, Т. Павлов.

На страницах журнала «Ново време» развернулась дискуссия о характере и задачах пролетарского искусства. К сожалению, в этой дискуссии ряд критиков стоял на вульгарно-социологических позициях. Важным событием в освещении проблем пролетарского искусства Болгарии явилась книга Г. Бакалова «Беседы по искусству» (1924). Не все в ней мы можем

принять сейчас, но сила утверждения пролетарской культуры, выделение того ценного, что есть в практике болгарских пролетарских писателей,— важная заслуга критика-марксиста. Не лишним будет здесь заметить, что сама практика болгарских писателей и художников, создававших оригинальные произведения о жизни и борьбе болгарских пролетариев, была шире провозглашавшихся теорий и сыграла большую роль в общественно-культурной жизни страны. В газете коммунистов «Работнически вестник» появляется литературное приложение, выполняющее роль литературного еженедельника, а на страницах журнала «Червен смях» активно участвуют поэты Д. Полянов и Х. Смирненский, пролетарские художники А. Жендев, К. Кюлявков, публиковавшие также публицистические произведения. Как в художественных произведениях, так и в публицистике большое место отводится Советской России и судьбе русской революции. Если к этому прибавить непрерывно нараставшее число переводов советских авторов (поэты «Кузницы», переводы из А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина), то следует сказать, что общий удельный вес революционной литературы в Болгарии в начале 20-х годов заметно возрос. Одно из первых мест в культурной жизни принадлежало Х. Смирненскому, который в сборнике «Да будет день!» (1922) сумел достичь высоких художественных завоеваний, ставших мерой болгарской пролетарской и революционной литературы.

В произведениях Х. Смирненского образ пролетария создавался через изображение политической борьбы болгарских трудящихся, и потому он был наделен реальными национальными чертами своего времени. Пролетарий теперь выступал не как отвлеченная аллегория, что было свойственно ранней пролетарской поэзии Болгарии, а как участник уличных боев и демонстраций, рядовой труженик, борец за идеи интернационализма. Марксистская критика, и особенно Г. Бакалов, высоко оценивали поэзию Х. Смирненского, называя его «поэтом восходящего пролетариата», «самым большим пролетарским поэтом». Г. Бакалов видел достоинства Х. Смирненского не в том, что он в своих стихах воплощал политические лозунги, а в том, что его поэзия «образно воссоздавала целый новый мир чувств и идей, которые воодушевляли пролетариат в его эпической борьбе»¹⁷. Давая общую характеристику творчества Смирненского, критик-марксист писал: «Восторг, опьянение борьбой, жажда подвига и самопожертвования, подъем, бунт и движение, движение, движение — вот содержание поэзии Смирненского. А форма ее — феерия огнеструйных образов и картин»¹⁸. Поэзия и публицистика Х. Смирненского заложили основы социалистического реализма в болгарской литературе и явились одной из вершин болгарской революционной культуры. Его творчество оказало значительное влияние на все последующее развитие болгарской социалистической литературы.

На страницах левых и коммунистических изданий вместе со Смирненским выступали художники А. Жендов, С. Венев, И. Бешков. В политических рисунках, острых карикатурах они обличали мир насилия и угнетения, живо откликнулись на многие политические события, давая им сатирическое звучание. А. Жендов в иллюстрациях к сборнику Смирненского «Зимние вечера» создал волнующие образы заброшенных детей — жертв капиталистической действительности. В практике 20—30-х годов А. Жендов, как пишет М. Цончева, «выработал свое личное восприятие и изобразительный стиль, который ярко выделяется на общем фоне развития современного болгарского искусства. Произведения его становятся остросатирическими. Художник колет, рубит, жестоко бичует. Он умело использует гротеск, шарж, деформацию»¹⁹. Как видим, в пролетарском искусстве происходят значительные перемены. Оно не только обогащается новыми темами, образами и проблемами, но и прокладывает новые пути в развитии прогрессивной литературы и искусства. Теперь социалистические элементы приводят к образованию пролетарской культуры, воздействующей на национальный процесс. С этим уже не смогли не считаться идеологи правящих кругов и охранители буржуазной культуры.

Другая линия развития революционной культуры в Болгарии в 20-х годах связана с зарождением антифашистского движения. Жестокое подавление Сентябрьского восстания 1923 г. и повсеместное преследование в 1923—1925 гг. участников антифашистского выступления, прогрессивных деятелей культуры вплоть до их физического уничтожения — все это породило упорное сопротивление монархо-фашистской реакции. В культуре еще больше обнажились противоречия между теми, кто отстаивал идеи демократического развития, и теми, кто шел на поводу реакционных сил страны. Вместе с антифашистским восстанием 1923 г. в Болгарии родилась и «сентябрьская литература», ставшая прообразом будущего широкого течения антифашистской литературы. Первым и наиболее крупным ее представителем стал Г. Милев — выдающийся поэт и публицист, вдохновенный переводчик и театральный деятель. С его именем в Болгарии связано не только проявление авангардистских (точнее, символистских и экспрессионистских) тенденций, но и утверждение революционно-романтического течения, вызванного пафосом антифашистской борьбы. Самым значительным его произведением стала поэма «Сентябрь» (1924) — произведение исключительное по силе выражения массового героизма народа во время восстания, по силе обличения реакции, произведение новаторское по стилю и характеру образности, в котором сильно выражено в экспрессивной форме величие народного подвига.

Не случайно сразу же после опубликования поэмы она была запрещена монархо-фашистской цензурой и находилась

под строгим запретом вплоть до сентября 1944 г. В ответ на запрещение поэмы и изъятие номера журнала «Пламя» с поэмой Гео Милев писал: «Можно конфисковать и эту книгу. «Пламя» может быть совсем закрыт. Может не существовать журнал «Пламя». Но нет в мире пожарной команды, которая может погасить пламя мысли»²⁰. Мужественное выступление революционного поэта не прошло бесследно; в 1925 г. он был брошен в фашистские застенки и там зверски замучен. Вместе с Милевым «исчезли» в казематах тюрем многие журналисты, писатели, деятели культуры и искусства, осмелившиеся выступить против реакции в защиту восставшего народа.

А. Страшимиров, стоявший ранее в стороне от революционных выступлений, был глубоко потрясен кровавым белым террором, который начался в сентябре 1923 г. Он обратился к учителям, писателям, деятелям искусства с воззванием не оставаться безучастными к страданиям народа «перед страшным бедствием после только что подавленной гражданской войны в стране» и помочь семьям убитых и арестованных, которые не могут ожидать помощи от тех, «кто убивал свой народ, как не убивали его турки»²¹. В апреле 1927 г. в редактируемой им газете «Ведрина» А. Страшимиров публикует список 35 известных болгарских писателей, общественных деятелей, деятелей искусства, погибших в годы террора после Сентябрьского восстания. Среди них Г. Милев и С. Румянцев, Х. Ясенев и Й. Хербст, А. Стамболийский и Д. Страшимиров. «Этот кровавый список блестящих имен,— писал А. Страшимиров,— будет ужасать поколения»²². В том же году по случаю годовщины гибели Х. Ботева писатель-гуманист снова бросит вызов правящим кругам: «Вы можете нас судить, бить, и убивать и вешать. Все можете. Но вы не можете погасить у нас революционного пламени: не можете заглушить крика жаждущих хлеба и свободы!»²³.

Публицистические выступления Г. Милева и А. Страшимирова в самую мрачную пору белого террора были смелым голосом революционной и демократической общественности, оставшейся несломленной и непокоренной. Их статьями было положено начало болгарской антифашистской публицистике, получившей свое развитие на страницах легальной и нелегальной печати в 30-х годах и сыгравшей важную роль в пробуждении гражданского сознания и утверждении высоких и светлых национальных идеалов.

Вслед за поэмой Милева «Сентябрь» появилась целая литература, посвященная событиям 1923 г. Это стихи и рассказы, очерки и публицистические выступления, а затем и роман. Наибольшую активность в публикации произведений на жгучие темы современности проявили журналы «Пламя», «Звѣнар», «Нов път» и газета «Ведрина». Именно эти издания сыграли важную роль в утверждении литературы, проникнутой высоким гражданским пафосом и отмеченной новыми художествен-

ными открытиями. Особое место в этой литературе принадлежит сборникам стихотворений «Весенний ветер» Н. Фурнаджиева и «Жертвенные костры» А. Разцветникова, рассказам А. Каралийчева в сборнике «Рожь» и роману А. Страшимирова «Хоро»²⁴. Поэты и прозаики с чувством глубокой боли писали о кровавом разгуле реакции, о гибели тысяч болгарских патриотов. В новых произведениях наряду с революционной романтикой, динамичностью, свойственной болгарской социалистической поэзии 20-х годов, проявились новые тенденции в реалистическом изображении действительности, в широком использовании народной образности в стиле и языке произведения, в тяготении к жанрам баллады, сказки и легенды. Если в период становления болгарской национальной культуры в 50—70-х годах XIX в. болгарские писатели через народные образы стремились выразить в большей степени национальное самосознание, национальную сущность раскрываемых явлений, то теперь обращение к народной культуре связано с раскрытием социального конфликта между теми болгарскими, которые оказались жертвами, и теми, кто «убивал свой народ, как не убивали его турки». В сущности речь шла о столкновении разных классовых сил внутри одной нации и о литературе, выражающей социально непримиримые противоположности.

К этой же острополитической теме вслед за писателями обратились художники и композиторы, стремившиеся своими художественными средствами передать драматические и трагические страницы в жизни болгарского народа. К числу наиболее ярких художников, для которых тема Сентябрьского восстания была одной из главных, относится И. Милев. В акварели «Сентябрь 1923 года», воспроизводящей подъем народа в канун восстания, и в картинах, исполненных глубокой скорби («Наши матери все ходят в черном», «День поминовения»), художник запечатлел реальные события. В картинах переданы национальный быт и крестьянская обрядность, но больше всего впечатляет выраженное с большой экспрессией человеческое страдание, которое вырастает в символ национальной трагедии. Несколько позже к этой же теме обратится и П. Георгиев в картинах «День поминовения усопших», «Погребение», «Бедствие». Он снова заговорит о глубокой скорби и выразит суровое осуждение тем, кто повинен в тысячах трагедий. Новая тематика в картинах художников, в их политических рисунках и карикатурах привела к суровому изображению жизни и быта болгарских крестьян, позволила по-новому использовать народную образность, обогатив национальное искусство более острым социальным видением крестьянского мира. В антифашистской тематике черпали свои темы и мотивы болгарские композиторы 20-х годов П. Стайнов, С. Обретенов, Ф. Кутев и др.

Развитие двух революционных тенденций в болгарской культуре, связанных с подъемом пролетарского движения в на-

чале 20-х годов и вызванных Сентябрьским восстанием, по большей части проходило параллельно, но оно оказывало значительное влияние на всю демократическую культуру Болгарии. Не случайно писатель С. Загорчинов сразу же после первой мировой войны скажет: «Рождался новый мир, с новым видением и другим ощущением, рождалась и утверждалась его новая душа»²⁵. Еще более определенно выразит новое отношение к болгарской действительности Елин Пелин — писатель, который всем своим творчеством был связан с жизнью болгарского крестьянства. В 1922 г. он писал: «Коммунизм как идеал обновления человечества и человека я уважаю. Я преклоняюсь перед черными потрескавшимися от труда руками, перед настоящими вдохновенными борцами за правду, обновление»²⁶. Сам Елин Пелин в своем творчестве не изобразил эти новые силы, но тот факт, что он с глубоким уважением относился к новым общественным явлениям, имело огромное значение для болгарской культуры. Именно эта его позиция помогает нам понять, почему сразу после освобождения Болгарии от фашизма писатель приветствовал Отечественный фронт и рождающуюся социалистическую действительность.

Тяга к новым социальным силам определенно выявилась в творчестве другого писателя-реалиста — Г. Стаматова. Его рассказы и повести, вышедшие после первой мировой войны, обнажали духовную пустоту буржуазного общества, утрату национальных идеалов. Суровый обличитель буржуазных нравов, он создал рассказ «На якоре» (написан между 1925 и 1930 гг., опубликован впервые в 1948 г.), в котором проблемы новой жизни связывались с образом коммуниста.

Под влиянием новой социально-политической обстановки в стране и при нарастании социалистических тенденций в культуре расширяется проблематика произведений демократических писателей, художников, скульпторов. В 1920 г. С. Иванов создает картину, исполненную глубокого социального смысла, под названием «Вагон третьего класса». Писатель-гуманист К. Константинов также обращается к болгарским труженикам с их горестями и надеждой на лучшее будущее. В рассказе «В вагоне третьего класса» он изобразил бедных крестьянских детей, оставивших голодное село и мечтавших в большом городе найти заработок. В 1936 г. И. Фунев — крупный болгарский скульптор, воплотивший в гипсе и камне немало революционных образов, создал рельеф «Третий класс», в котором еще больше заострены социальные мотивы. Изображенные в рельефе лица, тянущиеся к окну и воздуху, воспринимаются как порыв людей из народа к лучшей жизни и свободе.

Новое восприятие окружающей действительности прогрессивными деятелями культуры расширяет их творческие горизонты и побуждает шире использовать зарубежный опыт революционных писателей, художников, композиторов. Они исполь-

зуют опыт немецких и французских деятелей искусства, а еще в большей степени опираются на опыт революционной культуры Советской России. Высоко оценил завоевания советской культуры в разных областях Г. Милев, когда в журнале «Пламя» писал, что «культурная жизнь в России развивается такими темпами, до которых западное новаторство еще не дошло... Русское искусство и культура поднялись во весь свой исполинский рост и дали нам такие имена, как А. Толстой, Маяковский, Эренбург, Есенин, Пильняк, Пастернак, Асеев, архитектор Татлин, художники Лисицкий, Григорьев, Гончарова, режиссеры Таиров, Мейерхольд, актеры, как Чехов, музыканты, как Мясковский»²⁷. Опытom этих деятелей культуры широко пользовались революционные болгарские писатели и художники, композиторы и театральные деятели, что, несомненно, содействовало обогащению всей национальной культуры Болгарии.

Если пользоваться термином «элементы социалистической культуры», то применительно к Болгарии 20-х годов следует сказать, что они в это время возросли количественно и претерпели большие качественные изменения. Они содействовали более конкретному изображению реальной действительности, повысили социальное содержание произведений и стали важным фактором общественной жизни, воздействуя на весь культурный процесс. Они привели к созданию в Болгарии, по справедливому замечанию литературоведа Т. Жечева, «нового климата для культурного творчества» и породили «целое течение в болгарской культуре»²⁸. Теперь социальная сущность двух культур стала выступать более зримо и проявляться в разных сферах. Тенденции социалистической культуры заметно возросли.

С начала 30-х годов в Болгарии в результате разных обстоятельств усиливается активность деятелей революционной культуры. В сущности, она вступает в новый этап своего развития, который характеризуется ростом теоретического уровня, сплочением революционно-пролетарских и антифашистских сил, широким использованием национального демократического наследия, а также дальнейшим размежеванием социалистической художественной культуры с культурой буржуазной, ставшей охранительницей монархо-фашистского режима.

Прошедшая в Советском Союзе дискуссия по философским проблемам (1929—1930 гг.) дала толчок развитию марксистской теоретической мысли и в Болгарии. В числе первых болгарских ученых, начавших борьбу за более широкое и творческое использование теоретического наследия В. И. Ленина, были С. Гановский и Т. Павлов. Первый из них не только познакомил болгарскую общественность с содержанием дискуссии, но и создал важные труды, прокладывавшие новые пути в философской мысли: «Основные направления в философии»

(1934) и «Основные законы научной философии» (1940). Т. Павлову принадлежит ряд глубоких исследований философского и эстетического характера, в которых он, опираясь на ленинские принципы, разрабатывал важные теоретические проблемы. К числу его капитальных трудов, получивших признание в самой Болгарии и за ее пределами, относится монография «Теория отражения», впервые изданная на русском языке в 1936 г. Вслед за ней он опубликует обобщающие труды: «Общая теория искусства» (1937), «На философские и литературные темы» (1938), в которых содержатся принципиальные положения о закономерностях развития искусства и литературы в условиях буржуазного общества. В них эстетик-марксист выступил как против слепого следования плехановским положениям в теории эстетики, так и против рассмотрения искусства и литературы как явлений внеклассового характера. Его работы были нацелены на всемерное использование революционного и демократического наследия прошлого, на разоблачение буржуазных теорий в эстетике и литературной критике и немало содействовали сплочению прогрессивных сил на культурном фронте.

Вслед за С. Гановским и Т. Павловым в пролетарской литературе выступил Г. Бакалов. Его статьи, составившие книгу «Против меньшевизма в литературоведении» (1934), и в плане самокритики, и в плане позитивного истолкования ленинских взглядов на литературу, на наследие прошлого имели большой общественный резонанс.

Движение за перестройку революционного идеологического и культурного фронта на принципах марксистско-ленинской теории, или, как в Болгарии говорят, движение за «ленинизацию» общественно-культурной жизни, сыграло счесь важную роль в развитии социалистических тенденций в культуре. Прежде всего это привело к идейно-художественному росту самих творцов революционного искусства, расширивших проблематику своих произведений и обогативших их национальное выражение. В 30-х годах произошло объединение революционно-пролетарских и антифашистских сил, которые раньше существовали как отдельные течения. Практически это выразилось в сближении разных деятелей культуры на почве общих идейно-художественных принципов. Теперь в одних периодических изданиях сотрудничали коммунисты и беспартийные деятели культуры. Новое явно проступало и в создаваемых творческих союзах. В конце 1931 г. был создан Союз борющихся писателей (Съюз на трудово-борческите писатели), в котором впервые объединились коммунисты и беспартийные антифашисты²⁹. В силу суровых цензурных условий Союз просуществовал недолго, но сам принцип объединения имел большие последствия. С писателями в этом Союзе сотрудничали художник А. Жендов, скульпторы Н. Шмиргела, И. Фунев. В том же 1931 г.

прогрессивные художники создали свое Общество новых художников, сплотившее мастеров кисти разных течений, объединенных общими взглядами на задачи революционного искусства в общественной жизни. Новое общество художников, как и Союз борющихся писателей, явилось, по заключению болгарского искусствоведа Д. Остоича, «одной из легальных форм влияния партии на изобразительное искусство, местом воспитания прогрессивных художников»³⁰.

Процесс объединения прогрессивных сил в художественной культуре затронул и болгарских композиторов. В начале 1933 г. в Софии было создано общество «Современная музыка» во главе с известным уже в то время композитором П. Стайновым. Почетным членом его стал представитель старшего поколения болгарских композиторов Д. Христов. Новая организация, как пишет В. Крыстев, «стремилась объединить усилия всех композиторов вокруг коренной проблемы — создания национального музыкального искусства в Болгарии, или, иными словами, создания в музыке на основе народно-песенного творчества «болгарского национального стиля»³¹. При этом надо отметить, что борьба за национальный стиль в музыке не означала повторения того стиля, который складывался в пору национального Возрождения в литературе, театре или живописи, даже не означала возврата к стилю конца XIX — начала XX в. Теперь перед деятелями музыкального искусства стояла задача, как писал П. Стайнов, «восстановить равновесие между композитором, публикой и событиями, стать правдивым выразителем своего времени»³². Здесь речь шла о том, чтобы музыку наполнить современными революционными мотивами, чтобы она соответствовала самым прогрессивным тенденциям. К такому заключению нас подводит и статья Л. Пипкова «О болгарском музыкальном стиле» (1934), которой открывалась широкая дискуссия по поводу стиля в болгарской музыке. В статье Л. Пипков писал: «Чинтулов и Ботев избрали бунт и «борческое» начало как основу для выражения болгарского духа в поэзии. Не должен ли болгарский музыкальный стиль следовать по пути болгарской поэзии?»³³ Комментируя этот риторический вопрос, болгарские музыковеды приходят к убеждению, что «речь шла не столько о проблемах стиля и не столько о музыке, сколько о социальной позиции болгарской художественной интеллигенции»³⁴.

Итак, дискуссия и опыт болгарских композиторов свидетельствовали о больших сдвигах в сознании художественной интеллигенции, определенно поддерживавшей демократические и прогрессивные тенденции в современной культуре.

Борьба за национальный стиль в музыке 30-х годов была связана с углублением революционного содержания, расширением народности искусства. Шел процесс дальнейшего развития революционной и демократической культуры, что вызывало

ожесточение в среде правящих кругов и их официальных «культуртрегеров».

Чтобы составить более полное представление об общих процессах в болгарской культуре 20—30-х годов, сошлемся еще на опыт театральных деятелей. Еще в 1919 г. был создан Союз артистов и театральных работников, который на протяжении всего времени господства монархо-фашистского режима в стране играл прогрессивную роль. Передовые болгарские артисты и режиссеры боролись за утверждение национального репертуара, за возможность постановок пьес советских авторов, за демократического зрителя. В начале 30-х годов были созданы театр «Синих блуз», «Народная сцена», «Реалистический театр» и другие коллективы, стремившиеся к обновлению художественных форм и новому содержанию спектаклей. Это встречало самое упорное противодействие со стороны властей. Вот как об этом рассказывает известный болгарский режиссер Б. Дановский: «В 1932 г. мы основали Союз театральных зрителей со своим собственным театром — общедоступной народной сценой. Полиция «демократического» министра встала на дыбы. Нам пришлось каждые 3—4 дня искать новый зал для репетиций, ибо агенты полиции вторгались в помещения, где мы работали, арестовывали и избивали нас»³⁵.

Естественно, что при таких условиях трудно было развиваться социалистическим тенденциям в театре, находившемся под строгим контролем цензуры. И все же в невероятных трудных условиях прогрессивные деятели искусства отстаивали свои убеждения, опираясь на богатые национальные традиции и опыт революционного искусства. Это дало основание Г. М. Димитрову во время чествования в 1949 г. А. Будевской сказать, что болгарские деятели искусства, и в особенности театрального, «устояли перед многими соблазнами и насилиями», что они «во времена фашистского рабства высоко держали знамя подлинного народного искусства, не искусства для искусства, а искусства, служившего народу, искусства, повышавшего его культуру, его воспитание, искусства, отражающего прогресс нашей страны»³⁶.

Сплочение прогрессивных деятелей культуры шло на основе осуждения политики реакционного монархо-фашистского режима, на основе глубокой связи народной интеллигенции Болгарии с растущим и крепнущим рабочим классом, с широкими крестьянскими массами. Не случайно борьба против реакции, против реакционной идеологии и буржуазной культуры сопровождалась созданием значительных художественных произведений, затрагивавших судьбы народа, его борьбу за социальные и политические права. В литературе это были книги Г. Караславова, Л. Стоянова, Н. Вапцарова, Х. Радевского и многих других революционных художников слова. В изобразительном искусстве это были картины С. Венева, С. Сотирова,

Н. Балканского, как и художников демократического направления — В. Димитрова-Майстора, Х. Станчева, П. Лавренова и др. В болгарской музыке большие достижения знаменовали творчество таких композиторов, как П. Стоянов, Л. Пипков, П. Владигеров, С. Обретенов, Ф. Кутев и др. Художественные завоевания революционных и прогрессивных деятелей культуры привели к тому, что в литературе властно заявило о себе новое течение социалистического реализма, представленное многими произведениями, которые вошли в сокровищницу национальной культуры. Эти тенденции широко проявились и в изобразительном искусстве в 30-х годах, которые стали периодом расцвета национальных талантов, а в творчестве многих художников демократическая и гуманистическая линия заняла доминирующее положение.

Разумеется, многие социалистические тенденции в художественной культуре не могли быть развиты в условиях реакционного режима. Многие сферы культуры вообще были под суровым надзором властей, и работники культуры, культурные центры фактически не имели возможности развития. Как дамоклов меч над деятелями культуры висели реакционный Закон о защите государства, десятки других запретов, ограничивавших и тормозивших развитие подлинно национальной культуры.

Рассматривая развитие социалистических тенденций в болгарской культуре с начала XX столетия, мы приходим к заключению, что определение «элементы социалистической культуры» в наибольшей степени подходит к раннему этапу развития болгарской революционной культуры, который протекал с конца прошлого столетия до конца первой мировой войны. В начале 20-х годов социалистические тенденции значительно возрастают, что приводит к появлению пролетарской культуры, возникновению метода социалистического реализма. В следующем десятилетии рост революционных сил в стране ведет к образованию социалистической литературы и искусства. Социалистический реализм в художественной культуре теперь занимает видное место. При этом революционная и общедемократическая культура по существу становится подлинной выразительницей национальных интересов. Мы не можем говорить в это время о существовании сложившейся социалистической культуры, так как господствующий класс держит под неусыпным контролем все проявления духовной жизни (просвещение и науку, печать, творческие союзы и др.) и разными методами подавляет все передовое и прогрессивное в национальной культуре. Но если говорить о художественном творчестве, художественной и эстетической мысли 30-х годов, то в этой области мы обнаруживаем процесс складывания основ социалистической культуры. Дальнейшее ее развитие и утверждение оказываются возможными уже после 1944 г. — времени свершения социалистической революции в Болгарии.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 121.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 14.
- ⁵ Основы марксистско-ленинской теории культуры. М., 1976, с. 62.
- ⁶ Там же, с. 64.
- ⁷ Там же, с. 65.
- ⁸ Попов К. Културна революция и културна политика на БКП.— В кн.: 30 години социалистическа България. София, 1974, с. 235.
- ⁹ Более подробно об этом см.: Авджиев Ж. Влиянието на социалистическите идеи върху българска литература. София, 1968.
- ¹⁰ Каракостов С. М. Горки и българската литература. София, 1947, с. 16.
- ¹¹ Благоев Д. Литературно-критически статии. София, 1951, с. 64.
- ¹² Бакалов Г. Избрани произведения, т. 1. София, 1963, с. 315—384.
- ¹³ Бакалов Г. Избрани произведения, т. 1, с. 315—384.
- ¹⁴ Крыстев В. Очерки по истории болгарской музыки. М., 1973, с. 99.
- ¹⁵ Димитров Г. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, с. 589.
- ¹⁶ Письмо ЦК БКП от 3 XII 1920 г. Хранится в Центральном партийном архиве в Софии. Цит. по статье Д. Паскалева в кн.: Новаторство и художественное многообразие литературы и искусства. М., 1970, с. 203—204.
- ¹⁷ Бакалов Г. Избрани произведения, т. 2. София, 1963, с. 11.
- ¹⁸ Бакалов Г. Избрани произведения, т. 2, с. 25.
- ¹⁹ Цончева М. Прогрессивные тенденции в болгарском изобразительном искусстве межвоенного двадцатилетия.— В кн.: Современное искусство Болгарии. М., 1974, с. 29.
- ²⁰ Милев Г. Избрани произведения, т. 2. София, 1971, с. 273.
- ²¹ Цит. по кн.: Авджиев Ж. Септемврийска литература. 1923—1927. София, 1973, с. 190.
- ²² Страшимиров А. Съчинения, т. 7. София, 1963, с. 329.
- ²³ Страшимиров А. Съчинения, т. 7, с. 329.
- ²⁴ Более подробно см.: Авджиев Ж. Септемврийска литература. 1923—1927.
- ²⁵ Загорчинов С. Един живот в сянка. София, 1966, с. 84.
- ²⁶ Пелин Елин. Събрани съчинения, т. 10. София, 1959, с. 129—130.
- ²⁷ Милев Г. Избрани произведения, т. 2, с. 222—223.
- ²⁸ Жечев Т. Литература и общество. София, 1976, с. 28.
- ²⁹ Колевски В. Съюз на трудово-борческите писатели.— Септември, 1964, № 8, с. 148—161.
- ³⁰ Остоич Д. Из борбата за социалистическия реализъм в българското изобразително изкуство. София, 1967, с. 35.
- ³¹ Крыстев В. Очерки по истории..., с. 103.
- ³² Цит. по: Крыстев В. Очерки по истории..., с. 104.
- ³³ Цит. по кн.: Друмева К., Костакиева М., Хлебаров И. Любомир Пипков. М., 1976, с. 48.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Цит. по кн.: Державин К. Болгарский театр. Очерк истории. М.—Л., 1950, с. 287.
- ³⁶ Димитров Г. М. За литературата, изкуството и култура. София, 1971, с. 287—288.

КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ (Межвоенный период)

Буржуазная демократия означает политическое господство класса буржуазии, осуществляемое в формах конституционной монархии, президентской или парламентской республики. Основными ее чертами с формально-юридической точки зрения являются: «разделение власти» на законодательную, исполнительную и судебную, сосредоточение законодательной власти в руках парламента, ответственность перед ним правительства, несменяемость судей, существование ограниченного местного самоуправления, провозглашение традиционных буржуазных свобод: слова, печати, собраний и т. п.¹

На первых порах буржуазная демократия обеспечивала, хотя и не в одинаковой мере, интересы различных групп буржуазии — от крупной финансовой и промышленной до мелкой — и таким образом являлась своего рода оптимальной формой господства капиталистического класса в целом². Позднее ее функции ограничиваются, она используется крупной буржуазией или отдельными ее группами для обеспечения прежде всего или главным образом своих интересов.

Буржуазная демократия, гарантируя право частной собственности на средства производства, не устраняет неравенства между людьми. Прокламируемые буржуазией права и свободы имеют формальный и ограниченный характер, когда речь идет о трудящихся массах. Пролетариат по мере возможности использовал эти права и свободы в борьбе против социального и политического угнетения. «Демократическая республика и всеобщее избирательное право,— отмечал В. И. Ленин,— по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет, образовать те стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом»³.

В эпоху империализма, для которого характерна «политическая реакция по *всей* линии»⁴, усиливается тенденция к подрыву и выхолащиванию буржуазной законности, к упразднению буржуазной демократии. Срачивание государства с монополиями ведет к сужению социальной базы государства, к дальнейшему его отчуждению от общества, к усилению относительной самостоятельности государства, к антидемократиче-

скому перерождению его институтов, в частности к возвышению исполнительной власти над представительными учреждениями. В результате необычайно возрастает роль «государственной машины», ее чиновничьего и военного аппарата.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, явившаяся закономерным следствием общественного развития и классовой борьбы в условиях монополистического капитализма, открыла новую эпоху в мировой истории, эпоху перехода человечества от капитализма к социализму. В результате победы Октябрьской революции возникло первое в мире социалистическое государство. «...Советский переворот,— указывал В. И. Ленин,— дал невиданный в мире толчок развитию демократии и вглубь и вширь, притом демократии именно для трудящихся и угнетенных капитализмом масс,— следовательно, демократии для громадного большинства народа, следовательно, демократии социалистической (для трудящихся), в отличие от демократии буржуазной (для эксплуататоров, для капиталистов, для богатых)»⁵. С переходом власти к Советам утвердилась подлинная, социалистическая демократия. Она реально обеспечила политические и социально-экономические права граждан. В ней воплотилось единство прав и обязанностей, подлинной свободы и гражданской ответственности, гармонически сочетались интересы общества, коллектива и личности.

С образованием социалистического государства стали действовать новые закономерности мирового развития, капитализм перестал быть всеохватывающей мировой системой, сузились его сфера и влияние, углубились свойственные ему противоречия, произошли коренные сдвиги в расстановке классовых сил на международной арене. Октябрьская революция оказала громадное воздействие на мировой революционный процесс, классовая борьба пролетариата и национально-освободительное движение приобрели невиданный ранее размах. Советское государство стало политической и материальной опорой рабочего и национально-освободительного движения во всем мире.

Первая мировая война и Октябрьская революция положили начало общему кризису капитализма. Характерными чертами этого кризиса являются: раскол мира на две противоположные социальные системы и борьба между ними, в ходе которой укреплялись позиции социализма и ослаблялись устои капитализма; обострение внутренних противоречий капитализма, развитие государственно-монополистического капитализма, усиление неустойчивости и загнивания капитализма в сфере экономики, политики и идеологии; кризис колониальной системы.

В период общего кризиса капитализма резко углубляются классовые и национальные противоречия и усиливается освободительная борьба трудящихся. В этих условиях монополистическая буржуазия, стремясь сохранить свое господство, идет на некоторые уступки трудящимся, проводит политику социаль-

ного маневрирования, а в обстановке острых классовых противоречий, будучи связанной с милитаризмом, переходит к авторитарным, диктаторским формам правления.

Одной из черт общего кризиса капитализма в политической области является кризис буржуазной демократии, характеризующийся усилением реакционных тенденций в политике правящих кругов. Запрещается деятельность революционных объединений, ограничивается свобода слова, собраний и организаций, урезаются права парламента и расширяется власть правительства, усиливается карательный аппарат и зависимость от него судебной власти, устанавливаются диктаторские и фашистские режимы. Эти явления в той или иной мере были характерны и для политического строя Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии в межвоенный период.

Проблема кризиса буржуазной демократии в западных и южных славянских странах затрагивалась или освещалась в болгарской, польской, чехословацкой и югославской историографии, в работах историков СССР и других стран⁶. Однако до сих пор ряд важных вопросов этой проблемы остается недостаточно изученным. Нет пока трудов, в которых данная проблема в отдельной стране или во всех странах освещалась бы в целом на протяжении всего периода или важнейшие ее вопросы раскрывались бы в сравнительно-историческом плане. В настоящем докладе мы хотели отметить основные черты и особенности кризиса буржуазной демократии в рассматриваемых странах и диктаторских режимов, существовавших в Болгарии, Польше и Югославии в межвоенный период.

Первая мировая война, в которую вопреки их воле были втянуты и славянские народы Центральной и Юго-Восточной Европы, принесла громадные потери и неисчислимые бедствия для трудящихся масс, резко обострила социальные, политические и национальные противоречия в воюющих странах. Октябрьская революция, ослабив мировую систему капитализма, способствовала развитию антивоенного, революционного и национально-освободительного движения, развертыванию революций в Австро-Венгрии и Германии. Она явилась решающей предпосылкой восстановления независимости Польши, образования Чехословацкой республики и объединенного югославского государства. Ленинские Декрет о мире, Декларация прав народов России, отмена договоров, касающихся разделов Польши, и другие акты Советской власти отвечали сокровенным чаяниям народов, встречали у них живой отклик.

Народные массы требовали прекращения войны, улучшения условий жизни, демократизации политического строя, национальной независимости. Антивоенное и освободительное движение приобретало все более широкий размах и острые формы. В Австро-Венгрии в январе 1918 г. состоялась всеобщая забастовка, в которой участвовало свыше 700 тыс. человек.

В феврале произошло восстание матросов на австро-венгерских кораблях в Боке Которской. Июньская всеобщая забастовка в Австро-Венгрии стала прологом новой волны революционного движения. В ходе выступлений трудящихся во многих местах создавались революционные комитеты, Советы рабочих депутатов. Летом и осенью 1918 г. в югославянских землях происходили крестьянские волнения. В сентябре 1918 г. взбунтовавшиеся болгарские солдаты двинулись на Софию, требуя наказать военных преступников. 14 октября состоялась всеобщая политическая стачка в Чехии, знаменовавшая собой начало национально-освободительной революции чешского народа.

В этих условиях имущие классы национально угнетенных народов переходят в оппозицию к правящим кругам, выдвигают требования национальной независимости. Они стремятся подчинить себе народное движение, ослабить его революционные тенденции, объединяют свои силы и готовятся к захвату власти в благоприятный для этого момент.

Революции в Австро-Венгрии и Германии ликвидировали габсбургскую и гогенцоллерновскую монархии. Чешский, словацкий и польский, а также югославянские народы Австро-Венгрии обрели национальную независимость. Это было переломное событие в их жизни. Создание национальной государственности имело большое значение для дальнейшего развития этих народов. Трудящиеся массы, связывая с национальным освобождением надежды на коренные перемены и в социальном строе, добивались преобразования общественных отношений на справедливых началах. Однако буржуазии и помещикам при поддержке империалистических держав удалось установить свою власть в создававшихся славянских государствах.

28 октября 1918 г. Пражский национальный комитет, в который входили представители всех чешских буржуазных партий и социал-демократии, провозгласил себя высшим органом власти в стране, а 30 октября Словацкий национальный совет, созданный по образцу Пражского комитета, заявил, что словацкая нация является частью «единой чехословацкой нации» и потребовал для чехословацкой нации «права на самоопределение и полной независимости». В образовавшемся 29 октября на территории югославянских земель, входивших в состав Австро-Венгрии, Государстве словенцев, хорватов и сербов верховная власть сосредоточилась в руках Народного веча, включавшего представителей буржуазных партий и правых социал-демократов. В Польской республике, провозглашенной 7 ноября 1918 г. «народным правительством», состоявшим из реформистских и мелкобуржуазных деятелей, вскоре военная и гражданская власть перешла к Ю. Пилсудскому, стремившемуся сохранить и упрочить буржуазные порядки в стране.

Придя к власти, буржуазия и помещики вынуждены были удовлетворить некоторые требования народных масс. Прокла-

мировались буржуазно-демократические свободы, в Чехословакии и Польше вводились 8-часовой рабочий день и пособия нетрудоспособным и безработным, предполагалось проведение политических и социальных реформ. Однако уже на первых порах правящие круги ограничивали использование трудящимися демократических прав и свобод, не допускали представителей народных масс в органы власти, применяли недемократические методы правления, преследовали деятельность революционных организаций, подавляли выступления рабочих и крестьян, направленные против существующего строя.

В середине ноября 1918 г. Пражским национальным комитетом была принята временная конституция республики. Она предусматривала создание национального собрания в качестве высшего законодательного органа страны. Национальное собрание было образовано не путем демократических выборов, а из представителей политических партий, пропорционально числу мандатов, полученных этими партиями на парламентских выборах 1911 г. В таком составе оно не отражало происшедших изменений в расстановке социальных и политических сил в стране, но вполне обеспечивало интересы имущих классов. Президенту республики предоставлялись широкие полномочия, правительство возглавил крупный предприниматель, один из наиболее реакционных деятелей. К началу 1919 г. правительство распространило свою власть на Словакию, а позднее ввело здесь осадное положение.

В Польше декретом от 22 ноября 1918 г. вся законодательная и исполнительная власть предоставлялась Ю. Пилсудскому как «временному начальнику государства». Он имел право назначать и распускать правительство, последнее было ответственно только перед «начальником» государства, его утверждению подлежали законы и бюджет, принятые правительством, им же назначались и высшие чиновники. Таким образом фактически устанавливалась личная диктатура в республике.

Народное вече словенцев, хорватов и сербов, призвав сохранять «мир и порядок» и не покушаться на частную собственность, издало распоряжение об изъятии оружия у населения и роспуске отрядов «зеленого кадра». Новая власть, сохраняя кое-где старую австро-венгерскую администрацию, распускала местные органы, где было сильным влияние левых деятелей; в районах, охваченных народными волнениями, учреждались военно-полевые суды. 1 декабря 1918 г. произошло объединение Государства словенцев, хорватов и сербов с Сербией и Черногорией, в результате чего образовалось Королевство сербов, хорватов и словенцев, в котором утвердилось господство крупной сербской буржуазии во главе с династической фамилией Карагеоргиевичей, проводившей великодержавную политику. Игнорируя многонациональный состав населения страны, правящие круги утверждали, что существует лишь один

трехименный народ. В несербских областях ограничивались сфера и компетенция органов местного самоуправления. В правительственном кабинете получили посты лидеры буржуазных партий, поддерживавшие идею централизованного государства, а также представители правой социал-демократии. Состав Временного народного представительства, созданного в марте 1919 г., определялся правительством.

В Болгарии буржуазия с помощью немецких войск жестоко подавила восстание солдат. Правящие круги вынуждены были подписать перемирие с державами Антанты.

Политика властей, направленная на ограничение демократических прав и свобод, на сохранение господства имущих классов, вызвала возмущение у трудящихся масс, страдавших от безработицы, дороговизны, безземелья, голода. Трудящиеся, вдохновляемые примером революционных преобразований в России, продолжали бороться за удовлетворение своих насущных нужд. Их борьбу возглавляли революционные социал-демократы.

В Польше возникли и развернули деятельность Советы рабочих депутатов, фольварочных работников, объединенные рабоче-крестьянские и крестьянские Советы, защищавшие интересы широких масс трудящихся. Советы, в которых преобладающее влияние имели революционные партии — СДКПиЛ и ППС-левица, становились органами борьбы за установление народной власти. В декабре 1918 г. СДКПиЛ и ППС-левица объединились и была создана Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП) — революционный авангард польского рабочего движения. КРПП провозгласила борьбу за революционное преобразование общественного строя и организовала выступления трудящихся против социального и политического гнета. В декабре 1918 г. произошло восстание солдат в Замостье, в январе 1919 г. — восстание крестьян в Тарнобжегском уезде («Тарнобжегская республика»), в конце 1918 — начале 1919 г. национально-освободительное восстание в Познаньском воеводстве, завершившееся победой.

В Чехословакии с января 1919 г. усиливается борьба трудящихся против дороговизны и спекуляции, за национализацию важнейших отраслей промышленности и демократическую аграрную реформу. В мае произошли бурные выступления рабочих в Кладно, Праге, Пльзене, Младе-Болеславе и других городах. Развертывавшееся стачечное движение и другие выступления трудящихся знаменовали собой начало послевоенного революционного подъема в стране. В рядах социал-демократии консолидировалась левая, революционная оппозиция. В связи с требованиями крестьян было принято решение о выкупе земельных владений, превышавших определенный размер. 16 июня была провозглашена Словацкая Советская Республика. Народная власть осуществила ряд преобразований в

интересах рабочих и крестьян. В начале декабря 1919 г. внутри социал-демократии левая оппозиция оформилась в самостоятельную организацию (марксистская левая). Она организовала выступления трудящихся против снижения зарплаты, движение солидарности с Советской Россией. Стачки рабочих в отдельных районах перерастали в вооруженную борьбу за власть. На съезде левой Чехословацкой социал-демократической рабочей партии в середине мая 1921 г. была создана КПЧ, которая возглавила революционную борьбу трудящихся.

Широкий размах приобрело революционно-демократическое движение в Королевстве СХС. В начале 1919 г. состоялись многочисленные стачки рабочих, в феврале произошла всеобщая забастовка пролетариата Боснии и Герцеговины; бастующие нередко выдвигали требования политического характера. Усилились волнения в деревне. Правительство вынуждено было 27 февраля 1919 г. издать «Предварительные распоряжения в связи с подготовкой аграрной реформы», предусматривавшие, хотя и ограниченные, меры по регулированию аграрных отношений. В процессе борьбы за социальные права и свободы происходила кристаллизация революционных сил и их объединение. В апреле 1919 г. была создана Социалистическая рабочая партия Югославии (коммунистов) (с июня 1920 г. она стала именоваться Коммунистической партией Югославии — КПЮ). Образование революционной рабочей партии имело большое значение для дальнейшей борьбы трудящихся масс за демократизацию социального и политического строя. Пролетариату удалось добиться узаконения 8-часового рабочего дня и признания правительством производственных и общественных организаций трудящихся. Весной 1920 г. развернулось мощное забастовочное движение (всеобщие стачки табачников, железнодорожников и другие выступления рабочих). На проходивших в это время общинных выборах в Хорватии, Славонии, Далмации и Черногории коммунисты, несмотря на противодействие властей, добились серьезных успехов. В сентябре вспыхнули волнения крестьян в Хорватии и Славонии.

В Болгарии в связи с последствиями военного поражения и тяжелыми экономическими условиями росло недовольство народных масс, проявлявшееся в различных формах. Правящие круги вынуждены были включить в правительство представителей БЗНС и широких социалистов. Это, однако, не ослабило социальных и политических противоречий в стране. Усиливалось влияние левых в БЗНС, возросла роль БРСДП (т. с.) в политической жизни. В мае 1919 г. БРСДП (т. с.) была переименована в Болгарскую коммунистическую партию (БКП), провозгласившую своей целью борьбу за установление диктатуры пролетариата. В июне состоялись мощные выступления трудящихся против антинародной политики буржуазии. Возникшее после парламентских выборов коалиционное правитель-

ство БЗНС и буржуазных партий не смогло преодолеть революционный кризис, охвативший страну. В декабре 1919 г. произошли массовые демонстрации, стачки железнодорожников, почтовых работников и всеобщая политическая стачка, парализовавшая жизнь страны.

При благоприятных условиях борьба народных масс перерастала в социалистическую революцию (Советская республика в Словакии), не исключалась возможность такой революции и в других странах. Буржуазия и помещики, стремясь удержать власть в своих руках, укрепляли государственный аппарат, использовали все средства вплоть до вооруженной силы для подавления революционного движения.

В Польше с целью упрочения власти имущих классов в январе 1919 г. были проведены выборы в сейм. Компартия бойкотировала эти выборы, что было ее серьезной ошибкой. Правым и примыкавшим к ним мелкобуржуазным партиям, использовавшим иллюзии масс, что с созданием национальной государственности будут обеспечены и их интересы, при поддержке властей, в ряде мест фальсифицировавших списки избирателей и результаты голосования, удалось получить большинство мандатов. Кроме того, от районов, где не проводились выборы, в сейм включались бывшие депутаты рейхстага и рейхсрата и представители буржуазных партий из Тешинской Силезии. В таком составе сейм, объявив себя законодательным, 20 февраля 1919 г. принял так называемую Малую конституцию. Она ограничивала полномочия «начальника» государства, отныне он и назначаемое им по соглашению с сеймом правительство становились ответственными перед сеймом. Укрепив свои позиции, буржуазия и помещики перешли в наступление. 1 апреля 1919 г. на большей части территории страны было введено чрезвычайное положение. Бастующие рабочие и участники демонстраций подвергались репрессиям, производились аресты активных деятелей революционного движения, захватывались помещения Советов рабочих депутатов. Компартия вынуждена была уйти в подполье, в июне — июле 1919 г. Советы, ослабленные раскольнической политикой правых социалистов, были разгромлены властями. Под давлением крестьян сейм 10 июля 1919 г. принял «Основы земельной реформы», предусматривавшие частичную парцелляцию крупных имений с условием вознаграждения их владельцев. Правящие круги, стремясь распространить свою власть на литовские, белорусские и украинские земли, проводили политику милитаризации страны, а с февраля 1919 г. начали военные действия против советских республик. Создание в освобожденном Красной Армией Белостоке Временного польского революционного комитета и его мероприятия вызвали панический страх среди буржуазии и помещиков и привели к консолидации реакционных сил. По Рижскому мирному договору польское правитель-

ство удержало за собой захваченные им Западную Белоруссию и Западную Украину, причем обязано было обеспечить условия для национально-культурного развития населения этих земель.

В чешских землях имущие классы также использовали выборную систему правления в своих интересах. На муниципальных выборах, проходивших в июне 1919 г., буржуазная аграрная партия получила значительное количество голосов, хотя победу одержали социал-демократы и социалисты. В результате было образовано коалиционное правительство, возглавляемое правым социал-демократом. В Словакии после занятия ее чехословацкими войсками, как и на территории Закарпатской Украины, был установлен режим военной оккупации. Предприниматели начали наступление на заработную плату рабочих. Революционные выступления масс подавлялись вооруженной силой.

Правящие круги в Королевстве СХС, добиваясь стабилизации режима, обрушились на своих политических противников. Против коммунистов использовались все средства: распространение ложных слухов, провокации, строгая цензура печати, запрещение собраний и митингов. Производились аресты членов компартии и других участников рабочего движения. В связи с забастовкой железнодорожников и крестьянскими волнениями в некоторых местах были введены чрезвычайные суды; власти устраняли коммунистов из общинных органов, были распущены муниципалитеты, в которых преобладали коммунисты, применялось оружие против «бунтовщиков». Закон о выборах в Учредительное собрание устанавливал образовательный ценз и устранял от участия в выборах военнослужащих и женщин. Предвыборная кампания и выборы (28.XI 1920 г.) в Учредительное собрание проходили в условиях политического террора, особенно свирепые меры применялись в отношении компартии. Несмотря на это, КПЮ по числу мандатов заняла третье место. Обеспокоенное ее успехами и выступлениями трудящихся, правительство в ночь на 30 декабря 1920 г. под предлогом, что коммунисты якобы готовят государственный переворот по «русскому большевистскому примеру» издало распоряжение, так называемую Обзнану⁷, которым запрещалась деятельность коммунистических организаций, ограничивалась свобода стачек, собраний и демонстраций. Предусматривались строгие наказания организаторов и руководителей выступлений трудящихся. Помещения и имущество организаций КПЮ и революционных профсоюзов конфисковывались, запрещалось издание газет, производились массовые аресты революционных деятелей. «Обзнана» использовалась правящими кругами и в борьбе против других прогрессивных сил.

В Болгарии власти направляли против демонстрантов и бастующих жандармерию и полицию, при этом происходили кровавые столкновения. Участники демонстраций увольнялись с

работы. Для подавления революционного движения использовались и специально созданные отряды из зажиточных крестьян (оранжевая гвардия).

Имущим классам Чехословакии, Польши, Королевства СХС и Болгарии удалось посредством политического маневрирования и применения силы сохранить буржуазный строй. Его особенности в отдельных странах обусловливались уровнем экономического и политического развития общества. Наиболее развитой в экономическом отношении была Чехословакия. Польша, Королевство СХС и Болгария являлись аграрно-индустриальными странами со средним уровнем развития капитализма. В них, за исключением Болгарии, имелись значительные остатки феодальных отношений. В Чехословакии господствующее положение занимала чешская буржуазия, в Королевстве СХС — великосербская. Острые социальные конфликты осложнялись национальными противоречиями. В таких условиях правящие круги вынуждены были в той или иной мере считаться с завоеваниями и требованиями народных масс. Эти обстоятельства определили характер и особенности общественного и государственного строя в рассматриваемых странах, получившего юридическое закрепление в конституциях: чехословацкой от 29 февраля 1920 г., польской от 17 марта 1921 г., сербо-хорвато-словенской (Видовданской) от 28 июня 1921 г.⁸ В Болгарии действовала конституция, принятая 16(28) апреля 1879 г. (Тырновская) с изменениями, произведенными в 1893 и 1911 гг.⁹

Конституции гарантировали незыблемость частной собственности, являвшейся основой буржуазного строя. В Чехословакии она могла быть «ограничена только законом» (§ 109), в Польше — отменена или ограничена в предусмотренных законом случаях (ст. 99), в Королевстве СХС — обеспечивалась с возможным ограничением ее по закону (ст. 37), в Болгарии — считалась неприкосновенной (ст. 67). Допускалось принудительное отчуждение частной собственности за вознаграждение, а в Чехословакии — в некоторых случаях и без вознаграждения.

Чехословакия по конституции являлась «демократической республикой с выборным президентом во главе» (§ 2), Польша — республикой (ст. 1), Королевство СХС — было конституционной, парламентской и наследственной монархией (ст. 1). Болгария являлась монархией наследственной и конституционной «с народным представительством» (ст. 4). Различия в государственном строе этих стран обуславливались степенью его демократизации.

В конституциях провозглашалось равенство всех граждан перед законом и декларировались личная свобода, неприкосновенность жилища, свобода печати, собраний и союзов, совести и вероисповедания, право петиций и т. п. Вместе с тем в Чехословакии предусматривались ограничение или временная от-

мена личной свободы (§ 107, 108), а также ограничение свободы печати и права собраний и союзов «в случае войны или тогда, когда внутри государства происходят события, представляющие серьезную угрозу для республиканской формы государства, конституции или общественного спокойствия и порядка» (§ 113). В Польше могла последовать временная приостановка прав личной свободы, неприкосновенности жилища, свободы печати, тайны корреспонденции, права союзов, собраний и объединений «во время войны или в случае угрозы войны, а также в случае внутренних беспорядков или обширных заговоров» (ст. 124). При этом «для усмирения беспорядков или для принудительного исполнения законных требований» разрешалось применение вооруженной силы (ст. 123). Конституцией Королевства СХС запрещались продажа и распространение газет и печатных произведений, содержащих «оскорбления» по адресу короля, членов его семьи и народной скупщины и «прямые призывы к гражданам о насильственном изменении конституции или законов страны» (ст. 13). Особыми законами в Королевстве могли быть полностью отменены право собраний, союзов и стоговоров, неприкосновенность жилища, свобода передвижения переписки и телеграфных сообщений в случае вооруженного восстания, на время войны и мобилизации (ст. 127). В Болгарии допускалось ограничение личной свободы на основании закона; во время войны, иностранного нашествия и восстания в армии могло быть объявлено военное положение и вступали в действие военно-полевые суды (ст. 73—74), предусматривались судебные наказания за преступления по делам печати (ст. 79, 81), собрания на открытом воздухе должны были проводиться в соответствии с полицейскими правилами (ст. 82), разрешалось гражданам объединяться только в союзы, которые не причиняли «вреда государственному и общественному порядку, религии и добрым нравам» (ст. 83). Как явствует из текста конституций, предполагалось применение этих мер в отношении противников существующего строя и прежде всего или главным образом в отношении революционных и прогрессивных сил.

Свобода религии предполагала исповедание такой веры, которая не противоречила бы «общественному порядку и добрым нравам». В Чехословакии церковь не отделялась от государства, в Польше при равноправии вероисповеданий римско-католическая религия занимала первое место (ст. 114), в Болгарии православно-христианская вера восточного исповедания являлась господствующей (ст. 37).

Конституциями предоставлялось гражданам право выбора высшего представительного органа власти, однако это право ограничивалось различного рода цензами. Так, активное избирательное право при выборах народного собрания в Болгарии, народной скупщины в Королевстве СХС, сейма в Польше и палаты представителей в Чехословакии имели только граждане,

достигшие 21 года (в Чехословакии — удовлетворявшие и другим требованиям закона о выборах), а пассивное право — по достижении 30 лет, причем в Болгарии они должны были быть грамотными, в Королевстве СХС говорить и писать на государственном языке. При выборах сената в Польше активное избирательное право получали лишь граждане, достигшие 30 лет и проживавшие в данной местности не менее года (за некоторым исключением), пассивное право по достижении 40 лет, при выборах сената в Чехословакии — соответственно по достижении 26 и 45 лет и удовлетворявшие другим требованиям закона о сенате. В Польше военнослужащие лишались активного избирательного права, в Королевстве СХС не могли участвовать в выборах и избираться в скупщину военнослужащие и женщины.

Постановления конституций по вопросам труда имели формальное значение, поскольку они не обеспечивали права на труд. По Видовданской конституции труд находился «под охраной государства», причем государство имело право и обязано было «вмешиваться в экономические отношения граждан в духе справедливости и в видах устранения социальных конфликтов» (ст. 23, 26), кроме того, предусматривалось введение страхования рабочих от несчастных случаев, на случай болезни, нетрудоспособности, безработицы и т. п. (ст. 31), предоставлялось право рабочим «на самоорганизацию в целях улучшения условий труда» (ст. 33). В Польше при «особой» охране труда со стороны государства устанавливалось социальное обеспечение в случае безработицы, болезни и при несчастных случаях (ст. 102). Конституция Чехословакии разрешала союзам защищать и улучшать экономические условия рабочих и служащих (§ 114). Тырновская конституция не содержала предписаний по этим вопросам.

Чехословацкая конституция не признавала национальной самобытности словаков, в ней предусматривалось лишь равноправие национальностей в культурно-языковом отношении, хотя с некоторыми ограничениями. В Польше культурно-национальная автономия национальных меньшинств должна была осуществляться «в рамках общего самоуправления» и под контролем администрации. Видовданская конституция, исходя из существования якобы единого трехименного народа, исключала создание национального самоуправления.

Законодательная власть в Чехословакии сосредоточивалась в национальном собрании, состоявшем из палаты представителей и сената, в Польше осуществлялась сеймом и сенатом, в Королевстве СХС — «совместно королем и народной скупщиной», в Болгарии принадлежала «царю и народному представительству». Парламенты могли принимать решения (за исключением вопросов изменения конституции и некоторых других дел) в присутствии одной трети или более одной трети их членов абсолютным или простым большинством голосов, т. е. при

участии сравнительно небольшого числа депутатов. В Чехословакии президент имел право принятый национальным собранием закон отослать обратно, если же национальное собрание при поименном голосовании абсолютным большинством голосов поддерживало этот закон, то он должен был быть обнародован; решения комитета палат не имели силы временного закона, если они не одобрялись президентом (§ 47, 48, 54). Законы, принятые народной скупщиной в Королевстве СХС, подлежали утверждению короля (ст. 49). В Болгарии решения народного собрания утверждались царем (ст. 10).

Созыв парламента на очередные сессии или чрезвычайные заседания, отсрочка и закрытие его сессий производились президентом, царем или королем. В Чехословакии палата представителей и сенат могли собраться по требованию абсолютного большинства их членов, в Польше президент обязан был созвать сейм на чрезвычайную сессию по предложению одной трети его депутатов, а отсрочка сессии в определенных случаях делалась с согласия сейма, в Болгарии новая отсрочка в течение той же сессии могла последовать при согласии народного собрания. Право роспуска парламента принадлежало в Чехословакии президенту, в Королевстве СХС — королю, в Болгарии — царю, в Польше — самому сейму по решению, принятому большинством в две трети голосов при наличии половины депутатов, и президенту с согласия трех пятых членов сената.

Вся правительственная и исполнительная власть в Чехословакии принадлежала правительству, ответственному перед палатой представителей, если эта власть определенным образом не сохранялась за президентом (§ 64, 75). В Польше исполнительная власть осуществлялась президентом через ответственных перед сеймом министров (ст. 43), в Королевстве СХС — королем при посредстве ответственных перед ним и народной скупщиной министров (ст. 47, 90—91), в Болгарии она принадлежала царю и ответственному перед ним и народным собранием совету министров (ст. 12, 149, 153). В Королевстве СХС и Болгарии законодательная и исполнительная власть частично соединялась в лице монарха, в Чехословакии предоставлялись большие полномочия президенту, что, разумеется, существенно ограничивало буржуазную демократию.

Что же касается местного самоуправления, то в Чехословакии его состав и компетенция определялись особыми законами (§ 91), в Польше исполнительные полномочия в воеводском и уездном самоуправлении принадлежали органам, создаваемым по соглашению с административными властями и под руководством последних (ст. 67), а надзор за деятельностью самоуправления мог быть частично передан административной юстиции (ст. 70), в Королевстве СХС административная государственная власть осуществляла надзор за действиями органов самоуправления с правом приостанавливать их решения

(ст. 101), в конституции Болгарии ничего не говорилось о самоуправлении.

Конституции Польши, Чехословакии и Королевства СХС, сохраняя существенные ограничения буржуазно-демократических прав и свобод, предусматривали и дальнейшее их ущемление. Эти узаконения свидетельствовали о кризисе буржуазной демократии. При общем кризисе капитализма такой же характер приобрели и предписания болгарской конституции.

Санкционированные конституциями порядки не обеспечивали интересов широких масс народа. Трудящиеся отстаивали завоеванные ими свободы и права, выступали против произвола предпринимателей, обременительных поборов, различного рода притеснений и насилия, требовали демократизации общественного и политического строя. Сопrotивление народных масс нажиму со стороны буржуазии и помещиков, кризисные явления в экономике и противоречия в среде имущих классов обуславливали неустойчивость правительственных кабинетов. В Чехословакии с апреля 1920 г. до осени 1922 г. сменились четыре правительства, в Польше с весны 1921 г. до конца 1923 г.— семь, в Королевстве СХС с марта 1921 г. по июль 1924 г.— пять правительств.

Правящие круги использовали конституции для сохранения господства имущих классов и часто вопреки этим законам принимали чрезвычайные меры против революционистов и оппозиционного движения.

Правительство Королевства СХС, обвинив компартию в причастности к террористическим актам, подготовило проект «Закона о защите общественной безопасности и порядка в государстве», который в первых числах августа 1921 г. был принят скупщиной. Закон предусматривал суровые наказания вплоть до смертной казни за принадлежность к КПЮ и коммунистическую деятельность, хотя в конституции устанавливалось, что «смертная казнь не может применяться по чисто политическим преступлениям» (ст. 9). Властям разрешалось использовать войска «для наведения порядка», производить аресты участников выступлений «против государственной власти», распускать любые организации, заподозренные «в антизаконной агитации» и т. п.¹⁰ Этот закон, ограничивавший конституционные права и свободы и санкционировавший произвол властей, имел антикоммунистический и антидемократический характер. В нарушение статьи конституции об иммунитете депутатов скупщины были аннулированы мандаты депутатов-коммунистов. Усились преследования коммунистов, комсомольцев, членов революционных профсоюзов. КПЮ вынуждена была перейти на нелегальное положение.

В Чехословакии летом 1921 г. был издан закон, ограничивавший права профсоюзов и устанавливавший уголовную ответственность за выступления против штрейкбрехеров. Законом

«Об охране республики» от 19 марта 1923 г. запрещалась деятельность организаций, которые относились к разряду «подрывных»; члены этих организаций подлежали уголовному наказанию. Закон предоставлял властям широкие возможности для преследования компартии и других прогрессивных организаций¹¹. На его основании была запрещена деятельность советов безработных и Коммунистического союза молодежи, распущен союз обувщиков, производились обыски и аресты, конфисковывались издания, запрещались собрания и митинги, использовались полиция и жандармерия для подавления забастовок и разгона демонстраций. В конце 1922 г. возникают первые фашистские организации.

В Польше при выборах в сейм и сенат в ноябре 1922 г. лишались избирательных прав «несостоятельные должники» и другие группы населения, ограничивалось представительство от западноукраинских и западнобелорусских областей, преследовалась деятельность Союза пролетариата города и деревни. Жестоким репрессиям подвергались коммунисты. В циркуляре министерства внутренних дел указывалось, что «лица, которые сами признают себя коммунистами или которые помогают коммунистической партии, должны быть признаны изменниками... и поэтому должны караться смертью»¹². В связи с развернувшимся осенью 1923 г. мощным стачечным движением правительство объявило о милитаризации железных дорог и ввело военно-полевые суды. Восстание пролетариата в Кракове и выступления рабочих в других городах в ноябре 1923 г. были подавлены вооруженной силой.

В Болгарии пришедшее в мае 1920 г. к власти правительство БЗНС пыталось преобразовать общественный и политический строй в соответствии с сословной теорией, предусматривавшей ведущую роль крестьянства. В связи с этим расширились возможности использования трудящимися демократических прав и свобод. Не затрагивая основ капитализма, правительство осуществляло меры по ограничению крупной собственности, конфисковывалось имущество, нажитое путем спекуляции, вводились трудовая повинность и прогрессивно-подходящий налог, аграрная реформа предполагала передачу земли тем, кто ее обрабатывает. Недовольные этим реакционные круги и военные при участии двора 9 июня 1923 г. свергли правительство БЗНС.

В годы временной и частичной стабилизации капитализма, характеризовавшейся некоторым оживлением экономики (сопровождавшимся спадами и серьезными потрясениями) и ослаблением революционного движения (при обострении классовой борьбы в отдельных случаях), в Польше, Королевстве СХС и Чехословакии усиливается нажим господствующих классов на права трудящихся.

Правящие круги в Польше, стремясь полонизировать запад-

ноукраинские и западнобелорусские земли, закрывали белорусские и украинские школы; в восточных областях страны в связи с растущим национально-освободительным движением запрещались собрания и митинги, ограничивалось передвижение населения, действовали чрезвычайные суды. Депутаты-коммунисты лишались своих мандатов. В обстановке острых социальных и национальных противоречий и напряженной борьбы между группировками имущих классов в мае 1926 г. пилсудчики под предлогом «оздоровления» страны совершили государственный переворот, который был легализован сеймом и сенатом.

В Королевстве СХС правящая верхушка, заигрывая то с одной, то с другой группой национальной буржуазии, создавала вооруженные националистические организации для подавления классового и национально-освободительного движения трудящихся. Не прекращались гонения на все оппозиционные силы. В июле 1924 г. была запрещена Независимая рабочая партия Югославии, а в декабре — Хорватская республиканская крестьянская партия (ХКП). В конце 20-х годов политическая обстановка в стране накалилась. Ареной ожесточенной борьбы стала народная скупщина. Стремясь к установлению авторитарического режима, король и его окружение, включавшее представителей наиболее реакционных кругов крупного капитала и военщины, играли на противоречиях внутри буржуазного лагеря, пытались скомпрометировать парламент, провоцировали частые правительственные кризисы. В июне 1928 г. они организовали покушение в скупщине на хорватских депутатов.

В Чехословакии деятельность парламента и правительства направлялась «пятеркой», состоявшей из лидеров партии чешской «общенациональной» коалиции, тесно связанной с монополистическим капиталом. Ограничивался парламентский иммунитет, речи депутатов при публикации подвергались цензуре, парламентская оппозиция подавлялась полицейскими мерами. Был принят реакционный закон о печати, урезывались права местного самоуправления, применялись репрессии в отношении революционных сил. Образовалась «чешская национальная фашистская община», которая поддерживала связи с фашистским крылом Словацкой трудовой партии.

Принятый в 1924 г. закон о социальном страховании не распространялся на лиц старше 60 лет, а также на сезонных и сельскохозяйственных рабочих. Социальное страхование ставилось под контроль предпринимателей и властей, а расходы по страхованию покрывались в основном за счет самих рабочих. С 1 апреля 1925 г. вводился в действие закон о гентской системе, по которому государство, предоставляя профсоюзам дотацию в размере одной трети пособия по безработице, могло контролировать их деятельность и препятствовать использованию профсоюзных средств для поддержки рабочего движения. Разрешалось владельцам предприятий удлинять рабочий день.

Осенью 1926 г. власть в стране перешла к «международной» буржуазной коалиции, возглавлявшейся «восьмеркой». В апреле 1927 г. был принят закон, лишивший избирательных прав военнослужащих. Законом о реформе административного управления (июнь 1927 г.) ограничивалось участие населения в выборах местного самоуправления, урезывались права его органов, устанавливался полицейский контроль за их деятельностью, упразднялись остатки самоуправления и усиливалось господство чешской буржуазии в национальных областях. Принятый в январе 1928 г. закон разрешал жандармерии и полиции разгонять собрания и митинги и применять оружие против бастующих и демонстрантов.

Это встречало сопротивление со стороны народных масс. Пролетариат вел упорные оборонительные бои против наступления предпринимателей на 8-часовой рабочий день, заработную плату, социальное законодательство, права профсоюзов и т. д. Наиболее значительными выступлениями рабочих в Польше были стачки горняков и металлургов Верхней Силезии, шахтеров Домбровского и Краковского бассейнов, нефтяников Дрогобыча и других городов в 1924 г., металлистов в 1925 г., волнения безработных в Калише, Лодзи и других городах в 1926 г.; в Чехословакии — всеобщая стачка горняков в Остравско-Карвинском районе в 1925 г., забастовки текстильщиков в Северной Моравии и строителей Праги в 1927 г., шахтеров в Мостецко-Теплицком бассейне в 1928 г.; в Королевстве СХС — забастовка текстильщиков Белграда в 1926 г., стачки рабочих-металлистов в Осиеке, Белграде, Суботице, Загребе и других городах в 1927 г. и т. д.

В годы экономического кризиса правящие круги Чехословакии, ограничивая права трудящихся, все чаще прибегали к насилию для сохранения буржуазных порядков. Пособия по безработице сокращались, против демонстраций рабочих и безработных применялось оружие. В июне 1933 г. правительству были предоставлены чрезвычайные полномочия, а в октябре издан декрет об усиленной «охране государства». Власти обрушились на компартию и рабочие организации. В конце 1933 г. компартия вынуждена была временно перейти на нелегальное положение. Активизировалась деятельность фашистских организаций, осенью 1933 г. образовался судето-немецкий фронт.

В последующие годы наряду с преследованием демократической печати и роспуском ряда рабочих организаций участились случаи разгона демонстраций, митингов и собраний трудящихся. Опасный характер приобрело движение немецких, словацких и венгерских фашистов, действовавших по указаниям гитлеровцев. Антинародная и антинациональная политика правящих кругов привела к капитуляции страны перед мюнхенским диктатором империалистических держав. Период так называемой второй республики, начавшийся с Мюнхена и продолжавшийся

до полной оккупации Чехословакии в марте 1939 г., характеризовался дальнейшим сведением на нет буржуазной демократии, ликвидацией политических прав трудящихся, запретом прогрессивных организаций и их печати.

Если в Чехословакии буржуазная демократия, весьма ограниченная и имевшая главным образом формальный характер, существовала вплоть до ликвидации чехословацкого государства гитлеровцами, то в Болгарии в 1923 г., в Польше в 1926 г. и Королевстве СХС в 1929 г. господствующие классы переходят к открыто диктаторским формам правления, прикрываемым иногда буржуазно-демократической завесой.

В Болгарии в июне 1923 г. была установлена фашистская диктатура. Против реакционного режима выступили рабочие и крестьяне, руководимые компартией. Сентябрьское восстание 1923 г. было зверски подавлено властями. Правительство, игнорируя Тырновскую конституцию, насаждало фашистские порядки в стране. Было существенно ограничено участие Рабоче-крестьянского блока при выборах в народное собрание, проходивших 18 ноября 1923 г. В январе 1924 г. был издан «Закон о защите государства»¹³, направленный против компартии и других демократических организаций. Правительство усиливало репрессии против революционного и демократического движения. В 1924 г. были распущены компартия, Общий рабочий профессиональный союз, рабочий кооператив «Освобождение» и Партия труда. Проводились увольнения с работы «неблагонадежных» лиц, аресты, высылки. В марте 1925 г. были сделаны изменения в «Законе о защите государства», ужесточившие наказания за революционную деятельность. В связи со взрывом в Софийском соборе в апреле 1925 г. в стране было введено осадное положение. Недовольство и сопротивление народных масс вынудили буржуазию несколько изменить свою тактику. Новое правительство, пришедшее к власти в январе 1926 г., пыталось проводить политику «умиротворения», прикрывая ее лицемерным лозунгом «со кротче, со благо». Демократическим силам удалось добиться восстановления некоторых своих организаций, в том числе рабочих профсоюзов. В 1927 г. была создана легальная Рабочая партия, а в 1928 г. — Рабочий союз молодежи.

В результате майского переворота в Польше утвердилась открытая диктатура крупной буржуазии и помещиков, получившая наименование «санационной». Законом от 2 августа 1926 г. ограничивались права сейма и расширялись полномочия президента. Сейм лишался права самороспуска, а президент мог распустить сейм и сенат по предложению правительства, согласие сената на роспуск сейма уже не требовалось. Президенту предоставлялось право «в случае государственной необходимости» в период между сессиями сейма издавать «исполнительные указы, имеющие силу закона и относящиеся к области государственного законодательства», а также утверждать бюджет,

«если ни сейм, ни сенат не приняли резолюции по бюджету в целом в предусмотренные сроки». Изменялась и процедура голосования по вопросу недоверия правительству или отдельным министрам¹⁴, позволявшая исполнительной власти оказывать большее давление на сейм. В результате правительства, создававшиеся по указанию Ю. Пилсудского, не располагая поддержкой большинства сейма, мало считались с ним, действовали в обход парламента. Сеймовое законодательство все более вытеснялось президентскими декретами. На принятые сеймом в 1927 г. 29 и в 1928 г. 8 законов приходилось соответственно 214 и 229 декретов президента¹⁵.

В январе 1927 г. была разгромлена Белорусская крестьянско-рабочая громада, многие ее члены были арестованы и переданы суду. Затем была распущена Независимая крестьянская партия. В связи с избирательной кампанией в сейм в январе 1928 г. был принят закон о военном положении, а в марте — издан декрет, «о чрезвычайном положении», на основании которого правительство могло приостанавливать действие предписаний конституции о правах граждан, производить аресты революционных и оппозиционных деятелей, использовать военную силу для поддержания «порядка». Несмотря на репрессии в отношении противников режима и фальсификацию результатов выборов, правительственный блок получил менее трети мест в сейме: «Санация», однако, сохранила власть за собой. Отношения между правительством и оппозицией в сейме обострились.

В годы экономического кризиса, приведшего к обострению социальных и национальных противоречий, ярко проявилась неустойчивость существовавших политических режимов. В Польше в связи с выступлениями левоцентристской оппозиции в 1930 г. был распущен сейм, а лидеры оппозиции арестованы и переданы суду. После победы на выборах в сейм, проходивших в ноябре 1930 г. в обстановке произвола и террора, «санация» усилила наступление на урезанные уже права и свободы. Запрещалось проведение собраний без разрешения властей, профсоюзы и другие общественные организации подлежали регистрации и контролю. Украинская революционная организация «Сельроб» была распущена, сокращались пенсии и пособия по болезни и безработице. Устанавливался принудительный арбитраж при разборе конфликтов между рабочими и предпринимателями, запрещались стачки на военных и коммунальных предприятиях, бастующие подвергались тюремному заключению до 5 лет. Новым уголовным кодексом (1932 г.) устанавливалась смертная казнь за действия, направленные против режима «санации».

6 января 1929 г. в Королевстве СХС был совершен государственный переворот и установлен реакционный, абсолютистский, диктаторский режим. Отменялась Видовданская конституция, была распущена народная скупщина, запрещались все полити-

ческие партии и организации, заподозренные в антигосударственной деятельности или «имеющие религиозный или племенной характер», ликвидировались выборные органы местного самоуправления. Вся власть сосредоточивалась в руках короля. В октябре 1929 г. Королевство СХС было переименовано в Королевство Югославию. С целью дальнейшего укрепления централизма и нивелирования национальных особенностей угнетенных народов вводилось новое административное деление. Конституция, провозглашенная королем 3 сентября 1931 г., санкционировала монархическую диктатуру. Законодательная власть должна была осуществляться королем совместно с двухпалатным «народным представительством», назначаемое королем правительство непосредственно подчинялось ему, им же назначалась и половина членов сената (ст. 26, 29, 77, 50)¹⁶. Согласно конституции, продолжали действовать чрезвычайные антинародные законы, что фактически перечеркивало все ее статьи, касавшиеся гражданских прав и свобод. Законом от 18 сентября 1931 г. разрешалось создание политических объединений только при условии признания ими национального и государственного единства страны. Деятельность коммунистов и других прогрессивных деятелей беспощадно преследовалась.

Правление Народного блока в Болгарии, пришедшего к власти в 1931 г., означало серьезный прорыв фронта фашистской диктатуры. Однако его политика в отношении пролетариата немногим отличалась от политики прежнего правительства. Были аннулированы результаты выборов в софийский муниципалитет, в которых большинство голосов получила Рабочая партия. Запрещались стачки и собрания, демократические клубы и организации, разгонялись демонстрации, проводились судебные процессы над коммунистами. В апреле 1933 г. депутаты от Рабочей партии были лишены своих мандатов.

С приходом в 1933 г. к власти в Германии гитлеровцев и созданием в середине 30-х годов группировки государств фашистского типа фашизм стал серьезной опасностью для мира, в особенности для народов западных и южных славянских стран, в отношении которых немецкие фашисты не скрывали своих захватнических планов. Однако правящие круги западных империалистических держав, а также правители Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии вместо организации системы коллективной безопасности, решительным поборником которой выступал Советский Союз, все более переходили к политике сговора с фашистскими государствами.

В условиях продолжающегося обострения противоречий капитализма реакционные круги рассматриваемых стран начинают ориентироваться на использование фашистских методов для подавления рабочего и демократического движения. В Болгарии 19 мая 1934 г. произошел военно-фашистский переворот, совершенный Военной лигой при содействии политической груп-

пы «Звено». Были уничтожены даже формальные атрибуты парламентаризма и буржуазной демократии: распущены политические партии и профсоюзные организации, установлена строгая цензура, ликвидированы остатки местного самоуправления, усилилось наступление на просветительные, кооперативные и другие массовые демократические организации, упразднены элементарные права и свободы трудящихся. В рамках фашистской диктатуры произошло несколько смен кабинетов, в итоге от управления страной были устранены антимоноархистски настроенные офицерские круги. В системе утвердившегося таким образом монархо-фашистского режима, при котором монархизм и фашизм слились в одно целое, господствующее положение заняли представители крупной буржуазии, связанной с германским капиталом.

В Югославии после убийства в октябре 1934 г. короля Александра еще более обострился политический кризис. Правительство Стоядиновича стремилось расширить базу режима путем сотрудничества с некоторыми кругами национальной буржуазии и помещиков. Правящей верхушке удалось привлечь на свою сторону радикальную, Словенскую народную партию и Югославскую мусульманскую организацию и образовать из них новую партию — Югославский радикальный союз (ЮРС). У итальянских и германских фашистов были заимствованы организационные принципы строения партии, методы ведения политической пропаганды, практика создания отрядов штурмовиков и даже форма приветствия. Лидеры ЮРС, заявляя о своей приверженности буржуазно-демократическим порядкам, оставили в силе конституцию 1931 г. и все реакционные законы, изданные после государственного переворота 1929 г. Продолжались преследования прогрессивных сил, в то же время беспрепятственно действовали различные профашистские и фашистские организации и шпионские центры. Быстрыми темпами стали развиваться экономические и политические связи между Югославией и фашистской Германией.

В Польше «санационное» правительство в апреле 1935 г. навязало стране конституцию фашистского типа. Президент наделялся диктаторской властью и отвечал за свои действия только «перед богом и историей», т. е. не нес никакой ответственности. Ему подчинялись сейм, сенат, государственный контроль и суды, он назначал и смещал правительство, командовал армией, издавал декреты, имевшие силу законов. Права сената, члены которого назначались президентом и избирались высшими слоями общества, были расширены, сейм же утратил реальное значение¹⁷. По новому избирательному закону политические партии не могли выдвигать кандидатов в депутаты. Право выдвижения кандидатов предоставлялось окружным избирательным комиссиям, фактически назначавшимся правительством. Применяя все более широко фашистские методы

правления, «санация» пыталась договориться с гитлеровской Германией на антисоветской основе.

Поворот от буржуазной демократии к открытой диктатуре профашистского или фашистского типа в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы сопровождался нарастающим возмущением трудящихся масс, упорно боровшихся за сохранение и расширение демократических прав и свобод. Преодолевая трудности и исправляя ошибки сектантского характера, коммунистические партии вырабатывали новую политическую линию, направленную на объединение и сплочение демократических сил против наступления фашизма и угрозы войны, за демократизацию политической и общественной жизни.

Движение за создание единого рабочего и широкого народного фронта особенно энергично развернулось после VII конгресса Коминтерна (1935 г.), сыгравшего большую роль в развитии борьбы за демократию и социализм. Подчеркивая, что социалистическая демократия в тысячу раз более демократична, чем «самая свободная» и «самая демократическая» буржуазная демократия, коммунисты всегда считали, что сохранение буржуазной демократии, хотя и урезанной, предпочтительнее самой варварской власти капитала — фашизма.

В предвоенные годы на основе единого фронта демократических сил в Польше, Чехословакии, Югославии и Болгарии происходит ряд крупных выступлений рабочих, крестьян и интеллигенции. В Польше в 1935 г. бастовало 450 тыс. рабочих, а выборы в сенат и сейм в сентябре того же года бойкотировало 55% избирателей. В августе 1937 г. состоялась грандиозная крестьянская забастовка с требованием ликвидации «санационного» режима. По инициативе коммунистов в Кракове, Люблине и других городах были проведены стачки солидарности с борющимися крестьянами. В Югославии под руководством КПЮ развернулось широкое движение за демократизацию общественного строя и национальное равноправие, за улучшение социально-экономического положения трудящихся, против сближения с фашистскими странами. В Болгарии сторонниками запрещенных демократических партий при руководящем участии коммунистов был создан Конституционный блок, выдвинувший лозунги немедленного восстановления Тырновской конституции и предусмотренных в ней прав и свобод, отмены антиконституционных декретов, проведения выборов в народное собрание на основе старого избирательного закона и др. На выборах общинных советников (март 1937 г.) и парламентских выборах в марте 1937 г. вопреки фашистскому террору кандидаты Конституционного блока собрали около 1 млн. голосов.

Коммунисты возглавляли борьбу народных масс против экономического и политического гнета, за демократические права и свободы, против подготовки новой мировой войны и вовлечения в нее их стран.

Отстаивая свои классовые интересы, пролетариат шел в авангарде общедемократического движения¹⁸. Традиции и опыт этой борьбы послужили основой для развернувшихся в годы второй мировой войны национально-освободительного движения и напряженных классовых битв.

¹ Исторические типы государства и права. М., 1971, с. 268.

² Там же, с. 268—269.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 82.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 164.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 285.

⁶ История на България, т. III. София, 1964; История Болгарии, т. II. М., 1955; Гришина Р. П. Возникновение фашизма в Болгарии 1919—1925. София, 1976; История Польши, т. III. М., 1958; *Smoliński T. Dyktatura Józefa Piłsudskiego w świetle Konstytucji marcowej w latach 1926—1930. Parlament, prezydent, rząd. Poznań, 1970; Ajnenkiel A. Parlamentaryzm II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1975; История Чехословакии, т. III. М., 1960; Мельникова И. Н. Классовая борьба в Чехословакии в 1924—1929 гг. М., 1962; Přehled československých dějin, t. III. Praha, 1956; Přehled dějin KSC. Praha, 1976; История Югославии, т. II. М., 1963; *Culinović F. Jugoslavija između dva rata, t. I—II. Zagreb, 1961, и др.**

⁷ *Culinović F. Jugoslavija između dva rata, t. I, s. 319—320.*

⁸ См.: Конституции буржуазных стран, т. II. М.—Л., 1935.

⁹ Там же, с. 162—179; Общ. годишник на България 1926—1929, № 3, часть втора, с. 43—62.

¹⁰ *Culinović F. Jugoslavija između dva rata, t. I, s. 366—367.*

¹¹ *Sbirka zákonů a nařízení státu československého. Praha, 1923, č. 50, s. 207—217.*

¹² История Польши, т. III, с. 189.

¹³ Държавен вестник, № 20, 1924, 25 янв.

¹⁴ *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej, 1926, N 78, poz. 442.*

¹⁵ Багинский Э. С. Санация и конституционный вопрос в Польше (1926—1929).— Сов. славяновед., 1977, № 3, с. 21.

¹⁶ Конституции буржуазных стран, т. II, с. 80—110.

¹⁷ *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej, 1935, N 30, poz. 227.*

¹⁸ VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Об освободительном движении югославянских народов в конце XIX — начале XX в. имеется значительная литература. Советскими историками эта проблема поставлена в обобщающей работе «История Югославии» и в ряде монографических исследований¹. За рубежом, главным образом в СФРЮ, она исследована многими авторами: Д. Янковичем, Д. Шепичем, В. Чубриловичем, М. Гросс, Я. Шидаком, В. Стругаром, И. Плетерским, Н. Петровичем, Д. Бибером и др.²

Однако некоторые аспекты проблемы все еще нуждаются в дополнительном изучении. В их числе — вопрос о так называемом югославизме, или общеюгославянском унионистском движении, которое на рубеже XIX и XX вв. переросло национальные рамки и стало развиваться под лозунгом создания единого общегославянского государства.

Если говорить о наиболее общих чертах этого периода, то можно выделить два главных общественно-экономических и политических процесса, происходивших на Балканах и в Юго-Восточной Европе в это время: углубление кризиса капитализма и связанное с ним обострение всех его противоречий и интенсивный рост социальной и национально-освободительной борьбы народных масс. В 1914 г. вспыхнула мировая империалистическая война. В 1918 г. в Европе произошли революции, приведшие к разрушению феодальных монархий — австро-венгерской и османской.

Балканы были одним из узлов межимпериалистических противоречий³. Здесь скрещивались и переплетались интересы великих держав и возникали сложнейшие внутренние коллизии и международные конфликты. Итальянский историк Луиджи Альбертини, крупный знаток международных отношений этого периода, писал не без основания, что над Балканами постоянно, как дамклов меч, висела угроза войны, которая в любой момент могла принять общеевропейский характер⁴.

Балканский вопрос приобретал все большую актуальность и в связи с усилением национально-освободительного движения югославянских и других угнетенных народов Австро-Венгрии и Турции. На Балканах происходила консолидация национальных государств и шел процесс создания новых государственных объединений. «...Во всей Восточной Европе (Австрия и Балка-

ны) и в Азии — т. е. в пограничных с Россией странах, — писал В. И. Ленин, — либо не закончено либо только еще начато буржуазно-демократическое преобразование государств, везде в мире ведущее, в большей или меньшей степени, к созданию самостоятельных национальных государств или государств с наиболее близким и взаимно-родственным национальным составом»⁵.

Весенние времена коснулось прежде всего Сербии, где в 1903 г., после отстранения от власти проавстрийской династии Обреновичей, произошли серьезные изменения во внутривнутриполитической жизни и была провозглашена либерально-буржуазная конституция. Страна добилась политической независимости от Австро-Венгрии, а в 1910—1911 гг., после успешного завершения таможной войны с дунайской монархией, — независимости экономической⁶.

Переориентировавшись на Россию, Сербия усилила свою общегославянскую пропаганду. Ведущие буржуазные партии Сербии — радикальная, независимая радикальная, народная и прогрессивная — приняли в 1905—1906 гг. новые национальные программы, выдвинув задачу «объединения разобщенных частей сербского населения на всей территории Балканского полуострова»⁷.

Значительно шире унионистскую программу трактовало общество «Югославянский юг», созданное в 1902 г. студенчеством Великой школы в Белграде. Общество издавало газету под тем же названием, которая выступала за объединение не только сербов, но и всех югославян, имея в виду хорватов и словенцев, проживающих в Австро-Венгрии, а также черногорцев и болгар. Девизом общества были лозунги: «Югославяне, объединяйтесь!» и «Революция в неосвобожденных землях». Преодолевая узконационалистический подход национальной буржуазии к вопросу об объединении, общество отвергло идею создания «Великой Сербии», «Великой Болгарии» и «Великой Хорватии». «Мы, — писала газета, — отвергаем национальный шовинизм, который не позволяет нам пойти верным путем». Говоря об исторических задачах югославян, общество призывало их к единению. «Союз Сербии, Болгарии и Черногории, а затем и всех югославян — такова задача», — писала газета⁸. В 1904 г. общество организовало две встречи болгарской и сербской молодежи в Белграде и Софии, а затем созвало в Белграде съезд, на котором были представлены все южнославянские народы.

Сербское правительство в этот период продолжало стоять на прежней позиции создания «Великой Сербии», но не чинило препятствий деятельности общества, пытаясь использовать эту организацию в целях осуществления своей общевосточной программы⁹. Оно учитывало общую ситуацию на Балканах и в Австро-Венгрии, характеризовавшуюся усилением освободительных устремлений угнетенных народов.

В начале XX в. в османской и австро-венгерской монархиях произошел ряд важных событий. В июле 1903 г. в Битольском вилайете Европейской Турции вспыхнуло массовое восстание крестьянства, известное под названием Иленденского. В ходе восстания в Крушеве была создана республика¹⁰. Вслед за Иленденским восстанием на борьбу против турецкого гнета поднялось население Салоникского и Скопльского округов. Турецкие власти подавили эти выступления с неслыханной жестокостью, но не смогли приостановить начавшееся движение. Турция была вынуждена провести в Македонии административные реформы, расширившие права местных органов самоуправления¹¹. Австро-Венгрию в те годы сотрясали массовые выступления трудящихся национальных окраин. В Хорватии, Славонии, Далмации, Истрии и в словенских землях большой размах приняла борьба широких слоев населения за избирательную реформу. В деревне крестьянство требовало передела земли. Активизировалась деятельность партий национальной буржуазии, выдвигавших требования о предоставлении югославянским землям прав автономии.

Большое влияние на развитие исторических процессов на Балканах и в Юго-Восточной Европе оказала русская революция 1905—1907 гг. «Если Россия... преобразуется в великое свободное государство, она приобретет неодолимую притягательную силу для славян», — заявил в своей речи в венгерском парламенте 21 июня 1906 г. хорватский депутат¹².

Вслед за революцией в России и под ее непосредственным влиянием в Юго-Восточной Европе произошли крупные события.

В Австрии в 1907 г. под нажимом народных масс была проведена избирательная реформа. Она распространилась на земли нынешней Словении, Истрию и Далмацию. В Хорватии и Воеводине, входивших в состав Венгерского королевства, были расширены конституционные свободы. Эти преобразования, хотя и не были достаточно последовательными, явились шагом вперед на пути развития освободительных движений югославян габсбургской монархии.

В 1908 г. Болгария и в 1909 г. Албания добились полной государственной независимости от Турции, в 1908 г. вспыхнула младотурецкая революция в самой Османской империи, положившая начало новому этапу освободительной борьбы в Европейской Турции.

Перемены затронули почти все уголки Балкан. Даже в затерявшейся в горах Черногории в декабре 1905 г. была введена конституция и создан общегосударственный парламент — Народная скупщина.

В. И. Ленин, отмечая значение демократических преобразований на Балканах в эти годы, констатировал вместе с тем их непоследовательность, указывая, что одной из причин этого

была слабость демократических сил, немногочисленность пролетариата, неграмотность, недостаточная организованность крестьянства¹³. В балканских государствах — Сербии, Болгарии, Греции, Черногории и Румынии — укоренились монархии, а не были созданы республики и национальный вопрос решался на путях войны с Османской империей, а не при помощи народных революций. Усиление экспансии империалистических держав на Балканах сдерживало исторический прогресс и оказывало отрицательное влияние на освободительную борьбу народов¹⁴.

Главной реакционной силой на Балканах в это время являлась монархия Габсбургов. Чтобы помешать развитию освободительных движений, она аннексировала в 1908 г. Боснию и Герцеговину. Милитаристские круги монархии носились с идеей превентивной войны против Сербии, и в 1909 г. на Балканах возник серьезный международный кризис, едва не приведший к австро-сербскому военному конфликту. По словам Л. Альбертини, он был «прологом первой мировой войны»¹⁵. Австро-венгерская дипломатия в эти годы предприняла попытку поссорить Болгарию с Сербией. Министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь посулил болгарскому царю Фердинанду Кобургскому юго-восточную Сербию в обмен на согласие Болгарии примкнуть к центральной коалиции¹⁶.

Боснийский кризис наложил свой отпечаток на дальнейшее развитие югославянского освободительного движения, положив начало новому его этапу, который продолжался вплоть до балканских войн 1912—1913 гг.

В эти годы произошло еще более резкое обострение противоречий между Австро-Венгрией и Сербией, претендовавшей на роль «югославянского Пьемонта». Насильственное присоединение Боснии и Герцеговины к монархии Габсбургов нанесло серьезный удар по унионистским планам Белграда и обнажило империалистическую сущность политики габсбургской монархии на Балканах.

В ответ на аннексию Боснии и Герцеговины в Сербии был создан ряд патриотических организаций, ставящих своей задачей укрепление независимости сербского государства и усиление его авторитета среди югославян соседних с Сербией стран. «Все для сербства и отечества», — говорилось в программе самого крупного из этих обществ «Народная одбрана», образованного в 1908 г.¹⁷

Большинство из этих организаций ограничивалось, однако, культурно-просветительной деятельностью. На этих позициях помимо «Народной одбраны», стояли организации «Культурная лига» (1909 г.), «Общество св. Савы» (1886 г.), «Общество сербских братьев», «Коло сербских сестер», «Общество княгини Любицы» и многие другие.

В то же время представители военных кругов Сербии были несогласны с такой пассивной тактикой. В 1911 г. они создали националистическую организацию «Объединение или смерть», более известную под названием «Черная рука»¹⁸. Офицерский союз ставил своей задачей «осуществление народных идеалов — объединения сербства» любыми средствами вплоть до войны против Турции и Австро-Венгрии. Он стоял на великосербских позициях, называя «сербскими землями» (§ 7 устава) Боснию и Герцеговину, Черногорию, Старую Сербию (Санджак и Косово), Македонию, Хорватию, Славонию, Срем, Воеводину и Приморье¹⁹.

Демократические круги Сербии выступали против узкосербского национализма. Прогрессивными профессорами Белградского университета в конце 1907 г. было создано общество «Словенский юг» (старое общество «Югословенский юг» в начале того же года прекратило свое существование), которое выдвинуло идею «югославянской взаимности и демократического устройства государства»²⁰.

Руководители общества — видные сербские ученые Йован Цвийич и Йован Скерлич — ратовали за равенство югославянских народов и создание так называемой четверной коалиции — объединение сербов, хорватов, словенцев и болгар²¹. Й. Скерлич в статье «Югославизм и югословенство», опубликованной в газете «Словенский юг» 12.XII 1909 г. писал, что «югословенство вышло из периода исканий и вступило в период практической деятельности». Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, заявлял он, должна еще сильнее объединить всех югославян. В борьбе против германо-австрийской агрессии, заявлял Й. Скерлич, вместе с югославянами должны выступать русские, чехи, поляки, украинцы и другие славяне Восточной и Юго-Восточной Европы. «Югославизм для всех славян и югословенство у нас, — писал Й. Скерлич, — самая надежная и самая разумная политика».

В 1911 г. общество «Словенский юг» высказалось за «полную свободу и независимость нашего народа, основанную на равноправии»²²⁻²³. Й. Цвийич, оценивая его деятельность, писал в 1918 г., что это общество было первой политической организацией в Сербии общегославянского характера²⁴.

Сербская крупная буржуазия, отстаивая свои классовые интересы, выступала за присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины. «Нашему народу, — говорилось в программе общества «Народна одбрана», — надо сказать, что свободная Босния ему нужна не только для ощущения солидарности с братьями, но и для торговли и связи с морем»²⁵.

Примечательно, что те же идеи высказывали лидеры буржуазных партий Хорватии и Словении²⁶. После аннексии Боснии и Герцеговины многие из них ратовали за включение этих земель в состав «Великой Хорватии» и «Великой Словении»,

не идя дальше требований о реорганизации габсбургской монархии на базе триализма ²⁷.

«Австрийская политика должна обеспечить завоевание балканского рынка, что принесет и нам богатство»,— заявил на собрании торговцев и промышленников Любляны 5 апреля 1913 г. один из лидеров Словенской либеральной партии В. Равнихар ²⁸.

Оппортунизм руководителей буржуазных партий югославянских земель Австро-Венгрии вызывал критику со стороны передовой интеллигенции и студенчества, объединенных в омладинские организации. Наиболее крупными из них были общество «Препород» («Возрождение») в Словении ²⁹ и основное течение «Млада Босна» в Боснии и Герцеговине, состоявшее из отдельных групп и организаций под тем же названием ³⁰.

Препородовцы ставили вопрос о ликвидации реакционной империи Габсбургов и создании вместо нее независимых национальных государств, в том числе Югославии. Младобосанцы, хотя и не поднялись до уровня препородовцев, также выступали против австро-венгерской монархии. Наиболее левые из них были сторонниками насильственного устранения ненавистных высших сановников империи, надеясь таким путем добиться освобождения Боснии и Герцеговины от чужеземного гнета. Убийство в Сараево австрийского престолонаследника Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. было частью этого плана.

Новый этап в югославянском освободительном движении наступил в 1912—1913 гг., во время балканских войн. Успехи сербского оружия вновь возвращают правителей Сербии к идее «второго Пьемонта». Поражение Турции в 1912 г. и Болгарии в 1913 г. привело к изменению соотношения сил на Балканах. Отныне Турция перестала быть главным противником Сербии, а Болгария — главным ее союзником. И. Пашич, руководитель внешней политики Сербии, в эти годы впервые выдвинул задачу объединения вокруг Сербии югославянских земель Австро-Венгрии ³¹. «Наша задача,— заявил он в июне 1913 г. в клубе сербских радикалов — депутатов Народной скупщины,— борьба за освобождение еще не освобожденных братьев по ту сторону Дуная и Савы» ³².

В Австро-Венгрии победа сербского оружия произвела большое впечатление на югославянское население, способствуя развитию освободительных устремлений среди ее широких слоев. «Успехи балканских государств произвели на наше югославянское темпераментное население самое сильное впечатление,— констатировал австрийский министр-президент К. Штюргк.— Среди населения растет неверие в способность монархии защитить свои интересы; многие считают, что Далмация и Приморье будут потеряны империей» ³³.

В то же время среди правящих кругов монархии Габсбургов после балканских войн резко возросли экспансионистские на-

строения. Австро-Венгрия, опасаясь усиления Сербии и ее союзницы — России, стала выдвигать идею превентивной войны с Сербией, стремясь использовать то обстоятельство, что Сербия, ослабленная двумя войнами, была не готова к новой войне, а Россия еще не завершила к этому времени перевооружение своих сил и не могла защитить Сербию.

Кроме того, при помощи войны господствующие классы Австро-Венгрии надеялись приостановить развитие центробежных тенденций в многонациональной империи, резко усилившихся в этот период. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Л. Берхтольд, стремясь обосновать предстоящую агрессию против Сербии, в беседе с поверенным в делах России в Вене Н. Н. Кудашевым 26 июля 1914 г. заявил, что Австро-Венгрия решилась на этот шаг потому, что хочет предотвратить дальнейшее развитие великосербской пропаганды, якобы угрожающей существованию империи Габсбургов: «Все решительно, и прежде всего сам император... твердо убеждены, что сербская пропаганда подкапывается под самый дом, под нашу династию. Терпеть ее дальше означало бы сознательно допустить развал монархии. Уничтожение в корне этой пропаганды является делом жизни для Австро-Венгрии, как великой державы. Нам надо проявить наше великодержавие»³⁴.

Внушительная победа над Сербией, которая казалась делом нетрудным, должна была, по мысли австрийской военщины, подорвать роль Сербии как собирателя и объединителя югославянских земель.

В 1914 г. австро-венгерская монархия развязала против Сербии грабительскую войну.

Каково же было отношение к войне и югославянскому вопросу социал-демократии? Сербская социал-демократическая партия до 1908 г. специально не занималась национальным вопросом, что констатировал VII съезд ССДП, состоявшийся в апреле 1909 г. в Белграде³⁵. Впервые югославянская проблема возникла перед партией после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, когда на Балканах резко обострилась международная обстановка.

ССДП осудила агрессию монархии Габсбургов и одновременно высказалась против ответных военных акций со стороны Сербии и России³⁶. Партия поставила вопрос о предоставлении народам Боснии и Герцеговины прав на самоопределение, но недостаточно четко сформулировала конкретные пути достижения этой цели³⁷.

В октябре 1908 г. секретарь партии Д. Тузович на конференции ССДП выдвинул более радикальную идею создания балканской федерации как преграды против экспансии империалистических держав на Балканах³⁸, а в 1910 г. на I Балканской социалистической конференции в Белграде развил ее, заявив, что «объединение и взаимность стран и народов на Бал-

канах — единственный путь к их экономическому, национальному и политическому освобождению»³⁹.

Ту же идею разделяли болгарские тесняки, как известно, ее горячо приветствовал В. И. Ленин⁴⁰. Русские большевики, сербские социалисты и болгарские тесняки накануне и в период первой мировой войны заняли интернационалистские позиции по отношению к войне, выступив против ее империалистических целей⁴¹.

Что касается югославянской проблемы, то ССДП в целом придерживалась радикальных взглядов на ее решение. «Мы,— заявил на I Балканской социалистической конференции Д. Туцович,— решительно выступаем против объединения югославян при помощи войны. Не сербские штыки и не сербская монархия осуществят объединение, а сами народные массы, завоевав свободу»⁴². Орган ССДП, газета «Радничке новине», в статье «Югославянский вопрос в Австро-Венгрии» писал, что этот вопрос должен быть решен на путях «политической борьбы за свободу и независимость»⁴³.

На иной платформе стояли социал-демократические партии югославянских земель Австро-Венгрии, выдвинувшие реформистскую программу культурно-национальной автономии. Во время войны социал-демократия Австро-Венгрии поддержала планы германо-австрийского империализма и призвала рабочий класс к социальному миру с буржуазией во имя обороны «отечества» — дунайской монархии. Только левые, революционные социалисты в этих землях протестовали против войны. Но в начале войны они составляли незначительную силу. Положение изменилось лишь в конце войны, когда левые социал-демократы стали играть видную роль в рабочем движении.

В начале войны югославянское движение оказалось расколотым на две части: сторонников Сербии и Черногории и их противников. Война разорвала межславянские связи, поставив славян по разные стороны фронта. В 1914 г. сербское правительство провозгласило Нишскую декларацию, в которой ставился вопрос об освобождении югославян Австро-Венгрии и защите Сербии от агрессии⁴⁴. Сербия вела справедливую войну, что привлекало на ее сторону прогрессивную общественность Австро-Венгрии.

В годы войны в рядах сербских и черногорских войск сражались многие добровольцы, прибывшие из Австро-Венгрии, а также из других стран Европы и Америки. Общая их численность превышала 10 тыс. человек.

Сербия становилась центром притяжения югославян, «вторым Пьемонтом». Вставал, однако, вопрос: каким должно стать объединенное югославянское государство? В самой стране на этот счет не имелось единства мнений. Сербское правительство и большинство лидеров буржуазных партий выдвигали концепцию создания централизованного югославянского

государства с династией Карагеоргиевичей во главе. Председатель совета министров Сербии Н. Пашич в записке сербскому посланнику в Лондоне М. Бошковицу писал 11 марта 1915 г.: «Сербия и Черногория воюют за освобождение своих братьев. Когда эти земли будут освобождены, они не смогут создать конфедерацию, так как вместе с Сербией образуют единое государство или войдут в состав Сербии»⁴⁵.

Против великодержавной программы выступали радикальные круги сербской интеллигенции, группировавшиеся вокруг литературного журнала «Српски књижевни гласник» и вокруг прогрессивной профессуры Белградского университета.

Представители этих кругов считали, что югославянский вопрос надо решать с учетом интересов других народов. Они допускали возможность сохранения монархии Карагеоргиевичей, но в то же время высказывались за предоставление Хорватии, Словении и другим югославянским областям Австро-Венгрии широких прав автономии в будущем югославянском государстве⁴⁶.

В Австро-Венгрии на этом этапе войны югославянские буржуазные партии за немногим исключением были противниками сербских концепций объединения. Одни из них считали, что в условиях войны для этого нет реальной основы, другие поддерживали монархию Габсбургов, надеясь получить из ее рук более широкие политические права. Так, в органе Хорватской партии права А. Старчевича, газете «Хрват», 9 июля 1914 г. была опубликована статья «После сараевского покушения», в которой защищалась старая идея триализма путем предоставления Хорватии равных прав с Австрией и Венгрией. «Сербы имеют два самостоятельных государства (Сербию и Черногорию.— Ю. П.), мы, хорваты, тоже хотим независимости». Редакция газеты в номере от 8 июля того же года заявляла, что партия стоит не за отделение Хорватии от Австро-Венгрии, а за преобразование монархии в федерацию по образцу Швейцарии⁴⁷.

В 1916 г. в югославянском движении произошли изменения. В это время Сербия и Черногория, потерпевшие поражение, были оккупированы войсками центральной коалиции, на их территории Австро-Венгрия создала два генерал-губернаторства, что могло привести в дальнейшем к включению этих территорий в состав монархии Габсбургов. Милитаристские круги дунайской империи, упоенные военными успехами, начали выступать с требованиями о новых захватах — подчинения Албании и Греции, похода на Ближний Восток, установления гегемонии монархии в Средиземноморье.

Победы вскружили голову также милитаристам кайзеровской Германии и шовинистической буржуазии Болгарии. В Берлине составлялся план воцарения в Сербии побочного сына бывшего сербского короля Милана Обреновича Георгия,

проживавшего в Германии, в Софии буржуазные шовинисты проектировали создание «Великой Болгарии»⁴⁸.

Но за победами пришли поражения. Уже осенью 1916 г. после брусиловского прорыва русских армий на галицийском фронте в Вене и Берлине заговорили о перемирии. В начале 1917 г. эта идея нашла дальнейшее развитие, так как положение на фронте резко ухудшилось. В оккупированной Сербии и Черногории в этот период усилилось антиавстрийское движение. Население этих стран оказывало все возрастающее сопротивление захватчикам. В Австро-Венгрии разрастался внутривосточный кризис.

1917—1918 годы стали этапом наиболее сильного в период войны развития югославянского освободительного движения, на которое большое влияние оказали две русские революции — Февральская и особенно Октябрьская.

После свержения в России царизма в Австро-Венгрии заколебался трон Габсбургов. На местах, в национальных окраинах дунайской империи начала складываться предреволюционная ситуация.

Граф Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии, характеризуя обстановку в стране, писал 12 апреля 1917 г. императору Карлу Габсбургу: «Вашему величеству известны секретные донесения заместителей. Совершенно бесспорно, что русская революция влияет на наших славян». Чернин признавался, что был «потрясен легкостью уничтожения сильнейшей российской монархии в мире». Министр предлагал заключить немедленно перемирие и создать хотя бы видимость преобразования государственного управления, чтобы успокоить массы. Он предупреждал, что в противном случае «это сделают народы сами... и волны революции сметут тогда все».

Подъем национально-освободительного движения в стране заставил лидеров югославянских буржуазных партий изменить свою тактику. «В наше время,— констатировал один из лидеров Словенской народной партии (клерикалов), епископ Любляны А. Еглич,— растут ряды демократического направления, усиливается влияние русской революции. Нам необходимо менять свои старые методы».

В мае 1917 г. югославянская парламентская фракция австрийского рейхсрата составила новую программу под названием Майская декларация. В документе выдвигалась задача объединения всех территорий Австро-Венгрии, населенных словенцами, хорватами и сербами, в самостоятельный государственный организм под скипетром Габсбургов.

Сербское правительство в июле 1917 г. опубликовало Корфскую декларацию, подписанную также Югославянским комитетом в Лондоне. В ней были высказаны идеи объединения югославян вне рамок австро-венгерской монархии. Будущее югославянское государство, согласно этой программе, становилось

монархий с сербской династией Карагеоргиевичей во главе.

Лидеры буржуазных партий югославянских земель Австро-Венгрии за немногим исключением не присоединились к Корфской декларации, посчитав преждевременным ставить вопрос об объединении с еще не освобожденной Сербией.

Величайшее значение для югославянских народов имела Октябрьская социалистическая революция в России, открывшая новую эру в истории человечества. Под ее непосредственным влиянием в Австро-Венгрии произошла революция, приведшая к ликвидации реакционной монархии и освобождению угнетенных народов.

В октябре — ноябре 1918 г. произошел окончательный распад лоскутной дунайской империи и на ее развалинах были созданы новые национальные государственные объединения, в том числе Государство словенцев, хорватов и сербов, которое с 1 декабря 1918 г. объединилось с Сербским королевством. Вскоре о своем намерении присоединиться к Сербии заявила черногорская Великая народная скупщина, принявшая решение о низложении династии Негошей — Петровичей. 29 ноября аналогичное постановление о воссоединении с Сербией и другими югославянскими землями вынесла Великая народная скупщина Воеводины, что знаменовало собой завершение процесса объединения югославянских народов в единое независимое государство.

¹ История Югославии, т. I. М., 1963; *Лециловская И. И.* Иллиризм. М., 1967; *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальное освобождение. М., 1970; *Писарев Ю. А.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии в 1905—1914. М., 1962.

² *Janković D.* Jugoslavensko pitanje i Krfska deklaracija 1917 godine. Beograd, 1960; *Sepić D.* Italija, politički misli u Srbije XIX veka. Beograd, 1958; *Gross M.* Predratno razdoblje.— In: *Poviest hrvatskog naroda 1800—1914.* Zagreb, 1968; *Sidak J.* Prilog razvoja Jugoslovenske ideje do godine 1914.— *Naše tme* (Zagreb), 1965, N 8—9; *Strugar V.* Jugoslovenske socijaldemokratske stranke 1914—1918. Zagreb, 1963; *Pleterski J.* Slovenci v politike Dunajske vlade in doba med prvo svetovno vojno.— *Zgodovinski časopis*, 1970, N 3—4; *Petrović N.* Velika Oktobarska socijalistička revolucija i stvaranje Jugoslovenske države.— In: *Priloži za istorija socijalizma*, knj. 5. Beograd, 1968; *Biber D.* Jugoslovenska ideja in slovensko narodno vprašanje.— In: *Istorija XX veka*, knj. 1. Beograd, 1959.

³ История дипломатии, т. 2. М., 1963.

⁴ *Albertini L.* The Origins of the War. 1914, London, 1952.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 314.

⁶ *Ђорђевић Д.* Царински рат. Аустро-Угарске и Србије 1906—1911. Београд, 1962.

⁷ *Јанковић Д.* Југословенство у Србији 1903—1912.— *Анали правног факултета у Београду*, 1969, № 5-6, с. 523—525.

⁸ Там же.

⁹ *Јовановић С.* Споменика Николе П. Пашића 1845—1925. Београд, 1926, с. 94.

¹⁰ История Болгарии, т. I. М., 1954.

¹¹ История Македонии, т. I. Скопје, 1972.

- ¹² Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, 1906, д. 140, л. 180—181.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 38.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 142, 149, 150.
- ¹⁵ Albertini L. The Origins..., p. 152.
- ¹⁶ Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908—1909. Л., 1964, с. 47.
- ¹⁷ Народна Одбрана. Програма. Београд, 1911.
- ¹⁸ Поповић Ч. Организација «Уједињење или смрт». — Нова Европа (Загреб), IX, XI 1927; VII 1932; XI 1937; XI 1940.
- ¹⁹ Јанковић Д. Југословенство у Србији..., с. 530.
- ²⁰ Словенски Југ (Београд), 13.X 1907.
- ²¹ Словенски Југ, 28.XI 1909.
- ^{22—23} Словенски Југ, 20.VIII 1911.
- ²⁴ Цвијић Ј. Говори и чланци, књ. II. Београд, с. 147.
- ²⁵ Цит. по: Јанковић Д. Југословенство у Србији..., с. 531.
- ²⁶ Gross M. Predratno razdoblje, s. 273—274.
- ²⁷ Knaflić V. Jugoslovensko vprašanje. Politična razmišljenja o prilike balkanske vojne. Ljubljana, 1912.
- ²⁸ Slovenski Narod (Ljubljana), 5.IV 1913.
- ²⁹ Preporodovci proti Avstriji. Ljubljana, 1970, s. 10—30, 35—40; Turk E. Značilnosti preporodevskega gibanja na Slovenskem. — In: Hauptmanov Zbornik. Zagreb, 1955.
- ³⁰ Маслеша В. Млада Босна. Београд, 1945.
- ³¹ Јовановић С. Споменница Николе П. Пашића, с. 94.
- ³² Јанковић Д. «Велики» и «мали» ратни програм Николе Пашића (1914—1918). — Анали правног факултета у Београду, 1973, № 1-2, с. 156.
- ³³ Haus-Hof und Staatsarchiv Wien. Protokolle des Ministerrates für gemeinsamen Angelegenheiten. 2.V 1913, H. XXX, 1913—1914, S. 311.
- ³⁴ Н. Н. Кудашев — С. Д. Сазонову. Вена. 26.VII 1914. — АВПР, ф. Канцелярия, 1914, оп. 470 д. 3, л. 47.
- ³⁵ Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. III. Београд, 1950, с. 97.
- ³⁶ Лапчевић Д. Рат и српска социјал-демократија. Београд, 1925, с. 9—26.
- ³⁷ Приклмајер З. Српска социјал-демократија у анексионој кризи (1908). Београд, 1953.
- ³⁸ Ђровић С. Dimitrije Tucović i Srpska socijal-demokratska stranka prema aneksije Bosne i Hercegovine. — In: Srpska socijal-demokratska stranka. Naučni Skup. Beograd, 1965, s. 99—111.
- ³⁹ Историјски архив КПЈ, т. VI. Београд, 1951, с. 267.
- ⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 142; т. 23, с. 38.
- ⁴¹ Сумарокова М. М. В. И. Ленин о балканских войнах и об участии Сербии в первой мировой войне. — Сов. славяновед., 1975, № 1, с. 3—14.
- ⁴² Историјски архив КПЈ, т. VI, с. 276—277.
- ⁴³ Там же, с. 257—259.
- ⁴⁴ Šišić F. Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Split, 1920.
- ⁴⁵ М. Бошкович — Н. Пашинчу. Лондон, 26 марта 1915. — Архив Југославије, ф. Архив Јовановића.
- ⁴⁶ Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србије, с. 475.
- ⁴⁷ Hrvat (Zagreb), 8, 9.VII 1914.
- ⁴⁸ Писарев Ю. А. Германо-австрийские планы на Балканах в годы первой мировой войны. — Новая и новейшая история, 1973, № 3.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ ЮЖНЫХ СЛАВЯН В КОНЦЕ 60-Х — 70-Х ГОДАХ XIX В.

Из трех южнославянских народов — болгар, хорватов и сербов, которым посвящен доклад, в конце 60-х—70-х годах XIX в. болгары находились под властью Османской империи (до 1877 г.), а хорваты и в большинстве своем сербы — османского и габсбургского государств. Но вместе с тем постепенно крепло фактически самостоятельное княжество Сербия. Наряду с ним опорой национальных стремлений южных славян являлась независимая (также де-факто) Черногория.

Общественно-политический строй Османской империи, который не гарантировал неприкосновенности прав личности и собственности, был несовместим с капитализмом¹. Насилия со стороны чиновников, солдат, откупщиков налогов (мусульман и христиан), башибузуков, произвольное повышение налогов доводило население до нищеты; попытки султанского правительства как-то предотвратить преступления кончались провалом, так как все эти явления были составной частью государственной системы². Положение населения особенно ухудшилось к концу 60-х годов. Феодалный строй в Османской империи находился в состоянии все углублявшегося кризиса.

Турецкое государство являлось верховным феодалным собственником земли, а крестьяне — лишь ее держателями, права которых были оговорены в законе 1858 г. Основным эксплуататором болгарских крестьян являлось инонациональное государство; владельцы поместий (чифликов) занимали второстепенное место в системе феодалной эксплуатации³. В Боснии и Герцеговине с ее сербским (православным), хорватским (католическим) и мусульманским (тоже славянским) населением социальная ситуация была иной: здесь значительная часть земли принадлежала мусульманским землевладельцам — бегам, в пользу которых крестьяне (в основном сербы) несли повинности.

Среди южнославянского населения незначительная по численности богатая верхушка (чорбаджии в Болгарии, часть купцов-откупщиков в Боснии) поддерживала режим либо искала с ним соглашения. В среде болгарской богатой буржуазной эмиграции, консервативной, а частично и либеральной, рождались фантастические планы учреждения болгаро-турецкого дуализма (по образцу Австро-Венгрии) и церковно-культурной деятельно-

сти в условиях реформированной султанской империи. Но ее строй в действительности не поддавался сколько-нибудь реальным буржуазным реформам. Значительная часть болгарской буржуазии, находившейся в Румынии и России, связывала национальное освобождение с политикой России, с неизбежностью русско-турецкой войны. Эмигрантские буржуазные круги в своем отношении к разворачивавшемуся в Болгарии революционному национально-освободительному движению проявляли колебания, не веря в него или опасаясь его, однако подчас под давлением революционных организаций они помогали ему в финансовом отношении.

Программу буржуазии, рассчитанную на освобождение Болгарии с русской помощью, можно охарактеризовать как национально-радикальную. Большое впечатление на буржуазную эмиграцию произвели успехи Кавура и Бисмарка, представителей либеральных или консервативных кругов, организаторов национальной «революции сверху», стремившихся отстранить народные массы от влияния на судьбы нации и осуществить объединение национальной территории путем войн проиграв Габсбургов. Так как у верхов болгарской буржуазии (в отличие от итальянской или немецкой) не было опоры в своем государстве, они рассчитывали на то, что дело освобождения Болгарии «сверху» возьмет на себя Россия ввиду ее заинтересованности в решении Восточного вопроса. Действительно, русско-турецкая война 1877—1878 гг. сыграла для Болгарии роль весьма аналогичную «революции сверху»⁴. Ввиду реакционнейшего феодального характера османского ига последствия войны имели важное социальное (буржуазное) содержание. Болгарский народ, боровшийся накануне и во время войны против османского владычества, осуществил национально-демократическую, в частности аграрную, революцию «снизу».

Аналогичные расчеты также ввиду слабости собственного движения имели место в среде сербской торговой буржуазии Боснии и Герцеговины⁵. Она ожидала войны Сербии и Черногории (при поддержке России) против Османской империи.

Вместе с тем в землях под властью Порты значительная часть мелкой и средней буржуазии, болгарской и сербской, была настроена революционно. Боснийский торговец, кровно заинтересованный в свободе своей деятельности (в руках сербских купцов находилась торговля с приграничными районами Австро-Венгрии, т. е. прежде всего с хорватскими землями и южной частью Венгерского королевства, значительную часть населения которых составляли сербы) и тяжело страдавший от бесправия, по образному выражению автора крупнейшего исследования о восстании в Боснии и Герцеговине в 1875—1878 гг., «под своим товаром начал контрабандой провозить национальные идеи»⁶. Основы национальной идеологии сербской торговой буржуазии в Боснии и Герцеговине были заимствованы у

идеологов правящих кругов Сербии, которые развивали ее в зрелой форме с 1844 г. (И. Гарашанин). Чуждая крестьянству часть торговой буржуазии выдвигала лишь задачу создания объединенного сербского национального государства в монархической форме.

Консервативные или либеральные по своей социальной позиции слои сербской буржуазии, а также правящие круги Сербии искали компромисса с мусульманскими землевладельцами Боснии и Герцеговины (подчеркивая общие интересы славян против Порты) на основе гарантии сохранения их собственности. Но вся социально-политическая обстановка в землях под османской властью делала этот компромисс за счет крестьян — основной силы освободительной борьбы — невозможным, а планы совместного выступления Сербии и боснийских бегов против Порты — фантастическими. К предложениям агентов сербского правительства прислушивалось очень небольшое число бегов⁷. Не имели реальных результатов и попытки Сербии добиться присоединения Боснии и Герцеговины (или части их) с согласия султана или при помощи австро-венгерской дипломатии, которая пользовалась такого рода «идеями» для срыва сербского освободительного движения.

Идеологи буржуазии, выдвигавшие программу «чисто национальной революции», были готовы поступиться социальными интересами крестьян, но фактически они подрывали и борьбу за национальное освобождение сербов, ибо в условиях Османской империи одно без другого было невозможно⁸.

Немалую роль в определении ориентации буржуазии играла боязнь, что движение в Боснии и Герцеговине может показаться опасным силам европейской реакции (австро-венгерский министр граф Д. Андраши категорически отвергал аграрные требования повстанцев, как посягающие на право собственности). Однако глубокой основой этой ориентации было то, что растущая сербская торговая буржуазия вместе с бегами эксплуатировала крестьянство (откуп налогов и др.). Но часть торговцев во главе крестьян боролась против феодалов.

В габсбургской монархии, в условиях сохранения после 1848 г. полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, в особенности в восточных и южных областях государства (крупное магнатское землевладение, издольная аренда, отработки⁹), повсеместно развивался капитализм, разворачивался промышленный переворот. Как в условиях абсолютизма, так и во время подготовки и установления дуализма и конституционного строя, крестьянство подвергалось полуфеодальной и капиталистической (ростовщик, скупщик и др.) эксплуатации. Мелкая и часть средней национальной — хорватской и сербской — буржуазии страдала от разорительной конкуренции крупного австро-немецкого капитала и налогов. Население Военной Границы стремилось сбросить с себя сковывающее всю общественно-экономи-

ческую жизнь господство австрийской военщины, режим произвола, который, однако, не предохранял крестьян-границар от последствий развития рыночных отношений, от долговой кабалы и обнищания¹⁰.

Однако более удачливые слои хорватской и сербской буржуазии богатели, приспособлялись к рынку большого помещичье-капиталистического государства. Значительная часть национальной буржуазии искала компромисса с правящими кругами империи Габсбургов.

Что касается судьбы южных славян в Османской империи, то сербская и хорватская буржуазия в Австро-Венгрии, как правило, сочувствовала народным восстаниям против турок, а в 1875—1878 гг. оказывала материальную поддержку повстанцам и беженцам. Сербская буржуазия Воеводины поддерживала программу присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии (или к Сербии и Черногории), ее радикальные круги пытались организовать действенную помощь повстанцам, в том числе оружием и добровольцами, выступали решительно против планов австрийской оккупации провинций. Среди части хорватской (австро-славистской) буржуазии росли надежды на то, что австрийская оккупация Боснии и Герцеговины приведет к присоединению их к Хорватии. Торговые интересы также побуждали буржуазию хорватских земель к поддержке планов оккупации. Но более дальновидные хорватские деятели, представители югославистского течения, горячо выступали против захвата провинций Австро-Венгрией (Йосип Штросмайер и др.)¹¹. Как временную меру они отстаивали идею особого Боснийского княжества, чтобы «оставить будущему его соединение с остальными странами Балканского полуострова»¹².

Хорватские «народники» (Штросмайер) и сербские воеводинские «народники» (С. Милетич, М. Полит) рассчитывали на обострение русско-турецких противоречий, на помощь России в деле освобождения южных славян. Это освобождение они мыслили в условиях кардинального решения Восточного вопроса, т. е. полной ликвидации османского владычества на Балканах.

В отличие от М. Политы-Десанчица, представлявшего более богатое и политически более умеренное крыло сербской буржуазии в Воеводине и рассчитывавшего в основном на благоприятную для народов Балканского полуострова политику европейских держав¹³ (иначе говоря, на политику, которую мы уже характеризовали как аналогичную «революции сверху»), Милетич и большинство деятелей Объединенной сербской омадины¹⁴ отводили решающую роль массовому народному восстанию против османского ига, т. е. революционным методам борьбы «снизу» в сочетании с войной Сербии и Черногории против Турции («сверху») ¹⁵. Этот вариант в сущности аналогичен развиту событий в Италии в 50—60-х годах XIX в., борьбы, зашедшей в успех дела национального объединения.

Демократические сербские круги в Воеводине считали, что наилучшие условия для борьбы народов против османского господства и для обеспечения их национальных интересов создали бы ситуация, при которой великие державы не могли бы вмешаться в балканские дела, а Россия воспрепятствовала бы вмешательству габсбургской монархии. Такая ситуация, по их мнению, могла бы возникнуть в результате революции в Европе и в связи с этим обострением противоречий между державами¹⁶. Эта позиция имела много общего со взглядами Дж. Мадзини, опасавшегося политики Наполеона III в итальянском вопросе. Но в наиболее последовательном виде идею национального освобождения силами широких масс самих балканских народов выдвигали революционные демократы, о которых будет сказано в дальнейшем.

Иной подход к судьбе габсбургской монархии имел место в сербской и хорватской национально-буржуазной среде. Сторонников революционной борьбы против Австро-Венгрии здесь почти не было, хотя в своей практической политике как сербские, так и хорватские «народняки» выходили за рамки австрийской легальности (мы имеем в виду их связи с революционным движением на Балканах, с Сербией и Россией).

Сербские «народняки» Воеводины, возглавляемые Милетицем, в повседневной политической борьбе отстаивали программу политических свобод, права беспрепятственного национального развития в рамках Венгерского королевства и Хорватии — Славонии, боролись против засилья сербской церковной полуфеодальной иерархии в политической, общественной и культурной жизни сербов габсбургской монархии. В 1871 г. С. Милетич с позиций буржуазного демократа с симпатией отозвался о Парижской Коммуне, видя в ней противника французских реакционных монархических сил — собратьев правящих кругов Австро-Венгрии. В условиях австро-венгерского дуализма Милетич до начала 70-х годов рассчитывал на скорый распад габсбургской монархии под ударами Пруссии — Германии, что создало бы условия для государственной независимости южных славян.

В Хорватии до 1866 г. среди «народняков» превалировали австрославистские настроения, но австро-венгерский компромисс вызвал радикализацию по крайней мере части «народняков»; как мы отмечали, здесь также сказались расчеты на создание югославянского государства с помощью Сербии и России.

Во всей этой ориентации на русскую поддержку не было панславизма — ни у хорватов, ни у сербов, ни у болгар.

Среди хорватов революционной в отношении Австро-Венгрии была лишь группа, возглавлявшаяся Э. Кватерником, одним из лидеров мелкобуржуазно-радикальной партии права. Как и многие буржуазные революционеры — представители угнетенных наций, Кватерник выступал за сплочение национальных сил не-

зависимо от классовой принадлежности во имя борьбы за свободу Хорватии; он призывал консервативные круги объединиться с прогрессивными, клерикалов с вольнодумцами, аристократов с демократами в единой «великой национальной партии»¹⁷. Он намеревался поднять восстание в момент военного поражения Австрийской империи. Партия права в целом во главе с А. Старчевичем, выдвигая программу независимого хорватского государства, рассчитывала на распад габсбургской монархии в результате очередной военной катастрофы (в 60-х годах «праваши» ожидали помощи от Франции, позднее возлагали надежды на франко-русский союз, создание которого считали неминуемым)¹⁸. В повседневной политической деятельности «праваши» выступали за демократические свободы, полноправный парламент (при максимальном ограничении прав монарха), эзоповым языком пропагандировали идеи республики, отстаивали право каждого народа быть хозяином экономики своей страны и т. д.

Существенно отличавшимся от расстановки сил в Австро-Венгрии и Турции было положение в Сербии, где либерально-буржуазные круги в конце 60-х годов фактически вступили в блок с консерваторами. Вместе с властями Сербии они ожидали решения национально-политических проблем в результате изменения международной обстановки.

Итак, что касается буржуазных кругов, революционными в отношении Османской империи были значительные слои болгарской и сербской буржуазии, пользовавшиеся поддержкой буржуазных организаций вне Турции (часть болгарской эмиграции, сербские и хорватские «народняки»). В отношении же империи Габсбургов революционной была небольшая часть мелкой буржуазии в Хорватии и на Военной Границе, представленная в политическом отношении группой Кватерника.

Различные группировки сербской буржуазии действовали в трех разных регионах, тогда как активность болгарской и хорватской буржуазии была сосредоточена в основном в одном из них. В связи с этим проблемы сербского национального движения были особенно сложными.

*

Революционная демократия как общественно-политическое течение возникала в разных странах в период кризиса феодального строя, буржуазных революций и развития капитализма при сохранении значительных остатков полуфеодальных отношений. В зависимости от конкретной обстановки она выражала настроения социального протеста разных слоев трудящихся и эксплуатируемых масс (крестьян, ремесленников, городской революционной мелкой буржуазии, предпролетариата, полупролетариата, формирующегося рабочего класса) против феодально-

го, а также нового — капиталистического гнета, выражала их с позиции допролетарской идеологии.

Повсеместно революционно-демократические силы боролись за решительную ликвидацию старого строя (или его остатков) революционным путем и в интересах масс народа. Революционных демократов, как правило, отличала глубокая вера в революционное творчество масс; народным массам они обычно отводили решающую роль в будущем общественно-политическом устройстве, в большинстве случаев еще не видя противоречий внутри этих масс или отвлекаясь от них во имя задач демократической революции. Поэтому, как правило, общество, которое по их представлениям должно было возникнуть в результате борьбы, рисовалось ими в идеализированном виде; иначе говоря, в той или иной степени им были присущи черты разного рода идеи утопического социализма. Но объективно задачей эпохи была расчистка исторической арены для буржуазного строя, и по объективному содержанию своей деятельности революционная демократия могла рассматриваться как крайнее левое крыло буржуазной демократии¹⁹.

Вместе с тем В. И. Ленин неоднократно подчеркивал различие между буржуазной (буржуазно-демократической) идеологией вообще и идеологией революционных демократов в частности²⁰. Как справедливо отмечено советской исследовательницей Е. П. Веремеевой, научная характеристика революционной демократии невозможна «вне акцента на *классовом* различии между революционными демократами, как выразителями интересов *эксплуатируемых* допролетарских, непролетарских масс, и правым крылом буржуазной демократии, как выразителями интересов эксплуататорских буржуазных и мелкобуржуазных слоев»²¹. Это классовое различие в дальнейшем сделало возможным и для наиболее последовательных представителей революционной демократии в Восточной Европе неизбежным сближение с марксизмом, а в конечном счете переход на почву идеологии рабочего класса.

На востоке Европы в XIX в. центральное место в общественной жизни занимала борьба против феодального строя или его значительных остатков. При всех существенных различиях между тремя монархиями в Австро-Венгрии (по крайней мере, в ее восточных и южных областях), России и Турции сохранялись полуфеодальные или феодальные отношения. В начале XX в. В. И. Ленин указывал: «В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия) — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»²². По словам Ф. Энгельса, «аграрная демократия» была «единственно возможной в Восточной Европе»²³.

В. И. Ленин в 1912 г. отмечал, что условием национального освобождения балканских народов является «доведенное до конца экономическое и политическое освобождение *крестьян...*»²⁴

Одним из важнейших критериев последовательности революционно-демократической идеологии в странах Восточной Европы являлась глубина ее подхода к аграрному вопросу.

В подцензурной статье В. И. Ленин так определял три существеннейшие черты идеологии революционной демократии в России 60-х годов XIX в.: горячая вражда «к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области... горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всеобщей европеизации России. Наконец... отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян... искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому»²⁵.

Очевидно, что с этими критериями следует подходить к характеристике целого ряда революционно-демократических течений востока Европы в XIX в. (с учетом того, что феодализм не везде принимал форму крепостничества, но что подчас он приобретал крайне варварский характер и, наконец, что во второй половине XIX в. на части этой территории интенсивно развивался капитализм).

Социальная основа и реальное историческое значение революционно-демократической идеологии и деятельности революционных демократов были различными в условиях Сербии, Османской империи и Австро-Венгрии. Поэтому идеология и деятельность сербской революционной демократии, разворачивавшаяся в разных социально-политических условиях в трех регионах, представляют более сложную проблему, чем болгарской и хорватской.

Оценка места и роли революционной демократии в общественном движении связана с существом этапа истории той или иной страны, с характером общественно-экономических отношений и ведущих сил освободительного движения²⁶. Но сербская революционная демократия действовала одновременно в условиях, резко различавшихся между собой, в странах, находившихся на разных этапах социально-экономического развития. Так, в помещичье-буржуазной Австро-Венгрии, уже пережившей буржуазную революцию 1848—1849 гг., шел интенсивный процесс развития капитализма, социального расслоения крестьянства и ремесленников. В 60-х годах здесь на политической арене появились социалистические организации пролетариата, в 1874 г. возникла общеавстрийская социал-демократическая партия. В этих условиях сербская революционная демократия в Воеводине, очевидно, представляла по преимуществу интересы городской и сельской бедноты (т. е. большинства трудящихся),

полупролетарских слоев, мелких ремесленников и торговцев, подмастерьев, выражала их оппозицию власти австро-венгерской полуфеодальной аристократии и крупного капитала. Когда крестьянство разделялось на сельский пролетариат и сельскую буржуазию и когда основная масса его состояла из мелких товаропроизводителей, идеология революционной демократии была сложной, переходной, ее отдельные представители неизбежно колебались между влиянием пролетарской идеологии и мелкобуржуазным радикализмом. Выдающийся лидер и идеолог революционной демократии Светозар Маркович был социалистом-утопистом, но изучал марксизм, был агентом-корреспондентом русской секции I Интернационала, страстно выступал в защиту Парижской Коммуны²⁷. Революционные демократы пропагандировали и распространяли произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, воспринимали отдельные их положения, проповедовали интернационализм. Маркович подчеркивал, что рабочие Вены и Пешта не являются врагами сербского крестьянина²⁸. Сербская революционная демократия призывала к союзу с многонациональным рабочим движением Австро-Венгрии и всей Европы. Многие из сказанного можно отнести и к ее роли в Сербии. Но здесь Маркович и его последователи явились предшественниками социал-демократии, т. е. их историческая роль была еще более значительной.

Маркович выдвинул цельную, последовательно демократическую программу решения сербского национального вопроса, программу, имевшую международное значение: устранение монархических режимов, демократическая революция, ликвидация революционным путем Габсбургской и Османской империй, союз свободных и равноправных народов на Балканах, организация будущих отношений между народами на федеральных принципах, так, как захотят сами народы²⁹. Это выступление Марковича произвело огромное впечатление на демократических деятелей, заострило их внимание к революционной борьбе крестьянства, впервые дало возможность увязать социальные интересы крестьян с задачами сербского национального движения³⁰.

В Хорватии и Славонии в рамках партии права в начале 70-х годов образовалась группа, которой были присущи революционно-демократические тенденции. Эта небольшая группа, наиболее ярким представителем которой был Ф. Матасич, существовала недолго и сведений о ее взглядах сохранилось мало. Известно, что ее представители стремились лучше узнать жизнь крестьянства, защищали его интересы, требовали республики, всеобщего избирательного права, прославляли политику якобинцев во время французской революции. Несколько раз им удалось поместить сочувственную информацию о Парижской Коммуне и международном рабочем движении в газете партии права «Хрватска». Здесь же было опубликовано сообщение о

выходе в Лондоне «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. Как и итальянские революционные демократы и утопические социалисты (Д. Монтанелли и др.), «Хрватска», рассматривая аграрные отношения и положение крестьян в Италии (повидимому, писать о Хорватии было опаснее), выступила за передачу («продать или подарить») мелкими участками крестьянам обширных церковных земель. Вопреки мадзинистским симпатиям Кватерника, сторонника общенациональной революции и сотрудничества классов, «Хрватска» заявила, что выступление Мадзини против Интернационала не встретит сочувствия среди молодежи, которую интересуют новые идеи³¹.

В Османской империи крупнейшей движущей силой болгарского и сербского освободительных движений была борьба крестьянства против феодального строя. Сбросить турецкое иго означало для народных масс не только ликвидировать гнет османского государства как коллективного феодала, но практически и гнет мусульманских феодалов — помещиков. Эти интересы всего крестьянства и городских революционных слоев выражала революционная демократия.

Не только в стране, где капиталистические отношения уже утвердились, но и в более отсталых странах революционная демократия, понимая антагонистический характер общественных отношений при капитализме (в Австро-Венгрии и Западной Европе), обычно отстаивала для своих народов некапиталистический путь развития. Так, для Сербии Маркович выдвигал программу кооперации сельского хозяйства и ремесла, создания таким путем на базе общественной собственности условий для крупного производства с применением новой техники. В. Пелагич, считавший себя социалистом примерно с 1873 г.³², накануне и во время восстания в Боснии и Герцеговине (1875—1878 гг.) искал возможности «спасения» мелкого крестьянского хозяйства путем установления неотчуждаемого минимума крестьянской земельной собственности; при этом он считал, что промышленное производство должно находиться в руках общин и демократического государства³³. В этой «социалистической» программе много эклектики, воззрений мелкого хозяйчика, но, как демократ, Пелагич все внимательнее прислушивался к настроениям тружеников и выступал все более уверенно в их защиту.

Во время восстания 1875—1878 гг. Пелагич, наиболее последовательно выражая классовые цели борьбы крестьянства, пришел к четкой революционной программе в аграрной области: раздел земли бегов между крестьянами по принципу: «земля принадлежит тому, кто способен ее обработать сам; недостойно владеть ею тот, кто ее не обрабатывает своими руками»³⁴.

В виду того, что в Болгарии основным врагом как трудового народа, так и мелкой и средней буржуазии было османское феодальное государство, примирение с которым было невозмож-

но, позиции идейно-политических представителей масс народа, прежде всего крестьянства, и революционных слоев буржуазии в борьбе за национальное освобождение сближались. К настоящему времени историки добились успеха в исследовании социального состава болгарских революционных организаций и социальной опоры революционеров (активными деятелями движения были крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, интеллигенты, в том числе представители низшего духовенства, некоторые представители средней буржуазии). Выявлены и многие разногласия в среде болгарского освободительного движения, противоречия между последовательными революционерами, колеблющимися и, наконец, противниками революционной борьбы, а также разногласия по вопросам тактики революционного движения³⁵. Меньше данных в источниках относительно идейно-программных расхождений в лагере революционеров, в особенности в области аграрных отношений.

Исследователи справедливо обращают внимание на большой шаг вперед, который сделал в начале 70-х годов Васил Левский в сравнении с Георгием Раковским, который разработал тактику действий партизанских отрядов, организуемых вне пределов Болгарии³⁶. Эти отряды Раковский рассматривал как средство вызвать широкое восстание, к которому народ якобы готов. Известно, что Левский применил тактику систематической подготовки народного восстания путем создания сети революционных организаций в стране. Это было сделано во время созревания в стране условий для национальной антифеодальной революции. Левский отмечал, что крестьяне, находившиеся в тяжком положении, — вот те, кто в отличие от богачей составлял опору революционного движения³⁷. Левский глубоко ощущал всю глубину страданий трудящегося народа и нарастание революционности крестьянских масс, он требовал учитывать, «в каком положении мы находимся в Болгарии и вообще настроения наших крестьян и горожан»³⁸.

Естественно, что ввиду исключительного значения аграрного вопроса и для определения того или иного течения в качестве революционно-демократического на востоке Европы вообще и для болгарского национально-освободительного движения в частности задача выявления аграрной программы болгарской революционной демократии привлекла внимание исследователей. В этом отношении в историографии нет единого мнения³⁹. Так, Хр. Христов пишет об «отсутствии специальной аграрной программы национальной революции» ввиду того, что «борьба за политическое освобождение была вместе с тем борьбой за устранение феодализма из экономической и социальной жизни»⁴⁰. В. Д. Конобеев, соглашаясь с тем, что специальной зафиксированной аграрной программы не было, сосредоточил внимание на выяснении взглядов революционеров по аграрному вопросу. Особенность социально-политической ситуации в Болгарии (т. е.

относительно небольшое значение помещичьего землевладения, варварская эксплуатация основной массы крестьянства османским феодальным государством и всем строем общества, который оно защищало) дает полное основание характеризовать Левского, Любена Каравелова и Христо Ботева как революционных демократов (отмечая при этом разную глубину их социальных взглядов), несмотря на отсутствие специально сформулированной ими аграрной программы в данной революции. Что касается Ботева, то его утопическо-социалистические взгляды, пронизанные заботой об интересах трудящегося народа, в сочетании с деятельностью как организатора массовой антифеодальной революционной борьбы в полной мере характеризуют его как выдающегося революционного демократа⁴¹.

Несколько сложнее дать характеристику общественно-политических позиций Левского и Каравелова в болгарской революции. По нашему мнению, достаточных данных для обоснованного вывода о наличии у Левского каких-либо социально-уравнительских (эгалитаристских) или коллективистско-социалистических воззрений исследователям обнаружить не удалось⁴². Они могут лишь предполагать, что «народное управление», «свобода и чистая республика», «святая и чистая республика» Левского означали общество благосостояния всего народа, что тот же смысл имел его призыв к «согласию, братству и совершенному равенству» или девизы «свобода и каждому свое», «чистая свобода болгарину и каждому свое». Все приведенные высказывания Левского обычно помещены в контексте, где трактуются межнациональные отношения в будущей свободной Болгарии⁴³.

Тем не менее их социальное антифеодальное звучание было мощным и понятным народу ввиду той особенности общественно-экономической ситуации в Болгарии, которая выяснена в трудах болгарских и советских ученых (мы имеем в виду эксплуататорскую роль османского государства как верховного феодального собственника земли). Именно поэтому для готовности революционеров к борьбе против османского ига не имело существенного значения то, что не только Левский, но и Ботев и его группа не выдвигали специального вопроса о земле⁴⁴ и что Ботев с теоретико-экономической точки зрения (как и Раковский и как, вероятно, сами крестьяне) неверно слагал, будто болгарский крестьянин — собственник земли. Далее, что группа Ботева, как и Каравелов, выступала «только» против налогового гнета и режима произвола в отношении личности и имущества крестьянина. Выяснение этих взглядов Раковского, Каравелова, Левского, Ботева важно для характеристики всей системы их идей, но в сущности эти взгляды не влияли на цели патриотов в практической борьбе, в *данной* болгарской национальной революции (подчеркиваем, «в данной», так как речь идет не об идеалах будущего общества, у Раковского и Ботева противо-

положных). В этом причина глубокого уважения Каравелова, Левского, Ботева и др. к их предшественнику Раковскому. Эти отношения в среде болгарских революционеров заметно отличаются от ситуации в сербском революционном движении именно ввиду особенностей социальной обстановки в Болгарии в сравнении с обстановкой, например, в Боснии и Герцеговине, где проблема помещика стояла на первом плане наряду с проблемой государства. Поэтому компромиссы между революционными демократами и революционными буржуазными кругами в Болгарии были легко достижимы. Прав Хр. Христов, подчеркивающий, что для *всех* болгарских революционных демократов решение аграрного вопроса «вливалось в общий поток» национальной революции, антифеодальной по существу⁴⁵. Большая степень общности взглядов имела и у революционеров Боснии.

Идейные различия между течениями в болгарской национальной революции более явственно сказались в других областях. Между идеологами буржуазии и революционными демократами существовали разногласия относительно устройства будущего болгарского государства. Не только буржуазные деятели в эмиграции, но и некоторые участники национально-революционного движения искали сотрудничества с властями Сербии и Румынии, искали поддержки русского правительства, тем самым ставя развитие движения на родине в связь с политической этих государств. Эта тактика, к которой склонялся, в частности, Л. Каравелов, обычно не свойственна революционной демократии. Каравелова, по-видимому, можно считать непоследовательным революционным демократом, в какое-то время, возможно, он выступал как национально-буржуазный революционер, близкий к революционной демократии⁴⁶. При этом нельзя не учитывать исключительных трудностей, которые приходилось преодолевать борцам против османского ига, болгарам и сербам, и отсюда — вынужденную необходимость контактов с властями соседних государств, тем более с властями своего национального государства (так, сербская революционная демократия в 1872 г. была вынуждена вступить в переговоры с правительством Сербии относительно совместного выступления против Турции).

*

Таким образом, несмотря на весьма существенные различия между социально-экономической и политической ситуацией в Австро-Венгрии и Турции, как в землях под османской властью, так и в габсбургской монархии (по крайней мере, в ее менее развитых в капиталистическом отношении восточных и южных районах, в том числе в Воеводине) преобладающим было общественное противоречие между «народом» в целом, включая менее богатые буржуазные слои, и инациональным

господствующим классом. Незавершенность борьбы с феодализмом или его остатками делала возможным временный и неустойчивый союз, сотрудничество разных социальных сил против существующего строя, за решение общедемократических задач, прежде всего в борьбе за национальное освобождение. Такой союз был у хорватов, сербов и болгар. В Хорватии в подготовке восстания граничар Огулинского полка в 1871 г. под лозунгом борьбы за независимость Хорватии участвовали как сторонники Кватерника, так и Матасич. Кватерник погиб во время восстания, Матасич, заключенный в тюрьму, вскоре умер от туберкулеза. В Воеводине «народняки» Милетича, несмотря на идейные разногласия, публиковали в своих изданиях работы Марковича, Пелагича и других революционных демократов, выступали в защиту Пелагича, когда в 1872 г. власти намеревались выдать его Турции, совместно со сторонниками Марковича создали революционную «Дружину освобождения и объединения сербов» (1871 г.), поставившую целью организацию восстания в Боснии. В Боснии и Герцеговине, как и в Болгарии, представители буржуазии и революционные демократы участвовали в восстаниях против османского ига⁴⁷.

Это сотрудничество ни в коей мере не устраняло разногласий между течениями, коренившихся в различных социальных интересах. Более того, само развитие освободительного движения во многом определялось присущими ему внутренними противоречиями. Однако в каждой конкретной ситуации эти противоречия получали разное выражение. Как мы видели, в Болгарии их трудно обнаружить в аграрной программе восстания, в Боснии и Герцеговине, ввиду особой важности вопроса о помещицьем землевладении, они сказались очень четко. В Хорватии и Воеводине это были разногласия принципиального характера в вопросах об отношении к европейскому социализму, интернационализму и т. д. В Сербии — это также (причем в наиболее зрелой для революционной демократии форме) принципиальные разногласия по всему кругу общественно-политических вопросов.

Противоречия, вызвавшие обострение полемики в рядах Объединенной сербской оmlадины, привели к выходу из нее сторонников Марковича. Вступление революционных демократов в революционную «Дружину» не снимало принципиальных различий во взглядах между ними и буржуазными идеологами.

В Хорватии небольшая левая группа «правашей», деятельность которой, как и всей партии, была пресечена властями, не отделилась от буржуазных радикальных кругов в организационном отношении. Но разногласия в партии в 1871 г. привели ее на грань раскола. Лишь обоюдное согласие признать право каждой стороны придерживаться своих взглядов, поскольку имеется единство в деле борьбы за национальное освобождение, сохранило партию⁴⁸.

Между революционно-демократической группой Пелагича и буржуазным большинством в руководстве восстанием в Боснии и Герцеговине существовали острые противоречия. Пелагич выдвинул широкую программу демократических преобразований в Боснии и Герцеговине, соответствующую его социальным принципам (полновластное народное собрание, демократические свободы, развитие просвещения и др.), и на этих условиях стремился к равноправному союзу Боснии и Герцеговины с Сербией, тогда как буржуазные деятели ориентировались на простое присоединение областей к сербской монархии.

Основоположники научного социализма отмечали историческую необходимость союза различных социальных революционных сил в борьбе за общедемократические цели, в частности за национальное освобождение. Ф. Энгельс писал: «...в современных польских восстаниях... движение могло рассчитывать на успех только при наличии союза всех оппозиционных партий, в особенности союза дворянства с крестьянами. Но как раз этот союз... был невозможен... дворянство уже не могло привлечь на свою сторону крестьян. Лишь полное упразднение крепостного состояния и феодальной зависимости и отказ дворянства от всех его привилегий могли побудить сельское население объединиться с ним...»⁴⁹

Эта проблема возникала повсеместно перед народами, борющимися за национальное освобождение в XIX в. Однако ее социальное содержание было разным в зависимости от классовой структуры нации. В Польше (1830, 1846, 1863 гг.) и Венгрии (1848—1849 гг.) вопрос заключался прежде всего во взаимоотношениях между дворянством и крестьянами, т. е. между основными антагонистическими классами. В Италии в 40—60-х годах ситуация была сходной, так как, хотя на севере страны феодальный строй был уже ликвидирован, либеральное обуржуазившееся дворянство и национальная землевладельческая и торгово-ростовщическая буржуазия являлись основными эксплуататорами массы населения деревни. В странах с национальным (землевладельческим) эксплуататорским классом, выступавшим под знаменем национального освобождения, проблема участия крестьянства в освободительной борьбе была особенно сложной. Власти Габсбургской империи стремились использовать социальные противоречия в среде угнетенных наций. Эта политика облегчалась ввиду своекорыстия имущих «национальных» общественных слоев и — в ряде случаев — неспособности или нежелания не только помещиков-землевладельцев, но и буржуазной демократии, республиканцев, буржуазно-национальных революционных деятелей учесть материальные интересы миллионов крестьян. Дж. Мадзини в Италии является наиболее типичным деятелем такого рода, что неоднократно отмечалось К. Марксом и Ф. Энгельсом. Даже Дж. Гарибальди во время своих героических походов, поднимая народ на борьбу,

стремился не затрагивать «опасного» аграрного вопроса (он проводил лишь политику ослабления налогового гнета на крестьянство). Главной причиной позиции деятелей итальянской национальной революции в социальной сфере были прочные связи мадзинистов с национальной буржуазией. Но на тактику революционеров сильное влияние оказала также пьемонтская монархия — мощный фактор, содействие которого национальной революции ее деятели считали условием успеха (Гарибальди, стремясь решить ограниченную, но первостепенной важности общенациональную задачу, шел под девизом: «Италия и Виктор-Эммануил»).

Имея в виду социальные противоречия в Ломбардии, К. Маркс критиковал взгляды Мадзини и отмечал опасность применения австрийцами «галицийских средств»⁵⁰. Итальянские революционные демократы, связавшие проблему национального освобождения с интересами крестьянства (К. Пизакане, Д. Монтанелли и др.), не пользовались значительным влиянием. Объединение Италии совершилось благодаря самоотверженным действиям буржуазных демократов-революционеров, поднявших на борьбу многочисленные городские «плебейские» слои и средние классы, и своими решительными выступлениями «снизу» побудивших Пьемонт вступить в борьбу ради укрепления своих позиций. В результате объединение Италии завершилось под властью умеренных либералов.

В Польше и Венгрии во время освободительных войн была достигнута некоторая степень сотрудничества между разными социальными силами, однако недостаточная для успеха (впрочем, мадьярам удалось весной 1849 г. разгромить австрийскую императорскую армию). Свокорыстие дворянства сдерживало приток крестьян в национальные армии.

Иной характер имела проблема союза разных революционных сил у южных славян. Отсутствие (в большинстве южнославянских земель) национального дворянства определило коренное отличие социального облика и содержания их национально-освободительных движений от перечисленных выше. Это сказалось в слабости их организации, но предопределило их глубокий антифеодальный, социальный, демократический характер. Здесь стал возможным временный, внутренне противоречивый и неустойчивый союз революционных сил, представлявших разные неполноправные или бесправные в социально-политическом отношении слои общества. Этот союз был всегда направлен не только против инационального угнетения, но и его социальной опоры в «своей» национальной среде. В Хорватии — это союз немногочисленных буржуазных национально-революционных и революционно-демократических кругов, опиравшихся на революционно настроенную (также немногочисленную) часть граничар. В Воеводине союз радикальной буржуазии с революционной демократией был направлен на организацию

восстания в областях под османским господством и в этом смысле он опирался на революционные слои в Боснии и Герцеговине; в самой Австро-Венгрии этот союз, выступая за демократические, в том числе национальные, права, получал поддержку части мелкой и средней буржуазии, крестьянства, ремесленников, городской бедноты. В Боснии и Герцеговине и Болгарии опорой этого союза были широчайшие слои народа (исключение составляла немногочисленная верхушка, связанная с угнетательским государством).

В. И. Ленин указывал, что интересы рабочего класса требуют ясного понимания характера социальных сил любого «общенационального» движения, подчеркивал «необходимость точного анализа тех различных интересов *различных* классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»⁵¹.

Сохранение революционной демократией своей идейной независимости от буржуазии во время борьбы за общедемократические цели имело огромное значение для будущего развития освободительного движения трудящихся. Это было то драгоценное наследство, которое в дальнейшем использовал революционный рабочий класс. Выше отмечалось, что Маркович всегда отстаивал идейную самостоятельность революционной демократии. В 1871 г. Маркович провозглашал: «Мы остались социалистами, Национальная партия (воеводинские «народняки». — В. Ф.) — республиканцами и конституционными монархистами. Но мы все были согласны в том, что нужно организовать действенную партию и практическое решение внутренних вопросов отодвинуть на период, когда война за освобождение будет окончена. Но каждый, разумеется, сохранил за собой право и впредь проповедовать свои принципы»⁵².

Эта позиция свидетельствовала об идейно-политической зрелости лидера сербской революционной демократии. Но опыт восстания в Боснии и Герцеговине показал, что «внутренние вопросы» вторгались в отношения между представителями разных социальных сил уже во время освободительной борьбы и от их решения зависела судьба самой борьбы.

История освободительного движения болгарского, сербского и хорватского народов содержит факты временного и внутреннего противоречивого «схождения» различных интересов разных классов, «на известных, ограниченных общих задачах». Это были задачи общедемократического, прежде всего национального, характера.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 33.

² См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х т., т. I. М., 1953; Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953; Кондрагьева В. Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине. М., 1971; и др.

³ См.: Конобеев В. Д. Българското национално-освободително движение. София, 1972; Христов Хр. Аграрният въпрос в българската национална рево-

люция. София, 1976. Акад. Христов, в частности, пишет, что в Болгарии «аграрный вопрос следует рассматривать с точки зрения присвоения османским государством и господствующим классом феодальной ренты в натуре и деньгах в сочетании с бесчисленными фактами произвола, насилий и жестокости в отношении покоренного населения» (там же, с. 15) и что поэтому «борьба за политическое освобождение была вместе с тем борьбой за устранение феодализма» и решение аграрного вопроса как «основного вопроса болгарской национальной революции» (там же, с. 8, 42).

- ⁴ См.: *Фрейдзон В. И.* Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в.— Сов. славяновед., 1975, № 2, с. 44.
- ⁵ Хорватской буржуазии в Боснии и Герцеговине практически еще не было: национальную пропаганду среди католического крестьянства вели монахи-францисканцы. Что касается мусульманского населения, то (хотя крестьянство также страдало от феодального гнета османов) оно пользовалось привилегиями, и в периоды подъема освободительной борьбы болгарского, сербского и хорватского народов турецким властям удавалось превращать его в свою опору.
- ⁶ *Ekmečić M.* Ustanak u Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960, s. 36.
- ⁷ Не удалась и попытка сплочения разных социальных сил, включая бегов, против угрозы австрийской оккупации в 1878 г. Повстанцы не пошли на этот союз с классовым противником. Оказавшись в безнадежном положении, они были вынуждены сдаться австрийским властям, передав им требования об аграрной реформе.
- ⁸ Такого рода планы были присущи сербской буржуазии и в Воеводине, о чем свидетельствует выступление ее органа «Заставы», в 1876 г. предостерегавшей против того, чтобы восстание не вылилось в «простой аграрный бунт». Правда, «Застава» была озабочена тем, чтобы восстание не утерало сознательного национально-политического характера. Но только эта озабоченность не могла бы побудить газету поместить данную статью под заголовком: «Не против бегов, а против турок» (см.: *Ekmečić M.* Ustanak u Bosni..., s. 211).
- ⁹ *Berend I., Ranki G.* Ungarns wirtschaftliche Entwicklung. 1849—1918.— In: Die Habsburgermonarchie. 1848—1918, Bd 1. Wien, 1973, S. 488 u. a.
- ¹⁰ *Фрейдзон В. И.* К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе в 50-х — начале 70-х годов XIX века.— Уч. зап. Ин-та славяновед., 1963, т. XXVI.
- ¹¹ Католический епископ Штросмайер писал президенту Югославянской академии наук и искусств, канонику католической церкви Рачкому, что боснийский францисканец Мартич, который выступал против присоединения Боснии к Сербии, вполне «заслужил виселицы» (Korespondencija Rački-Strossmajer, knj. 2. Zagreb, 1929, s. 41).
- ¹² Там же, с. 143.
- ¹³ *Polit M.* Die orientalische Frage und ihre organische Lösung. Wien, 1862.
- ¹⁴ Буржуазно-радикальная организация, ставившая цель распространения в массах национального самосознания и конституционных принципов, а также борьбу за национальное освобождение.
- ¹⁵ *Милетић С.* Источно питање.— In: Србски дневник, 1863; *Петровић Н.* Светозар Милетић. Београд, 1958.
- ¹⁶ Млада србадија, 15.VIII 1870, № 5.
- ¹⁷ *Hèrvatska*, 4.VI, 10.IX 1871.
- ¹⁸ *Фрейдзон В. И.* Пропаганда в Хорватии франко-русского союза против германской экспансии в 60—70-х годах XIX в.— В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе. М., 1966, с. 53—56.
- ¹⁹ Об этом см.: *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М., 1974, с. 41.
- ²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 201—202, 336; т. 41, с. 243.
- ²¹ *Веремева Е. П.* Ленинские методологические принципы анализа революционно-демократической идеологии. Автореф. докт. дис. Киев, 1974, с. 13.
- ²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 155.
- ²³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 353.
- ²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 188.

- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 519. См. также: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969, с. 118—122.
- ²⁶ Вопросы, связанные с характеристикой тех или иных революционно-демократических деятелей и революционной демократии в целом, являются предметом дискуссий (см., например: *Веремеева Е. П.* Ленинские методологические принципы...; *Шинкарук В. И., Пашкова А. А., Асонова Н. Т.* К вопросу о марксистском освещении истории революционно-демократической идеологии.— *Вопросы философии*, 1965, № 4; *Носов А. В.* Утопический социализм и революционный демократизм. Харьков, 1972; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в.; и др.
- ²⁷ *Маркович Светозар.* Избранные сочинения. М., 1956; *Карасев В. Г.* Революционно-демократическая программа Светозара Марковича.— *УЗИС*, 1952, т. VI. Из новых исследований см.: *Вулетий В.* Мисао и реч Светозара Марковића. Врњачка Бања, 1975.
- ²⁸ *Маркович Светозар.* Избранные сочинения, с. 125.
- ²⁹ Там же, с. 333—428.
- ³⁰ *Екмеџић М.* Ustanak u Bosni..., s. 61—62.
- ³¹ *Cesarec A.* Kriza stranke prava i naši «komunari» godine 1871. Zagreb, 1951; *Фрейдзон В. И.* Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской Коммуны в Хорватии в 1871 г.— *Сов. славяновед.*, 1965, № 5.
- ³² *Поплыко Д. Ф.* К вопросу о формировании социалистических взглядов В. Пелагича.— В кн.: *Славяно-балканские исследования.* М., 1972.
- ³³ *Екмеџић М.* Ustanak u Bosni..., s. 68—70. Уже тогда Пелагич предусматривал ликвидацию частной собственности в качестве программы-максимум. Позднее Пелагич более четко высказал идею необходимости коллективного производства (см.: *Поплыко Д. Ф.* О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму.— В кн.: *Проблемы истории и культуры.* М., 1976).
- ³⁴ *Екмеџић М.* Ustanak u Bosni..., s. 348.
- ³⁵ *Никитин С. А.* Революционная борьба в Болгарии в 1875—1876 гг. и Апрельское восстание.— В кн.: *Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970; Сидельников С. И.* Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете. Харьков, 1972; *Он же.* Болгарский революционный центральный комитет (1869—1872 гг.). Харьков, 1970; и др.
- ³⁶ В действиях Раковского имелось много общего с тактикой Дж. Гарibaldi. Но болгарским революционерам приходилось бороться в условиях, значительно менее благоприятных. Кроме общих социально-политических условий в Италии, мы имеем в виду то, что гарibaldiйцам в решающий момент (действия «тысячи» в 1860 г.) противостояли итальянские войска, армия неаполитанского режима, который оказался политически изолированным, тогда как против болгарских чет выступали инациональные и иноверные войска султана и фанатизированные иррегулярные отряды. В этом одна из причин неуспеха тактики Раковского. Но самое главное — болгарский народ не имел ядра национального государства, каким для итальянского был Пьемонт. В этом отношении более сходными с итальянскими были условия сербского освободительного движения; отсюда и сходство тактических замыслов итальянских и сербских революционеров (идея партизанской войны с последующим превращением ее в войну между государствами). Но у сербского и болгарского народов, как это выяснилось в 1875—1877 г., вообще оказалось недостаточно сил для того, чтобы немедленно уничтожить османское иго на Балканах. Положение коренным образом изменилось лишь в начале XX в. О Раковском см.: *Стойков Георги.* Раковски. София, 1964.
- ³⁷ Избранные произведения болгарских революционных демократов. М., 1959, с. 297; *Сидельников С. И.* Борьба течений..., с. 89. О крестьянской бедноте как главной опоре революционеров см. также: *Бирман М. А.* Болгарский революционный демократ Бенковский.— *Кр. сообщ. Ин-та славяновед.*, 1954, вып. 12.
- ³⁸ Избранные произведения..., с. 285.
- ³⁹ См., например: *Воробьев Л. В.* Философские и социологические воззрения

Любена Каравелова. М., 1969; Конобеев В. Д. Българското...; Христов Хр. Аграрният въпрос...

⁴⁰ Христов Хр. Аграрный вопрос..., с. 11, 12.

⁴¹ Ботев Христо. Публицистика. М., 1952.

⁴² Согласно Христову, «в идеологии Левского нашли отражение чаяния крестьян и мелкой городской буржуазии, направленные на уничтожение революционным путем феодализма и турецкого политического господства» (Христов Хр. Идеологические течения в Юго-Восточной Европе в XIX—XX вв. до первой мировой войны. М., 1970. См. также: Павлов Т. За марксистическа история на България. София, 1954, с. 89).

⁴³ Например: «Турецкое чорбаджийство должно уступить место согласию, братству и совершенному равенству между всеми народностями. Болгары, турки, евреи и прочие станут равноправными во всех отношениях...»; «И какой бы народности люди ни жили в этом нашем раю, они будут равноправны с болгаринами во всем. У нас будет единое знамя, на котором будет написано: «Святая и чистая республика»; «...каждая народность, даже и турки должны быть свободны и жить среди нас как люди и граждане. На нашем знамени, которое будет водружено на Балканском полуострове, должны быть написаны только три слова: «Свобода и каждому свое»; «В Болгарии будет не царь, а «народное управление» и «каждому свое». Каждый, как болгарин, так и турок, будет исповедовать свою веру, будет судиться согласно закону и пр. *Свобода и чистая республика*» (Избранные произведения..., с. 257, 260—274). Первоначально формула «каждому свое» была предложена Каравеловым как программное положение революционеров в сфере межгосударственных отношений на Балканах. В дальнейшем Левский использовал эту формулу неоднократно, имея в виду внутривнутриполитические отношения в будущем болгарском государстве. Кроме того, как видно из приведенных отрывков, он никогда не отступал от требования республики.

⁴⁴ Конобеев В. Д. Българското..., с. 436.

⁴⁵ См.: Христов Хр. Идеологические течения..., с. 54. Характерны причины болгарского революционного движения, указанные Левским: «Тирания, бесчеловечность и сама государственная система турецкого правительства на Балканском полуострове» (Избранные произведения..., с. 256). С. А. Никитин отмечает, что «ни один документ восстания (1876 г.—В. Ф.) не содержит никаких социальных требований и лозунгов, призывая исключительно к освободительной борьбе против турецкого господства» (Никитин С. А. Революционная борьба в Болгарии..., с. 85). Об отсутствии специальной аграрной программы у болгарских революционеров см. также: Косев Д. Обзор работ болгарских историков за 1958 год.— Вопросы истории, 1959, № 9.

⁴⁶ Мы видим классовую антифеодалную позицию Каравелова, в частности, в том, что он ясно понимал неосуществимость болгаро-турецкого дуализма (наподобие австро-венгерского) (см.: Избранные произведения..., с. 149). О Каравелове как революционере см.: Шарова К. Любен Каравелов и българското освободително движение 1860—1867. София, 1970.

⁴⁷ Дискуссионные выступления болгарских ученых по данной проблеме см.: Исторически преглед, № 1 (Д. Косев, Й. Митев).

⁴⁸ Sidak J. Dva priloga hrvatskoj povijesti od 1868—1871.— Historijski zbornik, god. XIX—XX, s. 346—352.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 395.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 303. Подробнее см.: Колпинский Н. Ю. Маркс и Энгельс о Мадзини.— В кн.: История социалистических учений. Сборник статей. М., 1976. Под «галицийскими средствами» имеется в виду использование австрийцами восстания польских крестьян против польского дворянства в Западной Галиции в 1846 г.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 276.

⁵² Цит. по: Карасев В. Г. Светозар Маркович.— В кн.: Маркович Светозар. Избранные сочинения, с. 30.

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НА СЛОВЕНСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ В 60-Х — НАЧАЛЕ 70-Х ГОДОВ XIX В.

Вопрос о влиянии русской общественной мысли на идеологию словенских национальных деятелей в 60-х — начале 70-х годов XIX в. в историографии специально не рассматривался. Но его затрагивали в своих работах словенские историки И. Приятель («Словенская культурно-политическая и литературная история»), М. Боршник («Фран Целестин») и В. Мелик в ряде своих статей. Автор в данном докладе предпринимает попытку рассмотреть этот вопрос комплексно, выяснить содержание русского влияния, его направленность и значение для словенского национального движения.

Национальное движение словенцев, как и других славянских народов Австрийской империи, началось в последней трети XVIII в. Вплоть до революции 1848 г. оно сохраняло просветительский характер. Революция способствовала переходу его к более высокому этапу. У словенцев появилась политическая программа «Объединенная Словения», предусматривавшая образование политико-административной единицы, объединяющей все словенские земли и обладающей значительными автономными правами. «Объединенная Словения» должна была входить в состав австрийского государства, переустроенного на началах федерализма.

Разгон Кромержижского собрания, введение октроированной конституции, баховский абсолютизм нанесли сильный удар надеждам словенцев (как и других славян Австрии) достигнуть национального равноправия в рамках империи. Не рассчитывая своими силами добиться национального освобождения, словенские патриоты стали надеяться на поддержку своих требований другими славянами, и прежде всего Россией. Симпатии к России росли в среде словенских национальных деятелей прямо пропорционально уменьшению их надежд на Габсбургов. Победа Пруссии над Австрией была воспринята многими словенскими национальными деятелями как предвестник включения австрийской монархии в будущую Германскую империю. Это означало бы резкое усиление угрозы ассимиляции славянских народов. Надежды словенцев на Россию стали приобретать политический оттенок. «Каждый словенец скорее станет по национальности русским, нежели пруссаком, — писала газета «Словенски народ». — Мы — славяне и хотим остаться ими»¹.

Русофильские настроения в 60-х — начале 70-х годов были характерны как для словенских либералов (младословенцев), так и для словенцев консервативных взглядов (старословенцев). В отличие от легитимистски настроенных консерваторов интерес к России младословенцев подкреплялся некоторыми антиавстрийскими настроениями. Особый интерес словенские национальные круги проявляли к русскому общественному движению — к русским либеральным и демократическим деятелям, которые симпатизировали освободительной борьбе славянских народов.

В русском обществе наибольшее внимание к славянам проявляли славянофилы. Они сочувствовали славянскому национальному движению в Австрии и отрицательно относились к существовавшему австрийскому государству. При этом одни из них были убеждены в необходимости его уничтожения, другие — в перестройке его на новой основе. Они подчеркивали особую роль России в жизни славянских народов. Влияние ее в славянских землях они пытались утвердить с помощью введения там православия и особенно русского языка в качестве общеславянского. Но идея принятия православия почти не имела успеха у австрийских славян. Значительно большее распространение имели проекты принятия русского языка в качестве общеславянского.

Одним из самых горячих приверженцев этого был видный славянофил и славист В. И. Ламанский. В частности, относительно южных славян Австро-Венгрии — хорватов, сербов и словенцев — Ламанский писал, что они никогда не смогут вытеснить немецкий и итальянский языки из своей культурной жизни. «Не предвидя для южных славян Австрии,— продолжал он,— никакой возможности освободиться от духовной подчиненности итальянской, немецкой и мадьярской образованности, литературам и языкам, мы принуждены указать, как на единственный выход из этого печального положения, на необходимость для них принять русский язык органом науки и высшей образованности, языком дипломатическим, с сохранением своих наречий и словесностей для местных потребностей»². Те же самые мысли Ламанский проводил и позднее. В статье «Непосрешенный вопрос» он снова подчеркивал, что единственным средством для славян не погибнуть в культурной борьбе с соседними народами является следующее: «...иметь два славянских языка в своем употреблении, т. е. свое народное наречие для местной словесности, для домашнего и чисто народного обихода, а другой — язык русский, для общих дел, для сношений между собою и прочими соседями, славянскими и иноплеменными, для высшего образования и науки»³.

Взгляды Ламанского на русский язык как общеславянский поддерживали такие видные славянофилы, как А. Ф. Гильфердинг и А. С. Будилович. Эти взгляды имели шовинистический

оттенок, ибо путем введения русского языка в качестве общеславянского славянофилы пытались упрочить русское влияние на славянские народы.

Вместе с тем Ламанский не был сторонником политического объединения славян с Россией. В отношении австрийских славян он придерживался мнения Палацкого, что Австрию нужно славянизировать. Он прямо писал об этом И. С. Аксакову 5 ноября 1858 г. «Не похерить Австрию,— доказывал он своему корреспонденту,— а ее надо ославянить (без итальянских областей Австрия будет однороднее; я бы придал ей еще что-нибудь, хотя от Турции, для усиления в ней стихии славянской), ославянить, и не подлыми немецкими средствами⁴, а децентрализациею, предоставлением ей большего самоуправления... Не бойтесь онемечения при свободе и децентрализации: оно не станет никогда. Есть много сил в славянах австрийских, особенно если мы приготовим умственное и литературное общество»⁵. И позднее, в 80-х годах, Ламанский писал о необходимости для австрийских славян добиваться своих прав именно в самой Австрии, чем вызвал нарекания со стороны ряда чешских и словенских национальных деятелей, а вследствие этого и многих славянофилов.

Ламанский в отличие от И. С. Аксакова и некоторых других московских славянофилов не придавал решающего значения православию в создании и развитии славянской культуры, был значительно терпимее их в вопросах религии. Либерализм Ламанского, его убеждение в том, что именно язык и культура, а не религия являются основой близости славянских народов, наконец, интерес к славянам австрийского государства — все это явилось причиной того, что взгляды Ламанского стали в 60-х годах XIX в. пользоваться успехом в среде либеральных славянских деятелей Австрии и оказывать на них существенное влияние.

С большой симпатией следили за борьбой славян за свои национальные права русские революционно-демократические круги. Особое внимание славянам Австрийской империи уделяли М. А. Бакунин и А. И. Герцен. В послании «Русским, польским и всем славянским друзьям» Бакунин выражал намерение всю свою жизнь посвятить борьбе «за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян». Бакунин был уверен в скором развале Австрийской и Турецкой империй⁶. И Бакунин, и Герцен верили в возможность и необходимость создания всеславянской федерации, в которую бы вошли «все наши народности с равными правами самобытности и независимости» и которая бы основывалась на сословном равноправии, свободе мысли и слова, торговле и сношениях⁷. И в 70-х годах, мечтая о революции в России, Бакунин связывал ее с освобождением славян. В этом отношении большой интерес представляет донесение царского агента в среде

русской эмиграции в Женеве Романа от 30 января 1871 г. В беседе с ним Бакунин развернул план ближайших революционных действий, в который входила наряду с другими мерами антигабсбургская агитация среди австрийских славян. После включения славян в состав России Бакунин полагал «поднять их же против правительства и направить их действия к достижению свободы»⁸.

В России планы создания славянской федерации, близкие к идеям Герцена и Бакунина, пытался пропагандировать журнал В. Иванова «Русско-славянские отголоски», вышедший в мае — июне 1868 г. в Петербурге. Журнал выступал за свободный союз славянских племен, основанный на свободе и равноправии⁹. Характерно, что, подобно Бакунину и Герцену, журнал не мыслил себе славянской федерации без примирения поляков и русских, без вхождения в ее состав Польши¹⁰.

Оба рассмотренных выше плана решения славянского вопроса (русских либеральных и русских революционно-демократических кругов) оказали известное влияние на идеологию словенских национальных деятелей 60—70-х годов XIX в.

Из всех русских общественных деятелей большой популярностью у словенцев пользовались славянофилы. Объяснялось это тем, что взгляды последних были наиболее известны словенской общественности. Славянофилы пропагандировали свои воззрения во время своих поездок по славянским землям (в 60—70-х годах словенские земли посетили И. С. Аксаков, В. И. Ламанский, А. Ф. Гильфердинг, А. С. Будилович и др.), путем регулярной посылки своих сочинений в различные славянские общества. Словенцы преувеличивали силу и возможности славянофилов в России. В словенской прессе в конце 60-х годов печатались статьи известного чешского либерального журналиста К. Гавличка-Боровского, в которых он представлял славянофилов в качестве единственной значительной русской партии, выступавшей против самодержавия и стремившейся к тому, чтобы Россия стала защитницей и покровительницей всех славян¹¹.

Из других русских общественных деятелей словенским патриотам был известен А. И. Герцен, «Колокол» которого был им доступен. Младословенцам импонировали не только его свободолюбие, но и славянские симпатии. В начале 1869 г. «Словенски народ» с грустью отмечал, что с отъездом из Лондона вождя русских эмигрантов Герцена в Англии не осталось «никакой значительной славянской партии»¹². Лондонский корреспондент «Словенского народа» не интересовался социальными взглядами Герцена и видел в нем лишь главу славянской партии в Англии. Некролог, помещенный год спустя в «Словенском народе», также заострял внимание прежде всего на национальном вопросе во взглядах Герцена. В некрологе отмечались

всемирная известность Герцена, его необычайное влияние в России. Автор некролога упоминал и о демократических убеждениях Герцена, указывая, что именно из-за них он был неугоден русскому правительству¹³.

Большое влияние Герцен оказал на Йосипа Стритара, видного словенского поэта, одного из духовных вождей младословенцев. Стритар даже свой литературный журнал назвал «Звоном» (по-словенски — колокол. — *И. Ч.*). Особые симпатии Стритара к Герцену отмечали и его противники. В частности, Д. Боле, принадлежавший к консервативным кругам, писал 8 апреля 1870 г. Блейвейсу: «Стритар хотел бы наш народ переродить по русскому примеру «Колокола», который редактирует Герцен»¹⁴.

Стритар в «Звоне» оценил деятельность великого русского демократа более точно и всесторонне, чем «Словенский народ». «Умер великий русский Александр Герцен, — писал Стритар, — который, живя в изгнании, своими книгами, написанными на классическом русском языке, особенно же своим издаваемым в Лондоне еженедельником «Колоколом» («Звоном»), после смерти царя Николая и до польской революции, можно сказать, властвовал Россией и благодаря своему неизмеримому влиянию в России больше всего содействовал всем либеральным реформам последних лет. Герцен был вдохновенным славянином чисто республиканского характера, одним из главных представителей всей европейской демократии»¹⁵. Таким образом, Стритар, хотя и останавливался на славянских симпатиях Герцена, все же не их считал его главной заслугой, а деятельность Герцена как русского публициста, боровшегося за прогрессивные преобразования на своей родине, как создателя «Колокола». Стоявший близко к Стритару Ф. Целестин, несколько лет живший в России, тоже с большим уважением отзывался о Герцене, хотя и упрекал его в том, что он не препятствовал революционной деятельности своих приверженцев в 60-х годах¹⁶. М. Боршник подчеркивает, что Целестину более всего по вкусу пришлись иллюзии Герцена относительно возможности реформ сверху¹⁷.

Если русские революционеры-разночинцы Чернышевский, Добролюбов совершенно справедливо упрекали Герцена за его отступления от демократизма к либерализму, то младословенцы, например Целестин, укоряли его за отход от либерализма. Особенно близки словенским либералам были иллюзии Герцена, свойственные ему до аграрной реформы 1861 г., о возможности прогрессивных преобразований в Российской империи мирным путем.

Упоминался в словенской прессе и Бакунин. Но в его взглядах младословенцев интересовал прежде всего национальный момент. Например, своеобразно интерпретированное Ф. Кочеваром выступление Бакунина на Цюрихском конгрессе¹⁸.

Н. Г. Чернышевский был мало известен в словенских землях. О его взглядах и учении писал только Целестин. Его отношение к Чернышевскому было значительно более сдержанным, чем к Герцену. Представляя Чернышевского как главу русского западнического радикального течения, Целестин с огорчением должен был констатировать, что он занял место Герцена. «Верно, что его крайняя направленность,— писал он,— была по видимости «более свежей и более научной», чем мировоззрение «Колокола», верно, что она привлекала молодежь»¹⁹.

«Западнические радикалы», или «нигилисты», главой которых Целестин признавал Чернышевского, также привлекали внимание этого младословенского публициста. Впервые он познакомился с ними благодаря роману Тургенева «Отцы и дети». Они тогда ему очень понравились. Целестин так определил их: «Всех, кто молод, либерален и предан свободе, в России зовут нигилистами». И из этого положения он делал соответствующий вывод: «Стало быть, и мы также нигилисты, так как мы тоже отрицаем угнетение и тиранию»²⁰. Но эти высказывания были сделаны Целестином еще до его серьезного знакомства с русской действительностью. Спустя год Целестин стал писать о нигилистах куда сдержаннее. Он приветствовал их желание дать равноправие женщинам и свободу всем, но его настораживало их полное равнодушие к национальному вопросу. Поэтому, отмечая, что нигилисты «очень честные, хорошие люди, и мы не можем скрывать, что они... уже принесли кое-какую пользу человечеству», Целестин все же добавлял, что они «могли бы действовать более успешно, если бы не отрицали национальности»²¹.

К 1871 г. Целестин еще более охладевает к «нигилистам». Для него теперь «нигилизм — незрелый плод незрелого дерева», который погибнет с развитием всестороннего прогресса²². По возвращении из России Целестин вновь остановился на проблеме нигилизма. Подчеркнув, что нигилизм родился из радикального течения, он вместе с тем отметил, что нигилисты отвергли позитивные стороны учения Чернышевского, восприняв лишь негативные²³.

Проявление у словенцев больших симпатий к либеральным тенденциям в русской общественной мысли, чем к революционно-демократическим, имело своей причиной тот факт, что буржуазная революция в деревне в австрийских землях была уже завершена и вопрос отношений между помещиком и крестьянином, особенно волновавший русских революционных демократов, не занимал главенствующего положения в общественно-политической жизни словенских земель. В то же время национальный вопрос, которому русские либералы уделяли значительное место, имел для словенских патриотов большое значение.

В связи с увеличением после введения дуализма антиавстрийских настроений среди словенских радикалов стали иметь хождение планы образования славянской федерации. Эта федерация мыслилась ими или ограниченной, объединяющей только югославянские народы, или всеобъемлющей, включающей в свой состав все славянские земли. Эти планы отличались от соответствующих планов 1848 г. и более позднего периода тем, что они носили антигабсбургский характер и предполагали создание славянских федераций на развалинах Габсбургской и Османской империй. Такой план югославянской федерации предлагал Янез Похар, программа которого стала новым этапом в развитии югославянских идей в Словении.

Уроженец Верхней Крайны Янез Похар в 1862 г. бежал из Австрии в Сербию, переправившись вплавь через Дунай в районе Земуна. Накануне в письме от 10 августа 1862 г. он писал своему другу: «Я хочу сам переплыть через Саву, чтобы хоть раз ступить на землю отважных славянских юнаков... Да здравствует Югославия! Для нее — жизнь»²⁴. В 1870 г. Похар перебрался в Бухарест, где сблизился с болгарской революционной эмиграцией, в том числе с Христо Ботевым. В 1871 г. Похар стал издавать журнал «Югославия» (вышло всего четыре номера). В объявлении об издании «Югославии» он подчеркнул недостаточность югославянской программы, принятой в Любляне, которая касалась только южных славян австрийской монархии и не принимала во внимание славян, живущих в Турции. Целью югославян должно стать создание югославянской федерации, основанной на принципах справедливости, свободы, братства и суверенитета²⁵. В 1-м номере «Югославии» от 5 июля 1871 г. подчеркивалось, что только несогласие славян держит их в течение 500 лет в рабстве. «И Турция, и Австрия обессилены,— продолжала газета,— и дни их существования зависят только от нас и нашей согласованности, от жертв, которые мы принесем нашей родине, нашему потомству»²⁶. Таким образом, образование югославянской федерации подразумевало распад Австро-Венгрии и Османской империи — двух реакционнейших держав.

Похар был единственным словенцем, открыто выступившим в начале 70-х годов XIX в. за революционный путь создания югославянской федерации. Возможно, на его взгляды оказал влияние Бакунин, решительно высказывавшийся за создание всеславянской федерации на развалинах трех империй: австрийской, турецкой и русской. Но в отличие от Бакунина Похар ставил более узкие цели: установление свободной, равноправной федерации югославянских народов, не отказываясь полностью и от всеславянской федерации. Последней он все же остерегался, по-видимому, из-за официальной России, к которой

относился значительно более трезво, чем словенские либералы, видя своекорыстность ее внешней политики, отсутствие в российском государстве свободы.

Идеи всеславянской федерации находили отклик и в среде словенских радикалов. Ими увлекались и отдельные деятели словенского рабочего движения. Так, один из первых социалистов в Словении Ф. Железничар, позднее ставший основателем Югославянской социал-демократической партии, в мае 1873 г. вместе со славянскими революционерами (Пирц, Максимов, Радох, Баурда) выпустил воззвание о создании Славянского республиканского общества. Целью общества объявлялось учреждение славянской федерации «путем свободного соглашения свободных народов... свободных от всякого угнетения правительств открыто деспотических или лицемерно парламентских». Авторы воззвания решительно выступали против идей панславизма, проповедуемых лицами, близко стоявшими к правящим кругам Петербурга, Берлина, Вены²⁷.

В ненависти составителей воззвания к реакционным режимам России, Австро-Венгрии и Германии, в их позитивной программе создания славянской федерации чувствовалось влияние идей русских революционеров А. И. Герцена и особенно М. А. Бакунина. Взгляды последнего прослеживались и в отождествлении авторами воззвания деспотических (т. е. самодержавных) и парламентских режимов, что было свойственно Бакунину в конце 60-х — 70-х годах.

Мелкобуржуазные словенские деятели тоже горячо ратовали за всеславянскую федерацию. Об этом писал в 1871 г. Ф. Левстик, намекая, что подобное политическое объединение славян может быть создано только на развалинах Австрийской и Турецкой империй²⁸. В «Словенском народе» в виде пересказа отдельных брошюр появлялись довольно радикальные планы создания всеславянской федерации. Так, в начале 1870 г. в нем была помещена заметка «Россия и Польша в настоящем и будущем», в которой пересказывалось содержание брошюры под тем же названием, вышедшей на русском языке. «Цель брошюры,— писал автор заметки,— доказать полякам, что они могут быть свободными только благодаря свободной России». Он приводил слова брошюры о том, что именно на основе дружбы поляков и русских должна быть создана свободная славянская федерация²⁹. Сам выбор брошюры для рецензирования, приведение из нее определенных высказываний свидетельствовали о симпатиях и настроениях автора заметки. Идеи ее прямо перекликались с мыслями Бакунина.

Некоторым словенским публицистам была свойственна паника в представлении о всеславянских программах революционеров Герцена и Бакунина и панслависта Фадеева. Корреспондент «Словенского народа» в Хорватии Фердо Кочевар Жавчанин («-р») в статье «Идея югославянства» утверждал,

что первым идею всеславянской федерации высказал А. Герцен в «Колоколе», а после его смерти эту идею стал защищать генерал Фадеев³⁰. Кочевар брал чисто внешние элементы сходства этих программ — стремление к созданию общеславянского государства, не улавливая их полной противоположности, ибо, если программа Бакунина и Герцена предусматривала уничтожение реакционных монархий в России, Австрии и Турции и установление в славянских землях буржуазно-демократического строя, то программа Фадеева способствовала лишь укреплению русского самодержавия и распространению его влияния на другие славянские народы.

Однако словенские национальные деятели все же понимали разницу между всеславянскими освободительными идеями и захватническими планами царской России. Тот же Кочевар поддерживал идею освобождения славян от чужеземного ига, идею, которая находила полную поддержку и у русских революционных демократов³¹. Статья Кочевара, пожалуй, наиболее четко показала отношение словенских либералов к всеславянской идее. Их целями были освобождение своего народа от иноземного ига, обеспечение его свободного национального развития.

Представление о внутреннем строе будущего славянского государства в значительной степени черпалось словенскими либералами из сочинений русских славянофилов (в частности, их взглядов на русскую общину). Так, автор статьи «Русский страх» утверждал, что русская государственная сила и могущество развились на основе славянской общины³².

Горячим пропагандистом русской общины был Г. Блаж. В его статье «Словенцы и славянская взаимность» прославлялось славянское начало в сознании и обычаях русского народа³³. Более подробно свои взгляды на русскую общину, особенно артель, Блаж высказывал в предисловии к «Русской грамматике для словенцев» М. Маяра, изданной на его личные средства. Приветствуя отмену в России крепостного права, Блаж подчеркивал, что благодаря этому был освобожден «самый крепкий элемент политической жизни и социального движения в России, тот элемент, который один способен поднять Россию на ту ступень, которую ей определило ее великое призвание», т. е. русское крестьянство. В числе многих достоинств русского крестьянина Блажа привлекали прежде всего два: умение заниматься ремеслами и интерес к торговле. Блажу нравилась организация русской промышленности. Сравнивая русский текстильный центр Иваново с английским Манчестером, он утверждал, что «бедные английские рабочие трудятся на нескольких богачей, русские же крестьяне — на себя», ибо русская промышленность, по его мнению, была организована на артельных началах. «Такие большие объединения (т. е. артели.— И. Ч.) (именно только веточка общины славянской) —

прекрасный и важный элемент для развития материального благосостояния в России. Они заменяют миллионы и миллионы капиталов отдельных лиц и будут способствовать народному благосостоянию больше, чем промышленность, созданная по западному образцу»³⁴ (т. е. капиталистическая.—И. Ч.). По мнению Блажа, артель представляла собой русскую общину — мир, перенесенную из сельского хозяйства в промышленность. Он считал, что она занимала такое же место в русской промышленности, как сельская община — в деревне.

Русской общиной интересовался и Ф. Целестин. В своих «Письмах из России», печатавшихся в «Звоне» Стритара, он высказал предположение, что мысли некоторых славянских деятелей, находящихся в русской общине те начала, которые дадут славянам возможность не копировать бессмысленно Запад, а идти своим путем, не являясь пустыми мечтаниями³⁵.

Несколько в другом плане интересовала русская община И. Вошняка. Он более трезво оценивал возможность перенесения русской общины на словенскую почву, но его интересовала система ее административного самоуправления. В брошюре «Словенцы, чего мы хотим?» Вошняк в числе главных политических требований словенцев выдвинул организацию общинного самоуправления. Он подчеркнул, что в давние времена, когда словенцы были свободны, у них тоже существовало общинное самоуправление, и выдвинул собственный проект его введения. Низшим звеном этого самоуправления должна была стать *сосеска*, объединявшая деревни, принадлежавшие к одному церковному приходу, затем — *община*, в которую бы входили несколько сосеск, наконец, *жупания*. Основное, среднее, звено должно было заботиться о дорогах, мостах, школах, медицинском обслуживании и т. д.³⁶ Проект Вошняка во многом напоминал систему самоуправления, введенную в 60-х годах в России. Наряду с Вошняком систему общинного самоуправления такого же типа разработал А. Эйншпиллер в своей брошюре «Словенский политический катехизис»³⁷.

Блаж, Целестин, Вошняк, Эйншпиллер, несмотря на различный подход к русской общине, надеялись приспособить ее к словенским национальным условиям, защитить с ее помощью словенского мелкого собственника от тягот капиталистического развития и австрийской бюрократии. Именно с таких мелкобуржуазных позиций они и смотрели на общину.

Однако среди младословенцев имелись и такие деятели, во взглядах которых на русскую общину нашли отражение идеи Герцена и других русских революционеров-демократов. Они пытались в своих трудах доказать социалистический характер общины. В июле 1869 г. в «Словенском народе» была опубликована статья Ф. Кочевара «Социальный вопрос». В ней всячески расхваливалась славянская община (задруга, мир), строй которой объявлялся полностью демократическим и коммунисти-

ческим. Автор подчеркивал, что нигде в Европе община не имеет столько автономии и свободы, как в России. При этом он признавал, что все сведения о русской общине брал из сочинений Аксакова. Обращаясь к истории словенцев, Кочевар делал вывод, что все восстания словенских крестьян с требованием возврата к «старой правде» были практически направлены на восстановление старой социалистической славянской общины. Поэтому в случае появления социальных движений крестьян он считал нужным направлять их в русло общинного движения. Славянская Россия, по мнению Кочевара, должна была стать примером для всего славянства в решении социального вопроса. Кочевар приписывал русской общине и южнославянской задруге социалистические черты. Он подчеркивал, что социалистическое движение у славян имеет свой корень в крестьянстве, в его старославянских обычаях³⁸. Еще более определенно высказывался по этому поводу корреспондент «Словенского народа», поместивший в нем статью «Лига за международный мир и всеобщую свободу». «Коммунизм русской территориальной общины и коллективизм русских ремесленных артелей,— писал он,— эти два славянских учреждения являются сейчас в социалистических кругах Западной Европы примером социального строя; и все западноевропейское социальное движение стремится к тому, чтобы эти два специфично русско-славянских учреждения перенести на европейский Запад»³⁹. Таким образом, решение социального вопроса не только в славянских землях, но и в Западной Европе этот корреспондент связывал с повсеместным введением русской общины.

Подробно рассматривал русскую общину один из видных деятелей младословенцев, И. Сернец, в специальной брошюре «Материализм и славянство». Решительно критикуя капиталистический строй, утвердившийся в Западной Европе и Северной Америке и приведший к непримиримой вражде эксплуатируемых и эксплуататоров, которая может быть разрешена только путем социальных революций, Сернец противопоставлял ему славянский строй, т. е. общину — мир, артель, задругу. Основное внимание уделял он русской общине, главное достоинство которой видел в том, что она делает невозможным переход земли из рук крестьян в руки капиталиста.

Сернец полагал, что при всех своих достоинствах русская община нуждается в улучшениях. Он выступал против разобщенного труда крестьян на отдельных участках. «Плодотворная истина,— писал он,— что общий и органически разделенный труд многих имеет в сто раз больший успех, чем труд разъединенный, должна будет привести русского крестьянина к тому, что он мало-помалу оставит систему передачи наделов отдельным лицам на короткое время и взамен будет сообща пахать поля, сеять и собирать хлеб и по мере возможности делить между членами общины только что смолоченное зерно, солому

и т. д., равно как и остальной урожай»⁴⁰. Сернец полагал, что в личной собственности крестьян должны находиться дом, усадьба, движимое имущество. Отдельные общины в дальнейшем будут соревноваться друг с другом, что приведет к росту трудолюбия и благосостояния всего русского народа.

Сернец считал, что инициатива подобного устройства общин должна исходить от русского правительства и русской интеллигенции, которые поймут, что это наиболее выгодный путь развития экономики. Впоследствии к такому же выводу придут и на Западе, где так же мирно, с согласия капиталистов, будут внедрены общинные формы.

Сернец видел в русской общине зародыш социализма. Но не в той общине, которая существовала, а в той, которая была бы улучшена согласно рецептам социалистов-утопистов. Любопытно, что мысль о необходимости совместной обработки земли крестьянами приходила и русским революционным демократам. Так, Н. И. Огарев писал профессору Лондонского университета Ч. Г. Пирсону 31 октября 1861 г.: «Я считаю ... систему разделения полей между членами коммуны переходным шагом к общественной обработке земли и разделению доходов»⁴¹. Сернец не мог, конечно, знать об этом частном письме. Однако интересен сам факт того, что младословенец Сернец и русский революционный демократ Огарев, размышляя о судьбах русской общины, пришли к одному и тому же выводу.

Надежды Сернеца и Кочевара на то, что русская община станет зародышем социализма, носили утопический характер, как и соответствующие надежды русских социалистов-утопистов, начиная с Герцена и Бакунина и кончая народниками.

Значительное влияние на словенскую общественность оказала борьба передовых русских общественных кругов за эмансипацию женщин. Одним из первых словенцев поднял этот вопрос в словенской печати Ф. Целестин. До своей поездки в Россию (1869—1873 гг.) Целестин скептически относился к проблеме женского равноправия и даже написал пьесу «Роза», в которой высмеивал эмансипированную женщину. Но уже в статьях, присылавшихся из России, он останавливался на положении русских женщин, на организации женского образования в России. «Русские женщины,— замечал Целестин,— не похожи на немецких, они, так сказать, более мужественны, и стремление к самостоятельности, к независимости от мужа не фраза. В Петрограде и Москве много телеграфисток, почтовых служащих, кассирш на станциях»⁴². Вернувшись из России, Целестин стал одним из деятельных пропагандистов прав женщин⁴³.

Одним из первых поднял в словенской печати вопрос о женской эмансипации замечательный ученый И. А. Бодуэн де Куртенэ, который в начале 70-х годов был командирован Петербургским университетом в Австрийскую империю для изу-

чения словенских диалектов. Во время пребывания в словенских землях Бодуэн выступил в органе горицких либералов «Соча» с циклом статей «Некоторые заметки русского профессора». В них он затронул положение женщин в словенских землях. Бодуэн с горькой иронией констатировал, что словенцы, как и многие европейцы, не считают женщин равными мужчинам. Так относятся к женщинам не только простые, но и образованные словенцы. Сам Бодуэн, делясь своими впечатлениями от общения со словенками, подчеркивал: «Повсюду я находил значительно больше ума и доверия среди женщин, чем среди мужчин»⁴⁴. Особенно ему понравились крестьянки, которые своим умом и стремлением к просвещению произвели на него значительно большее впечатление, чем женщины из так называемого образованного общества. Бодуэну понравилось, что крестьянки хорошо знают словенский язык, стремятся читать на нем, проявляют большой интерес к национальным проблемам⁴⁵. Ученый выражал уверенность, что и в словенских землях наиболее смелые из женщин начнут требовать для себя равноправия, что их поддержат в этом просвещенные мужчины⁴⁶.

Целестин и Бодуэн де Куртенэ были пионерами борьбы за эмансипацию словенских женщин, борьбы, которая развернулась в словенской печати уже позднее — в 80—90-х годах XIX в.

Определяющим признаком национальности словенские патриоты, как и другие буржуазные политики XIX в., считали язык. Например, один из самых радикальных словенских национальных деятелей 60-х годов XIX в., Ф. Левстик, само национальное движение словенцев определял как движение в защиту языка: «Ради языка, чтобы его цивилизовать, и ради народа, чтобы его обучать на его языке»⁴⁷. Такое понимание роли языка в национальной жизни приводило к тому, что ему отводилась очень большая роль в словенских национальных программах. Многие представители словенской интеллигенции именно на основе языковой близости славянских народов воспринимали славянство как целое, которое хотя и делилось в настоящее время на несколько народов, но имело общее прошлое и имеет общее будущее. Для того чтобы это будущее стало реальным, для славян был необходим, по их мнению, прежде всего общеславянский язык. Уже в 1863 г. в статье «Еще раз об идеях открытого письма» Левстик отмечал необходимость единого литературного общеславянского языка⁴⁸. Пять лет спустя с подробным обоснованием этого тезиса выступил М. Плетершник, известный филолог, будущий составитель знаменитого «Словенско-немецкого словаря». Он утверждал, что из-за своей малочисленности словенцы никогда не смогут достичь того уровня духовного развития, который соответствует современным требованиям. По мнению Плетершника

ка, свою роль в развитии мировой культуры славяне смогут сыграть только как единый народ, с единым общеславянским языком. Плетершник был убежден, что общеславянским языком станет язык одного из славянских племен, а именно того, «которое по числу или образованности самое мощное и имеет наиболее развитую литературу»⁴⁹. Требования, которые Плетершник предъявлял к общеславянскому языку, более всего соответствовали русскому языку. Рассуждая о необходимости принятия всеми славянами общего языка, Плетершник вместе с тем утверждал, что это не приведет к исчезновению других славянских языков. «У отдельных племен... всеславянский язык,— отмечал он,— долгое время был бы принадлежностью только образованных людей»⁵⁰.

В июле — августе 1869 г. в «Словенском народе» появились большие статьи, касавшиеся общеславянского языка «Словенцы и славянская взаимность» и «Еще раз о славянской взаимности». Д. Кермавнер доказал, что автором их был один из постоянных корреспондентов «Словенского народа», риекский купец Грегор Блаж. Если статья Плетершника только намекала на то, что общеславянским языком должен стать русский язык, то статьи Блажа говорили об этом очень откровенно. Свое убеждение он аргументировал тем, что русский язык — самый распространенный, самый богатый и наименее засоренный иностранными словами, что им пользуется три четверти всех славян, что, наконец, «среди славян одни только русские имеют достаточно оригинальных книг, полностью отвечающих требованиям современности». Блаж утверждал, что словенцы заложат краеугольный камень своего будущего, если примут русский язык в качестве общеславянского⁵¹. Как и Плетершник, Блаж считал, что другим славянским народам совершенно не обязательно отказываться от своих наречий. «Наш совет таков,— писал он.— Пусть каждый образованный славянин кроме своего наречия знает также русское, другие же наречия пусть продолжают существовать»⁵².

В начале 70-х годов в статье «Славянский письменный язык» Левстик указывал, что общеславянским языком может стать только русский язык, поскольку на нем говорит самое могущественное и многочисленное славянское племя и поскольку он является самым чистым из всех славянских языков. Левстик даже делал такие категорические выводы: «Столько славян будет сохранено для будущего, сколько их примет русский язык; всех остальных поглотят частью немецкое, частью итальянское моря»⁵³.

Рассматривая языковую концепцию всех трех словенских национальных деятелей, можно отметить в ней ряд главных моментов. Первое — признание необходимости общеславянского языка, второе — убеждение, что им может стать только русский язык как язык самого многочисленного славянского на-

рода с наиболее развитой литературой, и, наконец, третье (для Блажа и Плетершника) — уверенность, что общеславянский язык должен быть языком образованных людей, тогда как для простого народа сохранится литература на их родном наречии. Все эти положения полностью соответствовали языковой концепции В. И. Ламанского. Влияние взглядов последнего на Плетершника, Блажа, Левстика не вызывает сомнений. В частности, Д. Кермавнер доказал, что Левстик читал статью В. И. Ламанского «Из записок о славянских землях. Сербия и южнославянские провинции Австрии», сопоставив ее с уже упомянутым очерком замечательного словенского демократа «Славянский письменный язык»⁵⁴. Кроме того, установлен и факт личного знакомства Левстика с Ламанским, их обоюдные симпатии друг к другу⁵⁵. Если принять во внимание, что Ламанский дважды бывал в Любляне — в 1862 и 1868 гг., где встречался со многими словенскими культурными и политическими деятелями, и если предположить даже, что он не был лично знаком с Плетершником и Блажем, то и в этом случае его высказывания и суждения не могли остаться им неизвестными.

Мысли о необходимости общеславянского языка для славян и о провозглашении им русского языка не были характерны только для упомянутых словенских деятелей. В конце 60-х — начале 70-х годов они были довольно распространены в среде словенской интеллигенции, особенно среди учащейся молодежи.

Свои симпатии к русскому языку молодежь ясно высказала на Втором съезде словенской учащейся молодежи 4 сентября 1869 г., где обсуждался вопрос о языке высшей литературы (научной.— *И. Ч.*) для словенцев. К этому съезду готовились заранее. Г. Блаж выступил 31 августа в «Словенском народе» со статьей «Еще раз о славянской взаимности», в которой вновь горячо защищал идею принятия русского языка в качестве общеславянского. Кроме того, он накануне самого съезда написал письмо Левстику, подчеркивая в нем: «Если бы приняли предложение, что русский язык должен быть общеславянским, это бы оказало большое влияние на весь славянский мир». Далее Блаж просил Левстика повлиять в этом направлении на молодежь⁵⁶. Левстик не выступал на съезде по этому поводу. Зато большую речь о преимуществах русского языка произнес Ф. Левец. Он решительно высказался за принятие словенцами в качестве языка высшей литературы русского языка. Его предложение поддержал Ф. Целестин, подчеркнув, что «всеславянский язык не может быть иным, кроме русского». При голосовании за резолюцию Левича о том, что словенцы признают для себя языком своей литературы русский язык, она была принята единогласно всеми участниками съезда⁵⁷.

24—25 сентября 1868 г. в Любляне происходил Первый съезд словенских учителей, на котором присутствовало до 300 уча-

стников. Об обстановке на этом съезде профессору Московского университета Н. А. Попову рассказал в своем письме учитель И. Вовк. На заседаниях учителя говорили только по-словенски или по-хорватски, не было слышно ни одного немецкого слова. «Все собрание отличалось лучшим славянским характером,— с восторгом писал он.— Между прочими резолюциями мы приняли решение, чтобы с этих пор и далее в учительских семинариях на словенской территории русский и хорватский языки стали бы обязательными предметами»⁵⁸.

Любопытно, что тот же Вовк в письме к Н. А. Попову от 15 августа 1874 г. так определял роль русского языка для остальных славян: «Для нас, словенцев, хорватов, чехов и поляков, пусть русский язык станет тем, чем сейчас является немецкий язык»⁵⁹, т. е. языком общения между представителями различных славянских народов, языком науки, языком внешних сношений и пр.

Таким образом, славянофильская идея о превращении русского языка в общеславянский нашла отклик у довольно широкого круга словенской интеллигенции.

На это повлиял ряд моментов. В культурной жизни словенцев, как и остальных австрийских славян, немецкий язык был языком, на котором словенцы знакомились с культурными достижениями других народов, на котором печатались их научные труды, языком, с помощью которого словенцы общались с деятелями других славянских народов. Немецкий язык выступал в качестве посредника между словенской и мировой культурой. В этом отношении он играл положительную роль. Однако немецкий язык являлся в то же время орудием национального угнетения словенцев, средством их германизации, активно проводившейся немецкими господствующими классами и всемерно ее поддерживавшими правительственными кругами австрийской монархии. Отсюда острая неприязнь словенских патриотов к немецкому языку, восприятие ими идеи общеславянского языка. Последний, по их мнению, должен был заменить немецкий язык в качестве посредника между словенской и мировой культурой, не вытесняя ни в коей мере их родной язык, но, наоборот, способствуя его утверждению. То, что выбор словенцев пал на русский язык, имело свое объяснение. Во-первых, русский язык был наиболее развитым среди славянских языков. Во-вторых, приняв русский язык в качестве общеславянского, словенцы надеялись этим привлечь к себе внимание русских общественных и правительственных кругов, обеспечить себе их поддержку в борьбе за свои национальные права. Таким образом, русский язык становился орудием борьбы словенских патриотов за свою национальную культуру.

В 60-х — начале 70-х годов XIX в. в словенском обществе наблюдается интерес к русской общественной мысли. Идеи либеральных и демократических кругов русской общественно-

сти, трансформировавшись в сознании словенских национальных деятелей применительно к условиям словенской действительности, использовались ими в качестве орудия борьбы за свободное национальное развитие своего народа, против германизаторских тенденций господствующих классов Австро-Венгрии.

И хотя ни русский язык, ни русская община никогда не были введены в словенских землях, попытки словенских патриотов использовать их в борьбе против германизации не прошли бесследно. Словенская научная терминология испытала сильное влияние русской научной терминологии. Интерес к России, проявлявшийся в словенской печати в 60—70-х годах XIX в., привел к росту симпатий к русскому народу среди широких народных масс Словении. Впоследствии эта симпатия к России и ее народу содействовала восприятию идей Великой Октябрьской революции и их распространению среди передовых слоев словенского общества.

-
- ¹ Slovenski narod, 17.IV 1869.
 - ² Ламанский В. И. Из записок о славянских землях.— Отечественные записки, 1864, № 2, с. 683.
 - ³ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос.— ЖМНП, 1869, ч. СХII, № 7-8, с. 121.
 - ⁴ Ламанский, вероятно, имеет в виду насильственную денационализацию немецких народов, проводившуюся австрийским правительством.
 - ⁵ ЦГАОР, ф. 109, оп. 4, д. 395, лл. 3, 3 об., 4.
 - ⁶ Колокол, 1862, № 122-123, с. 1016.
 - ⁷ Колокол, 1862, № 141, с. 1167.
 - ⁸ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 411, л. 264.
 - ⁹ Русско-славянские отголоски, 1868, № 6 (15.VI), с. 2.
 - ¹⁰ Там же, с. 3.
 - ¹¹ Slovenski narod, 1869, N 72.
 - ¹² Slovenski narod, 1869, N 23.
 - ¹³ Slovenski narod, 1870, N 11.
 - ¹⁴ Boršnik M. Fran Celestin. Ljubljana, 1951, s. 85, 86.
 - ¹⁵ Zvon, 1870, N 6, s. 95.
 - ¹⁶ Boršnik M. Fran Celestin, s. 127, 130.
 - ¹⁷ Boršnik M. Fran Celestin, s. 66.
 - ¹⁸ Slovenski narod, 1868, N 91.
 - ¹⁹ Boršnik M. Fran Celestin, s. 141—144.
 - ²⁰ Slovenski narod, 1869, N 43.
 - ²¹ Zvon, 1870, N 10, s. 152—153.
 - ²² Slovenski narod, 1871, N 3.
 - ²³ Boršnik M. Fran Celestin, s. 143.
 - ²⁴ Slovenec (Celovec), 1866, N 73, с. 292.
 - ²⁵ Цит. по ст.: Rode M. Nekaj podatkov o Janezu Poharju.— Zgodovinski časopis, 1968, N 1-2, с. 102.
 - ²⁶ Там же, с. 99.
 - ²⁷ Kyovsky R. Narodno vprašanje od prvih začetkih socialističnega gibanja med slovanskim delavstvom.— Socialistična misel, 1954, N 1, s. 13, 14.
 - ²⁸ Levstik F. Zbrano delo, zv. 9. Ljubljana, 1961, s. 444.
 - ²⁹ Slovenski narod, 1870, N 4.
 - ³⁰ Slovenski narod, 1870, N 150.
 - ³¹ Slovenski narod, 1870, N 146.
 - ³² Slovenski narod, 1869, N 104.
 - ³³ Slovenski narod, 1869, N 86.

- ³⁴ *Majar M.* Slovnica ruska za slovence. Dunaj, 1867, s. 1—7.
- ³⁵ *Zvon*, 1870, N 16, s. 247.
- ³⁶ *Vošnjak J.* Slovenci, kaj čemo? s. 26—32.
- ³⁷ *Einspieller A.* Politichen katekizem za slovence. Celovec, 1873, s. 8—18.
- ³⁸ *Slovenski narod*, 1869, N 85, 86, 88.
- ³⁹ *Slovenski narod*, 1871, N 28.
- ⁴⁰ *Sernec J.* Der Materialismus und das Slaventhum. Marburg, 1874, S. 40.
- ⁴¹ Цит. по ст.: *Трегенз Д.* Письма Герцена к Ч. Г. Пирсону и Т. К. Сэндерсу.— В кн.: Проблемы изучения Герцена. М., 1963, с. 22.
- ⁴² *Slovenski narod*, 1871, N 3.
- ⁴³ *Boršnik M.* Fran Celestin, s. 239, 240.
- ⁴⁴ *Soča (Gorica)*, 1873, N 1.
- ⁴⁵ *Soča*, 1873, N 3.
- ⁴⁶ *Soča*, 1873, N 1.
- ⁴⁷ *Levstik F.* Zbrano delo, zv. 8. Ljubljana, 1959, s. 122.
- ⁴⁸ *Slovenski narod*, 1868, N 27.
- ⁴⁹ Там же, с. 124.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Slovenski narod*, 1869, N 102.
- ⁵² *Slovenski narod*, 1869, N 82.
- ⁵³ *Levstik F.* Zbrano delo, zv. 7. Ljubljana, 1958, s. 52.
- ⁵⁴ *Kermavner D.* Opombe.— In: *Prijatelj I.* Slovenska kulturno-politična in slovstvena zgodovina. Ljubljana, 1953, zv. 3, s. 509—511.
- ⁵⁵ *Чуркина И.* Фран Левстик — вождь левого крыла младословенцев.— В кн.: Славяно-балканские исследования. М., 1972, с. 107—110.
- ⁵⁶ *Kermavner D.* Opombe.— In: *Prijatelj J.* Slovenske kulturno-politična in slovstvena zgodovina, zv. 4, s. 558, 559.
- ⁵⁷ *Slovenski narod*, 1869, N 105.
- ⁵⁸ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 6, д. 38.
- ⁵⁹ Там же.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮЖНЫХ СЛАВЯН И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Историю развития связей между Россией и южнославянскими народами в XVIII—XIX вв. можно рассматривать, во-первых, с точки зрения их влияния на общественно-политическое и культурное развитие национально угнетенных Турцией и Австрией южных славян и, во-вторых, с точки зрения их значения для самой России. В этом последнем аспекте представляет интерес круг вопросов, связанных с воздействием на русскую общественную мысль, отражением в ней южнославянских проблем, национально-освободительной борьбы народов, входивших в состав Османской империи.

Подобного рода воздействие очевидно, когда речь идет о середине и второй половине XIX в., о таких идеологических системах и программах, как славянофильство, панславизм, в которых немалое место занимали проблемы зарубежных славян, их отношений с Россией. Что касается начала XIX в., то на первый взгляд представляется, что говорить о каком-либо влиянии национально-освободительного движения славянских народов на русскую общественную мысль преждевременно. Однако если собрать и обобщить материал, который можно почерпнуть в русской периодике тех лет и литературе, в произведениях некоторых писателей, общественных и культурных деятелей и мемуарной литературе, если добавить к этому некоторые архивные данные, можно убедиться в научной необходимости и правомерности постановки подобной темы, до сих пор мало привлекавшей внимание исследователей¹.

Задача настоящего доклада — кратко охарактеризовать особенности процесса «узнавания» российской общественностью южнославянских народов, находившихся под властью Османской империи, и восприятия русской общественной мыслью событий революционной борьбы на Балканах в первых десятилетиях XIX в.

Идеологической основой общественных и культурных связей России с зарубежными славянскими народами в эпоху перехода от феодализма к капитализму являлось, как известно, сознание этнического родства и языковой близости славян. Вместе с тем в представлении человека феодальной да и капиталистической формаций большое значение имела конфессиональная общность. Христианская доктрина о взаимопомощи единоверцев, в данном

случае православных, не потеряла своей силы и в XIX в. Эти два традиционных идеологических постулата — славянская общность и взаимопомощь православных — неизменно сопутствуют, когда речь идет о связях между Россией и «турецкими» славянами. Симпатии и сочувствие, проявляемые к «соплеменникам», стремление содействовать их борьбе за национальное освобождение как бы удваивались, когда дело касалось южных славян.

С другой стороны, болгары, сербы, черногорцы выступали как составная часть греко-славянского мира, общности религиозной и культурно-исторической, в которой первоначально — в конце XVIII и начале XIX в. — главную роль играли не южные славяне, а греки.

Эллинофильство в прямом, широком значении этого слова было присуще просвещенным кругам России, придворной элите, особенно во время царствования Екатерины II. Оно было связано как с ведущей ролью греков в политических, экономических и культурных отношениях России с балканским регионом, традиционными культурно-историческими связями, так и с общеевропейскими идеологическими явлениями. Для всей эпохи Просвещения был характерен культ древней Греции, в современных греках все видели законных наследников величайших культурных достижений античности и средневековья, составивших фундамент европейской цивилизации². Известный «греческий проект» Екатерины II можно рассматривать не только как внешнеполитический замысел, мало реальный для своего времени, но и как идеологический документ с характерной фаворитизацией греков. Эллинофильство не исчезло в России с наступлением XIX в. и пережило новый расцвет в 20-х годах в связи с греческой революцией, получив тогда более широкий, демократичный характер. Но затем оно стало быстро ослабевать, чему способствовало охлаждение русско-греческих межгосударственных отношений.

Все это в рассматриваемое нами время сказывалось на связях России с южными славянами, и в особенности с болгарами.

В XVIII в. в российской культурной среде были популярны идеи о мессианской роли Русского государства в отношении православных; конфессиональной принадлежности придавалось большее значение, чем этнической. Но представления о роли последней, о самобытности русского народа как народа славянского, о близости между собой всех славян неуклонно расширялись, что стало особенно заметным в первых десятилетиях XIX в. и являлось одним из проявлений национального самосознания.

Формирование буржуазных наций и национальных культур усилило стремление каждого славянского народа самоутвердиться, определить свое место в общеевропейском историче-

ском процессе и современном мире. Это вызывало интерес к историческому прошлому, языку, самобытной культуре, а также к родственным этническим общностям. Пристрастие к славянству, стремление обосновать достоинства и преимущества этой этнической общности были характерны для взглядов некоторых российских общественных и культурных деятелей конца XVIII—начала XIX в.

У малых национально угнетенных народов, вернее — у их образованных, политически мыслящих представителей, концепции славянской солидарности появились ранее, чем в России³. Их возникновение и практическое использование стимулировались внутренними задачами, задачами национально-освободительной борьбы. У российских славян такой потребности не было, идеи славянской общности не связывались с насущными внутренними проблемами. Они зрели под влиянием иных причин. Иногда появление подобных идей диктовалось внешнеполитическими задачами, сложной международной обстановкой, но гораздо чаще являлось откликом на национальное возрождение зарубежных народов, их национально-освободительную борьбу. Такой отклик раньше всего стали встречать революционные события на Балканском полуострове.

Хотя в XVIII в. в культурной среде России уже имелись представления о зарубежных славянах как родственных русским народах, можно согласиться с А. Н. Пыпиным, что XVIII век не оставил традиций или программ славянской солидарности⁴. Говорить о влиянии южнославянских проблем на русскую общественную мысль можно лишь начиная с первого десятилетия XIX в. Однако на протяжении предшествующего столетия к тому были созданы определенные предпосылки. Расширились связи России с некоторыми из южнославянских народов в политической и культурной сферах, активизировалась политика царизма на Балканах. В ходе периодически возникавших русско-турецких войн подчиненные власти Порты народы вовлекались в орбиту политических интересов русского правительства. Большое значение в процессе «узнавания» южных славян имела эмиграция сербов, черногорцев, болгар, оседавших на юге Российской империи. Но в XVIII в. контакты с подданными султана поддерживались главным образом по правительственной и церковной линиям, русская общественность была к ним мало причастна. Притом народы, которым петербургский двор рассчитывал покровительствовать, рассматривались как масса православных, или «греков», национальной принадлежности которых не придавалось особого значения.

Лишь в самом конце XVIII и начале XIX столетия в содержании и формах общественных и культурных связей между южными славянами и Россией наметились принципиально новые явления, позволяющие говорить о существенных сдвигах. Тому содействовали не только продолжавшиеся войны с Ос-

манской империей и эмиграция южных славян в Россию, но и последовавшие за Великой французской революцией совершенно новые явления в общественно-политической и идеологической жизни всех европейских народов, в том числе и славянских.

Представления о правах человека и целых народов, идеи национальной свободы и самобытности входили в общественное сознание. Наполеоновские войны способствовали разрушению замкнутости и изолированности отдельных европейских регионов, быстро расширили непосредственные контакты различных народов. Наконец, начало сербского восстания открыло эпоху революционной борьбы балканских народов за свою национальную независимость и восстановление самостоятельной государственности.

Хотя в русско-балканских общественно-политических и культурных отношениях начала XIX в. по-прежнему преобладали связи с греками, большее внимание стали привлекать сербы и черногорцы. Как заметил когда-то А. Н. Пыпин, в то время в России едва ли нашелся бы человек, который мог правильно пересчитать «славянские племена» и указать на карте места их обитания⁵. Но представления о южных славянах все же постепенно расширялись, и в частности благодаря издававшейся литературе и периодике.

В русских журналах (преимущественно в «Вестнике Европы») можно было найти сообщения о происшествиях в Европейской Турции, статьи и заметки о сербской революции и о Карагеоргии, было опубликовано описание черногорцев, хотя и очень неточное, основанное на иностранных материалах. Затем, во время русско-турецкой войны стали публиковаться краткие сведения о Болгарии (в «Военном журнале» и «Вестнике Европы»). В 1810 г. вышла в свет книга Д. Н. Бантыш-Каменского — первое созданное русским по личным впечатлениям описание балканских земель, которое содержало некоторые, правда, довольно поверхностные данные о сербах⁶. В среде «читающей публики» имела хождение «История разных словенских народов» Й. Раича, первый том которой (ч. 1—2) был издан в Петербурге в 1795 г. В библиотеках просвещенных российских дворян имелись, конечно, и книги о славянских народах на иностранных языках.

Не меньшую роль играло расширение политических связей и личных контактов с представителями южных славян. С первых лет XIX в., и особенно в годы русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в Петербурге периодически появлялись черногорцы, представители герцеговинцев, делегаты из восставшей Сербии и посланцы болгар. Такого рода поездки не обходились без знакомств с русскими людьми, чему нередко содействовали обосновавшиеся в России южные славяне. С другой стороны, на Балканы, в турецкие владения чаще, чем ранее, отправля-

лись представители русского правительства и военных органов. В 1806—1807 гг. непосредственно общались с черногорцами и далматинцами тысячи русских матросов, солдат и офицеров из эскадры адмирала Д. Н. Сенявина, в ходе войны с Турцией находились в Сербии отряды И. И. Исаева и О. К. Орурка, а в 1810—1811 гг. российская армия вела операции в придунайских районах Болгарии.

Начало царствования Александра I было для России временем ожидания близких либеральных преобразований, введения конституции, отмены или смягчения крепостного права. Быстро росла общественная активность. Сложная международная обстановка в ходе наполеоновских войн привлекала внимание дворянской интеллигенции к внешнеполитическим проблемам, среди которых не последнее место занимало противоборство между Россией и Францией на Балканах и в Восточном Средиземноморье.

Тому в немалой степени способствовала активная правительственная политика в отношении греков (в особенности создание Республики Семи Соединенных островов в 1799 г.), черногорцев (установление тесных контактов с митрополитом Петром Негошем после провала миссии М. Ивелича 1803 г.), восставших сербов Белградского пашалыка. Характерно, что одобрение и поддержку по большей части встречала такая политика в балканском регионе, которая соответствовала интересам греков и южных славян, облегчала их национально-освободительную борьбу, вела в конечном итоге к воссозданию их самостоятельных государств. Возникла надежда, что именно в результате такого курса, сделав славян своими союзниками, Россия будет в состоянии одолеть столь грозного врага, как наполеоновская империя.

Однако неправильным было бы считать, что южнославянские народы привлекали внимание русской общественности лишь во внешнеполитическом аспекте, в практических целях. Еще до того, как началась сербская революция, в культурной дворянской среде обнаруживаются достаточно ясные представления о значении этнической и языковой общности славян, и она начинает осознаваться как фактор сплочения наряду с конфессиональной принадлежностью. Это явление можно проследить по некоторым литературным произведениям первых лет XIX в.

Незаконченная поэма А. Н. Радищева «Песни, петье на состязаниях в честь древних славянских божеств» (1801—1802 гг.) посвящена славянам языческих времен. Певцы-славяне собираются на состязание своих соколов, каждый из которых должен поразить лебедя. Среди этих десяти певцов (не все из них названы) — Всеглас, представляющий новгородцев, Хохт «с устья Дуная», Звен, «потомок славных спутников Пирра», рожденный «на вершинах гор близких моря Адриатиче-

ского, Черными горами именуемых». Поэма проникнута пафосом свободы, патриотизма, сознанием неотвратимости народной мести⁷.

Радищеву были присущи понимание значения культурно-исторической общности славян, интерес к проблеме славянского родства.

Интерес этот навеян изучением средневековой истории Руси, русских летописей, впечатлениями от только что напечатанного «Слова о полку Игореве». В поэме подчеркиваются связь славянских племен в древности, их взаимопомощь в борьбе с внешними врагами за свободу и независимость. Делается попытка изобразить особенности национального характера русского народа, его высокие нравственные достоинства, патриотизм, которые, несмотря на все «чужестранное», в тяжелой борьбе «не воздремали»⁸.

Вместе с тем в «Песнях...» и некоторых других произведениях Радищева заметна тенденция к идеализации общественно-политического строя древних славян как образца патриархального демократизма, например, средневекового Новгорода с его «вечевой республикой». «Племена славянские сильны, ступая во следы широки, звучны своих усопших предков», — пишет Радищев, как бы призывая к сохранению и возрождению лучших «славянских» черт и традиций. Только в этом случае русским уготовано великое будущее, и Всеглас его предрекает⁹.

Очевидно, в последние годы жизни революционная идеология Радищева сочеталась с убеждением в высоком предназначении и светлом будущем русского народа как народа славянского.

По сравнению с Радищевым в несколько ином плане представлял себе значение славянской общности известный публицист, просветитель и дипломат В. Ф. Малиновский, который в 1800—1802 гг. занимал пост генерального консула в Яссах и потому был хорошо знаком с южнославянской проблемой. В 1803 г. он писал в журнале «Осенние вечера» о России: «Она славна, велика и страшна всем врагам своим, от Балтийского залива и Камчатского моря между Азией и Америкой до Средиземного одно племя славено-русов — в Болгарии, Славонии, Венгрии, Далмации — это все наши, любезные сограждане! — и еще вся Греция своею православною верою к нам привязана — или сыны России не умеют защитить их — не сильны или не храбры...»¹⁰

Как видим, общность между собой славян фигурирует у Малиновского в одном ряду с конфессиональной общностью русских с греками и сочетается с представлением об освободительной миссии России в отношении национально поработанных народов Юго-Восточной Европы, как единоверцев, так и единоплеменников. Наличие этнической и конфессиональной

общности между Россией и соседствующими с ней народами он придает большое практическое значение как важному фактору, усиливающему Россию в противоборстве с грозным врагом — наполеоновской Францией, но не забывает и об интересах этих малых народов, главную задачу которых видит в создании самостоятельных национальных государств.

В том же 1803 г. в неопубликованной части политического трактата «Рассуждение о мире и войне» Малиновский доказывал неотъемлемость права каждого народа на свободу и независимость, необходимость создать в Европе федеративные объединения, в частности, союз славянских государств, в том числе сербского и болгарского ¹¹.

Хотя такого рода идеи и могли иметь связь с внешнеполитическими планами, которые уже в 1803 г. зрели в правительственных сферах Петербурга, например у близкого к царю товарища министра иностранных дел А. Чарторьского ¹², Малиновский был, вероятно, первым русским общественным деятелем, заговорившим о национальных государствах на Балканах и их федеративном союзе с Россией и Польшей для осуществления единой внешней политики.

Неизвестно, получили ли общественный резонанс все эти мысли Малиновского, но с 1804 г. — начала сербской революции — аналогичные представления все чаще возникают в умах российских политических деятелей, фигурируя обычно в виде внешнеполитических проектов и предложений, направляемых царю, в министерство иностранных дел и другие правительственные органы.

Еще в 60—70-х годах прошлого столетия стали известны два таких проекта, которые были интерпретированы как свидетельство появления в России времени наполеоновских войн панславизма. Это поданный в ноябре 1804 г. в министерство иностранных дел мемуар Каразина и относящаяся к августу 1807 г. «Записка Броневского» ¹³.

Василий Назарьевич Каразин — человек талантливый, оставивший свой след в развитии науки и просвещения России, в первые годы царствования Александра I бравировавший своими конституционно-либеральными идеями, но позднее придерживавшийся консервативных убеждений, — доказывал необходимость оказать незамедлительную помощь восставшим сербам, попытавшись договориться с Портой о предоставлении им автономии. Он считал, что в случае неудачи таких переговоров начнется всеобщее восстание балканских славян и турецких пашей. В любом случае конечным результатом будет создание из южнославянских земель Турции и Австрии «Царства славян» — конституционной монархии во главе с одним из братьев Александра I. Достигнув небывалого благоденствия и просвещения, это государство станет верной союзницей России, ее «точкой опоры» во всех сношениях с Европой и даже Африкой.

Важно подчеркнуть, что проект Каразина возник не только под впечатлением начала восстания в Белградском пашалыке, но и в результате его личного участия в делах сербских депутатов, приехавших в Петербург осенью 1804 г. Поэтому не было случайностью, что существо предложений Каразина сходно с политическими планами предводителей восстания и некоторых сербских деятелей, в частности С. Стратимировича, ориентировавшихся на помощь России¹⁴.

Записка, автором которой до недавнего времени считали Владимира Богдановича Броневского — писателя, одного из сподвижников адмирала Сенявина в средиземноморской экспедиции, принадлежала, как теперь установлено, перу чиновника министерства иностранных дел Семена Михайловича Броневского¹⁵. Она была составлена вскоре после заключения Тильзитского мира и содержала предложение сделать южных и западных славян, находившихся под иноземным игом, союзниками России в борьбе с империей Наполеона. С. М. Броневский излагал план основания «славянской федерации» — как заслона против дальнейшей экспансии Франции, как противовеса Рейнскому союзу, — но наиболее конкретно рассматривал проблему освобождения в ближайшем будущем сербских земель от власти Турции и Австрии, основания независимого сербского государства. Поводом к составлению такого политического предложения опять-таки послужили события национально-освободительной борьбы сербов и некоторые их просьбы, обращенные к царскому правительству¹⁶.

Для обоснования мнения о существовании в России начала XIX в. «политического панславизма» в ряде книг и статей иностранных авторов говорится о мемуарах Каразина и Броневского, а также о планах политической перестройки в Юго-Восточной и Центральной Европе, которые на протяжении 1804—1812 гг. выдвигались правительственными деятелями, близкими к Александру I, в частности А. Чарторыским и П. В. Чичаговым¹⁷. Изданная в 1949 г. в Лондоне, а затем переизданная в США книга Ф. Фаднера носит даже название «Развитие панславистской мысли от Каразина до Данилевского»¹⁸.

Независимо от того, как трактовать внешнеполитические замыслы, подобные тем, которые сформулированы в записках Каразина и Броневского, и как их называть — проявлением ли панславизма или идей славянского единения, истоки и существо такого рода проектов можно понять лишь в связи с революционными событиями на Балканском полуострове. Но планы создания обширного сербского государства — союзника России или «славянской федерации» в Юго-Восточной и Центральной Европе не занимали значительного, сколько-нибудь устойчивого места в мировоззрении этих деятелей и возникали отчасти под влиянием личных обстоятельств, служебных неудач. Представ-

ляется, что связывать с именем В. Н. Каразина начало какого-то нового этапа в отношении русской общественной мысли к славянскому вопросу нет достаточных оснований. Не только он, но и ряд других деятелей в начале XIX в. выказывали сочувствие восставшим сербам, были сторонниками основания с помощью России «славено-сербского» государства.

В числе таких особенно ревностных поборников освобождения южных славян при поддержке России был, например, протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский — один из образованных и влиятельных представителей придворного духовенства, законоучитель Александра I, а затем духовник великой княгини Александры Павловны. Во время своего пребывания в Офене (Буде), а затем Вене (1800—1804 гг.) Самборский завязал тесные отношения с рядом сербских деятелей, а после начала сербского восстания неоднократно обращался к своему бывшему воспитаннику Александру I, склонял его отстаивать интересы восставших сербов, поддержать политические предложения Стратимировича, в составлении записки которого о «славено-сербском» государстве, возможно, принимал участие¹⁹.

Наиболее ярко и последовательно идеи политического единения славянских народов под эгидой России выражены, конечно, не Каразиным, а человеком, о котором почти ничего не известно, кроме его рукописных сочинений и служебной деятельности в Сербии в 1812 г. Это отставной майор из маленького украинского городка Хорол Александр Полев, который после Тильзитского мира, когда в России резко усилилось недовольство правительственной политикой, появился в Москве, а затем Петербурге и начал возбуждать общественное мнение против Наполеона, направлять свои политические трактаты высоким сановникам и самому царю.

Единственный путь спасения от жребия худшего, «чем татарское иго», при создавшейся международной ситуации Полев видел в объединении России с «племенами своего народа», со славянами, которых надо освободить от власти наполеоновской Франции (имелись в виду Иллирийские провинции), других государств «не для нового порабощения, но для возвращения свободы». Сербское королевство во главе с Георгием Черным, объединяющее всех южных славян православного вероисповедания, и Польское королевство, объединяющее славян-католиков, вместе с Россией составят «Великий союз племен славянских». Но предварительным условием осуществления столь грандиозной политической перестройки, как полагал отставной майор из Хорола, являются внутренние преобразования в самой России. Помещики должны «уступить крестьянам часть своих выгод», «отречься от торговли людьми», правительство — вести истинно национальную политику, выработать законы, «сообразные с характером народа», которые «утвердили бы его высокое мнение о себе», отменить недавнее повышение налогов, создать

народное ополчение и пр. Таким путем будет достигнуто «соединение мнений или сближение одного состояния к другому»²⁰.

Характерно и «славянолюбие» Полева. Он превозносит былые величие и силу славянских государств, героизм и высокие нравственные качества древних славян, призывает возродить их, воспитывать юношество в духе патриотизма, любви ко всему славянскому, отказаться от употребления французского языка и т. д.

Политические трактаты и проекты Полева производят противоречивое впечатление. Их автор — ярый ненавистник якобинской диктатуры и всего французского; в его рассуждениях есть нечто общее с ультрапатриотическим «русским духом» Сергея Глинки, издателя приобретшего популярность с 1808—1812 гг. «Русского вестника». С другой стороны, перед нами не ретроград, не поборник незыблемости крепостнических порядков, каким выказал себя в это время Н. М. Карамзин, а скорее человек, близкий по убеждениям к конституционно-либеральной группировке начала царствования Александра I, сторонник мер, направленных на улучшение общественно-экономического положения страны, ослабления крепостнического гнета.

Внешнеполитические проекты Полева имеют ясно выраженную великодержавную направленность, а вместе с тем исходят из защитных целей. Они наивны и утопичны, но и реальная основа в них очевидна — нет сомнения, что именно революционные события в югославянских землях, возникновение в результате вооруженного восстания самостоятельного сербского государства оказали непосредственное воздействие на весь замысел создания Союза племен славянских, исходной базой для осуществления которого мыслилось сделать повстанческую Сербию.

Среди русских деятелей, изъявлявших готовность личным участием способствовать осуществлению связанных с Сербией внешнеполитических предложений, Полев был единственным, получившим такую возможность. Ему удалось в конце концов заинтересовать своими идеями некоторых влиятельных сановников, и в частности П. В. Чичагова. В 1811 г. отставной майор возвращается на военную службу и затем в штабе Чичагова разрабатывает оперативные планы так называемой адриатической экспедиции — диверсии против Франции через Сербию и Боснию к Далматинскому побережью, — важная роль в которой отводится сербам — союзникам России в войне с Турцией, имевшим свои военные силы²¹. «Мы можем призвать все племена нашего языка на последнюю войну на юг, имеющую разрешить оковы всей Европы и заставить его (Наполеона. — И. Д.) иметь оную в средоточии его империи, так сказать, против самого сердца его могущества; только должно нам сохранить всю святость договоров с сими народами и доставить

им все выгоды и мира и войны...»,— писал Полев Чичагову весной 1812 г., конкретизируя далее план создания единого свободного государства, объединяющего «все области славянского народа от Савы до берегов Адриатического моря» во главе с Карагеоргием²².

Вскоре после этого подполковник А. Полев был отправлен в Сербию, чтобы узнать о положении в стране и организовать подготовку к предстоящим военным действиям. Он провел там два с половиной месяца, сблизился с Карагеоргием и некоторыми сербскими воеводами. Его рапорты проникнуты симпатией к сербам и их вождю, заинтересованностью в национальном освобождении всех южнославянских народов²³. Характерно, что внимание Полева привлекли национальные особенности сербов — в патриархальном строе их жизни он искал черты, присущие некогда русским и всем славянским народам. «Читающим древнюю российскую историю о жизни и поведении чиновниками и воинством великих князей киевских должно только приехать в Тополь к Георгу Черному и видеть живую оной картину за его столом с его дружиною»,— писал он из Сербии²⁴.

Нападение Наполеона на Россию окончательно разрушило замысел адриатической экспедиции. Полев покинул Сербию вместе с русскими войсками, направлявшимися на север, все еще не оставляя надежды на возможность вовлечь в войну с Францией славянские народы²⁵.

Планы политического единения славян в рассматриваемый период были как бы ответной реакцией на экспансию Наполеона, с легкостью перекраивавшего политическую карту Европы, создавшего Рейнский союз, Иллирийские провинции и пр. Но первые годы XIX в. ознаменовались появлением в русской общественной мысли идей культурной взаимности славян, что было связано с началом развития славяноведения.

В 1804 г. два студента Гёттингенского университета — А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев, люди широко образованные, придерживающиеся прогрессивных для своего времени либеральных взглядов, отправились в славянские земли Австрии, чтобы собрать рукописи и книги, записать сербские народные песни. Это было, вероятно, первое путешествие русских в южнославянские земли с научными целями. Тургенев и Кайсаров познакомились с рядом сербских культурных деятелей, в том числе с Д. Обрадовичем, Л. Мушицким, С. Стратимировичем, вошли в курс их работ в области науки и просвещения, проявив большой интерес и сочувствие к восставшим сербам Белградского пашалыка и, кажется даже нелегально побывали в Белграде. Рассказывая о тяжелом положении сербов в Турции, Тургенев замечал: «Русскому, которого порода и религия с ними соединяет, нельзя видеть их состояния без внутреннего негодования»²⁶.

По возвращению из поездки Кайсаров и Тургенев задумали составить описание своего путешествия. Они не выполнили этого намерения, но, несомненно, способствовали распространению в дворянских кругах России знаний о южнославянских народах как близких к русским по происхождению, языку и религии, симпатий к борющимся за свое освобождение сербам.

Поездка в славянские земли Кайсарова, автора работы «Мифология славянская и российская», была связана с его научными интересами и вызвала еще большую увлеченность славянской филологией. В 1805 г. он начал составлять «Сравнительный словарь славянских наречий». Хотя труд этот остался незаконченным, вступление к нему было написано и в настоящее время опубликовано²⁷. Это по существу публицистическая статья, по затронутым в ней проблемам выходящая за рамки темы будущей книги и ярко характеризующая представления одного из первых русских славяноведов о задачах этой науки. Но главное, Кайсаров выступает как пламенный поборник культурного единения славянских народов и ведущей роли в этом России.

Предисловие к «Сравнительному словарю славянских наречий» начинается с традиционных заявлений о многочисленности славянских племен, обширности территорий ими заселяемых, о растущей славе и могуществе России. «Но слабые сестры ее во цвете своем суеверием или невежеством подавленные едва еще сохраняют слабый остаток жизни». Далее в высокопарно-риторическом стиле говорится, что Россия не может «взирать спокойным оком на страждущих своих единоверцев и единоплеменников угнетаемых». «Славные праотцы рода словенского» не поверили бы глазам своим, увидев, что потомки их «один других чуждаются, что они даже не знают, существуют ли на краю света братья их?»²⁸

Кайсаров, как человек, по его собственным словам, «пламенно привязанный ко всему славянскому», доказывает необходимость начать борьбу за возрождение славянских народов, распространение среди них культуры и просвещения при сохранении вместе с тем национальной самобытности, языков и традиций. Инициативу в осуществлении всех этих задач могут взять на себя только русские. Но они должны серьезно подготовиться к такого рода деятельности — полюбить все славянское, узнать своих братьев, их языки, отказаться от чуждых (в особенности французских) заимствований и влияний в области образования и культуры, усовершенствовать собственный язык, освободив его от иностранных слов и пр. В Предисловии намечена программа изучения славянского мира как общности языковой и культурно-этнографической, что обуславливает необходимость комплексного сравнительного метода исследования, тщательных сопоставлений и широких обобщений. Эта задача может быть осуществлена совместными усилиями ученых

России и зарубежных славянских ученых, и особенно сербских.

Замысел «Словаря славянских наречий» и последующих славяноведческих исследований отличается широтой и научной зрелостью, намного обогнавшей уровень современной ему русской науки²⁹. Но он остался неосуществленным — Кайсаров погиб в 1813 г., не успев в полной мере развернуть научную и общественную деятельность. Теперь, после знакомства с его предисловием к так и не написанному словарю славянских языков, можно с уверенностью заключить, что это был один из первых русских ученых, который попытался определить основные задачи славяноведения. Научные интересы, общение с некоторыми славянскими учеными и культурными деятелями, путешествие по славянским землям способствовали и тому, что Кайсаров стал одним из зачинателей идеи славянской взаимности в культурной сфере, приверженцем сближения и взаимопомощи славянских народов, а также и других народов православного вероисповедания, в их борьбе за сохранение и возрождение своей национальной культуры, языков и традиций.

Но у Кайсарова отсутствуют какие-либо мысли о политическом единении славян вокруг России. Его «панславизм» ограничен культурной сферой, провозглашением ведущей роли России в борьбе за национальное возрождение всех славянских народов, а вопрос о политической будущности последних фактически не затрагивается³⁰.

Мирное урегулирование на Венском конгрессе открыло новый этап в истории всех европейских стран, в том числе и России. 1815—1825 годы стали временем формирования идеологии дворянских революционеров — декабристов.

Радужные надежды, возникшие под впечатлением победоносного окончания Отечественной войны и заграничных походов, быстро рассеивались. Над страной постепенно сгушались облака реакции. Александр I доказывал неспособность и нежелание царизма осуществить назревшие социальные преобразования, отменить крепостное право. Но перемены в общественно-политической жизни были очевидны и необратимы, с «духом времени» приходилось считаться, уже нельзя было остановить рост общественной активности, уничтожить свободомыслие. Недавние военно-политические события, освободительная роль России в отношении ряда европейских народов вызывали у подданных царя надежды на продолжение этой благородной миссии. Представление, что в помощи русских нуждаются прежде всего их «единоплеменники и единоверцы» в этих условиях не могло не укрепляться, а принципы Священного союза, которых придерживался Александр I, его сдержанная, осторожная политика в отношении Османской империи и южнославянских народов, не пользовались популярностью.

После 1815 г. внимание русской общественности в большей

мере, чем ранее, сосредоточивалось на внутренних проблемах. Но интерес к общественно-политической жизни зарубежных народов также заметно вырос. Что касается южных славян, то они оказывались в поле зрения просвещенных кругов и в связи с развитием исторической и филологической наук, «отечествоведения» и славяноведения. Стимулирующее воздействие на усиление интереса к историческому прошлому южных славян оказали исследования памятников древней славянской письменности и в особенности выход в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, в которой содержались сведения, хотя весьма скудные и неточные, о древних славянах, средневековых славянских государствах, их связях с Русью, о «наречиях» славянского языка. Основываясь на сообщениях греческих и византийских авторов, на летописях, Карамзин рассказывал о «природном сложении и свойствах славян»: храбрости, хищности, целомудрии, гостеприимстве и пр., о том, что «многочисленные области славянские всегда имели сообщение одна с другой», были связаны «тесным союзом». Книга укрепляла в российской культурной среде представления о былой общности славянских народов, теперь разъединенных, о тяжелом положении угнетенных малых народов, из которых некоторые уже потеряли национальную принадлежность и язык³¹.

Южнославянская тема занимала теперь больше места в общественно-политической литературе и публицистике. Для утвердившегося к этому времени романтического направления становились привлекательными такие сюжеты, как героическая борьба сербов за свободу, трагическая судьба их вождя Георгия Черного, нашедшего приют в России, а затем бежавшего на родину и там злодейски убитого, или упорная защита черногорцами своей независимости и деятельность митрополита Петра Петровича Негоша.

В 1818—1819 гг. вышли в свет «Записки морского офицера» В. Б. Броневского, содержавшие детальное и документированное описание экспедиции российского флота под начальством адмирала Сенявина в Средиземное море³². В книге этой, написанной в распространенном тогда жанре путешествий и обладавшей художественными и познавательными достоинствами, содержалось немало сведений о народах, с которыми приходилось общаться во время экспедиции русским морякам,— о греках, турках, славянах. Но особенный интерес автора привлекли черногорцы. Он побывал в Цетине, собрал материал у местных жителей, а затем у далматинских эмигрантов в России и составил подробное описание Черногории, а также объединившейся с последней в 1806 г. провинции Боко ди Катаро (Боки Которской)³³. Это было первое в XIX в. опубликованное на русском языке достаточно подробное и достоверное описание черногорского народа, притом весьма своеобразное по своей идейной направленности.

Маленький, «ведущий дикую жизнь», «погруженный во мрак невежества» народ представлен Броневским как образец первозданного демократизма, высоких нравственных качеств, которые когда-то были присущи русским и всем славянам, но затем ими утеряны. Проводится прямая ассоциация между современными черногорцами и предками русского народа IX и X столетий, «богатырями нашей древности»: Ильей Муромцем, Добрыней и др.

Читателю сообщается, что Черногория — «республика, в коей равенство поддерживается бедностью, вольность — храбростью, закон заменяется обычаем». Ее правление «можно назвать народным и избирательным», заключает Броневский, а в другом месте патетически восклицает: «Я видел Спарту, видел в полном смысле республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности...»³⁴

Такая идиллическая картина мало соответствовала действительному положению вещей в Черногории и, по признанию самого же Броневского, исходила скорее из «мечтаний философов» и их поисков «образа щастливой свободы». Но она выражала представления автора об идеальной «славянской республике», «преимуществах» славянских народов, их общности между собой. Это те же тенденции, которые наблюдались в русской общественной мысли в первом десятилетии XIX в., а теперь конкретно относились к одному из южнославянских народов.

Но в главе «Описание Черногории» была и другая идея, ясно высказанная в ее заключительной части. Там Черногория предстает совсем в ином свете — как страна бедствующая, крайне отсталая, лишенная «мудрых законов» и просвещения. Между тем она могла бы превратиться в столь же цветущий край, как Швейцария или Голландия, и Броневский пытается наметить меры и преобразования, которые выведут Черногорию из столь тяжкого положения. Митрополит Петр Негош не в состоянии их осуществить, зато это в силах российского императора — «государя, коего имя находится в величайшем уважении» у черногорцев³⁵.

Итак, в 1818 г., как раз в то время, когда Александр I, опасавшийся недовольства Австрии, отказывался поддерживать какие-либо официальные контакты с Черногорией³⁶, один из русских писателей ясно заявил, что черногорцы братья русского народа по вере, по крови, по языку, поэтому именно российский император может и должен помочь им стать на путь процветания и прогресса.

«Записки морского офицера» значительно расширили представление российской общественности о черногорцах и надолго закрепили идеализированный образ этого народа. О том, как была воспринята книга и те ее страницы, которые были посвя-

щены черногорцам, свидетельствует рецензия одного из известных журналистов, А. Ф. Воейкова. «Участие наше доходит до высочайшей степени,— писал он,— когда сочинитель записок сообщает нам свои наблюдения над верою, нравами, образом правления и жизнью славянских народов, единоплеменных, единоплеменных и единовѣрных, столь же воинственных, столь же страстно любящих веру, государя, отечество и свободу, как россияне»³⁷.

Удельный вес южнославянской тематики в русской периодике и литературе второй половины 10-х годов все же оставался небольшим по сравнению с греческими сюжетами. Это стало еще сильнее ощущаться после начала восстаний в Дунайских княжествах и Морее весной 1821 г. Вместе с тем возникновение революционного очага в Европейской Турции вслед за восстаниями в Южной Европе привлекало общественное внимание ко всем балканским народам, в том числе к южнославянским. Было хорошо известно, что греки-этеристы готовили вооруженное выступление всех подданных султана и в особенности рассчитывали на сербов и болгар. Весной и летом 1821 г. в печати не раз мелькали сообщения (затем оказывавшиеся ложными) о том, что уже поднялось на борьбу 30 тыс. болгар, что к грекам готовятся присоединиться сербы. Но вскоре стало ясным, что замысел общебалканской революции провалился, пришли известия о полном поражении восстания этеристов под руководством Александра Ипсиланти в Молдавии и Валахии.

Все эти события вызвали некоторое разочарование у греков. С другой стороны, появилась потребность узнать, что же воспрепятствовало жаждущим национальной свободы южнославянским народам объединиться с эллинами и общими усилиями одолеть грозного врага. Обширная статья под названием «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи», помещенная в популярном общественно-политическом журнале «Северный архив», в какой-то мере отвечала на этот вопрос. Но главное — автор ее впервые сделал попытку дать целостное описание всех тех народов, находящихся в составе Турции, которые он причислял к славянам³⁸.

Как удалось установить, статья эта, подписанная С-д-ов, принадлежала перу Алексея Максимовича Спиридова, брата будущего декабриста М. М. Спиридова, человека образованного и либерально настроенного, который в 1818—1821 гг. служил в российском консульстве в Бухаресте, был очевидцем происходивших там весной 1821 г. событий, непосредственно общался со многими приезжавшими и живущими в княжествах сербами, болгарами и другими подданными султана.

Основная проблема, привлекавшая внимание автора, — этногенез южнославянских народов и их национальные особенности в настоящее время. Славянами «по происхождению» он считал

не только болгар, сербов, черногорцев, босняков, герцеговинцев, хорватов, а также албанцев, молдаван и валахов. Балканы, в его представлении, регион в основном славянский, ставший таковым со времени раннего средневековья, однако часть народов славянского происхождения — албанцы, молдаване и валахи — в результате тесного соприкосновения с «иноплеменниками», в особенности с греками и турками, потеряла свои славянские признаки, другие же сохранили их в большей неприкосновенности.

Это, конечно, очень упрощенное представление о сложнейшем процессе этногенеза и национального развития балканских народов, выведенное как бы ретроспективным методом, в результате логических предположений, а не на основе научных фактов. Но таких фактов в науке еще не было накоплено — интерес к проблеме этногенеза южных славян лишь начинал пробуждаться. Происхождение албанцев представлялось особенно темным и неясным, а предков молдаван и валахов — даков — нередко считали славянами³⁹.

В статье сообщалось немало конкретных сведений о Сербии и Черногории, гораздо меньше о Боснии и Хорватии, зато подробно описывалась «Болгария» — область, лежащая между Дунаем и Балканским хребтом. Это имело особое значение, ибо о болгарях в это время было очень мало известно русской общественности, а их славянская принадлежность оставалась не вполне ясной. Спиридов же подчеркнул сходство болгар с другими славянскими народами, говорил о «болгарском наречии славянского языка», о присущих болгарам демократических чертах общественного строя — «равенстве состояний»⁴⁰.

Статья Спиридова в «Северном архиве» отражает уровень знаний и особенности представлений о южных славянах в России на рубеже первой и второй четверти XIX в. Вероятно, не только неосведомленность, но и стремление подчеркнуть значение славянства в общеевропейском историческом процессе побудило автора изобразить балканский регион как преимущественно славянский. При этом он традиционно идеализирует славянские национальные особенности — их чистоту нравов, демократические, патриархальные принципы общественного уклада, соединенные с мужеством и патриотизмом. Эти черты уже несвойственны, по его мнению, привилегированным и зажиточным сословиям, всем тем, кто чисто внешним образом, путем слепого подражания приобщается к европейской цивилизации и образованности (особенно французской), но еще сберегаются в народной, крестьянской среде, в особенности у горцев. Такого рода представления, возможно, отражали прогрессивные демократические взгляды Спиридова, человека, по своим убеждениям близкого к декабристским кругам.

Влияние национально-освободительного движения южных славян на идеологию декабристов может рассматриваться как

составная часть таких более общих проблем, как отношение дворянских революционеров к славянскому вопросу в целом и их отношение к освободительному движению всех европейских народов. Эта тематика издавна привлекала внимание декабристоведов, а также исследователей истории развития русской общественной мысли в XIX в.⁴¹ Мы остановимся преимущественно на том материале, который имеет отношение к южным славянам и их национально-освободительному движению.

Идею союза славянских народов в борьбе за социальное и национальное освобождение внесла в российское революционное движение небольшая, стоящая особняком декабристская организация — Общество соединенных славян, основанное в 1823 г. в небольшом украинском городке Новоград-Волинске и затем слившееся с Южным обществом.

Политическим планом этой организации было создание Все-славянского союза, который мыслился как обширное и сильное федеративное государство, протягивающееся широкой полосой от российских земель и Польши к Черному и Адриатическому морям. Такое государство должно было обеспечить народам, в него входящим, свободное и равноправное существование, безопасность от внешних врагов, экономическое процветание как следствие установления передового общественного строя⁴². Радужная, не вполне отчетливая картина существования в центре Европы экономически процветающего республиканского государства, способного обеспечить вошедшим в него народам свободное, безбедное и счастливое существование, которую рисовали в своем воображении основатели общества, в чем-то схожа с мечтаниями социалистов-утопистов этого времени, своеобразно проявившимися на русской почве начала 20-х годов. Стремление к буржуазно-демократическим преобразованиям в собственном государстве здесь сочеталось с желанием «доставить счастье» другим народам, соплеменным с русским, объединить общие усилия борцов против «тирании» и «рабства» всех славянских народов.

Таким образом, именно этническая общность, без всякого учета общности конфессиональной, впервые в русской общественной мысли была провозглашена принципом союза народов в борьбе за свободу, их дальнейшего политического объединения.

Возникновение такой «славянской утопии» нельзя понять без учета особенностей развития в первых десятилетиях XIX в. русского национального самосознания и общеславянского самосознания как его составной части. По словам М. В. Нечкиной, идеи общества питала эпоха «славянского Возрождения», в частности антифеодальная и национально-освободительная борьба южных славян⁴³. Оказало влияние и своеобразие местных условий, в которых возникла эта организация, — на Волыни тесно соприкасалось между собой русское, польское и украинское население, и Общество стало с самого начала интер-

национальным по составу. Но весь замысел объединения славянских народов ориентирован в первую очередь на сотрудничество российских и польских революционеров, сотрудничество же с южными славянами осталось лишь перспективой.

Петр и Андрей Борисовы, Юлиан Люблинский, И. И. Горбачевский и несколько других «коренных» членов Общества, которыми исчерпывались приверженцы идеи славянского союза, не имели каких-либо личных контактов с представителями южных славян, таковых не числилось и в составе организации. На девизе, который изображен в ее уставе — «Правилах», или «Катехизисе», — в числе восьми славянских «поколений» фигурируют сербы, «кроаты» и «далматы». А по показанию на следствии одного из членов, в федерацию предполагалось включить также Молдавию и Валахию.

Слабая осведомленность братьев Борисовых, Люблинского и их друзей о южных славянах не может удивить, если учесть общий уровень и особенности представлений об этих народах в России начала 20-х годов. По сравнению со средой просвещенного петербургского и московского дворянства эти представления были еще более неопределенными и неточными в провинции, у малообразованных армейских офицеров и мелких чиновников, составивших тайное общество. К тому же определение конкретного национального состава лиц, входящих в союз, в момент основания общества не имело большого значения, а в дальнейшем к этому вопросу и не возвращались.

Но сам принцип политического объединения на основе национальной общности ставился на реальную почву благодаря распространившемуся представлению (его мы наблюдали, например, в статье Спиридова), что славяне — преобладающая часть населения Юго-Восточной Европы — связаны с Россией территориальным соседством и поэтому могут войти в федеративный союз.

По скудным данным, которые сохранились об Обществе соединенных славян, трудно установить непосредственное влияние на его программу и деятельность национально-освободительного движения южных славян. Можно, правда, обратить внимание на следующую деталь. П. Борисов говорил нередко, вербуя членов, дабы те «имели уважение к цели Соединенных славян и были бы чрез то деятельнее», что Общество имеет отрасли во всех славянских «поколениях», а основал его некий граф Магавли родом из Сербии, уехавший в свое отечество «для водворения и распространения там Общества славян»⁴⁴. Возможно, что создание такой легенды исходило из надежды, что именно сербы — о их недавней вооруженной борьбе было хорошо известно — станут опорой деятельности русских революционеров на Балканах.

Стремление руководителей Общества соединенных славян не только освободить Россию от оков самодержавия, но и «доста-

вить счастье» другим народам, в частности славянским, в принципе не противоречило внешнеполитической программе Южного общества, разработанной П. И. Пестелем. Согласно ей, послевоенная Россия должна была перейти от «завоевательной» политики к «покровительственной системе»; предполагалось, что победа революции в России даст толчок социальным и национально-освободительным движениям за ее рубежами. Поэтому П. М. Бестужев-Рюмин с легким сердцем мог говорить славянам, убеждая их присоединиться к Южному обществу, «что преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию... что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто споспешествовать цели Славянского союза»⁴⁵.

Но идеи консолидации славян, их политического единения вокруг России помимо программы Общества соединенных славян не были выражены в декабристском движении. Некоторые отрывочные, не вполне ясные сведения о существовании таких идей нельзя считать достоверными⁴⁶. Содержание «Русской правды» П. И. Пестеля и «Конституции» Н. М. Муравьева свидетельствует лишь о наличии у их авторов представлений о славянской общности. Что касается тайной преддекабристской организации «Орден русских рыцарей» с его великодержавной программой, в которой упоминалось о присоединении Сербии, Венгрии и всех славянских народов к России, то, на наш взгляд, нет основания связывать этот проект с идеологией декабризма. Он возник в 1814 г. под влиянием совершенно иных условий, нежели те, в которых после 1815 г., а преимущественно в первой половине 20-х годов XIX в. эта идеология формировалась.

Декабристы неизменно сочувствовали всем народам, борющимся за свое социальное и национальное освобождение, но, пожалуй, особенно находящимся под властью Османской империи. Турецкое завоевание Юго-Восточной Европы иногда ассоциировалось с татарским игом на Руси, а султанская власть, как «власть беспредельная», рассматривалась в качестве образца деспотического принципа правления, со всеми свойственными ему пороками⁴⁷. Все это невольно создавало впечатление сходства исторических судеб русского и южнославянских народов. Убеждение, что помогать последним является моральной обязанностью России, было распространено в декабристской среде, и то, что Александр I не следовал этому, давало повод для критики внешней политики царизма. Один из пяти повешенных декабристов, П. Г. Каховский, осуждал, например, правительство за то, что оно не оказывает помощи грекам, сербам, «верным нашим союзникам», что черногорцы «забыты, покинуты на произвол судьбы», проявляя при этом хорошую осведомленность о национально-освободительном движении и современном положении этих народов⁴⁸.

Революционные события в турецких владениях в начале 20-х годов привлекли особенное внимание южных декабристов, а перспектива важных политических перемен в Юго-Восточной Европе не могла не учитываться ими при подготовке революционных акций⁴⁹. Об этом свидетельствует, в частности, записка Пестеля «Царство греческое», которая была составлена им, по всей вероятности, совместно с кем-либо из греков-этеристов весной 1821 г., в момент, когда ожидалось, что в ближайшее время на Балканах начнется всеобщее восстание. Но в этой записке ясно выражены филэллинские тенденции — греки должны были занять руководящие позиции в будущем балканском государстве. Такой принцип был связан и со спецификой момента — началом греческой революции — и с особенностями общего мировоззрения идеолога южных декабристов, а конкретно — с недооценкой им значения демократического решения национального вопроса⁵⁰.

Нет нужды преувеличивать распространенность в первой четверти XIX в. идей политического и культурного единения славянских народов, но они уже встречались у некоторых российских деятелей различных общественно-политических убеждений. Стимулирующее влияние на возникновение таких идей оказывали международная обстановка, расширение знаний и представлений о славянских народах и их историческом прошлом среди просвещенных кругов русского общества, начало развития славяноведения. Но, пожалуй, наибольшее воздействие шло от национально-освободительной борьбы южнославянских народов. В период наполеоновских войн первую роль в ней играли сербы и черногорцы, которые благодаря этому привлекали особое внимание русской общественности. В 20-х годах XIX в. аналогичную роль играла греческая революция.

Декабристская организация Общество соединенных славян впервые внесла в русскую общественную мысль идею объединения славянских народов в борьбе за свое социальное и национальное освобождение. План создания славянского союза охватывал и южных славян, хотя свидетельствовал о недостаточно ясных представлениях руководителей Общества об этой группе славянских народов. Важно отметить, что общество соединенных славян впервые приняло принципом объединения этническую общность без всякого учета конфессиональной принадлежности.

В других случаях религиозной общности с южными славянами как спланивавшему фактору придавалось не меньшее, если не большее значение, чем общности этнической. Но эта последняя уже ясно осознавалась исходя из таких определителей, как язык, происхождение, этнографические особенности. Вместе с тем в человеческих понятиях славянская общность еще неясно соотносилась иерархически со своими составными

частями — отдельными славянскими народами, которые иногда фигурировали просто как славяне. Предполагалось обычно, что славянство некогда было чем-то единым или хотя бы более связанным между собой, чем в современности, что всем славянам были свойственны высокие нравственные качества, демократические традиции, патриотизм и т. д. Постепенно закреплялся идеализированный образ славянских народов, их славного героического прошлого, тяжкого положения в настоящем с угрозой полного исчезновения самобытности некоторых малых народов.

Такого рода представления без каких либо конкретных идей политического или культурного единения славян были свойственны Радищеву и многим декабристам. Все они были пламенными патриотами, верили в русский народ и его светлое будущее. Национальное самосознание, как и самосознание общеславянское, в среде этих передовых высокообразованных представителей дворянского класса было уже достаточно развитым.

- ¹ Интересные факты, характеризующие расширение знаний и представлений о зарубежных славянских народах (в том числе и южных славянах) в России со времен средневековья до середины XIX в., а отчасти и воздействие идеологий национального Возрождения этих народов на русскую общественную мысль, собрал и обобщил А. Н. Пыпин (см.: *Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем.*— Вестник Европы, 1878, № 9—12, отд. изд.: СПб., 1913; *Он же. Обзор русских изучений славянства.*— Вестник Европы, 1889, № 4—6; *Он же. Русское славяноведение в XIX столетии.*— Вестник Европы, 1889, № 7—8). Именно его данные и заключения — во всяком случае, относящиеся к связям с южными славянами в первой половине XIX в. — фигурируют в трудах некоторых зарубежных историков, посвященных истории русской общественной мысли, панславизму и т. д.
- ² *Маркова О. П.* О происхождении так называемого греческого проекта.— История СССР, 1958, № 4, с. 69—71.
- ³ Этот факт был отмечен еще И. И. Срезневским (см.: *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910, с. 466—467), а вслед за ним рядом авторов (см., например: *Petrovich M.* The emergence of russian panslavism. N. Y., 1956, p. 5—7).
- ⁴ Вестник Европы, 1889, № 7, с. 240.
- ⁵ *Пыпин А. Н.* Русское славяноведение в XIX в.— Вестник Европы, 1889, № 7, с. 238.
- ⁶ Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию *Д. Б. К. М.*, 1810.
- ⁷ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1. М.—Л., 1938, с. 54—73.
- ⁸ *Макогоненко Г. П.* А. Н. Радищев и его время. М., 1956, с. 569—579.
- ⁹ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 72—73.
- ¹⁰ *Малиновский В. Ф.* Любовь России.— В кн.: Избр. соч. Ф. Малиновского. М., 1958, с. 104.
- ¹¹ ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), д. 2822, л. 1—20; *Skowronek J.* Uwagi nad kształtowaniem programu obozu antynapoleońskiego.— In: Wiek XIX. Warszawa, 1967, s. 90—98.
- ¹² *Skowronek J.* Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1969.
- ¹³ Записка Каразина впервые опубликована (с некоторыми сокращениями) М. П. Погодиным в его газете «Русский» в 1868 г., «Записка Броневского» — В. Богущичем (Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872, приложения, с. 297—301). Вскоре эти материалы были использованы в статьях И. Первольфа и А. Н. Пыпина (см.: Древняя и новая Россия, 1877, кн. 12, с. 332—333; Вестник Европы, 1878).

- ¹⁴ В 1804 г. митрополит С. Стратимирович пытался направлять внешнеполитическую деятельность неопытных руководителей сербского восстания. В его политическом трактате, тайно направленном в Петербург летом 1804 г., утверждалось, что признание Портой автономии Сербии будет первым шагом к созданию обширного и независимого «славено-сербского» государства, которое станет наиболее удобным соседом и верным союзником России.
- ¹⁵ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX в., т. IV. М., 1965, с. 51.
- ¹⁶ О записках Каразина и Броневского см. подробнее: *Достян И. С.* Из истории русско-сербских связей в начале XIX в.— Сов. славяновед., 1970, № 5.
- ¹⁷ См., например: *Fischel A.* Der Panslavismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart — Berlin, 1919, S. 171—173; *Petrovich M.* The emergence..., p. 12.
- ¹⁸ *Fadner F.* Development of Pan-Slavist Thought from Karazin to Danilevskii. 1800—1870. London, 1949; *Он же.* Seventy Years of Pan-Slavism in Russia. Karazin to Danilevskii. 1800—1870. Georgetown, 1962.
- ¹⁹ См. подробнее: *Достян И. С.* Из истории..., с. 11—15.
- ²⁰ Большинство записок и трактатов А. Полева см.: Центральный государственный военно-исторический архив, ф. ВУА, д. 431, ч. 1—6.
- ²¹ О плане «адриатической экспедиции» см. подробнее: *Казаков Н. И.* Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 г.— В кн.: 1812 год. М., 1962.
- ²² Внешняя политика России..., т. VI. М., 1962, док. 144.
- ²³ Документы, связанные с деятельностью А. Полева в Сербии, см.: Внешняя политика России..., т. VI, док. 144, 172, 185, 188 и др.
- ²⁴ Там же, док. 185.
- ²⁵ АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1812, д. 2, п. 5, л. 8.
- ²⁶ О путешествии Тургенева и Кайсарова в славянские земли см.: *Истрин В. М.* Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в.— ЖМНП, нов. сер., 1912, сентябрь, ч. XVI, с. 78—109; Архив братьев Тургеневых. Пг., 1915, вып. 4; *Лотман Ю. М. А. С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени.* Тарту, 1958, с. 135—135.
- ²⁷ *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий».— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1958, вып. 65, с. 191—203.
- ²⁸ *Лотман Ю.* Рукопись А. Кайсарова..., с. 195.
- ²⁹ Там же, с. 193.
- ³⁰ Ю. М. Лотман придерживается на этот счет противоположного мнения, видя в Кайсарове одного из предшественников идей политического объединения славян во главе со свободной Россией, выдвигаемых впоследствии декабристской организацией — Обществом соединенных славян, но не приводит убедительных доказательств такого заключения (*Лотман Ю. М. А. С. Кайсаров...*, с. 139).
- ³¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. 1, СПб., 1818, гл. III, IV.
- ³² *Броневский В. Б.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818—1819. (Повт. изд. 1836—1837). Отдельные главы книги, в частности посвященные Черногории, в 1818—1819 гг. публиковались и в «Сыне отечества».
- ³³ Там же, с. 181—308.
- ³⁴ Там же, с. 192, 250.
- ³⁵ Там же, с. 295—300.
- ³⁶ См. об этом: *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей первой трети XIX в. М., 1972, с. 180—195.
- ³⁷ *Сын отечества*, 1820, ч. 66, № 49, с. 55.
- ³⁸ Северный архив, 1825, № 14, с. 85—117; № 15, с. 191—234.
- ³⁹ См., например: Материалы для истории просвещения в России, собираемые П. Кеппенем, или Библиографические листы, т. II. СПб., 1826, № 12, с. 170; *Wilkinson W.* Tableau historique, géographique et politique de la Moldavie et Walachie. Paris, 1824, p. 120; *Malte-Brune C.* Précis de géographie universelle, t. 2. Paris, 1818.

- ⁴⁰ Северный архив, 1825, № 15, с. 193—201.
- ⁴¹ См., например: *Довнар-Запольский М. В.* Мемуары декабристов. М., 1906; *Семелский В. Н.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; *Георгиевский А. П.* Славянский вопрос в мировоззрении декабристов.— Уч. зап. ист.-фил. фак. Дальневост. гос. ун-та, 1921, т. II, вып. 2; *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. II. М., 1955; *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема в политических планах декабристов.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975; *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований. Л., 1975; *Luciani G.* La Société des Slaves Unis. Bordeaux, 1963; *Lemberg H.* Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. Köln — Graz, 1963.
- ⁴² О политических планах Славянского общества см.: *Bazyłow L.* Idea federacji słowiańskiej w programie stowarzyszenia zjednoczonych słowian.— In: *Z polskich studiów slawistycznych*, ser. 3. Warszawa, 1968; *Достян И. С.* Политические идеи Общества соединенных славян.— Советское славяновед., 1968, № 4.
- ⁴³ *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. II, с. 159.
- ⁴⁴ Восстание декабристов. Материалы, т. V. М.—Л., 1926, с. 29; т. XIII. М., 1975, с. 136. По другой версии, основателем общества был некий молдавский князь.
- ⁴⁵ *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. М., 1963, с. 11.
- ⁴⁶ См.: *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема..., с. 255—256.
- ⁴⁷ См., например: *Муравьев Н. М.* Любопытный разговор.— В кн. Восстание декабристов, т. I. М., 1925, с. 321; трактат Н. И. Тургенева «Политика».— В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971, с. 88; *Орлик О. В.* Декабристы..., с. 109.
- ⁴⁸ Из писем и показаний декабристов. Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, с. 15.
- ⁴⁹ *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема...
- ⁵⁰ *Достян И. С.* Балканский вопрос во внешнеполитических планах П. И. Пестеля.— В кн.: Исторические записки, кн. 96. М., 1975, с. 161—169.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Б. А. РЫБАКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ПРАСЛАВЯН

I. В изучении истории славянского мира проблема происхождения славян или более узкий вопрос «прародины» славян заслонили собой рассмотрение исторических судеб славянства.

Изучение истории славянских племен обычно не выходит за рамки I тыс. н. э.; его начинают, как правило, с сообщений Тацита и Плиния, подробно говорят о колонизации Балканского полуострова славянами в VI в. н. э., но не касаются длительной, тысячелетней предыстории до нашей эры.

Представляется крайне необходимым историческое изучение предков славян в конце бронзового века и в скифо-лужицкое время.

Интересный опыт периодизации древнейшей славянской истории предложил Б. В. Горнунг (1963 г.).

1. Языковые предки славян (V—III тыс. до н. э. — неолит и энеолит).

2. Протославяне (конец III — начало II тыс. до н. э.).

3. Праславяне (с XV в. до н. э.).

Конец праславянской эпохи, характеризуемый обособлением западных и восточных славян и появлением южных, лингвисты датируют уже временем после рубежа н. э., или началом I тыс. н. э. (В. Георгиев), или даже серединой I тыс. н. э. (Ф. П. Филин). Таким образом, на праславянский этап истории славянства приходится около двух тысяч лет.

II. Языковые предки славян формировались из племен северной окраины индоевропейского массива. Земледельческие племена в неолите и энеолите расселялись севернее европейского горного барьера (Рудные Горы, Судеты, Татры, Бескиды, Карпаты), вступая в соприкосновение с местными охотничьими племенами, находившимися здесь с мезолитического времени.

Протославянский этап проходил в условиях быстро развивавшегося скотоводства, вооруженных столкновений из-за стад и пастбищ, пастушеских переселений в телегах и с конями.

Археологически чрезвычайно важна так называемая культу-

ра шаровых амфор, сложившаяся на рубеже III и II тыс. Культура шаровых амфор охватила большое пространство между Эльбой и Днпром, устремляясь и в стороны от этого пространства. Эпоха шаровых амфор была как бы первым историческим *действием* племен на север от Судет и Карпат. Результатами этого действия были: прогрессирующая социальная структура племен, выделение воинов, консолидация разных этнических элементов, расширение языковых связей. В. Гензель (1973 г.) полагает, что обширную область культуры шаровых амфор составляли протобалты (Померания и Пруссия), протогерманцы (Одер — Эльба) и праславяне (Одер — Висла — Днепр). Перемещения племен по северной половине Европы продолжались и в эпоху так называемой «шнуровой керамики».

III. Двухтысячелетний *праславянский* период, вслед за которым началось расщепление славян на отдельные ветви, не представляет собой плавного эволюционного развития славянского мира. Столетия спокойного и малоприметного несколько изолированного существования славянских племен дважды на протяжении этого периода сменяются столетиями бурного подъема и широких внешних связей.

Можно наметить пять этапов истории праславян, которые пока прослеживаются только по археологическим данным, но в дальнейшем должны быть проверены и по лингвистическим материалам.

1-й этап (XV—XII вв. до н. э.). Тшинецко-комаровская культура.

2-й этап (XI—III вв. до н. э.) условно может быть назван лужицко-скифским. Допустимо деление на две фазы, рубежом между которыми является VII век до н. э.

3-й этап (II в. до н. э.— II в. н. э.) Пшеворско-зарубинецкая культура. На этом этапе славяне под именем венедов впервые описаны римскими и греческими авторами.

4-й этап (II—IV вв. н. э.). Черняховско-позднепшеворский.

5-й этап (V—VII вв. н. э.). Культура пражского типа.

Далее происходит формирование южных, восточных и западных славян на новой, значительно расширившейся территории. Праславянское единство кончилось.

IV. Чрезвычайно важно указать на одну особенность, до сих пор не отмеченную никем из исследователей: археологический ареал праславянских культур разного времени трижды на протяжении всего периода оказывается почти абсолютно идентичным: ареал тшинецко-комаровской культуры (первый этап) совпадает с ареалом пшеворско-зарубинецкой (третий этап) и оба они совпадают в основном с ареалом пражско-корчакской культуры VI в. н. э. (пятый этап). Однородный массив археологических культур в каждый из этих периодов простирался от Днепра до Одера, севернее европейского горного барьера (Карпаты — Судеты — Гарц). В сумме столетий эта одинаковость

однородной в археологическом отношении территории составляет около 900 лет. С этой одинаковости начинается праславянский период еще в бронзовом веке, после бурных передвижений конных воинственных пастухов и этой же одинаковостью праславянский период завершается в середине I тыс. н. э. накануне и в момент балканских походов и начала великого расселения славян по территории Центральной и Восточной Европы.

Троекратно проявившаяся географическая однородность археологического материала, охватившая (в сумме трех хронологических отрезков) половину всего праславянского периода, точнее может быть названа не «прародиной славян» (хотя она и близка к этому понятию), а «праславянским ареалом». Не следует думать, что этот праславянский ареал, несмотря на его вековую устойчивость, был незабываемой непроницаемой стеной, ограждавшей праславянский мир. Пограничная зона контактов была, по всей вероятности, очень изменчивой, подвижной. Могла иметь место этническая диффузия как со стороны праславян, так и их соседей.

Прослеживание процессов диффузии и осмоса (взаимопроникновения) требует более тонкого археологического анализа.

V. Дважды на протяжении праславянского периода происходило нарушение патриархальной монотонности и наблюдалось ускорение исторического процесса и настолько высокий взлет культуры, что славянское общество казалось находящимся у порога государственности.

Впервые это произошло на 2-м этапе (преимущественно во вторую его фазу). Праславянский мир тогда утратил свое единство: западная его половина была втянута в лужицкое объединение племен, более широкое, чем западная половина славянства. Восточная половина праславянского мира во вторую фазу второго этапа была вовлечена в сферу скифской культуры и политического влияния Скифии, праславяне-земледельцы (под именем «скифов-пахарей») экспортировали хлеб в Грецию, что сказалось на их социальном развитии.

Две половины праславянского мира, охваченные двумя разными сферами влияния, начали жить разной жизнью.

Археологический облик лужицкой культуры разнился от облика скифской или скифоидной культуры.

Праславянский ареал как единое историческое целое исчез из поля зрения исследователей и как бы перестал существовать в реальной жизни. Отдельно существовала скифская археологическая культура, отдельно развивалась лужицкая. Однако в сознании современников родство всего праславянского мира от Скифии до Балтийского моря осознавалось вполне отчетливо: в IV в. до н. э. существовала географическая концепция (Эфор, Питей), по которой «Скифия» простиралась до Океана, т. е. до Балтийского моря и соседила с «Кельтикой»

на западе. Область пракельтов, по мнению археологов, в бронзовом веке доходила до Эльбы (В. Гензель, 1973).

О существовании традиций единства говорит и последующая археологическая история Европы: как только исчезла Скифская держава и распались лужицкие кельто-славяно-иллирийские связи, т. е. как только перестали действовать обе центробежные силы, так снова праславянский мир на целых 300 лет обрел свое единство (3-й этап).

Благодаря современникам пшеворской и зарубинецкой культур — Тациту, Плинию и Птолемию — мы знаем общее этническое имя этого, археологически выявленного единства — «венеды», «неисчислимый народ венетов». Примечание: этноним «венеды» в рамках всей Европы требует особого рассмотрения.

VI. Второй отход от единства (или складывающееся впечатление отхода) относится ко II—IV вв. н. э., к тем счастливым для славянства векам, которые автор «Слова о полку Игореве» назвал «тройновыми веками» (4-й этап).

Единство западной и восточной половин праславянского венедского мира здесь не утратилось: позднешеворская культура очень близка к черняховской и противопоставлять их друг другу не следует. Наоборот, необходимо выявлять многочисленные черты сходства и родственности. Однако следует сказать, что понятие черняховской культуры очень расплывчато и в широком смысле черняховские и «черняхоидные» археологические памятники могли принадлежать как праславянам (лесостепь Среднего Поднепровья), так и готам (степное Причерноморье). Между славянской лесостепью и готским побережьем лежала довольно широкая слабозаселенная полоса сарматских степей. Черняховская археологическая культура далеко вышла за пределы славянского ареала, но это вовсе не означало расширения самого праславянского ареала. Культура и этнос не всегда идентичны.

Унифицированность и высокий уровень черняховской (в широком смысле) культуры обусловлены быстрым продвижением границ Римской империи при Траяне к области расселения праславян и причерноморских готов. Новые соседи вели взаимовыгодную торговлю, и Рим оказывал на протяжении трех столетий сильное влияние на своих контрагентов. Воскрешение внешнего хлебного рынка для славянской земледельческой продукции снова произвело повышение уровня культуры, как и на втором этапе. Археологическая карта II—IV вв. дает нам для восточной половины праславянского ареала значительно более широкий, чем собственно праславянские поселения, составляющие только северную часть обширной черняховской области. Этот размах единообразной культуры обусловлен не этнически, а исторически.

VII. Падение Рима, заселение степей тюрками, уход готов

из Причерноморья в Западную Европу создали новые исторические условия, в которых еще раз обозначился единый и однородный славянский массив.

К VI в. н. э. на той территории, которая в бронзовом веке соответствовала тшинцеко-комаровской культуре, а в раннеримское время — пшеворско-зарубинецкой, проявляется новая, невысокого уровня культура, первоначально названная пражской, а после работ И. П. Русановой на Украине — пражско-корчакской.

Великое расселение VI—VII вв. н. э. началось с устойчивых и древних рубежей «праславянского ареала», отмеченного в последний раз в истории поселениями с керамикой пражского типа.

Интересные наблюдения можно сделать над формой племенных имен внутри праславянского ареала и вне его: внутри праславянского ареала все имена крупных племенных союзов (известные нам по Нестору и другим средневековым письменным источникам) имеют окончание «-ане» или «-яне» («поляне», «висяне», «мазовшане», «древляне» и т. п.). Имена же племенных союзов, находящихся за пределами праславянского ареала, т. е. явившихся результатом широкого расселения славян, имеют другие окончания: «-ичи», «-ици» («кривичи», «радимичи», «нелетичи», «лютичи», «тиверцы» и т. п.). В зоне колонизации иногда встречается архаичная форма на «ане», но в коренной праславянской земле новая, свойственная выселенцам форма на «ичи» не встречается ни разу ни в западной, ни в восточной половине праславянского ареала.

Все это приводит нас к выводу, что самые организмы племенных союзов зародились в недрах праславянского ареала задолго до начала колонизационного процесса, так как в противном случае трудно было бы объяснить резкое изменение формы племенных имен. На какую глубину следует опустить процесс формирования племенных союзов, покажет анализ 2-го этапа праславянской жизни.

VIII. Продолжение наблюдений над этнонимами приводит к другому важному выводу: термин «славяне», «словене» никогда не встречается внутри праславянского ареала. Он встречается исключительно в зоне колонизации, вне пределов коренной праславянской земли: словаки, словенцы, словинцы, словинны (на Балтийском море), словене новгородские и т. п.

Авторы VI в. говорят о том, что имя венедов заменялось в их время другими именами и особенно «славинами» (буква каппа в слове «склавины» не должна читаться) и антами.

Племена внутри праславянского ареала носили наименование «венетов» или «венедов», в котором различается корневая основа «-вене» и суффикс множественности «-ти». Финны и эстонцы до сих пор называют русских «vāpā», что воскрешает древнее имя времен Тацита.

Вполне допустимо предположить (и предложить на суд лингвистам), что новообразование VI в., созданное в пору усиленной и массовой колонизации — «словене» — обозначало только выселенцев из земли «Вене». Колонисты-выселенцы были «сълы» т. е. люди, вышедшие из определенной земли, представители этой страны. «Сло-вене» могло означать людей, вышедших из земли «вене-тов», покинувших древнюю территорию, охваченную праславянским ареалом, но стремившихся обозначить себя древним собирательным именем.

Географическое расположение этнонима «словене» (в разных его вариантах) *по периферии* славянского мира эпохи средневековья позволяет дать такое определение:

а) *внутри древнего праславянского* ареала союзы племен носили имена типа «поляне», а собирательным именем было «венеты», «венеды» (может быть, на востоке — «анты»?);

б) *вне праславянского* ареала, в зоне позднейшей колонизации (с V—VI вв.) союзы племен именовались по новому принципу (типа «радимичи», «вятичи»). Общим названием для всех венецких колонистов в разных местах было «сло-вене», обозначавшее появление людей из земли венецов.

IX. Произведенное выше перечисление пяти этапов исторической жизни праславян при всей его неполноте уже свидетельствует о значительной сложности и неоднородности развития на протяжении длительного праславянского периода, намеченного лингвистами. В настоящее время, когда издается полный и очень интересный словарь праславянского языка (О. Н. Трубачев), имеет смысл поставить вопрос о стратиграфии праславянского, выявлении в нем разных хронологических слоев, определяемых разными этническими контактами, разной степенью социального развития, эволюцией хозяйственной основы и идеологических представлений.

Археология может предоставить лингвистам богатый материал для подобной стратификации.

Исторические письменные материалы, введенные в настоящее время в науку, мало дают для собственно праславянского периода: подробное описание Прокопия и Иордана относятся к самому рубежу этого периода, а краткие справки о венецах I—II вв. н. э., к сожалению, приходится на один из периодов затишья праславянской жизни и не могут быть без существенных поправок перенесены ни на предыдущий, ни на последующий периоды, отличавшиеся несравненно более высоким уровнем и более интенсивным темпом развития.

Х. Первый этап праславянской жизни исследователи справедливо связывают с тшинецко-комаровской культурой XV—XII вв. до н. э. Географически она простиралась на 1300 км от Среднего Поднепровья (от Сейма) до Среднего Одера широкой полосой в 300—400 км. Отдельные поселения тшинецкой культуры указывают севернее Калининграда, южную границу этих близкородственных культур составлял центральноевропейский горный барьер. В районе горных проходов («Моравская Брама», «Русская Брама») устанавливались связи с южными, более развитыми культурами. Комаровская культура представляется несколько повышенным вариантом тшинецкой, что объясняется близостью ее к Русской Браме в Карпатах и, может быть, богатыми залежами каменной соли, представлявшими интерес для окрестных племен («Галич» — «соляной» город).

Праславяне знали земледелие и скотоводство; сеяли пшеницу, ячмень, просо, лен. Большинство орудий труда (серпы, топоры, долота) изготавливались еще из камня, но литье бронзы было известно. Поселки состояли из 15—20 домов и амбаров; дома достигали размеров 6×12 м. Погребальный обряд был разнообразен: хоронили и в курганах и в простых могильниках; применялась и ингумация и сожжение. Прах сожженных хоронили в урнах. Труположения были скорченными. Встречаются парные и коллективные захоронения. В комаровской зоне есть могилы, обложенные каменными плитами.

На поселениях встречаются небольшие святилища со следами аграрного культа. Известна красивая ритуальная посуда с символической орнаментацией, восходящей к энеолитическим сюжетам. На общем фоне первобытной примитивности и равенства ощущается процесс первичного вычленения знати: золотые украшения, оружия в могилах, коллективные захоронения воинов с умершим вождем (В. Гензель, 1973).

Подразделение тшинецкой культуры на восточную и западную в известной мере условно. Внутри всей области намечается несколько локальных групп (может быть, племенных союзов?). Западная половина тшинецкой культуры уже в XIII в. до н. э. входит в сферу более широкой лужицкой культуры; на восточной половине в XII в. до н. э. формируется белогрудовская земледельческая культура, особенно обильно представленная на Среднем Днепре.

XI. Наименее изученным с точки зрения общих праславянских исторических судеб и, может быть, наиболее важным в этом смысле является второй, лужицко-скифский этап. Западная половина праславянского мира в связи с лужицкой культурой с достаточной полнотой изучена в чешской (Я. Филип) и польской (В. Гензель, К. Яжджевский и др.) археологической литературе. Восточная же половина рассматривалась только как часть Скифии, населенная скифами. Причастность север-

ных областей Скифии к славянскому этногенезу признавалась вслед за Л. Нидерле многими исследователями, но ясности и географической определенности в этом вопросе нет. Это объясняется, во-первых, тем, что археологи-слависты, изучающие происхождение и древнейшую историю славянства, почти не углубляются в скифскую эпоху, считая ее чуждой им областью науки. Во-вторых, тем, что крупнейшие скифологи (Б. Н. Граков, М. И. Артамонов, А. И. Тереножкин) не устранили путаницы в размещении геродотовских племен и создали взаимоисключающие одна другую карты народов Скифии.

Для выяснения исторических судеб восточной половины праславянства, прикрытых от нас скифской вуалью, необходимо синтезирование данных разных наук. Необходимо рассмотрение исторических сведений о киммерийцах и скифах; нужен подробный анализ обильного археологического материала; желательно привлечение данных топонимики. Нельзя обойтись и без выяснения скифского слоя в праславянском языке. Обрисовка праславянского мира будет неполной, если мы не привлечем ретроспективно такой важный источник, как архаичный слой славянского фольклора. Этот источник не содержит сам в себе точной даты, но некоторые эпические ситуации могут быть достоверно приурочены к первым в жизни народа событиям: к первой ковке железа, к первым боям с кочевниками, к постройке первых укреплений и т. д.

После выяснения исторического пути, проделанного за несколько столетий второго этапа восточной половиной праславянского мира, необходимо будет провести сопоставительное изучение обеих половин вместе, но это лежит уже за рамками данного доклада.

XII. Тшинецкую культуру бронзового века, время спокойно и малоприметного развития первичных праславян между Днестром и Одером (1-й этап), в восточной половине тшинецкого праславянского ареала сменяют генетически связанные с ней культуры белогрудовская (XII—X вв. до н. э.) и чернолесская (X—VII вв. до н. э.). Обе они составляют первую предскифскую фазу второго этапа праславянской жизни. Обе земледельческие культуры располагаются в лесостепном правобережье Среднего Днестра. Белогрудовская культура занимала широкие пространства от Днестра на запад до Горыни (Я. Домбровский, 1972). Чернолесская охватывала почти все то же пространство, но в чернолесское время (примерно в VIII в. до н. э.) племена этой культуры продвинулись узким языком и на левый, восточный, берег Днестра. Это своеобразие географической конфигурации предскифской чернолесской культуры позволяет сделать два ценных для нашей темы вывода. Во-первых, точно такое же размещение племен исследователи (В. А. Ильинская, Г. Т. Ковпаненко) отмечают для скифского периода, когда Правобережье было занято сходными культура-

ми одного типа, а Левобережье — другого типа, но узкий язык правобережной колонизации образует на *левом* берегу Днепра по Ворскле «остров *правобережных культур*», продолжая чернолесскую традицию. Во-вторых, исключительно важным является исследование О. Н. Трубачевым архаичной славянской гидронимии Среднего Поднепровья: карта Трубачева точно ложится на археологическую карту чернолесской культуры, повторяя и ее географическое своеобразие — колонизационный язык на левом берегу. Ни в какое иное время такого своеобразия не было. Все это взятое вместе не оставляет сомнений в том, что чернолесская культура принадлежит праславянам, а земледельческие племена лесостепной северо-западной окраины Скифии являются прямыми наследниками чернолесских племен и, следовательно, тоже праславянами. Иранская гидронимика, оставленная скифскими племенами (гелонами), располагается *восточнее* праславянской, охватывая со всех сторон праславянский «остров» на Ворскле.

XIII. Археологически правобережный участок праславянского мира за 500 лет существования белогрудовской и чернолесской культур характеризуется земледельческими поселениями и небольшими круглыми укреплениями с жилищами по внутреннему кругу («хоромы?»). Земледелие было, по всей вероятности, пашенным и сочеталось с оседлым скотоводством.

В погребальном обряде применяется сожжение трупов, существующее с труположением. В южной половине области был воспринят обряд насыпки курганов. Кости сожженных покойников, как и во времена Нестора, «ссыпаху в сосуд мал» — погребальную урну.

В белогрудовское время появились на окраинах поселений грандиозные жертвенники-зольники, связанные, очевидно, с аграрным культом (сожжение снопов?).

В чернолесское время появляется местный, приднепровский центр металлургии бронзы. К концу чернолесского времени местные кузнецы овладевают искусствомковки железа и изготавливают железное и стальное оружие.

В X в. до н. э. земледельцы-праславяне подверглись первому (зафиксированному археологически) нашествию степняков-кimmerийцев. Целый ряд поселений в Среднем Поднепровье был выжжен степняками (А. И. Тереножкин). После этого, в IX—VIII вв. до н. э., происходит строительство крепостей с деревянно-земляными укреплениями по южной окраине лесостепи (особенно бассейн Тясмина). Одно из городищ этого времени — Чернолесское — имеет только 5 км в окружности.

К этому же времени относится иковка железного орудия. Судя по археологическим данным, земледельцы Среднего Поднепровья сумели отстоять свою независимость. Цепь крепостей по юго-восточной окраине праславянского ареала продолжала существовать и дополняться и в скифское время.

XIV. Весь перечисленный выше комплекс реальных событий, резко видоизменивших прежний медлительный быт праславянских племен, получил отражение в первобытных мифолого-эпических сказаниях, фрагменты которых дожили до XX в. и были зафиксированы фольклористами. Часть этих древних праславянских представлений отразилась в сказках; к этой части время от времени привлекалось внимание исследователей, часть же фрагментов уцелела без определенной фольклорной формы, только лишь в виде пересказа древних легенд и эта полузабытая часть древнего творчества осталась по существу на положении этнографического архива, несмотря на две интереснейшие публикации В. В. Гиппиуса (1929) и В. П. Петрова (1930).

Героем этих легенд является волшебный кузнец Кузьмо-Демьян (или два кузнеца Кузьмо и Демьян). Иногда он выглядит как первый человек. Волшебные кузнецы ковали плуг 40 лет и весил этот чудесный первый плуг 300 пудов.

Кузнец-богатырь действует в то эпическое время, когда народ страдал от налетов змея, прилетавшего всегда со стороны моря (т. е. с юга), иногда змей даже называется «черноморским». Кузнецы строят крепкую, недоступную змею кузницу, куда устремляются беглецы, спасающиеся от свирепого чудовища. В кузницу бегут девушки, царская дочь и даже богатырь верхом на коне. Иногда это тот богатырь, который уже бился со змеем где-то на иных просторах. Кузница всегда защищена железной дверью. Волшебный кузнец (или кузнецы) хватая змея за язык *раскаленными клещами*, запрягает чудовище в огромный плуг и пропахивает на нем борозды или до Днепра, или до самого моря. Иногда захваченного кузнечными клещами змея заставляют опаживать город.

Особый интерес представляет география записей о Кузьмо-Демьяне: Киевщина, Полтавщина, Черкащина, Прилуки, Золотоноша, Звенигород, Златополь, Белая Церковь. Нетрудно заметить, что легенды о Кузьмо-Демьяне (иногда их заменяют Борис и Глеб) географически замыкаются в древнем районе чернолесской культуры, в ареале архаичной славянской гидронимии. Исходя из появления первых железных кузнечных изделий и постройки первых мощных укреплений легенды о кузнецах, приуроченные в средние века к Кузьме и Демьяну, следует относить к началу I тыс. до н. э.

XV. В VII в. до н. э. причерноморские степи и часть левобережной лесостепи заняли иранские племена скифов и родственных им гелонов. Скифская культура распространилась и на ряд соседних праславянских и прибалтских племен. Можно отметить полное совпадение «скифского квадрата» Геродота (700×700 км) с областью распространения в VI—IV вв. до н. э. археологической «скифской триады»: оружия, сбруи и звериного стиля.

Собственно скифов Геродот характеризует как типичных скотоводов-кочевников, живущих в безлесных степях, не имеющих ни пашен, ни городов, кочующих в кибитках.

Наряду с этим Геродот подробно описывает земледельческое население Правобережья Днепра и отчасти Левобережья по Ворскле — Пантикапе (т. е. уже знакомых нам потомков черноморских племен) как особый народ, называя их по географическому признаку «борисфенитами»-днепровцами и указывая их самоназвание — «сколоты». Следуя греческой традиции называть их скифами, Геродот, упоминая их, постоянно добавляет хозяйственные эпитеты, исключая возможность спутать их с настоящими кочевыми скифами: «скифы-земледельцы», «скифы-пахари».

Страна земледельческих «скифов»-борисфенитов лежала на Среднем Днепре «на 11 дней плавания», т. е. на 400 км вверх от Ворсклы, доходя до Киева. На археологической карте (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, 1971) земля борисфенитов точно соответствует киевской археологической группе. Археологически с этой группой очень сходны соседние подольские группы по Южному Бугу и Днестру и ворсклинская группа на Левобережье: В целом страна земледельцев-сколотов (подразделявшихся по Геродоту на четыре племени) занимала лесостепь почти от Карпат до Полтавы, совпадая со значительной частью восточной половины праславянского ареала. Соседями сколотов были невры, с которыми следует отождествлять милоградскую культуру скифского времени (О. Н. Мельниковская, 1967). Невры тоже располагались в пределах праславянского ареала в его северо-восточном углу.

XVI. Историко-культурный анализ археологических материалов скифского времени показывает, что в пределах праславянского ареала существовало несколько различавшихся между собой культур: западная половина (несколько локальных археологических групп) жила в сфере лужицкой культуры; лесостепная часть восточной половины входила в сферу скифской культуры. Племена лесной зоны в низовьях Припяти, Березины и Сожа скифской всаднической культурой охвачены не были.

Особняком стояли племена Верхнего Днестра (б. зона комаровской культуры, позднее — зона культуры ноа и отчасти высококой культуры). Следует рассмотреть, не является ли этот южный прикарпатский выступ праславянской территории местом формирования племенного союза хорватов — полудавлян, полудакійцев?

У приднепровских сколотов, живших по Борисфену-Днепру и Гипансу-Бугу, наблюдается значительный подъем культуры, выделение воинов-всадников, оснащенных по-скифски, и «царей», над которыми воздвигались огромные курганы, аналогичные скифским царским, с богатым оружием и утварью.

В отличие от настоящих скифов у сколотов-борисфенитов было большое количество крепостей-городищ. Судя по расположению их на южной окраине лесостепи, эти крепости предназначались для защиты земледельческой страны сколотов от набегов скифов-степняков.

Земледелие настолько возросло в своем значении, что стало главной статьей экспорта. Геродот пишет о хлебном экспорте из Приднепровья и даже Ольвию называет «Торжищем Борисфенитов». Археологическая карта греческого импорта в Восточной Европе (Н. А. Онайко) показывает, что, безусловно, главным районом импортирования греческих предметов роскоши было Среднее Поднепровье, те «11 дней плавания», на которые растянулись вдоль Днепра археологические памятники сколотов-пра斯拉вян.

По своему социально-экономическому уровню праславы Среднего Поднепровья стояли, очевидно, на грани между первобытностью и государственностью. Возможно, что это была стадия военной демократии с богатой торгово-военной жизнью.

Северные соседи — негры — жили более примитивной жизнью; у них первобытный родо-племенной строй был в расцвете. Контраст между примитивностью лесных негров-милоградцев и лесостепных сколотов напоминает рассказ Нестора о мудрых полянах (географически совпадающих с киевской группой) и противопоставленных им лесных жителях древланях, о радимичах, «живущих в лесе звериньским образом» и частично совпадавших территориально с милоградской культурой.

Существенное различие в уровне и облике культуры полян и радимичей не препятствует признанию и тех и других славянами. Это же следует сказать о сколотах («скифах») и неврах.

XVII. Благодаря Геродоту, очевидно побывавшему в земле «скифов-пахарей» в Правобережье Днепра, мы можем расширить те представления об истории праславы, которые получаются из анализа одного археологического материала.

По поводу негров Геродот записал не только любопытную этнографическую деталь о ежегодном превращении в волков (новогодние ряженые?), но и сообщил о нападении на негров каких-то «змей», в которых иногда видят северные балтские племена. В середине VI в. до н. э. негры продвинулись на северо-восток в землю будинов (юхновская культура); это продвижение негров-милоградцев хорошо документировано археологически (Мельниковская, 1967). На новом месте, уже восточнее Днепра, негры усиленно укрепили свои селения. Земледельцы-сколоты, по всей вероятности, входили в скифское политическое объединение и наравне со всеми скифами принимали участие в скифо-персидской войне 512 г. против Дария Гистаспа, так как они не упомянуты среди племен, отказавшихся от союза со скифами.

Не подлежит сомнению сильное воздействие скифской культуры на праславян, сказавшееся как на формах военного быта, так и на языке (В. И. Абаев). К этому времени относится замена индоевропейского «*deiwas*» иранским «бог» (В. И. Георгиев).

Скифские черты, особенно заметные у праславянской знати, приводили к тому, что греки объединили их под общим названием скифов, хотя Геродот привел и самоназвание — сколоты.

XVIII. Геродотом записаны этногенические легенды как скифов-кочевников (сыновья Геракла: Скиф, Агафирс и Гелон), так и сколотов. Родоначальником сколотов был Таргитай, живший «не более чем за тысячу лет до Дария». т. е. примерно в пору зарождения белогородовской земледельческой культуры. При его сыновьях с неба упали золотые святыни: плуг с ярмом, топор и чаша.

Царем племен, почитавших священный плуг, мог стать тот из трех сыновей Таргитая, который сможет овладеть священным золотом. Золотом овладел младший сын Колаксай, поделивший потом свое царство между тремя своими сыновьями. Священное золото хранилось в самом обширном царстве; в честь святынь ежегодно производилось празднество. Имя Колаксайа было известно грекам почти за два столетия до Геродота (поэт Алкман VII в. до н. э.).

В украинском фольклоре легенды о гигантском плуге, выкованном божественными ковалями, сплетены с сюжетом о победе над змеем (киммерийцами?) и постройке грандиозных укреплений, что указывает на чернолесскую эпоху, когда действительно велась борьба с кочевниками и строились первые большие укрепления.

Восточнославянский фольклор (волшебные сказки) сохранил большое количество сюжетов, связанных с состязанием трех братьев, в котором неизменно побеждал младший брат (как и в легенде, записанной Геродотом). Младший брат становился обладателем «золотого царства». Крайне интересно совпадение семантики имени царевича-победителя (младшего брата): иранисты толкуют имя «Колаксай» как «Солнце-царь». В русских сказках его нередко называют: «Световик», «Зоревик», «Светозар». Промежуточным звеном являются русские средневековые глоссы, записанные современником Нестора, о первом царе Свароге-Гефесте, при котором упали с неба клещи и люди начали ковать оружие, и о его сыне царе Солнце-Дажьбоге, при котором «начаша человеци дань давать цесарем».

Все эти разновременные сведения являются отголосками праславянского мифо-эпического творчества того отдаленного времени, когда складывались первые сказания о племенных

вождях, о первых кузнецах, о священном плуге, о мифическом владетеле золотого царства Колаксае — Солнце — Световике (Святовите?).

XIX. Если бросить взгляд на весь праславянский мир лужицко-скифского времени, то мы увидим, что обе его половины переживали на этом этапе (особенно во второй его фазе VII—III вв. до н. э.) значительный подъем и полное развитие всех институтов высшей, последней стадии родо-племенного строя. И там и здесь выделились воины, было построено много крепостей, создано железное и стальное оружие и доспехи, возникло существенное различие в имуществе и погребальных почестях. Не исключено, что область праславян в это время несколько расширилась не только за счет движения неуров на северо-восток, но и за счет Балтийского Поморья на восток и преимущественно на запад от устья Вислы.

Взаимоотношения праславян лужицкой зоны и скифской зоны недостаточно изучены. Воздействие лужицкой культуры хорошо прослеживается вплоть до Западного Буга. Но отдельные вещи лужицкого происхождения встречены на Верхнем Днестре и Днепре, в земле борисфенитов (Я. Домбровский, 1972).

Хорошо известно и обратное движение: на территории лужицких племен вплоть до Одера и излучины Дуная встречены скифские стрелы, оружие и украшения. При полном сходстве материальной культуры собственно скифов (кочевников) и условно носивших скифское имя лесостепных праславян (земледельцев) трудно сказать, впредь до более детальных исследований, к какой половине скифского мира относятся эти скифские вещи. Несомненно одно: западные вещи достигали крайнего восточного предела праславян, а восточные достигали западного предела.

XX. Те глубокие социальные изменения в праславянском обществе, которые фиксирует археологический материал для I тыс. до н. э., заставляет нас еще раз вернуться к важной проблеме древних племенных союзов. То обстоятельство, что в недрах праславянского ареала выростала определенная устойчивая (до XII в. н. э.) и повсеместная для всего праславянского мира форма наименования больших племенных союзов, однако отличная от позднейших наименований эпохи расселения, обязывает нас рассмотреть локальные археологические группы скифо-лужицкого времени в сопоставлении с известными нам по имени и местоположению союзами славянских племен.

Проведя такое сопоставление, мы увидим, что все крупные локальные группы, выделяемые археологами (И. Костшевский, В. Хмелевский, К. Яжджевский, 1965; А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, 1972), точно соответствуют племенным

союзам с именами архаичного типа. Для того чтобы перечень племен имел единую основу, можно ограничиться только перечнем летописца Нестора:

Поляне (ляхи)	восточновеликопольская	группа лужицкой культуры
Поморяне	восточнопоморская	” ” ”
Лужичане	бяловицкая	” ” ”
Мазовшане	мазовецко-подлясская	” ” ”
Поляне	киевская и ворсклинская	группы скифской культуры
Бужане	подольская группа	” ”
Древляне	волынская группа	” ”
Воляныне	позднелысоцкая группа	” ”

Из крупных племенных союзов, не названных Нестором, следует упомянуть полное соответствие среднесилезской лужицкой группы слезянам и малопольской группы — вислянам.

Первичное формирование обширных и устойчивых племенных союзов — показатель высокого развития праславянского общества.

Ко времени первых письменных свидетельств о венедах (Тацит, Плиний) многочисленные праславянские племена проделали уже большой полуторатысячелетний путь, знавший более яркие этапы, чем тот, на котором их застали римские писатели.

Совместные усилия археологов и лингвистов смогут полнее раскрыть интересные исторические судьбы праславян.

КУЛЬТУРА КАРПАТСКИХ КУРГАНОВ И ЕЕ РОЛЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ СЛАВЯН

Одна из существующих в современной науке точек зрения признает большую роль районов Карпатских гор и Прикарпатья в этногенезе славян. Вслед за древним летописцем следовавшие ему историки находили доводы в пользу поисков славянской прародины именно в этих областях. Недавно изданная книга В. П. Кобычева приводит достаточно подробную историографию, касающуюся возникновения, обоснования и развития подобных исторических гипотез¹. Автором привлечены данные лингвистики, антропологии и археологии, последние, правда, не самым удачным образом. Всякое новое слово об археологических культурах I тыс. н. э., связанных с районами Карпат, представляет интерес для данной проблемы.

Рассмотрению подлежат археологические памятники, сосредоточенные в основном в прикарпатских районах СССР, по современному административно-территориальному делению — в пределах Ивано-Франковской и Черновицкой областей. В послевоенные годы зафиксировано также происхождение этой культуры в Закарпатье, что заставило называть исследуемые памятники не подкарпатскими, а карпатскими, т. е. культурой карпатских курганов. Материалы этой культуры находят вблизи границ современной Румынии, Венгрии и Чехословакии.

С точки зрения физико-географических условий места, выбранные для обитания жителями, оставившими культуру, относятся к предгорьям Восточных Карпат в областях Буковины и Покутья, распространяясь на западе до низменных районов Восточных Бескид. За карпатскими перевалами отдельные аналогичные памятники отмечены на южных отрогах Полонинского хребта, на переходе в Средне-Дунайскую, Паннонскую низменность Потисья.

Среди развитой гидрографической сети должны быть названы главные реки, связанные с этой культурой: Прут в его верхнем течении, Черемош, а также левобережные притоки Днестра между реками Быстрицей и Стрым. В Закарпатье это бассейн Тисы.

Принадлежность культуре карпатских курганов отдельных находок за указанными пределами во Львовской, Тернопольской областях или в районах возле Ужгорода еще требует проверки. В особенности неясен вопрос о культурной принадлеж-

ности достаточно большого количества поселений римского времени, открытых в последние годы закарпатскими археологами (Э. А. Балагури, В. Г. Котигорошко, С. И. Пеняк, Ф. М. Потошняк и др.). Дело в том, что в восточные районы Карпатских гор в первые века н. э. проникали различные племена, о чем можно судить по остаткам пшеворской, липицкой, черняховской и позднелатенской культур, встречающихся на тех же землях. В самом деле, хорошая обводненность, приречные луга, черноземы на твердых бескарбонатных породах и подзолы, лесные богатства, отмеченные преобладанием ели и бука, наконец, мягкий климат при сравнительно большой влажности должны были привлекать сюда древних скотоводов и земледельцев.

Как известно, более безопасное обитание племен в горах и предгорьях должно было служить притягательным для переселенцев фактором, к тому же, добавим, способствовавшим сохранению многих этнокультурных особенностей. До сих пор Карпаты могут называться кладовой ярких особенностей гуцулов, бойков, лемков и других этнографических групп. На Буковине и в Закарпатье преобладают славяне, в большинстве украинцы. Население карпатской антропологической области имеет ряд своеобразных черт, объединяющих восточных славян с южными и, возможно, отражающих связи с румынами и венграми². Описываемые районы в настоящее время отличает большая плотность населения, местами достигающая 90—100 и более человек на 1 кв. км. О притягательности, к примеру, буковинских земель в древности свидетельствует статистика черняховских памятников первой половины I тыс. н. э., выявившая наибольшую ими насыщенность в пределах Черкасской и Черновицкой областей³.

В глубокой древности, как полагают, области Прикарпатья и Закарпатья занимали иллиро-фракийские племена. В эпоху раннего железного века в Западной Подолии и южной части Буковины с VII в. до н. э. распространяются земледельческие племена, оставившие курганные могильники и неукрепленные поселения. Предполагается, что это население вытеснило ранее тут проживавшее фракийское население. В то же время в Закарпатье появляются памятники куштановицкой культуры, которые, возможно, были вытеснены сюда в результате возросшей активности скифских племен. Население этой культуры хоронило своих умерших под курганными насыпями, преимущественно используя обряд трупосожжения. Лучше всего изученные могильники представлены небольшими курганными группами. Известны случаи трупосожжения на месте и на стороне. Кальцинированные кости хоронили в урнах и ямах, сопровождая умерших сосудами-приставками или фрагментами керамики. При этом впервые появляются отдельные образчики гончарной керамики. Прочий инвентарь небогат: железные ножички, бронзовые брасле-

ты, поделки из кости. Поселения этой культуры изучены недостаточно⁴.

Куштановицкую культуру обычно характеризуют как традиционно местную, впитавшую западноподольские, фракийские и латенские влияния. Обряд погребения и ряд форм посуды сближают куштановицкую культуру с культурой карпатских курганов. Однако утверждать прямую преемственность культур затруднительно из-за существующего между ними хронологического разрыва, поскольку наиболее поздние памятники раннего железного века датируются III в. до н. э. В промежуточные века из областей Центральной Европы вплоть до областей Восточной Европы доходят кельты или распространяются кельтизированные племена. Сама латенская культура распространилась в областях Словакии, Малопольши и Венгрии и оказала существенное воздействие на культуры соседних народов, в том числе имевших основные места обитания далеко на Востоке (позднескифские и сарматские племена, зарубинецкие, милоградские и т. д.). В монографии В. И. Бидзилей произведено сравнение и установлены хронологические границы латенских материалов Прикарпатья и Закарпатья, где к I в. до н. э. относится расцвет экономики и культуры, сохранившейся в предгорьях Карпат. По мнению исследователя, «латенские памятники горной части Карпат в последних десятилетиях до н. э. повсеместно дают смешанный кельтско-дакийский материал, субстрат которого составляет материальная культура предшествующего куштановицкого населения»⁵. Продолжение латенских традиций в последующий, римский период соответствует наблюдениям В. И. Бидзили о малой вероятности коренных смен населения. В научной литературе рассматриваются проблемы так называемого кельтского ренессанса в позднеримский период, т. е. накануне начала Великого переселения народов, принимая за его первый этап гуннское вторжение 375 г. н. э.⁶ Могучие ремесленные центры латенского характера типа Галиш и Ловачки в Карпатах не могли не оставить следа при последующих формированиях и трансформациях местных культур. Таким образом, в период, предшествующий появлению культуры карпатских курганов, в тех же областях прослеживаются следы сложных этнокультурных переплетений. Наблюдения над ними археологов не позволяют усматривать в них каких-либо отчетливых признаков проникновения славян в Карпатские горы на рубеже н. э.

Тем более важным представляется рассмотрение археологической картины Прикарпатья и Закарпатья в I тыс. н. э. Для этого периода установлено последовательное существование двух культур. Первая из них — культура карпатских курганов первой половины I тыс. н. э. является основным объектом нашего рассмотрения. Вторая, со второй половины V—VI вв. н. э., представляет несомненные раннесредневековые раннеславянские

древности. Последние выявлены советскими археологами в послевоенные годы и их успешное исследование не только в Прикарпатье и Закарпатье, но и в соседних областях Поднестровья и Попрутья в Молдавии, не говоря уже о центральных областях Украины, продолжается с большим размахом. Для районов Карпат и сопредельных земель Галиции, Волыни и Молдавии может быть назван ряд монографических исследований, где картографированы и охарактеризованы многие памятники славян раннесредневекового времени (В. Д. Баран, В. В. Аулих, Э. А. Балагури, И. С. Винокур, С. И. Пеняк, И. П. Русанова, И. А. Рафалович, Б. А. Тимошук, Г. Б. Федоров, Г. Ф. Чеботаренко и др.)⁷.

Нет надобности описывать обнаруженные раннеславянские поселения с углубленными в землю постройками, прямоугольными или квадратными в плане, с печами-каменками или очагами и т. д. Как и в Поднепровье, здесь преобладала лепная посуда, главным образом горшки. Характерным для западных областей Украины является совпадение ряда форм посуды раннеславянских поселений с предшествующими им памятниками черняховской культуры⁸. Притом в одних и тех же жилищах раннесредневекового времени наличествует лепная и гончарная посуда черняховского типа, составляющая в одновременном комплексе от 7 до 13% всей керамики⁹. Обнаруженные поселения и другие раннеславянские материалы с территории Буковины и Закарпатья позволили местным археологам с полным правом называть эти земли славянскими в противоположность тем ученым, которые склонны были относить первые появления славян в Карпатах к XIV в.¹⁰ Слабым местом в большой проделанной работе советских ученых является недостаточная изученность раннеславянских раннесредневековых могильников, что затрудняет задачи всестороннего сопоставления с предшествующими по времени материалами культуры карпатских курганов.

Следовательно, в результате работ последних лет могут быть поставлены два главных вопроса, касающихся проблем славянизации Карпат. Во-первых, в какой степени могут быть признаны славянскими памятники культуры карпатских курганов, предшествующие раннесредневековым в первой половине I тыс. н. э.? Во-вторых, для этого должно быть выяснено, насколько была велика близость по археологическим показателям обеих культур первой половины и третьей четверти I тыс. н. э.

Для того чтобы ответить на эти кардинальные вопросы, необходимо остановиться на характеристике культуры карпатских курганов. Эту работу облегчают сделанные обобщения, произведенные прежде всего маститым исследователем культуры карпатских курганов М. Ю. Смишко¹¹.

Культура карпатских (подкарпатских) курганов, так же как и черняховская, выделена работами, проводившимися около ру-

бежа нашего столетия. Венгерские, польские и словацкие ученые сделали свой вклад в раскопки памятников этой культуры и выявления ее специфики. Этапами, подытоживавшими изучение культуры, были работы М. Ю. Смишко, в особенности его монография «Карпатские курганы», основанная прежде всего на материалах древних могильников¹². Следующим крупным шагом в изучении культуры явилась подготовленная для защиты в качестве кандидатской диссертации работа Л. В. Вакуленко «Население карпатского предгорья в первой половине I тыс. нашей эры»¹³. Работа обобщает результаты полевых исследований поселений, частью раскопанных автором совместно с Б. А. Тимошуком¹⁴. В Закарпатье одновременные селища успешно изучались работниками Ужгородского университета (Э. А. Балагури, В. Г. Котигорошко) и группой сотрудников Института археологии АН УССР во главе с С. И. Пеняком¹⁵. Кроме дополнительных раскопок курганов возле с. Изы, изучение могильников здесь не проводилось. Вследствие этого более десятка поселений римского времени в отношении их принадлежности культуре карпатских курганов окончательно не определено (Бобовое, Горбок, Горяны, Вовчанское, Клячаново, Малые Геевцы, Малые Ратовцы, Паладь-Комарово, Павлово, Тарновцы, Узловое, Холмок и др.).

Дело в том, что могильники культуры карпатских курганов изучены лучше и дают нефрагментированный материал, позволяющий ярче представить характерные особенности этой группы памятников. Напомним, что именно обряд погребения и специфика посуды легли в основу установления культурной специфики описываемых памятников.

Менее изученный, фрагментированный и неяркий материал с поселений, конечно, во многом дополняет представления о культуре. Однако совпадения особенностей домостроительства с другими, живущими в тех же ландшафтно-географических условиях племенами, общность немногих найденных орудий труда, предметов вооружения и быта не всегда могут быть причисленными к культурным показателям. Использование же наряду с местной лепной, впервые появляющейся в это время на широких пространствах, гоңчарной керамики, изготовленной в таких же горнах и по тем же рецептам, что и кельтская и черняховская посуда, во многом представляется тем нивелирующим разную культуру провинциально-римским рубанком, о котором писал Ф. Энгельс. Как известно, на основе сходства ряда черт различных культур была даже сделана попытка, гравда не получившая поддержки, рассматривать культуру подкарпатских курганов в качестве одного из вариантов черняховской¹⁶.

Используя только опубликованные сведения о памятниках культуры карпатских курганов, удастся насчитать 73 памятника, что нельзя признать исчерпывающей цифрой в связи с продолжающимися и непрерывно ведущимися из года в год новыми

разведками. В числе учтенных пунктов 50 составляют поселения и отдельные находки и 23 — могильники. Только в 10 случаях поселениям соответствуют могильники (Ганев, Глубокое, Грабовцы (Грабовец), Грушев, Дебяславцы, Каменка (Каменное), Марковцы, Нижний Струтин, Пилипы, Трач). Еще меньше случаев широкого исследования поселения и относящегося к нему могильника. Есть сведения о гончарных мастерских (Гольнь, Печенежин), производивших массовую продукцию на продажу хотя бы в пределах ближайшего округа. О направлении внешних торговых связей и возможном внутреннем денежном обращении свидетельствуют находки римских монет и кладов, в которых встречены не только серебряные денарии, но и золотые и медные монеты. На той же территории, что и занятая культурой карпатских курганов, отмечено около 75 монетных находок. Местоположения их совпадают в основном с распространением памятников культуры карпатских курганов.

Зона, занятая культурой в Прикарпатье от западной границы СССР в районе г. Черновцы до р. Стрый, составляет 200—250 км при ширине 25—30 км. В Закарпатье такая зона еще не определена. Единственный могильник отмечен в Хустовском районе возле с. Иза, а поселения, относимые к культуре карпатских курганов, пока известны в районе Виноградовки, по обоим берегам р. Тисы.

Селища располагались как по течению больших рек (Днестр, Прут, Черемош, Тиса), так и на более мелких речках и ручьях. Отмечены совпадения выбора мест для поселений с другими культурами, в том числе с черняховской и раннесредневековой славянской. Многослойность памятников затрудняет их исследование. Люди селились обычно неподалеку от воды, на пологих восточных и южных склонах надпойменных террас. Отмечается расположение некоторых поселений на крутых обрывистых берегах вплоть до выбора для поселений вторых надпойменных террас. Для могильников обычно выбирали более высокие места, расположенные в 0,5—2,0 км от поселений (в среднем приблизительно 1 км). Протяженность поселений — от 200 м и более, достигая 1 км. В среднем же — 300—500 м при ширине 100—300 м. Л. В. Вакуленко наиболее подробно описала селища Глубокое, Грабовец, Волосово¹⁷. Ею приведены планы наземных и углубленных в землю построек. Они однокамерные, со стенами, обмазанными глиной и укрепленными на столбах, с двускатными кровлями. Отапливались дома или глинобитными печами, или очагами, сделанными с применением камня. Кроме жилых построек раскопками раскрыты хозяйственные сооружения и ямы. Большинство находок составляет керамика, в числе которой выделяется лепная и изготовленная на круге. Последняя уступает в количественном отношении лепной посуде. Кроме того, из глины делали пряслица и пирамидальные грузила для ткацких станков. Сравнительно небольшую

серию находок составляют орудия труда, оружие и украшения. Железные ножи и серпы, орудие типа зубила или пешни, дропки, наконечники стрел и некоторые типы фибул изготовлялись из железа. Картину земледельческого быта обитателей поселений дополняют находки ротационных каменных жерновов. В с. Глубокое было обнаружено специальное мельничное сооружение. Определения найденных на поселениях остатков злаков показали употребление жителями в пищу пшеницы, овса, ячменя, проса и чумизы. Кости животных принадлежали крупному рогатому скоту (46,62%), лошадям (26,64%), свиньям (20%) и мелкому рогатому скоту (6,66%). Об употреблении лошадей для верховой езды свидетельствуют находки в могилах удил¹⁸.

Как следует из обнаружения горнов на поселениях возле Глубокого, Гольня и Печенежина, наиболее развитым было гончарное ремесло. Есть признаки и обработки железа, судя по кускам шлаков, встречающимся на селищах. Конечно, существовали и другие производства, обеспечивавшие жителей изделиями из камня, кости, глины и дерева.

Относящиеся к поселениям могильники состояли из групп курганов. Их в отдельных случаях насчитывали сотнями, но в настоящее время из-за распушки сохранились единицы. В одну курганную группу попадали могилы, видимо принадлежавшие родственникам. В Прикарпатье раскопано в общей сложности около 100 курганов и в Закарпатье — немногим более 20 курганов возле с. Иза.

Преимущественная высота курганов от 0,5 до 1,5 м (98%) при диаметре от 5,0 до 13 м (94%). Таким образом, преобладали курганы высотой до 1 м при диаметре 8,0—10,0 м. Курганная насыпь сооружалась из земли. Иногда вокруг кургана выкапывали неглубокие ровики (Ганев, Дебяславец, Переросль). Насчитывается 14 случаев применения камня в обряде погребения (скопления гальки, необработанные валуны).

Специфическим для культуры является обряд сожжения умершего на месте. Вследствие этого под насыпями находят следы кострища или нескольких прожженных пятен с остатками золы и пережженных косточек.

На уровне древней поверхности выкапывались ямки, заполнявшиеся кальцинированными костями. Гораздо реже последние складывались в урны (16% всех погребений)¹⁹. Не исключается использование одного кургана для нескольких захоронений. Целая и фрагментированная посуда в курганах весьма разнообразна и в большом количестве представлена экземплярами, изготовленными на гончарном круге, в особенности если сравнивать с находками на селищах. В обряде погребения использовались почти все употреблявшиеся в быту сосуды, кроме, пожалуй, сковород-дисков. Кроме урн под курганными насыпями оказываются разбитые, не всегда поддающиеся реставрации черепки. Имеются образчики посуды, подвергшиеся вторичному

обжигу, очевидно в огне погребального костра. Гораздо реже в могилах встречаются металлические и другие изделия (железные ножи и ключи, бронзовые фибулы и поясные пряжки, глиняные пряслица и бусы)²⁰.

Анализ инвентаря с поселений и могильников, в том числе импортированных из провинциально-римского мира амфор и единственного стеклянного кубка, украшенного напаянными нитями (курган IV могильника Нижний Струтинь), позволил определить хронологические границы памятников. Распределение объектов во времени позволяет предварительно наметить эволюцию особенностей домостроительства и обряда погребения. Л. В. Вакуленко оспорила предполагавшееся существование культуры карпатских курганов в рамках с III по начало VI в. н. э.²¹, ограничивая хронологические рамки культуры, как и М. Ю. Смишко, с конца II—III в. н. э., а последний период ее существования — концом V в. н. э.²²

Однако усилия по уточнению хронологии памятников и сделанные затем попытки связать их существование с одним из многих наименований племен, приведенных древними авторами, еще не могут решить вопрос о славянском вкладе в культуру карпатских курганов. В частности, не всех ученых убедили опыты отождествления этой культуры с древними карпионами или карпами, известными еще Птолемею во II в. н. э. Это только одна из гипотез. Непосредственно за горчыми хребтами, в Румынии, с карпами с такой же степенью вероятности ассоциируют совсем другую культуру²³. Многообразные толкования этногеографических данных Птолемея, использовавшего не только современные, но и гораздо более древние источники, не позволяют прийти к одноразовому решению. Лингвистика отмечает в гидрографической сети исследуемого региона существенный удельный вес названий рек славянского корня²⁴. И все же, учитывая сложность и смешение в позднейшие времена живших в Карпатах народов, а также недостаточно поддающиеся датировкам гидронимию и топонимию, трудно прочно опереться на эти данные при решении вопроса о славянском вкладе в местное развитие в первые века н. э.

По-видимому, решающее слово в воссоздании этнической карты рассматриваемых участков советских Прикарпатья и Закарпатья должна сказать археология. Какие же сведения она может сообщить в отношении интересующей нас культуры карпатских курганов?

1. Очевиден традиционно местный характер культуры, продолжавшей здесь свое существование в первой половине I тыс. н. э. Уже было сказано о большей устойчивости этнографических черт у изолированных горами народов. Потому в археологическом плане наблюдается отчетливая преемственность, восходящая к племенам куштановицкой культуры раннего железного века и последующим создателям памятников ла-

тенского типа. Последние были непосредственными предшественниками и соседями культуры карпатских курганов в Венгрии, Словакии, Малопольше и Румынии.

2. В качестве показателей этнической принадлежности культуры карпатских курганов служат совершенно основательно отмечаемые рядом исследователей черты, присущие культурам дако-гетского круга. Например, в орнаментации — наличие на сосудах выступов-упоров и налпных валиков с вдавлениями. Использование хотя и немногочисленных, но употреблявшихся усеченно-конических чаш, в одном случае даже снабженных ручкой, соединяющей верх и низ сосуда (Глубокое). Ряд других форм, в числе которых чаши-вазы на высокой ножке также свидетельствуют о той же этнической основе.

3. Из других окружающих и близких по времени культур наибольшее сходство культуры прикарпатских курганов прослеживается с черняховскими памятниками.

В зависимости от обоснования этнического характера культуры полей погребений черняховского типа в прилежащих районах должен быть поставлен вопрос о величине вклада славян в развитие памятников Прикарпатья и Закарпатья в первой половине I тыс. н. э. Как известно, даже П. Н. Третьяков, занявший в последние годы жизни скептическую позицию относительно славянской принадлежности черняховской культуры, признавал вероятное ее значение для развития памятников ранне-средневекового славянского населения в западных областях Украины²⁵. Неопровержимы и интересны в методическом отношении работы В. Д. Барана в верховьях Днестра и Западного Буга. Они поставили вопрос о славянстве черняховских памятников в этих районах на твердую почву²⁶. Работы И. С. Винокура и О. М. Приходнюка преимущественно в областях Среднег Поднестровья еще более упрочили эти же выводы и дали новые доказательства вклада черняховских племен в развитие культуры последующего славянского населения²⁷. Небезынтересны в этой связи выводы В. И. Бидзили о начале продвижения славянских племен на запад в области Поднестровья и Подунавья уже в III в. н. э., что нашло отражение в археологических материалах. Он, как и многие другие исследователи, связывает черняховскую культуру с антами, представляющими собой «наиболее мощную славянскую группировку»²⁸.

Многие годы исследовавший славянские средневековые древности, памятники культуры карпатских курганов и черняховцев, Б. А. Тимошук констатирует для Буковины наличие материалов переходного характера от черняховских к раннеславянским древностям VI—VII вв. н. э.²⁹ Все названные ученые констатируют продолжение использования гончарного круга и черняховских традиций в изготовлении керамики во второй половине I тыс. н. э. Иногда в бесспорных раннеславянских полуземлянках последняя достигает $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ всей посуды, т. е.

до 25%. Конечно, далеко не каждое жилище отличается таким обилием сделанной на круге посуды и величина вклада гончарства предыдущего черняховского населения в быт последующего недостаточно ясна, но факты преемственности в домостроительстве, деталях устройства отопительных сооружений, производственных процессов и названное сходство керамики не позволяют считать общество, оставившее черняховские памятники, чем-то диаметрально противоположным и бесследно исчезающим вместе с уходом готов, как думает И. Вернер³⁰.

Поэтому в последние годы существенно упрочилось мнение о славянской основе черняховских племен, в особенности для западноукраинских областей, то для установления славянского вклада в культуру карпатских курганов весьма важно указать на общие элементы, связывающие обе группы памятников.

Население, оставившее ту и другую культуры, жило бок о бок, местами не только гранича, но образуя своего рода чересполосицу культур. Ни Прут, ни Днестр не были для них непроходимыми рубежами. В целом общая синхронность культуры карпатских курганов и черняховской очевидна. Только Закарпатье в указанном отношении было изолированной от черняховской культуры областью. Однако, как мы уже знаем, вопрос о распространении там классических чистых памятников культуры карпатских курганов в значительной мере следует считать открытым. Поселения культуры карпатских курганов с трудом отличимы от черняховских как в выборе мест для поселений, так и в отношении господствующего домостроительства. Наземные жилища, сочетающиеся на поселениях с углубленными в землю постройками близких типов, являются несомненным звеном, связующим обе культуры. Уровень развития тех и других племен в области гончарства, мельничного дела, ткачества и металлургии приблизительно одинаков. Направление провинциально-римских связей совпадает, как и преемственность, с латенскими проявлениями в обеих культурах.

На конкретных примерах типологического сопоставления керамических материалов мы показываем общность или близость многих форм посуды культуры карпатских курганов и черняховской. При этом констатируем сходство не только гончарной посуды, во многом сходной у разных народов этого времени, но, главное, ряда основных лепных форм.

Как нам кажется, такая близость многих культурных черт двух групп населения может означать процесс симбиоза и славянизации местных древних жителей Прикарпатья, а возможно, отчасти и Закарпатья.

4. Важные аргументы, подтверждающие вывод о славянском вкладе в культуру карпатских курганов первой половины I тыс. н. э., дает ее сопоставление с раннесредневековыми раннеславянскими памятниками VI—VII вв., распространенными в тех же районах. Хронологическое смыкание тех и других па-

мятников где-то в V в. н. э. и многие общие черты обеих культур свидетельствуют, что славяне в процессе расселения накануне их массового проникновения на Балканы в VI в. н. э. впитывали в себя особенности культур ранее жившего в Прикарпатье населения, явившегося их субстратной подосновой. Кроме отмеченных, как и для черняховской культуры, совпадений мест жительства, типов открытых поселений, иногда наслаивающихся друг на друга, общности сельскохозяйственного быта, ряда производственных навыков, определенно фиксируются близость многих лепных форм керамики и сходство погребального обряда. Особенно яркими являются аналогии удлиненного типа плечистым горшкам и яйцевидным баночным сосудам, характерным для славянской посуды ранних этапов ее развития³¹. Диски-сковородки, которым И. И. Ляпушкин и Д. Т. Березовец придавали столь большое значение при определении специфики раннеславянских древностей³², находят место в обеих культурах. Курганные могильники, присущие старинным восточнославянским памятникам, находят не одну аналогию среди курганных погребений Прикарпатья первой половины I тыс. н. э. К примеру, достаточно сравнить две интересные находки курганов VI—VII вв. н. э. у с. Чепоны в Поднестровье, опубликованные О. М. Приходнюком, и типичные курганы первой половины I тыс. н. э. в соседних областях³³. Близость прослеживается в размерах и устройстве курганов, в обряде погребения на горизонте и сожжении умершего на месте, сходстве урн и т. д. То, что сообщает М. М. Кученко о подкурганных погребениях с трупосожжениями средневековых славян в более северных районах, вполне сходно с тем, что фиксируется в культуре карпатских курганов³⁴. Тут же и ограждения камнями, и окапывание курганов ровиками, и сожжение на древнем горизонте. Имеются похожие черты обряда погребения и в более восточных областях бассейна Днепра³⁵. Полный сравнительный анализ могильников культуры карпатских курганов и позднейшего славянского населения — дело будущего. Для сравнения культурных особенностей представляются важными широкие раскопки многослойных поселений типа Глубокого или Кодыня³⁶. Они показывают тесное смыкание и сплетение ранних и поздних элементов. В Кодыне железные и бронзовые фибулы V в. н. э., как нам представляется, с равным правом датируют культурные остатки карпатских курганов и полуземлянки раннеславянского времени с керамикой пражского типа, сочетающейся с гончарной посудой, употреблявшейся с позднеримского времени. Ее продолжали использовать в западных областях нынешней Украины, несмотря на потрясения гуннского нашествия в конце IV в. н. э.

Таким образом, на наш взгляд, конкретные археологические материалы подтверждают мнение о начале процесса славянизации населения культуры карпатских курганов в черняховский

період першої половини I тыс. н. е. В VI--VII вв. н. е. это взаимодействие приводит к постепенному заселению славянами районов Карпатских гор, где средневековые источники отмечают существование восточнославянских племен хорватов. Области Верхней Тисы и Прута, т. е. Закарпаття и прикарпатской Буковины, вошли в состав Древнерусского государства³⁷.

- ¹ *Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М., 1973; *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
- ² *Дяченко В. Д.* Антропологічний склад українського народу. Київ, 1965, с. 115, 124.
- ³ *Махно Е. В.* Памятники черняховской культуры на территории УССР. (Материалы к составлению археологической карты).— Материалы и исследования по археологии СССР, 1960, № 82, с. 10.
- ⁴ Стародавнє населення Прикарпаття і Волині (доба первіснообщинного ладу). Київ, 1974. См. статьи Л. И. Крушельницкой (с. 240—243, 263—265).
- ⁵ *Бідзіля В. І.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971, с. 120.
- ⁶ *Зильманович И. Д.* Гончарные печи Луки-Врублевской.— КС, 1967, вып. 112, с. 116; *Шукин М. Б.* Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы).— КС, 1973, вып. 133, с. 17—23.
- ⁷ *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972; *Аулів В. В.* Зимнівське городище. Київ, 1972; *Балагурі Е. А., Пеняк С. І.* Закарпаття — земля слов'янська. Ужгород, 1976; *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі. VI—VII ст. н. е. Київ, 1975; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976; *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976; *Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф.* Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Кишинев, 1974. Искрпывающую историографию исследований памятников этого периода и более раннего времени в Закарпатье см.: *Балагурі Э. А.* Исследования археологических памятников Закарпаття за годы Советской власти.— *Slovenské archeologia* (Bratislava), 1975, т. XXIII, № 2, с. 261—282.
- ⁸ *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 100; *Он же.* До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межжиріччї Дністра і Західного Бугу.— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ, 1961, вип. 3, с. 85.
- ⁹ *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст., с. 15—19; *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі, с. 35.
- ¹⁰ *Тимощук Б. О.* Північна Буковина — земля слов'янська. Ужгород, 1969; *Балагурі Е. А., Пеняк С. І.* Закарпаття — земля слов'янська; *Бернякович К. В.* Древнеславянские памятники Закарпатской области СССР.— *Slovenské archeologia*, 1957, т. V, № 2, с. 445.
- ¹¹ *Смішко М. Ю.* Доба полів поховань в західних областях УРСР.— Археологія (Київ), 1948, т. II, с. 98—127; *Он же.* Два курганні могильники в околицях с. Ізи, Закарпатської області.— В кн.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. III. Київ, 1952, с. 315—366; *Он же.* Ранньослов'янська культура Карпатського підгір'я.— Наукові записки Інституту суспільних наук. Львів, 1953, с. 131—151; *Он же.* Племена культури карпатських курганів.— В кн.: Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ, 1976, с. 48—62.
- ¹² *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960.
- ¹³ *Вакуленко Л. В.* Населення карпатського предгор'я в першій половині I тисячелеття нашої ери. Киев, 1974. Автореф. канд. дис.; *Она же.* Поселення культури карпатських курганів.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976, с. 73—94.
- ¹⁴ *Тимощук Б. А., Вакуленко Л. В.* Новые поселения культуры карпатских курганов.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев,

- 1971, с. 209—211; Вакуленко Л. В., Тимощук Б. О. Розвідки в Прикарпатті.— В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972, с. 377—381.
- ¹⁵ Балагури Э. А. Исследования археологических памятников Закарпатья за годы Советской власти, с. 272—273.
- ¹⁶ Брайчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964. Рец. Э. А. Сьомовича см.: СА, 1968, № 3, с. 274—279.
- ¹⁷ Вакуленко Л. В. Поселення культури карпатських курганів, с. 73—94.
- ¹⁸ Смішко М. Ю. Племена культури карпатських курганів, с. 59.
- ¹⁹ Там же, с. 52.
- ²⁰ Смішко М. Ю. Карпатські кургани..., табл. XII—XX.
- ²¹ Там же, с. 124—125.
- ²² Вакуленко Л. В. Население карпатского предгорья..., с. 14—15.
- ²³ Crișan I. H. Ceramică daco-gețică cu specială prിവire la Transilvania. București, 1969, pl. CXV.
- ²⁴ См.: Доповіді та повідомлення Ужгородського університету. Сер. філол., 1958, № 3. В своей статье Ю. О. Карпенко определяет «Черемош» как славянский гидроним, а К. И. Галас пишет о том, что большинство названий в Закарпатье соответствует восточнославянским.
- ²⁵ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 50—52; Он же. З історії східних слов'ян у I тисячолітті н. е.— Археологія, 1973, № 10, с. 7.
- ²⁶ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 120—121.
- ²⁷ Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972, с. 156—159; Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі, с. 81.
- ²⁸ Бидзиля В. И. Этническая карта Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 23—29.
- ²⁹ Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст., с. 15, 32 н сл.
- ³⁰ Вернер Й. К происхождению и распространению антов и склавинов.— СА, 1972, № 4, с. 106—113.
- ³¹ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв.— В кн.: Культура пражского типа. М., 1976, с. 19—21, рис. 7, 1.
- ³² Ляпушкин И. И. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей.— Вестник ЛГУ, 1956, вып. 20, с. 59—60; Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине.— Материалы и исследования по археологии СССР, 1963, № 108, с. 189—190.
- ³³ Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі, с. 109, 142—143, табл. XXXII—XXXIII; Тимощук Б. О., Приходнюк О. М. Ранньослов'янські пам'ятки VI—VII ст. в Середньому Подністров'ї.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, с. 78—79.
- ³⁴ Кученко М. М. Поховальні пам'ятки IX—XIII ст. басейнів Західного Бугу і Сану.— Археологія, 1973, № 10, с. 82.
- ³⁵ Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне).— СА, 1956, XXV, с. 141—142 сл.; Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв.— Свод археологических источников. М., 1966, вып. Е1-24, с. 26; Балагури Е. А., Пеняк С. І. Закарпаття — земля слов'янська, с. 100—101.
- ³⁶ Вакуленко Л. В. Поселення культури карпатських курганів, с. 73—94; Она же. Дослідження гончарної майстерні на Глибоцькому поселенні.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, с. 45—50; Она же. Раннеславянское поселение у с. Глубокого в Прикарпатье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 242—251; Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв., с. 27—28; Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст., с. 12—16.
- ³⁷ Ратич О. О. Населення Прикарпаття і Волині в епоху Київської Русі та в період феодальної роздрібленості.— В кн.: Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ, 1976, с. 139.

Т. Д. ЗЛАТКОВСКАЯ

ROSALIA — РУСАЛИИ?

(О происхождении восточнославянских русалий)

Исследование генезиса обрядов в силу глубокой традиционности духовной культуры, в том числе и обрядовых действий, может принести ценную информацию об этногенезе народов и их этнокультурных связях. С этой точки зрения обряд русалий является ценным объектом исследования для изучения этногенетических процессов у многих европейских народов. В восточнославянской календарной обрядности этот праздник, отмечающийся в конце весны — начале лета, занимал существенное место.

Ролью русалий в обрядности весенне-летнего цикла, яркостью обрядовых действий у многих европейских народов, знавших этот обряд, объясняется, скорее всего, тот интерес, который вызвали русалии у многочисленных исследователей.

Несмотря на разнообразие суждений по частным вопросам и различие аргументов, приводимых исследователями, в целом их мнения, касающиеся генезиса русалий у славянских народов, отражают две противоположные точки зрения. Одна группа исследователей полагает, что русалии — славянский обряд, корни которого уходят в глубинные слои древних славянских религиозных верований. При решении этого вопроса в середине прошлого столетия главное место отводилось утверждениям о славянском происхождении самого наименования обряда, происходящего, как полагают, от названия «русалка», последнее же в свою очередь соотносили с «русло», «русый» или же с названиями рек (Руса, Рось, Ras, Rasa и др.)¹. Такое объяснение имело много уязвимых мест. Несмотря на многогранность облика русалок, характер обряда в целом все же мало соответствовал представлениям о них; само название «русалка», как затем выяснилось, появилось у славян сравнительно поздно: во многих русских губерниях оно в XIX в. еще не было принято², а в болгарском народном словаре появилось, только в XIX—XX вв., как считают, под книжным влиянием³. Трудно было также и со словообразованием термина «русалка»: вторая часть его оставалась необъясненной. Бесспорно, образ, подобный русалке, существовал в древнеславянской мифологии, как о том свидетельствуют данные литературных источников («нимфы» у Прокопия) и археологии⁴, однако о наименовании этих мифических существ с определенностью говорить трудно («вила»? «береги-

ня?»). Среди болгарских исследователей распространено мнение о том, что наименование русалий происходит от названия растения «росен», игравшего большую роль при совершении этого обряда у болгар; однако и такое объяснение не могло вполне удовлетворить даже тех, кто его высказывал⁵.

Терминологический аспект преобладал и у представителей другой, противоположной точки зрения. Они указывали на латинские корни термина «русалии» и отстаивали тезис о римско-италийском происхождении обряда. Решающую роль в формировании этой теории имели работы Ф. Миклошича. Он пришел к выводу, что в основе названия обряда лежит латинское наименование античного праздника роз — *rosalia*, *rosalia*, *dies rosae*; следы этого праздника сохранились в романских странах Западной Европы в названии пятидесятницы (*pasqua rosata*, *pasqua rosa* — итал.; *râsques de roses* — франц.) и месяцев (*roseille mois*, *rosaille mois* — франц.). Славянскими, восточнороманскими и некоторыми другими балканскими народами (албанцами, греками) было усвоено греко-византийское наименование того же праздника роз — *ρουσάλια*, появившееся у них, вероятно, вместе с ранним христианством. Как считал Ф. Миклошич, христианский обряд со временем слился с языческим. Это обстоятельство повело к осуждению и запрещению «бесовского» обряда церковью. Многочисленные проклятия и поношения отцов церкви способствовали персонификации обряда и появлению представлений о сверхъестественных женских существах — русалках.⁶

Мнение Ф. Миклошича о происхождении термина «русалии» было принято очень широким кругом исследователей, что в той или иной мере отразилось на их работах. Его тезис о происхождении термина «русалии» от римского *rosalia* часто воспринимался расширительно и был распространен и на генезис самого обряда: о русалиях у европейских народов как об обряде, унаследованном от античного времени, стали писать исследователи и античных розалий и русалий у современных народов (в том числе у восточнославянских)⁷. В русской историографии мысль об отражении античного обряда в ритуале русалий особенно четко проявилась в работах А. Н. Веселовского. Он обратил внимание на новую для его времени статью К. Шапкарева⁸, в которой был описан обряд русалий в Южной Македонии, отмечаемый в январе. Веселовский полагал, что зимние русалии ведут свое начало от древнегреческого осеннего праздника в честь Диониса, переданного современным народам через византийский обряд («готскую игру»); истоки же весенне-летних русалий лежат в римском весеннем празднестве розалий⁹. Мысль о влиянии римских розалий на представления о русалках-манах и обряд русалий высказана им более определенно в еще одной работе¹⁰.

Даже такие крупные исследователи, как Л. Нидерле, полагали, что славяне «переняли сами празднества точно такими

же, какими они видели их у греков и римлян»¹¹. Проявление этого мнения нельзя не заметить и в том, что описание (или упоминание) античного обряда у самых различных авторов стало предшествовать описанию русалий. Представление о русалиях как об «отголосках древнеклассического чествования памяти умерших» стало в России общепринятым¹². В общих чертах ту же тенденцию можно заметить и в болгарской литературе XIX — начала XX в., где описанию русалий у европейских народов вообще и славянских в частности предшествовало более или менее подробное изложение сведений о римских розалиях¹³. При этом многие ученые упускали из виду неясные моменты, возникавшие при утверждении о римско-италийском генезисе обряда русалий. Прежде всего с такой концепцией плохо согласуется то обстоятельство, что под одним и тем же наименованием у различных народов существуют совершенно разные циклы обрядов: «русалии» восточных славян совсем не то же самое, что «русалска седмица» («русáля», «русалница») у болгар, или же «русалье», «risale», «rusalje», «risalski svetki», «rusalji» — у народов Югославии, и не тот же самый обряд, что «rusale» (rusalii) у румын, «русалии» у молдаван; не совпадают с ними ни «rusadlo», «rusadla» чехов и словаков, ни «r̄sai» (rsaj, rseit) албанцев, ни «Ῥουσαλία» (Ῥοῦσα) греков. Каждый из этих обрядов несет в себе не только отдельные самобытные черты, но они различаются между собой по основным элементам обрядовых действий. Если предполагать, как это делают сторонники римско-италийского происхождения обряда, единый источник формирования русалий, то сходства между русальскими обрядами у различных народов должно было быть значительно больше. Во-вторых, появляется трудность связать в едином цикле ритуал античных розалий и восточнославянские русалии (далее будет сделана попытка указать на несовпадение основных элементов древнеримского, восточнославянского и южнославянского обрядов). Нельзя не заметить и несовпадение направленности античных розалий с образом центрального мифологического персонажа восточнославянских русалий — русалкой, женского демонического существа, связанного со стихией лесов, полей, но главным образом с водными силами. Зыбкость позиции тех ученых, которые в пришедшем из античного мира названии обряда русалий нашли основание для причисления и самого обряда к греко-римскому кругу обрядовых действий, иногда замечали и сами эти исследователи¹⁴, и их оппоненты. Так, Д. К. Зеленин упрекал А. Н. Веселовского в том, что тот не указал, что же именно (кроме названия) было заимствовано в русалиях от античности¹⁵ (но сам Д. К. Зеленин этим вопросом тоже не занялся).

Очевидно, проверка теории римско-италийского происхождения русалий должна лежать в плоскости сравнительного исследования античного и современного обряда.

Обратимся прежде всего к тем источникам и исследованиям, которые характеризуют римские розалии. В работах, посвященных розалиям¹⁶, анализу источников, рассматривающих обрядовые действия во время этого праздника, не уделялось достаточно внимания. Между тем для определения обрядовой стороны розалий могут быть использованы и литературная традиция, и латинские эпиграфические документы. Первый вид источников немногочислен. Поэтому рассмотрим прежде всего чрезвычайно яркие и обильные эпиграфические источники, в разной связи упоминающие розалии и дающие возможность определить составные элементы и направленность обряда. Эпиграфические документы, упоминающие розалии, представляют собой в подавляющем большинстве латинские (редко греческие) надписи, наиболее ранние из которых датируются I в. н. э., а наиболее поздние — IV в. Они различны по характеру. Одни из них являются собой уложения различных ремесленных коллегий, в которых (наряду со многими другими сведениями) перечисляются отмечаемые коллегией праздники и указываются расходы на совершение того или иного обряда. Другие представляют собой календари, отмечающие день розалий¹⁷. Третьи надписи, упоминающие розалии, являются завещаниями, выбитыми на надгробных каменных стелах; в них указывается, кто и кому ставит надгробие, кому и в какой день поручается совершать розалии, что именно и где следует делать в честь этого праздника, какова сумма денег или земельный участок, с доходов от которого следует совершать обряд. Иногда сообщаются и другие сведения: имя божества, которому посвящена стела, возраст и профессия усопшего или лиц, которым поручается совершение обряда, и другие данные. Для выяснения общего характера обряда розалий и некоторых его деталей особенно важна эта последняя категория надписей и именно та часть их текста, в которой упомянуто, какой ритуал надлежит совершать в день розалий. Обряд произволился у могил, близ монументов¹⁸, на что указывают все надписи, упоминающие место его совершения. Хотя и не во всех надписях перечисляются ритуальные действия, которые следует совершать в день розалий, но все же многие из них дают нам сведения о розальном ритуале. Чаще всего надписи говорят о том, что на могиле следует ежегодно совершать жертвоприношения (*sacrificii* — CIL, VI, 2, 10 248; VI, 1, 9626; X, 1, 444 и др.), возлияния (*profusiones* — CIL, V, 1, 4410; V, 1, 4489 и др.), устраивать угощения¹⁹ (*sporula* — CIL, VI, 2, 10 231) и пиры (*epuli* — CIL, V, 2, 7357; X, 1, 444), приносить пищу (*escae* — CIL, V, 1, 2315). Часты упоминания и о том, что на могилы надо возлагать розы, венки из роз²⁰ и других цветов.

В целом надписи создают впечатление о том, что речь идет о ежегодном поминовении усопших. Такой характер обряда подтверждается и тем, что в тех немногих случаях, когда в над-

писях указываются божества, которым посвящен обряд, то это всегда только маны (т. е. посвящение делается *Diis manibus*).

Сведения литературных источников о розалиях чрезвычайно скудны. В большинстве из них речь идет не только об этом обряде, а о розах в связи с погребальными обрядами вообще.

Поэт Тибул выражает в стихах надежду, что дружеская рука в память старой привязанности каждый год будет украшать венками его памятник (*Eleg.*, II, 4, 47—48)²¹.

Плиний (NH, XXI, 8) рассказывает о том, что могилы украшали венками из цветов, причем наиболее пристойным считали венок из роз. Лукиан (*De luctu*, 11) и Проперций (I, 17, 22) сообщают, что тела умерших посыпали розами или укладывали их на эти цветы. Другие свидетельства тоже отдают розам предпочтение в украшении гробниц и надгробий. Ряд источников сообщает об *escae rosales* — трапезе, во время которой розы распределяли между гостями, а затем сплетенные гирлянды возлагали на могилы. Глоссарий Форцеллини сообщает нам, что «розалии — это праздник роз или день, когда розы приносят на могилы»²².

Таким образом, на основании литературных и эпиграфических свидетельств римского времени можно прийти к убеждению, что розалии в Италии были поминальным обрядом, включавшим ежегодные жертвоприношения усопшим, поминальные угощения на могилах и возлияния, украшение памятников и могил розами или венками из роз и других цветов.

В конце прошлого века В. Томашек высказал иное мнение о характере римских розалий²³, которое позже было принято другими учеными²⁴. Он утверждал, что в период своего возникновения в начале императорского времени розалии не были связаны с культом мертвых, а являлись праздником победы весны над зимой, отмечаемым пиршествами и весельем; жертвоприношения на могилах, полагал В. Томашек, возникли лишь вследствие желания символически привлечь умерших родственников к радостному застолью. Однако теория В. Томашека очень уязвима. Во-первых, потому, что для доказательства характера римского празднества он привлекал не античные, а средневековые свидетельства о русалиях (Теодора Бальзамона — конца XII в. и Деметрия Хоматиана — начала XIII в.) и даже описание русалий у восточных славян в XVII в. и в Эпире в XVIII в. Поводом для такой идентификации обрядов, разделенных многими столетиями и происходящих в отдаленных друг от друга частях Европы, было только совпадение в названии обряда (по Миклошичу). Такую ретроспекцию нельзя считать достаточно обоснованной. Во-вторых, представляется невозможным то время, когда отмечался праздник (май или июнь) в условиях Южной Европы считать периодом, когда можно было праздновать победу весны над зимой: как о том свидетельствуют итальянские сельскохозяйственные календари,

время розалий относится не к началу весны, а к началу лета. Не представляется достаточно обоснованной аргументация и М. Нильсона. Присоединившись к мнению В. Томашека, он попытался восполнить его промах и для обоснования тезиса об общевесеннем характере розалий привел некоторые соображения, используя уже античные материалы. Так, он утверждал, что розалии, которые упоминаются в перечне празднеств римских коллегий наряду со светскими празднествами, не имевшими отношения к поминовению усопших (Новым годом, днем рождения императора и т. п.), также не могли иметь отношения к культу мертвых²⁵. Однако такую аргументацию нельзя считать приемлемой. Во-первых, празднества, отмечавшиеся римскими коллегиями, носили самый различный характер и включение или отсутствие какого-либо из обрядов в их перечне не может свидетельствовать о природе остальных ритуалов. Во-вторых, можно привести немало надписей, в которых среди празднеств римских коллегий розалии упомянуты наряду с паренталиями²⁶ — обрядом, поминальный характер которого не вызывает ни у кого сомнения.

Таким образом, аргументация В. Томашека и М. Нильсона не может поколебать убеждения в прямой и постоянной связи античного обряда розалий с культом мертвых, составлявшим его основное содержание. Отсутствие в античных источниках упоминаний о розалиях как о празднике расцветающей природы с элементами магии плодородия и т. п. действиями дает лишь предположительную возможность сказать, что если в римском обряде и проявлялись подобные представления, что они здесь были очень слабо выражены и не имели самостоятельного значения. С другой стороны, обычай поминовения усопших в форме розалий был настолько устоявшимся, что был воспринят ранней христианской обрядностью, в частности при чествовании мучеников и святых²⁷.

Обратимся теперь к характеристике восточнославянских русалий, ставя перед собой главным образом задачу выяснить их генезис, и в частности связь этого обряда с античными розалиями.

В соответствии с этой задачей следует прежде всего обратиться к наиболее ранним свидетельствам о русалиях. Авторы древнерусских поучений против язычества неоднократно упоминали русалии, однако они дают самые общие сведения об этом празднике. Они именуют его «играния неподобные, русалья», «игрища бесовские», «идольские игрища»²⁸, из чего можно сделать вывод только об языческом характере русалий, отчетливо ощущавшемся церковниками. Бесспорен, судя по древнейшим свидетельствам, и массовый характер празднеств («сбор великий»), угрожавший церковным богослужениям. Постоянные упоминания «плясаний», «скаканий», бубен, сопелей, гуслей, «бесовских песен» и «ночного плещевания»,

употребления масок (скурат) указывают на внешнюю сторону обрядности. В ней песни, музыка и пляски составляли основное содержание. Сквозь сетования церковников лишь иногда можно уловить смысл обряда. В этом отношении важно первое упоминание о русалиях на Руси. Из него следует, что народ во время засухи 1067 г. обратился к языческим богам и обрядам, в том числе и к русальскому («Дьявол льстить, превабляя ни от бога трубами и скоморохы, гусльми и русальи»). Обряд включал, очевидно, магические действия, имевшие целью вызвать дождь. Летописец советует отвернуться от дьявола и обратиться свои моления к христианскому богу, который отверзнет хляби небесные²⁹. Об этой же стороне обряда сообщает и более поздний источник — «Стоглав» под 1551 г.: во время русалий ходили ранним утром к реке с песнями и плясками и умывались водой (гл. 41, вопрос XXIV). В сообщениях этого же источника (гл. 40, вопрос XXVII) о хождениях в рощи, чтобы «бесовские потехи деяти» в первый понедельник Петрова поста (т. е. на русальной неделе), нельзя не заметить указания на ритуал, в котором деревья и растительность вообще играли важную роль.

Значительно больше данных о русалиях на Руси XII—XIII вв. удалось получить при исследовании изображений на браслетах из русских кладов этого времени. Эти изображения отражают основные моменты русальской обрядности средневековой Руси, ее характер и направленность. По мнению Б. А. Рыбакова³⁰, в изображениях на браслетах отражена идея плодородия; ее выражают растения — хмель, папоротник, их корни, орошаемые водой (ее идеограмма — плетенка с точечным орнаментом) и дождем. Еще более четко эта идея отражена присутствием мифологических существ в виде птиц с девичьими лицами в сочетании с водой, деревом жизни, спелым хмелем, побегамися вьющихся растений. Пляшущие девушки с распущенными волосами, одетые в рубахи с длинными до земли рукавами, имитирующими крылья птиц, представляли собой персонажи русальских игр, олицетворявшие эти мифологические образы. Не менее знаменательно присутствие на браслетах изображений птиц с песьими головами, которых следует идентифицировать с Симарглом, упоминаемым в летописях XI в. крылатым псом-покровителем и охранителем древа жизни, его корней и всех семян. Существенно и изображение зайцев, имевших прямое отношение, судя по древнерусским амулетам, к культуре божества растительности³¹.

Как можно было заметить, летописи и «серебряный фольклор», относящиеся к XI—XIII вв., характеризуют нам русалии на Руси как обряд, направленный прежде и более всего на обожествление сил природы, покровительствующих расцвету растительности и жизни людей, увеличивающих плодородие и плодовитость. Манистические действия в этих ранних источни-

ках не нашли отражения. Все сетования отцов церкви направлены против увеселений вообще, без какого-либо указания на их связь с поминальными обрядами. Характерно замечание В. Мансикки о том, что составителю русской редакции «Слова св. Нифонта», ополчающегося против «игр бесовских... и жа суть русалия», «смысл русалий как увеселения, специально связанного с культом мертвых, был чужд»³². Эти данные более наталкивают на мысль, что элементы культа мертвых в русальском обряде на Руси XI—XIII вв. были или слабо выражены, или вовсе отсутствовали. Мнение о характере русальской обрядности восточных славян, высказанное на основании немногословных свидетельств XI—XIII вв., находит подкрепление в этнографических и фольклорных материалах нового времени, собранных в различных районах России, Украины и Белоруссии, обобщенных в работах XIX и XX вв. Уже само приурочение русальских празднеств к концу весны и началу лета³³ говорит об этой стороне русальских празднеств. Об этом же свидетельствуют и названия русальской недели — «зеленая», «клевальная». Однако с особенной четкостью об аграрном характере русалий свидетельствуют сам ритуал празднества и образ центрального персонажа русальских обрядов — русалки. Совершенно очевидна связь представлений о плодородии полей с русалкой. Исследователи, изучавшие образ русалки в народных верованиях, отмечали постоянное присутствие русалок на земельном поле, особенно во ржи, во время цветения которой они проявляют наибольшую активность (сидят или бегают во ржи, бьют в ладоши) и представляют опасность для человека³⁴. Согласно одному из белорусских поверий, русалка стожит цветущую рожь³⁵, а у украинцев бытовало представление о том, что соблюдающие на русальской неделе запрет работать могут надеяться, что русалки сберегут их поля от всяческой беды³⁶. Представления о способности русалок приносить плодородие полям выражены и в поверии о том, что «где они (т. е. русалки.— Т. З.) бегали и резвились, там трава растет гуще и зеленее, там и хлеб родится обильнее»³⁷. Считали также, что русалки могут покровительствовать и скоту³⁸. Верой в способность русалок нанести вред хозяйству и здоровью людей объясняется множество запретов и оберегов, имеющих целью умилостивить или обезвредить русалок (для последнего чаще всего применяли полынь и любисток).

Для русальских обрядов характерна магия плодородия, чаще всего выраженная в ритуальных действиях с зеленью: торжественные шествия к деревьям, игры на лоне природы, внесение деревьев в жилище, украшение его зеленью, завивание березовых ветвей, плетение венков, гадание по ним, украшение зеленью участников обряда и т. п. Смысл этих обрядов, как известно³⁹, лежит в стремлении обеспечить своевременный и обильный урожай, основы которого закладываются не только

в начале весны, но и в конце ее, в период цветения дикой растительности и хлебов. Многие из этих действий интерпретируются как жертвы русалкам, от которых зависит будущий урожай. Д. К. Зеленин объяснял обряд «завивания» венков из цветов и вершин деревьев как жертву русалкам (для их годового убора и для качания на деревьях). Песенный фольклор объясняет цель «завивания» венков: «На годы добрые, на жито густое, на ячмень колосистый, на овес росистый, на гречиху черную, на капусту белую»⁴⁰. Оканчивают русальскую неделю развиванием венков и проводами русалок. Последний обряд, занимающий большое место в русальских действиях, несмотря на его разнообразие в разных районах⁴¹, тоже указывает на связь русалок с плодородием полей (часто русалок «проводяют» в рожь), но также (и эта черта особенно характерна) с водной стихией (провода, заканчивающиеся бросанием куклы-чучела русалки в воду), в меньшей степени с огнем (сжигание соломенного чучела русалки). Такая трактовка образа русалки в русском мифотворчестве характерна и для новых работ по этому вопросу Э. В. Померанцевой и В. К. Соколовой. К действиям того же порядка относят обливание водой участников обряда и чучел, бросание в воду венков. Вероятно, с представлениями о плодородии должно быть сопоставлено и участие в русальских обрядах изображения коня, иногда именуемого «русалкой». Во всяком случае, близость образа коня к олицетворению животворящих сил природы засвидетельствована достаточно надежно в верованиях многих народов, в том числе и славянских⁴². Все эти данные — свидетельства культа растительности, аграрного характера русалий, присутствия в них магии плодородия, обожествления сил природы, способствующих созреванию хлебов и росту растительности. В любезно предоставленной мне В. К. Соколовой рукописи ее новой работы, посвященной весенне-летней обрядности у восточных славян, именно такой характер русалий нашел очень четкое отражение, причем аграрно-растительная тематика рассматривается как исконная.

В связи с задачей нашего доклада важно рассмотреть вопрос о русалках и культуре предков и причислении самого обряда к числу манистических. Хорошо известна полемика Д. К. Зеленина⁴³ со сторонниками отождествления русалок с душами предков, считавшими русалии поминальным обрядом⁴⁴. После его работы вряд ли можно придерживаться прежних взглядов. Он, как известно, делал акцент на том, что русалки воспринимались как души заложенных покойников, чему привел множество фольклорных и этнографических свидетельств. Однако такой характер образа русалки — результат более поздних наслоений, трансформация образа, о чем говорил и сам Д. К. Зеленин. Для нас важнее, однако, главный и безусловно обоснованный вывод Зеленина: русалки не мань. Утвержде-

нию о русалках-манах противоречит и то обстоятельство, что наряду с торжественными и почтительными проводами русалок существовало и весьма действенное их изгнание. Оно сопровождалось криками и шумом; участники обряда вооружались кнутами, палками, косами; «русалки» изгонялись за пределы селения, а их чучела разрывали, сжигали и т. п. Несовместимость этого обряда изгнания русалок с обрядами почитания и поминовения предков ставила в тупик самого Е. В. Аничкова. Он должен был говорить «о полной переработке в народном сознании образа предков» («перелицовке, дошедшей до совершенного забвения о его первоначальном характере») ⁴⁵. С. А. Токарев верно подметил, что, несмотря на разнообразие способов «проводов», общая черта их состояла в изгнании чего-то злого, нечистого ⁴⁶. Ученые высказывали различные мнения о целенаправленности этого и других сходных обрядовых действий у земледельческих народов мира, однако ни один из них не усмотрел в этих обрядах связь с культом предков ⁴⁷. Изменение мифологического образа русалок из полевых и главным образом «водяных» в заложных покойников — результат воздействия церковных проповедников, поносящих древние божества, на что указывают исследования С. А. Токарева, Э. В. Померанцевой, В. К. Соколовой. Исконное восприятие русалок продолжает ясно прослеживаться в русальской обрядности. Было бы ошибочным, однако, совсем исключить обряды поминовения предков из цикла троицко-семицких обрядов. Есть прямые указания в «Стоглаве» о том, что «В троицкую субботу по селам и погостам... сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробом с великим кричанием». Вероятно, об этом же сообщает челобитная старца Григория, поданная в 1651 г. царю Алексею Михайловичу, где упоминается, что в день троицы люди «за город на курганы ходят и непотребная творят». Есть об этом свидетельства и путешественников по России XVII столетия (Олеарий о поминках на кладбище в Нарве в троицкую субботу). Данные о поминовении усопших присутствуют и в этнографических материалах, собранных в XIX и начале XX в., а также в более позднее время ⁴⁸. Однако, как нам представляется, поминальный обряд на могилах родственников не составлял основного содержания русальской обрядности и был явлением поздним, появившимся, возможно, под влиянием христианской церкви. Приводя древнейшие письменные свидетельства о русалиях и археологические материалы, изображающие сцены и символы, связанные с этим обрядом, мы уже обращали внимание на отсутствие данных, указывающих на манистические представления. Наиболее раннее упоминание о них — в «Стоглаве», т. е. в середине XVI в. Хорошо известно стремление церкви «обезвредить» языческие обряды, соединив их с христианскими и ослабив языческий ритуал. Яркая языческая направленность русалий сильно беспокоила,

как уже отмечалось, отцов церкви в средние века и новое время; по авторитетному свидетельству митрополита Филарета, церковь «хотела противополжить языческому семику христоролюбивое погребение странных, чувственному веселию — мысль о смерти, набожность и благотворение»⁴⁹.

В этой же связи можно обратить внимание и на некоторое календарное несовпадение поминальных обрядов с русальной неделей: днем поминовения считали чаще всего субботу накануне троицы, реже троицкое воскресенье. Началом же русальной недели был понедельник, наступающий после троицкого воскресенья. Таким образом, поминальный обряд оказывается как бы вынесенным за календарные пределы языческих русалий и внесенным в число христианских троицких обрядов⁵⁰. Следует отметить и то, что если поминовения предков на пасху, фомину субботу (радуницу) и другие некалендарные (годовщины смерти и др.) поминальные дни у восточных славян еще в недавнем прошлом явление повсеместное, то поминовение в троицкую субботу более характерно для севернорусских областей. Это явление, подмеченное В. К. Соколовой, важно и для решения нашей проблемы. Если рассматривать розалии (с их основным обрядом — поминовением усопших родственников) как генетических предшественников восточнославянских русалий, то объяснить эту северную локализацию поминальных обрядов в русальное время у русских (при весьма редких случаях поминовений в южнорусских и украинских землях) было бы совершенно невозможно: надо полагать, что влияние античности на славян при всех обстоятельствах шло с юга и в северных областях должно было бы ощущаться слабее, чем в южных.

Таким образом, русалии у восточных славян могут быть охарактеризованы как цикл обрядов, в которых главное место занимают представления и действия, направленные на стимуляцию роста хлебов (и вообще растительности), связанные с земледельческим календарным циклом, с плодородием и плодovitостью. Их содержание и направленность традиционны для славян, о чем свидетельствуют и изображения на древнерусских украшениях и архаические черты в образе русалок — покровительниц водной стихии и плодородия полей. Такой характер восточнославянского обряда обнаруживает несовпадение по основным параметрам с римско-италийскими розалиями, заключавшимися в совершении поминовений на могилах родственников и коллег по профессии. Сравнение ритуала розалий и русалий не дает оснований констатировать генетическую связь между древним античным обрядом и восточнославянским; есть больше оснований искать корни этой русальской обрядности в религиозных верованиях древних славян.

К отрицательному решению вопроса о заимствовании древнеримской обрядности восточными славянами приводит и по-

пытка рассмотрения пути, которым древнеримские празднества могли бы попасть к восточным славянам. Считается, что русальская обрядность была воспринята Русью от южных славян⁵¹. Против такого утверждения в последнее время решительно высказалась С. Зечевич, указывая на исторические факты, исключющие возможность и прямую (т. е. из Рима) восприятия русалий восточными славянами, и через южных славян. Она указала на ранние, очень близкие ко времени появления славян на Балканах даты церковных запретов русалий (VI Вселенский собор — VII в.) у самих южных славян и в славянском мире вообще. Здесь же она упомянула о том, что «между розалиями и русалиями имеется и существенное различие в содержании обряда»⁵². Это последнее обстоятельство, если иметь в виду и южнославянские русалии, представляет собой важный дополнительный аргумент против теории римско-италийских заимствований русальского обряда через южных славян. Оно требует более детального описания и разбора.

При изучении обряда русалий у болгар обращают на себя внимание черты, существенно отличающие этот болгарский обряд от восточнославянского. Необычное звучание здесь нашли ритуальные действия, направленные на исцеление, врачевание людей; они составляют специфику и основное содержание обряда. Именно на русальной неделе, как полагали в Болгарии, можно ждать исцеления от болезней; ее могли наслать на людей русалии или вилы (самовилы, самодивы) — демонические существа, обладающие силой вершить благодеяния или принести вред людям. Гнев самодивов вызывает «самодивскую болезнь». С целью ее излечения совершали обряд — «хождение на росен» — в глухие места, где растет врачующее болезни растение (росен). Здесь проводили всю ночь, ожидая от вил знака, означающего исцеление или же смерть. Настой из росена считали лечебным, его пили, им обливались. Аналогичны этому обряду и хождения на русальной неделе к «самодивским источникам». Обряды эти совершали и здоровые люди, оставляя дары «за самодивите». Целительно-магическая направленность русального обряда у болгар проявляется и в действиях дружин игроков, называемых в северо-восточной Болгарии «калушари», «русалии». Наиболее детально разработанной стороной калушарских игр являются танцы и особые обряды, направленные на исцеление больных «самовильской болезнью»⁵³. Ведущая роль врачующей магии в русально-калушарском обряде болгар (так же как и у восточных романцев) признается многими крупными учеными, в том числе и посвятившими этому обряду специальные работы. В этом отношении наиболее характерна книга М. Арнаудова «Кукери и русалии», в которой с основанием подчеркивается именно эта сторона обрядности и указывается ее преобладающая роль⁵⁴. Подробное описание обрядов врачевания дают Д. Маринов, который считает их «чисто ру-

сальскими играми»⁵⁵, и Хр. Вакарельский⁵⁶. Несмотря на то что у болгар во время русальной недели совершали и другие действия (например, хождение групп девушек по деревьям с песнями и высказыванием добрых пожеланий хозяевам, сбором подарков; задушница перед пятидесятницей), именно обряды, имеющие целью врачевание, составляют основу и особенность болгарских, как, впрочем, и восточнороманских, русалий. Характерная черта восточнославянского обряда — культ растительности, плодородия, обожествление производящих сил природы — здесь выражена слабо⁵⁷. При таком характере болгарского обряда русалий, существенно отличного от восточнославянского, в нем невозможно усматривать тот обряд, который якобы был воспринят восточными славянами от славян южных.

Еще меньше оснований видеть в балканских русалиях звено в цепи, передающей обрядовую традицию от Рима к восточным славянам. Указанные свойства болгарских русалий не могут быть объяснены особенностями римских розалий. Например, характерные черты русалий у болгар, а также у других народов балкано-дунайского региона, как представляется, несут в себе черты древней фракийской обрядности и объясняются особенностями тех розалий, которые справляли в античности во фракийских землях и которые существенно отличались от римско-италийских розалий⁵⁸. Эти особенности заключались в прямой связи фракийских розалий с местными божествами: совершение этого обряда поручалось здесь, как о том свидетельствуют надписи, членам религиозных союзов, посвященных местным богам (Дионису, Либеру патеру Тасибастенскому, Артемиде-Диане-Бендиде). Любопытно также, что члены этих религиозных союзов во время поздней Римской империи сохраняют свои фракийские имена. Очень важно обратить внимание на черту, характеризующую фракийские розалии: божества, которым во Фракии был посвящен обряд, выступают как здравеносные боги. Именно здесь они приобретают эпитет «выслушивающие», «внемлющие». О. Вайнрайх в специальной работе, посвященной «внемлющим» божествам, и Г. Кацаров в статье о фракийской религии в энциклопедии Паули пришли к заключению, что во Фракии, Мезии и Дакии этот эпитет характеризует врачующие божества. Это прозвище здесь применяется как к Артемиде-Диане и Дионису, так и к Асклепию. Не менее характерны стелы с изображением здравеносных божеств Асклепия, Гигиен и Телесфора, содержащие эпиграфические посвящения Сильвану и Диане, из чего явствует, что Диана и Сильван воспринимались как врачующие божества, отождествлялись или сближались с ними. Надо отметить также, что Артемиде-Диана в изучаемых областях изображается совместно с врачующими божествами — Асклепием и Фракийским всадником. На связь Бендиды со здравеносными божествами указывают совместные изображения

и упоминания в надписях этой богини с Делоптом — фракийским богом-лечителем, а также с Фракийским всадником.

В восточнославянских русальских обрядах нет и другого, характерного для южных славян элемента, — дружин «краслиц», имеющих развитый и своеобразный ритуал и составляющих важнейший компонент русальской обрядности сербов⁵⁹. Отсутствие этих черт в обрядах у восточных славян свидетельствует против теории проникновения античного обряда розалий к этим народам через южных славян.

Таким образом, проследить прямую зависимость восточнославянских русалий от южнославянских невозможно. Может быть (если следовать за Ф. Миклошичем), только название русалий было передано от южных славян из Византии на Русь, но у восточных славян оно оказалось примененным к культовым явлениям иного порядка, чем в области прежнего своего бытования. Повторилось то, что уже ранее, в античное время, случилось с обрядом розалий на Балканах: заимствованный термин покрыл собой древние местные народные обрядовые действия.

Все изложенное заставляет нас отказаться от теории заимствования восточными славянами обряда русалий извне и согласиться с положением, высказанным еще в первой половине прошлого столетия И. М. Снегиревым: «Хотя римские *rosalia*, новогреческие *ρουσάλια* и славяно-русские русалия сходны между собою и празднования оных приходится в одно почти время года в разных странах, но по содержанию своему и местному значению они различны; ибо то и другое заимствовано ими от местности, климата и нравов туземных»⁶⁰.

¹ *Safařík P. J.* O Rusalkách.— *Casopis Českého musea*, 1833, s. 257—273; *Снегирев И.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. IV. М., 1839, с. 5—6, 16—17; *Тереженко А.* Быт русского народа, ч. VI. СПб., 1848, с. 123; *Соловьев С. М.* Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных. СПб., 1876, с. 36, 37, 40 (работа была написана еще в 40-х годах); *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу, т. III. М., 1869, с. 122 и примеч. I; *Фаминцин А. С.* Божества древних славян. СПб., 1884, с. 211.

² *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии, т. I. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916, с. 145, 114—118 (здесь приводятся и другие восточнославянские наименования: купалка, водяница, шутовка, хитка, лешачиха, мавка, навка, лоскутуха и т. д.); *Niederle L.* *Zivot starých Slovanů* *Zaklady kulturních starožitnosti slovanských*, d. II, sv. I. Praha, 1924, s. 58; *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 77.

³ *Вакарелски Хр.* Етнография на България. София, 1974, с. 507.

⁴ *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Переплут.— СА, 1967, № 2, с. 91.

⁵ Наиболее четко оно сформулировано у Хр. Вакарельского (Етнография..., с. 507).

⁶ *Miklosich Fr.* Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen.— In.: *Denkschriften der Akademie*, Bd. XXIV, Wien, 1876, S. 25—26; *Он же.* Die Rusalien, ein Beitrag zur slavischen Mythologie.— *Sitzungsberichte der Akademie Wien*. Philosophisch-historische Klasse, 1864, Bd. LXVI, H. III, S. 386—405.

- ¹ Можно назвать лишь некоторые из этих многочисленных работ: *Tomaschek W.* Über Brumalia und Rosalia nebst Bemerkungen über den bessischen Volksstamm.— Sitzungsberichte der Akademie Wien. Philosophisch-historische Klasse, 1869, Bd LX, H. II, S. 351—404; *Perdrizet P.* Inscriptions de Philippe. Les Rosalies.— Bulletin de correspondance Hellenique, 1900, t. XXIV, p. 299—323; *Nilsson M. P.* Rosalia.— Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft, II Reihe, Hbd I, S. 1115; *Krek G.* Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Graz, 1887, S. 407; *Murko M.* Das Grab als Tisch. Wörter und Sachen. Heidelberg, 1910, S. 142—154; *Vuia R.* Origines jocului de calusarii.— In: Dacoromania, 1922, t. II, p. 221—222; *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 215, 272; *Арнаутов М.* Очерци по български фолклор, т. 2. София, 1969, с. 540, 550 и след.; *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха, т. XI—XVII, вып. 5. Генварские русалии и готские игры в Византии. СПб., 1889, с. 261—262; *Он же.* Валькирии — Welis, Ἐλευσιν ἰουλιεβίου, Вила — Viola.— Там же, с. 287; *Аничков Е. В.* Весенняя обрядовая песня на западе и у славян, ч. 1. СПб., 1903, с. 301; *Зеленин Д. К.* Очерки..., т. 1, с. 112; *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М., 1957, с. 89.
- ⁸ *Шапкарев К. А.* Руссаллии. Пловдив, 1884; *Он же.* Български народни умотворения, т. I. София, 1968, с. 686 и след.
- ⁹ *Веселовский А. Н.* Разыскания..., т. I, вып. 5, с. 261—286.
- ¹⁰ *Веселовский А. Н.* Валькирии..., т. V, вып. 5, с. 287.
- ¹¹ *Нидерле Л.* Славянские древности, с. 215, 272.
- ¹² С-в Н. (Сумцов Н. Ф.). Русалии.— Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, т. XXVII. СПб., 1899, с. 294.
- ¹³ *Арнаутов М.* Кукери и русалии.— Сборник за народни умотворения и народопис, кн. XXXIV. София, 1920, с. 193; *Он же.* Очерци..., т. 2, с. 540.
- ¹⁴ *Веселовский А. Н.* Разыскания..., т. 1, вып. 5, с. 288.
- ¹⁵ *Зеленин Д. К.* Очерки..., т. 1, с. 280.
- ¹⁶ Библиографию работ о розалиях см.: *Nilsson M. P.* Rosalia, S. 1112; *Тодоров Я.* Паганизмът в Долна Мисия. София, 1928, с. 105; *Златковская Т. Д.* К проблеме античного наследства в обрядности народов Юго-Восточной Европы.— СЭ, 1978, № 3.
- ¹⁷ В различных местах розалии справляли в разные дни (в 3, 5, 10-е и другие иды мая; в 10-е, 12-е и другие календы июня, в 12-е иды и другие дни июля), но всегда в период от начала лета (по римским земледельческим календарям — месяц май) до июля (*Nilsson M. P.* Rosalia, S. 1112—1113; *Tomaschek W.* Über Brumalia..., S. 367; *Perdrizet P.* Inscriptions..., p. 300).
- ¹⁸ Указания об этом делаются в различных, но всегда бесспорных вариантах. Или сообщается о том, что тут погребен такой-то, и что розалии должны быть произведены «здесь», «на этом месте». Или же прямо говорится, что розалии следует устраивать «у памятника» (ad monumentum).
- ¹⁹ Надпись указывает, из чего оно должно состоять: из хлеба и вина.
- ²⁰ Все же следует отметить, что о возложении роз говорится много меньше, чем следовало бы ожидать. Правда, я привлекла только те надписи, в которых имеется четкое указание на обряд розалий. Если отойти от этого строгого принципа и использовать (как это иногда делают) и другие надгробные надписи, то упоминания о возложении роз будет встречаться значительно чаще.
- ²¹ Подбор этих источников см.: *Marquardt J.* Römische Staatverwaltung, Bd III. Berlin, 1878, S. 299; *Joret Ch.* La rose dans l'antiquité et au moyen âge. Paris, 1892, p. 107—109.
- ²² *Forcellini.* Glossarium totius latinatis, s. v. Rosalia: «Rosalia sunt solemnna rosarum seu dies, quo rosas in sepulcra ferebantur».
- ²³ *Tomaschek W.* Über Brumalia..., S. 370—372.
- ²⁴ *Nilsson M. P.* Der Ursprung der Tragödie.— Neue Jahrbücher für klassisches Altertum, 1911, Bd XIV, S. 678—679; *Он же.* Rosalia, S. 1112; *Арнаутов М.* Кукери и русалии..., с. 140; *Тодоров Я.* Паганизмът..., с. 105—106.
- ²⁵ *Nilsson M. P.* Rosalia, S. 1112.
- ²⁶ Например: CIL, V, 2072, 4016, 4410, 4489, 4871, 5272, 5907; VI, 9626, 10239,

10248. Как ни странно, об этом говорит и сам М. Нильссон.— Там же. Среди своих аргументов М. Нильссон привел, кроме того, и данные *Kalendarium Lambecianum* 354 г. н. э., в котором под X календами июня стоит: *Macellus gosa sumat*. Как бы ни восполнять эту надпись [*Macellus gosa(s)*] *sumat* — по Ф. М. Авеллино или *Macellus. Rosa sumat(ur)* — Т. Моммзену (цит. по кн.: *Tomasehek W. Ueber Brumalia...*, S. 376), речь идет не об обряде розалий, а об употреблении роз при украшении мясного базара. Бесспорно, что розы играли большую роль во множестве обрядов античности (пиры, различные торжественные шествия, украшение статуй богов и др.), но все причислять к числу розалий было бы, конечно, неверным.
- ²⁷ См., например: *Lucius. Die Anfänge des Heiligenkults in der christlichen Kirche. Tübingen, 1904, S. 306—324.*
- ²⁸ Древнейшие упоминания о русалиях собраны в нескольких работах, из них упомянем след.: *Miklosich Fr. Die Rusalien...*; *Он же. Die christliche Terminologie...*, S. 25—26; *Арнаутов М. Кукери и русалии...*; *Веселовский А. Н. Разыскания...*; *Рыбаков Б. А. Русалии...*
- ²⁹ ПВЛ, с. 112—114 (цит. по: *Рыбаков Б. А. Русалии...*, с. 96).
- ³⁰ *Рыбаков Б. А. Русалии...*, с. 101—103.
- ³¹ Там же, с. 92—95, 105, 106—108, 110, 111.
- ³² *Mansikka V. Y. Die Religion der Ostslaven, Bd 1. Helsinki, 1922, S. 97*
- ³³ У восточных славян русальской неделей называли или семицкую (седьмую неделю) после пасхи, предшествующую дню троицы-пятидесятницы, или же чаще троицкую, восьмую неделю после пасхи, следующую за днем пятидесятницы. Есть и более ранние сроки праздника, связанные с поверьями о появлении русалок (с четверга страстной недели, с пасхального времени), но эти свидетельства единичны, так же как и сведения о наиболее поздних из переходных русальских праздников (на десятую неделю после пасхи). С русальской неделей оказались связанными и неподвижные праздники — день Ивана Купалы (24 июня), Петров день (29 июня) и некоторые другие (*Зеленин Д. К. Очерки...*, т. 1, с. 222—237).
- ³⁴ *Сахаров И. Сказания русского народа, т. II, с. 83; Зеленин Д. К. Очерки...*, т. 1, с. 228.
- ³⁵ *Зеленин Д. К. Очерки...* т. 1, с. 227, 235; *Токарев С. А. Религиозные верования...*, с. 93.
- ³⁶ *Зеленин Д. К. Очерки...*, т. 1, с. 235, 236; Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западный русский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским, т. III. СПб., 1872, с. 186.
- ³⁷ *Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, с. 102; Зеленин Д. К. Очерки...*, т. 1, с. 187; *Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения...*, т. III, с. 145; *Токарев С. А. Религиозные верования...*, с. 93.
- ³⁸ Труды этнографическо-статистической экспедиции..., с. 186; *Зеленин Д. К. Очерки...*, т. 1, с. 220.
- ³⁹ О теориях, истолковывающих эти действия, писали многие; о действиях с зеленой на русальную неделю и библиографию по этому вопросу см., например: *Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня...*, ч. 1, с. 164—168.
- ⁴⁰ *Зеленин Д. К. Очерки...*, т. 1, с. 264.
- ⁴¹ Д. К. Зеленин отметил пять основных его разновидностей (*Очерки...*, т. 1, с. 237 и след.). Многие варианты отмечает и В. К. Соколова, используя и новые данные об обряде.
- ⁴² *Фаминцин А. С. Божества древних славян, с. 201 и след.; Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве.— Труды ГИМ, 1926, вып. 1, с. 12 и след.*
- ⁴³ *Зеленин Д. К. Очерки...*, т. 1, с. 125—127, 188—193.
- ⁴⁴ *Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения...*, т. III, с. 243—244; *Веселовский А. Н. Разыскания...*, т. V, вып. 5, с. 270—271; *Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня...*, ч. 1, с. 303—304; *Соловьев С. М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных. СПб., 1876, с. 36 и след.; Терещенко А. Быт русского народа, ч. VI, с. 145, 149—150; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916, с. 64—65; Niederle L. Život..., II, 1, s. 53, 57, 261 и др.*

- ⁴⁵ *Аничков Е. В.* Весенняя обрядовая песня..., ч. 1, с. 304.
- ⁴⁶ *Токарев С. А.* Религиозные верования..., с. 90.
- ⁴⁷ Эти мнения четко классифицировал С. А. Токарев (Религиозные верования..., с. 91): Гримм и другие мифологи — обряд «проводов» является драматизацией мифа о борьбе времен года, Мангардт — «проводы» знаменуют погребение отжившего духа растительности, Фрезер — обряд является ритуальным убийством божества плодородия, Зибарт, Аничков — обряд знаменует очищение от болезней и спасение от смерти, Зеленин — обряд осуществляет изгнание нечисти.
- ⁴⁸ *Тереженко А.* Быт русского народа, ч. VI, с. 150; *Аничков Е. В.* Весенняя обрядовая песня..., ч. 1, с. 295.
- ⁴⁹ *Снегирев И.* Русские простонародные праздники..., вып. III, с. 101, 108, 109, 114.
- ⁵⁰ На несовпадение в календарном приурочении поминальных обрядов троицко-семикского цикла и русалий мы обратили особое внимание во время экспедиционных работ в Молдавской ССР и Черновицкой обл. УССР (см.: *Златковская Т. Д.* Русалии у молдаван.— В кн.: Итоги полевых исследований Института этнографии. М., 1978).
- ⁵¹ После работ Ф. Миклошича наиболее определенно писал об этом Л. Нидерле (*Niederle L. Zivot...*, s. 55—56); здесь же указаны и работы других сторонников теории распространения русалий от «балканских славян» (с. 55, примеч. 6). Этому же мнению придерживались и многие исследователи-антиковеды: *Tomasek W.* Über Brumalia..., S. 351—404; *Perdrizet P.* In-scriptiones..., p. 299—323.
- ⁵² *Žesevič S.* Elementi naše mitologije u narodnim obredima uz igru. Zenica, 1973, s. 102—103.
- ⁵³ Библиографию работ об обряде исцеления на русальной неделе у болгар см.: *Златковская Т. Д.* К проблеме античного наследства в обрядности народов Юго-Восточной Европы.
- ⁵⁴ *Арнаутов М.* Кукери и русалии..., кн. XXXIV, с. 155—158, 165—171.
- ⁵⁵ *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни обичаи. София, 1914, с. 477—486.
- ⁵⁶ *Вакарелски Хр.* Етнография..., с. 609, 611.
- ⁵⁷ Мнение Д. Маринова о русалках в болгарском фольклоре вообще и о русалках, приносящих урожай, в частности решительно оспаривается в современной болгарской этнографической литературе, см.: *Арнаутов М.* Кукери и русалии..., кн. XXXIV, с. 210; *Он же.* Студии върху българските обряди и легенди, т. II. София, 1972, с. 150; *Вакарелски Хр.* Етнография..., с. 507; *Венедиков И.* Самодивите.— Известия на Етнографския институт и музей, 1963, кн. VII, с. 277.
- ⁵⁸ *Златковская Т. Д.* К истории провинциальной культуры в Римской империи.— В кн.: Проблемы античной истории и культуры, т. I. Ереван, 1977.
- ⁵⁹ *Žesevič S.* Elementi..., s. 96 и след.
- ⁶⁰ *Снегирев И.* Русские простонародные праздники..., вып. IV, с. 16.

В. В. СЕДОВ

СЛАВЯНЕ И ИРАНЦЫ В ДРЕВНОСТИ

Отдельным аспектам языкового взаимодействия древних славян с ираноязычным (скифо-сарматским) населением Юго-Восточной Европы посвящена обширная литература¹. Материалы, собранные лингвистами, определенно свидетельствуют о значительности славяно-иранских лексических схождения и иранском воздействии на славянскую фонетику и грамматику. В. И. Абаев в этой связи писал: «...бросается в глаза обилие специфических скифо-славянских схождения. По количеству и весу сепаратные скифо-славянские изоглоссы далеко превосходят сепаратные связи скифского с любым другим европейским языком или языковой группой»². О тесных славяно-иранских контактах свидетельствуют и иные, неязыковые материалы. Следы иранского воздействия выявляются в славянском языческом культе, антропонимике, этнонимике и в раннесредневековой культуре восточных славян.

Эти материалы стали основой для вывода о том, что древние славяне жили где-то по соседству со скифо-сарматскими племенами. Монолитное рассмотрение славяно-иранских отношений способствовало сложению мнения о непрерывном тесном контакте славян с севернопричерноморскими иранцами. Между тем сама по себе значительность славяно-иранских схождения в области языка и культуры еще не дает оснований утверждать, что в течение всего многовекового периода праславянской истории контакты славян со скифо-сарматами были равнозначными и никогда не прерывались. Поэтому в области изучения славяно-иранских отношений существенным является их периодизация.

В этом направлении большое значение имеет интереснейшая работа О. Н. Трубачева, посвященная лексическим иранизмам в славянских языках³. Исследователь справедливо исключает из числа собственно славяно-иранских те лексические схождения, которые восходят к эпохе контакта диалектов праиндоевропейского языка. К раннему периоду праславянской истории нельзя относить и локальные лексические заимствования из иранского. Последние известны только в части славянских языков (в восточнославянских языках или в южной части их, или в части южнославянских языков и т. п.) и вполне очевидно, что они отражают не праславяно-иранские связи, а относятся

уже к периоду широкого славянского расселения, подготовившего распад общеславянского языка и формирование отдельных славянских языков.

Оказывается, что общеславянские лексические заимствования из иранских языков единичны. Таковы: *bogъ* 'бог', *koтъ* 'загон для скота, небольшой хлев', *gun'a* 'шерстяная одежда' и *torogъ* 'топор'. Кроме первого, все они принадлежат к культурным терминам, обычно независимо от миграций и соседства самого населения самостоятельно передвигающимся из языка в язык. Так, иранское *kata* достигло Скандинавии, а *taraga* — западнофинского региона.

Всесторонний анализ праславянской лексики показывает, что она формировалась в тесном взаимодействии не с иранскими, а с европейскими языками⁴. Среди других языковых материалов также не обнаруживаются таких, которые свидетельствовали бы о ранних тесных контактах славян со скифским миром. Так, фонетические (например, изменение взрывного *g* в заднебный фрикативный *h*⁵) и грамматические (выражение совершенного вида глаголов с помощью превербов, появление генетива-аккузатива, беспредложный локатив-датель⁶) воздействия иранцев на язык славян принадлежат к региональным явлениям и уже поэтому не могут быть отнесены слишком далеко в глубь праславянского состояния⁷.

Скифо-сарматское воздействие на материальную и духовную культуру славян также не затронуло весь праславянский мир, а только его юго-восточную часть.

Отсюда неизбежен вывод о том, что славяне формировались и жили в первый период своей истории где-то в стороне от ираноязычного населения Северного Причерноморья⁸. Второй период праславянской истории характеризуется значительным воздействием иранского языка и культуры на одну из группировок славян, занимавших в славянском регионе очевидно юго-восточное положение.

Исследователи давно обратили внимание на иранское происхождение восточнославянских языческих божеств Хорса и Самаргла. В. И. Абаев убедительно показал, что эти боги имеют скифо-сарматское начало и должны рассматриваться как заимствования от ираноязычного населения Северного Причерноморья⁹. Тот же исследователь заметил, что украинский Вий этимологически и семантически восходит к иранскому богу ветра, войны, мести и смерти (скифский *Vauuka-sūga*, названный Геродотом)¹⁰.

Обнаруживаются также семантические и этимологические параллели между восточнославянским божеством Родом и осетинским *Naf* (Род)¹¹.

Бесспорные иранизмы имеются в этнонимии юго-восточной части славянского мира — хорваты, сербы и, вероятно, русь являются этнонимами иранского происхождения¹². Среди рус-

ских вождей, подписавших в XI в. договор с Византией, были лица с иранскими антропонимами — Сфанъдръ, Прастень, Истръ, Фрастенъ, Фуръстенъ и др.¹³. Иранское наследие проявляется в ряде элементов древнерусской культуры¹⁴.

Следы иранского воздействия на юго-восточную часть славянства обнаруживаются в лексических материалах¹⁵. Существеннее то, что влияние иранского языка проявляется в славянской фонетике и грамматике (см. выше). Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, следует полагать, что в формировании части славянского населения участвовал скифо-сарматский субстрат.

Количество иранских параллелей в языке, культуре и религии славян настолько значительно, что в научной литературе поставлен вопрос о славяно-иранском симбиозе, имевшем место в истории славянства. Вполне очевидно, что это историческое явление затронуло лишь часть славянского мира. По-видимому, нужно допустить, что в этот период часть славян и иранцы жили в тесном контакте в едином регионе.

География элементов иранского воздействия на славян надежно локализует славяно-иранский симбиоз в Северном Причерноморье, где обнаруживается концентрация иранизмов и где ираноязычное население жило длительное время. Абсолютно датировать культурно-языковые явления, отражающие славяно-иранское взаимодействие, не представляется возможным. Вместе с тем очевидно, что этот исторический процесс начался на несколько столетий раньше, чем заселение славянами подунайских областей, поскольку славяне, осваивавшие Подунавье, уже испытали иранское влияние.

Более конкретная картина взаимоотношений между древними славянами и ираноязычными племенами Юго-Восточной Европы восстанавливается по данным археологии.

Этническая карта Восточной Европы скифского времени реконструируется согласно археологическим материалам вполне отчетливо. Обширные области Северного Причерноморья, включающие как степные, так и лесостепные части бассейнов Днепра, Южного Буга и Северского Донца, занимало ираноязычное скифское население. На всей этой территории распространена единая скифская культура, разделяющаяся по второстепенным признакам на несколько локальных групп, очевидно соответствующим отдельным племенам скифов¹⁶. Мысль о принадлежности лесостепных скифских культур неиранскому населению нельзя считать обоснованной. Распространение иранской гидронимии как в степной, так и лесостепной зонах скифского культурного региона, сходство погребальной обрядности в этих зонах, единство антропологического строения и свидетельство Геродота о принадлежности как степного, так и лесостепного населения к скифским племенам позволяют полагать, что некоторые различия между древностями степи и лесостепи

Скифии являются результатом не этноязыкового, а хозяйственно-географического разграничения.

Восточнее скифов в донских и поволжских степях обитали сарматы, принадлежащие по языку также к иранской группе. На северо-восток от скифов и севернее сарматов обширные пространства занимали финно-угорские племена. В лесной полосе Волжского бассейна их древности представлены дьяковской, городецкой и ананинской культурами. Иранское языковое и культурное воздействие на поволжских финнов неоднократно привлекало внимание специалистов¹⁷.

В бассейне Днепра северными соседями скифов были балты. Гидронимические и археологические материалы свидетельствуют, что здесь на границе лесостепи с лесной зоной имел место тесный контакт ираноязычного населения с балтским¹⁸. Балто-иранские языковые связи зафиксированы десятками лексических заимствований из иранских и совместными новообразованиями. «В итоге,— замечает в связи с этим О. Н. Трубачев,— мы уже сейчас представляем себе балто-иранские лексические отношения как довольно значительный и плодотворный эпизод в истории обеих языковых групп»¹⁹. Очевидно, прежде представление о том, что балты были отделены от скифо-сарматского населения славянами, должно быть решительно отвергнуто.

Западными соседями скифов были фракийские племена. Об этом неоспоримо свидетельствуют античные письменные памятники, а в последнее время вопрос о скифо-фракийском пограничье успешно разрабатывался на основе археологических материалов А. И. Мелюковой²⁰.

Скорей всего, где-то на Волини фракийское население вплотную соприкасалось с балтами. Параллели в балтийских и фракийских языках, говорящие о балто-фракийских контактах, неоднократно подчеркивались исследователями²¹. Согласно Т. Сулимирскому, контакт между балтами и фракийцами имел место в VI—III вв. до н. э., когда племена высотской культуры, занимавшие западные районы Подолии и Волини и принадлежавшие к фракийской языковой группе, вплотную соприкасались с балтоязычными носителями милоградской культуры²².

Славянские древности скифского времени должны быть выявлены археологами независимо от данных смежных наук. Поэтому наиболее перспективным в этногенетических исследованиях археологов является ретроспективный метод, заключающийся в поэтапном прослеживании истоков тех или иных археологических культур или их основных элементов в предшествующих по времени древностях.

В настоящее время наиболее ранние достоверно славянские древности относятся к третьей четверти I тыс. н. э. Они известны на широкой территории от Эльбы на западе до Среднего

Днепра на востоке и от южного побережья Балтики на севере до Среднего и Нижнего Подунавья на юге. В зависимости от керамического материала и типов домостроительства эти древности подразделяются на несколько локальных групп, соответствующих диалектно-этнографическому членению славянства того времени.

Поиски истоков славянской культуры третьей четверти I тыс. н. э. приводят к двум крупным массивам римского времени: пшеворской и черняховской культурам²³. А через их посредство удастся определить более раннюю культуру славян, относящуюся к скифскому времени. Таковой является культура подклошевых погребений, датируемая 400—100 гг. до н. э. Территориально ее памятники занимают бассейн средней и частично верхней Вислы и почти целиком бассейн Варты. В среднелатенское время могильники этой культуры достигают среднего течения Одера на западе и припятского Полесья и Волыни на востоке²⁴.

По времени культура подклошевых погребений соответствует первому этапу развития праславянского языка. Это период, когда славянский язык только что начал самостоятельное развитие, постепенно вырабатывая собственную структуру и свою лексику²⁵.

На северо-востоке носители культуры подклошевых погребений вплотную соприкасались с западнобалтскими племенами, занимавшими северо-восточную часть Польши, Калининградскую область и часть Литвы и оставившими так называемую культуру восточнопрусских курганов²⁶. Археология отчетливо свидетельствует о тесных культурных контактах славян с западнобалтскими племенами.

Северо-западными соседями славян в это время, очевидно, были германские племена — носители ясторфской культуры. Они заселяли междуречье Одера и Эльбы и более западные земли, включая Ютландию. Славяно-германские лексические взаимопроникновения древнейшей поры, датируемые В. В. Мартыновым I тыс. до н. э.²⁷, очевидно, относятся ко времени соседства культуры подклошевых погребений с ясторфской.

Около 400 г. до н. э. начинается движение кельтов в Центральную Европу. Постепенно кельтские племена занимают Верхнее и Среднее Подунавье, проникают в Адриатику и, двигаясь вдоль Карпат, доходят до Черного моря²⁸. В III—II вв. до н. э. кельты расселяются в Силезии и Малопольше²⁹ и, очевидно, приходят в непосредственное соприкосновение со славянами — носителями культуры подклошевых погребений.

На юге ближайшими соседями славян какое-то время были фракийские племена. Однако последние в значительной степени жили за Карпатами, поэтому вопрос о славяно-фракийских взаимоотношениях весьма проблематичен.

Таким образом, в первый период славяне жили в стороне

от ираноязычного населения Северного Причерноморья, в окружении западных индоевропейцев: балтов, германцев, кельтов и, вероятно, иллирийцев. И только в латенское время, когда отдельные поселения и могильники культуры подклошевых погребений появились в западноволынском регионе, славяне, видимо, пришли в соприкосновение со скифским миром. Однако это еще не внесло существенных изменений в характер славяно-иранских взаимоотношений. В этот период скифы, как свидетельствуют лексические изоглоссы, имели контакты в целом с европейской группой племен, куда включаются италики, германцы, балты, славяне и тохары³⁰.

Не исключено, что славянская территория уже на рубеже н. э. на востоке достигла Среднего Днепра. Поскольку в сложении зарубинецкой культуры, распространенной в I в. до н. э. и в I в. н. э. в припятском Полесье и среднеднепровском регионе, как и в генезисе пшеворской культуры, участвовали племена — носители поморско-подклошевых древностей, можно полагать, что зарубинецкое и пшеворское население было родственным в этно-языковом отношении. Зарубинецкие племена, кажется, были носителями диалекта, занимавшего в некоторой степени промежуточное положение между славянским и очень близким к нему западнобалтским языком. Ведь зарубинецкая культура сформировалась в основном в милоградском ареале, принадлежащем балтам.

Во II в. н. э. в западнополесских землях и на Воляни расселяются племена восточнопоморско-мазовецкой (или вельбароцеельской, как ее называют некоторые исследователи) культуры: готы и другие восточногерманские племена, среди которых были и иноплеменные жители Нижнего Повисленья³¹. В результате этой миграции значительная часть зарубинецких племен переселяется в северо-восточном направлении, пополнив балтское население Верхнего Поднепровья и бассейна Верхней Оки³². Оставшиеся группы зарубинецкого населения вместе с носителями пшеворской культуры составили основу славян в ареале черняховской культуры.

В последних веках I тыс. до н. э. по всему скифскому ареалу расселяются сарматы. Никаких оснований для предположения о полном вытеснении сарматами скифского населения у нас нет. При этом имели место отдельные миграции групп скифов, например часть их переселилась в Крым. Но в целом сарматское завоевание Скифии, по-видимому, представляло собой инфильтрацию отдельных сарматских групп в среду скифов и сарматизацию последних. Среди скифов распространялась сарматская культура, а язык скифов приобрел особенности, свойственные сарматам, принадлежащим к той же северо-восточной подгруппе восточноиранских языков. В отдельных районах Скифии в сарматский период сохранялась скифская культура (позднескифские поселения на нижнем Днестре).

В самом начале нашей эры сарматы заселяют также между- речье Днестра и Нижнего Дуная — область, принадлежавшую фракийскому населению.

Во II или в самом начале III в. н. э. в Юго-Восточной Европе формируется яркая черняховская культура. Ее ареал находится целиком в пределах скифо-сарматской территории. Вместе с тем очевидно, что черняховская культура не была следствием эволюционного развития сарматской культуры. С другой стороны, также бесспорным представляется и то, что формирование черняховской культуры не сопровождалось вытеснением или уничтожением местного ираноязычного населения.

Скифо-сарматское наследие в черняховской культуре очень значительно. Оно отчетливо проявляется во многих деталях погребального ритуала черняховских труположений. Как и среди ираноязычных племен Северного Причерноморья, в черняховских захоронениях по обряду труположения нередко фиксируются подбой, согнутые в коленях или скрещенные ноги, неоднократно отмечен обычай ссыпать в могилы раскаленные древесный уголь и золу, обычай помещать в могилы пищу для заупокойных трапез в виде кусков тушек баранов или овец, а изредка лошадей, обычай обставлять умерших глиняными сосудами или класть в могилы кусочки мела или краски. В единичных черняховских погребениях отмечена свойственная сарматам искусственная деформация черепов. Все эти скифо-сарматские особенности в черняховских могильниках коррелируются с меридиональными труположениями, что дает основание считать последние наследием похоронного ритуала местного ираноязычного населения.

Скифо-сарматские компоненты проявляются в черняховских могильниках по всей территории их распространения и определенно свидетельствуют о том, что местное иранское население вошло в состав черняховских племен как один из основных этнических компонентов.

Сопоставление деталей строения черепов из скифских, сарматских и черняховских могильников приводит антропологов к такому же выводу — черняховцы в значительной степени были потомками местного ираноязычного населения³³.

Черняховская культура была сложным полиэтническим формированием. Среди черняховского населения, несомненно, были готы, а в западной части ареала этой культуры в этногенезе ее носителей участвовали также местные дако-карпские племена. Однако характеристика их культурных элементов выходит за рамки тематики настоящего доклада.

К славянскому этногенезу и, следовательно, рассматриваемой проблеме прямое отношение имеют пшеворские и зарубинецкие компоненты черняховской культуры. И для пшеворской и для зарубинецкой культур был характерен обряд трупосож-

жения, не свойственный скифо-сарматскому населению Юго-Восточной Европы. По основным своим признакам с погребениями пшеворской культуры сопоставимы черняховские трупосожжения, в которых остатки кремации помещены на дно могильной ямы и сопровождаются фрагментами глиняной посуды вторично обожженной или сложены в глиняную урну опять-таки с явными следами вторичного обжига. Захоронения с обрядовыми признаками, свойственными пшеворской культуре, известны почти по всему черняховскому ареалу, но наибольшая концентрация их наблюдается в лесостепных районах Поднепровья и Поднестровья.

Черняховские погребения, в которых кальцинированные кости наполняют неприкрытую глиняную урну или помещены кучкой на дне погребальной ямы и сопровождаются сосудами-приношениями, связывающей с зарубинецким погребальным ритуалом. Такие трупосожжения известны в основном вдоль северной границы распространения черняховской культуры, там, где прежде обитало зарубинецкое население³⁴.

Другим элементом, свидетельствующим о значительном вкладе пшеворских и зарубинецких племен в черняховскую культуру, является лепная керамика. Анализ последней свидетельствует, что наиболее распространенными в черняховской культуре были лепные сосуды, сопоставимые по формам и прочим деталям с пшеворской и зарубинецкой глиняной посудой. Г. Ф. Никитина, специально исследовавшая лепную керамику черняховской культуры, пришла к заключению, что формирование этой культуры произошло в результате переселения в Северное Причерноморье значительных масс носителей пшеворской культуры из бассейна Вислы³⁵. В археологической литературе не раз отмечалось сходство элементов орнаментации черняховской керамики с пшеворской³⁶.

Пшеворско-зарубинецкие элементы в черняховской культуре количественно занимают второе место после местных скифо-сарматских. Все это заставляет признать участие переселенцев из пшеворского ареала в генезисе черняховской культуры. Движение племен пшеворской культуры в юго-восточном направлении обнаруживается уже в раннеримское время, когда их памятники появляются в верховьях Западного Буга и Днестра³⁷. По-видимому, во II в. н. э. более значительные массы пшеворского населения расселяются в междуречье Днестра и Днепра среди местных ираноязычных племен.

Черняховское население, сформировавшееся в условиях территориального смещения разных племенных групп, оставалось пестрым в этническом отношении. Не исключено, что в разных частях обширного черняховского ареала имели место различные языковые и ассимиляционные процессы, может быть оставшиеся в ряде мест незавершенными из-за относительной кратковременности функционирования этой культуры.

На черняховской территории отчетливо выделяется регион концентрации пшеворско-зарубинецких элементов. Это среднеднепровские земли, верхнее и среднее течение Южного Буга и частично Верхнее Поднестровье, поэтому регион назван подольско-днепровским. Эта область черняховского ареала характеризуется и другими специфическими особенностями: многочисленностью погребений по обряду трупосожжения, сравнительно широким распространением трупоположений с западной ориентировкой, широким бытованием лепной керамики и полужемляночными жилищами.

Как известно, черняховское домостроительство было весьма разнохарактерным. На поселениях этой культуры открыты и наземные жилища деревянных конструкций, и жилища с каменными стенами, и большие многокамерные дома, и углубленные постройки-полужемлянки. Среди нескольких типов последних в черняховское время вырабатывается и получает распространение квадратная в плане полужемлянка с печью или каменным очагом в одном из углов. Во второй половине I тыс. н. э. жилища-полужемлянки этого типа становятся характерным этнографическим признаком одной из плазменных группировок славян. Последние, по-видимому, ведут свое начало от черняховских жилищ подольско-днепровского региона³⁸.

Со славянской раннесредневековой культурой подольско-днепровский вариант черняховской культуры генетически связывает и лепная керамика. Основные формы глиняных сосудов, характерные для названной славянской группировки V—VII вв., эволюционируют из черняховской посуды.

О том, что предками одной из раннесредневековых славянских группировок были носители черняховской культуры, свидетельствуют и материалы антропологии³⁹.

Таким образом, можно утверждать, что основное ядро населения подольско-днепровского региона черняховской культуры составили потомки местных ираноязычных племен и славяне — носители пшеворской культуры. Поскольку скифо-сарматское культурное наследие здесь постепенно отходило на второй план, нужно думать, что в этом регионе иранское население было славянизировано. Распространение здесь трупоположений с западной ориентировкой, по-видимому, отражало этот ассимиляционный процесс.

Следовательно, славянское население внутри черняховской культуры сформировалось в условиях славяно-иранского симбиоза. Значительные следы иранского воздействия, выявляемые в фонетике, лексике и грамматике юго-восточной части славянских языков, а также в мифологии и культуре, очевидно, восходят к славяно-иранскому симбиозу, имевшему место в междуречье Днестра и Днепра во второй четверти I тыс. н. э. Славяно-иранские отношения этого этапа невозможно объяснить маргинальными контактами. Археология устанавливает, что в

истории славянства был период глубокого внутрирегионального взаимодействия славян с иранцами, охватившего почти половину славянского мира.

Известно и племенное название славянской группировки, сформировавшейся в условиях славяно-иранского симбиоза. Это анты, которые, согласно Иордану, в середине I тыс. н. э. заселяли междуречье (или часть его) Днестра и Днепра⁴⁰. Древний историк рассказывает об антах не только в связи с исторической ситуацией первой половины VI в., но и в связи с событиями IV в., синхронными черняховской культуре⁴¹. Очевидно, анты были отдельной племенной группировкой славян, сформировавшейся в результате взаимодействия части славянского населения с субстратным ираноязычным. Сам этноним «анты», скорей всего, имеет иранское происхождение⁴².

В середине I тыс. н. э. на основе пшеворских древностей формируется славянская культура пражского облика, характерными элементами которой являются прежде всего лепные сосуды с усеченно-коническим туловом и наземные дома. Основным ареалом памятников этой группы является территория между Верхним Одером и припятским Полесьем. Кроме того, славяне — носители этой культуры расселились в Среднем Подунавье, на Верхней Эльбе, а также в областях Нижнего Дуная, где они перемешались с другой славянской группировкой.

Область расселения этой племенной группировки славян в общих чертах соответствует территории, которую Иордан отводит *slaven'am* — одной из трех славянских группировок середины I тыс. н. э.⁴³ Культура второй славянской группировки V—VII вв. сформировалась на основе подольско-днепровского варианта черняховской культуры. Наиболее характерными признаками ее являются лепные сосуды с овальным или круглым туловом и полуземляночные жилища, в плане близкие к квадрату, с печами-каменками в углу⁴⁴.

Основной территорией этой племенной группы славян было междуречье Днестра и Днепра, где обнаруживаются наиболее ранние памятники. Отсюда славяне-анты уже в VI в. расселяются в Прутско-Днестровском междуречье и более юго-западных районах Нижнего Подунавья, а также в северо-восточном направлении, в области днепровского левобережья. Византийский историк Прокопий Кесарийский сообщает, что анты занимали уже пространства между Дунаем и утигурами, жившими по побережью Меотийского озера (Азовского моря)⁴⁵.

В междуречье Днестра и Нижнего Дуная встретились и перемешались несколько потоков славянской миграции. Одни из них принадлежали антам, другие шли с севера, из областей, заселенных первой культурно-племенной группировкой славянства⁴⁶.

Сложная картина славянского расселения наблюдается и в землях Среднего Подунавья и западной части Балканского

полуострова. Первыми славянами здесь были выходцы из первого славянского региона (Висло-Одерское междуречье). Но уже на рубеже VI и VII вв. и особенно в VII столетии здесь получают распространение культурные элементы, генетически связанные с древностями антов (глиняная посуда, домостроительство, пальчатые фибулы).

О заселении славянами этой территории двумя основными потоками свидетельствуют не только материалы археологии⁴⁷, но и данные других наук. В частности, Б. Братанич на основе изучения пахотных орудий выявил две древние этнографические зоны, позволившие определенно говорить о двух этапах славянского расселения на Балканах: первом, охватившем значительную часть полуострова, и втором, вклинившемся в середину и поглотившем или вытеснившем на окраины более раннюю группировку славян⁴⁸. Это наблюдение нашло подкрепление в лингвистике — типы рал, характеризующие два потока славянской миграции, разнятся по своей номенклатуре⁴⁹.

В результате смешения потоков славянской миграции в Подунавье и на Балканах специфические элементы антской группировки славян, унаследованные от славяно-иранского симбиоза, по-видимому, оказались потерянными или в той или иной степени стертными. Тем не менее картирование лингвистических (распространение фонемы *γ* в современных славянских языках), этнонимических (хорваты — в Прикарпатье, в Югославии, на Верхней Висле, в верховьях Одера и на Эльбе; север-северяне — в левобережной части Среднего Поднепровья и в Нижнем Подунавье) и археологических (распространение керамики V—VII вв. антского облика: пеньковской в междуречье Нижнего Дуная и Днепра, дунайской в Среднем Подунавье и рюсенской на Эльбе и Заале; распространение жилищ-полуземлянок V—VII вв. типично славянского строения и интерьера) данных обнаруживает значительные совпадения, свидетельствующие о справедливости предлагаемых выше исторических построений.

Выделяемые по археологическим материалам культурные группировки славянства V—VII вв., очевидно, отражают диалектно-племенную дифференциацию на последней стадии развития общеславянского языка. Распад последнего был сложным процессом, заключающимся не только в членении славянской территории, но и в значительной перегруппировке праславянских племен. Диалектно-племенное членение славян середины I тыс. н. э. (венеды, склавины и анты) и существующее ныне трехчастное деление славянства (восточные, западные и южные славяне), являющееся продуктом более позднего исторического процесса, не имеют между собой прямой зависимости.

- ¹ Реферативный обзор работ о славяно-иранских связях сделан в ст.: *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода.— В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962, с. 28—45.
- ² *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 135 (скифами исследователь называет всех севернопричерноморских иранцев, в том числе сарматов, аланов и др., поскольку языки всех этих племен восходят к скифскому).
- ³ *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений.— В кн.: Этимология. 1965. М., 1967, с. 3—81.
- ⁴ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 110—123; *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966; *Stang Chr. S.* Lexikalische Sonderüberstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1972.
- ⁵ *Абаев В. И.* О происхождении фонемы $\gamma(h)$ в славянском языке.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 115—121.
- ⁶ *Топоров В. Н.* Об одной ирано-славянской параллели в области синтаксиса.— Кр. сообщ. Ин-та славяновед., 1960, вып. 28, с. 3—11; *Абаев В. И.* Превербь и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания, с. 90—99; *Он же.* Скифо-европейские изоглоссы, с. 54—79.
- ⁷ Некоторые исследователи (В. Пизани, Ф. П. Филин и др.) высказывали предположение, что переход согласного *s* в *ch* после *i, u, r, k* в праславянском является результатом влияния иранских языков. Однако А. А. Зализняк показал несостоятельность такого объяснения (*Зализняк А. А.* О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами.— Кр. сообщ. Ин-та славяновед., 1963, вып. 38, с. 22).
- ⁸ В этой связи важны и наблюдения О. Н. Трубачева по истории славянской этнонимии. Типологически ранние славянские этнонимы сопоставимы с иллирийскими, фракийскими и кельтскими и эта близость может быть объяснена только контактами славян с этими европейскими племенами (*Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— ВЯ, 1974, № 6, с. 48—67).
- ⁹ *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы, с. 115—117.
- ¹⁰ *Абаев В. И.* Дохристианская религия алан.— В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 5—7.
- ¹¹ *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы, с. 110, 111.
- ¹² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 263; *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений, т. 32; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 130, 131.
- ¹³ *Kalmykov A.* Iranians and Slavs in South Russia.— *Journal of the American oriental society* (N. Y.), 1925, N 45, p. 68—71.
- ¹⁴ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 99—112.
- ¹⁵ *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений, с. 37—44.
- ¹⁶ *Граков Б. Н.* Скифи. Київ, 1947; *Он же.* Скифы. М., 1971; *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968; *Археологія Української РСР*, т. 2. Київ, 1971, с. 33—168.
- ¹⁷ *Vasmer M.* Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung.— In: Preussische Akademie der Wissenschaft. Vorträge und Schriften, Bd V. Berlin, 1941; *Лыткин В. И.* О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках.— Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз. 1951, т. X, вып. 4, с. 385—394; *Гордеев Ф. И.* Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 186—203.
- ¹⁸ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 230—232; *Седов В. В.* Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье.— СА, 1965, № 4, с. 52—62.
- ¹⁹ *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений, с. 20.

- ²⁰ Мелюкова А. И. К вопросу о границе между скифами и гетами.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 61—80.
- ²¹ Wiesner J. Die Thraker. Stuttgart, 1963, S. 43; *Nalepa J.* O sąsiedztwie prabaltów z pratrakami.— Språkliga Bidrag (Lund), 1966, vol. 5, N 23, s. 207—208; *Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969; *Топоров В. Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям.— В кн.: Балканское языкознание. М., 1973, с. 30—63.
- ²² *Sulimirski T.* Ancient Southern Neighbours of the Baltic Tribes.— Acta Baltico-Slavica (Białystok), 1967, t. V, p. 1—17.
- ²³ *Седов В. В.* Славяне в римскую и ранневизантийскую эпоху.— Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975, с. 21—25.
- ²⁴ Более подробно начальный период истории славян см.: *Седов В. В.* Ранний период славянского этногенеза.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 68—108.
- ²⁵ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян, с. 99—103.
- ²⁶ *Okulicz L.* Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.
- ²⁷ *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963; Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969, с. 39—48, 100—113.
- ²⁸ *Filip J.* Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956.
- ²⁹ *Woźniak Z.* Celtowie w Polsce. Kraków, 1968.
- ³⁰ *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы, с. 127—144; *Он же.* О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 12, 13.
- ³¹ *Kuharenko J. V.* Le problème de la civilisation «gothogévide» en Polesie at en Volhynie.— Acta Baltico-Slavica, 1967, t. V, p. 1—18.
- ³² *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 38—48.
- ³³ *Кондукторова Т. С.* Антропология древнего населения Украины. М., 1972, с. 110—112; *Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975, с. 70—84.
- ³⁴ *Кравченко Н. М.* К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— Кр. сообщ. Ин-та археол. 1970, вып. 121, с. 44—51.
- ³⁵ *Никитина Г. Ф.* Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1965; *Она же.* Классификация лепной керамики черняховской культуры.— СА, 1966, № 4, с. 70—85.
- ³⁶ *Сымонович Э. А.* Орнаментация черняховской керамики.— Материалы и исследования по археологии СССР, 1964, вып. 116, с. 345—361.
- ³⁷ *Dąbrowska T.* Wschodnia granica kultury przeworskiej w różnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim.— In: Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne, t. II. Wrocław — Warszawa — Kraków, Gdańsk, 1973, s. 127—254.
- ³⁸ *Varan V. D.* Siedlungen der Cernijachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr.— Zeitschrift für Archäologie (Berlin), 1973, N 1, S. 30—40.
- ³⁹ *Седов В. В.* Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии).— СЭ, 1974, № 1, с. 16—31.
- ⁴⁰ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960, с. 72.
- ⁴¹ Там же, с. 115.
- ⁴² *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян, с. 60.
- ⁴³ *Седов В.* Вивчення етногенезу слов'ян.— Народна творчість та етнографія (Київ), 1967, № 4, с. 41—47; *Kurnatowska Z.* Die «Slavener» im Lichte der archäologischen Quellen.— Archaeologia Polona, 1974, t. XV, s. 51—66.
- ⁴⁴ Картографии раннесредневековых славянских жилищ посвящены работы немецкого археолога П. Доната: *Donat P.* Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhäuser.— Zeitschrift für Archäologie (Berlin), 1970, N 2, S. 250—

259; *Он же*. Bemerkungen zur Entwicklung der slawischen Hausbaues im mittleren und südöstlichen Europa.—*Balcanoslavica* (Beograd), 1975, N 4, S. 113—126.

- ⁴⁵ *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.—*Вестник древней истории*, 1941, № 1, с. 234—242.
- ⁴⁶ *Comşa M.* Directions et étapes de la pénétration des Slaves vers la péninsule Balkanique aux VI—VII siècles (avec un regard spécial sur le territoire de la Roumanie).—*Balcanoslavica*, 1972, N 1, p. 9—28.
- ⁴⁷ На археологических материалах Югославии это попыталась показать М. Любинкович (см.: *Ljubinković M.* Problemi arheoloških istraživanja VI—VII veka u Jugoslaviji, sa posebnim osvrtom na probleme slovenske arheologije.— In: *Materijali III Simpozijum praistorijske i srednjevekovne sekcije Arheoloskog društva Jugoslavije*. Beograd, 1966, s. 83—94).
- ⁴⁸ *Bratanić B.* Uz problem doseljenja južnih slavena.—*Zbornik radova (Filozofskog Fakulteta Sveučilista u Zagrebu)*, 1951, s. 221—248.
- ⁴⁹ *Толстой Н. И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований.— В кн.: *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии*. Л., 1974, с. 23—25.

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЮЖНЫХ СЛАВЯН В VII—X ВВ.

(К проблеме формирования раннефеодальных народностей)

В настоящее время в советской исторической литературе, в особенности в этнографической, все большее признание получают два заключения, имеющие непосредственное отношение к теме доклада. Во-первых, среди признаков и факторов, которыми характеризуется устойчивая этническая общность, важнейшим признается именно этническое самосознание¹. Во-вторых, утверждается, что по самой своей природе этническое самосознание обладает иерархической структурой, воплощающей в диалектическом единстве этнические представления разных таксономических уровней и отражающей в конечном итоге историю формирования самой этнической общности².

К важным методологическим положениям относятся также еще три вывода, характерные для современной марксистской историографии. Согласно первому, принятая на сегодняшний день в науке обобщенная схема поступательного развития этнических общностей (а именно племя — народность — нация) не в состоянии вполне адекватно отразить важнейшие этапы этнической эволюции как прошлого, так и современности, в особенности ход развития этносов в гигантскую и чрезвычайно сложную эпоху между периодами существования первых из названных таксономов (племя и народность)³. Согласно второму выводу, понятие «культура» как критерий уровня этнического развития должно трактоваться в качестве устойчивой широкой совокупности основных форм повседневного быта; решающую роль при этом играют не разнообразие предметов, орудий и изделий искусства, даже не их совершенство, а масштабы их распространения, способ и форма использования, степень овладения их техническими свойствами⁴. Наконец, соответственно третьему выводу, среди всей массы материалов, позволяющих исследовать процесс становления и развития этнического самосознания, определяющее значение имеют письменные источники; степень важности данных археологии, лингвистики, сравнительной этнографии, фольклора, ономастики, топонимики, антропологии и т. п. находится в прямой зависимости от скудости или обилия письменных материалов⁵.

Это третье заключение, принимая во внимание аспект трактуемой проблемы, мы дополнили бы еще одной оговоркой: весьма важно располагать письменными источниками, принад-

лежащими перу представителей прежде всего самого исследуемого этноса.

Все сказанное выше дает представление о тех трудностях, которые ожидают исследователя при решении вопросов, отраженных в названии данного доклада. Практически наука не располагает письменными источниками, принадлежащими южному славянству и датируемыми периодом до начала X в. Поэтому значительная часть наших заключений неизбежно будет носить характер логической реконструкции, т. е. более или менее вероятной научной гипотезы.

Как показано в новейших этнографических исследованиях, этническое самосознание представляет собой чрезвычайно сложное понятийно-психологическое явление, в котором можно вычленилть важнейшие составляющие его компоненты. Главенствующую роль этнического самосознания среди факторов и признаков устойчивой этнической общности обуславливает то, что оно как бы синтезирует в себе все эти признаки и факторы, является их мировоззренческим и психологическим обобщением, представляет собой осознанную каждым представителем этноса, хотя и в разной мере, но тем не менее вполне определенную систему ценностей, неотъемлемое достояние этноса в целом и любого из его членов в отдельности⁶. Этническое самосознание выступает в качестве конечного итога и мыслительной санкции всех основных факторов, которые формируют любую этническую общность⁷.

В этническом самосознании находят отражение и условия существования этноса (особенности его жизненного пространства, характерные для него природа и климат, специфика устойчивой хозяйственно-бытовой системы, т. е. весь комплекс культуры в том ее широком смысле, о котором было сказано выше), и его собственные отличительные признаки (язык, нравы и обычаи, религия, представление об общности происхождения, формы почитания предков, историческая память о важнейших событиях и героях и т. п.)⁸.

Соотношение, степень важности перечисленных компонентов, как и самое их количество, не оставались и не остаются постоянными; они исторически обусловлены. Они могут варьировать также в зависимости от социального статуса индивида (а в классовом обществе этническое самосознание неизбежно социально окрашено)⁹, от рода его занятий, возраста, пола, культуры, религиозных представлений, от диалектно-областных и других отличий. Однако доминанта компонентов этнического самосознания, их определенная и всеобщая для этноса совокупность обеспечивается при нормальной смене поколений почти биологически наследственно, на уровне передачи решающего комплекса этнической информации в процессе семейного воспитания¹⁰.

Этнографы строго различают понятия «этнос» и «эсо», или

этносоциальный организм (или, как, может быть, точнее выразились С. И. Брук и Н. Н. Чебоксаров¹¹, этнополитическое единство). Устойчивая этническая общность в историческом плане может рассматриваться как внеформационное явление, сохранение которой хотя и находится в зависимости от государственных форм существования этноса, но может обеспечиваться и при отсутствии этого фактора. Подобного рода этническое единство также историческая категория, с ходом времени оно может утрачивать отдельные признаки либо, напротив, обретать новые.

Этносоциальный (или этнополитический) организм — понятие формационное в каждом конкретном случае: помимо общих для этноса признаков и факторов такая общность характеризуется доминирующим в ее среде способом производства, спецификой социальной системы, типом государственной власти¹². К примеру говоря, если раскиданные по современному миру колонии армян с их языком, собственной письменностью, монофизитским исповеданием, своей культурой и исторической памятью можно определить как этническую общность (этнос), то понятие этносоциальный организм приложимо лишь к армянским государственным образованиям далекого прошлого (VII—XIII вв.) и современной Армянской ССР.

Поскольку мы должны сконцентрировать внимание на периоде с VII по X в., совпадающем с эпохой становления южнославянских (и не только южнославянских) государств, постольку, следовательно, в центре нашего рассмотрения должен находиться процесс формирования не этноса вообще, а этносоциального организма, т. е. процесс формирования южнославянских народностей как этнической категории, которая — соответственно принятому в нашей науке тезису — характерна для эпохи утверждения и развития феодальных производственных отношений. Следовательно, термин «этническое самосознание» мы должны употреблять применительно не к этносу, а к этносоциальному организму, концентрируя внимание на тех компонентах этнического самосознания, которые отличают данную этническую общность от просто этноса.

Процесс формирования этнического самосознания (в указанном смысле), т. е. становления самосознания народностей в среде южных славян, и процесс формирования их государственности, оказываясь таким образом неразрывно связанными и взаимообусловленными сторонами двуединой проблемы, причем ход консолидации этносоциальных организмов в целом в эту эпоху был оборотной стороной дезинтеграции этнических общностей на их таксономическом уровне, соответствующем догосударственным формам существования этноса. В период перехода от первобытнообщинного строя к феодальному доминантой развития были консолидация и интеграция не старых, а новых общностей¹³. Проще говоря, применительно к славя-

нам это был период прогрессирующего углубления этнической иерархии в недрах общеславянской общности и вызревания раннефеодальных славянских народностей.

Следовательно, при крайней скудости конкретных исторических данных, способных служить целям раскрытия процесса становления народностного самосознания южных славян, мы будем вынуждены использовать в качестве косвенного источника такие свидетельства, которые дают некоторое представление об общем уровне их социально-экономического и общественно-политического развития.

История застаёт славян (я не касаюсь самых ранних и глухих известий) в эпоху их столкновения с позднеантичным миром. Многотысячелетний период внутреннего развития, совершающегося вне прямых тесных контактов с цивилизованными странами, завершился, найдя яркое выражение в массовых передвижениях, в бурной экспансии славянства на огромных пространствах Европы.

Экспансия славян была, несомненно, одним из завершающих этапов Великого переселения народов. Характерно, что в последнее время и археологи, и лингвисты особенно настойчиво выдвигают тезис, согласно которому без самого пристального и комплексного исследования проблемы Великого переселения этническая история раннего славянства достаточно убедительно воссоздана быть не может.

Ни археология, ни лингвистика не подтверждают положения о том, что важными причинами переселения были некий «демографический взрыв» или острая нехватка годных для обработки или выпаса скота земель. Вряд ли переселение славян может быть объяснено также интенсивным давлением гуннов, которые «сдвинули» народы с их места и вызвали своего рода «цепную реакцию»¹⁴. Переселения народов имели место и до гуннов (древние германцы) и после них.

Видимо, в целом справедливый тезис, принятый в нашей науке, что Великое переселение было вызвано процессом классовобразования в недрах «варварского» общества, процессом распада первобытнообщинных отношений и переходом их в последнюю стадию — стадию военной демократии, слишком общ и нуждается в конкретизации.

В движение пришли огромные массы людей. Война и грабеж как важнейшее занятие стали характерны не только для выделяющейся племенной верхушки, но и для всех равноправных членов племени, не только для кочевников, вечно враждовавших с оседлым миром и друг с другом, но и для устойчиво оседлых земледельческих народов.

Общество переживало в это время трагические потрясения, стоившие бесчисленных жертв. Равновесие в его недрах оказалось нарушенным. Проблема дальнейшей узурпации племенной верхушкой общественных функций управления и распоряжения

прибавочным продуктом, как и проблема превращения этого порядка в постоянно функционирующую систему, не могла найти решения внутри племени без острых конфликтов. Появились неравенство, социально униженные слои племени, целые племена — данники более сильных соседей, зародилось рабство. Состояние социальной неустойчивости и тревоги становилось господствующим психологическим климатом для подавляющего большинства рядовых свободных общинников-соплеменников.

Обладание богатством даже без его производительного использования стало показателем социального статуса, обеспечением престижа, важнейшим условием сохранения своего прежнего положения в социально дифференцирующемся обществе.

Богатства, к которым стремились «варвары» в эту эпоху, были главным образом движимым имуществом: деньги, золото, серебро, драгоценные и высокохудожественные изделия, дорожное оружие и одежда, скот и рабы-пленники. Все ранневизантийские авторы, повествующие о славянах VI—VII вв., неизменно говорят о ненасытной жадности «варваров»¹⁵. Рабы-пленники, уводимые ими из набегов на земли империи, также обычно употреблялись не для нужд индивидуальных и общинных хозяйств, а для выкупа или выгодного торга.

Жестокий грабеж чужих племен, народов, государств, погоня за богатством, добываемым в бою, были внешним выражением крайне обострившихся внутренних противоречий, их временным разрешением вовне. Это состояние общественной жизни племен стало, по-видимому, в течение определенного времени естественным жизненным укладом для большинства соплеменников, но особенно оно отвечало интересам племенной аристократии, ставшей организатором и грабительских походов, и самих массовых переселений.

Оставление привычных мест обитания, изменение — и не всегда выгодное — экологической и климатической среды, уход от могил предков, жестокие лишения в пути, драматические столкновения с другими народами, трудности преодоления огромных пространств с семьями и необходимым скарбом, перегоны скота, постоянная готовность к обороне, союзы и смешение с «чужими» этническими общностями — все это в той или иной конкретной ситуации не могло не вызвать глубоких этнических сдвигов, во всяком случае появление новых черт этнического самосознания. Недаром лингвисты, хотя и признают в настоящее время диалектную сложность праславянского языка¹⁶, датируют в целом начало интенсивного языкового разобщения славянства именно III—V вв., т. е. началом его массового переселения¹⁷.

Как недавно справедливо, на наш взгляд, отмечено в историографии, историки до сей поры мало отдают себе отчета в крайней сложности социальной и политической структуры об-

щества непосредственно перед его организацией в государство¹⁸. Польский ученый Г. Ловмянский подчеркивает, что основными положениями его концепции раннефеодальной государственности у славян являются два тезиса: 1) сравнительно позднее становление устойчивых государств и 2) высокий уровень политической организации славян на последней стадии племенного быта¹⁹.

Весьма важно, по нашему мнению, также замечание О. Н. Трубачева, что, видимо, общим и застарелым недостатком в науке является недооценка значения коммуникаций и информации в далеком прошлом²⁰. Конечно, много племен было вытеснено с мест своего старого обитания другими, немало народов должны были изменить маршрут своего первоначального движения, но на общем фоне переселения в IV—VII вв. и кочевых и земледельческих племен все-таки прослеживается их главное направление — направление к границам, а затем и в пределы древних цивилизованных стран, где, как «варварам» было хорошо известно заранее, и сконцентрированы желанные для них богатства.

Итак, переселения требовали и хорошей предварительной организации и точной информации как о месте нахождения богатых стран, так и о максимально удобных путях приближения к ним.

На границах Византийской империи (к северу от Дуная) славяне появились как постоянное население, по-видимому, не ранее середины V в. Полагают, что основные сведения о быте и нравах славян Прокопий Кесарийский получил непосредственно при общении со славянскими наемниками в войске Юстиниана в Италии и эти данные отражают положение дел на первую треть VI столетия²¹. Согласно представлениям Прокопия, славянам еще не было тесно на левом берегу Дуная: жили они там «рассеянно», так как «занимают обширные земли», концентрируясь преимущественно в долинах рек и нередко меняя места поселения²².

Этническое самосознание славян (впоследствии южных) в эту эпоху характеризовалось, по нашему мнению, еще относительно слабой дифференцированностью, неустойчивостью, которая в некоторые периоды проявлялась в укреплении (или регенерации) сознания общеславянского единства. Скупые свидетельства источников как будто подтверждают это мнение.

С одной стороны, несомненно, что в это время сознание общеславянского единства и одновременно тесной племенной общности отражало два основных компонента этнической иерархии в среде славян. Само название «славяне» было общим родовым понятием для всех славян и наиболее точно свидетельствовало об общности их этнического самосознания. Недаром (при всех нюансах огласовки и переосмысления) именно под этим наименованием славяне фигурируют и в западных (латинских), и в

восточных (арабских, сирийских), и в византийских (греческих) памятниках VI—X столетий²³. Недаром среди первых известных имен славянских деятелей, упоминаемых источниками, в особенности среди имен вождей, предводителей и князей, огромное распространение, независимо от того, о каком славянском регионе идет речь, получили имена с окончанием на «-мир» и «-слав» (Болеслав, Бомислав, Владислав, Годислав, Домослав, Звинислав, Здеслав, Преслав, Прибислав, Радослав, Ростислав, Святослав, Святополк, Собеслав, Часлав и т. д.)²⁴. Независимо от того, находятся ли в какой-либо связи эти данные ономастики с этнонимом «славяне» (этимология антропонима «слав» считается установленной, а этимология этнонима «славяне» — загадочной), единство имен расценивают в науке как важный признак общности этнического самосознания²⁵.

Это единство этнического самосознания славян подтверждают и близость их языка в эту эпоху²⁶, и единство — в ее главенствующих чертах — материальной культуры²⁷, и сходство ритуала захоронения (трупосожжение), несомненно связанного с какими-то общеидеологическими, религиозными представлениями²⁸, и близость самого антропологического облика славян, которая была, по мнению византийских авторов, их общей отличительной, бросающейся в глаза особенностью²⁹.

С другой стороны, есть данные, которые нельзя истолковать иначе, как доказательство того, что в сознании славян того времени именно племенные рамки обеспечивали каждому члену племени лучшие условия выживания и благосостояния. Славяне имеют, пишет Псевдо-Маврикий, много архонтов и рексов, которые несогласны между собой и часто враждуют; во время военной опасности каждый архонт велит членам племени «биться только за своих»³⁰. Они не имеют единой верховной власти, сообщает Прокопий³¹, и задача, по словам Псевдо-Маврикия, состоит в том, чтобы, внося раздор в их среду, не дать им соединиться в «монархию»³².

По мнению Р. Бенедикти, в историографии по старой традиции до сих пор придается неверный смысл свидетельству Прокопия, что «славяне и анты не управляются одним человеком, но издревле живут в демократии»³³. Согласно наблюдениям Бенедикти над текстом сочинений этого автора и его современников, термин «демократия» употреблен здесь не в античном значении «народоправство» как система политической организации, а в византизированном значении «анархия», «отсутствие законного порядка», «своеволие небольших групп людей»³⁴.

Хотя стабильными и определяющими этническое самосознание славян оставались в эту эпоху признаки, характерные для племенного и общеславянского единства, доминирующей и быстро прогрессирующей линией этнического развития было оформление этносоциальных организмов, а вместе с тем и развитие новых элементов этнического самосознания.

Данные об этом в письменных источниках носят косвенный характер, но их истолкование в указанном смысле, кажется, оправдывается контекстом описываемых событий.

Уже давно в литературе обращено внимание на известия VI—VII вв. о существовании обширного антского союза племен³⁵. Для наших целей не столь важно, иранским или славянским был сам этноним «анты», входили в союз только славяне или также другие народы³⁶. Важно, что источники определяют антов в основном, несомненно, как славян³⁷. Важно, что этот союз, сколь неустойчив он ни был, просуществовал около двух столетий³⁸. Важно, наконец, что уже во второй половине IV в. во главе антов стоял вождь (по имени Бож), которому были подчинены 70 старейшин³⁹.

Этот союз сложился, по всей вероятности, уже в начальный период переселений славян и, в частности, их столкновений с готами. Можно, видимо, предполагать, что таких союзов родственных и неродственных племен, союзов временных и довольно устойчивых, было создано в ходе переселения немало. Видимо, о каких-то прочных союзных связях славянских всждей Ардагаста и Мусокия в конце VI в. рассказывает Феофилакт Симокатта. Их воинская солидарность и готовность спешить друг другу на помощь была коварно использована византийцами⁴⁰.

Из сообщения Прокопия о том, что анты то враждовали, то мирились со «склавинами»⁴¹, можно заключить, что и «склавины» (или их часть) также были объединены в военный союз. Псевдо-Маврикий пишет, что отдельные «земли» славян к северу от Дуная достигали значительной протяженности и для успешной борьбы с крупными «землями» необходимо было несколько тысяч воинов регулярного войска⁴².

По сообщению Менандра, один из вождей антского союза, Мезамир, посланный по общему решению антов с миссией мира к аварам в 80-х годах VI в., проявил перед каганом не только гордость своим союзом, но и неуместную заносчивость и погиб⁴³. Примерно в то же время другой славянский вождь, Даврентий (или Даврита), вместе с подчиненными ему князьями отвечал аварскому послу, что нет еще такого человека под солнцем, который мог бы преодолеть «нашу силу... мы привыкли владеть чужой землей, а не другие — нашей. И в этом уверены, пока есть на свете война и мечи»⁴⁴.

Разумеется, эти свидетельства отдают риторикой и не могут быть расценены буквально. Однако вряд ли следует сомневаться, что традиции межплеменной взаимопомощи и воинской солидарности, общие герои в кровавых битвах, общие неудачи и успехи в совместных походах все теснее сплачивали племена-побратимы, племена-союзники, и этот процесс не мог не ознаменоваться началом преодоления узких племенных рамок, находя отражение и в сознании членов межплеменного союза, не мог он быть и в равной мере интенсивным среди участников вре-

менных и постоянных союзов, союзов, заключенных в ходе переселения, и союзов территориальных.

В пользу существования довольно крупных объединений племен еще до расселения славян на Балканах может быть истолкован и тот факт, что они организовывали массированные, требующие огромных ресурсов и людской силы осады крупных византийских городов, а также тот факт, что, расселяясь на Балканах в конце VI — начале VII в., большинство славян оседало в определенном месте компактными массами, многие из которых носили особые названия (точнее, самоназвания). Историки-русисты пришли в настоящее время к выводу, что фигурирующие в русской летописи в качестве названий племен такие наименования, как «поляне», «северяне», «кривичи», «древляне», «вятичи», «дреговичи» и т. п., являются рудиментарными: под ними для VIII—IX вв. следует понимать не собственно племена, а союзы племен⁴⁵.

Нам представляется, что то же самое следует иметь в виду, когда идет речь об осевших на Балканах «северах», «кривичинах», «драгунитах», «смолянах», «милингах», «езеритах», «сербах», «хорватах» и т. п.

Можно ли думать, что лишь два племени (милинги и езериты)⁴⁶ более 200 лет практически не подчинялись властям Пелопоннеса, осаждали крупные города, сохраняли автономию, сопротивлялись спустя шесть столетий крестоносцам и уцелели как этнографическая общность до XV столетия?

Не менее важен для изучения проблем этногенеза и формирования этнического самосознания вопрос об отношениях славян с кочевыми народами в IV—VII вв. О кардинальном значении этого фактора в своих последних работах настойчиво говорили такие известные советские археологи, как П. Н. Третьяков⁴⁷ и М. И. Артамонов⁴⁸. Не является ли сама столь необычная для прочих народов Европы общеславянская общность продуктом многовекового (еще с глубокой древности) противостояния славян мобильному и, как правило, враждебно-миру кочевников?

Центральными вопросами при этом являются собственно даже не этнические вопросы, а проблема сравнительного уровня социально-экономического и общественно-политического развития славян и кочевников и роль кочевых народов в становлении славянской государственности.

Кратко остановимся на аваро-славянской и протоболгарско-славянской проблемах (гуннский союз и время его существования лежат за пределами избранных здесь хронологических рамок).

Аварское племенное объединение, включавшее в себя множество разнородных народов, и в первую очередь славян, под главенством тюркского племени аваров, нередко квалифицируется в зарубежной современной литературе как государство

(каганат)⁴⁹. Нам представляется более верной точка зрения, которая в настоящее время выдвигается учеными, специально занимавшимися аварской проблемой и характеризующими это объединение как догосударственный, чисто военно-политический союз, основанный на военном подавлении и подчинении иноплеменников. Структура аварского союза, говорит Б. Застерова, выросла из потребностей кочевого быта; она была нацелена на захват и ограбление покоренных народов и на сбор с них дани; степень общественного расслоения в собственной среде аваров была более низкой, чем у подчиненных ими земледельческих народов⁵⁰.

Отнюдь не случайно, что при всем пристрастии иногда прилагаемых усилий учеными до сих пор не обнаружены достаточно отчетливые следы аварского влияния на социальный, общественный, политический и хозяйственный уклад народов, живших в ареале их владычества⁵¹. Ядро этого «каганата», составлявшее его ударную и полицейскую силу, насчитывало, по Менандру, едва 20 тыс. человек⁵². Резко отгороженные социально и этнически от большинства населения своего союза, они, по всей вероятности, быстро сокращались численно. По сообщению того же автора, стремясь пополнить свои ряды, авары воспитывали в своей среде потомков плененных христиан и по истечении 60 лет после взятия в плен отцов или дедов своих воспитанников считали уже их «своими»⁵³.

Вся история аварского объединения с середины VI до конца VIII в. предстает как история постепенного угасания его мощи. Славянские народы не приняли форм жизни аваров прежде всего, по нашему мнению, потому, что уже обладали собственными социальными организациями. Аварское господство над рядом славянских народов (в частности, в Паннонии) продлилось до IX столетия, для южных же славян, как показал недавно собравший и кратко прокомментировавший письменные свидетельства об аварах венгерский ученый С. Скадецки-Кадрош⁵⁴, оно практически закончилось после разгрома аваров под Константинополем в 626 г. Само аварское владычество было возможным лишь при использовании ими уже сложившихся у славян социальных и общественно-политических институтов. Ослабление племенного аварского ядра насильственно созданного ими союза сопровождалось восстаниями подчиненных аварам племен и освобождением от их власти. Славянские села Карантании (Хорутании) уже в конце VI в. изгоняли присылаемых к ним каганом в качестве правителей «жупанов»⁵⁵.

Фактор военного преобладания кочевого народа над земледельским далеко не всегда может быть расценен как свидетельство развитой социальной структуры общества кочевников. Обладание движимым и самодвижущимся имуществом, относительно обеспеченная в любой момент безопасность семей, строгая военная организация, деспотическая власть хана — все

это было неотъемлемыми атрибутами кочевого быта и все это при сохранении прежней системы хозяйства крайне медленно подвергалось переменам.

Столь же рискованно судить о зрелости социальных отношений внутри кочевого общества на основе данных археологии, свидетельствующих об относительном богатстве могил кочевников. Во-первых, немало сопутствующих этим захоронениям дорогих или первоклассных по технике изготовления предметов имеют своим происхождением либо военный набег на другие народы, либо дань, либо мастерство пленных ремесленников, либо торговые связи. Во-вторых, не несущий расходов на организацию оседлого земледельческого хозяйства и сооружение постоянного жилища кочевник имел возможность аккумулировать в своих руках действительно больше ценных движимых богатств, чем земледелец. В-третьих, обычай зарывать в могиле умершего дорогие ему при жизни предметы может быть свойственным разным народам в различной степени в зависимости от их религиозных представлений, а не в силу высокой степени благосостояния или имущественной дифференциации. Но главное. в-четвертых: о степени зрелости социальной структуры общества на основе его материальной культуры можно судить, как уже говорилось в начале доклада, не по тем или иным ее элементам, а по всей ее совокупности и прежде всего по хозяйственно-культурному типу, свойственному носителю данной культуры. Как отметил Э. А. Рикман, в I—II вв. позднесарматские могильники в Днестровско-Прутском междуречье в целом богаче могильников черняховцев от IV в. ⁵⁶, хотя, несомненно, черняховское общество было социально более высоко развитым.

Именно земледелие, развитие хозяйственной и общественной структуры оседлого населения составляли фундамент устойчивых раннефеодальных государств, сформировавшихся в V—X столетиях ⁵⁷.

Принимая во внимание отличия и существенные нюансы в хозяйственной жизни и культуре протоболгар сравнительно с гуннами и аварами, мы, однако, не можем не учитывать только что приведенного положения при оценке и роли протоболгар в образовании Первого Болгарского царства.

В последние десятилетия протоболгарской проблеме было уделено большое внимание. При всех различиях в оценках большинством исследователей признают, что по своей численности протоболгары, как выразилась В. Тыпкива-Займова, составляли «каплю в славянском море» ⁵⁸, что количество оставленных ими памятников материальной культуры многократно уступает славянским ⁵⁹, что в лексику болгарского языка проникло едва 4—5 десятков протоболгарских слов ⁶⁰, что следы их влияния на быт, нравы, обычаи славян в целом незначительны ⁶¹, что самый их антропологический тип уже в момент вторжения не был чисто монголоидным ⁶². Констатируется также и то, что в

течение по крайней мере столетия протоболгары сохраняли кочевой быт, о чем неопровержимо свидетельствуют обнаруженные археологами следы их круглых или овальных в плане жилищ (юрт) ⁶³.

Трудно сказать, какие элементы более высокой сравнительно со славянской материальной культуры протоболгар послужили фактором ускорения социального и политического прогресса в Мизии. При несомненных генетических связях протоболгарской культуры с культурой Поволжья, Предкавказья и Приазовья нельзя не считаться с тем, что в VII в. в самой «Великой Булгарии» уровень культуры был значительно более низким ⁶⁴. Балкано-дунайская культура носит синкретические черты, ведущие в Северное Причерноморье, и связана, видимо, отнюдь не с одним протоболгарским этносом ⁶⁵. Кроме того, в IX столетии, когда в качестве культуры Первого Болгарского царства она широко распространилась к северу от Дуная, ее можно рассматривать как результат последующего совместного развития славяно-протоболгарского общества ⁶⁶.

Остаются тем не менее непреложными два кардинальных факта: 1. Государство как активная, политически организованная сила ярко проявило себя в северо-восточном регионе Балкан лишь после вторжения войск Аспаруха. 2. В течение полутора веков главенствующие высоты в молодом государстве оставались в руках протоболгарской аристократии.

Протоболгары, несомненно, сыграли крупную роль в утверждении власти социально господствующих слоев славяно-протоболгарского общества ⁶⁷, в организации обороны развивающегося государства от внешних врагов (прежде всего от Византии) и расширении его границ ⁶⁸. Но само государство не было принесено кочевым народом из Приазовья ⁶⁹. Его внутренние, базисные предпосылки уже сложились в недрах местного славянского земледельческого общества, развитие которого значительно ускорилось на захваченных у империи землях под влиянием более развитой византийской цивилизации ⁷⁰.

Приход протоболгар ознаменовался подчинением ими местных политических организаций славян ⁷¹. Но удержать власть, обеспечить эффективное функционирование своего аппарата управления они могли, лишь опираясь на уже созданные здесь социальные и общественные институты ⁷². Оставили они, видимо, и большинство славянских князей во главе своих племен (или союзов племен). Даже в начале IX в., при Круме, представители славянской аристократии присутствовали на пирах кагана ⁷³.

Анализируя известия Феофана Исповедника и патриарха Никифора, исследователи пришли к выводу, что до прихода протоболгар Аспаруха в Мизии среди прочих славянских групп господствовали два объединения («Семь племен», или «Семь родов» ⁷⁴, и северы) и что политика Аспаруха по отношению к

ним была различной⁷⁵. Славяне «Семи племен», бывшие, скорее всего, до прихода протоболгар федератами империи⁷⁶, должны были по приказу кагана переселиться на юг и запад, на границу с «Аварией», а северы были поселены на востоке — для охраны от византийцев горных проходов через Балканский хребет⁷⁷. Северы, по всей вероятности, пользовались среди других славянских образований в Мизии особенно значительной автономией под властью протоболгар⁷⁸. В 764 г. византийский император во время военных действий против Болгарии приказал выкрасть у северов их князя (архонта) Склавуна (Славуна), причинившего особенно много хлопот императору во Фракии⁷⁹.

Конечно, протоболгары выселили из центральных районов страны (область Плиски и Преслава) отнюдь не всех славян. Археологи обнаружили чисто славянские поселения, существовавшие здесь в течение нескольких столетий непрерывно начиная с VII в.⁸⁰ Сама Плиска была славянским поселением до превращения ее в столицу Болгарии⁸¹. По мнению некоторых болгарских историков, ассимиляция протоболгар славянами была гораздо более длительным процессом, чем часто полагают; еще в X и XI вв. протоболгары сохранили свою яркую индивидуальность⁸². Однако этот вывод, скорее всего, справедлив лишь относительно определенных кругов высшего социального слоя протоболгар. Сравнительная быстрота и основательность процесса ассимиляции выразилась в безраздельном господстве в качестве государственно-официального, а затем и церковно-литургического славянского языка уже во второй половине IX в.⁸³, в появлении славянских имен еще до принятия христианства среди членов правящей семьи и самих каганов⁸⁴, в активной поддержке правителями Болгарии — представителями протоболгарской династии дела распространения славянской письменности и т. п.

Что касается собственно этногенеза болгарского народа, то значение протоболгарского элемента было, по-видимому, весьма незначительным. Как этническая общность болгарская народность сложилась еще до того, как завершилась полная ассимиляция остатков протоболгар.

Сложнее, однако, обстояло дело с оформлением раннефеодальной болгарской народности как этносоциального (этнополитического) организма. Протоболгары не обладали тем минимумом физической численности и тем хозяйственно-культурным типом, которые обеспечили бы победу протоболгарского элемента, утверждение тюркского языка и ассимиляцию ими славян⁸⁵.

Однако они господствовали политически, а значение политического фактора было в средние века в процессе становления народностного самосознания чрезвычайно велико⁸⁶. Одним из неотъемлемых компонентов этнического самосознания в условиях того времени было также представление о монархическом

принципе организации государственной власти в стране⁸⁷. Недаром этническое самосознание связано обычно с убеждением в общности происхождения от одного предка, который нередко отождествляется с первым вождем праотцов⁸⁸.

Первыми государями славянской по преимуществу страны оказались протоболгары, обладавшие на первых порах устойчивыми традициями собственного этнического самосознания. Яркое проявление оно нашло, в частности, в составлении «Именника болгарских ханов», который начинался с имени Испора (Аспаруха). «Именник» служил, несомненно, целям официальной государственной политики и находился в прямой конфронтации с исторической памятью, легендами, поверьями и мифами местного славянства. Тем же целям служило и официально утверждаемое и в конце концов утвердившееся название государства — «Болгария», образованное от этнического самоназвания протоболгар⁸⁹.

Б. Графенауер, отмечая важность государственной традиции в оформлении народностного самосознания, полагает даже, что в раннефеодальных государствах оно было не столько *Völkereinsinnung*, сколько *Staatseinsinnung*, т. е. было сознанием принадлежности не столько к данному этносу, сколько к данному государству⁹⁰.

Это мнение вполне резонно по отношению, например, к Византийской империи VI—X вв., но оно не может быть одинаково справедливым по отношению ко всем раннефеодальным государствам Европы⁹¹. *Staatseinsinnung* является, несомненно, неотъемлемым компонентом народностного самосознания, но для Болгарии VIII—IX вв. был свойствен этнический дуализм, находивший наиболее острые проявления как раз в традициях самосознания двух этносов. Проявлениями противоречий в ходе ассимиляционного процесса можно считать восстание тимочан против центральной власти в первой четверти IX в.⁹², бегство крупных контингентов славянского населения из страны в середине и конце этого столетия⁹³, появление у византийских авторов характерного этнонима «славяно-болгары»⁹⁴. В качестве яркого показателя определенных трудностей, с которыми славяне усваивали традиции протоболгарского самосознания, мы готовы расценить создание славянской народной легенды, которая могла возникнуть как непосредственная реакция на идеи «Именника болгарских ханов» (легенда включена в составленную в середине XI в. апокрифическую летопись «Сказание пророка Исаяи»). Согласно этой легенде, первым царем болгар был не Испор, а поставленный самим пророком Исаяей «царь Слав», который населил землю и города страны и правил 119 лет⁹⁵.

Этническое самосознание населения Первого Болгарского царства, ставшее в целом в первые несколько десятилетий после принятия христианства общим для всех подданных государства, включило в себя в качестве важных отличительных при-

знаков и наименование страны (Болгария), и само название своего этноса (болгары), и историческую память о важнейших событиях «национальной» истории протоболгар и о деяниях «своих» правителей, начиная с Аспаруха. Однако это самосознание осталось тем не менее в основном славянским, поскольку по-прежнему находилось в иерархической взаимосвязи с сознанием этнического единства с другими славянскими народами. Сознание общеславянской общности было, несомненно, генетически связано с военно-политическими союзами славянских племен допротоболгарской эпохи. Народностное самосознание оформилось в процессе утверждения государства, и его традиции были присущи не только господствующей верхушке, а всему населению страны, среди которого решительно преобладали славяне с самого начала. Идею восстановления Болгарии во главе с представителем законной болгарской династии выдвигали и с воодушевлением поддерживали во время византийского господства самые широкие слои населения⁹⁶.

По мнению Я. Ферлуги, влияние Византии на внутреннюю жизнь славян (особенно сербов и хорватов) на Балканах до середины IX в. было минимальным; лишь с распространением христианства и попытками империи вернуть свое господство на всем полуострове оно резко возросло⁹⁷. Мы, однако, полагаем, что империя стала оказывать глубокое воздействие на славян уже самим фактом своего существования еще до того, как они вступили с ней в прямой и тесный контакт, а затем поселились на ее землях.

Славянские контингенты проникли до Пелопоннеса и островов Эгейского моря⁹⁸, образуя на севере Балкан, в Северной и Средней Македонии, на Адриатическом побережье, в Северном Эпире крупные и сплошные массивы, а во Фракии, Греции и на Пелопоннесе — изолированные друг от друга анклавы и селтльменты⁹⁹. Ст. Антоляк проследил судьбы славянских этнополитических объединений (он называет их *Völkereinrichtungen*), именуемых в византийских источниках «склавиниями», а в западных — «склавиями». Оба эти термина прилагались в VII—X вв. ко всем славянским общностям и восходили, по-видимому, к сходному по звучанию самоназванию славянских земель, усвоенному соседями¹⁰⁰.

Некоторые из славиний носили также индивидуальные, собственно племенные самоназвания, другие их не имели (точнее, их названия остались не зафиксированными в источниках).

Уровень этнополитической консолидации славян во время их появления на Балканах был, по всей вероятности, сходным. Последующее отставание или опережение в развитии государственности одних славиний другими имело причиной множество конкретных факторов, в частности: условия местности, плотность автохтонного населения, характер отношений с Византией и другими народами (с аварами, франками, болгарам, венгра-

ми, венецианцами), отдаленность или близость крупных военных и политических центров империи, взаимоотношения с соседними славянскими объединениями и т. д.

Из всех славиний на Балканах в наиболее благоприятных условиях для своего развития оказались, по нашему мнению, еще до появления протоболгар, славинии Мизии, т. е. союзы северов и «Семь племен». Входящим в Аварский каганат карантацам пришлось вести тяжелую борьбу не только с аварами, но и с франками; хорватам постоянно угрожали авары, франки, болгары, а затем также венгры и Венеция; славинии Далматинского побережья испытывали давление империи и Венеции, а затем и болгар; за славинии на землях Македонии в VIII—IX вв. развернулось острое соперничество между Болгарией и Византией¹⁰¹. Феофан Исповедник, приписывая, видимо, собственную оценку дела Аспаруху, пишет, что хан сразу же увидел преимущества расположения Мизии, которую с трех сторон защищали Балканы, море и Дунай¹⁰².

Приводя славинии к подчинению, империя распространяла на Балканах военно-административную систему фем¹⁰³. Удалось это однако до X и XI вв. далеко не везде. Мы, однако, не думаем, что именно протоболгары спасли славян Мизии от эллинизации¹⁰⁴. Государства у славян на Балканах возникли и в других доступных военным силам Византии и иных государств регионах Балкан.

При этом одни и те же факторы, которые в одних условиях способствовали становлению славянской государственности и народностного самосознания, в других оказывали противоположное действие, ускоряя ассимиляцию и замедляя политическую интеграцию славян. Так, христианизация Болгарии, Хорватии и сербских земель способствовала этнической и политической консолидации славян, тогда как в Греции, во Фракии и на юге Македонии она служила могучим орудием эллинизации¹⁰⁵. Сохранившиеся и попавшие в руки славян древние города Мизии: Силистрия, Никопол, а позже Варна, Анхиал и др.—стали важным фактором ускорения развития феодальных отношений и упрочения государства, а на Далматинском побережье города оказывали на соседние славинии тормозящее воздействие, абсорбируя производимые в них сельскохозяйственные товары в интересах местного патрициата, тяготевшего к консолидации автономных городских республик.

Феодальное государство не могло развиваться без города. Именно поэтому славяне Пелопоннеса так настойчиво штурмовали Патры, а славяне в Македонии — Фессалонику. Создание славянами собственных городов по соседству с развитыми византийскими было невозможно. Города империи выполняли и для славянских поселений свою функцию центров товарно-денежного обмена, но они оставались политическими и военными опорными пунктами империи. В ряду причин, обусловивших по-

литическую дезинтеграцию, а затем и частичную ассимиляцию славян в Южной Македонии уже к X в., не последнюю роль сыграла Фессалоника, которую Византия сумела защитить от славян¹⁰⁶. Характерно, что славяне, жившие по соседству с этим городом, создавая крупные союзы для его осады, стремились овладеть Фессалоникой не только ради ее богатств, но и для того, чтобы поселиться в ней¹⁰⁷.

Начиная с середины VII в. население славиний на территории Македонии было вынуждено периодически признавать суверенитет империи, служить ей в качестве федератов, платить дань, но до второй трети IX в. эти периоды не были продолжительными: сохранявшие внутреннюю автономию и свою социально-политическую структуру славинии восставали, сбрасывали византийское господство и даже проводили самостоятельную внешнюю политику.

Союзы славянских племен обрели характер прочных территориальных объединений уже к концу VII в.; население их в массе своей было оседлым и земледельческим; оно вступило в постоянные торговые отношения с византийскими городами¹⁰⁸, а частично и поселилось в них, сохранив тесные связи со своими соплеменниками вне городов¹⁰⁹; вожди союзов и окружавшая их славянская знать вмешивались в политическую борьбу в империи, участвовали в династических заговорах, вступали в контакт с оппозиционными кругами имперской аристократии¹¹⁰.

О степени развития этнического самосознания населения славиний позволяет судить та реакция, которую их население проявило на гибель в Константинополе князя ринхинов Первуда в середине 70-х годов VII в.¹¹¹

Первуд вынашивал план овладения Фессалоникой, вступил в сговор с группой жителей города и склоняя к совместным действиям прочих славянских князей. Замысел Первуда стал известен императору, князь был схвачен. Вожди славиний и жители Фессалоники, предвидевшие опасность для города в случае гибели Первуда, отправили посольство к императору с просьбой простить Первуда. Но князь был в конце концов казнен. Почти все славинии в Южной Македонии поднялись на восстание, и Фессалоника должна была выдержать двухлетнюю, одну из самых тяжелых в своей истории осаду¹¹².

Славянское этническое самосознание нашло проявление и в фактах поддержки населением славиний в Македонии войск Крума в его борьбе с Византией в начале IX в. С этими фактами, несомненно, были связаны мероприятия Никифора I по организации массового и насильственного переселения в Македонию византийцев из всех фем империи¹¹³.

Своеобразную форму проявления этнического самосознания славян можно усмотреть и в таком акте, как «присвоение» ими культа византийского святого Димитрия Солунского. Легенда, согласно которой «отечестволюбец» Димитрий был родом славя-

нин, возникла среди славян в Южной Македонии: впоследствии этот культ стал общеславянским (в Болгарии, Сербии и на Руси)¹⁴⁴.

Нет необходимости останавливаться на общеизвестных фактах, ярко свидетельствующих о том, что оформление славянских народностей на Балканах не привело к исчезновению среди них сознания общеславянского единства (я имею в виду как события, связанные с принятием славянами христианства в Моравии, Болгарии и Сербии и распространением славянской письменности, так и идеи первых оригинальных памятников древнеславянской литературы начиная с X в.)¹⁴⁵.

Проблема становления этнического самосознания на уровне раннефеодальных народностей неразрывно связана, таким образом, с важнейшими этапами социально-экономического развития и оформления славянской государственности на Балканах в VI — начале X в. Процесс этот не был синхронным для разных регионов полуострова. В начале X в. вслед за Болгарией или одновременно с ней в Хорватии сложились, по нашему мнению, все институты социальной и общественной жизни, соответствующие стадии оформления народностного самосознания¹⁴⁶. Последующие периоды установления иноземного господства уже не могли привести здесь к существенным этническим сдвигам. В силу причин, частично названных выше, медленно протекала консолидация и государства и народности в сербских землях — примерно такая же степень их зрелости, как в Хорватии, здесь была достигнута лишь в XII в.¹⁴⁷ Особым и еще более сложным путем шло становление народности, получившей в последующем наименование словенцев.

Итак, мы коснулись в своем докладе лишь некоторых аспектов обширной проблемы формирования самосознания раннефеодальных народностей. Ее главная сложность, на наш взгляд, состоит в неразрывной, органической связи с комплексом общих вопросов эволюции экономики, политики, культуры человеческого общества в период перехода от первобытнообщинного строя к классовому, государственному. Органической комплексности проблемы, к сожалению, еще не соответствует в достаточной степени та комплексность методов ее решения, которая достигнута на сегодняшний день в науке. Мы охотно признаем поэтому многие из высказанных выше наблюдений лишь как рабочие гипотезы.

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 35—36; *Он же*. К характеристике понятия этнос.— В кн.: Расы и народы. М., 1971, вып. I; Королук В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 20. Ср.: Георгиев Ив. Этнос, этносоциален организъм, етнически процеси.— Векове, 1972, № 1, с. 42—48.

² Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности.— В кн.: Расы и народы. М., 1976, вып. 6, с. 16; Бромлей Ю. В. Этнос..., с. 96 и след.

- ³ *Королюк В. Д.* К исследованиям...— Сов. славяновед., 1973, № 3, с. 83 и сл.
- ⁴ *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза.— В кн.: Расы и народы, вып. 6, с. 44—45 и след.
- ⁵ *Королюк В. Д.* К исследованиям...— Сов. славяновед., 1973, № 3, с. 88—91; *Kostrzewski J.* Über den gegenwärtigen Stand der Ethnogenese der Slawen in archäologischer Sicht.— In: Acta II Congressus intern. historiae Slavicae Sallsburgo-Batisbonendis, I. Wiesbaden, 1969.
- ⁶ *Бромлей Ю. В.* Этнос..., с. 95—112.
- ⁷ *Крюков М. В.* Эволюция..., с. 57.
- ⁸ *Крюков М. В.* Эволюция..., с. 49, 56—62.
- ⁹ *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности, с. 12 и след.
- ¹⁰ *Бромлей Ю. В.* Этнос..., с. 107.
- ¹¹ Там же, с. 35—46; *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности, с. 16.
- ¹² *Бромлей Ю. В.* Этнос..., с. 41—42.
- ¹³ *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности, с. 25.
- ¹⁴ Ср.: *Тяпкива-Заимова В.* Нашествия и этнические промени на Балканите. София, 1966, с. 19, 22, 26—29, 66.
- ¹⁵ См., например: *Дьяконов А. П.* Известия Псевдо-Захария о древних славянах.— ВДИ, 1939, № 4, с. 32.
- ¹⁶ *Трубачев О. Н.* От редактора. Этимологический словарь славянских языков. М., 1974, с. 3.
- ¹⁷ *Аванесов Р. И.* Общеславянский лингвистический атлас.— Вестник АН СССР, 1974, № 8, с. 92—93. Ср.: *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 44—45.
- ¹⁸ *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Шушарин В. П., Шапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 83 и сл.; *Королюк В. Д.* К исследованиям..., с. 25.
- ¹⁹ *Ловмянски Х.* Начало Новгорода.— L'Europe aux IXe—XIe siècles. Aux origines des Etats nationaux. Varsovie, 1968, p. 269; *Он же.* Социальные преобразования в Европе в VI—XII вв.— В кн.: Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 1—10; *Он же.* Основные черты позднелепленного и раннегосударственного строя славян.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 4—16.
- ²⁰ *Трубачев О. Н.* Раннеславянские летописи — свидетели миграции славян.— ВЯ, 1974, № 6, с. 52—53, 61.
- ²¹ *Benedicty R.* Die auf die frühslawische Gesellschaft bezügliche byzantinische Terminologie.— In: Actes du XIIe Congrès intern. d'études byzantines, II, Beograd, 1964, s. 53, 54.
- ²² *Procopii Caesariensis opera omnia*, vol. II. Leipzig, 1962, p. 358, 22—26; *Mauricii Strategicon*. Ed. Dacoromanice vertit, prolegomenice instruxit Н. Mihaescu. București, 1970, p. 286, 16—18.
- ²³ *Трубачев О. Н.* Раннеславянские летописи..., с. 60—64. Ср.: *Георгиев Вл. И.* Генезисът на балканските народи.— В кн.: Этногенезис и культурно наследство на българския народ. София, 1971, с. 15—16; *Von A.* Problèmes de toponomie dans le Péloponnèse médiéval.— Cahiers d'histoire. Mélanges d'histoire A. Fugier, 1968, t. III, 1, p. 33.
- ²⁴ *Чолов П.* Славянские традиции в болгарских личных именах.— Actes du XIe Congrès intern. des Sciences onomastiques. Sofia, 1974, v. 1, p. 226—228; *Иванчев Св.* Антропонимия зоны в Болгарии.— Там же, с. 411—425; ср.: *Иванов В. В.* Язык..., с. 43; *Koš M.* Naselitev Gorenjske v ranem srednjem veku.— Arheološki vestnik (Ljubljana), 1970—1971, N 31—32, s. 12, 15.
- ²⁵ *Иванов В. В.* Язык..., с. 44—45; *Трубачев О. Н.* Раннеславянские летописи..., с. 61—62.
- ²⁶ *Иванов В. В.* Язык..., с. 44.
- ²⁷ *Седов В. В.* Ранний период славянского этногенеза.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 102 и след.

- ²⁸ Там же, с. 101—104.
- ²⁹ Procopii Caesariensis opera omnia, vol. II, p. 358, 11—16.
- ³⁰ *Mauricii*. Strategicon, p. 282, 13—16.
- ³¹ Procopii Caesariensis opera omnia, vol. II, p. 357, 10; *Mauricii*. Strategicon, 280, 7—9, 19—23; 284, 14—17.
- ³² *Mauricii*. Strategicon, p. 284, 14—17.
- ³³ Procopii Caesariensis opera omnia, v. II, p. 357, 9—11.
- ³⁴ *Benedicty R.* Die auf die frühslawische..., S. 47—48.
- ³⁵ См. об этом: *Седов В. В.* Ранний период..., с. 105.
- ³⁶ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 61; ср.: *Тяпкива-Заимова В.* Нашествия..., с. 58.
- ³⁷ Procopii Caesariensis opera omnia, vol. II, p. 358, 10—22; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Вступит. статья, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960, с. 136, 150.
- ³⁸ *Иордан.* О происхождении..., с. 118—120.
- ³⁹ *Иордан.* О происхождении..., с. 170.
- ⁴⁰ *Theophylacti Simocatta.* Historiae. Lipsiae, 1887, p. 236, 237.
- ⁴¹ Procopii Caesariensis opera omnia, p. 354, 22—24; 356, 3—5.
- ⁴² *Mauricii*. Strategicon, p. 286, 23—290, 1.
- ⁴³ Excerpta de legationibus. Berolini, 1903, p. 433, 10—26.
- ⁴⁴ Там же, с. 209.
- ⁴⁵ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. М., 1963, с. 5; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство, с. 83 и след. Ср.: *Михайлов Ем.* Обособяване на източните и южните славяни.—ИП, 1971, № 3, с. 80.
- ⁴⁶ *Lemerle P.* La chronique improprement dite de Monemvasie — le contexte historique et légendaire.—REB, 1963, N 21, p. 10; *Zastërová B.* Charanis P. Studies on the Demography of the Byzantine Empire. London, 1972.—BS, 1974, 34 (2), p. 222—224; *Baršič F.* «Monemvasijska» Hronika o doseljavanju avaro-slovena na Peloponez. 587.—Godišnjak, knj.—III. Centar za balkanološka ispitavanja. Sarajevo, 1965, p. 95—109; *Ljubinković M.* Les Slaves des régions centrales des Balkans et Byzance.—In: Berichte. II. Intern. Kongress für slawische Archäologie, Bd II. Berlin, 1973, S. 185—189; *Hrochova V.* Problèmes des agglomérations slaves au Péloponnèse.—In: IIIe Congrès intern. d'études balkaniques et Sud-Est europ. Resumés des communications, t. I. Histoire. Bucarest, 1974. См. также: *Assenova P., Kacori Th., Stojkov R.* Oikonymes XIe Congrès intern. des sciences onomastiques, t. I. Sofia, 1974, p. 69—72.
- ⁴⁷ *Третьяков П. Н.* Славяне в Поднепровье.—Berichte. II. intern. Kongress für slawische Archäologie, Bd II, S. 75—77; *Он же.* Некоторые итоги изучения славянских древностей в Поднепровье.—В кн.: Славяните и средиземноморският свят. София, 1973, с. 13—15.
- ⁴⁸ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 109 и след.
- ⁴⁹ *Malingoudis Ph.* Die Institution des Zupans als Problem der frühslawischen Geschichte.—In: Cyrillomethodianum, 1972/73, t. II, p. 75.
- ⁵⁰ *Zastërova B.* Beitrag zur Diskussion über den Charakter der Beziehungen zwischen Slawen und Awaren.—In: Actes du XIIe congrès intern. d'études byzantines, t. II. Beograd, 1964, p. 243—247; *Она же.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971, p. 31—35, 71—79.
- ⁵¹ *Avenarius A.* Die Awaren und die Slawen in den Miracula Sancti Demetrii.—Byzantina, 1973, N 5, p. 19—25.
- ⁵² *Тяпкива-Заимова В.* Нашествия..., с. 60.
- ⁵³ *Тяпкива-Заимова В.* Нашествия..., с. 60—61.
- ⁵⁴ *Skadeczky-Kadross S.* Ein Versuch zur Sammlung und chronologischen Anordnung der griechischen Quellen der Awarengeschichte nebst einer Auswahl von Anderssprachigen Quellen.—Acta antiqua et archeologica. Szeged, 1972, XVI, p. 59.
- ⁵⁵ *Prokič J.* Langobardi v panonski fazi.—Archeološki vestnik (Ljubljana), 1970—1971, N 31—32, s. 193.

- ⁵⁶ Рикман Э. А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975, с. 62 и след.
- ⁵⁷ Evert-Kappesova H. Quelques remarques sur la colonisation slave.— In: Actes du XIIe congrès intern. d'études byzantines, t. II. Beograd, 1964, p. 79—81. Ср.: *Obolenski D.* Byzantine Frontier Zones and Cultural Exchanges.— XIVe congrès intern. des études byz. Rapports, II. Bucarest, 1971, p. 97, 98.
- ⁵⁸ Тълкова-Заимова В. Нашествия..., с. 65. Ср. рец. В. Гюзиева на: *Ангелов Д.* Образование на българската народност. София, 1971.— В журн.: *Bulgarian Historical Review*, 1973, N 3, p. 127, 128.
- ⁵⁹ Милчев А. Формирование староболгарской культуры.— В кн.: *Славяните и средиземноморският свят VI—XI в.* София, 1973, с. 105—130. См. также: *Михайлов С.* (выст. в дискус.).— Там же, с. 102—103; *Въжарова Ж.* Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры.— Там же, с. 258—266.
- ⁶⁰ Коев Я. Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура.— В кн.: *Етногенезис и културно наследство на българския народ*, с. 57—61.
- ⁶¹ Ср.: *Генчев Ст.* Етнографско единство и регионални различия в обичаите при погребението у българите.— В кн.: *Етногенезис и културно наследство...*, с. 111—114; *Георгиева И.* Етнографско единство на сватбата у българите.— Там же, с. 103—109. О влиянии протоболгар на коневодство и овцеводство см.: *Маринов В.* За етнокултурните приноси на българското животноводство.— Там же, с. 87—92.
- ⁶² *Постникова Н. М.* Антропологическая характеристика средневекового населения Болгарии (IV—XV и XIX—XX вв.).— СЭ, 1966, № 6, с. 92—94; *Лишев Стр.* Рец. на: *Д. Ангелов.* Образование...—
- ⁶³ *Въжарова Ж.* Българският народностен облик през средновековието в светлината на археологическите данни (VI—XI в.).— В кн.: *Първи конгрес на Българската историческо дружество*, София, 1972, I, с. 409—410. Ср.: *Милчев А.* Формиране на старобългарската култура, с. 417—418.
- ⁶⁴ *Третяков П. Н.* Выст. в дискус.— В кн.: *Славяните и средиземноморският свят...*, с. 99—101.
- ⁶⁵ Там же, с. 101. Ср.: *Хынку И. Г., Рафалович И. А.* Славяне и тюрко-болгары.— Там же, с. 163—168; *Ваклинов Ст.* Выст. в дискус.— Там же, с. 187; *Въжарова Ж.* Выст. в дискус.— Там же, с. 104.
- ⁶⁶ *Березовец Д. Т.* Славяне и племена салтовской культуры.— В кн.: *Славяните и средиземноморският свят...*, с. 274.
- ⁶⁷ *Гюзелев В.* Функциите и ролята на кавхана в живота на първата българска държава (VII—XI в.).— ГСУ, 1967, т. LX, филос.-ист. фак., кн. 3. История, с. 133—157; *Гандев Хр.* Условия на образование на българската народност.— В кн.: *Славяните и средиземноморският свят...*, с. 63—67.
- ⁶⁸ *Гюзелев В.* Ичиргу боилите на първата българска държава (VII—XI в.).— ГСУ, 1973, т. LXV, филос.-ист. фак., кн. 3. История, с. 174—178.
- ⁶⁹ *Ловмянский Г. Т.* Социальные преобразования в Европе..., с. 10—11. Ср.: *Березовец Д. Т.* Славяне..., с. 273; *Browning R.* Byzantium and Bulgaria. London, 1975, p. 45 sq., 126 sq; *Michailov St.* Les Slaves et la culture méditerranéenne à l'époque du premier royaume bulgare.— В кн.: *Славяните и средиземноморският свят...*, с. 57; *Димитров Д.* Древнеболгарские некрополи в Варненском округе.— Там же, с. 90—91.
- ⁷⁰ *Sankova-Petkova G.* Gesellschaftsordnung und Kriegskunst der slawischen Stämme der Balkanhalbinsel (6.—8.Jh.) nach den byzantinischen Quellen.— *Helikon*, Napoli, 1962, anno II, N 1—2, p. 264—270; *Velkov V., Fol A.* The Ancient Balkan Peoples (Thracians, Illyriens etc.). Their Role and Importance in the Historical Development of the Ancien World.— XIVe Intern. congress of Hist. Scien. Sanfrancisco, 1975, p. 16—17; *Цанкова-Петкова Г.* Материалната култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий».— ИИБИ, 1957, № 7, с. 329—344; ср.: *Obolenski D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453. London, 1974,

- р. 92 и след.; *Chrysos E. K.* Zur Gründung des Ersten Bulgarischen Staates.—*Cyrrillomethodianum*, 1972/73, N 11, p. 7—13.
- ⁷¹ *Дуйчев Ив.* Обединението на славянските племена в Мизия през VII в. Към въпроса за възникването на Българската държава.— В кн.: Изследвания в чест на М. Дринов. София, 1960, с. 417—428; *Dujčev Iv.* La formation de l'état bulgare et de la nation bulgare.— In: *L'Europe aux IXe—Xe siècles. Aux origines des états nationaux.* Varsovie, 1968, p. 221; *Он же.* Die gegenseitigen Beziehungen und Einflüsse zwischen Byzanz und mittelalterlichen Bulgarien.— *BS*, 1959, № 20 (1), p. 40; *Петров П.* Образование Первого Болгарского государства.— III congrès intern. d'études du Sud-Est européen. Résumé des communications, I. Histoire I. Bucarest, 1974, p. 105—106; *Тъпкова-Займова В.* Изследвания върху ролята на българската държава сред на Балканските средновековни държави и някои въпроси от началния период на нейната история.— В кн.: Проблеми на българската историография след втората световна война. София, 1973, с. 237.
- ⁷² *Търкова-Займова В.* Genèse des peuples balkaniques et formation de leurs Etats. L'expérience bulgare.— IIIe congrès intern. d'études du Sud-Est européen. Congrès. Histoire, I. Bucarest, 1974, p. 12—13.
- ⁷³ *Ангелов Д.* Образуване на българската народност, с. 319.
- ⁷⁴ См. дискусия об этом: *Войнов М.* За първия допир на аспаруховите българи със славяните и за датата на основаването на българската държава.— ИИБИ, 1956, № 6, с. 453—476; *Бешевчиев В.* За славянските племена в Северозточна България от IV до IX в.— В кн.: Преслав, I, 1969, с. 17—28; *Дуйчев Ив.* Обединението..., с. 418 и след.
- ⁷⁵ *Тъпкова-Займова В.* Нашествия..., с. 88—91; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност..., с. 197—202. Ср.: *Papastathis Ch., Beševčiev.* Za slavjanskite...—*Cyrrillomethodianum*, 1971, N 1, p. 215, 216.
- ⁷⁶ *Тъпкова-Займова В.* Нашествия..., с. 88—89; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност..., с. 198 и след.
- ⁷⁷ *Theophanes.* Chronographia. Lipsiae, 1883, p. 359, 14—17.
- ⁷⁸ *Дуйчев Ив.* Обединението..., с. 419 и след.; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност..., с. 227.
- ⁷⁹ *Theophanes.* Chronographia, p. 436, 14—16.
- ⁸⁰ *Въжарова Ж.* Българският народностен облик..., с. 409—410.
- ⁸¹ *Михайлов Ст.* Разкопки на западната порта в Плиска.— ИАИ, 1974, № 34, с. 231—232.
- ⁸² *Милчев А.* Формиране..., с. 417—418; *Въжарова Ж.* Славяне и праболгары..., с. 264.
- ⁸³ *Ангелов Д.* Образуване на българската народност..., с. 272 и след.
- ⁸⁴ *Дуйчев Ив.* Славяни и първобългари.— ИИБИ, 1951, № 1-2, с. 212.
- ⁸⁵ *Артамонов М. И.* Тюрко-болгары..., с. 270; *Гандев Хр.* Условия..., с. 67.
- ⁸⁶ *Klaič N.* Ethnički odnosi u Bizantskoj Dalmaciji.— *Jugoslavenski istorijski časopis*, 1969, N 4, с. 23—24.
- ⁸⁷ *Тъпкова-Займова В.* Выст. в дискус.— In: Actes du premier congrès intern. des études balkaniques et Sud-Est europ. Sofia, 1969, III, p. 312.
- ⁸⁸ *Крюков М. В.* Эволюция..., с. 45.
- ⁸⁹ *Ангелов Д.* полагает, что наименование «Болгария» в X в. точно соответствовало границам расселения народа, обозначаемого именем «болгары» (*Angelov D.* Die Bulgaren des bulgarischen Volkes.— В кн.: Славяните и средиземноморският свят..., с. 12. Ср.: *Grafenauer B.* Dei Völker Jugoslaviens.— In: Actes du premier congrès intern. des études balkaniques et Sud-Est europ, III. Sofia, 1969, p. 40—41).
- ⁹⁰ *Графенауер Б.* Выст. в дискус.— In: Actes du premier congrès intern. des études balkaniques et Sud-Est europ., III. Sofia, 1963, p. 309. Ср.: *Lischev Str.* Die Konzeption von Prof. B. Grafenauer über die Ethnogenese der Balkanslawen.— *Byzantinobulgarica*, 1973, N 4, S. 353 f.
- ⁹¹ *Dujčev Iv.* Relations entre les Slaves méridionaux et Byzance aux Xe—XIIIe siècles.— *Cahiers de civilisation médiéval.* IXe année, 1966, N 4, Oct.— Dec., p. 548—551; *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византий-

- ских источниках.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев, с. 202 и сл.
- ⁹² Ср.: Ангелов Д. Образуване на българската народност..., с. 246.
- ⁹³ Там же, с. 247 и след.
- ⁹⁴ Литаврин Г. Г. Некоторые особенности..., с. 214.
- ⁹⁵ Иванов И. Богомилски книги и легенди. Фототипно издание. София, 1970, с. 281—282.
- ⁹⁶ Търкова-Заимова В. L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare.— Byzantina, 1973, N 3, p. 289—295.
- ⁹⁷ Ферлуа J. Византијско царство и јужнословенске државе од средине IX до средине X века.— ЗРВИ, 1971, № 13, с. 75—76.
- ⁹⁸ Заимов И. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967, с. 100. Он же. Български географски имена. Принос к славянския ономастичен атлас. София, 1973, с. 189; Он же. Най-старите заселища на българските славяни в балканските земи.— В кн.: Етногенез и културно наследство на българския народ. София, 1971, с. 51—56; Comşa M. Directions et étapes de la pénétration des Slaves vers la péninsule Balkanique aux VIe—VIIe siècles (avec un regard special sur le territoire de Roumanie).— Balkanoslavica, 1969, N 1, p. 23.
- ⁹⁹ Charanis P. The Chronicle of Monemvasia and the Question of the Slavic Settlement in Greece.— DOP, 1950, N 5, p. 139—166; Он же. Observations on the Demography of the Byzantine Empire.— The XIV Congress intern. of the Byzantine Studies. London, 1967, p. 457—461; Karayannopoulos J. Zur Frage der Slaweneinsiedlungen auf dem Peloponnes.— RESEE, 1971, IX, N 3, p. 443—460.
- ¹⁰⁰ Antoljak St. Die makedonischen Sklavinien.— In: La Macédoine et les macédoniens dans le passé. Skopje, 1970, s. 27—44; Он же. Unsere Slavinen.— Actes du XIIe congrès intern. d'études byz., Beograd, 1964, II, p. 9—13.
- ¹⁰¹ Ферлуа J. Византија и постанак најрањих јужнословенских државе.— ЗРВИ, 1968, № 11, с. 55—62.
- ¹⁰² Theophanes. Chronographia, p. 357, 27—358.
- ¹⁰³ Ostrogorsky G. Byzanz und die Welt der Slawen. Darmstadt, 1974, S. 5—9, 16.
- ¹⁰⁴ Търкова-Заимова В. Нашествия..., с. 78.
- ¹⁰⁵ Дуйчев Ив. Выст. в дискус.— Actes du premier congrès intern. des études balkaniques et Sud-Est europ., III. Sofia, 1969, p. 190; Mujačić Z. Die slavische Symbiose in Dalmatien in strukturellen Sicht.— Zeitschrift für Balkanologie, 1967, Jg. V, H. 1, S. 51.
- ¹⁰⁶ Търкова-Заимова В. Нашествия..., с. 79.
- ¹⁰⁷ См.: Чудеса св. Димитрия.— В кн.: Извори за българската история, т. VI. Гръцки извори. София, 1960, кн. 3, с. 129, 143, 146, 161.
- ¹⁰⁸ Извори..., т. VI, ч. 3, с. 150.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 121, 127, 144, 156.
- ¹¹⁰ Theophanes. Chronographia, p. 478, 32—479, 11.
- ¹¹¹ Извори, т. VI, ч. 3, с. 143—146.
- ¹¹² Там же, с. 146—154.
- ¹¹³ Antoljak St. Die makedonischen Sklavinien, S. 40.
- ¹¹⁴ Бегунов Ю. К. Греко-славянская традиция почитания Димитрия Солунского и русский духовный стих о нем.— BS, 1975, № 36 (2), с. 150 и след.
- ¹¹⁵ Ангелов Д. Образуване на българската народност..., с. 272 и след. См. также: Angelov D. Quelques problèmes de la nationalité bulgare aux IXe—Xe siècles et la prise de conscience.— Byzantinobulgarica, 1973, N 4, p. 9—10.
- ¹¹⁶ Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1971, s. 265—320.
- ¹¹⁷ Ферлуа J. Византија..., с. 57.

О РОЛИ СУБСТРАТА В СЛОЖЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП РУССКОГО СЕВЕРА

(По материалам фольклора и изобразительного искусства)

Вопрос о роли субстрата в происхождении русского народа, в частности русских Севера, до сих пор не перестает быть актуальным. Согласно показаниям письменных источников, и в первую очередь летописей, ко времени расселения славян на Севере там жили иноязычные племена, относимые большинством современных исследователей к народам финской группы уральской языковой семьи. Однако сам по себе факт обитания здесь в прошлом неславянского населения еще не дает основания утверждать, что этот этнический компонент вошел в состав современного русского населения, так как не исключено нарушение этнической преемственности. Разгоревшиеся в начале XX в. споры о роли финского субстрата в формировании русских, в частности русских Севера, нашли яркое отражение в известной дискуссии, открывшейся статьей Д. К. Зеленина «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности»¹. Д. К. Зеленину, ответившему отрицательно на этот вопрос, возразил ряд исследователей². Однако, по мнению последующих этнографов, эти исследователи преувеличивали роль финнов в этногенезе русских не в меньшей степени, чем Д. К. Зеленин преуменьшал ее³. Дальнейшие конкретные историко-географические, этнографические и антропологические исследования на Европейском Севере показали сложность историко-этнографической картины на этой территории⁴. Было разрушено представление о русском Севере как об единой в этническом отношении области. Этнографические и антропологические исследования М. В. Витова⁵ показали существование там двух культурных зон: западной и восточной, связанных с различными потоками русских переселенцев XII—XVII вв. — новгородским и ростовским. Из выделенных исследователем на русском Севере трех этнических компонентов два русских связаны с этими потоками колонизации, а третий восходит к до-русскому населению Севера. Ярче дорусский компонент проступает на водоразделах северных рек, где происходил постепенный процесс ассимиляции местного населения.

Данные антропологии и этнографии согласуются с выводами лингвистов. Диалектологическое изучение позволило выделить на этой территории три группы говоров, ареалы которых в це-

лом соответствуют трем этническим группам, выделенным М. В. Витовым⁶.

Важным подспорьем в изучении дорусского субстрата служат данные топонимики. Наблюдения над географией отдельных слов⁷, изучение севернорусских топонимов с помощью формантно-типологического метода⁸ показывают многослойность северной топонимики, наличие в ней не только дорусского, но и дофинского субстрата.

Изучение географии некоторых видов фольклора показало неравномерное распространение их в разных областях России, в том числе и на русском Севере⁹. Исследования в области народного искусства русских и соседствующих с ними народов европейского Севера вскрыли в творчестве русских немало орнаментальных элементов, мотивов и композиций, связанных с дорусским населением края¹⁰. Изучение этно-исторических процессов, связанных с движением на Север русского населения, помогает выяснить многие явления, связанные с дорусским субстратом в этой области. Однако еще немало вопросов истории и культуры этой области ждут своего окончательного решения. Нередко исследователи говорят о необходимости комплексного изучения их историками, филологами, искусствоведами и лингвистами с привлечением разнообразных источников. Особое значение при этом приобретает изучение отдельных районов, позволяющее конкретизировать и дифференцировать многие процессы, связанные с этнической историей русского Севера¹¹.

Опыт комплексного изучения фольклора и народного искусства был предпринят автором в экспедиционной работе в бассейне реки Мезени Архангельской области. Материалы, собранные в русских деревнях Мезени летом 1971, 1974, 1975 гг., положены в основу этого доклада.

Согласно историческим свидетельствам, Мезень заселялась двумя потоками: с севера — потомками новгородцев, а с юга — смешанным коми-русским населением¹². Это соответствует данным антропологических исследований¹³, показавших распространение здесь двух типов: ильменско-беломорского и онежского, причем последний отличается небольшой примесью монголоидных элементов, характерных для финских народов Севера, соседящих с русскими. История освоения Мезени неразрывно связана с историей народа коми, населяющего в настоящее время верховья Мезени и ее главного притока — Вашки. Исторические документы говорят о появлении их на Мезени и Вашке не раньше XIII—XIV вв.¹⁴ К XVI в. область, расположенная в верховьях этих рек, населенная двумя родственными группами коми, получила название «Удорского края», неоднократно упоминавшегося в русских документах того времени. Однако коми были здесь сравнительно поздними пришельцами. Археологические находки на территории бывшей Удоры

позволяют предположить существование здесь какого-то населения задолго до появления коми (в I тыс. н. э., а может быть, и раньше)¹⁵. Данные лингвистики, в том числе топонимики, свидетельствуют о существовании здесь древнего этнического слоя, оставившего яркие следы в местных географических названиях, ключ к которым не находится в современных финских языках¹⁶. Ряд же свидетельств показывает участие древнеугорских, вепско-карельских и, возможно, древнелопарских компонентов в формировании населения Вашско-Мезенского края¹⁷.

Такова в общих чертах этническая история Мезенского края, воссозданная главным образом с помощью лингвистических, в меньшей степени исторических и антропологических исследований.

*

Привлечение данных этнографии, в частности фольклора и народного искусства, послужит дальнейшему ее изучению¹⁸.

За время упомянутых выше экспедиционных работ у русского населения Мезени записаны былины, заговоры, календарно-обрядовые, свадебные, хороводные, лирические песни, былички, календарные и свадебные обряды. Фиксировался также материал, относящийся к материальной культуре и народному искусству мезенцев: старинные дома, их украшения, одежда, предметы домашнего быта: прялки, гладильные доски, берестяные и деревянные лукошки, гончарные изделия и т. п.

Собранный материал показывает, что в традиционном искусстве Мезени сохранились многие архаические черты, исчезнувшие в других северных районах. При этом выясняются довольно существенные различия в народном творчестве двух районов: Мезенского, расположенного в низовьях реки Мезени, и Лешуконского, лежащего в среднем ее течении и прилегающего в южной своей части к районам расселения коми. Селения этих районов, соприкасающиеся друг с другом, занимают как бы промежуточное положение между далеко отстоящими друг от друга селениями сравниваемых районов.

Сличая фольклорный материал, видим различия в степени распространения эпической поэзии, в частности былевой. Летом 1971 г. нам удалось записать несколько текстов былин и сказок об эпических богатырях: в д. Кимже — «Добрыня и Алеша Попович» (или «Неудавшаяся женитьба Алеша Поповича»), начало былины «Сорок калик», «Туры златорогие», «Марьяночка» («Сестра и девять братьев»), духовный стих «Светлое Христово воскресенье» и сказки про «Садко» и «Илью Муромца и Святогора»; в д. Кильце записаны отрывок былины «Добрыня и Алеша» и пересказ былины «Добрыня и змей», в д. Кельчегора — былина про Илью Муромца (без напева), представляющая собой сюжет былины «Бой Ильи Муромца с

сыном», контаминированный с былиной о «Камском побоище». Несомненно преобладание былин в Мезенском районе. В Лешуконском записана всего одна былина, да и та в с. Кельчегора, расположенном по соседству с Мезенским районом. Преобладание былин в Мезенском районе не случайно. Как показало картографирование былин, записанных в конце XIX — начале XX в., Мезенский уезд, входивший в зону новгородской колонизации, принесшей на Север былины, по числу записанных там былин занимал первое место среди уездов России¹⁹.

С былинами косвенно связаны рассказы о «круговых» праздниках, вернее, о древнем обычае на этом празднике, который не был отмечен прежними собирателями. В каждой мезенской деревне в престольный праздник, раз в году, водили своеобразные хороводы — «круги». Две девушки — хозяйки праздника — ставили остальных девушек в ряд друг за другом, связывая их платками. Впереди стояли запевалы, которых за искусное пение иногда нанимали в других деревнях. Затем девушки делали круг по всей деревне, обязательно по движению солнца. Запевалы пели три строго определенные круговые песни, исполнявшиеся только раз в году в этот праздник, остальные девушки шли молча. После «круга» начинали петь игровые, хороводные и плясовые песни. Особого внимания заслуживает порядок, по которому ставили девушек. Первыми шли девушки высоких, «коренных» фамилий, в конце — девушки низких, «некоренных» фамилий. «Высота» фамилии или рода зависела не от богатства, а от древности рода. К «высоким» фамилиям относились потомки самых первых поселенцев в той или иной деревне; соответственно к «низким» фамилиям — представители более поздних переселенцев, хотя и последние могли приехать давно, на памяти прапрадедов современных жителей. Удалось обнаружить связь между представителями «высоких» фамилий и сказителями былин. Большинство последних принадлежали к потомкам коренных фамилий. Есть основания связывать представления о высоких родах со своеобразной прослойкой населения Новгорода Великого — своеземцами, принимавшими участие в заселении Севера²⁰. Не случайно, что эти обычаи так же, как и большинство былин, зафиксированы нами в Мезенском районе, в освоении которого, как уже говорилось, большая роль принадлежит новгородцам.

Что же касается другого вида эпической поэзии — заговоров, то здесь картина несколько иная. Большинство записанных нами текстов представляют заговоры (по местному — слова) от болезней: на ожог, на кровь, на ураз (ушиб), на уши, на зубы, на жабу (от болезни горла), на рожу, на чирьи, от жару (лихорадки). Особенно часто встречаются заговоры от детских болезней: на исполох (на испуг), на грыжу, на прикос (от глазу). По словам информаторов, раньше все матери, имевшие маленьких детей, знали эти заговоры и сами заговаривали бо-

лезни у детей. Заговор на прикос (от сглазу) применялся и в случаях заболеваний взрослых, происшедших, по суеверным представлениям, от недоброго взгляда завистливого человека. Болезнь от сглазу, которую сравнительно легко брались лечить обычные женщины (часто заговаривали сами себя), нужно отличать от порчи — болезни, специально напускаемой «знатливым» человеком, т. е. ведуну, колдуном. Лечение порчи было под силу лишь другому «знатливому» человеку. Гораздо меньше помнят любовные заговоры: присухи и отсухи (или отстуды). Эти заговоры считались греховными; существовало представление, что «присушенный» человек рано умирает.

Большинство заговоров сопровождалось определенными действиями, призванными усилить магическое действие слова. Заговоры от болезней наговаривали в воду: ковш или какой-либо другой сосуд наполняли чистой водой, затем чертили концом ножа по дну сосуда крест до тех пор, пока произносили заговорные слова. Потом выплескивали эту воду в лицо больного или на больное место. Эту процедуру было положено проделывать до трех раз. Если заговоры произносились без помощи воды, в конце нужно было дунуть или сплунуть три раза, иногда предварительно вдохнув в себя воздух²¹. В колдовских заговорах нельзя было употреблять никаких христианских атрибутов (креста, молитвы), начинались они словами: «встану я, раба божия, не благословясь, пойду не перекрестясь» — и т. д.

Сравнивая в отношении заговорной поэзии Мезенский и Лешуконский районы, видим большее распространение ее во втором. Заметна и большая архаичность самих заговорных текстов в этом районе, яснее видна их языческая основа. Если в заговорах из Мезенского района часто встречаются образы Богородицы, Христа, Николая Угодника, Егория (Георгия)-победоносца и других святых, то в лешуконских упоминаниях черт с чертихой, баба-бабарюха, ночница-переночница и другие языческие образы. Особенно четко различаются действия, сопровождающие заговоры: в мезенских заговорах очистительную роль играет вода, а в лешуконских — огонь. Соответственно в заговорах первой группы чаще упоминается море, река, щука, обитающая в море, тогда как в заговорах второй группы очистительному действию огня соответствует зачин: «секу—высекаю, гоню—выгоняю» и т. д. Главным образом в заговорах из лешуконских деревень встречается образ всадника на белом коне (в наших записях — это Егорий храбрый, Данила и Емеля). Напрашивается сопоставление этого образа с многочисленными изображениями коня с всадником на пряхках, промысел которых был развит в с. Палашелье этого района.

Преобладание заговорной поэзии, восходящей ко временам дохристианских верований, в Лешуконском районе можно поставить в связь с южными соседями русских этого района — коми, которые, как известно, приняли христианство довольно поздно

и потому дольше, чем русские, сохраняли в своем быту языческие представления. С ними, вероятно, нужно связывать и пережитки культа огня именно в лешуконских заговорах. У коми еще в прошлом веке сохранилось много поверий и обрядов, связанных с огнем, с верой в его очистительную силу. Очищение огнем применяли при «порче» и наговорах²².

Несомненны различия в календарной обрядности, в том числе относящейся к зимнему циклу. Для севернорусских новогодних песен характерен припев: «виноградье, красно-зеленое мое» (отсюда и название северных новогодних песен — «виноградье»). Нами записано немало текстов этих песен и обычаев, сопровождающих их исполнение. Молодежь под Новый год и в Рождество собиралась у кого-нибудь в доме; хор девушек пел «виноградье», припевая каждому парню невесту. Тот в ответ должен был заплатить деньги и вытянуть из круга «невесту». Потом танцевали парами и пели. Этот обычай, как и исполнение «виноградий», практиковался не только на Новый год, но и на свадьбах, многих праздниках и просто молодежных вечеринках.

В обследованных деревнях не удалось записать ни одной песни-колядки. Вряд ли это можно объяснить простым забвением, так как в целом календарные обряды представлены в наших записях довольно полно. Отсутствие колядок на Мезени, сохранившей в большей степени, чем другие районы Архангельской области, архаические черты в духовной и материальной культуре, особенно показательно. Все это позволяет предположить, что колядки вообще не были известны русскому Северу, во всяком случае некоторым его районам. За это говорит и содержание северных «виноградий», по своей тематике и образам близких к свадебной поэзии, а не к песням-заклятьям урожая и семейного благополучия, известным в центральной России под названием колядок и овсеней. Считается, что обычай исполнения «виноградий», в корне отличный от исполнения колядовых песен в других русских областях, свидетельствует о разложении и перерождении новогодней обрядовой поэзии на Севере²³.

Однако наши материалы позволяют предположить, что мы имеем дело с разными видами святочной поэзии, восходящими, по всей вероятности, к разным религиозным представлениям. Песни-заклинания, которыми являются колядки и овсени, связаны с верой человека в свои магические способности, в возможность заклинаниями помочь благополучию (или отнять его) своих близких. Напротив, «виноградья» представляют собой песни иного рода и восходят к песням-славам. Тем, что славление составляло основной смысл этих песен, можно, вероятно, объяснить их приуроченность не только к Новому году, но и ко всем тем случаям жизни, когда «славление» было уместным: свадьбам, праздникам, вечеринкам.

В Мезенском районе и прилегающих к нему селах Лешуконского района «виноградье» существует в трех редакциях: «виноградье холостое», воспевающее девушку-невесту, «виноградье женатое», посвященное семейной паре, и «виноградье семейное», посвященное семейной паре с детьми. Селам Лешуконского района этот обычай был свойствен меньше. Причем чем ближе к верховьям Мезени, тем эта закономерность проявляется сильнее. Подобная же закономерность проявляется в распространении «виноградий» на Северной Двине. Явные следы их существования в прошлом заметны только в деревнях около Холмогор, расположенных в нижнем течении Северной Двины. Выше по течению этой реки (Емецкий район) новогодних «виноградий», судя по нашим расспросам, не пели вовсе²⁴. Можно заметить, что районы преобладания «виноградий» входят в ареал новгородской колонизации. В тех же районах, где возобладала московская колонизация (Северная Двина) и где численно превосходящим оказалось дорусское субстратное население, как это мы видим в Лешуконском районе, обычай «виноградий» как бы затухает, и чем дальше в глубь России, тем сильнее. Вероятно, не случайна связь в распространении «виноградий» и былин. В былинах, как и в «виноградиях», видим традицию славления; вспомним частые концовки былин — «А тут ему (имя рек) и славу поют».

Из обрядов, относящихся к весеннему календарному циклу, укажу на оригинальные обычаи, связанные с празднованием 1 мая, записанные в некоторых деревнях Лешуконского района. В этот день на самом большом угоре (горе) зажигали костры, в которых сжигали смоляные бочки, древесные отходы, накопившиеся в хозяйстве за год. В огонь подкладывали сучья. Около костра пели, танцевали, иногда тут же пили из самовара чай с шаньгами и кулебяками. Костер старались сделать как можно больше, «до неба». Несомненна связь первомайских костров с культом огня, пережитки которого заметны и в заговорах из этого района, о чем говорилось выше. Обычаи первомайских костров связывают селения среднего течения Мезени (ни вниз, ни вверх по течению этой реки подобные обычаи не зафиксированы) с Пинежским районом, где в селах Кулое и Кулогоре до сих пор ребята жгут костры на 1 мая, а раньше делали костры и на масленицу и на Новый год²⁵.

Существенны различия, связанные с осенними календарными обрядами. Их можно разделить на два цикла: зажиночные, связанные с началом жатвы, и дожиночные — с концом. С началом жатвы связан обычай «первого снопа». В этот день делали «филу» (помочи), на которой женщины устраивали своеобразное соревнование. Женщина, раньше всех дожинавшая сноп, становилась обладательницей «первого снопа», или «елохи», как его называли в деревнях Лешуконского района. Этим снопом она в шутку ударяла других женщин («елошила»). Начиная жат-

ву, тихонько произносили как заговор слова: «Тебе, полькó, красота, а мне легота». При дожинах делали «бороду»: на последнем снопе срезали вершину и кричали при этом: «рано не вставали, долго не жинали, ура, ура, Сергеева борода!» (Сергей — имя хозяина поля). По окончании жатвы смотрели последний суслон: если одного снопа до суслона не хватает — умрет кто-то в семье, а если есть лишний — в семье прибудет. Обычно на дожин хозяйка поля приглашала родных и знакомых, пекла шаньги, макала их в масло и угощала ими гостей. При этом пели песни и плясали.

В деревнях Лешуконского района вместо «бороды» появляется название «князь». Здесь обычай класть последний сноп на суслон назывался «посадить князя», причем «посадить князя» имела право жнея, раньше всех сжавшая свою полосу. Если это была девушка, то сажая «князя», она выкрикивала имя жениха, за которого хотела бы выйти замуж. Замужняя женщина выкрикивала имя своего мужа. Остальные женщины при этом приговаривали, обращаясь к «князю»: «Сиди, Афанасий Степанович», а другие — в ответ: «Клюйте его, вороны да сороки!»

Если «борода» находит параллели в подобных обрядах нижней Двины²⁶, то «елоха» связывает Лешуконский район с более южными русскими областями. Например, в Костромской области были записаны подобные обряды, сохранившие то же название «елоха»²⁷. Правда, в костромских обрядах елоха имеет антропоморфные, вернее, женские черты. Столь существенные различия в персонажах жатвенных обрядов свидетельствуют, по всей вероятности, о неодинаковых религиозных представлениях, к которым эти персонажи восходят. Елоха может быть связана с почитанием женского божества, вероятно земледельческого. «Бороду» исследователи связывают с почитанием языческого Перуна, следы культа которого сохранились в поклонении Илье Пророку²⁸. «Борода», как символ дождя, являлась одним из главных атрибутов богов-громовников, к числу которых принадлежал и Перун. В пользу этого предположения говорит распространение обрядов с «бородой» в тех районах Севера, которые были связаны с северо-западными древнерусскими областями, где наиболее отчетливы следы культа Перуна. В то же время, возводя «елоху» к женскому божеству, уместно вспомнить о почитаемой в северо-восточных областях Восточной Европы Золотой бабе, предание о которой сохранилось в верованиях коми²⁹ и в известной мере у русских Нижегородской и Вятской губерний (вспомним знаменитую дымковскую игрушку и полхово — майданскую матрешку).

С календарными обрядами связан еще один оригинальный мезенский обычай — «новизно». Молодуха, начинавшая новую жизнь в семье мужа, выезжая первый раз на работу в поле, должна была устроить угощение остальным женщинам. В се-

лах Лешуконского района появляется такой характерный элемент в этом обряде: в честь «молодой» затесывали елочку — срубали у ели несколько ветвей, недалеко от ее вершины. И сейчас, проезжая по Мезени, можно видеть затесанные таким образом ели, иногда по две, по три подряд. Этот обычай был присущ русским в верховьях Мезени — районах, пограничных с коми. У последних же поклонение деревьям, особенно березе и ели, было сильным еще в прошлом веке³⁰.

Подобные связи улавливаются и в распространении своеобразного фольклорного жанра — быличек. В них так же, как и в календарных обрядах, сохраняются древние мифологические представления. Записанные нами тексты быличек довольно четко делятся на две группы. В первую входят рассказы о всевозможных духах, населяющих окружающую природу: лес, реки, озера, поле. Это прежде всего рассказы о лешем (лесном черте) и лешачихе. Они, по этим рассказам, не показываются людям в своем виде, а принимают облик мужика или бабы. Их любимое занятие — завести путника подальше в лес и сбить его с дороги. Былички о лешачихе записаны главным образом в Лешуконском районе. Здесь же рассказывают о том, как в определенных местах (чаще всего на лесной поляне) леший с лешачихами пляшет, отчего в лесу слышен шум, вой и свист. Последнее напоминает рассказы коми о том, что лесной дух может проявляться в виде вихря, шума и воя ветра³¹. Кроме того, по представлениям коми, лешие жили семьями, вступали в брак и плодились³².

Другую группу составляют рассказы о домашних духах. Сейчас больше помнят рассказы о домовом и меньше — о баннике. Домашние духи, в отличие от лесных и водяных, настроены к человеку довольно дружелюбно: домовый предупреждает хозяев об опасности, его зовут с собой в новый дом: «Мы пойдем и ты с нами», «Дедушко, доможирушко, пусти ночевать, зиму зимовать, век вековать». В новый дом полагалось входить с петухом, хлебом, солью и иконой. В Лешуконском районе вместо петуха впускали кошку. В лешуконских быличках наряду с домовым появляется еще один персонаж — жена домового, домовешка или доможирушка. Такую же «семейственность» мы видим в аналогичных быличках коми³³.

В русских быличках образ домового часто сливается с представлениями о дворовом, у которого просили разрешения пустить во двор купленную скотину. В особую группу входят рассказы о нечистой силе, которая является (блзнится — кажется) в определенных местах. Это мог быть и леший с лешачихой и просто умерший односельчанин. Чаще всего в этих проклятых местах слышался шум или колокольный звон. Радикальным средством борьбы с нечистью был крест. Судя по тому, что эти кресты и сейчас не редкость в мезенских деревнях, раньше их было довольно много. Излюбленным местом обитания

нечисти был перекресток двух дорог (ростанье). На ростанье под Новый год и Ивана Купала происходили самые страшные и вещие гадания. На перекрестке чертили круг, садились в него, вызывали чертей, загадывали желания и слушали: колокольчик зазвенит — к свадьбе, глухой шум — к покойнику. Подобные гадания с очерчиванием круга и вызыванием чертей практиковались и у коми.

Схожими у коми и лешуконских русских являются поверья о колдунах и напускаемых ими болезнях (порче). «Знатливые» русских так же, как «знаткие» коми, были искусны в гаданиях; только они могли отыскать украденный предмет. Их положено было приглашать на свадьбу в качестве сторожей, чтобы другой колдун не испортил невесту. Есть основания связывать «знатких» коми с волхвами, бывшими когда-то посредниками между людьми и богами, с которыми в свое время боролся Стефан Пермский. После принятия христианства волхвы какое-то время сохраняли свою роль вне христианского культа, пока не выродились в колдунов³⁴. Общими являются и названия болезней, насылаемых ими, — икота и кила. Последнее название неизвестно в Мезенском районе, зато встречается в более южных русских районах, примерно в тех же местах, где и упомянутая нами выше «елоха». Название «кила» давно возбуждало интерес у исследователей. О языческом божестве Кыле писал Е. В. Аничков³⁵. Высказывалось предположение о существовании в пантеоне богов коми тотемного бога «кол»³⁶. По мнению Н. Я. Марра, тотемное название «кол-культ» связано с божеством скифов³⁷.

Есть различия в свадебной обрядности Лешуконского и Мезенского районов, хотя в целом свадебный обряд обоих районов представляется вариантом севернорусской свадьбы. Только в Лешуконском районе зафиксированы обряды, связанные с культом утки. В день, когда жених приезжал за невестой, для него готовили стол, в центре которого помещали изжаренную утку с красным цветком на голове. Жених должен был свернуть голову утке. Этот обряд в Лешуконском районе можно связать с изображением утки на пряхках из с. Палащелье этого района. Известно также, что эти образы занимают большое место в фольклоре и искусстве коми.

Переходя к рассмотрению изобразительного искусства русских Мезени, видим и здесь различия в сравниваемых районах, не менее существенные, чем в духовной культуре. Начнем с декора жилищ. В целом в мезенских домах немного украшений. «Одна из характернейших особенностей подлинного народного зодчества нашего Севера, — писал Р. М. Габе, — заключается в том, что декоративная сторона занимает здесь весьма скромное место, никогда не затемняя содержания произведения... В северном доме... простые до аскетизма суровые декоративные формы являются лишь подчеркиванием конструктив-

ных особенностей»³⁸. Наибольшее число орнаментированных деталей сосредоточено на фронте у кровли.

Главным украшением старых мезенских домов является конек на крыше или, вернее, на охлупне — массивном бревне, венчающем крышу дома. Во многих домах, в особенности лешуконских, конская голова вырезалась не только на охлупне, но и на концах «куриц». Различаются изображения конских голов. В Мезенском районе изображение коня было сильно стилизовано, иногда схематично, тогда как в Лешуконском вырезались не только голова, но и туловище животного, так что коньки домов резко выделялись в панораме деревень.

Исследователи связывали появление коньков с влиянием Новгородской земли, в изобразительном искусстве которой с XVI в. стал господствующим «звериный стиль», захвативший там почти все виды изобразительного искусства³⁹. Однако наши материалы, показывающие большее распространение этого украшения в Лешуконском районе, позволяют говорить о самостоятельном развитии образа коня в этом районе. Напомним, что Лешуконский район в меньшей степени, чем Мезенский, подвергался влиянию Великого Новгорода. Можно было бы предположить влияние коми в развитии этого украшения на Мезени. Однако исследователи отмечали, что украшения не были характерны для жилища коми-зырян⁴⁰, непосредственных соседей русских на Мезени и Вашке. Есть основания говорить о русском влиянии в украшении жилищ коми, что сказывается в способах и мотивах декора, не связанных с национальными традициями⁴¹. А. Сыропятов, проанализировав коньки на крестьянских крышах в Пермском крае, пришел к выводу о проникновении этого украшения к коми с запада, считая его продуктом орнаментального и мистического творчества древних новгородцев⁴². Соглашаясь с А. Сыропятовым в том, что мотив коня, венчающего крышу дома, пришел с запада, мы не имеем основания считать, что он пришел от новгородцев. Распространение почти идентичных коньков в районах рек Ваги и Кокшеньги⁴³, подвергшихся московской колонизации позволяет связывать этот декор с районами Верхнего Поволжья, где, как известно, украшение крыши коньком было довольно частым явлением⁴⁴. О культуре коня в этой области свидетельствует и археологический материал⁴⁵.

С теми же районами связано распространение в Лешуконском районе другого характерного декора жилища — городковой резьбы на резных кронштейнах крыши, подзорах, причелинах, полотенцах и т. п. Установлено, что городковая резьба — один из древнейших видов геометрической резьбы по дереву, о чем свидетельствуют некоторые узоры, сохранившиеся на каменных зданиях XII—XIII вв. и перенесенные на каменные постройки с деревянных⁴⁶. Здания с подобного типа резьбой распространены во Владимире, Переславле-Залесском и

других городах Верхнего Поволжья, т. е. в тех районах, откуда шла низовская колонизация. Так же закономерно, что и на далеком Севере мы ее видим там, где эта колонизация имела место (Пинега⁴⁷, в меньшей мере Лешуконский район). Там же, где преобладала новгородская колонизация (Мезенский район), этот вид резьбы почти не встречается.

В распространении живописного декора на мезенских жилищах улавливаются иные связи. Несколько раз встретились нам интересная роспись, нанесенная на фронтоне с балконом, по краям которого изображены поднимающиеся на задние лапы львы. В эту росписную композицию входили также изображения цветов, птиц и разных геометрических узоров: кругов, ромбов, розеток. Чаще встречается роспись шашечным узором выступа кровли, выходящей на фасад. Шашки разрисовывались белым, красным и черным цветами, реже — синим, желтым и зеленым. Об этой характерной раскраске применительно к деревням Пинежского района писал К. К. Романов⁴⁸. Отмечая несомненное сходство пинежской росписи с мезенской, исследователь предположил, что ее распространению способствовал торговый тракт, связывающий Печору с Северной Двиной и проходивший через среднее течение Мезени и Пинеги. В пользу такого предположения говорят и наши материалы из деревень среднего течения Северной Двины, свидетельствующие о бытовании и здесь росписи, подобной пинежской и мезенской⁴⁹.

Некоторые элементы жилищного декора, например: крыльца хоромного типа, особенности резьбы на наличниках, связывают Лешуконский район не только с областью низовской колонизации, но и во многом с районами расселения коми. С последними связаны и некоторые конструктивные особенности жилищ.

Внутри многих крестьянских домов сохраняются еще предметы домашнего быта, украшавшие жилище в прошлом. Довольно часто можно встретить знаменитые мезенские прялки, промысел которых находился в с. Палашелье Лешуконского района. До сих пор остается загадкой происхождение росписи на этих прялках. Позднее возникновение самого промысла прялок не заставляет ученых сомневаться в древности сюжетов и самой техники росписи. Оригинальность и несхожесть ее с росписью русских прялок из других районов побуждают исследователей искать истоки мезенской росписи. По взглядам современных исследователей, мезенская роспись оформилась как результат взаимодействия декоративного искусства русских и коми⁵⁰.

Соглашаясь в целом с этим выводом, можно заметить, что, вероятно, истоки мезенской росписи еще глубже. Обращу внимание на такой важный признак стиля этой росписи, как графичность ее рисунка. Этот стиль преобладает в прикладном искусстве районов, связанных с низовской колонизацией: верхнего течения Северной Двины (Пермогорье, Верхний Уфтюг,

Ракула, Борок, Нижняя Тойма, Пучуг), в Поволжье (хохло-мская, мериновская, семеновская, федосеевская, полково-майданская росписи) и Загорске⁵¹.

К другому кругу предметов прикладного искусства относятся распространенные на Мезени рубели для глаженья белья, или, по-местному, «катальны палки». В их орнаменте наиболее устойчивой является фигура круга с радиально расходящимися лучами, изображение которого исследователь относит к числу древних солярных мотивов. Древней считается и техника нанесения этого орнамента трехгранно-выемчатой резьбой. Орнамент катальных палок и техника его нанесения находятся в тесной связи с прялками поморского типа, промысел которых был развит на побережье Белого моря⁵². Об этом же свидетельствует распространение катальных палок с подобным орнаментом главным образом в Мезенском районе.

В панораму почти каждой мезенской деревни входят огромные двух- или трехметровые кресты, располагающиеся среди домов, за околицей и по обочинам дорог, проложенных между деревнями. Некоторые из этих крестов, поставленные рядом с домом или с гумном, являются надмогильными. В некоторых деревнях до 1920-х годов сохранялся языческий обычай хоронить умерших рядом с домом. С языческими представлениями, по всей вероятности, нужно связывать и деревянные покрытия крестов многими деталями (маленьким охлупнем, причелинами и полотенцами), напоминающие крестьянский дом. Большинство же мезенских крестов являются обетными (по-местному: оветными), т. е. поставленными когда-то во избавление от грядущих бед или в благодарность за добро. Предполагают, что византийский обычай обетного креста появился на Руси вместе с принятием христианства. Особое распространение он получил в Новгородской земле и на западе от Новгорода⁵³. Не случайно и на Мезени заметно их преобладание в низовьях реки. В Лешуконском районе эти кресты встречаются реже, они гораздо меньше по размерам. Традиция обетных крестов связывает Мезенский район с районами побережий Белого моря, нижнего течения Северной Двины, Белоруссией, Польшей, тогда как Лешуконский район и по этому признаку схож с более южными (по отношению к нему) областями.

В народном костюме мезенских русских имеются различия, касающиеся больше отдельных деталей костюма, хотя и существенных по своему значению. Такие виды одежды, как малица и совик, заимствованные, по общему мнению, у ненцев, одинаковы в обоих районах. Общим является и сарафанный комплекс одежды. Различия сказываются не столько в покрое, сколько в раскраске тканей, из которых сшита одежда. Если в костюмах Мезенского района встречается сочетание одного-двух, реже трех цветов, то в одежде Лешуконского района — сочетание всех цветов радуги, причем сами краски гораздо на-

сыщенной и ярче, чем в костюмах Мезенского района. Эта многоцветность также связывает Лешуконский район с областями расселения финно-угров, для которых исследователи считают характерной полихромность в расцветке одежды и других видов прикладного искусства. Существенно отличаются пояса, составляющие непрменный и, как известно, важный в этнологическом отношении элемент комплекса старинной одежды с сарафаном. В Мезенском районе носят ничем не привлекающие к себе внимания покупные пояса фабричной работы, часто заменяющиеся длинной атласной лентой; в деревнях Лешуконского района — пояса ручного изготовления, обращающие на себя внимание с первого взгляда. По технике изготовления и орнаменту эти пояса четко разделяются на две группы: «зыренские» пояса и пояса «в кружках» (по местной терминологии). Пояса в кружках ткются на «дощечках» — деревянных квадратах с четырьмя дырочками по краям, аналогичные описываемым В. И. Смирновым⁵⁴ и Н. И. Лебедевой⁵⁵. Глубокая древность тканья на дощечках доказывается тем, что подобное искусство зафиксировано еще в Вавилоне. Археологические и этнографические находки говорят о широком распространении этого вида ткачества в Европе, на Кавказе, Средней и Передней Азии. На территории Европейской части СССР этот способ тканья существовал у северных русских (на Пинеге, Мезени, Печоре и Северной Двине), у южных русских (в Калужской, Орловской, Курской и Рязанской областях) и некоторых групп белорусов. Известен он и неславянским народам Европейской России: прибалтам, карелам и волжским финнам⁵⁶.

Техника изготовления «зыренских» поясов иная. Это также древний способ тканья на ниту (по-местному: с помощью чурки и ножичка)⁵⁷, известный народам Восточной Европы: русским, белорусам, литовцам, мордве и удмуртам.

Довольно четко различаются эти два вида поясов и по орнаменту. Для поясов в кружках основным орнаментальным мотивом является ромб, с которым, очевидно, нужно связывать и само название — «кружки». Напомню, что ромб в народном ткачестве называется кругом. Основной элемент построения рисунка в «зыренских» поясах — крест с загнутыми концами. Нередко встречается свастический узор. Само название этих поясов и распространение их среди коми (в отличие от тканых на дощечках)⁵⁸ говорят о том, что эти пояса нужно связывать с коми-зырянами. Об этом же свидетельствует и многоцветность «зыренских» поясов.

В Лешуконском районе и теперь многие женщины вяжут для своей семьи и на продажу чулки, варежки и перчатки. Многоцветный, сложный геометрический узор этих изделий также находит аналогии в узорах коми западных районов и шире — у карелов, эстонцев, финнов. Узоры на вязаных изделиях повторяются; только на чулках геометрические фигуры, состав-

ляющие орнамент, крупнее, чем на других изделиях. Основной орнаментальный элемент — квадрат или ромб и крест с загнутыми концами. Последний элемент повторяется зачастую в тех же сочетаниях, что и на тканых поясах. На варежках и перчатках часто встречается узор в виде звездочек, ставший модным в последние годы. Однако сам по себе этот узор очень древний и широко известен в вязаных изделиях коми, карелов и народов Прибалтики⁵⁹.

Особо нужно сказать о свастическом орнаменте в «зыренских» поясах, реже на вязаных изделиях. Известно, что этот орнаментальный мотив зафиксирован в древнейших памятниках народного искусства различных стран Старого и Нового Света. В Восточной Европе этот мотив наиболее часто встречается у карелов, мордвы, марийцев, хантов и манси. Распространение свастического узора на территории Восточной Европы преимущественно среди народов угро-финской группы и сравнительно незначительное развитие этого узора у восточных славян (за исключением некоторых групп южных русских и прилегающих к ним украинцев Полесья) позволило Б. А. Куфтину высказать мысль о неславянском происхождении свастического орнамента на территории Европейской России⁶⁰. Наши материалы, свидетельствующие, что свастический узор особенно распространен в районах, связанных с коми, подтверждают взгляд исследователя.

До наших дней сохранились старинные украшения мезенских женщин. Некоторые из них — металлические или серебряные браслеты, кольца и броши — появились в крестьянском быту сравнительно недавно под влиянием городской моды. Интересны сохраняющиеся до сих пор старинные изделия из янтаря, известные в Мезенском районе под названием «восковы перла», а в Лешуконском — «восковы предки» (т. е. прядки). Янтарь издавна добывали на побережье Балтийского моря; украшения из него носили женщины Прибалтики, северной России и Белоруссии. Если янтарные ожерелья встречались нам во всех мезенских деревнях, то другое шейное украшение — металлические цепочки с прикрепленным внизу крестом — встретилось нам только в деревнях Лешуконского района. Их часто надевали вместе с янтарным ожерельем. Подобные цепи в качестве нагрудного украшения носили и женщины коми⁶¹.

Особенно любопытны металлические серьги, зафиксированные нами в Лешуконском районе, известные там под названием «чуски». Это довольно массивные подвески с изогнутым стержнем, к которому прикреплялись пять подвесок — стержней с металлическими бусинами, орнаментированными с помощью насечки. Аналогичные серьги с похожим названием — «чуси» известны и у женщин коми. Схожие серьги находили также в приладожских, костромских и вычегодских курганах, а также в украшениях карелов⁶². Название серег, вероятно, не случайно

схоже с этнонимом знаменитой чуди, оставившей до сих пор следы в преданиях северных русских, и особенно коми.

Еще любопытней, что эти подвески полагалось носить с пушками, прикреплявшимися к серьгам. Известно, что пушки считаются характерным ушным украшением южных русских. Наиболее северные места бытования пушков отмечены в Тверской и Псковской губерниях, а также в некоторых местах Вологодской области. Найденные нашей экспедицией пушки на далекой Мезени существенно дополняют картину географического распространения этого важного в этнологическом отношении элемента украшения.

Головные уборы, особенности которых формируются под влиянием определенных религиозных представлений, считаются важнейшей в этнокультурном отношении частью народной одежды. В целом головные уборы одинаковы у обеих групп рассматриваемого населения: это кокошники, повойники, платки и разноцветные шали. Различия усматриваются в способах орнаментации праздничных головных уборов замужних женщин — повойниках. Шили их из бархата, овальный верх украшали вышивкой. Наиболее часто встречаются повойники, украшенные растительным орнаментом (цветы, листья), вышитым золотой нитью. И только в Лешуконском районе, в деревнях по соседству с коми, появляются повойники, украшенные бисером, причем основным орнаментальным мотивом вышивки служит елочка (вспомним ель в жатвенных обрядах этих деревень, о которых шла речь выше). Интересно, что сам способ нанесения этого орнамента назывался — «садить елочки», отчего, вероятно, возникло и название подобных повойников — «саженные».

Если повойники первого типа считаются характерными для поморов, то повойники второго типа связывают русских Мезени с восточными финнами. Кроме того, что украшение бисером так же, как пушки на серьгах, считается характерным элементом южнорусской одежды

Рассмотренный материал позволяет выделить в богатом народном искусстве Мезени две зоны, связанные с историей заселения края: северную и южную. Как уже отмечалось, согласно историческим свидетельствам Мезень заселялась двумя потоками: с севера — новгородцами, с юга — смешанным коми-русским населением. Очевидно, Мезенский район связан с северным, а Лешуконский — с южным потоками заселения. Выявленные по материалам народного искусства особенности, сближающие русских Лешуконского района с соседними коми, касающиеся главным образом древнейших элементов культуры, свидетельствуют не только о непосредственных контактах русских с их соседями, но и о более глубоких процессах, связанных, вероятно, с ассимиляцией русскими отдельных групп коми. Этот процесс — относительно позднего времени, после пересе-

ления русских (XV—XVI вв.) на Мезень,— отражен в исторических документах⁶³. Однако наши материалы свидетельствуют, что контакты русских с коми имеют еще более глубокие корни. Если такие элементы культуры, как общие образы низшей мифологии, «зыренские» пояса, многоцветные узоры на вязаных изделиях, связывающие лешуконских русских с коми, могут быть объяснены поздними контактами, то сходство других культурных особенностей могло появиться только на основе общего субстрата, вошедшего в состав обоих народов еще до их переселения на Мезень. Распространение в верховьях Мезени пушков на серьгах и шитья бисером, считающихся ярким признаком южных русских, отличающих их от остальных русских и связывающих их с финнами Поволжья, свидетельствует о связях доисторических пластов русской культуры рассматриваемых районов с культурой Волго-Камья. Объяснить распространение подобных орнаментальных форм, имеющих глубокие религиозные корни, простым заимствованием, да еще на огромной территории невозможно.

Такие элементы культуры, как свастический узор на предметах прикладного искусства, способы узорного тканья поясов, аналогии которым находятся в древнейших археологических памятниках Старого и Нового Света, позволяют судить еще об одном, вероятно, древнейшем субстратном слое в культуре северных русских.

Элементы же (пояски «в кружках», ромбический узор, «елоха» в жнивных обрядах), имеющие аналогии в культуре некоторых районов Владимирской, Костромской, Нижегородской и Вологодской областей, лишняя раз указывают на связи волжского бассейна с бассейнами северных рек. Древность этих связей подтверждается топонимическими и археологическими исследованиями последнего времени⁶⁴.

¹ Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, т. 1. Л., 1929, с. 96—107.

² Толстов С. П. К проблеме аккультурации.— *Этнография*, 1930, № 1—2; Маркелов М. Т. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских.— Там же; и др.

³ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962, с. 44—46.

⁴ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 93 и след.; Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922; Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии.— СЭ, 1946, № 2; Пименов В. В. Вепсы. М.—Л., 1965; Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974; и др.

⁵ Витов М. В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII веков). М., 1964.

⁶ Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915; Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949; Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1951; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии). М., 1970, с. 223—235.

⁷ Никонов В. А. Ручей — ключ — колодец — криница — родник.— Материалы и исследования по русской диалектологии, 1961, вып. II.

- ⁸ *Матвеев А. К.* Субстратная топонимика русского Севера.— Вопросы языкознания, 1964, № 2.
- ⁹ *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1957, т. XL; *Лименов В. В.* Чудские предания как источник по этнокультурной истории Европейского Севера СССР.— СЭ, 1968, № 4; *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX—начала XX в.). М., 1975.
- ¹⁰ *Маслова Г. С.* Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951; *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1958, т. XLV; *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль. М., 1975; Русское народное искусство Севера. Л., 1968; и др.
- ¹¹ См. несколько работ такого плана, появившихся за последние годы: *Фольклор и этнография русского Севера.* Л., 1973; *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974; *Жеребцов Л. Н.* Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVII—начале XX в. М., 1972; *Власова И. В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII—первой четверти XX в. М., 1976.
- ¹² *Платонов С. Ф., Андреев А. И.* Очерк Новгородской колонизации Севера в XVI и XVII веках.— В кн.: Очерки по истории колонизации Севера, с. 45—46; *Жеребцов Л. Н.* О времени появления коми на верхней Мезени.— Изв. Коми филиала Всесоюзного географического общества, 1955, вып. 3; *Афанасьев А. П.* Заселение бассейна Мезени в XV—XVII вв. Автореф. канд. дис. М., 1973; и др.
- ¹³ *Витов М. В.* Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера.— История СССР, 1964, № 6.
- ¹⁴ *Жеребцов Л. Н.* К вопросу о заселении бассейна р. Вашки.— Изв. Коми филиала Всесоюзного географического общества, 1959, вып. 5, с. 172.
- ¹⁵ *Жеребцов Л. Н.* К вопросу о заселении..., с. 169.
- ¹⁶ *Серебрянников Б. А.* Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР.— Вопросы языкознания, 1955, № 6; *Матвеев А. К.* Субстратная топонимика...
- ¹⁷ *Жеребцов Л. Н.* К вопросу о заселении..., с. 171; *Афанасьев А. П.* Заселение бассейна Мезени..., с. 11—13.
- ¹⁸ Среди очень немногих работ, посвященных народному творчеству Мезени, выделяется, на наш взгляд, сборник «Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера», т. I—II. (Л., 1927—1928), авторы которого предприняли изучение фольклора северных районов, в том числе и Мезени, в связи с социально-экономической историей края.
- ¹⁹ Подробнее об этом см.: *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин..., с. 32—33.
- ²⁰ *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин..., с. 92.
- ²¹ О ритуальном значении слюны в обрядах многих народов см.: *Афанасьев А. П.* Поэтические воззрения славян на природу, т. 3. М., 1865, с. 101.
- ²² *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 321.
- ²³ *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков, с. 163.
- ²⁴ Материалы Архангельской экспедиции 1970 г., записи С. И. Дмитриевой. Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 11, д. 9.
- ²⁵ Материалы Архангельской экспедиции 1975 г., записи С. И. Дмитриевой. Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 11, д. 9.
- ²⁶ Материалы Архангельской экспедиции 1970 г., записи С. И. Дмитриевой. Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 11, д. 9.
- ²⁷ Материалы Вологодско-Костромской экспедиции 1972 г., записи С. И. Дмитриевой. Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 11, д. 9.
- ²⁸ *Лаушкин К. Д.* Деревянная фигурка антропоморфного существа из Старой Ладogi.— В кн.: Фольклор и этнография русского Севера. Л., 1973, с. 273—274.
- ²⁹ *Смирнов И. Н.* Пермьяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891, с. 262—264.

- ³⁰ *Смирнов И. Н.* Пермьяки..., с. 264—265; *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 322—323.
- ³¹ *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 320.
- ³² *Смирнов И. Н.* Пермьяки..., с. 276.
- ³³ *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 320.
- ³⁴ *Смирнов И. Н.* Пермьяки..., с. 286.
- ³⁵ *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, с. 385.
- ³⁶ *Шшикин Н. И.* Коми-пермяки. Этногеографический очерк. Молотов, 1947, с. 35.
- ³⁷ *Марр Н. Я.* Скифский язык.— Избранные работы, т. 5. М.— Л., 1952, с. 217.
- ³⁸ *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество. М., 1941, с. 75—76.
- ³⁹ *Сыропятов А.* Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. Пермь, 1924, с. 6—7.
- ⁴⁰ *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 177.
- ⁴¹ *Жеребцов Л. Н.* Крестьянские жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971, с. 75.
- ⁴² *Сыропятов А.* Отражение..., с. 17.
- ⁴³ *Едемский М. Б.* О крестьянских постройках на севере России. СПб., 1913.
- ⁴⁴ *Блоквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1956, т. XXXI, с. 353—354.
- ⁴⁵ Там же, с. 354.
- ⁴⁶ *Соболев Н. Н.* Русская народная резьба по дереву. М.— Л., 1934, с. 13.
- ⁴⁷ *Романов К. К.* Жилище в районе реки Пинеги.— В кн.: Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера, т. 2, с. 26.
- ⁴⁸ *Романов К. К.* Жилище в районе реки Пинеги, с. 26.
- ⁴⁹ Материалы Архангельской экспедиции 1970 г., рисунки А. П. Ермолаева. Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 11, л. 9.
- ⁵⁰ *Тарановская Н. В.* Росписи на Мезени и Печоре (о формировании местных художественных стилей).— В кн.: Русское народное искусство Севера, с. 50; *Жеребцов Л. Н.* Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX в.); Этнография и фольклор коми.— Труды Ин-та языка, литературы и истории, 1972 (Сыктывкар), № 13, с. 113.
- ⁵¹ Об этой росписи см.: *Арбат Ю. А.* Русская народная роспись по дереву. М., 1970.
- ⁵² См. изображение прялок: *Мальцев Н. В.* Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове.— В кн.: Русское народное искусство Севера.
- ⁵³ *Шляпкин И. А.* Древние русские кресты. СПб., 1906, с. 37—38.
- ⁵⁴ *Смирнов В. И.* Русское узорное тканье (костромские пояски).— СЭ, 1940, № 3, с. 93.
- ⁵⁵ *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1956, т. XXXI, с. 505.
- ⁵⁶ *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество..., с. 505—506; *Смирнов В. И.* Русское узорное тканье..., с. 95.
- ⁵⁷ О технике тканья см.: *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество..., с. 508; *Белицер В. Н.* Народное изобразительное искусство коми.— Кр. сообщ. Ин-та этнографии, 1950, № 10, с. 20.
- ⁵⁸ *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 18, 20.
- ⁵⁹ *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 340; *Маслова Г. С.* Народный орнамент верхневолжских карел, с. 130.
- ⁶⁰ *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской мещеры, ч. 1. М., 1926, с. 64.
- ⁶¹ *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 279.
- ⁶² *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 278—279; *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1956, т. XXXI, с. 730.
- ⁶³ *Жеребцов Л. Н.* Расселение коми в XV—XIX вв. Сыктывкар, 1972; *Афанасьев А. П.* Заселение бассейна Мезени...
- ⁶⁴ *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР.— Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), 1952, № 29; *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94; Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969; и др.

В. Е. ГУСЕВ

ФОЛЬКЛОР В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Культурологией фольклор рассматривается как совокупность различных видов традиционной духовной культуры народных масс. В этом смысле фольклор является органической составной частью духовной культуры человеческого общества. Однако место и функция фольклора в системе культуры изменяются в соответствии с объективными законами ее исторического развития.

В специальных культурологических, этнографических и социологических исследованиях фольклор часто отождествлялся с так называемой «первобытной культурой» или с «примитивной общинной культурой». Из такого представления возникали концепции, согласно которым фольклор на последующих этапах истории общества оказывался реликтом первобытной культуры в культуре «цивилизованных обществ».

Марксистская наука преодолела ограниченные и односторонние представления о фольклоре и изучает его как исторически развивающуюся коллективную творческую деятельность классов и социальных групп, объединяемых понятием «народ». При таком понимании фольклор предстает не как консервативный элемент духовной культуры, изживаемый по мере прогрессивного развития общества, а как динамическая структура, в которой наряду с реликтовыми элементами существуют и новообразования. Под воздействием новых условий жизни и быта народа и в связи с изменениями в мировоззрении масс в фольклоре происходит сложный процесс взаимодействия всех элементов, в результате чего сами реликтовые элементы могут приобретать иной смысл, актуализироваться. Вследствие этой способности к саморазвитию фольклор оказывается не консервативной и чужеродной частью духовной культуры классового общества, а адаптируется, творчески перерабатывается ею и способствует ее прогрессивному развитию.

Этот исторически развивающийся процесс адаптации, воспроизведения и трансформации фольклора в иных видах куль-

туры мы называем фольклоризмом в широком смысле слова в отличие от того специфического значения, какое этому термину придали Г. Мозер и Г. Баузингер (отнеся его к так называемому «вторичному существованию» фольклора) ¹. При этом мы опираемся на иную научную традицию. Термин «фольклоризм», как известно, был предложен в конце XIX в. французским фольклористом П. Себийо для обозначения различных «ненаучных» форм заятий и увлечений фольклором. В этом первоначальном смысле термин был воспринят советской фольклористикой 1930-х годов (М. К. Азадовский, Ю. М. Соколов и др.) для различения собственно научных исследований фольклора (фольклористики) и «неакадемических» проявлений общественного интереса к фольклору (критика, публицистика, литература и др.). Наиболее универсальное значение термину придал В. М. Жирмунский — как «широкому общественному явлению», связанному «с общественной борьбой вокруг истолкования и использования фольклора в обиходе русской литературы и культуры» ².

Те явления, которые вслед за Г. Мозером и Г. Баузингером принято называть «фольклоризмом», не исчерпывают всех реальных видов трансформации фольклора в современной культуре и могут рассматриваться как один из типов современного фольклоризма в широком смысле слова. Тем самым не снимается проблема «вторичного существования фольклора», а лишь создается возможность изучать ее в более широком социально-культурном контексте.

В последнее десятилетие некоторые особенности процесса адаптации фольклора социалистической культурой славянских народов уже были предметом обсуждения в среде фольклористов и этнографов: на общепольской научной сессии (Познань, 1969), на III этномузыковедческом семинаре в Словакии (Смоленце, 1972), на чехословацком симпозиуме, посвященном традициям народной культуры в социалистическом обществе (Стражнице, 1973), на II и III национальных симпозиумах фольклористов Болгарии (Балчик, 1973, и Кюстендил, 1975), на международном симпозиуме «Фольклор и художественная самодеятельность» (Бургас, 1974), на многих конгрессах фольклористов Югославии (в особенности на XVII—Пореч, 1970, и XXIII — Славонский Брод, 1976), на конференциях советских фольклористов, посвященных проблеме «Фольклор и современность» ³.

Основываясь на этих обсуждениях последнего десятилетия и на других материалах, опубликованных за это время, попытаемся обобщить некоторые наблюдения и предложить на обсуждение проблемы современного фольклоризма и возможные задачи его дальнейшего изучения.

В научных дискуссиях выявились подчас противоположные оценки современного фольклоризма ⁴. Эти различия в оценках

во многом проистекают из того, что одним и тем же термином обозначаются проявления фольклоризма как сложного, не лишённого внутренних противоречий процесса. Естественно, когда принимаются во внимание лишь «коммерческие» формы фольклоризма, связанные с «индустрией туризма», или псевдофольклорные стилизации в концертных программах эстрадных ансамблей, то современный фольклоризм вызывает негативное отношение в среде фольклористов. Однако при учете всех форм фольклоризма и всех тенденций его развития появляется возможность объективного, диалектического анализа этого процесса.

На позитивные тенденции в современном фольклоризме славянских народов одним из первых обратил внимание польский этнограф и историк культуры Ю. Буршта: «Фольклоризм — одно из важнейших современных культурных явлений... Он является спонтанным движением и вместе с тем находится на линии политики общества в области культуры... Отсюда следует, что критика фольклоризма как якобы проявления косности противоречит тенденции исторического развития». Указывая, что фольклоризм не ограничивается только той средой, которая до сих пор являлась хранительницей традиционной культуры, — крестьянством, но охватывает все слои социалистического общества, Ю. Буршта трактует фольклоризм как «одно из проявлений процесса создания современной цельной национальной культуры»⁵.

Разносторонне и глубоко различные тенденции в развитии современного фольклоризма анализировала югославская фольклористка М. Бошковиц-Стулли. Она стремилась подойти к этому явлению исторически, дифференцируя в нем различные тенденции его развития или различные общественные «функции» — «внешнюю», «туристически-коммерческую», и «внутреннюю», которая удовлетворяет духовные запросы местного населения. И хотя автор не исключает возможности взаимопроникновения этих двух тенденций, однако предметом анализа в статье правомерно становятся явления, вытекающие из «внутренней» функции фольклоризма. В итоге автор приходит к важному выводу, что современный фольклоризм — «сложное, многообразное социально-культурное явление» и что «фольклоризм сам по себе ни хорош и ни плох... Уровень и качество видов фольклоризма зависят от уровня его носителей и организаторов, а шире говоря, от уровня всей социальной среды»⁶.

Сходные взгляды высказывает чехословацкий фольклорист О. Сироватка. Он отмечает, что процесс усвоения фольклора современной культурой «интенсивный, живой и многосторонний, но внутренне противоречивый». Фольклоризм проникает в разнообразные формы национальной культуры и выполняет различные функции. В резюме своей статьи автор формулирует важный практический вывод: «Так как фольклоризм стал ре-

альным фактом и исключительно сильным фактором настоящей жизни, его нельзя предоставить стихийному развитию, но его нужно реально изучать, анализировать и влиять на него, направлять его»⁷.

Такая активная позиция характерна для современной фольклористики. Заинтересованная в том, чтобы подлинные ценности духовной культуры народных масс не были преданы забвению, она призвана средствами научно-критического анализа и непосредственным участием в культурной жизни общества содействовать процессу разностороннего и вместе с тем избирательно-го, целенаправленного усвоения фольклора социалистической культурой, которая наследует все прогрессивные и демократические элементы культуры, созданной человечеством.

Характеризуя современный фольклоризм как «международное явление», исследователи иногда абстрагируются от конкретных исторических и социальных условий, в которых протекает процесс адаптации и трансформации фольклора современной культурой. Подчас проводятся прямые параллели между современным фольклоризмом и аналогичными явлениями в культуре прошлых эпох. Между тем современный фольклоризм характеризуется не только новыми бытовыми и эстетическими функциями народного искусства, но и новым идеологическим содержанием и новыми социальными функциями. Поэтому абстрактный, внеисторический подход к современному фольклоризму не способствует объективному познанию этого явления во всем его конкретно-историческом своеобразии. Место и значение фольклора в системе современной культуры славянских народов определяются не историческими реминисценциями и не аналогией с фольклоризмом в современном буржуазном обществе, а конкретным анализом всех условий и форм адаптации народного искусства, присущих культуре всех социалистических наций⁸.

Часто фольклоризм и фольклор противопоставляются друг другу как взаимоисключающие явления в развитии современной культуры. Само возникновение фольклоризма воспринимается при этом лишь как следствие исчезновения традиционной народной культуры. Между тем такое рассуждение не подтверждается историческим изучением фольклоризма: он известен и эпохам, когда существование живой народной традиции не вызывает ни у кого сомнений (например, эпоха романтизма). Видимо, причины появления или интенсивного развития фольклоризма следует искать не только и не столько в судьбах самого фольклора, сколько в потребностях культурного развития того или иного общества. Разумеется, было бы наивно отрицать тенденцию сокращения удельного веса традиционного фольклора в современной культуре народных масс. Однако между этой тенденцией и развитием фольклоризма, на наш взгляд, нет прямой причинно-следственной связи. В основе фольклоризма в социалистическом обществе лежат не негативные причины, а объ-

активная закономерность демократизации всей культуры, осознание обществом непреходящей ценности фольклора.

Определяя место фольклора в современной культуре славянских народов, было бы преждевременно ограничиваться рассмотрением только фольклоризма. В связи с этим мы разделяем мнение тех участников дискуссии, которые принимают во внимание и факт существования современного фольклора (как традиционных его форм, так и новообразований), что подтверждается и специальными исследованиями и публикациями последних лет⁹. В некоторых докладах и сообщениях и в дискуссии на VII Международном съезде славистов уже освещалось современное состояние фольклора с учетом изменений, которые происходят в традиционных жанрах¹⁰. На основании всех этих наблюдений и новых экспедиционных исследований мы вправе говорить о сложном диалектическом процессе, протекающем в народной культуре поныне: одни виды и жанры фольклора действительно безвозвратно уходят из быта народа, другие же сохраняют свою жизнеспособность (преимущественно некоторые лирические песенные жанры, особенно монострофические формы, некоторые виды устной прозы, особенно несказочная проза, отчасти народная хореография и народно-инструментальная музыка). Разумеется, при этом у разных славянских народов местные очаги живой фольклорной традиции сохраняются в разной степени и у каждого из народов наблюдается различное соотношение традиционных и новых форм фольклора. При этом отмечается одна характерная тенденция — усиление взаимодействия местных фольклорных традиций, а также межэтнических фольклорных связей, что позволило некоторым исследователям поставить проблему интеграционной функции фольклора в современной культурной жизни славянских народов¹¹.

Не развивая тему современного состояния фольклора, поскольку ей был посвящен наш специальный доклад на VI съезде славистов¹², ограничимся утверждением, что, устанавливая место фольклора в социалистической культуре, мы не можем игнорировать его как самостоятельный элемент системы — функционирующий в ней непосредственно, а не только как трансформированный в разных видах фольклоризма. Более того, сейчас мы с большей уверенностью, чем прежде, на основе наблюдений последних лет можем говорить об обратной связи между фольклоризмом и фольклором, о том, что повышенный интерес общественности социалистических стран к фольклору и некоторые виды фольклоризма способствуют сохранению народных традиций в самой народной среде. Преодоление встречавшегося в прошлом одностороннего отношения некоторых деятелей культуры к фольклору как к архаике, якобы чуждой социалистической культуре, создает благоприятные условия для укрепления народных традиций там, где они сохранились.

Повсеместное включение фольклора в художественную самодеятельность, систематическая организация массовых смотров и фестивалей народного искусства поддерживают, а в ряде случаев и возрождают фольклорные традиции в самом народном быту. Особое значение в этом процессе имеют проводимые в последние годы в Советском Союзе так называемые «этнографические концерты», т. е. выступления исполнителей произведений традиционного фольклора из тех очагов живой традиции, которые были открыты фольклористами в процессе полевой работы, и в том облике, в каком они бытуют или недавно бытовали в среде, непосредственно хранящей фольклорные традиции¹³. Разумеется, сам факт выступления таких исполнителей перед большой аудиторией не может рассматриваться как бытование фольклора и является лишь видом фольклоризма, культивируемого фольклористами. Но мы ссылаемся на «этнографические концерты» в данном случае с другой целью — для того, чтобы еще раз подтвердить факт существования в самой народной среде подлинного фольклора, выявлению и активизации которого и способствует этот вид фольклоризма. Поощрение специалистами подлинной народной традиции поддерживает в сознании самих исполнителей и их окружения стремление сохранять эти традиции в быту.

Сопутствующий фольклоризму подлинный фольклор можно наблюдать и во время (или чаще после) региональных смотров и фестивалей фольклора. Участники конгрессов фольклористов Югославии, проходящих ежегодно в различных районах этой страны, имеют возможность ознакомиться с состоянием местной фольклорной традиции не только во время специальных выступлений фольклорных групп, но и непосредственно наблюдать стихийно возникающее в среде местного населения исполнение песен и танцев. Нам в числе других участников этих конгрессов неоднократно удавалось слушать и видеть не предусмотренные программой конгрессов массовые «коло», пение и игру гусляров и «свирачей» не с эстрады и не для участников этих конгрессов, а на улице или в домашней обстановке.

Сходную картину довелось наблюдать в дни работы III национального симпозиума болгарских фольклористов, во время фольклорного «собора» в Сапаревой Бане в 1975 г. Одновременно с выступлениями певцов, музыкантов и танцоров (в помещении местного Дома культуры перед большой аудиторией и жюри) в течение всего дня в окрестностях городка, на пологих склонах горы приехавшие из разных мест крестьяне собирались группами в некотором отдалении друг от друга, водили «орбó» и пели традиционные песни. По окончании «собора», при разезде гостей, на площади городка и прилегающей к ней улице образовалось несколько «орбó», в центре которых стояли музыканты, игравшие на гудулках, кавалах и гайдах. Это было народное веселье, сопровождавшееся традиционной музыкой и

танцами, никак не связанное с программой «собора». В этом проявилось характерное сочетание фольклоризма и фольклора, причем стимулирующая спонтанную народную традицию роль «собора» была очевидной¹⁴.

Было бы интересно специально изучить подобные явления и сравнить репертуар и манеру исполнения одних и тех же исполнителей во время фольклорных смотров и в условиях повседневного быта, проследить судьбу традиции в той среде и тех коллективах, из которой приглашаются на смотры исполнители.

Таким образом, фольклоризм не является ни прямым следствием, ни причиной исчезновения фольклора. Соотношения между ними представляются более сложными.

Мы остановились на проблеме непосредственного включения фольклора в систему современной культуры славянских народов ввиду того, что придаем принципиальное значение необходимости учитывать и этот элемент, а не потому, что хотели бы преувеличить его удельный вес. Подобно большинству фольклористов мы осознаем, что общая тенденция современного культурного развития славянских народов состоит в сужении сферы бытования фольклора и в расширении сферы опосредованного усвоения фольклора социалистической культурой.

В связи с этим большой интерес представляет проблема типологии современного фольклоризма. Авторы названных статей, не классифицируя специально виды фольклоризма, так или иначе выделяли и характеризовали их. Ю. Буршта рассмотрел фольклоризм в музыке, в изобразительном искусстве и литературе, театрализацию народных обрядов, упомянул деятельность ансамблей песни и танца, телевизионные передачи и короткометражные фильмы¹⁵. М. Бошкович-Стулли расположила анализируемый материал в другой системе; в поле ее зрения оказались: реконструкция подлинно народных, но забытых форм фольклора; культивация живых, но начинающих исчезать из быта явлений; особенности сценического представления произведений фольклора; исполнение фольклора в среде городских любителей искусства; интерпретация фольклора исполнителями-профессионалами; стилизованные под фольклор «новые народные песни»; наконец, она бегло коснулась региональных фестивалей фольклора, телепередач, рекламы и литературного фольклоризма¹⁶.

На упомянутых научных конференциях отдельным видам фольклоризма были посвящены специальные доклады, причем охват явлений, объединяемых этим понятием, был достаточно широким. Намечаются две тенденции в группировке материала исследователями, пока еще не формулируемые и не получившие теоретического обоснования.

Одна тенденция проявляется в стремлении рассматривать процесс трансформации самого фольклора, причем не только

его словесных жанров, но и народной музыки, народной хореографии, народных обрядов, народного изобразительного и прикладного искусства. Предметом анализа становятся изменения, происходящие в каждом виде традиционной народной культуры, процесс воздействия на него профессионального искусства, последствия включения данного вида в систему современной культуры и репродукции его средствами массовой коммуникации¹⁷.

Такой подход к проблеме, ставящий в центр ее сам фольклор, мог бы в конечном счете привести к построению собственно фольклористической или искусствоведческой типологии фольклоризма. Сравнительная виды народного искусства по степеням их «проницаемости», по характеру воздействия на них соответствующих видов профессионального искусства, можно было бы установить соотношение между ними как элементами современной народной духовной культуры.

Наряду с этой тенденцией, пожалуй, большее распространение получило стремление рассматривать репродукцию фольклора в различных формах современной общественно-культурной жизни. При этом, не выделяя специально тот или иной вид фольклора, исследователи сосредоточивают внимание на общих закономерностях его трансформации в современной культуре и на специфике этого процесса в каждом виде культуры: в массовой художественной самодеятельности, на фестивалях народного творчества, в программах государственных ансамблей песни и танца, в телевизионных программах и радиопередачах¹⁸. При таком подходе к проблеме создаются предпосылки для культурологической или социологической типологии фольклоризма, которая позволит установить место фольклора в системе современной культуры в целом. Именно в этом направлении сделаны и первые шаги на пути построения классификации фольклоризма. Чешский фольклорист Б. Бенеш выделяет три формы фольклоризма: «интимную» (преобразование фольклорной традиции в семейном или узком общественном кругу), «коллективную» (общественные формы развлечения или представления) и «коммерческую»¹⁹.

Иной опыт систематизации материала предприняла Д. Рихтман-Аугуштин в социологическом очерке «Положение традиционной культуры в современном обществе». Она выделяет несколько «уровней трансформации» традиционного народного искусства и предлагает следующую классификацию.

1. Фольклор в его «чистом облике» (бытующий в небольших общественных группах).

2. Фольклор в его «вторичном существовании» (фольклоризм):

а) сохраняющий традиционный облик, который лишь частично модифицируется в современные формы (при переходе из хранящей его среды в общество по каналам средств массовой коммуникации);

б) сохраняющий лишь некоторые элементы традиционного облика и включающийся в так называемую современную «массовую культуру»;

в) передающий современному искусству или «массовой культуре» некоторые свои элементы (содержания или формы)²⁰.

Признавая плодотворность самого принципа выделения «уровней трансформации», заметим, что в данной классификации фольклор, бытующий в традиционных формах, обозначен как стабильный уровень, как точка отсчета для последующих модификаций. Между тем и сам традиционный фольклор, как известно, подвержен изменениям в хранящей его среде — отчасти в силу присущих ему внутренних законов саморазвития под воздействием объективных условий жизни и быта народа, отчасти вследствие отмеченной обратной связи между фольклоризмом и фольклором и проникновения в народную традицию элементов современной культуры независимо от перехода фольклора в иную среду. Поскольку фольклор включается в общую классификацию культуры (что само по себе правомерно), то следует учитывать его как динамический элемент системы. Что же касается собственно фольклоризма, то предложенная Д. Рихтман-Аугуштин трехступенчатая схема заслуживает внимания фольклористов и может быть положена в основу более конкретной классификации, в которой нашли бы место все (обычно называемые в произвольном порядке) виды фольклоризма.

Не претендуя на окончательное решение проблемы, полагаем, что типология фольклоризма может быть построена не только по видам фольклора или степени трансформации фольклора, но и исходя из приведенного выше определения фольклоризма как процесса усвоения и трансформации фольклора в иных видах культуры — как собственно культурологическая типология. Ведь характер и направление этого процесса определяются не столько внутренними закономерностями развития фольклора, сколько общим развитием всей современной культуры. Тот или иной вид фольклоризма зависит в конечном счете от того, в какую сферу культуры втягивается фольклор, удовлетворению каких культурных запросов общества он служит.

Таким образом, формообразующим фактором в развитии современного фольклоризма является сама система современной культуры. Поэтому нам представляется, что типы и виды фольклоризма надо классифицировать в соответствии с теми структурными элементами современной культуры, которые адаптируют фольклор. Такая типология фольклоризма поможет установить реальное соотношение фольклора с культурой в целом и характер связей фольклора с определенными видами культуры. Это будет способствовать выяснению особенностей трансформации фольклора в каждой сфере культуры и поможет избежать абстрактных рассуждений и бесплодных споров на тему, какая

степень трансформации является допустимой, а какая является искажением фольклора, какой фольклоризм «хорош» или «плох». Критерием в определении оптимальных норм трансформации фольклора будут не пристрастные суждения фольклористов или деятелей культуры, а некие объективные законы, диктуемые и природой фольклора, и свойствами того вида культуры, которым адаптируется фольклор. Культурологическая типология фольклора не только правомерна в научном отношении, но и практически целесообразна, поскольку будет способствовать конкретному применению научных знаний и рекомендаций фольклористов в культурной политике общества и позволит применить научные методы руководства процессом усвоения фольклора социалистической культурой.

Исходя из этого принципа предлагаем на обсуждение следующую типологию современного фольклоризма у славянских народов.

I. Трансформация фольклорных традиций в культуре народных масс:

1) включение бытующих произведений фольклора, исполняемых народными певцами, музыкантами, танцорами, в «этнографические концерты» и программы концертов художественной самодеятельности;

2) хоровые и хореографические ансамбли, оркестры народных инструментов, смешанные фольклорные группы, исполняющие произведения фольклора в системе повседневной местной (клубной) художественной самодеятельности и стремящиеся воссоздать (реконструировать) традиционные формы исполнения;

3) коллективы и солисты, исполняющие произведения фольклора в различных обработках или новые произведения, стилизуемые под фольклор, в условиях местной (клубной) художественной самодеятельности под руководством профессиональных руководителей;

4) региональные (районные) конкурсы, смотры, фестивали народного творчества.

II. Трансформация фольклора в системе государственной концертно-эстрадной деятельности:

1) специализированные зональные, национальные, общегосударственные фольклорные фестивали;

2) зональные, национальные, общегосударственные смотры, фестивали, олимпиады, праздники современного народного творчества (включающие в программу лишь отдельные фольклорные коллективы);

3) международные фестивали фольклора;

4) государственные ансамбли народной песни и танца;

5) эстрадные «фольклорные» группы.

III. Массовая репродукция фольклора:

- 1) в печати (популярные издания произведений фольклора в различных обработках, песенники, плакаты, реклама и т. п.);
- 2) в звукозаписи;
- 3) радио- и телепередачи;
- 4) фольклорно-этнографические документальные и учебные фильмы.

IV. Адаптация фольклора в сфере профессионального искусства (художественная литература, композиторская музыка, театр, киноискусство).

Каждый из выделенных типов и видов фольклоризма отличается своими, только ему свойственными особенностями.

Так, повседневная массовая художественная самодеятельность (I.1—3) рассчитана прежде всего на удовлетворение эстетических потребностей самих ее участников и на восприятие местной средой (односельчане, «свой» производственный коллектив и т. п.). Естественно, исполнение произведений фольклора даже в группе I.1. не может быть отождествлено с их жизнью в повседневном быту народных масс: изменяется не только функция фольклора, но и сам характер исполнения, в особенности когда оно выносится на публику; влияние оказывают и условия исполнения (ограниченность времени, законы сценического пространства и др.). И все же следует различать виды I.1, I.2 и I.3, поскольку в первом случае мы имеем дело лишь с переходом аутентичного фольклора из повседневного быта на сцену, во втором — с установкой на воссоздание или реконструкцию подлинного фольклора, а в третьем — с установкой на его стилизацию. Естественно, что в живой практике художественной самодеятельности возможен смешанный вид (I.2/3) — в случаях, когда в репертуаре одного и того же коллектива присутствуют и произведения фольклора, и стилизованные произведения или когда в программе клубного концерта одновременно представлены оба коллектива. При дальнейшем, более дифференцированном рассмотрении обозначенных видов окажется, что в пределах каждого из них могут быть выделены подвиды: так, в группе I.2 можно различать простые формы (выступления солиста или ансамбля, репертуар и исполнение которых соответствует бытующим жанрам фольклора — I.2/а) и более сложные формы (сценические «свадьбы», «посиделки», «хороводы» и т. п. драматизированные и сюжетные фольклорные композиции, осуществленные самими фольклорными коллективами художественной самодеятельности — I.2/б).

От видов локальной (клубной) художественной самодеятельности существенно отличаются периодически организуемые региональные смотры народного творчества (I.4). Хотя этот вид является как бы интегрированной формой видов I.1—3, однако в действительности он означает не их простую сумму, а боль-

шую степень организации и селекции фольклоризма, а также большую публичность: его восприятие рассчитано уже не на локальную среду, которую представляют сами исполнители, а на большую аудиторию, включающую представителей иных территориальных и профессиональных групп, а также жюри, состоящее из специалистов и представителей общественности. В программу этих смотров включаются не все входящие в репертуар исполнителей произведения, а строго ограниченное количество и лишь те, которые отвечают условиям проходящего смотра. Обстановка праздничного и вместе с тем официального исполнения, атмосфера творческого соревнования оказывают свое влияние на манеру исполнения. Все эти обстоятельства придают иной облик фольклоризму комментируемого вида, отличный от фольклоризма рассмотренных выше видов.

Более сложной представляется проблема фольклоризма другого типа (II.1—5). В некоторых странах зональные и национальные фольклорные фестивали (II.1) стали одним из самых культивируемых видов фольклоризма («Татранская осень» в Польше, «Сабор народного творчества Сербии» в Лесковце и аналогичные праздники в других республиках Югославии, «Пирин пее» и другие «соборы» и фестивали в Болгарии, первые чехословацкие фестивали в Стражнице, словацкий фестиваль в г. Выходна и аналогичные региональные фестивали в Чехии и Моравии, праздники народного творчества Полесья в Белоруссии, зональные фестивали на Украине, фольклорный фестиваль северо-запада России в Ленинграде и т. п.). Установка на демонстрацию подлинного фольклора сближает этот вид с видами I.1—2, но иная организация и условия исполнения, массовость и публичность наделяют этот вид фольклоризма особыми признаками большого современного национального праздника. В отличие от этого вида демонстрация современного народного творчества и массового исполнительского искусства во всем многообразии его идейно-художественного содержания и форм исполнительства (II.2) неизбежно сужает сферу фольклоризма в этой области и предъявляет к нему иные требования со стороны организаторов этих универсальных праздников. Степень трансформации фольклора здесь, как правило, большая, чем в предшествующем виде. Быть может, именно на этом уровне было бы особенно важным практическое участие специалистов-фольклористов в организации и оценке выступлений соответствующих коллективов художественной самодеятельности.

Международные фестивали фольклора (II.3), количество которых несравненно меньше (ежегодные смотры в Загребе, Балканский фольклорный фестиваль в Охриде, фестиваль в Стражнице и др.), различаются по своим установкам: одни проводятся в рамках туристических мероприятий, другие — с научной целью. Каждый из них требует специального анализа и определения характера фольклоризма²¹.

Что касается деятельности государственных ансамблей (II.4), то она представляет собой совершенно особый, сложившийся в условиях социалистической культуры вид фольклоризма. Многие из этих ансамблей возникли в недрах художественной самодеятельности и на первых порах своего существования не порывали с фольклорной традицией. В некоторых из них и поныне исполнительская практика сочетается с собиранием фольклора. Прославленные и приобретшие международную известность Хор имени Пятницкого, ансамбль И. Моисеева, Украинская государственная капелла бандуристов, Белорусский государственный ансамбль песни и танца Г. Ширмы, польские ансамбли «Мазовше» и «Шлёнск», югославские «Коло», «Ладос», «Танец» и другие подобные коллективы выполняют благородную миссию, знакомя многомиллионную и многонациональную аудиторию с искусством своих народов. Однако их деятельность следует рассматривать как особый вид современного национального искусства, созданного в процессе большей или меньшей обработки фольклора профессионалами-художниками, причем фольклор часто становится лишь материалом для оригинального творчества их художественных руководителей.

Но и в тех случаях, когда в программу этих ансамблей включается сам фольклор, он чаще всего предстает как искусная стилизация, не в его многообразных локальных вариантах, а в обобщенном национальном (или зональном) облике. Правда, наряду с национальными ансамблями у каждого славянского народа существуют и государственные региональные ансамбли, где местная фольклорная специфика выражается отчетливее. Опыт всех этих ансамблей, как бы ни была высока их репутация, подлежит научно-критическому анализу; нуждаются в конкретном исследовании характер и степень трансформации в каждом из них. Так или иначе сам тип и назначение этих ансамблей — как коллективов народной песни и танца — позволяют ожидать от них большей ориентации на подлинную народную традицию²².

Однако установка на воспроизведение фольклора в более или менее близких к традиции формах, обязательная для одних видов фольклоризма, не может быть абсолютным критерием для современного фольклоризма в целом. В связи с этим, думается, вполне правомерен особый вид фольклоризма (II.5), для которого характерна как раз сознательная и предельная трансформация традиции в соответствии с природой культивируемого жанра эстрадного искусства и ориентацией на некоторые особенности развития современной художественной культуры. Обработки народных песен современными популярными ансамблями («Балалайки», «Петрушки», «Песняры», «Кобза», «Червона рута» и т. п.) завоевывают массовую аудиторию, поскольку отвечают эстетическим вкусам современной молодежи, и с этим фактом нельзя не считаться и фольклористам.

Если в сферах культуры, которые по самому своему характеру функционируют под знаком фольклорности, а также предназначены для популяризации и репродукции фольклора (тип III), естественно, мы отдаем предпочтение тем проявлениям фольклоризма, где соблюдается близость к народным традициям, то, когда мы обращаемся к иным сферам культуры, функционально не связанным непосредственно с традициями народного искусства, здесь в силу вступают иные закономерности, и фольклор включается в иную систему стиливых средств. Это в полной мере относится к современному профессиональному искусству (IV). Основное развитие его, думается, идет не по пути аутентичного воспроизведения фольклора или стилизации (что было характерным для целых направлений в искусстве прошлых эпох), а по пути свободного и смелого творческого преобразования фольклорных традиций. Для представителей «новой фольклорной волны» в современном профессиональном искусстве славянских народов характерен отказ от «цитирования» фольклора и вместе с тем заметное стремление проникнуть во внутреннюю структуру фольклора, в глубинные слои художественного мышления народа, в семантику фольклорной образности. Фольклоризм многих современных писателей обнаруживается не столько в тексте, сколько в «подтексте» их произведений. Разумеется, эта общая тенденция не исключает возможности появления традиционных произведений искусства, где выражается непосредственная связь художника с фольклорной традицией. Наконец, и фольклоризм представителей «новой фольклорной волны» также неоднороден. Он сложное, развивающееся явление и требует специальных конкретных исследований. Наша задача ограничивалась лишь кратким комментарием предложенной типологии фольклоризма²³.

Итак, современный фольклоризм, являясь универсальным и разнообразным процессом, протекает в двух основных направлениях: как своеобразная культивация фольклора в самой народной среде (вследствие включения его в современные культурно-общественные формы жизни народных масс) и как многоступенчатая трансформация фольклорных элементов в некоторых характерных для современности видах социалистической культуры. Этот процесс может стать предметом долговременного комплексного изучения силами фольклористов, культурологов, социологов и искусствоведов.

¹ Moser H. Vom Folklorismus in unserer Zeit.— Zeitschrift für Volkskunde, 1962, (Stuttgart), Jg. 58, H. 2, S. 177—209; *Idem.* Der Folklorismus als Forschungsproblem der Volkskunde.— Hessische Blätter für Volkskunde, 1964, (Gießen), Bd 55, S. 9—57; *Bausinger H.* Zur Kritik der Folklorismus-Kritik.— Populus revisus (Volksleben 14). Tübingen, 1966, S. 61—75; *Idem.* Folklorismus in Europe (Eine Umfrage).— Zeitschrift für Volkskunde, 1969, (Stuttgart), Jg. 65, S. 61—75.

² *Жирмунский В. М.* М. К. Азадовский. Биографический очерк.— В кн.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958, с. 14.

- ³ См. публикации материалов: *Folklor w życiu współczesnym*. Poznań, 1970; Современное состояние народного творчества. Л., 1970; Rad XVII Kongresa Saveza udruženja folklorista Jugoslavije (Poreč, 1970). Zagreb, 1972 (раздел «Perspektive narodnog stvaralaštva u suvremenim društvenim previranjima»); Tradice lidové kultury v životě socialistické společnosti. Brno, 1974 (далее — Tradice lidové kultury...); серия брошюр под общим титульным названием: «Доклад изнесен на международный симпозиум — Фольклор и художественная самодейность». Бургас, 1974; Фольклорът и народните традиции в современната национална култура. София, 1976; Современность и фольклор. М., 1977.
- ⁴ См. обзор: *Ritig N. Uz jednu diskusiju o folklorizmu*.— *Narodna umjetnost*, br. 7. Zagreb, 1969—1970, s. 17—25.
- ⁵ *Burszta J. Folklorizm w Polsce*.— In: *Folklor w życiu współczesnym*. Poznań, 1970, s. 24—25. См. также выступление Ю. Буршты в дискуссии на страницах журнала «Zeitschrift für Volkskunde», 1969, (Stuttgart), Jg. 65, H. 1. Особенно обстоятельно взгляды автора изложены в кн.: *Burszta J. Kultura ludowa — kultura narodowa*. Warszawa, 1974.
- ⁶ *Bošković-Stulli M. O folklorizmu*.— В кн.: *Zbornik za narodni život i običaje*, knj. 45. Zagreb, 1971, s. 165—186. См. также: *Bošković-Stulli M. O suvremenom folklorizmu*.— *Kulturni radnik*, 1970, N 5, s. 45—66.
- ⁷ *Sirovátka O. Folklorismus jako jev současné kultury*.— В кн.: *Tradice lidové kultury...*, s. 47—52. На большое теоретическое и практическое значение исследований фольклоризма для строительства социалистической культуры обращают внимание также В. Фролец, М. Крейчи, Ф. Гейль, К. Фойтик и др.
- ⁸ См.: *Гусев В. Е.* Про поняття і суть фольклоризму в умовах капіталізму і соціалізму.— *Народна творчість та етнографія*, 1973, № 5, с. 41—46; *Путілов Б. Н.* Традиційний фольклор в сучасній культурі народів СРСР.— В кн.: *Фольклорът и народните традиции в съвременната национална култура*, с. 66—68.
- ⁹ См.: *Simonides D. Współczesna śląska proza ludowa*. Opole, 1969; *Ligeza J. Folklor w Górnośląskim okręgu*.— In: *Folklor w życiu współczesnym; Simonides D. Rola współczesnych opowiadań ludowych w żywym środowisku społecznym*.— *Ibidem*; Проблемы сучаснаго беларускага фальклору. Мінск, 1969; *Можейко З. Я.* Песенная культура белорусского Полесья. Минск, 1971; Традиційний фольклор Владимірської деревні (в записях 1963—1969 гг.). М., 1972; Беларускі фальклор у сучасных записях. Брэсцкая вобласць. Традыцыйныя жанры. Мінск, 1973; *Leščák M. Výskum súčasného stavu folklóru na Slovensku*.— *Národopisné aktuality*, 1974, N 2; *Шумада Н. С.* Про складові частини сучасного фольклору.— *Народна творчість та етнографія*, 1974, № 3; *Ангелова-Георгиева Р.* Основни насоки в живота на българската разказна проза.— В кн.: *Фольклорът и народните традиции...*
- ¹⁰ См. доклады Г. А. Барташевич, В. И. Елатова, К. П. Кабашникова, Б. Бенеша, С. Бурлясовой, В. Гашпариковой, М. Лещака, Б. Конеского, В. Недича, Т. Саздова, Д. Симонидес, В. К. Соколовой, Н. С. Шумады (VII Międzynarodowy Kongres slawistów w Warszawie, 1973. Streszczenia referatów i komunikatów. Warszawa, 1973, s. 912—941).
- ¹¹ См.: *Macewicz-Gotubkow M. Przejawy integracji mieszkańców współczesnej wsi dolnośląskiej w obywatelności dorocznej*.— В кн.: *Folklor w życiu współczesnym; Дэй О. I.* Питання фольклору в світлі положення про нову історичну спільність.— *Народна творчість та етнографія*, 1973, № 5; *Юзвенко В. А.* Ідэйно-художне взаємозбагачення в сучасній пісенності слов'янського населення УРСР.— *Народна творчість та етнографія*, 1976, № 5.
- ¹² См.: *Гусев В. Е.* Виды современного фольклора славянских народов.— В кн.: *История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации*. М., 1968, с. 294—317.— Там же см. литературу вопроса.
- ¹³ Инициаторами и организаторами «этнографических концертов» являются: Фольклорная комиссия при Союзе композиторов СССР, Фольклорная комиссия при Союзе композиторов РСФСР, Ленинградская секция фольклора

Союза композиторов, Ленинградское отделение Всероссийского общества охраны памятников.

- ¹⁴ Ср.: *Tomeš J.* *Strážnické slavnosti a jejich místo v renesansi folklora.*— In: *Strážnice 1946—1965.* Brno, 1966.
- ¹⁵ *Burszta J.* *Folklorizm w Polsce,* s. 16—24; Ср.: *Idem.* *Kultura ludowa — kultura narodowa* (ч. III).
- ¹⁶ *Bošković-Stulli M.* *O folklorizmu,* s. 175—186.
- ¹⁷ См., например: *Linette B.* *Folklor muzyczny a folklorizm.*— In: *Folklor w życiu współczesnym; Blaszczyk S.* *Rola folklorizmu w procesie przeobrażeń sztuki ludowej.*— Ibidem; *Mladenović O.* *Tradicionalno igracko nasleđe i savremenost.*— In: *Symposium Etnološko proučavanje savremenih promena u narodnoj kulturi.* Beograd, 1974; *Rejškova E.* *K problematice současné funkce souborů lidových písní a tanců.*— In: *Tradice lidové kultury.*
- ¹⁸ Доклады Г. Домбровской, М. Микуты на конференции в Польше (в кн.: *Folklor w życiu współczesnym*); доклады З. Йирового, И. Томеша, В. Волавого, Е. Рейшковой, Д. Голого, И. Угера на конференции в Чехословакии (в кн.: *Tradice lidové kultury*); доклады Т. Ив. Живкова, Т. Джиджева, М. Кутевой на конференции «Фольклор и художественная самодеятельность» в Болгарии; доклады Е. Безича, И. Милчевича, З. Ленер, З. Райкович, М. Фуланович-Шошич, Р. Петрович и С. Зечевича, Б. Цимревского и К. Тодевского, И. Страйнара, С. Сремца, Д. Вучинича-Дарги, В. Костельника, П. Новака на XXIII конгрессе фольклористов Югославии.
- ¹⁹ *Beneš V.* *Místo folklóru a pololidové tvorby v současnosti.*— In: *Tradice lidové kultury,* s. 52—57.
- ²⁰ *Rihtman-Auguštin D.* *Položaj tradicionalne kulture u suvremenom društvu.*— *Narodna umjetnost,* 1971, (Zagreb), knj. 8, s. 12—15.
- ²¹ См.: *Frolec V., Tomeš J.* *30 let Strážnických folkloristických slavností.*— *Národopisné aktuality,* 1975, N 2.
- ²² Особого внимания заслуживают творческие установки некоторых руководителей на максимально тактичное обращение с подлинным фольклором. См.: *Верьовка Г.* *Беретті пісенні багатства.*— *Народна творчість та етнографія,* 1970, № 6; *Ширма Р.* *Песня — душа народа.* Мінск, 1976.
- ²³ Подробнее о названных видах фольклоризма см. в нашей статье «Фольклор в социалистическом обществе».— В кн.: *Современность и фольклор.* М., 1977.

К. В. ЧИСТОВ

ПОЭТИКА СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА. КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Построение всеобщей поэтики фольклора предполагает разработку как описательных, так и теоретических ее частей на всех уровнях: гносеологическом, жанровом, сюжетном, текстовом. Возможны еще и другие уровни и аспекты. Все они взаимосвязаны, и изучение какого-либо одного аспекта на каком-то одном уровне всегда и условно, и рискованно. И все же, пока не создана общая историческая и теоретическая поэтика фольклора, приходится идти именно этим путем.

В настоящем докладе речь пойдет о некоторых проблемах теоретической поэтики фольклорного текста¹ в коммуникативном аспекте. Это значит, что будут рассматриваться самые общие принципы его организации как текста, сформированного и воспроизводящегося в условиях прямого общения исполнителя (исполнителей) и слушателя (слушателей). Текст при таком подходе понимается и как процесс, и как результат речевой деятельности, и как стимулятор ее восприятия. В нем реализуются процесс общения говорящего и воспринимающего, их взаимная активность. Для того чтобы избежать традиционного перенесения приемов литературоведческого анализа, надо отдать себе ясный отчет в том, что литературный текст в отличие от фольклорного создается предварительно, существует в стабильном материализованном виде вне зависимости от того, читают его или нет, и в каждый момент чтения существует целиком как синхронизированная структура, имеющая определенную пространственную протяженность. Разумеется, процесс чтения развивается в определенной последовательности и текст воспринимается как структура, развертывающаяся во времени. Однако читатель всегда может вернуться к прочитанному. Кроме того, он получает предварительное впечатление об общих очертаниях структуры текста по целому набору внешних признаков: количеству страниц, которые занимают текст, графическим его особенностям — членению на части, главы, абзацы, стихотворные или нестихотворные строки, строфы, диалогические сегменты и т. д. В некоторых случаях эти внешние признаки особенно легко и одномоментно обозримы — рассказ, помещающийся на одной странице, небольшое стихотворение (особенно сонет или аналогичная форма). Таким образом, с известной долей условности можно сказать, что чтение лите-

ратурного текста есть процесс зрительного восприятия пространственной структуры во времени. Разумеется, текст не комикс (повествовательная серия рисунков), а условная форма фиксации человеческой речи, которая мыслится как протяженная во времени. Однако это одновременно форма материальной стабилизации речевой деятельности.

Иначе обстоит дело с фольклорным текстом. Он не записывается и не читается, а произносится и воспринимается на слух. В каждый момент восприятия существует только то, что сейчас произносится, а не весь текст целиком. В процессе восприятия последовательного ряда единиц речи происходит мысленная их синхронизация. Для того чтобы она произошла (т. е. для того чтобы какое-то количество слов, произнесенных друг за другом, могло иметь общий смысл), должна возникнуть протяженная во времени структура, или иначе логико-грамматические связи между словами и группами слов. Возникают вопросы: 1) как же именно формируется эта структура в процессе произнесения связного текста? 2) имеет ли фольклорный текст такую же структуру, как любой обиходно-речевой текст, или она чем-то отличается? 3) если она чем-то отличается, то как развивается в сознании слушателя осмысление фольклорного текста, с чего начинается и чем поддерживается?

Стремясь дать посильный ответ на эти вопросы, мы будем опираться на некоторые разделы современной теории культуры, которые рассматривают ее как совокупность определенных форм человеческой деятельности², на связанную с ними современную психолингвистическую теорию речевой деятельности³ и, наконец, на некоторые достижения исследователей устной речи⁴. Во всех этих областях знания есть значительные теоретические и практические достижения, не учтенные фольклористической теорией и вместе с тем важные для нее.

Известно, что существует несколько достаточно авторитетных теоретических моделей порождения речи и речевой деятельности⁵. Они неоднократно излагались. Мы не будем строго придерживаться ни одной из них, а воспользуемся их опытом в интересах поставленной задачи.

Для того чтобы что-то было произнесено, должна сформироваться предварительная ситуация. Она определяется многими факторами, которые психолингвисты называют преддиспозиционными. Необходимо не только наличие минимальной пары «говорящий — слушатель», но и их взаимная ориентированность. Говорящий должен обладать активной речевой интенцией (готовностью говорить), а слушающий — интенцией аудиальной (готовностью слушать).

Почему же при определенных ситуациях (и каких именно?) участники акта коммуникации оказываются предрасположенными не к обычному обиходному речевому общению, а к восприятию и восприятию фольклорных текстов?

Ответ на этот вопрос заставил бы нас забежать далеко вперед. Пока достаточно условиться, что под нефольклорными текстами мы будем иметь в виду так называемые «разовые тексты», т. е. высказывания, которые произносятся в определенной ситуации и затем не повторяются. Традиция при этом выражена в наличии определенного лексического запаса и правил сочетания слов в тексте. В отличие от этого фольклорная традиция — это трансмиссия текстов, вошедших в обиход определенной контактной социальной группы.

Между «разовыми» и «традиционными» текстами — не резкая граница, а пространная полоса перехода. Повторяемость речевых ситуаций обуславливает накопление устойчивых словосочетаний — фразеологизмов и фразеологических срощений, которые могут рассматриваться и как укрупненные лексические единицы, и как минимальные тексты (поговорки, изречения) или как традиционные элементы текстов (поговорки, словосочетания). С другой стороны, известны фольклорные жанры, для которых характерны столь подвижные тексты, что они приближаются к «разовым» (предания, мемораты). Традиция их выражена не столько в текстах, сколько в сюжетах. У многих народов существуют жанры, тексты которых импровизируются в процессе исполнения при помощи накопленного запаса традиционных формул⁶.

Для осуществления акта коммуникации, в результате которого будет произнесен не обыденный разовый текст, а текст фольклорный или хотя бы включающий в свой состав фольклорные элементы, необходимо, чтобы говорящий и слушающий их так и воспринимали бы, т. е. владели традицией, которая так же, как собственно языковая, формируется в процессе речевой деятельности, но имеет вместе с тем вторичный характер и вторичные функции.

Сфера фольклора охватывает весьма разнообразные жанры, причем если для некоторых из них характерно доминирование эстетической функции, то для других — доминирование неэстетической и вторичность эстетической функции. Поэтому, например, чтобы возникла предрасположенность к произнесению похоронного причитания, недостаточно настроиться на восприятие текста с определенными эстетическими качествами. Должна произойти чья-то смерть и бытовая традиция социальной группы, к которой принадлежат исполнительница и ее слушатели, должна предписывать совершить в связи с этим определенного типа похоронный обряд, предусматривающий оплакивание покойника причетью. Следовательно, произнесение фольклорного текста может стимулироваться обрядовыми ситуациями и обрядовыми функциями текста в подобного рода ситуациях. Вместе с тем это не значит, что текст, возникший или воспроизведенный в таких условиях, должен быть лишен эстетических качеств. Фольклористы с полным основанием говорят о поэтике

причитаний, заговоров, обрядовых песен и т. д., имея в виду то, что их эстетические качества возникают в процессе ритуальной деятельности. Или иначе, эстетическая деятельность выступает здесь в сложном комплексе форм и видов деятельности, она сопутствует им, возникает в связи с ними. В то же время в фольклоре всех народов хорошо известны жанры, для которых характерно доминирование эстетической функции. Для них не существует традиционных предписаний, когда они должны произноситься. Однако их связь с крестьянским бытом могла быть выражена в том, что в определенных ситуациях их произносить было нельзя: например, сказки исполнять в пост. Если традиция не предписывала ритуального веселья (как, например, в украинских Карпатах), то сказки нельзя было исполнять в дни, когда в деревне был покойник, и т. д.

Предварительно можно было бы говорить о ситуациях императивных (облигаторных), т. е. жестко предписывающих, и ситуациях запрета, ситуациях благоприятствующих (например, быт на рыбацкой тоне, в «фатерке» лесорубов, пастухов на пастбище, осенью на мельнице, где собирались ожидавшие помола, и т. д.), неблагоприятствующих (например, сказку невозможно рассказывать во время некоторых коллективных трудовых действий; не все виды песен можно петь при лодочной гребле и т. д.) и нейтральных⁷.

Важно, что предваряющая ситуация формирует (для исполнителя) выбор определенного жанра, а для слушателя — ожидание и готовность воспринять текст, организованный в соответствии с традициями жанра.

Императивная ситуация, особенно ритуальная, обычно определяла произнесение текста, который должен был стать элементом более обширной системы. Он вызывался к жизни одной из функций этой системы и формировался под воздействием сильных внетекстовых связей. Так, например, содержание того или иного свадебного причитания в значительной мере определялось тем, в какой момент обряда оно произносилось, к кому было обращено, кто при этом был, каков состав семьи невесты (особенно это выделялось, когда она была сирота), сколько ей лет, впервые ли она выходила замуж, и другими ритуальными и бытовыми обстоятельствами, в равной степени известными и причитающей, и слушателям.

Подобный текст многими нитями (смысловыми, эмоциональными, ассоциативными) связан с этими обстоятельствами и ими же подготовлено его восприятие. Кроме того, присутствующие знают, что невеста должна произнести именно причитание, а не что-то другое⁸.

Таким образом, мы можем сказать, что жанр — это не только определенные правила запоминания и воспроизведения текста, но и не менее определенные куммуникативные ожидания

и готовность понять текст в соответствии с этими ожиданиями. Например, поется песня:

На загнетке ⁹ сижу.
Слава те!
Долги нитки вожу.
Слава те!
Еще посижу.
Слава те!
Еще повожу.
Слава те! ¹⁰

Смысл и текст ее могут быть поняты, если слушатель видел, как девушки в русской деревне собирались на святочное гадание, слышал наборные песни, которые предшествуют «подблюдному» гаданию, и тем самым будет знать, что поющаяся песня — составной элемент гадания. Он должен знать, что такие песни всегда метафоры одной из традиционных тем (набор их ограничен): девичество, замужество, богатство, болезнь, смерть. Песня будет для него знаком ограничения выбора отгадки. Она предвещает девушке, на которую гадают, долгое девичество.

Определенность жанровых ожиданий, как правило, означает, что вслед за этим будет исполнен текст с доминантой неэстетического порядка и сильными внетекстовыми связями и, наоборот, неопределенность — текст с эстетической доминантой и необязательными внетекстовыми связями.

Начало текста (его анафора/зачин) должно было закрепить сложившееся ожидание или, если оно не сложилось, создать его. Поэтому наличие традиционного начала (анафоры), маркирующего жанровый характер последующего текста ¹¹, само по себе уже означает определенную степень развития эстетической функции исполняемого текста. В этом отношении прозаические и стихотворные жанры довольно сильно отличаются. Известно, что в фольклоре многих народов, в том числе и в фольклоре славянских народов, стихотворные жанры — это обычно песни. Пение уже само по себе выводит за пределы обыденной речи. Начало пения, первые пропетые, а не сказанные слоги — уже сигнал того, что текст будет построен не только по грамматическим «правилам» и несет не только семантическую информацию.

Прозаические жанры в отличие от этого внутренне дифференцированы. Предания, имеющие преимущественно информационную функцию, исполнялись обычно в ходе обыденного разговора, вкрапливались в бытовую речевую коммуникативную деятельность и не воспринимались ни исполнителями, ни слушателями как художественное произведение. Текст их не ограничен четко ни в начале, ни в конце и, как правило, не имеет традиционных зачинов, отлившихся в формулы, подобные сказочным.

В отличие от этого сказка, особенно волшебная, связанная с максимальным развитием эстетического начала, начинается обычно с очень ясного сигнала — формулы, свидетельствующей о том, что развитие текста предполагается именно по законам этого жанра¹².

- Рус. «Жили-были... старик и старуха...»,
«Жил-был царь и было у него три сына...»
- Белорус.: «Вот было ў бацькі тры сына...»,
«От так быў сабе цар. У яго былі тры сыны: два вумных, а трэці дурак...»
- Чеш.: «Byl starečak se starenkou...»,
«Byl jeden Kral...»,
«Byl jeden choudobny sedlak...»
- Хорв.: «Bila tri brata...»,
«Neki Kral imao je Kčer jedinieu...»,
«Tako bie jedon muz sirowak...»

Зачин может развиваться в присказку. Характерно, что в присказку часто вносится элемент нарочитой недостоверности, которая должна настроить внимание слушателей на восприятие самой сказки как фантастической, но более вероятной, чем присказка.

Слав.: «V sedmedesiatej siedmej Krajine, za červenym morom a za servenym morom a za dubovou skalou, Kde bol svet doskami obity, aby zem doupo nesypala, tanu bol ras jeden Kral...»

Белорус.: Было сабе у дзiesiąтым царстве, на дзiesiąтым государстве, жечу себе купец з жаною. И не было у их дзядей...»

Рус.: «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве, а именно в том, в котором мы живем, на ровном месте как на бороне...»

Болг.: «Имаю, деду и не имаю, не ее прикажувало» или «Дур не се стороно, не се приказва» и др.

Так или иначе, анафорический знак — сигнал переключает внимание слушателей, окончательно создает ситуацию типичного сказочного ожидания.

Подобные текстовые сигналы могли предваряться предтекстовыми (типа «Ну хорошо, расскажу я вам сказку...», «Марья, заводи песню...», «А дед мне, бывало, об этом так рассказывал») или даже неречевыми сигналами — жестом, который отмечал начало песни, рассказыванием вокруг сказочника, просто покашливанием и т. д. Среди подобных сигналов необходимо различать жанрово-определенные и нейтральные в жанровом отношении. Ожидание, которое ими стимулируется, неравноценно. Впрочем, подобные сигналы в отличие от инициальных формул¹³ до сих пор специально не изучались.

Воспроизведение текста — сложная и во многом неясная психолингвистическая проблема. Остается невыясненным, как именно хранится текст в памяти между двумя актами испол-

неңия (или между восприятием текста и его воспроизведением).

Психолингвисты и физиологи экспериментально установили, как вспоминается нужное слово или восстанавливается необходимая ассоциация, однако как фиксируется в памяти и как воспроизводятся более сложные речевые образования и целые тексты, пока неясно. Поэтому и модели порождения речи в масштабах предложения и тем более сверхфразовых образований пока остаются на уровне логических моделей, которые исходят из лингвистического или психолингвистического материала.

Что же происходит, когда исполнитель произносит текст, а слушатель этот текст воспринимает? Попробуем ответить на этот вопрос, опираясь, как мы уже говорили, на современные модели порождения речи, выделяя такие моменты, которые важны для понимания фольклорной коммуникации.

Произнесение текста — это последовательное воспроизведение серии звуков, которые на первом этапе восприятия расчленяются на слова (при этом образуется линейный словоряд), а затем на взаимосвязанные группы рядом стоящих слов («непосредственные составляющие», «коммуникативные блоки»), например на группы субъекта и предиката. Однако это еще не дает понимания смысла произнесенного — он образуется из сопоставления групп непосредственных составляющих в процессе выяснения грамматической (и тем самым логической) связи между ними. Если сопоставить этот процесс с линейным движением словоряда, то это будет означать, что по мере произнесения следующих друг за другом слов образуется логическое (и грамматическое) ожидание (иначе, синтаксическое напряжение), сначала в общей форме «поиска» предикативности, потом в форме собственно речевого ожидания. Память при этом перебирает знакомые возможности и готовится к реализации сложившегося ожидания в слове или группе слов, которые будут через некоторое время произнесены¹⁴. Произносятся одно за другим последующие слова и все накопленные ожидания постепенно реализуются. Тем самым завершается группировка слов и выяснение логических связей между отдельными словами и группами слов. Логические связи и ассоциации синтезируются в общий смысл произнесенного предложения.

Весьма существенно, что ожидание, о котором мы говорили, не смогло бы ни сформироваться, ни реализоваться не только без предшествующего опыта, т. е. памяти в крупномасштабном значении этого понятия (традиции), но и без того, что психолингвисты называют «оперативной памятью», — способности удерживать в сознании значения и формулы произнесенных слов до того момента, пока они не сопрягнутся со словами, которые будут произнесены через некоторое время.

Так, например, во фразе «Маленький мальчик, побитый несправедливо разгневанным отцом, долго и безутешно плакал»

ожидание субъекта мужского рода, возбужденное словом «маленький» (форма мужского рода в именительном падеже и единственном числе) реализуется сразу же в слове «мальчик». В то же время ожидание предиката «плакал» длится, пока произносятся три словогруппы «побитый несправедливо», «разгневанным отцом» и «долго и безутешно». В тот момент, когда произносится «плакал», становится возможным общий смысловый и грамматический синтез и вместе с тем механизм «оперативной памяти» восстанавливается группа подлежащего «маленький мальчик». К этому времени уже это не просто группа слов, а целостный образ субъекта, оставивший «след» в оперативной памяти. Следовательно, она не только помогает удерживать «след» слова, пока не наступит реализация созданного им ожидания, но и обеспечивает возможность мысленного возврата к нему, необходимого для осуществления синтеза, которым завершается процесс восприятия.

Краткая характеристика акта речевой деятельности необходима для нас для того, чтобы перейти к следующему и основному для нас вопросу: каким образом совершается переход от обыденной (нефольклорной) речи к речи, организованной таким образом, что она воспринимается как фольклорная (или иначе, художественно организованная)? Можем ли мы по каким-то признакам установить, что текст должен был иметь эстетическую функцию?¹⁵

Историографический экскурс мог бы показать разнообразие ответов на этот вопрос. Отметим только некоторые, особенно важные для нашей проблемы.

Для лингвистической стилистики обычно трактовать поэтический язык как результат специфического отбора средств, употребляемых и в обыденной речи. Максимальное развитие эта точка зрения получила в теории функциональных стилей (Б. Гавранек, Л. В. Якубинский, В. В. Виноградов и др.)¹⁶, которая позволяет понять набор специфических средств как целенаправленную и мотивированную систему. И все же, как писал Б. М. Эйхенбаум, поэтический язык понимается при этом как своеобразный диалект; он рассматривается не в своей специфической деятельности и не на фоне практического языка, а в ряду языковых явлений вообще¹⁷.

Другая точка зрения была сформулирована в известных тезисах Пражского лингвистического кружка¹⁸: «Организирующий принцип искусства, которым последнее отличается от других семиологических структур,— это направленность не на означаемое, а на самый знак». Организующим признаком поэзии служит именно «направленность на словесное выражение». В рамках этого направления известны многочисленные исследования Р. Якобсона, Ц. Тодорова, Ю. М. Лотмана и др. Оно привело к идее, согласно которой поэтический язык характеризуется «применением принципа эквивалентности к послелова-

тельности»¹⁹, т. е. эквивалентные единицы текста трактуются как повторыемость в самом широком смысле этого слова.

Третье направление, по которому шел поиск дифференциации обиходно-практического и поэтического языка, связано с различными вариантами порождающих моделей (Н. Хомский, В. Ингве, Н. Джонсон, А. А. Леонтьев и др.) и опытов расширения их до масштабов связанного текста (А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, Ю. К. Шеглов, А. И. Ревзин, Ю. Соонпере и др.). Как правило, «поэтический язык» при этом растворяется в общих свойствах речи вообще. Все три направления весьма продвинули общее понимание речи, механизма ее порождения, структуры связанного текста и т. д.

Вместе с тем продолжает существовать разрыв между лингвистической стилистикой (языковедческим изучением языка фольклора) и фольклористической поэтикой, которая понимается как изучение художественных приемов, характерных для фольклора²⁰. Весьма важно, что само по себе описание художественных приемов или даже представление о системе художественных приемов, характерных для всего фольклора в целом (или для отдельных его жанров), все-таки не отвечает на вопрос, поставленный в начале этого доклада, каков принцип организации всякого фольклорного текста как некоторой речевой совокупности, которая произносится и воспринимается. Сложность этого вопроса заключается, помимо всего прочего, в неравномерности отличий фольклорных текстов от нефольклорных в разных жанрах фольклора. Отличия эти улавливаются с наибольшей легкостью в тех жанрах, для которых характерны развитость и автономность эстетической функции.

Сопоставим начальные отрывки из мемората, предания и сказки и отрывки из песен двух типов.

Меморат: «Отец мой до революции в литейном цехе работал. Жили мы в Сысертки. Было нас детей девять человек. Как сейчас помню, все белоголовые ребятишки, курчавые»²¹.

Предание: «Вася Балабурда... Как не слышал. Был он с Осинового Перевоза, что ли (сто километров от Перми). Может и не оттуда, а только я слышал. Сильный очень был. Если грузят, пять человек несут железо, а он один унесет пудов двадцать пять—тридцать»²².

Сказка: «В некотором царстве, в некотором государстве, в том, в котором мы живем, под номером седьмым, где мы сидим, снег горел, соломой тушили, много народу покрушили, тем дела не рушили»²³.

Поздняя рабочая песня:

Встань, проклятая машина,
Дай хоть раз мне отдохнуть,
Дай хоть раз усталой грудью
Посвободнее вздохнуть!²⁴

Традиционная крестьянская песня:

Не свивайся, не свивайся трава с повилицей,
Не слетайся, не слетайся голубь со голубкой,
Не свыкайся, не свыкайся молодец с девицей,
Хорошо было свыкаться, тяжело расставаться²⁵.

Сопоставление этих текстов ясно показывает большую степень внутренней упорядоченности, взаимосвязанности элементов речи в сказке и лирической песне и меньшую — в предании, в рабочей песне и особенно меморате. Предание и меморат — жанры с доминантой информационной функции. Текст их формируется по правилам обиходно-практической речи или за счет «поэтичности», «образности» сюжета, представлений, которые лежат в основе текста. Эстетические же качества текста сказки и лирической песни возникают одновременно и за счет «глубинной» и «поверхностной» структуры или, иначе говоря, они даны обычно непосредственно и явно в самом тексте.

Рабочая песня — позднее образование. Она возбуждает проблему различий организации поэтического текста на разных стадиях развития словесно-художественного мышления, которой мы здесь касаться не будем. Наша задача ограничивается теми отличиями поэтического текста, которые, кроме всего прочего, даны непосредственно в словесной ткани текста.

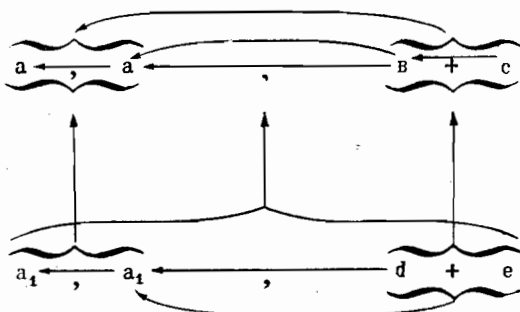
В чем же они выражаются? Легко заметить, что для подобных текстов характерно обилие дополнительных связей неграмматического и несемантического характера между самыми различными линейными единицами словоряда (словами, словогруппами, синтагмами, коммуникативными блоками, сверхфразовыми единствами — как бы мы их ни называли и каким бы масштабом их выделения ни пользовались). Возникает как бы дополнительная сеть связей, выстроенная над собственно речевой. Действительно, никакими потребностями ни логической, ни синтаксической информации нельзя объяснить, зачем в приведенном отрывке песни возникает трехсложный звуковой и морфологический повтор в ряду стоящих строках: «Не свивайся» — «не слетайся» — «не свыкайся»; затем «не свивайся» и названные повторы связаны друг с другом не только вертикально (из строки в строку), но и по горизонтам удвоены. Другим способом, но тоже увязаны в соседних строках «трава с повилицей» («голубь со голубкой»), «молодец с девицей». Этот ряд сопоставлений сформулирован парными сочетаниями «трава с повилицей» и т. д. Этому же принципу соответствует как данс строфемы, тоже имеющий парное строение, вместе с тем реализующееся противопоставлением «Хорошо было свыкаться»/«Тяжко расставаться» (см. схему 1). Мысль, переданная этим отрывком песни, довольно элементарна: «возлюбленным расставаться трудно», т. е., сформулированная логически, она может

быть достаточно точно выражена тремя словами. Однако логическая формула не песня. Песня — это определенная манера высказывания мысли, определенный речевой этикет, которого требует песенная традиция.

СХЕМА № I

„Не свивайся...“

(первые две строки)

Цитированный отрывок состоит из 27 слов. С точки зрения математической теории информации объем информации должен был упасть в 9 раз. Однако удлинение словоряда сопровождается формированием дополнительной сети связей, не просто усложнением структуры, но и увеличением, как сказали бы кибернетики, «пропускной способности системы». В таком своем состоянии она способна быть передатчиком не только «голой» логической информации, а более сложной, коммуникативного комплекса, имеющего эстетическую природу. Поэтому 24 «лишних» слова вовсе не лишни, они образуют не информационный шум, а крепко слаженную и слаженно функционирующую структуру. Для этой структуры характерна мобилизация такого рода возможностей языка, которые не используются в обиходно-практической речи — ритмических, звуковых, ассоциативных и как бы новых качеств языкового материала, которые формируются в процессе непрерывного сопоставления, уравнения и расподобления слов, коммуникативных блоков или целых сегментов текста.

Также обстоит дело и со сказкой. Краткая суть сюжета, изложенная под соответствующим номером указателя Аарне-Томпсона (например, 301 I The Hero and his gods), еще не сказка. Еще в меньшей степени воспринимается как сказка табуляризационная формула В. Я. Проппа, хотя она по-своему достаточно точна. Например, к сюжету 131: $e^3v^1A^1B^1C B^1-P^1L^1C^3$. Как бы бегло мы ни читали подобную формулу, это не ноты, по которым можно воспроизводить текст, т. е. это не запись текста.

Не воспринимается как сказка и более пространный пересказ, который фигурирует, например, в приложении ко II тому «Сборника великорусских сказок архива Русского географического общества» А. М. Смирнова (Пг., 1917): «Жар-птица уносит жену царя. Царевичи идут на поиски. Бросают цепь на гору...» и т. д.

Сопоставим эти пересказы с текстом сказки в том же сборнике. «Жил-был царь. У этого царя была жена такая прекрасная, што лет 30-ть никто не выдав ее лицё — под скроем водив. Жена принесла ему трех сынов; стали они вырастать до большого возрасту, и ходили они во зеленый сад гулять...» и т. д.²⁶

Почему же столь различно воспринимаются текст сказки и ее пересказы разной степени обобщенности? Потому что текст сказки — это определенным образом организованный процесс ее рассказывания, это реализация не только «глубинной структуры», но и традиционного речевого текста. Он отличается от обыденной речи неторопливостью, четкостью расчленения текста на коммуникативные блоки (синтагмы) и дополнительной, вторичной сетью связей между словами, группами слов, образующих коммуникативные блоки, и сегментами текста.

Эти вторичные связи разнохарактерны. Уже давно замечено, что сквозным отличием фольклорного стиля, от архаических до относительно поздних форм, является обилие повторов. Еще Г. Шурц в своей «Древней истории культуры», вышедшей в 1900 г., пришел к выводу: повторения или повторы самого различного типа (ритм, строфика, рифмы, стилистические стереотипы) являются основным средством поэтического искусства²⁷. Об этом же писали все обращавшиеся к проблемам фольклорной поэтики. При этом говорилось о повторах лексических (повторения слов и словосочетаний, лейтмотивы, рефрены), ритмических, синтаксических (параллельное строение строк, параллелизм, эквивалентное построение сегментов текста и т. д.), звуковых (аллитерации, рифмойды, рифмы) и иных. Наблюдения подобного рода в изобилии накопились в фольклористической литературе, старой и новой, включая и общеславянскую, от Ф. Миклошича до П. Г. Богатырева, О. Зилинского и Н. И. Кравцова. Они чрезвычайно ценны, и выявление их должно продолжаться.

Понятие повтора было расширено структуралистской поэтикой до принципа «эквивалентности», на котором строятся смежные (т. е. соседствующие в широком смысле этого слова) элементы текста. Термин «эквивалентность» не синонимичен слову «повтор». Эквивалентность — это сопоставление и выравнивание различных в каком-то смысле единиц текста. Например, постановка в сходную ритмическую позицию, звуковое сопоставление, морфологическое или синтаксическое «выравнивание» разнокоренных слов или, наоборот, расподобление слов,

лексически родственных. «Эквивалентность» предполагает изоморфность на каком-то уровне и расподобление на других уровнях. Это-понятие чрезвычайно плодотворно, оно помогает включить в поле зрения не только одинаковые, но и контрастные явления. Оно согласовано с современными представлениями о речи как о сложной иерархии уровней и структур на этих уровнях. И все же термины «повтор» и «эквивалентность» связаны со статистическим пониманием структуры текста. Между тем коммуникативный аспект предполагает понимание текста как структуры, динамически развивающейся во времени. Произнесенное слово или группа слов звучат однажды, материализуются в звуке, чтобы затем снова дематериализоваться. Первый член повтора оказывается при этом немаркированным; в отличие от грамматических или семантических элементов он не создает ожидания.

Если вернуться к нашему песенному примеру, то следует сказать, что «не свивайся» в первой строке создает грамматическое и смысловое ожидание — кто? с кем? Оно реализуется: «трава с повилицей». «Не слетайся» — в следующей строке, если отвлечься от фольклорной традиции, — не ожидается, так как могут возникнуть самые различные повторы, в том числе и синтаксический и звуковой параллелизм. С точки зрения развертывающегося текста важно иное — «не слетайся» во второй строке возвращает к «не свивайся», извлекает его из оперативной памяти, создает ощущение выстраивающейся структуры. Она начала формироваться еще в процессе проговаривания первой строки. «Не свивайся» формирует ожидание, а второе «не свивайся» возвращает к первому и создает членение произнесенного на две группы, которые являются и коммуникативными блоками и равновеликими ритмическими отрезками, организованными сильным ударением на долгом «а» (а — а). К ним при-
 мыкает равновеликий коммуникативный блок «трава с повилицей» с расщепленным ударением на два расподобленных (а—и) и с наращением двух слогов (общая схема 4+4+6 или 4+4++(2+4)), играющих роль ритмического каданса строки. Вся строфа ритмически выглядит так:

$$\begin{array}{c}
 4+4+(2+4) \\
 4+4+(2+4) \\
 4+4+(3+3) \\
 8+6
 \end{array}$$

Четыре сильных ударения в строке при этом остаются постоянными.

Таким образом, второй коммуникативный блок первой строки возвращает к первому, третий — ко второму и первому. Вместе они образуют группу блоков, и вторая строка, отдель-

ные элементы которой, как мы уже говорили, возвращает к отдельным элементам первой строки, в целом своей структурой возвращает нас к первой строке. Третья строка возвращает нашу память ко второй и первой, а четвертая — противопоставлена всем трем как каданс.

То же можно показать и на лексическом уровне. Так, пара «молодец с девицей» обнаруживает свой контекстуальный смысл возвратом к двум предыдущим парам: «голубь с голубкой» и «травя с повилицей». «Не свикайся» в третьей строке может быть понято только в сопоставлении с «не слетайся» и «не свивайся». Три первые строки нашего отрывка — это одновременно и три изоморфных и расчлененных словоряда, которые трижды перекодируют один и тот же смысл, и вместе с тем процесс уподобления сопровождается расподоблением, причем и то и другое происходит одновременно на разных уровнях: лексическом, звуковом, синтаксическом, морфологическом, метафорическом. Три строки не просто следуют друг за другом, примыкая одна к другой, но образуют общий «смысл» (концепт), который синтезируется в сознании воспринимающего. Концепт песни значительно богаче, чем логический смысл²⁸, умещающийся в три слова, он обращен не только к разуму, но и к поэтическому воображению слушателя. Сообщая логическому ядру высказывания сходные и вместе с тем разные образные реализации, песня остается одновременно и обобщенной и как бы стереофонической, трехмерной. Воспринимающий должен активно следовать за этими перемещениями, быть способным их совершить, заполняя обобщенные метафоры собственным опытом.

Таким образом, происходит не только превращение логического ядра в значительно более емкий синкретический многомерный коммуникативный комплекс, но и другая метаморфоза — текст из средства передачи информации превращается в стимулятор воображения воспринимающего. Именно поэтому анализ подобного текста, даже если мы не знаем реальных условий его функционирования, ясно свидетельствует о том, что ему свойственна эстетическая функция. Восприятие в таких условиях не просто синтезирование логического смысла, а сложный процесс сопереживания, воображения, домысливания, мобилизация собственного эмоционального, бытового и поэтического опыта и т. д.

Итак, анализ избранного нами отрывка песни показал, что структурнообразующим началом песенного текста является сочетание линейного движения словоряда, в процессе которого разворачивается текст и формируется динамическое поле ожиданий и прогнозов, с постоянными простыми и переплетающимися возвратами грамматического и неграмматического характера. Выбор средств, образующих повторы, диктуется «содержанием» песни (которую надо понимать не как логическое

ядро «смысла», а как сложный многомерный логико-эмоционально-ассоциативный комплекс) и ее жанром, т. е. в конечном счете ее функцией и коммуникативной ситуацией, в которой она воспроизводится. Этими же факторами определяются и конкретные структуры текстов разных жанров. Разнообразно и «количество», и «качество» ожиданий и возвратов, и их сочетание.

Однако основной механизм, образующий структуру текста, примерно одинаков.

Дополнительные связи, возникающие в процессе развертывания текста, могут быть разного масштаба (слово, словосочетание, словосочетание, строка или строфа или какая-то единица членения прозаического текста), разной степени напряженности (в зависимости от дистанции между сопоставляемыми элементами) и разного характера (тождество, подобие, эквивалентность, контрастность, расподобление и т. д.). В настоящем докладе мы не можем предложить систематическое обозрение типов возвратов, а тем более их классификацию и жанровую дифференциацию. Нашей задачей было их предварительное выявление.

До сих пор мы анализировали словесный текст песни, отвлекаясь от того, что он поется. Именно поэтому был выбран отрывок плясовой песни, для которого характерна четкая скороговорка и соотношение: один слог — один звук (иногда расцвеченный попевками из двух-трех звуков). В лирических песнях архаического слоя — иная картина, по крайней мере она может быть иной. Максимальное развитие в этом смысле пережила так называемая протяжная песня²⁹. Приведем примеры из двух популярных традиционных русских протяжных песен³⁰.

Эх, по за_ря_

а - м(ы) да за_рям да по... ох, и по зо_ре_чкам

у... у- тре_ним за_рям по ве_че...

за_рям по ве_че... по ве_че_ры)_ ним.

Уж вы го - ры мо - и, (и) уж вы го - ры мо -

- и, го - ры во - ро - бье...

Во - ро - бье - пски - е!

Мелодия здесь выступает в качестве самостоятельного фактора, согласованного со словесным текстом и воздействующего на него. Если наличие неграмматических и несемантических связей приходилось доказывать, то автономность мелодической системы очевидна. Мелодию уж ни в коем случае не объяснить отбором и нарочитым употреблением языковых форм. Даже если предположить, что она в какой-то мере и в каких-то случаях вырастает из обиходно-речевой интонации (по крайней мере, на ранней стадии развития мелоса), то и в этом случае нельзя не признать, что она к ним несводима³¹. Ее отличают прежде всего звуковысотная определенность и ладовая организованность. Устная, непесенная речь их не знает.

Следовательно, мелодия песни, ее напев — эстетический фактор организации текста, специфический и несвойственный обиходной речи.

Расслоение единой структуры песни на собственно речевую, вторично-словесную и музыкальную подсистемы (сети связей, решетки), разумеется, условно. К сожалению, дальнейшее углубление в этот вопрос невозможно. Отметим только, что мелодия и словесный текст вступают в различные соотношения. Словесный повтор в сходной структурной позиции может быть столь же отчетливо подчеркнут и мелодически. Но он может сопрягаться и с совершенно иным по своему характеру отрезком мелодии. В обоих случаях это возврат, с той разницей, что во втором из них он образуется лексическим тождеством и мелодическим расподобием (см., например, в первом приведенном выше примере словесный возврат «Во-ро-бье...», сопоставленный с «го-ры Во-ро-бье...» на предыдущей нотной строке). Обратные случаи тоже достаточно известны — так строятся, например, все строфические песни.

Встречаются и другие типы возвратов более сложного характера: повторение ритмических формул с расподобием на звуковысотном уровне, сопоставление по длительности расчленившихся отрезков мелодии и т. д.

И наконец, любая песенная мелодия — это самостоятельная система собственно мелодических возвратов. Формирование ее

возможно только при наличии некоторого набора константов, к которым она возвращается в своем поступательном развитии (опорные тона, длительности, попевок и т. д.). Она членится обычно на структурно-подобные и сопоставимые участки, которые включаются в непрерывный процесс уподобления и расподобления.

Возникает вопрос: можно ли распространить сказанное, разумеется, *mutatis mutandis* на прозаические жанры? Мы обратимся снова к жанру, для которого характерна эстетическая доминанта,— к сказке. Вместе с тем сказка — жанр повествовательный, поэтому семантические связи между структурными частями крупного масштаба (между коммуникативными блоками, сегментами текста, его частями) играют большую роль в организации текста, чем неграмматические связи мелкого масштаба (ритмические, звуковые, ассоциативные).

П. Валери как-то говорил, что прозу нужно уподобить маршу, а поэзию — танцу³². Эта метафора очень хорошо передает соотношение темпов и характера развертывания не только романа и стихотворения, но и сказки и песни. И действительно, сопоставляя их, легко заметить напор сказочного действия, организованный сюжетом, и относительную статичность лирической песни. Можно было бы сказать, что сказка рисует действие, а лирическая песня — состояние. В целом это верно, но на уровне текста и в сказке, и в песне отмечается взаимопроникновение динамики и статики. В лирической песне оно выражается в том, что состояния рисуются как действия. Предикативность каждого коммуникативного блока здесь так же отчетлива, как и в сказке, и выражена она преимущественно глаголами действия. Однако это не отменяет того, что описывается именно состояние, а действия (поступки, функции) не выстраиваются в нарративный сюжет (как это происходит в балладе и еще в большей степени в эпической песне).

С другой стороны, в сказке (так же как в эпической песне) действия рисуются как сменяющие друг друга состояния. Текст членится на повествовательные блоки («кадры»), каждый из которых статичен. Логический переход от одного к другому сцепляет отдельные предикативные группы линейной зависимостью функций. При этом каждая последующая функция формируется из предыдущей. Эти предикативные группы-мотивы соответствуют функциям В. Я. Проппа в той мере, в которой его анализ морфологии сказки развивался на уровне текста. Они часто отмечены формулой или повторяющейся анафорой («Вот...», «И вот...», «Потом он пошел...»), имеющей сигнальный или симптоматический характер.

Такие сегменты следуют друг за другом, внешне не обнаруживая своих связей, а как бы примыкая, присоединяясь друг к другу³³. В то же время каждый сегмент членится на коммуникативные блоки, построенные по такому же принципу. Они

объединены единством субъекта действия и одноактивностью самого действия.

Любой текст, состоящий из расчлененных и одновременно примыкающих друг к другу коммуникативных блоков, превращается в повествование только в том случае, если одно описанное (или обозначенное) состояние трансформируется в другое, чтобы затем превратиться в третье, и т. д.³⁴ Следовательно, каждое последующее действие не только логически вытекает из предыдущего, но и противопоставляется ему как состояние или, если оставаться на уровне текста, противопоставляется как единица текста, означающее изменение исходного состояния. Одним словом, и в поступательном движении повествования мы вправе усмотреть непрерывные сопоставительные возвраты, осуществляющиеся как в структуре сочленения единиц, так и в логической связи между ними.

Сегменты, о которых мы говорили, ритмически организованы подобно стихам в том смысле, что они, несмотря на свою разновеликость, воспринимаются как эквивалентные. Однако очень существенно то, что они разновелики (разносложны). Это единицы ритма повествования, очень обще намеченного при помощи средств, которые для стихотворного текста являются второстепенными³⁵. Важно, что последующие сегменты соотносятся с предшествующими. Первое соотношение формирует ритмическое ожидание, которое (так же как и членение текста) закрепляется повторяющимися возвратами.

Крупномасштабные соотношения и возвраты не единственные структурнообразующие факторы текста сказки. Важную роль в сказках всех славянских народов (так же как и других народов), причем особенно в волшебных сказках и сказках о животных, играет своеобразная неравномерность внутренней структурной упорядоченности текста. Сегменты, для которых характерны интенсивные внутренние связи-формулы, чередуются с неформульными.

Формулы сказки организованы по принципам, совпадающим с песенными стихами. Им свойственны, как правило, четкий ритм, двучленность, звуковые повторы и т. д., но возвраты здесь замыкаются в пределах и масштабах самой формулы. С другой стороны, они воспринимаются как прозаические сегменты повышенной упорядоченности, и не больше, так как они не формируют поле ожидания. Среди разновеликих сегментов они образуют один из вариантов ритма и протяженности и соотношены с другими сегментами не по стихотворному, а по прозаическому типу. Таким образом, формулы — это единицы прозаического текста, внутренне организованные системой возвратов малого масштаба, но в процессе развертывания текста соотносимые с единицами крупного масштаба.

Закономерности чередования формульных и неформульных сегментов выяснены еще недостаточно. Заслуживает внимания

попытка Н. Рошиану соотнести традиционные формулы сказки с функциями, выделенными В. Я. Проппом. Мы говорили выше о соотношении функции предикативных групп и повествовательных эпизодов сказки. Зависимость между уровнем, на котором В. Я. Пропп выделял функции (уровень закономерностей сюжетообразования волшебной сказки), и уровнем текста несомненна, но не столь непосредственна. По-видимому, здесь происходит характерное для современной фольклористики переосмысление через уровни.

Формулы, как инициальные и финальные, так и медиальные (или переходные), маркируют начало и конец сказки и членение текста на крупные части или сегменты. Поэтому они всегда соотнесены друг с другом как изофункциональные элементы. С другой стороны, это не только внутренние возвраты. Значительная часть формул не привязана к определенным сюжетам и обслуживает сходные ситуации в системе разных сюжетов (так называемые *topoi*). В этом случае формула означает сверхтекстовый возврат, возврат к ранее слышанным текстам, включение производимого текста в определенную традицию. Поэтому формулы имеют и сигнальный и симптоматический характер, они способствуют формированию поля ожидания определенного типа.

И наконец, формулы являются знаками определенных ситуаций и одновременно способом увеличения протяженности той единицы текста, с которой они связаны. Так же, как в песенных текстах, это компенсируется теснотой внутриформульных связей, т. е. увеличением пропускной способности микросистемы. Формулы притормаживают действие и украшают текст привычным орнаментом (например: «Сивка-бурка катит, лишь земля гудит. Прилетел — он в левое ухо влез — напился, наелся, в право — нарядился. Такой стал молодец — ни вздумать, ни взгадать, ни пером описать») ³⁶.

Таким образом, крупномасштабность сопоставлений, связанных с возвратами, лежит в основе структуры прозы, имеющей эстетические функции. Однако это не единственный способ формирования структуры прозаического текста. Формульные сегменты образуют замкнутые участки, для которых характерны маломасштабные сопоставления. В целом же текст сказки представляет собой линейно четко расчлененный, развивающийся словоряд, усложненный волнообразной сменой крупно- и мелкомасштабных возвратов.

Говоря о том, что текст сказки, формирующийся в процессе его произнесения, образует цепочку примыкающих друг к другу единиц членения текста, мы имеем в виду то, что лингвисты называют паратаксисом или паратаксическим строем речи. Он господствует над гипотаксисом (синтаксическим подчинением) не только в масштабах простого предложения, но и в группах предложений, образующих части текста и целый текст.

Каждый, кто записывал сказку, знает, как трудно отличить в ее тексте словогруппу от предложения и последнее — от группы предложений. Значительно заметнее членение на коммуникативные блоки и, условно говоря, «абзацы», т. е. крупные части текста, отмеченные традиционными анафорами или формулами.

По существу так же строится и текст традиционной народной песни³⁷. Различие заключается в том, что примыкающие друг к другу единицы членения ритмически выравнены и распределены на две или одну строку (с возможными усложнениями). Паратаксический принцип примыкания обуславливает и динамические контаминации, характерные для традиционной песни, и открытость ее структуры, если она не регулируется сюжетом, т. е. повествовательным началом, имеющим свой ритм расчленения текста. Поэтому, чем менее выражен сюжет, тем большее значение имеет коммуникативное членение текста, а его цельность определяется примыканием единиц членения и открытой возможностью его развития (притчтение, монологические или одночастные лирические песни и т. п.)³⁸. По принципу примыкания изоморфных или уравненных автономных единиц строятся спевы колыбельных песен, детских «пестушек», «потешек», частушек и плясовых песен, русские многоэпизодные петрушечные представления и сходные с ними представления у других народов (Каспер, Гашпарек и др.), некоторые типы многоэпизодных преданий и бывальщин. С большой отчетливостью выявляется подобное цепьевидное построение в детских сказках и сказках о животных (*Kettenmärchen*). По существу большинство фольклорных текстов архаического слоя построено по принципу кумулятивного наращивания (контаминации) полностью автономных (логически и синтаксически) либо внешне автономных и внутренне связанных логической последовательностью единиц членения.

Открытость, незамкнутость естественной кумулятивной цепочки может преодолеваться (или регулироваться) не только сюжетом, но и композиционным единством. Таковы двухчастные песни и баллады, песни, построенные на развернутом психологическом параллелизме, диалоге, какой-либо антитезе и т. д.

Формирование закрытых структур сопровождается сигнальной или симптоматической отмеченностью конца текста. Особенно ясно выражена она в сказке, эпической песне или балладе. В этих жанрах можно говорить о финальных формулах с таким же основанием, как об инициальных. Сигналы завершения текста, в том числе и вербальные, возвращают память воспринимающего к анафоре. Так образуется наиболее протяженный во времени внутритекстовой возврат. Он знаменует вместе с тем полное погашение ожиданий. Если завершение текста воспринимается симптоматически (завершение

сюжета, реализация двухчастной композиции или других элементов текстовой симметрии), то это тоже означает, что все ожидания реализованы в возвратах³⁹. Так называемое «синтаксическое опережение» полностью перекрыто, и смысл текста синтезирован в едином образном комплексе. Попутно заметим, что фольклорные тексты не позволяют прийти к однозначному выводу: доминирование эстетических функций вызывает обязательную закрытость структуры. По-видимому, этот вопрос должен быть изучен специально. Предварительно можно сказать, что эстетический синтез в сознании воспринимающего может, видимо, формироваться двумя путями: отграничением целостности, обладающей развитым внутренним сцеплением, и суммированием относительно автономных единиц (ср. в позднейшей поэзии поэму и цикл стихотворений или «сборник»)⁴⁰.

Песни и сказки — жанры с максимально развитой эстетической функцией. Именно поэтому структура текстов, принадлежащих к этим жанрам, имеет максимально развитую сеть дополнительных связей, не мотивированных грамматически или логически. Эта дополнительная сеть связей обеспечивает повышение «пропускной способности системы» или, иначе, она сообщает тексту способность быть передатчиком не только логической информации, но и многомерного синкретического комплекса, имеющего эстетическую природу. Если воспользоваться уже употребленной метафорой, то следует сказать, что, увеличивая «пропускную способность системы», сеть дополнительных связей вместе с тем, как правило, замедляет темп передачи информации. По-видимому, одна из функций возвратов как раз и состоит в том, чтобы высказываемое еще и еще раз было сопоставлено с высказанным, и не только в логическом аспекте. Сложная система связи требует дополнительного времени для восприятия, осмысления и сопереживания. Исследования психолингвистов показали, что скорость восприятия прямо зависит от сложности текста. Однако при этом экспериментаторы использовали тексты различной логической и синтаксической сложности, не имея в виду эстетическую усложненность текста, которую имеем в виду мы. Опыты показали, что скорость русской устной речи колеблется от 120 до 405 слогов в минуту, что в среднем составляет примерно 250 слогов в минуту⁴¹. Примерные прикидки показывают, что темп рассказывания сказки приближается к 120—140 слогам в минуту. Было бы весьма интересно проверить эти данные и сопоставить темп рассказывания сказок и преданий, бывальщин и легенд, мемуаров на разных славянских языках. Вероятно, при этом возникает шкала, обнимающая пространство от среднего темпа произнесения до минимального, причем значение эстетической функции будет обратно пропорционально величине, обозначающей темп сказывания. Что же касается песенных текстов, то можно было бы в общей форме сказать, что пение (если не

иметь в виду плясовые, некоторые календарные частушки и т. п.) можно было бы охарактеризовать как максимально медленный способ проговаривания текста. К полюсу максимума будет также приближаться песня типа русской протяжной.

Но дело не только в темпе произнесения текста, хотя, безусловно, можно утверждать, что этикет исполнения художественных текстов включает требование неторопливости. Замедленно, как правило, и действие, особенно изображаемое в сказке, эпической песне, или оно рисуется в дискретных узловых моментах (балладе, предании). Нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Фольклористика уже давно выработала представление о ретардации (замедлении) как одном из важнейших свойств фольклорной поэтики. Оно охватывает трехкратные повторения важнейших действий и различные другие виды повторов и усложнений. Короче говоря, широкий круг особенностей текста, который мы обозначили как возвраты, можно рассматривать не только как сеть фольклорных связей, но и как дополнительную систему «торможения» текста. Если тексты песни (в двух ее разновидностях: лирической и нарративной) и сказки образуют полюс эстетического максимума, для которого характерно гармоническое соответствие эстетического концепта и эстетической структуры текста, то полюсом минимума является обыденная деловая речь, лишенная эстетических качеств. Впрочем, такую речь можно представить себе в большей мере теоретически, чем практически, так как почти всякая обыденная речь в какой-то мере экспрессивна, модальна, эмоционально не «дистиллирована». Повышение степени экспрессивности неизбежно ведет к интонационному членению речи, повторам, сопоставлению и расподоблению интонационных единиц текста, т. е. к его вторичному структурированию, мотивированному не рационально, а эмоционально. Обнаруживаются «неграмматические» качества языка, материал языка начинает включаться в концепт сообщения, т. е. текст приобретает эстетические качества (ср. «ораторское искусство» и его теорию — риторiku). С другой стороны, в обыденной речи постоянно формируются и накапливаются фразеологизмы — эмбрионы текста с эстетическими качествами, подобные формулам сказки.

Между этими полюсами располагается весь спектр фольклорных жанров, характеризующийся различной степенью эстетической упорядоченности текста, различными соотношениями глубинной структуры (от «логической» до синкретической) и текста («поверхностной структуры»). Причины этих различий прежде всего в разных соотношениях коммуникативных функций текста: информационно-логических, обрядовых, эстетических и др.

Таким образом фольклорный текст, который представляет собой в разной степени эстетически упорядоченный и в разной

степени упорядоченный (структурированный) акт речевой деятельности, не отделен китайской стеной от обычно-обиходно-практической речевой деятельности того социального коллектива, в среде которого он формируется и функционирует. Но значит ли это, что «поэтическая речь» только частный случай (или, как писал Б. М. Эйхенбаум, «диалект») обычной речи, просто результат выбора тех средств, которыми уже располагает обиходная речь? И не только выбора, а определенной системы выбора, определенной системы употребления («нарочитого использования») этих средств?

Изучение языка фольклора, осуществленное в последние годы (А. Л. Евгеньевой, И. А. Оссовицким, А. Т. Хроленко, Е. Бартминым, Б. Конесским и др.) и, с другой стороны, изучение особенностей устной речи позволяют отвечать теперь на этот вопрос без тех упрощений, которыми еще сравнительно недавно довольствовались и фольклористика, и языкознание.

Действительно, все, что есть в языке фольклора, есть и в самом языке, так как фольклор — один из видов речевой деятельности. Паралингвистические элементы, сопровождающие исполнение фольклорного текста, в такой же мере свойственны и нефольклорной устной речи. Детальное обследование одной из локальных польских традиций фольклора (Люблинское воеводство) привело Е. Бартминского к выделению специфических черт фонетики, возникающих в текстах песен под влиянием пения и не наблюдающихся в обиходной речи⁴². Он показал также, что целый ряд морфологических форм (например, уменьшительные, соотношение кратких и полных форм, неравносложные дублеты, инверсии и т. д.) в обиходном языке и языке фольклора употребляется с разной частотой⁴³; он выделил «лексические поэтизмы»⁴⁴ и т. д. и пришел к весьма убедительным выводам: вариативность фольклора и синонимический характер варьирования приводят к удерживанию архаизмов, активизации пассивного запаса форм, генерализации периферийных форм (например, формы, свойственные соседним диалектам и т. д.). Он показал вместе с тем, что фольклорной речи свойственны многие черты, характерные для устной речи вообще (эллиптичность, формульность, повторы, диалогичность). В этой части своей работы он близок к наблюдениям исследователей русской устной речи (Н. Ю. Шведова, О. А. Лаптева и др.)⁴⁵. Эти выводы нуждаются в более детальной и дифференцированной по жанрам проработке на материале других славянских языков и других фольклорных традиций. Так, например, эллиптические конструкции в большой степени характерны для языка несказочной прозы, в то же время сказка, песня, обрядовые жанры тяготеют не только к полноте и законченности (и в этом они противопоставлены разговорной речи), но и к плеоназмам различного характера

(т. е. к избыточным построениям). Однако дело не только в этом.

Е. Бартминьский в высшей степени содержательной и современной книге поддержал идею Н. Ю. Шредовой, согласно которой фразеологизмы (фразеологизированные построения) столь же свойственны устной речи⁴⁶. Он считает, что не только в устной речи, но и в фольклоре употребление формул может быть объяснено ограничением операции выбора, т. е. неподготовленностью речевого акта. Думается, что причины все-таки разные. Употребление формул в сказке ни в коей мере нельзя связывать с неподготовленностью речевого акта или редуцией момента селекции, т. е. с автоматизмом, который вызывается недостатком времени для обдумывания.

За плечами каждого воспроизведения сказки стоит многовековая традиция. Частота употребления формул — всегда показатель отработанности текста и мастерства исполнителей. Исполнитель сказки не ориентируется на индивидуализацию речевого выбора, наоборот, подготовленное исполнение означает расширение используемого фонда формул. Фольклорные формулы монтируются в речевые сегменты, которые тоже имеют фольклорную традицию, хотя и варьируют интенсивнее, чем формулы. Не случайно их больше в сказке, а не в преданиях, текст которых менее стабилен. Общность здесь, вероятно, в том, что формулы и в устной речи и в фольклорных текстах в равной степени могут быть поняты как стереотипная речевая реакция на стереотипные ситуации. Однако фразеологизированные построения обиходной речи — реакция на коммуникативную ситуацию, а формулы сказки или былины «отмечают» (маркируют) типовую ситуацию, возникающую в ходе повествования. (Впрочем, некоторые из них, как показало недавнее исследование Н. М. Герасимовой, имеют одновременно непосредственные коммуникативные функции.) Дальнейшее исследование, вероятно, могло бы показать, что фразеологизмы, употребляемые в преданиях, быличках, меморатах, функционируют и в устной речи, в то время как сказка, былина, баллада располагают своим запасом специфических формул, что не исключает, конечно, и употребления обычных «речевых» формул.

С подобными же параллелями или аналогиями мы встречались и в других сферах соотношения фольклорного текста и обиходной речи. Каждый раз возникает вопрос: что это — прямое продолжение особенностей разговорного языка, их «нарочитое употребление» или явления, сходные, но иные по происхождению? Формирование вторичных связей, текста с выраженными эстетическими функциями в процессе его развертывания оказывается возможным, как мы уже говорили, и обусловлено общими особенностями порождения речи — несовпадения порядка слов в словоряде и последовательности синтаксических

связей, синтаксическим напряжением, которое возникает по мере формирования поля ожиданий, возвратами по мере разрешения этих ожиданий, ритмическим членением речи, которая может совпадать с границами коммуникативных блоков, преобладанием синтаксических сочинений (примыканий, присоединений) над подчинением, распространенностью повторов, колебаниями между эллипсисами и плеоназмами и др. Это та почва и тот фон, на которых возникают немотивированные с грамматической и чисто логической точки зрения дополнительные возвраты (связи), образующие вместе с обычными речевыми связями сложную структуру, способную выполнить эстетические функции. Таким образом, почва и фон, элементы, которые могут быть развиты и которым могут быть приданы эстетические функции, а не просто селекция, отбор и нарочитое употребление уже готового. Истоки этого развития, как и вовлечение неграмматических сфер языка, пассивных в обычной речи (звучание, ритм и т. д.), — в экспрессивной речи и модальности обычной речи.

Однако наиболее существенное различие обиходной и эстетически организованной речи не в наличии или отсутствии каких-то элементов, а в том, что между ними возникают качественно новые связи и отношения, необычные для обиходной речи. Если они в ней подчас и встречаются, например в речи экспрессивной, то спорадически и не образуют сознательно отрегулированной системы, способной выполнять эстетические функции, или, иначе, быть словесным выразителем сложного эстетического по своей природе концепта. Причем, вероятно, уже сейчас можно сформулировать определенное правило: развитие эстетической функции влечет за собой ослабление внетекстовых и усиление внутритекстовых связей (ср. с идеей Я. Мукаржевского, согласно которой эстетическая функция оказывает «изолирующее» влияние).

Кстати, обратим внимание на то, что механизм возвратов, который нам представляется столь важным для понимания структуры поэтического текста вообще и фольклорного в особенности (так как в фольклорном тексте последствия возвратов выражены прямо и непосредственно), находит свое подтверждение не только в психолингвистических наблюдениях над процессом порождения речи, речевого прогноза и смыслового восприятия. В последние годы осуществлены интереснейшие экспериментальные исследования процесса чтения методом регистрации движения глаз⁴⁷. Они установили с достаточной степенью точности, что процесс чтения складывается из прогрессивных (слева направо) и регрессивных (справа налево) движений глаза (взора) читающего. Интересно, что после регрессивного шага (возврата взора) в пределах оперативного поля («зона прогноза» и «зона опознания») происходит скачок в 1,5 раза больше обычного, который ликвидирует пространствен-

ное отставание. Исследователи связывают это явление с особенностями оперативной памяти, прогрессом речевого прогнозирования и разрезания ожиданий и, наконец, с процессом смыслового синтеза прочитанного, дающего возможность читать не слова, а текст как словесно-смысловую структуру. Нельзя не согласиться с тем, что все это очень похоже на процесс формирования как первичной, так и вторичной структуры текста.

Не менее убедительная аналогия, как мы уже говорили, легко найдется в музыкальной сфере.

И, наконец, еще один вопрос. Многие особенности фольклорной поэтики принято объяснять ее формированием в глубокой древности. При этом привычно считать, что определенные, изжитые позже качества архаического мышления и архаические формы языка законсервировались в поэтике фольклора подобно тому, как в сюжетах и мотивах позднего фольклора обнаруживаются архаические формы мышления, верований, обрядов, социальных институтов и т. д. В целом это, несомненно, так⁴⁸. Но это не отвечает на вопрос, почему продуктивный период столь рано возникших форм был продолжительным. Для того чтобы выработать надежную методику решения этого отнюдь не легкого вопроса, надо отказаться от изучения языка и поэтики фольклора на фоне литературного письменного языка. Для того чтобы уверенно говорить об особенностях построения фольклорных текстов, они должны сопоставляться с устной речью⁴⁹. Упомянувшиеся выше исследования ясно показали, что особенности, которые считались специфически фольклорными, свойственны устной речи вообще и, что особенно важно, даже и современной устной литературной речи (т. е. литературному языку не в письменном, а устном варианте). О некоторых из них мы уже говорили выше. Думается, что в этом факте содержится убедительный ответ на последний из поставленных нами вопросов.

¹ Термин «текст» употребляется в фольклористическом, а не общесемиотическом его значении, т. е. имеется в виду словесный текст в синкретизме с паралингвистическими элементами (жест, мимика, движение, напев и т. д.).

² *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969; *Он же.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973; *Каган М. С.* Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. М., 1974; *Ион Э.* Проблемы культуры и культурная деятельность. М., 1969.

³ Основы теории речевой деятельности. Методология и основы моделирования. М., 1974; Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974; Прогноз в речевой деятельности. М., 1974; Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. См. также: Психолингвистика за рубежом. М., 1972; *Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М., 1976 (*Slobin Dan I.* Psycholinguistics. Berkeley Cal., 1971; *Greene J.* Psycholinguistics. Chomsky and Psychology. London, 1972).

⁴ *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960; *Земская Г. А.* Русская разговорная речь. М., 1968; Русская разговорная речь. М., 1973; Русская разговорная речь. Саратов, 1970; *Лангева О. А.*

- Русский разговорный синтаксис. М., 1976 (см. обширную библиографию). Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 1—4. Горький, 1966—1972; *Problémy běžně mluveného jazyka, zvláště v ruštině*.— *Slavia*, 1973, XLII, N 1; *Белодед И. К.* Теоретические проблемы изучения украинской устной литературной речи.— Изв. АН СССР ОЛЯ, 1964, вып. 6; *Говорните форми и словенские литературни јазници*.— Материјали од второго заседание на Међународната комисија за словенские литературни јазници'. Скапје, 1973; *Hronek J.* *Обесна čeština*. Praha, 1972; и др. Обзор проблем также см.: *Десницкая А. В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
- ⁵ См. обзор их, например, в кн.: *Основы теории речевой деятельности*, с. 36—105.
- ⁶ Подробнее см.: *Чистов К. В.* Прозаические жанры в системе фольклора.— В кн.: *Прозаические жанры фольклора народов СССР*. Минск, 1974; *Иермяков Г. Л.* От поговорки к сказке. Заметки по общей теории клише. М., 1970. О включенности эстетических явлений в общий ряд «эстетическое/неэстетическое» и о размытости границ между ними см.: *Mukařovský J.* *Estetická funkce, norma a hodnota jako socialni fakty* (в его книге «*Studie z estetiky*»). Praha, 1966).
- ⁷ Ср. классификацию песен, которая применялась в некоторых изданиях песен. Так, например, в сборнике Л. М. Кершнер «Карельские народные песни» (Петрозаводск, 1962) тексты объединены в два больших раздела: «Песни, исполняемые при любых обстоятельствах» и «Песни, исполняемые при определенных обстоятельствах». В первый входят эпические и лирические, во второй — колыбельные, свадебные и вечерочные. Ср. в книге З. Можейко «Песенная культура белорусского Полесья» (Минск, 1971) разделы: «Песни, исполняемые только в определенное время и при определенных обстоятельствах», «Песни, исполняемые преимущественно в определенное время или при определенных обстоятельствах» и «Песни, исполняемые в любое время и при любых обстоятельствах («себыкал»)». Редактор обеих книг — Е. В. Гиппиус. В первом разделе рассматривают календарно-обрядовые и семейно-обрядовые песни, во втором — песни, которые исполняются «в осень», «як полюць», «як грэчку жнуть», «як мнуть проса», «як пасьць тавар», «як ідуць з ягод», беседные и др., в третьем — лирические, любовные, балладные, бытовые, примачские, чумацкие, тюремные, разбойничьи, рекрутские, солдатские, шуточные, частушки и др.
- ⁸ В украинской деревне в той же роли выступали песни, которые пели по другим невесты, поэтому в сходной ситуации возникали ожидания, соответствующие этнической традиции.
- ⁹ Шесток (припечек) у русской печи.
- ¹⁰ *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, т. I, вып. 1. СПб., 1898, № 1137.
- ¹¹ В последние годы проблемы «начала» и «конца» (рамы, делимитации) текста активно разрабатывались польскими и советскими учеными (см.: *Dobrzyńska T.* *Delimitacja tekstu literackiego*. Wrocław — Warszawa, 1974; *Bartmiński J.* *Struktura językowa incipitu pieśni ludowej*.— In: *Semiotyka i struktura tekstu*. Wrocław, 1973; *Jagello J.* *Polska ballada ludowa*. Wrocław — Warszawa, 1975, s. 23—29; и др.; *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970; *Он же.* О моделирующем значении понятия «конца» и «начала» в художественных текстах.— В кн.: Тезисы докладов ко второй летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966; *Успенский Б.* Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970; и др.).
- ¹² См. обзоры: *Polivká J.* *Uvodní a závěrečné formule slovenských pohádek*.— *Narodopisny Vestník Československy*, 1926, т. XIX, № 1—4; 1927, т. XX, № 1—4; *Рошяну Н.* Традиционные формулы сказки. М., 1974.
- ¹³ Т. Добжинская в названной выше работе различает сигнальные и симптоматические анафоры. Ср. также: *Pop M.* *Die Funkt an der Anfangs- und Schlussformeln im rumänischen Märchen*.— In: *Volksüberlieferung. Festschrift für K. Ranke zur Vollendung des 60. Lebensjahres*. Göttingen, 1968.

- ¹⁴ Ср. у М. М. Бахтина: «Слово он (человек.— К. Ч.) получает с чужого голоса и наполненное чужими голосами. Его собственная мысль находит слово уже населенным» (Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972, с. 336).
- ¹⁵ Современная лингвистика вслед за Н. Хомским различает «глубинные» и «поверхностные» структуры речевого высказывания, т. е. «смысл» (в логической или синкретической образной форме) и его словесную реализацию в речевом акте. Для фольклорных текстов подобной «глубинной структурой» является сюжет, если речь идет о нарративном (повествовательном) жанре, или другие традиционные комплексы на этом же уровне (*persona dramatis*, представления, лежащие в основе лирических песен и т. д.).
- ¹⁶ См. также работы по стилистике отдельных языков (*Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961; *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. М., 1957; *Будагов Р. А.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967; *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. М., 1973; и др.). Ср. у И. В. Арнольд: «Стилистикой называется отрасль лингвистики, исследующая принципы и эффект выбора и использования лексических, грамматических, фонетических и вообще языковых средств для передачи мысли и эмоции в разных условиях общения» (с. 6).
- ¹⁷ *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969, с. 335—336. Следует отметить особенно успешное изучение языка русского фольклора в работах А. П. Евгеньевой, И. А. Оссовецкого, А. Т. Хроленко и др.
- ¹⁸ *Travaux du cercle linguistique de Prague*, v. 1. Prague, 1929, Theses.
- ¹⁹ *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика.— В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975, с. 221 и др.
- ²⁰ Ср. недавно появившиеся обзоры Н. И. Кравцова «Историческая поэтика фольклора (Общие вопросы)» и А. В. Кулагиной «Вопросы поэтики фольклора в трудах болгарских ученых» в кн.: Фольклор. Поэтическая система. М., 1977; и др.
- ²¹ Устные рассказы уральских рабочих. Свердловск, 1953, с. 10.
- ²² Предания реки Чусовой. Свердловск, 1961, с. 83.
- ²³ Сказки Куприянихи. Воронеж, 1937, с. 148.
- ²⁴ Фольклор Урала, вып. 1. Исторические сказы и песни. Челябинск, 1949, с. 74.
- ²⁵ Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. М., 1955, № 74, с. 175.
- ²⁶ Т. 1, с. 174, № 3. «Жар-птица» (Вельский у. Архангельской губ.).
- ²⁷ *Schurtz H.* Urgeschichte der Kunst. Leipzig — Wien, 1900, S. 21.
- ²⁸ *Колмогоров А. Н.* Три подхода к определению понятия «количество информации».— В кн.: Проблема передачи информации, вып. 1. Л., 1965.
- ²⁹ *Земцовский И. И.* Русская протяжная песня. Л., 1967; *Бершадская Т. С.* Основные композиционные закономерности многоголосия русской крестьянской песни. Л., 1961.
- ³⁰ *Земцовский И. И.* Русская протяжная песня, с. 174, № 14 и с. 174, № 10.
- ³¹ *Рубцов Ф. А.* Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов. Л., 1964; *Левин В.* Вопросы психофизиологии музыки.— Советская музыка, 1966, № 8.
- ³² *Valery P.* De l'enseignement de la poétique au Collège de France. Paris, 1945, p. 291.
- ³³ О роли «присоединения» в сочетании с открытостью структуры в палеолитическом искусстве и соответствующую библиографию см.: *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха.— В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972.
- ³⁴ *Лотман Ю. М.* Замечания о структуре повествовательного текста.— Труды по знаковым системам, VI, Тарту, 1973.
- ³⁵ Ср. общий подход к ритму прозы в статье В. М. Жирмунского «О ритмической прозе» (Русская литература, 1966, № 4) или в его сборнике «Теория стиха» (М., 1975).
- ³⁶ Русские народные сказки. М., 1957, с. 57.
- ³⁷ Интересные наблюдения см. в статье Е. Б. Артеменко «К вопросу об основной структурно-синтаксической единице русской народной лирической песни».— Изв. Воронеж. пед. ин-та, 1968, т. 81.

- ³⁸ Обзор типов контаминации русской песни см.: *Штокмар М. П.* Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952; *Лазутин С. Г.* Очерки по истории русской народной песни. Воронеж, 1964.
- ³⁹ Фольклор почти не знает так называемых «обманутых ожиданий» или игры осуществленных и обманутых ожиданий, столь характерных для неканонического (нового и новейшего) периода развития литературы.
- ⁴⁰ В терминологии Б. А. Успенского «результаты суммирования» и «процесс суммирования». — Труды по знаковым системам, V. Тарту, 1971, с. 204.
- ⁴¹ *Ильина В. И.* К вопросу об изучении вариантов речи. — Вопросы психологии, 1965, № 6; см. также: *Szewczuk W.* Badania eksperymentalne und rozumieniem zdań. Kragow, 1960; Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976, с. 119—126.
- ⁴² *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, с. 7.
- ⁴³ *Bartmiński J.* O języku folkloru. Warszawa—Wrocław, 1973. Fonetyka tekstu śpiewanego; см. также: *Богатырев П. Г.* Добавочные гласные в народной песне и их функции. — Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. София, 1963. М., 1963; *Он же.* О языке славянских народных песен в его соотношении к диалектной речи. — Вопросы языкознания, 1962, № 3.
- ⁴⁴ *Barmiński J.* O języku folkloru. Język wiersza na tle języka prozy.
- ⁴⁵ *Barmiński J.* O języku folkloru. Pozameliczne i pozawersyfikacyjne wyróżniki stylu artystycznego. Ср. также в оказавшей большое влияние на дальнейшее изучение устной речи статье В. В. Виноградова «Проблема сказа в стилистике». — В кн.: Поэтика. Л., 1926.
- ⁴⁶ *Швадова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 6.
- ⁴⁷ *Ярбус А. Л.* Роль движений глаз в процессе зрения. М., 1965; *Мельников В. В.* Исследование стратегии чтения газеты методом регистрации движений глаз. — В кн.: Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974; *Карпов Б. А., Карпова А. И., Случевский С. И.* Количественные характеристики движений глаз и факторы смыслового восприятия текста. — В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- ⁴⁸ Современную разработку этих вопросов см.: *Мелетинский Е.* Первобытные истоки словесного искусства. — В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972; *Неклюдов С. Ю.* Особенности изобразительной системы в долитературном и повествовательном искусстве. — Там же; и др.
- ⁴⁹ Ср. замечание в одной из последних работ по языку русского фольклора: «...результаты изучения разговорной речи еще не вошли в обиход лингво-фольклористики» (*Хроленко А. Т.* Лексика русской народной поэзии. Курск, 1976, с. 15).

**ОБРАЗНОСТЬ
КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР**
(К вопросу о типологии фольклорного стиля)

Теория стиля разработана в науке все еще недостаточно, хотя несомненно высокая научная значимость обстоятельно аргументированных положений академика В. В. Виноградова¹. Его концептуальные построения основаны на признании нескольких исходных идей, важнейшую из которых составляет мысль об историческом развитии языка со сложными смещениями и изменениями внутри его лексического, морфологического и синтаксического строя. В. В. Виноградов предложил изучать стиль отдельных писателей и стиль направлений «на фоне общих процессов и закономерностей развития истории литературного языка и стилей художественной литературы в связи с историей общества, с историей народа»². В художественном творчестве В. В. Виноградов усматривал проявления общей эволюции языка и его стилей при одновременном установлении их особой функциональности в составе произведения как сложного эстетического целого. В художественной литературе реализуются внутренние потенции языка, свойства, заключенные в нем самом. Своими работами В. В. Виноградов создал научное направление, которое неотделимо от исторического изучения языка как целостной функциональной системы с ее эстетическим выявлением в художественном творчестве.

По-другому подошел к изучению стиля Г. Н. Пospelов. В своих теоретических построениях он сосредоточился на мысли, не чуждой и В. В. Виноградову,— о «законченном единстве разных сторон и элементов произведений, соответствующем выраженному в нем содержанию»³. Будет уместным заметить, что такое соображение принималось В. В. Виноградовым, но он отмежевался от литературоведческого изучения стиля утверждением: «Лингвиста больше интересуют способы выражения этого содержания или отношение средств выражения к выражаемому содержанию». Только в плане такого изучения «и содержание не может остаться за пределами изучения языка художественной литературы»⁴.

Г. Н. Пospelов считает, что единство разных сторон и элементов произведения образует ту «стилевую целостность», которая не только соответствует содержанию художественного произведения, но и создается им. Многосторонняя стилиевая целостность носит ярко выраженный идейно-художественный

характер, ее сущность состоит в «специфически художественной образной форме»⁵. «Особенности формы во всей ее эстетически значимой целостности — вот что такое стиль в кратком определении Г. Н. Пospelова⁶. К этому необходимо добавить, что мысль о стилевой целостности в общих рассуждениях ученого соотнесена с изучением остальных сторон художественных произведений в свете историко-типологического осмысления литературы как выражения общественного сознания разных эпох. Тем самым теория стиля предстает как подчиненный и не главный, хотя и важный, момент общей теории историко-литературного процесса и общего анализа художественного произведения.

При всем различии у той и другой концепции найдется много общего, но заметно, что в концепции В. В. Виноградова преобладают интересы историка языка, в концепции Г. Н. Пospelова — точка зрения литературоведа и историка литературы. Обе концепции обнаруживают во внутренних своих посылах, а равно и в выводах стремление к конкретному историзму. Различие же состоит в преимущественном освещении факторов, которые в одном случае лежат в сфере языка, а в другом — в самом художественном произведении. Анализ стиля в работах Г. Н. Пospelова предполагает изучение содержания литературы как идейно-эстетического образования в рамках и границах определенного исторического момента развития общества.

В работах В. В. Виноградова стиль изучается на базе исследования формы выражения этого содержания преимущественно в речи, взятой в разные моменты исторического состояния, в ее конкретных проявлениях в разных слоях, сословиях и социальных группах, в особой функциональности и роли.

Столкновение и взаимное отстранение литературоведческой стилистики и так называемой лингвостилистики больше основано на различии самого подхода, чем на коренной противоположности. Литературоведение оперирует социальными категориями, принимающими во внимание идеологическую обостренность принципов эстетического отражения реальности, а лингвистика с полным основанием обращается к понятиям, характеризующим социальную природу языка и речи в тех свойствах, для которых идеологические соображения имеют значительно меньшую силу.

Несомненно, что оба подхода можно синтезировать, но при условии, если пространство, образовавшееся между разделяющими их принципами, будет заполнено изучением тех переходов, которые, не снимая правомочности каждого порознь взятого, конкретно укажут на отношение, существующее между акцентированной идеологической структурой литературы и достаточно нейтральным к идеологическим тенденциям языком, в материале которого осуществляются эстетические замыслы.

Возможно, сближение той и другой точек зрения явится задачей, которую наука сможет решить лишь по мере углубления проблемного изучения, тем более что и в работах В. В. Виноградова, как и в работах Г. Н. Поспелова, указано на множество моментов, позволяющих переходить от одного аспекта изучения·стиля к другому.

Для уяснения того, по какому пути следует идти в намерении соединить литературоведческий и лингвистический анализ стиля, будут нелишними наблюдения над фольклором. В фольклоре сочетаются эстетические и утилитарные начала, идеологическая прямота образного осмысления мира и общекультурные тенденции. Иначе сказать, в нем в наиболее очевидном, не усложненном по сравнению с литературой виде соединяются качества, внимание к которым по-своему сделалось преимущественной основой литературоведческого и лингвистического анализа стиля.

Прежде всего следует указать на ту область, в которой у литературоведа и лингвиста окажется почва для безусловного сближения. И литературовед, и лингвист — каждый по-своему — оперируют понятием художественного образа и образности. У литературоведа эти понятия определяющие, у лингвиста они выступают в соображениях об особой функциональности речи в художественных произведениях, а порой — и в рассуждениях об общей структуре произведения, находящейся в связях с языком. Конкретное изучение образности и должно явиться тем моментом, который позволит наметить пути сближения принципов анализа литературоведа и лингвиста в области стилистики, а исследование фольклорной образности и связи ее со стилистической характерностью произведений может оказаться весьма полезным вследствие уже указанного обстоятельства.

I

Стилистическая характерность у произведений искусства возникает на основе запечатления художественной образности со всеми ее особенностями. Литературовед осознает этот факт, предлагая свои наблюдения над особенностями образного видения мира у художника и связывая их как момент содержания с формально-стилистическим выражением, а лингвист улавливает преимущественно своеобразие в речевом запечатлении этого художественного видения, присоединяя к своим наблюдениям, как это делал В. В. Виноградов, и наблюдения историка языка. Степень систематичности соответствующих наблюдений у филолога той и другой специализации может быть разной. И неудовлетворенность этими наблюдениями как раз и состоит в признании недостаточности их систематизации. Они могут ка-

заться фрагментарными, субъективными, разнохарактерными⁷. Это заставляет ставить вопрос о том, как и на каких общих гносеологических основаниях возникает художественный образ.

Для уяснения структуры художественного образа необходимо понять отличие художественного отражения реальности от научного отражения, установить различие образного и понятийного мышления. Постановка вопроса, разумеется, не нова, как не нов будет и ответ. Однако важно воспроизвести его здесь, чтобы понять происходящую отсюда зависимость предлагаемого решения для выводов, касающихся понимания стиля.

Абстрактное, научное мышление предполагает отображение вещей и явлений в понятиях. Понятия включают в себя воспроизведение реальности в ее существенных признаках. Тут всегда налицо стремление к перечислению именно существенных признаков, и все они могут быть квалифицированы как необходимые или претендуют быть такими. Любое научное понятие основывается на выделении общих и существенных признаков предмета.

Сопоставляя понятие с художественным образом, мы сразу отметим между ними то общее, что художественный образ имеет в виду существенные свойства вещей и явлений. Так, любой художественный образ коня, будет ли это Бурушка-косматушка из былин, Сивка-Бурка из сказок, вороной конь лирических песен или толстовский Холстомер, щедринский Коняга, — все равно подразумевает одно родовое понятие, но сравнение образа с понятием легко убедит в том, что в понятии мысль суше, рассудочнее. Художник не просто оперирует родовым понятием. Он имеет в виду общие признаки, но соединяет их с тем, что дано человеку на ступени отражения этого реального объекта в представлении. Понятие тоже возникает из представлений, но оно не повторяет их, являясь всеобщим представлением.

Представления о вещах и явлениях переходят в понятия, когда из многообразия признаков, с которыми предмет реальности предстает в представлении, будут отобраны только существенные, когда будут отброшены несущественные, случайные. Представление же само по себе оперирует большим числом признаков реального явления и тем самым стоит ближе к той конкретности, в которой вещи и явления существуют в действительности. В отличие от представления понятие глубже проникает во внутреннюю суть познаваемого объекта.

Художественный образ удерживает в себе черты реальности, которые несет в себе представление. Объект познания мыслится в целостности и конкретности, с теми признаками, с которыми он предстает в действительности, независимо от того, будут ли эти признаки существенными или несущественными. Так, в былине о Вольге и Микуле про лошадь, на которой пашет Микула, говорится, что она не конь, а кобылка, что масть ее соловая, что она резва и сильна — пошла «ступью», а княжеский конь

сразу отстал:

Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у нее да завивается⁸.

В родовое понятие не может войти ни один из отмеченных признаков: то, что кобылка соловая, что ее сравнение с княжеским конем тем невыгоднее для последнего, что народная половица гласила: «Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом». Совсем несущественным для понятия будет такая подробность, что хвост у кобылы расстилается, а грива завивается. Художественный образ включает в себя все отбрасываемые понятием признаки и, подобно представлению, без них немислим, не может существовать. Художественный образ возникает как результат восприятия предмета в целом как некоей единичности и конкретности, с любыми его чертами. Чувственный образ предмета в представлении, а равно и в художественном образе, обретает черты цельности, единичности. Отсюда неотделимость его от конкретностей, подробностей.

Содержание художественного образа определяется не только тем, что он удерживает в себе общеродовой смысл понятия, цельность отражения, присущую представлению,— образ еще включает в себя и то, что идет от ощущения. Этот компонент входит в художественный образ уже потому, что любое восприятие, в том числе и представление, складывается из ощущений. Множество ощущений: восприятие цвета, запаха, твердости, тяжести, звука, температуры, формы и пр.— составляют совокупность действия реальности на органы наших чувств, и, будучи отобранными, ощущения входят в художественный образ. Восприятие, порождающее представление, выделяет, отбирает сравнительно немногие ощущения для воссоздания объектов познания в целостности и конкретности. Отличие ощущения от представления состоит в том, что ощущение есть всего лишь отражение отдельных сторон и проявлений реальности, а восприятие целого и создающиеся на его основе представления дают отражение предмета в совокупности.

Роль элементов ощущения в любом художественном образе несомненна. Такова и передача ощущений в уже упоминавшемся образе соловой кобылы Микулы. Певцы былины указывали на ее масть — воспроизводится ощущение цвета, а ощущение движения запечатлено в рассказе о завивающейся на ходу лошадиной гриве, о расстипании хвоста. Не исключено, что сама эта подробность возникла как передача зрительного впечатления, вынесенного из знакомства с изображением коня на иконах. Таков у иконописцев и конь Георгия Победоносца. В других случаях былинное изображение ближе к передаче прямых ощущений реальности. Верный конь в другой былине ржет «во всю голову», бьет ногами в матушку сыру землю — предупреждает спящего богатыря о грозящей опасности⁹.

Даже фантастический элемент изображения связан с реальными ощущениями. В былине говорится, например, что «у коня изо рта-то пламя машё, // Из ноздрей у коня да кудряв дым валит»¹⁰; — этот образ, возможно, возник как уподобление огню и дыму горячего дыхания лошади на холоде.

Все сказанное дает право на обобщение: художественный образ возникает как соединение результатов познания реальности на всех ступенях. От понятия в нем — воссоздание существенных свойств реальных объектов, от представления — воспроизведение цельности и конкретности реальных вещей и явлений, а от ощущений — передача свойств и признаков реальности, воспринимаемых чувствами.

Эти три гносеологических компонента художественного образа составляют органическое, неразрывное единство. Вследствие этого, например, ощущения проникаются «духовностью», они означают в составе целого больше, чем при простом восприятии отдельных свойств реальных объектов, постигаемых нашими чувствами. Это относится и к представленческим свойствам, включаемым в художественный образ: признаки реальных объектов, постигнутых на этой ступени восприятия, подвергаются более сильной обработке в художественном образе, чем в обычных наших представлениях. В свою очередь понятийные свойства в художественном образе не существуют в форме голого отвлечения от реальной конкретности, а становятся фактором, который приводит в систему все другие компоненты художественного образа, идущие от представлений и ощущений, делает их глубокими, доходящими до той сущности, которая постигается только на уровне понятийных абстракций. Словом, художественный образ есть синтез понятий, представлений и ощущений. У них имеется общее, совпадающее, в нем и заключается сущность художественного образа.

2

Уже из общего наблюдения над составом художественного образа следуют очень важные соображения, которые позволят привести в систему многократно по частным и общим поводам сделанные в науке конкретные суждения о стилистической характеристике художественных произведений.

Три компонента художественного образа могут находиться в равновесии или образовывать сочетания с перевесом какого-либо одного и двух компонентов над третьим. Рассмотрим случаи, когда налицо перевес одного из компонентов над другими.

Преобладание в художественном образе передачи ощущений порождает эмоционально-экспрессивный стиль. К примеру, простые виды так называемых артельных припевок в русском

фольклоре отмечены преимущественным воспроизведением ощущения физического преодоления трудностей тяжелой работы. Такие песни служили организации усилий работающей артели и передавали бодрящие эмоции, призывы и команды:

Раз-два, взяли!
Еще, дружно!
Раз-два, сильно!
Дружно двинули!
Сильно, дружно!
Раз и! ¹¹

Эта песня исполнялась во время погрузки рельсов на платформы. Запевала подавал команду, исполняя первую половину стиха: «Раз-два», «Еще» и пр., а хор работающих подхватывал: «Взяли!», «Дружно!» и пр. Для песен такого типа характерна эмоциональная окрашенность энергичных повелительных глагольных форм во множественном числе («взяли», «двинули»), наречий, выражающих оценку действия («дружно <взяли, двинули>», «сильно <двинули>»), многократное повторение наречий в качестве усиления признака действия. Можно отметить бесприставочный характер этих наречий, соответствующий краткости команд, синтаксическую самостоятельность их в условиях ситуативной понятности. К этому следует добавить ритмическую четкость стиха, обусловленную сменой усилия и отдыха работающих.

Художественная выразительность песни создана передачей волевого напряжения и эмоций работающих. В любой трудовой припевке налицо эти особенности эмоционально-экспрессивного стиля. Они имеются и в том случае, если трудовая припевка выражает более сложные чувства. Припевка может, например, содержать комические ситуации разного рода, не обнаруживая стремления к их связанной подаче. Вот отрывок из такой песни:

Ах, ты, дяденька Мосей,
Прогулял пару гусей.
Взглянемтесь вдруг, да ух!
Хозяюшка стряпала,
Ложки во щи спрятала.
Взглянемтесь вдруг, да ух!
Взяла ведра, коромысл,
Пошла по воду на низ.
Взглянемтесь вдруг, да ух! ¹²

Краткая куплетная форма припевки с одинаковым завершением вполне отвечала назначению песни как неотделимой составной части трудовой команды, а более сложные компоненты образности по сравнению с теми, которые возникают на ступени передачи только ощущения, носят тут характер подчинен-

ный: эмоционально-экспрессивное начало составляет главный момент в песне. Отсюда возможная фрагментарность куплетов, их подчиненность главному моменту стилистической организации целого.

Эмоционально-экспрессивный стиль присущ многим фольклорным произведениям. Его преобладающее проявление трудно усмотреть в колыбельных песнях, считалках, плясовых песнях всех типов от «кадрилей» до частушек и в других фольклорных жанрах. Будет не лишним оговориться, что эмоционально-экспрессивный стиль в каждом жанре выступает в своеобразном виде.

Если в художественной образности преобладает представление, возникает стиль, который можно назвать картинно-изобразительным. Его пример — стиль загадок.

Выпуча глаза сидит,
По-французски говорит,
По-блошьи прыгает,
По-человечьи плавает ¹³.

В этой загадке заметно стремление передать общее представление о лягушке, хотя и указаны лишь отдельные ее признаки. О прыжках лягушки сказано, что они подобны скаканью блохи, а про движения в воде — что они напоминают человечьи. Конечно, признаки, названные тут, нельзя считать существенными и неверно усматривать в образе что-то большее, чем попытку передать лишь внешнее представление о лягушке. Это, между прочим, доказывает, что не права была М. А. Рыбникова, очень тонкий исследователь, когда усматривала в загадках отражение сущности предметов ¹⁴.

Для загадки характерно, что она называет признаки, которые при внешней парадоксальной несочетаемости лишь в соединении дают целое и отгадываются как действительный, реальный предмет. Целостность единого представления о предмете как бы раздроблена на элементы, при отгадке же все становится на свои места: отдельные части загаданного предмета соединяются в целое. Парадокс внешнего несоответствия (соединение в одном существе качеств человека и блохи, а равно ироническое уподобление кваканья иноземной речи и пр.) в итоге устраняется, оставляя впечатление смелости и необычности сопоставления.

В загадке отбираются броские, наиболее ощутимые признаки реального предмета. Эти признаки делаются заместителями целого; так, в загадке о гусе («Белые хоромы, красные подпоры» ¹⁵) выделены белизна его оперения и краснота лапок.

Стремление к воссозданию целого на основе отдельных ощущаемых признаков может предполагать синтез, который обусловлен аналитическим исключением похожих предметов. К примеру,

такова загадка:

Кругла, а не месяц,
Желта, а не масло,
С хвостиком, а не мышь (*Рена*)¹⁶.

В этих случаях в образность загадки включаются понятийные элементы, но в качестве «отрицательного» момента, хотя не менее часто и «положительное» включение понятий в образный состав загадки:

На дворе горой,
А в избе водой (*Снег*)¹⁷.

По-другому сказать, загадка предполагает и оперирование понятием, но при всем том в ней картинно-изобразительный стиль преобладает над понятийными элементами, как он преобладает и над передачей ощущений. Это не главные компоненты образности: они как бы дополняют представление о предмете, группируются вокруг него.

Аналогичные наблюдения могут быть сделаны относительно прибауток, небылиц-перевертышей, присказок, некоторых видов игровых приговоров, жеребьевых сговорок, докучных сказок и других фольклорных произведений, которые тоже отмечены преобладанием картинно-изобразительного стиля. И тут стилистическая характерность коренится в самой структуре образности этих произведений.

Преобладание понятийных элементов в художественной образности в свою очередь ставит все другие компоненты в подчиненное положение: возникает стиль, который характеризуется иносказательностью. Одно из ярких его выражений — пословицы. Давно и всеми отмечается необычайная широта пословиц в жизненных обобщениях. Обобщения могут быть выражены в прямой понятийной форме, например: «Вор слезлив, а плут богомолен»¹⁸. Пословица указывает на неискренность поведения названных в ней людей. Вскрытым оказывается типическое, существенное явление в людских обычаях и нравах. Означает ли это, что такую пословицу можно признать лишь выражением логической мысли? Нет, это было бы узким толкованием ее смысла. В прямом своем значении пословица отражает только наиболее очевидное противоречие, которым нередко отмечены обманчивая внешность людского поведения и показное благонравие. Не исключено, что пословица имеет в виду и такую ситуацию, когда порочные люди при повернувшихся против них обстоятельствах легко переходят из крайности в крайность. Но и в том и в другом случае пословица становится носителем и более обширного, иносказательного значения. Понятийная форма и делает это возможным, позволяя относить пословицу по ассоциации к другим явлениям.

Стиль иносказаний в пословицах не только может выражаться в виде понятийных суждений, но и с очевидностью выступает в суждениях, которые своей образной конкретностью передают некое цельное представление, а в действительности тоже обнаруживают преобладание понятийных элементов в составе своей образности. Такова пословица: «Всякая сосна своему бору шумит»¹⁹. Ее смысл совсем не в том, что она указывает на очевидное: шум сосны в бору сливается с шумом других сосен. Тут имеет силу аналогия для реальности, далекой от леса. Пословица о сосне есть суждение о естественных связях человека с той почвой, на которой он вырос, о привязанностях и отношении его к тем, кому он принадлежит. Мысль эта выражена в логической форме общеутвердительного суждения в общих понятиях. Как и в первом случае, мысль, хотя и обставлена сопутствующими образными конкретностями, не менее понятийна и вынуждает к осознанию широкой применимости пословицы к аналогичным явлениям.

Такого рода иносказательность при ясно обнаруживаемом стремлении поднять все образные конкретности до уровня передачи самого общего, существенного смысла, извлекаемого из явлений реальности, есть общее родовое свойство не только стиля пословиц, но и стиля других жанров фольклора. Этот стиль присутствует в сказках о животных, в притчевых аллегориях, в некоторых легендах, заговорах, в разнообразной системе символов, иносказаний и олицетворений обрядовых песен (свадебных и календарных), а также в необрядовой песенной лирике, в некоторых балладах и может быть квалифицирован как стиль, который возникает на основе явного перевеса в художественной образности понятийных элементов над прочими. Конечно, возможны и сочетания его с другим стилем.

Итак, мы рассмотрели три типа стилистического выражения художественной образности, и каждый из них возникал в результате владения одного из его компонентов. Возможно, однако, не только преобладание одного из компонентов образности, но и такое образование, которое держится равновесием, точнее сказать, равноправием всех компонентов. Этот стиль отмечен той художественной полнотой и цельностью, которые не позволяют ни одному моменту воспроизведения реальности выделиться над остальными. Возникает стиль, у которого нет названия; за неимением более подходящего обозначения назовем его полиэкспрессивным. Таков стиль народного эпоса: волшебных и бытовых сказок, былин, исторических песен, поздней необрядовой песенной поэзии, некоторых видов несказочной прозы. Представление о нем может быть составлено на основе уяснения равнозначности всех компонентов образности, к примеру, в таком отрывке из былины о Волхе:

А и на небе просвета светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,

Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Стреслося славно царство Индейское,
А и синя море сколыбалося
Для-ради рожденья богатырскова,
Молода Вольха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чашицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам ²¹.

Равновесие всех компонентов образности в этом эпическом рассказе создается не в результате простого совмещения передачи ощущений (дрогнула земля, сколыбалося море и пр.), воспроизведения представлений в виде общих картин (испуганная рыба пошла в морскую глубину, птицы взмыли в небо, звери кинулись искать укрытия в чащах, за горами), не на основе присоединения к этим компонентам общепонятийного элемента (сообщение о богатырском рождении Волха). Хотя тут все слагаемые налицо, но они не просто сосуществуют, а усиливают значение друг друга. Понятийная информация о рождении богатыря с особым пояснением, «для-ради» чего произошло волнение и смятение в природе, облекается в плоть рассказа о конкретных приметах грозных явлений. В то же время элементы чувственного восприятия наполняются рациональным смыслом. Передача целых картин и ошутимость их обретают общий смысл апофеоза рождения богатыря. Впечатление от эпического рассказа тем сильнее, что каждый компонент образности достаточно самостоятелен и безотносительно к другим обладает своей художественной выразительностью.

Для понятийного элемента в этой образности характерна экспрессия иносказательной параллели: богатырь — светлый месяц. Для передачи представления важна каждая часть картины общего смятения и волнения: каждый ее элемент самостоятелен в такой степени, что мог замещаться сходным, и это нетрудно заметить при изучении вариантов былины ²¹. Передача элементов чувственного ощущения ограничена функциональной связью с воплощением отдельных частей общей картины (дрожание сырой земли, волнение на море, сотрясение Индейского царства) и как бы делит свойства воплощенных здесь представлений. Все это и создает равнозначимость компонентов в общем составе художественной образности.

Полиэкспрессивный стиль в наибольшей степени присущ произведениям фольклора, и самостоятельность составляющих его компонентов выражается в отдельном существовании клишированных приемов стиливых форм, образующих в совокупности

те особенности фольклорного стиля, на которые давно обращено внимание исследователей: это и сравнения, и параллелизм, и система иносказаний, и эпитеты, и все прочие проявления общефольклорной стилистики, одинаково присущие всем или многим произведениям народного творчества.

3 .

Предложенными соображениями, разумеется, нельзя исчерпать системного уяснения общих основ теории стиля в фольклоре. Стилистическая характерность художественного произведения, связанная с типом внутренней структуры образа, определена еще безотносительно к действию других факторов, влияющих на конкретный стиль произведения. Чтобы приблизиться к уяснению основ стиля, необходимо принять во внимание качество самой образности. При учете качества образности появится возможность установить своеобразие стиля каждого жанра в границах общего типологического сходства с другими.

К примеру, в пределах эмоционально-экспрессивного стиля наблюдается типологическое сходство колыбельных и плясовых песен: и тут и там равно обнаруживается преобладание в художественной образности компонента ощущения. Однако конкретное качество самого ощущения в структуре образности у песен принципиально разное. И это влияет на стиль. В колыбельных песнях звучит уговаривающий, минорный тон «байканья», соответствующий однообразному движению колыбели, качанию ребенка на руках, мерной ходьбе. Этот тон всецело отвечает жанровому назначению песни — усыпить, успокоить ребенка. Сосредоточенность на этом ощущении становится преобладающим компонентом образного содержания, и в колыбельных песнях, рассмотренных на уровне речевого выражения, тематической детализации, композиции и даже общих идей, ясно улавливается преобладание охарактеризованного ощущения.

Для речевых интонаций колыбельных песен всего типичнее тон мягкой просьбы: «Спи-тко, усни, дитя материно»²², «Спи, Митенька, засни»²³, «Спи, усни», «Спи, посыпай» и т. п. Этому тону соответствует многократное повторение междометий и близких им слов: «люли-люли», «ой, лю-лю», «бай-бай-бай», «баю-баюшки» и пр. Лексическая характерность обнаруживается в предпочтении слов с ласково-уменьшительными суффиксами: «Ванюша», «люлюшка», «головушка», «гулюшки», «шапочка» и др. Морфолого-синтаксический строй песен запечатлен повторением однотипных императивных фраз:

Люли, люли, мою милую!

Люли, люли, мою хорошую!

Люли, люли, мою пригожую!²⁴

Одинаковое строение заметно и в повествовательной части песен:

Ласточки спят
Все по гнездышкам,
Касаточки спят
Все по кусточкам,
Лисицы спят
Все по подкусточкам,
Куницы спят
Все по норочкам и пр.²⁵

Ритмическая отчетливость простейшего членения подкрепляется многообразными созвучиями, нередко чистыми рифмами:

Будешь в золоте ходить,
Чисто серебро носить,
Мамушкам, нянюшкам
Обносочки дарить ²⁶.
Ваня будет спать,
Котик Ваню качать,
А котик его качать,
Да серенький, величать. ²⁷

Тематическая детализация в колыбельных песнях сосредоточена на передаче примет мирного домашнего житья-бытья: прилетают и воркуют голуби: «гуркота, гуркота!»²⁸; садятся на ворота грачи: «ворота-то скрип, скрип!»²⁹; общий сон нисходит на все живое: спят птицы, звери, дети³⁰; сон и дрема идут вдоль по улице, заходят в сени, находят колыбель Аннушки³¹; кот баюкает ребенка³², и др. Тематическая детализация того же качества может касаться и будущей счастливой жизни ребенка: он вырастет и станет богат — одарит всех подарками³³, поедет в поле боронить наряженный в новый зипун, на голове — купленная шапка³⁴. Соответствие этой тематической детализации выражаемой в песне эмоции умиротворения несомненно.

Колыбельные песни, не знающие особых историй, довольствуются запечатлением сюжетных ситуаций-мотивов: сон и дрема приходят в дом, прилетают гулюшки-голуби, кот принимается за работу — качает люльку, надо сходить во торги за шелковым пояском для Аннушки и пр. Мотивы сочетаются в общей композиции свободно вследствие их общей эмоциональной однозначности. В прихотливом нанизывании мотивов не обнаруживается другого основания для соединения, кроме побуждения нянюшки, навевающей своим пением сон и дрему.

Наиболее значительные образы, в которых выражаются высказываемые в пении понятия-идеи, в свою очередь тяготеют к передаче состояния дремотного оцепенения и глубокого отдыха:

это олицетворения Сна и Дремы как живых существ, от которых всецело зависит покой ребенка:

Сон да Дрема
По новым сениям брела,
Да и к Маше забрела...³⁵

Сон да Дрема
Вдоль по улице прошла,
К мому Митеньке зашла,
Под головушку спать легла...³⁶

В результате соединения в колыбельных песнях как жанре всех указанных, а равно и других, не указанных тут, но подобных им особенностей образуется некая система, которая исключает инородные стилистические компоненты на всех уровнях осуществления замысла. При этом обнаруживается, что конкретный вид, который принимает соединение понятий, представлений и ощущений в структуре образа, соответствует жанровой специфике колыбельных песен как произведений особого функционального назначения. Эмоционально-экспрессивный стиль в колыбельных песнях предполагает доминантное положение мирных ощущений, которые в качестве неперменного и самого характерного компонента входят в речевое выражение, определяют подбор тематических деталей, влияют на композицию, а на уровне воплощения наиболее общих идей тяготеют к соответствующим образно-понятийным решениям (олицетворения Сна и Дремы и пр.).

Эмоционально-экспрессивный стиль вместе с другими конкретными качествами характерен для плясовых песен. Они передают мажорные ощущения. Назначение песен — выразить ощущение заразительного веселья. Пение соответствует подъему душевных сил человека. Качество воспроизводимых ощущений находит параллель и в кинематике пляски: поющий может прыгать ногами, хлопать в ладоши, взмахивать в такт рукой, совершать резкие повороты или даже остановиться для того, чтобы пропеть песню в промежутке точно отмеренного времени, как бы мысленно продолжая движение танца. Пример такого пения — исполнение частушек. Вот образцы плясовых припевок:

Ходи, хата, ходи, хата,
Ходи, курица мохната,
Ходи, сени и порог,
И сметана, и творог³⁷.

Рассыпья, горох,
С грядки на грядку!
Раздайся, народ,
Я пойду вприсядку³⁸.

Их, их, их, их,
Ко мне сватался жених,
Борода — как помело,
Глаза набок повело!³⁹

Стилеобразующим фактором в этих и подобных плясовых припевках нельзя не признать передачу ощущения неудержимого веселья. В лексике оно запечатлено парадоксальными словосочетаниями: «ходи, хата», «курица мохната», многократными междометными выкриками типа «их» (этой же функцией обладает повторение союза «и»: «...и порог, и сметана, и творог»). Типичны глагольные повелительные формы риторического свойства: «ходи», «рассыпся». Нарочито подбираются рифмы — не столько с целью передачи смысла, сколько ради самих созвучий: хата — мохната, порог — творог, с грядки на грядку — вприсядку, их — жених. В морфолого-синтаксическом строе сочетаемых фраз обращает на себя внимание параллелизм повторяющихся конструкций, подкрепленных анафорами и другими созвучиями: «Ходи, хата, ходи, курица мохната, ходи сени...», «Рассыпся, горох... раздайся, народ...» По-разговорному кратки сами фразы. В них опущены союзы и союзные слова. Вместо того чтобы сказать: «жених, у которого борода — как помело», говорится: «жених, борода — как помело».

Тематическая детализация поражает неожиданным ироническим сочетанием понятий: хата, курица, сени, порог — и сметана, творог; горох — и народ; грядка — и «в присядку» и др.

Выделяются самые броские признаки, как в карикатуре: жених косой, а борода у него помелом.

В плясовых припевках заметно преобладание мотивов, запечатленных передачей императивных эмоций. Эти мотивы и ложатся в основу композиции. Даже реальная картина, представшая в одной из частушек, — это всего лишь мир, увиденный глазами бесшабашного танцора: пришли в движение хата, сени, порог — все, что в доме. В другой частушке такого же императивно-эмоционального содержания параллельный мотив «Рассыпся, горох» обретает чисто орнаментальный смысл. В тех случаях, когда плясовая припевка включает в себя передачу какого-либо реального предмета, воспроизведение соединяется с резкой эмоциональной оценкой: непривлекательный облик бородатого жениха обыгран с веселой издевкой.

Трудно усмотреть в составе приведенных частушек выражение общей мысли. В припевках просто схвачен момент пляски: в одном случае — ее разгара, в другом — начала, а в третьем — какой-то проходной момент, когда делается пауза для сообщения. Если и есть что-то стоящее за припевками, то это, скорее всего, общее выражение безудержного веселья, сочетающегося с иронией и шуткой.

Соединение в плясовой припевке всех перечисленных свойств обнаруживает и здесь заметную систематичность. И хотя диапа-

зон сочетания качеств, рассмотренных на разных уровнях анализа, достаточно широк, он имеет границы — не допускает нарушения стилистического единства. Возобладавшая во всем строе песенной образности передача ощущения веселья придает стилю припевок яркую характерность, равно сказывающуюся и в речевом выражении, и в тематической детализации, и в композиции, и в передаче общего идейно-эмоционального состояния.

Из приведенного разбора следует, что в пределах стиля, типологически роднящего припевку-частушку с колыбельной песней, обнаруживается совсем иной качественный вид образности. Соответственно качеству передаваемых ощущений в песнях разного вида создается свой стиль. Далее, становится очевидным, что жанровая специфика определяет структуру образности, а структура образности — стиль. Получается, что в конечном счете жанровая специфика обуславливает и стиль произведения. Значение образности как стилеобразующего фактора может быть правильно понято лишь при учете того, как она, взятая в конкретной наполненности и своеобразии, обнаруживается в художественном произведении сообразно его жанровой, композиционной, тематико-детализирующей и речевой организации. При этом понятие «стиль» не может быть растворено во всем, что с ним связано, но не входит в это понятие. Стиль нетождествен общей структуре произведений, взятой в соотношении и связях его компонентов. В понятие «стиль» входят лишь своеобразие, характерность, одинаково касающаяся всех уровней структуры произведения.

Изучение образности в ее отношении к формам стилистического выражения может явиться основой, которая позволит сблизить между собой разные аспекты и принципы анализа стиля. Исследование образности как стилеобразующего фактора открывает возможность сблизить разделенные ныне литературоведческий и лингвистический подходы к изучению проблемы. Самостоятельность литературоведческой и лингвистической стилистики при этом, вероятно, сохранится, но будет устранено искусственное разделение самого объекта изучения — стиля. Мы стремились показать пути соединения обоих подходов на основе уяснения зависимости стиля от образности. И для литературоведа, и для лингвиста может оказаться приемлемым определение стиля как единства жанровообразующих, композиционных, тематико-детализирующих и речевых признаков произведения, как характерности художественной формы, возникшей в конечном счете под воздействием содержания произведения с его образной структурой.

- ¹ См.: *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959; *Он же.* Стилистика. Теория поэтической речи. М., 1963; и др.
- ² *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы, с. 97.
- ³ *Поспелов Г. Н.* Проблемы литературного стиля. М., 1970, с. 8.
- ⁴ *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы, с. 91.
- ⁵ *Поспелов Г. Н.* Проблемы литературного стиля, с. 33.
- ⁶ *Поспелов Г. Н.* Проблемы исторического развития литературы. М., 1972, с. 190.
- ⁷ См. об этом: *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы, с. 43, 49, 64 и др.
- ⁸ *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. СПб., 1873, № 156, стб. 797 и др.
- ⁹ Там же, № 77, стб. 467.
- ¹⁰ Там же, № 219, стб. 1047 и др.
- ¹¹ *Банин А. А.* Трудовые артельные песни и припевки. М., 1971, № 92 (запись М. Н. Бывальцева, 1938).
- ¹² Там же, № 108 (запись Н. Е. Пальчикова, впервые опубликована в 1888 г.).
- ¹³ *Рыбникова М. А.* Загадки. М.—Л., 1932, с. 252.
- ¹⁴ «Предмет раскрывается в его сущности»: *Рыбникова М. А.* Введение в стилистику. М., 1937, с. 155.
- ¹⁵ *Рыбникова М. А.* Загадки, с. 132.
- ¹⁶ Там же, с. 282.
- ¹⁷ Там же, с. 129.
- ¹⁸ *Снегирев И. М.* Новый сборник русских пословиц и притчей. М., 1857, с. 14.
- ¹⁹ *Иллюстров И. И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. М., 1915, с. 220.
- ²⁰ *Данилов Кириш.* Древние российские стихотворения. М.—Л., 1958, с. 39.
- ²¹ Ср.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I. М., 1909, № 38; т. II. М., 1910, № 146; *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, № 15, 91 и др.
- ²² *Капица О. И.* Детский фольклор. Л., 1928, с. 37.
- ²³ *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях..., т. I, вып. 1, СПб., 1898, № 6.
- ²⁴ Там же, № 11.
- ²⁵ *Капица О. И.* Детский фольклор, с. 37.
- ²⁶ *Шейн П. В.* Великорус..., № 8.
- ²⁷ Там же, № 17.
- ²⁸ Там же, № 6.
- ²⁹ Там же, № 29.
- ³⁰ *Капица О. И.* Детский фольклор, с. 37—38.
- ³¹ *Шейн П. В.* Великорус..., № 11.
- ³² Там же, № 17.
- ³³ Там же, № 8.
- ³⁴ Там же, № 16.
- ³⁵ Там же, № 8.
- ³⁶ Там же, № 6.
- ³⁷ Частушка (Библиотека поэта. Большая сер.). М.—Л., 1966, № 1513.
- ³⁸ Русская частушка (Библиотека поэта. Малая сер.). Л., 1950, с. 195.
- ³⁹ Там же, с. 203.

Н. И. КРАВЦОВ

СЛАВЯНСКАЯ НАРОДНАЯ ЛИРИКА

В фольклористике славянских стран существуют такие ценные исследования сравнительно-исторического характера об эпосе, как «Русский и южнославянский героический эпос» Б. Н. Путилова (1971), «Восточнославянские сказки, их взаимосвязи и национальное своеобразие» Л. Г. Барага (1969), «Українська, чеська та словацька народна лірика» В. Н. Скрипки (1970). В этих изданиях, однако, охватываются эпос, сказки и лирика не всех славянских народов, а лишь их группы. Если в монографии Б. Н. Путилова рассматривается весь героический эпос типа былин и юнацких песен, то в книгах Л. Г. Бараги и В. Н. Скрипки освещаются сказки и лирические песни далеко не всех славянских народов, у которых есть произведения этих жанров. В книге Б. Н. Путилова естественно надо было бы рассмотреть и украинские думы и поставить вопрос об эпосе западных славян: был ли он таким, каким он мог быть? Книги Л. Г. Барага и В. Н. Скрипки построены по-разному: первый берет сказочный репертуар всех восточнославянских народов, второй — лирику трех соседних народов.

В фольклористике славянских стран существуют весьма ценные труды о лирических песнях народов: в Советском Союзе это работы Н. П. Колпаковой «Русская народная бытовая песня» (1962), С. Г. Лазутина «Очерки по истории русской народной песни. Филологическое исследование» (1964) и Русские народные песни» (1965), Т. М. Акимовой «О поэтической природе народной лирической песни» (1966), И. И. Земцовского «Русская протяжная песня» (1967); в Чехословакии — Йиржи Горака «Наша народная песня» (1946)¹; в Польше — Яна Ст. Быстроня «Искусство народной песни» (1921)²; в Болгарии — Й. Иванова «Българските народни песни» (1959) и Ц. Романской «Българска народна песен» (1965). В этих книгах дана обстоятельная характеристика лирических песен отдельных славянских народов. Но пока славянская фольклористика не имеет исследования, в котором в сравнительно-историческом плане были бы рассмотрены лирические песни всех славянских народов.

В монографиях, посвященных лирическим песням отдельных славянских народов, нельзя охватить многие проблемы, которые возможно поставить лишь при изучении этих песен в сравни-

тельном плане. Прежде всего при сравнительном изучении можно более полно и доказательно раскрыть как общие особенности славянской народной лирики, так и национальное своеобразие лирики каждого народа. Кроме того, при широком охвате материала можно более убедительно осветить такие проблемы, как происхождение народной лирики, ее отношение к другим жанрам фольклора, древние пережитки в ней, сходные черты в восточно-, западно- и южнославянской народной лирике, общие закономерности, проявляющиеся в жизни лирических песен, наконец, законность употребления самого термина «славянская народная лирика» и обозначаемого им понятия.

Изучение лирических песен в сравнительном отношении даст материал для решения некоторых вопросов общей теории фольклора: исторической связи этих песен с обрядом и обрядовой лирикой, с эпическими песенными жанрами.

Все сказанное требует сравнительно-исторического изучения славянской народной лирики.

Необходимость изучения славянской народной лирики вызывается не только ее неизученностью и тем, что такое сравнительно-историческое изучение позволяет расширить проблематику исследования этого типа песен; она обуславливается еще и тем, что лирические песни — самый богатый по числу произведений и самый популярный в народе вид песен, они особенно распространены и жизнестойчивы у славянских народов. Лирические песни поют, вероятно, все, тогда как былины или юнацкие песни поют лишь некоторые лица, а сказки рассказывают также немногие, и притом обычно в особой бытовой обстановке; обрядовые песни, как известно, тоже исполняются лишь в моменты, обусловленные бытом и особенностями жизни человека. Роль лирических песен многообразна. Народ живет песнями; песни выполняют важные функции в быту, труде, личных отношениях, удовлетворяя духовные, моральные, эстетические запросы людей.

Многие писатели, ученые, собиратели произведений фольклора не раз высказывали мысли, которые почти дословно повторяют то, что сказал о песнях Н. В. Гоголь: он отметил, что песни неразрывно связаны со всей жизнью русского и украинского народов, с их историей, бытом, трудом и представлениями. Это может быть отнесено и к любому славянскому народу, тем более что у славянских народов немало общего и сходного в быту и труде, а поэтому и в представлениях. Гоголь говорил: «Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховьев до моря, по всей веренице влекущихся барок, заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пленяется, женится и хоронится русский человек. Все дорожное дворянство и недворянство летит

под песни ямщиков»³. Такого рода высказывания есть и у писателей других славянских народов. Ф. Л. Челаковский значительно раньше Гоголя в сборнике «Славянские национальные песни» (т. I, 1822) писал о том, что славяне всюду, где они обитают, с песнями обрабатывают свои поля, гонят на пастьбу свой стада, не проводят без песен и дня своей жизни. Станко Враз, приводя это высказывание Челаковского в предисловии к своему сборнику «Народные песни иллирские», добавляет, что женщины по рекам Муре, Драве и Саве «пели и всегда еще поют, когда полют, жнут хлеб, теребят лен, прядут, носят воду или траву»⁴.

Показательно, что многие собиратели лирических славянских песен нередко делают пометки в своих записях или предисловиях к сборникам песен о том, что жители тех мест, где собирались песни, особенно любят лирические. Так, Векослав Штефанович указывает: «Кричанин любит лирическую песню...»⁵ Если собрать все подобные высказывания собирателей, то создастся впечатление, что во всех краях славянских стран люди любят такого рода песни, что эта любовь «общеславянская». Понятно, что пройти мимо подобного факта нельзя. Особенно популярны любовные песни. Болгарский поэт Пенчо Славейков говорит: «Нет числа записанным до сего времени любовным песням»⁶.

Собиратели славянских народных лирических песен зафиксировали богатейший материал. В каждой славянской стране есть значительные издания, которые смело можно назвать классическими и в которых собрано огромное число лирических песен. В России — это «Великорусские народные песни» под редакцией А. И. Соболевского, где в томах 2—5 помещены лирические песни; в Белоруссии — это четыре тома «Беларускія народныя песні» (1959—1962) Р. Р. Ширмы; в Польше — богатейшее собрание О. Кольберга, во многих томах которого — лирические песни разных областей страны; в Болгарии — это многотомное издание «Сборник за народни умотворения и книжнина» и ценнейшие сборники В. Стоина; в Чехии и Словакии — собрания Эрбена, Коллара, Сушила, издания Матицы словацкой и т. д.

В архивах научных институтов хранится множество лирических песен, которые ждут систематизации и издания. Эти архивы следует сделать доступными для фольклористов, изучающих лирические песни.

Фольклористы в своих сборниках и научных работах публикуют сведения об изданиях песен, о материалах, хранящихся в архивах. Интересные данные сообщает Крешимир Млач в «Золотой книге хорватской народной лирики». С одной стороны, он приводит список изданий песен, а с другой — дает обзор собирательской и издательской деятельности Матицы хорватской. Важен последний итог работы: «Сейчас издано более

25 000 хорватских народных песен, из которых значительно большую часть составляют лирические народные песни»⁷. Олинко Делорко в книге «Народные лирические песни» (Загреб, 1963) приводит список рукописных сборников, хранящихся в институтах Загреба. Но этим сведениям пятнадцать лет: за время от их публикации собрано еще немало материалов. М. Бошкович-Стулли привела в 1973 г. более значительные цифры: в сборниках Матицы хорватской до 1896 г. было 24 500 песен и в собрании Института народного искусства (Загреб) — 32 310 в 1967 г.⁸ Огромны собрания и других славянских народов. Если в этих цифрах называется общее число песен без различия жанров, то можно сказать, что среди них большая часть текстов — лирические песни, которые в фольклоре этих народов занимают основное место. К. Крейчи в статье «Польская народная песня» отмечал: «В польской песне совершенно преобладает лирика над эпикой»⁹. Но это можно сказать и о песнях тех народов, у которых богат героический эпос.

Сказанное выше делает очевидной необходимость изучения лирических славянских песен, которые обладают большой эмоциональной силой воздействия, значительной прогрессивно-демократической идейностью и высокой эстетической ценностью.

Однако изучение лирических песен славян, и особенно сравнительно-историческое изучение, сталкивается с трудностями. Это прежде всего понимание того, что представляет собой лирическая народная песня. Определение ее в трудах славянских собирателей песен и ученых далеко не всегда одинаково.

Мы полагаем, что можно принять следующее определение: песня — это малая лирическая стихотворная форма. Лирическая песня действительно обычно небольшого объема — в 20—30 стихов. Небольшой размер лирической песни связан с простотой и ограниченностью жизненного содержания, простотой композиции, в основе которой обычно лежат сравнение или антитеза, отсутствием отступлений от основного развития темы, небольшим числом персонажей. Лирический характер песни проявляется в передаче внутреннего мира человека, мыслей и душевных состояний или в прямой форме (от первого лица), или через образ «лирического героя». Стихотворная сторона лирической песни отличается немногосложным стихом и так называемым распевом, который есть не только в русских протяжных песнях, но встречается и в песнях других славянских народов, как это отмечают собиратели, например В. Штефанович.

Особенностью лирической песни служит также то, что в ее основе — не развернутый сюжет, а лишь сюжетная ситуация: или передается только она, или говорится о том, что привело к такой ситуации, или излагаются ее последствия в личных отношениях персонажей.

Судьбы песенных жанров фольклора славянских народов во второй половине XIX — первой половине XX в. характеризуют

ся сужением бытования эпических жанров и сохранением или незначительным сужением бытования лирических жанров. По этому поводу П. Заблатник говорит: «Можно констатировать, что эпическая песня у корэшских словенцев почти замолкла. Тем более громко и со всей ее стройностью все еще раздастся по горам и долинам лирическая песня»¹⁰. Как известно, подобный процесс наблюдается в фольклоре всех славянских народов.

Несмотря на то что фольклористы, этнографы и музыковеды отмечают сужение бытования лирических песен, они в то же время в областных сборниках песен часто указывают на сохранность традиций или на то, что в рассматриваемой области лирические песни весьма популярны. Олинко Делорко во введении к сборнику истарских песен подчеркивает, что сам характер и состав включенных в него текстов указывают на преобладание у истарских хорватов лирических песен¹¹. Владимир Бован в антологии народной лирики Косова и Метохии пишет, что она «до сих пор не угасла, хотя значительно изменилась и деформировалась»¹². До сих пор фольклорные экспедиции записывают много лирических песен, главным образом традиционного типа.

Собранные материалы, печатные и архивные, дают возможность начать значительную работу по изучению народных лирических песен во всех славянских странах, в том числе и по сравнительно-историческому изучению.

Естественно, прежде чем приступить к изучению народных лирических песен, нужно выяснить, что же такое лирическая песня. В фольклористической литературе, общих трудах по фольклору и в том числе по фольклору отдельных народов, в работах о песнях, к сожалению, существуют большие расхождения в понимании лирики.

Вук Ст. Караджич разделил сербские песни на два типа: мужские и женские. К первым он отнес юнацкие и гайдуцкие песни, ко вторым — мифические, обрядовые, любовные и семейно-бытовые. Но сам же записал от певиц эпические песни. Женские песни сербскими фольклористами понимаются обычно как лирические. Принимающий классификацию Караджича Яша Проданович писал: «Наши народные песни делятся на две большие группы: мужские (эпические) и женские (лирические). Деление произведено по содержанию, форме и способу пения. В эпические песни включены (по содержанию) все те, в каких основной предмет — событие; в лирические — те, в каких выражается чувство, верование, раздумье. Есть и переходные виды, они распределяются в зависимости от того, какой элемент преобладает в них, что не всегда легко определить. Они могли бы быть выделены в особую группу — лиро-эпическую поэзию, где основными типами были бы баллада и романс»¹³.

Классификация Караджича позднее была отвергнута как неточная, но обоснованная ее замена пока не найдена. Трудности классификации песенных жанров увеличиваются тем, что песни поются и не считаются с их музыкальной стороной нельзя. Словенский фольклорист Йосип Дравец подчеркивал, что «некоторые песни часто трудно отнести к той или иной группе, так как они содержат в себе мотивы, свойственные разным группам песен... Подчеркнуть также надо, что текст народных песен, кроме некоторых существенных литературных элементов, нельзя рассматривать как полностью самостоятельный, а можно рассматривать только в связи с напевом, потому что можно только так решить многие сложности народной лирики в ее цельности и отдельности»¹⁴. Как говорил далее Й. Дравец, он в чисто практических целях пытался совместить музыкальные и текстовые особенности песен и дать их классификацию. Однако она получается сложной, не имеющей единого основания; так, он делит песни на патриотические, трудовые, застольные и величальные (заздравные), свадебные, веселые, рекрутские, о природе, любовные, повествовательные, обрядовые, детские. Как видно из этого перечня, в классификации песен нет последовательности и порядка; виды песен немотивированно следуют один за другим, основания деления разные.

Над вопросом о классификации песенных жанров много работали фольклористы, но до сих пор нет такой, которая бы хотя относительно могла удовлетворить изучающих песни.

Кроме того, неясен вопрос о том, что же такое лирические песни. В фольклористике славянских стран употребляется деление песен на обрядовые и необрядовые, причем одни ученые и обрядовые и необрядовые песни относят к лирике, другие, как, например, польский фольклорист Ст. Черник, обрядовые причисляют к эпике. Он считает, что в них содержатся значительные повествовательные элементы, не относящиеся прямо к исполнителям песен. В книге «Польская народная эпика» (1958) он слишком категорично включает их в состав эпических песен.

Известный польский исследователь песен Ян Ст. Быстронь употребляет очень сложную классификацию, в которой переkreщается несколько разных принципов деления: отношение к обряду, отношение к труду, тематика, региональность. Его классификацию обычно используют польские фольклористы, например Ян Садовник в сборнике «Песни Подгалья» (1971), который в то же время вносит в классификацию кое-что новое: сборник содержит текстовую и музыкальную часть, причем каждая имеет свое деление песен.

Славянская народная лирика представляет собой важную часть более широкой идейно-художественной общности — славянского фольклора, а поэтому не может быть выделена без его определения. Славянский фольклор — это устное поэтиче-

ское творчество славянских народов, имеющих общие особенности в духовной культуре, в том числе и в фольклоре. Они состоят в общности и сходстве типов произведений (жанров), сюжетов и сюжетных ситуаций, мотивов, образов персонажей, выразительно-изобразительных средств языка. Общее и сходное возникло в силу действия социально-исторических факторов: в частности общности происхождения народов, получивших от их этнических предшественников общее наследие в материальной и духовной культуре.

Важным фактором общего и сходного в фольклоре является родство языков славянских народов. Общность прародин и последующее соседство славянских народов, раннее занятие земледелием и скотоводством определили сходные особенности быта и форм труда, что отразилось и в фольклоре. Имела значение и устойчивость языческих представлений и пережитков. Длительные политические, торговые и культурные связи славянских народов также оставили следы в народном творчестве. Музыковед-фольклорист Ф. А. Рубцов раскрыл общность в музыкальной, а отчасти и словесной стороне обрядовых славянских песен (Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов, Л., 1962). Они показаны и в статьях сборника «Славянский музыкальный фольклор» (М., 1972). Поэтическую образность и изобразительные средства обрядовых славянских песен (колядок и щедровок) раскрыл А. А. Потебня в двухтомном труде «Объяснения малорусских и сродных народных песен» (1883—1887).

Вопрос о славянской культурной общности интересовал ученых еще в XVII в. По отношению к фольклору он уже совсем ясно был поставлен в период славянского национального возрождения. П. Й. Шафарик, Ян. Коллар, Ф. Л. Челаковский, Л. Штур, К. Я. Эрбен рассматривали его на материале песенных жанров, в том числе и лирики. Челаковский пытался сопоставить славянские народные песни. Штур в работе «О народных повестях и песнях племен славянских» уже конкретно рассматривал общее в них. Сознание общего и сходного в песнях славян было свойственно В. Караджичу, О. Бодянскому, И. Срезневскому, а позже многим славянским ученым, наряду с языками и литературой занимавшимся и фольклором: М. Дринову, И. Шишманову, А. П. Стоилову, М. Арнаутову, И. Франко, К. Горалеку. Нельзя еще раз не отметить, что изучавшие музыкальную сторону песен более ясно видели близость славянских народных песен между собой, не исключая и близости словесной стороны. Об этом говорит О. Гостинский в известной статье «О нашей светской народной песне» («О naší světské písni lidové»).

В фольклористической литературе второй половины XIX—XX в. обычны замечания о близости песен славянских народов. Цветана Романска в книге «Българската народна песен»

(1965) говорит о близости народной болгарской культуры с культурой других славянских народов, близость сказывается и во всех жанрах фольклора, в том числе в песнях. Но вместе с тем она отмечает, что, несмотря на сознание этой близости многими учеными, «този важен проблем още не е основно и цялостно изяснен». Близость болгарских песен и песен других славянских народов проявляется, по ее мнению, главным образом в мотивах и сюжетах и меньше в поэтических особенностях.

С этим выводом Ц. Романской пока нельзя согласиться, так как не было еще обстоятельного исследования славянской народной лирики.

О некоторых общих, сходных или близких между собой элементах славянских лирических песен говорить все-таки можно. Это прежде всего широкий лиризм: его трудно точно определить, но недаром многие собиратели и ученые отмечают лиризм славянских песен, их своеобразную задушевность. Лирические песни славянских народов имеют сходную социальную природу, что определяется природой всего славянского фольклора. У славян мало городских песен; такие песни стали распространяться лишь с половины XIX в. Основной же фонд славянской лирики — песни крестьян, менее — пастухов и ремесленников. Крестьянский земледельческий характер лирики, как и всего народного быта, часто проявляется в мотивах труда: даже встреча любящих обычно происходит в поле: девушка жнет, убирает сено, полет, туда к ней приходит милый. В освещении личных отношений любящих в славянской народной лирике нет фривольности, легкости увлечений: речь идет о чистой и глубокой любви. Более свободное выражение любовных отношений свойственно только новым жанрам — частушке. В классической лирической песне любовь строгая и целомудренная. Близость земледельца и пастуха к природе стала основой того, что песенные зачины нередко представляют собой картинки природы.

Можно отметить сходство сюжетных ситуаций и мотивов в славянских лирических песнях, композиция которых отличается тем, что в них нет развернутых сюжетов, как в балладах; в лирической песне есть лишь сюжетная ситуация. Среди ситуаций и мотивов можно выделить такие, параллели которым имеются во многих славянских лирических песнях.

Для композиции лирической песни характерно эмоциональное начало, выражающее душевное состояние девушки (реже молодца): или обращение, или восклицание без обращения.

Девушка обращается к подругам, матери, милому или к саду, дереву, птице, изливая им свои чувства или прося помочь ей. Если милый далеко или если девушка живет в чужой семье, то нередко она высказывает желание иметь крылья, чтобы полететь к матери или милому.

Популярен мотив: милый дороже всех или милый любит ее больше, чем мать, брат, сестра. В русских песнях это, напри-

мер, мотив перевоза: девушка не перевозит ни мать, ни отца, ни брата, ни сестру, а перевозит милого. В сербской песне девушка берет на озере жемчуг, она просит помочь ей и приплыть за ней на лодке мать, брата, сестру, но никто из них не помогает ей — помогает ей «драги».

В любовных отношениях важную роль играет веноч. Девушка плетет, дарит, теряет его; каждое из этих действий имеет свой смысл. Точно так же символический характер имеет мотив: парень просит девушку напоить коня; она или поит коня, или нет; или конь воды не пьет.

Круг сюжетных ситуаций и мотивов, общих для славянской народной лирики, довольно широк. Возникает задача не только описать и разъяснить их смысл, но и понять их происхождение: генетическое, историко-культурное или типологическое. Это поможет прояснить взаимоотношения лирических песен славянских народов.

Естественно, что в лирических песенных ситуациях выступают одни и те же персонажи: в любовных песнях — девушка, молодец, родители, подруги и друзья; в семейных — жена, муж, свекровь, деверь, золовка. Это определяется обычным строем славянской семьи. Устойчивость патриархального быта и отношений вызвала семейные столкновения, они и становились предметом песен. Возникали и препятствия для любви молодых, что также стало основой конфликтов.

Изучение взаимосвязей славянских лирических песен требует не только составления указателя песенных мотивов, что позволило бы сравнить эти песни с песнями других народов и между собой, но и указателя средств художественной выразительности и изобразительности: сравнений, параллелизмов, символов, эпитетов. Подобную работу вели ученые некоторых славянских стран, например в России: Я. А. Автамонов и В. А. Водарский, изучавшие символику народных песен, но не отличавшие символику лирических песен, в том числе любовных и бытовых, от символики песен других типов¹⁵. В некоторой степени к ним примыкает статья Вл. Карпова¹⁶, автор которой отличает лирические песни от других, но внутри их не различает обрядовые и необрядовые. Неразличение типов песен свойственно и работам немецких ученых, что не позволило им дать характеристику выразительных средств разного вида песен, а привело к их унификации¹⁷.

Для лирических песен славян характерны устойчивые фразеологические сочетания, особенно в началах; они служат эмоциональным введением. Их довольно много, и они довольно разнообразны. Наиболее употребительные из них следующие: в III, IV и V томах «Великорусских народных песен», изданных А. И. Соболевским, 141 песня начинается с «Ах», что не равно восклицанию «Ох»; 57 песен начинаются с восклицания «Ой». В украинских песнях почти нет «Ах», но часто «Ой»: «Ой, у

лузі березонька; Ой надійшла чорна хмара; Ой там на горі». У болгар: «Ой травице, ситна траво; Ой ти, момче смилянче; Ой момиче чернооко». В указанных томах русских песен 183 раза песни начинаются с «Как»: «Как у наших у ворот», «Как по садику зеленому», «Как по речке, как по быстрой». Начала песен с «Як» в украинском фольклоре очень редки. Начала песен польских, чешских, словацких, сербских, хорватских, словенских с «Как» и его однозначными вроде «Когда» встречаются мало. Однако начала с «А» и «Ой» обычны для всех славянских песен.

Можно сказать, что по разным составным элементам лирических песен устанавливается сходство, которое, с одной стороны, — результат общих человеческих движений чувства, а с другой — результат близости языков. Но есть основания предположить, что это сходство подкреплялось и культурным обменом, и, возможно, сходными движениями чувства в похожих жизненных и особенно бытовых ситуациях.

Понятно, что, рассматривая общее и сходное в лирических песнях славянских народов, нужно учитывать многое: и характерные для этого типа песен композиционные приемы, и собственные лирическим песням стилистические средства, особенно эпитеты, выполняющие многообразную роль. Система эпитетов в песнях славян в своей основе однотипна.

Лирика славянских народов имеет немало общего и сходного, но вместе с тем в ее состав входит лирика восточных, западных и южных славян, всех народов этих трех групп, и лирика каждого народа своеобразна и самобытна. Цветана Романска в книге «Българската народна песен», определив в общем особенности болгарской лирики, сближающие ее с лирикой других славянских народов, говорит: «Независимо от сходства и общности болгарской народной песни с песнями других народов определенно и ясно можно говорить о ее полной оригинальности и национальной самобытности. Последняя проявляется во всех ее составных элементах и особенностях.

Национальная самобытность болгарской народной песни сказывается прежде всего в тематике и мотивах песен. Народные песенные произведения почерпнуты из жизни и истории болгарского народа. Это ясно видно во всех видах песен»¹⁸.

Особенности болгарских лирических песен Ц. Романска находит и в их поэтике, и в стихе (восьмисложник), и в языке. Она отмечает их реалистичность. Говоря о любовных песнях болгар, поэт Пенчо Славейков указывал также на реалистичность, отсутствие условности, он употребил выражение «свенлив реализъм», т. е. стыдливый реализм, который не допускает натурализма и эротизма. А сравнивая сербские песни и болгарские, он сказал, что у сербов из-за пережитков прошлого, ставящих девушку в подчиненное отношение к парню, любовь в песнях «нерадостна». В болгарских она жизнерадостна¹⁹.

Особенности болгарских лирических песен, в том числе любовных, проявляются и в образах основных персонажей — девушки и парня, и в средствах создания образа человека, в частности в его портрете. Можно также отметить, что широкое развитие в болгарском фольклоре эпоса и мифологических песен оказало влияние на любовную лирику: в ней нередки следы эпоса и мифологии. В песнях вместе с людьми действуют солнце и месяц, самодивы; проникли в них и исторические реалии, а порой и образы юнаков и гайдуков.

Мы не имеем тут возможности развить вопрос о национальной самобытности лирики каждого славянского народа, но она действительно у каждого из них оригинальна и неповторима. Ее национальное своеобразие есть составная часть общего своего образа славянской народной лирики, что в известной степени показано в работах фольклористов. О русской лирике говорится в названных выше книгах Н. П. Колпаковой, С. Г. Лазутина, Т. М. Акимовой, к ним надо прибавить очень яркую статью В. Я. Проппа «О русской народной лирической песне»²⁰. Болгарская народная лирика показана в упоминавшейся уже книге Ц. Романской «Болгарская народная песня». О польских песнях есть книга Я. Быстрия «Искусство народной песни» (1921), его же статья «Народная песня в Польше» в сборнике «Польская народная песня» (1925), статья А. Хоровичовой «Проблемы и методы изучения народных песен» в журнале «Люд» (1922, т. 1); о словацких песнях — статья А. Мелихерчика «Словацкая народная лирика» в сборнике песен²¹, о чешских песнях — книга Й. Горака «Наша народная песня» (1946); о хорватских песнях — статьи К. Млача и О. Делорко, упоминавшиеся ранее.

Вопрос об общем (и сходном) и национально-своеобразном в лирических песнях славянских народов предполагает освещение вопроса и об их региональности. Для западных и южных славян более, нежели для восточных, свойственны яркие региональные различия песен. Песни русских областей также различаются между собой: в северных песнях сюжетные ситуации более драматичны, патриархальные пережитки более заметны, распев при исполнении выражен значительно; в южных песнях сюжетные ситуации не столь драматичны, патриархальные пережитки довольно стерты и персонажи песен более смелы в своих поступках, распев незначителен или совсем отсутствует. В то же время надо сказать, что областные различия в песнях довольно стерты, причинами чего были многие жизненные обстоятельства: новгородская и московская колонизации на север, заселение засечной полосы в начале XVII в., переселение в Сибирь, за Волгу, на юг, перемещение крепостных крестьян целыми деревнями и пр.

Отношения лирических песен разных областей между собой в славянских странах различны: одни из собирателей песен

говорят об известном единстве песен разных областей, другие наоборот подчеркивают отличия песен.

Векослав Штефанович в сборнике «Народные песни острова Крка» указывает, что по тематике, мотивам, основным элементам песни этого острова связаны с хорватской народной песенностью, хотя представляют самый край хорватских земель. Олинко Делорко в книге «Истарские народные песни» отмечает, что в этом сборнике очень мало песен, которые бы носили исключительно истарский характер; в песенном отношении Истра не отличается от других хорватских районов.

Но в то же время оба фольклориста подчеркивают, что песни и острова Крка и Истры своеобразны. Так, В. Штефанович пишет, что в быту жителей острова Крк сильно сказалось церковное влияние, а поэтому оно отразилось и на песнях, в которых немало религиозно-легендарных мотивов (в том числе в лирических песнях). О. Делорко обращает внимание на то, что для истарских песен он не мог найти вариантов в песнях других хорватских областей. О. Делорко, соглашаясь с мнением известного хорватского писателя XIX в. А. Шеноа, который в отзыве на сборник истарских песен говорил, что песни Истры такие же, как общехорватские, но отличаются лишь в мотивах и «духе», которым пронизаны, считает их отличием «особый лиризм», а так как в этой области эпика не преобладает в фольклоре, то большая роль в создании песен принадлежит женщине. Во вступительной статье к сборнику «Народные лирические песни» О. Делорко указывает, что жизнь западных областей Хорватии была тесно связана с морем и в песенном репертуаре жителей этих областей немало произведений, в которых судьба людей и внутренний мир людей также связаны с морем. Йосип Дравец в названной выше статье о песнях Прекмурья говорит: «Между песнями с мотивами из чисто прекмурской области характерны песни, где говорится о разных несчастьях при работе в поле, дома и при купании в Муре»²².

В славянских странах не раз издавали сборники фольклора (в том числе и песенного) отдельных областей. Вышли такие сборники и в России: песни воронежские, владимирские, пермские, песни Прииртышья и т. д. Но во вступительных статьях и предисловиях редко определяются отличительные особенности песен отдельных областей.

Пожалуй, следует признать, что издание областных сборников песен более в обычае западно- и южнославянских стран. Можно упомянуть сборники песен В. Стоина в Болгарии, В. Жганца в Югославии, немало подобных сборников в Словакии и Польше. Их собиратели или составители пытаются определить областные (региональные) черты песен.

В 1925 г. польский ученый Ян Быстронь в статье «Народная песня в Польше», которая является вступлением к книге

«Польская народная песня» (с. XXIV—XXVI) дал характеристику песен некоторых областей (польско-русское пограничье, Силезия и Гуральщина) и назвал наиболее яркие творческие области: Великопольскую, Мазовецкую, Люблинскую, Радомскую, Сандомирскую и Краковскую. Он также отметил, что нередко отличия в песенный репертуар области вносятся благодаря соседству ее с русскими, словацкими и другими территориями. Ядвига Собеская во вступительной статье к сборнику «Великопольские народные песенки» (Краков, 1957) указывает на особенности строения и живой темп этих песенок, так как они поются в сопровождении дуды, мелодии которой оказывают влияние на словесный текст, от чего зависит также значительное варьирование текстов. Во вступительной статье к сборнику «Песен Подгалья» отмечены краткость песен, рефлексивность и вместе с тем задорность.

Региональное своеобразие и многообразие славянских народных песен, как и всего областного фольклора,— неотъемлемая часть национального устного творчества славянских народов. Это говорит о богатстве песен, живом творческом процессе варьирования, о неразрывной связи творчества с жизнью, бытом, трудом, установившимися личными отношениями, наконец, о внутреннем мире людей, определяемом как традициями, так и обновлением жизни.

Весьма сложен и важен вопрос о межславянских песенных отношениях. В фольклористической литературе уже отмечалось взаимодействие, например, польских лирических песен с такого же типа песнями соседних народов: украинского, словацкого, чешского, а также венгерского. История польского народа сложилась так, что он подвергался влиянию венгерской и немецкой культуры, а это сказалось естественно на его песенном творчестве: переделки венгерских и немецких песен отмечены в научной литературе (Я. Быстронь, Б. Барток, И. Кресанек и др.). Правда, нередко мнения ученых расходились. Так, Карел Горалек в статье «Силезские народные песни»²³ не согласился с Я. Быстронем, который польские песни вел от немецких; Горалек возводит их к чешским образцам. В то же время нередко отмечается польское влияние на немецкие песни, о чем говорят И. Кресанек, А. Хоровичова. Последняя критически отнеслась к суждениям Я. Быстроня о немецких истоках некоторых польских песен. Она, с одной стороны, привела в пример польские песни, более старые, нежели немецкие, и, стало быть, возникшие не на почве немецких, а с другой — сослалась на статью самого Я. Быстроня «Славянские влияния в немецкой народной песне»²⁴.

Взаимные отношения польских песен с песнями и других славянских народов осветил Я. Быстронь во вступлении к сборнику «Польская народная песня». Он отметил моравское влияние на песни силезские, словацкое — на подгальские, русское —

на малопольские. В то же время указал на польское влияние на немецкие и моравские песни²⁵.

Некоторые вопросы межнационального разграничения пока еще трудно решить. Так, К. Млач, рассматривая публикации лирических песен в Сербии и Словении, склонен, на наш взгляд, преувеличивать вину собирателей и издателей: в первой книге песен Караджича он находит «добрую половину» хорватских песен и даже замечает, что Вук сознательно не всегда указывает место записи песен, «чтобы их легче объявить сербскими». В известном сборнике словенских песен (вып. 2, 1896) Кароля Штрекеля Млач обнаружил 686 хорватских песен (большой частью кайкавских). Полагаем, что он упростил вопрос. К. Штрекель дал мотивировку включения кайкавских песен в свой сборник. Взаимоотношение песенных репертуаров Сербии, Хорватии и Словении сложно, разобратся в нем не просто. Однако тут нередко имеет место сотворчество народов. Этот процесс развит и в эпической поэзии, особенно в героическом эпосе, и в лирических песнях, о которых следует сказать, что они чаще, чем произведения других жанров, переходят от народа к народу и чаще создаются общими творческими усилиями.

Историко-сравнительное изучение славянских лирических песен не исчерпывается указанными выше вопросами. Здесь мы отметили лишь некоторые из них. Сопоставление песен, естественно, должно быть более многосторонним и включать в себя рассмотрение особенностей сюжетных ситуаций и мотивов, образов персонажей, поэтики, взаимодействия слова и напева и т. д. Но это предмет более обстоятельной работы. Мы ставили своей целью подчеркнуть необходимость сравнительно-исторического изучения лирических песен, что явно отстает от изучения эпоса и сказок. А песни не менее ценный тип произведений: их идейное значение актуально и прогрессивно, в них поэтизируются молодость, красота, свобода; они отличаются большой силой эмоционального воздействия, тонкостью психологического изображения и высоким художественным уровнем.

¹ Horák J. Naše lidová píseň. Praha, 1946.

² Bystroń J. Artyzm pieśni ludowej. Poznań, 1921.

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1952, с. 184.

⁴ Narodne pèsni ilirske. Sakupio i na svèt izdao Stanko Vraz, I. Zagreb, 1839, s. IX.

⁵ Narodne pjesme otoka Krka. Prikupio i bileškama popratio Vjekoslav Stefanić. Zagreb, 1944, s. 5.

⁶ Славейков П. Народните любовни песни. София, 1901, с. 28.

⁷ Zlatna knjiga hrvatske narodne lirike. Zagreb, 1972, s. 11.

⁸ Narodna umjetnost, 1973, X, Zagreb, s. 427.

⁹ Krejčí K. Polská píseň lidová.— Slavica, 1947, č. 2, s. 188.

¹⁰ Zablatnik P. Koroška slovenska narodna pesem.— In: Rad Kongresa folklorista Jugoslavie u Varaždinu. 1957. Zagreb, 1959, s. 35.

¹¹ Istarske narodne pjesme. Zagreb, 1960, s. 5.

- ¹² Антологија српске народне лирике Косова и Метохије. Приштина, 1972, с. 10.
- ¹³ *Продановић Ј.* Наша народна књижевност. Београд, 1932, с. 5.
- ¹⁴ *Dravec J.* Glasbena folkloga Prekmurja. Ljubljana, 1957, s. XLVI.
- ¹⁵ *Автамонов Я. А.* Символика растений в великорусских песнях.— Журнал министерства народного просвещения, 1902, ч. 344, с. 46—101, 243—288; *Водарский В. А.* Символика великорусских народных песен.— Русский филологический вестник, 1914, № 1; 1915, № 1—2; 1916, № 1—4.
- ¹⁶ *Карпов Вл.* Технические приемы творчества в великорусской народной лирической поэзии в связи с поэтическими мотивами.— ЭО, 1898, № 3, с. 63—92.
- ¹⁷ *Pollok K. H.* Studien zur Poetik und Komposition des balkan-slavischen lyrischen Volksliedes, I. Das Liebeslied. Göttingen, 1964; *Weiher E.* Der negative Vergleich in der russischen Volkspoese. München, 1972.
- ¹⁸ *Романска Ц.* Българска народна песен. София, 1965, с. 171.
- ¹⁹ *Славейков П.* Народните любовни песни. София, 1901, с. 31.
- ²⁰ Народные лирические песни; 2-е изд. Л., 1961, с. 5—71.
- ²¹ V širom poli studienečka. Bratislava, 1961, s. 9—28.
- ²² *Dravec J.* Glasbena folkloga..., s. X—IX.
- ²³ *Horálek K.* Śląskie pieśni ludowe.— Pamiętnik Literacki, 1957, z. 3.
- ²⁴ *Bystroń J.* Wpływy słowiańskie w niemieckiej pieśni ludowej.— In: Slavia Occidentalis. Poznań, 1921.
- ²⁵ Polska pieśń ludowa. Kraków, 1925.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проблема общего и особенного, национального и интернационального в фольклоре различных народов неоднократно привлекала к себе внимание исследователей¹. Однако на материале песенного творчества восточных и западных славян периода второй мировой войны данная проблема изучалась недостаточно. Известны лишь работы, посвященные партизанской песне². Песни же, созданные и исполнявшиеся советскими, польскими и чехословацкими воинами на фронте, трудящимися городов и сел (живших в советском тылу и на временно оккупированных врагом территориях СССР, Польши и Чехословакии), узниками фашистских тюрем и концлагерей, в сравнительном плане почти не изучались.

Исследование диалектики общего и особенного требует внимательного учета всей совокупности реальных фактов, особенностей системы жанров в фольклоре каждого народа, художественно-изобразительных средств и приемов. Задача эта может быть решена только коллективными усилиями специалистов из разных стран.

В данном докладе делается попытка освещения общего и особенного в формировании устного репертуара, в функционировании традиционного фольклора, произведений предшествующих национально-освободительных войн, революционных песен, а также в создании новых произведений.

Устный репертуар — явление довольно сложное. Изучение его требует длительных, систематических наблюдений. Только такие наблюдения позволили бы ответить на вопросы: каким был устный репертуар в начале формирования воинского подразделения или партизанского отряда; какой процент в нем занимали традиционные народные песни, старые солдатские, революционные и вновь созданные песни; как изменялось это процентное соотношение песен под влиянием изменения состава бойцов (возрастного и национального), обстановки на фронте или данном участке; что было данью моде, жило недолго и что прочно вошло в устный репертуар и почему; каким путем (контактные связи, радио, печать, письма и т. д.)? Поставленные вопросы относятся к репертуару советских, польских и чехословацких воинских и партизанских формирований, заводских, фабричных коллективов, тружеников сельского хозяйства, а так-

же к репертуару узников фашистских тюрем и концлагерей, одним словом, всех людей, которых война поставила в новые, необычные для них условия.

В годы второй мировой войны систематические наблюдения над устным репертуаром, как правило, не проводились. После окончания войны внимание специалистов и любителей народной поэзии было сосредоточено на собирании, публикации и изучении вновь созданных произведений. Попутно выяснялось, какие из песен, созданных до войны, бытовали в военные годы и почему. В СССР, Польше и Чехословакии почти во всех работах, посвященных народной поэзии военных лет, приводятся сведения о бытовании традиционных, старых солдатских, революционных песен, а также песен периодов национально-освободительных восстаний. Однако этих сведений недостаточно для характеристики песенного репертуара отдельных коллективов или народов. Поэтому в данном докладе мы кратко остановимся лишь на основных тенденциях его формирования, причинах, влиявших на его изменение.

Песни, возникшие в определенный период, порожденные современной действительностью, бытовали в народе не изолированно от созданных ранее, а вместе с ними, наряду с ними. И те и другие произведения оказывали воздействие на исполнителей и вдохновляли их на борьбу, напоминали о величественных традициях прошлого, говорили о героической современности, об ужасах фашистской оккупации, о тяжелой участи узников фашистских тюрем и концлагерей.

К началу второй мировой войны, кроме общенационального репертуара, каждая область, воеводство, район или повят, каждое село и даже отдельный коллектив в той или иной отрасли труда имели свою песенную традицию и свой песенный репертуар; каждая возрастная группа, каждый исполнитель имели свои излюбленные песни. Эти песни легли в основу устного репертуара военных лет, который постепенно пополнялся новыми произведениями³.

Сказанное в основном относится к песенному репертуару тех людей, которые жили и работали там, где они жили и работали до войны. Однако война изменила не только образ, но и место жизни значительной части населения страны. Десятки миллионов человек были призваны в армию или ушли в партизанские отряды, эвакуировались в восточные районы Советского Союза, сотни тысяч были брошены фашистами в тюрьмы и концлагеря, вывезены в Германию на подневольный труд. На территории Советского Союза воевали польские, словацкие и чешские партизаны; тысячи советских граждан в свою очередь сражались с врагом на территории Польши, Чехословакии, других стран. В Советском Союзе формировались и начинали свой боевой путь польские и чехословацкие воинские подразделения и соединения. Все это привело к тому, что в годы второй ми-

ровой войны в ряде случаев произошло такое смешение местных и национальных фольклорных традиций, какого не знала предшествующая история славянских народов. И произошло это в сравнительно короткий срок.

Наблюдения показали, что в основу песенного репертуара вновь формировавшихся воинских подразделений и частей, вновь создававшихся предприятый входили песни тех людей, которые составляли в них большинство; постепенно репертуар пополнялся и песнями людей разных национальностей, а также новыми произведениями, возникшими в период освободительной борьбы. Песенный репертуар зависел в значительной степени от национального состава и от того, из какой местности были бойцы, партизаны, рабочие, приносившие в коллектив свою песенную традицию. Значительное влияние оказывала также песенная традиция того района или села, где в данный момент находились воинская часть или партизанский отряд. Устный репертуар воинов и партизан в свою очередь оказывал влияние на песни местного населения.

Большое влияние на песенный репертуар отдельных коллективов оказывали талантливые певцы, запевалы. Так, в одной из советских воинских частей запевала А. Татаренко, обладавший сильным и хорошим голосом, очень любил революционные песни и песни периода гражданской войны. Это сказалось на репертуаре подразделения; любимыми строевыми песнями бойцов стали: «Шел отряд по берегу», «Там вдали за рекой», «Я пулеметчиком родился» и др.⁴

Одним из источников пополнения репертуара фронтовиков и трудящихся советского тыла являлось поэтическое творчество советских людей, находившихся на временно оккупированной врагом территории и в партизанских отрядах. В поэтических произведениях, созданных по ту сторону линии фронта, рассказывалось о зверствах фашистских захватчиков, о жизни, борьбе и несгибаемой воле советских людей. Произведения эти через линию фронта проникали к фронтовикам, а от них — в советский тыл, вызывая ненависть и гнев к фашистским захватчикам.

В статье «Песня непокоренных» И. А. Алексеев писал о песне «Прощайте, зеленые парки»: «Эта песня была широко распространена в Донбассе, потом те, кто в поисках хлеба ездил с тачками в Приднепровье, занесли ее и туда, партизаны передали ее в действующую армию, в советский тыл. Таким образом песня приобрела широкую известность»⁵.

Особенно большое количество произведений, созданных в партизанских отрядах и на временно оккупированной врагом территории, вошло в песенный репертуар воинов Советской Армии и тружеников советского тыла в период массового изгнания с советской земли фашистских захватчиков («Конотоп родной, прощай», «Раскинулись рельсы широко» и многие другие). Получают распространение и песни девушек-полонянок,

освобожденных Советской Армией. В свою очередь фольклорные и массовые советские песни, бытовавшие в Советской Армии и среди тружеников советского тыла, передавались в партизанские отряды и на временно оккупированную фашистами территорию России, Украины и Белоруссии.

Таким образом, лучшие в идейном и художественном отношении образцы поэтического творчества советских людей не оставались достоянием только того коллектива, в среде которого они возникли. С помощью устной передачи, писем, радио, кино, ансамблей артистов и кружков художественной самодеятельности они быстро распространялись, переходя из одной воинской части в другую, с фронта в тыл, и наоборот, из города в село и из села в город. Репертуар отдельного коллектива (предприятия, колхоза, воинской части и т. д.) вливался в единый поток песенного творчества всего советского народа, принося в него свои песенные творческие традиции.

Польша и Чехия, как известно, были оккупированы гитлеровской Германией в самом начале второй мировой войны. В Словакии была создана «самостоятельная» республика с местным фашистским правительством. В августе 1944 г. и Словакия была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Таким образом, почти все население Польши и Чехословакии большую часть войны жило и боролось в условиях фашистской оккупации или местной фашистской диктатуры (в Словакии).

Последнее обусловило тот факт, что подавляющее большинство польских, чешских и словацких песен в период второй мировой войны было создано в условиях конспирации участниками антифашистского Сопротивления, бойцами партизанских отрядов, населением городов и сел, испытывавшим фашистский гнет, узниками тюрем и концлагерей. Эти песни составляли значительную часть устного репертуара населения Польши и Чехословакии. В Советском Союзе большинство песен было создано бойцами Советской Армии и тружениками советского тыла. Песен, возникших в условиях немецко-фашистской оккупации, было меньше, так как только часть советских людей (и то не всю войну) жила и боролась в тылу врага.

На тематике и идейной направленности вновь создаваемых в Польше и Чехословакии произведений сказывалось и то, что в антигитлеровском Сопротивлении и партизанском движении в этих странах принимали участие различные политические партии и группы.

Так, например, в Польше возникли сотни организаций. Исследователь польского подполья Е. Дурачинский писал, что возникновение и деятельность многочисленных организаций являются историческим свидетельством патриотического подъема народа. Вместе с тем это указывает на различие, дифференциацию политических позиций. Никогда до того, продолжал исследователь, в истории польской борьбы за национальную

независимость не выступали так остро, так реально ощутимо различия во взглядах на форму и характер независимости⁶.

В польском движении Сопротивления наметились две программы, имевшие принципиальное различие: правая и левая, писал автор предисловия к сборнику стихов самодеятельных крестьянских поэтов «Chłopski znak»⁷. Польское эмигрантское правительство в Англии и руководство его вооруженной организации Армии Крайовой стремились после освобождения к восстановлению буржуазной Польши в границах до 1939 г. Польская рабочая партия, созданная в январе 1942 г., с Гвардией Людовой, а с 1944 г.— Крайова Рада Народова с Армией Людовой боролись за национальное и социальное освобождение, за народную и демократическую Польшу. Они стремились к радикальным реформам во всех областях общественной, культурной, хозяйственной и политической жизни. Цели борьбы крестьянских батальонов (Батальонов хлопских), которыми руководила партия Стронництво Людове, во многом совпадали с целями борьбы Гвардии Людовой и Армии Людовой.

Различные партии и группировки принимали участие в антифашистском Сопротивлении и партизанском движении в Чехословакии⁸.

Очевидно, что политическая ориентация партий в определенной степени сказывалась на репертуаре руководимых ими организаций и отрядов, на тематике и идейной направленности вновь создаваемых произведений. Сказывалась в определенной степени, но не определяла их, ибо официальная политика правого подполья не совпадала с настроениями масс, особенно крестьянских, между ними возникали все новые конфликты, чем дальше, тем определеннее обозначались расхождения⁹. Настроения масс способствовали контактам между партизанскими отрядами, обмену некоторыми новыми произведениями, взаимовлиянию песен партизанских отрядов и местного населения.

В. Е. Гусев изучал репертуар в Келецком воеводстве Польши и кратко описал его. Здесь в разное время действовало более 10 крестьянских отрядов (Батальонов хлопских), а также отряды Гвардии Людовой и Армии Крайовой. Все это обусловило большое разнообразие местного песенного репертуара периода второй мировой войны. Песни переходили из отряда в отряд, преодолевали границы «Партизанской республики», как назывались в ту пору Свентокшишские горы, а партизаны Келецкого воеводства в свою очередь усваивали и песни, созданные населением оккупированных районов, и песни, возникшие в других партизанских краях. Поэтому наряду с местными песнями в Келецком воеводстве можно услышать и записать много общепольских песен периода второй мировой войны. По свидетельству опрошенных В. Гусевым местных жителей, в Свентокшишских горах были и остаются наиболее популярными: «Roz-

szumiały się wierzby płaczące», «Po partyzancie dziewczyna płacze», «Dziś do ciebie przyjść nie mogę», «Deszcz, jesienny deszcz» и другие лирические песни.

У местного населения наряду с народными песнями было немало песен известных авторов (хотя они воспринимались самими исполнителями как народные). В частности, большую популярность приобрели песни поэта Ч. Калкусиньского и композитора Г. Файта. Повсеместную известность в Польше приобрела их «Jędrusiowa doła» («Идет войско через лес...»), ставшая подлинно народной песней, распространившейся в разных вариантах¹⁰.

Основу фольклорного репертуара населения Польши и Чехословакии составляли национальные песни, возникшие до второй мировой войны (традиционные народные, солдатские песни, песни периодов антифеодальной борьбы, борьбы за национальное освобождение, революционные песни). Основным источником его пополнения в ходе освободительной борьбы было поэтическое творчество польских, словацких, чешских граждан. Вместе с тем следует отметить, что важным источником пополнения устного репертуара партизан (и не только партизан) в Польше и Чехословакии являлось поэтическое творчество народов СССР, особенно русского, украинского и белорусского. Массовые советские и фольклорные песни поляки, словаки и чехи перенимали от советских военнопленных, бежавших из фашистского концлагеря, советских партизан, которые боролись с врагом на территории Польши и Чехословакии; приносили их также поляки, словаки и чехи, которые до войны жили в Советском Союзе или воевали на его территории. Когда Советская Армия, выполняя свою освободительную миссию, вела бои с фашистами на территории Польши и Чехословакии, граждане этих стран слышали и воспринимали русские, украинские и песни других народов СССР непосредственно от советских воинов, пели вместе с ними. В одном словацком устном рассказе, например, говорится, как советский воин и словацкие девушки шли по селу и «spievali guské pesničku»¹¹.

Собирательница и исследовательница словацкого фольклора С. Бурласова отмечала особую роль, которую сыграли русские и украинские песни в Словацком народном восстании. Распространение этих песен являлось не только результатом языковой близости, но и того большого участия, которое советские люди принимали в словацком партизанском движении, результатом крепкой дружбы народов. Советские партизаны, писала С. Бурласова, приходили в Словакию делиться своим опытом, помогать в бою, многие из них погибли. Дружба, возникавшая в таких условиях, бывает дружбой на всю жизнь. Песня была частым свидетелем такой дружбы. Участники Словацкого народного восстания пели советские маршевые и лирические песни. Они до сих пор помнят русские и украинские песни или

в оригинальном виде, или часто в словацко-русской комбинации, явившейся результатом адаптации.

Исполнители, песни которых записывала Бурласова, чаще других вспоминали русские: «Широка страна моя родная», «Москва моя, страна моя», «Смело, товарищи, в ногу», «Командир герой Чапаев», «Эх, путь-дорожка фронтовая», «Через реки, горы и долины», «Нас улица шумом встречала», «Катюша», «Если завтра война», «Волга-Волга», «Калинка», «Сердце»; украинские: «Подай, дівчиночка, ручку на прощання», «Розпрягайте, хлопці, коні», грузинскую «Сулико» (на русском языке) и др.¹² С. Бурласова отмечала, что наибольшее распространение получили песни «Катюша» и «По долинам и по взгорьям». Эти песни были различным способом усвоены, переделаны. Они служили импульсом к созданию новых редакций текстов. Песня «По долинам и по взгорьям» «стала ведущей песней Словацкого народного восстания, его гимном и символом». Эта песня, по наблюдениям С. Бурласовой, является наиболее известной песней на территории всей Словакии и одновременно песней с наибольшим количеством записанных вариантов¹³.

Материал, собранный В. Гусевым¹⁴ и автором данного доклада, убеждает в том, что аналогичную роль советские, русские и украинские песни играли и в Польше. Их исполняли на языке оригинала и в переводе на польский язык, на их мелодии создавали новые песни. Вероятно, не случайно в наиболее значительном издании польских песен периода второй мировой войны «*Niech wiatr ją poniesie*» среди песен, созданных на ранее известные мелодии, самый большой удельный вес имеют тексты, которые исполнялись на русские и украинские мелодии,— их двенадцать¹⁵.

Особого внимания заслуживает репертуар солдат и офицеров чехословацких и польских частей и соединений, которые формировались в Советском Союзе и на его территории начинали свой боевой путь. Репертуар этих воинских формирований еще не изучался, крайне мало записано и песен, которые были в них созданы. Поэтому основными источниками для данной части доклада служили опубликованные и неопубликованные воспоминания ветеранов названных частей.

Известно, что в СССР были сформированы чехословацкий батальон (впоследствии преобразованный в бригаду, а затем в дивизию, корпус); польская пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко, 1-й польский армейский корпус, 1-я польская армия и другие соединения.

Чехословацкая часть формировалась из чехов и словаков, которые или постоянно жили в Советском Союзе, или в довоенные годы приехали на заработки, или эмигрировали сюда в начале второй мировой войны, а также из словаков, оставших дивизии, посланные на Восточный фронт фашистским словацким правительством, и перешедших на сторону Советской

Армии. В чехословацкой части было также значительное количество закарпатских украинцев и чехов, которые жили на Во-лыни (УССР), и советских военных специалистов. Таким образом, в чехословацкой части, а затем в соединении служили и воевали носители различных фольклорных традиций: чешской, словацкой, русской, украинской. Украинцы из Закарпатья, как правило, хорошо владели чешским и словацким языками, кроме украинских песен, эти воины знали много произведений двух соседних народов: словацкого и чешского; чехи же, проживавшие на Волыни, владели языком украинского народа и знали определенное количество его фольклорных произведений. Словаки, перешедшие на сторону Советской Армии, пели свои песни. Чехи и словаки, которые до войны приехали на работу в Советский Союз, кроме фольклора своих народов, уже знали песни, созданные русскими и украинцами. Советские же специалисты принесли в чехословацкое соединение русские и украинские народные песни, а также массовые советские песни, довоенные и новые.

Кроме того, во время формирования в РСФСР и на Украине, а также во время боев на украинской земле воины чехословацких подразделений и соединений перенимали песни от местного населения.

Так, 1-й чехословацкий батальон после знаменитого боя под Соколово (Харьковская обл., УССР) месяц находился на отдыхе. Советские люди окружили заботой воинов братского народа, героически сражавшегося на украинской земле: присылали подарки, приходили к ним в гости. Вспоминая об этих встречах, Л. Свобода, в частности, писал: «Гости пели нам свои песни, мы — свои, а бывало и так, что все вместе запевали «Ой не ходи, Грицю», или «Партизан Железняк», или же о том казаке, который ушел от своей милой на далекую войну и не вернулся. Звучали наши песни — «Зеленый гай», «Направление — Прага» композитора Томана на слова Мареша и др.»¹⁶

Итак, в 1942 г. чехословацкие воины вместе с советскими гражданами пели украинские, русские, словацкие и чешские песни: традиционные народные и новые, фольклорные и созданные профессиональными поэтами и композиторами. Аналогичная картина наблюдалась и в сентябре 1944 г. 2-я воздушно-десантная чехословацкая бригада формировалась в г. Проскуров (ныне г. Хмельницкий) УССР. Воины усиленно занимались, готовясь к боям. «Тем не менее, — вспоминал кинорежиссер М. Глидер, — когда по вечерам невдалеке от лагеря собирались советские девушки и начинали петь, их окружали бойцы и офицеры, слушали, подпевали, потом пели свои песни. Славянское родство сказывалось в этих песнях — русских, украинских, чешских и словацких — еще больше, чем в языке»¹⁷.

В польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, а затем в 1-й и 2-й польских армиях служили поляки, которые до войны жи-

ли в Советском Союзе, служили в Советской Армии, а также украинцы и белорусы из западных областей УССР и БССР, хорошо знавшие польский язык, представители других народов, военные специалисты¹⁸. Постепенно в них вливались польские партизаны, сражавшиеся с врагом на территории Советского Союза. Когда польская армия начала воевать на территории Польши, ее ряды пополнялись коренными жителями Польши, в том числе партизанами (особенно Армии Людовой и Батальонов хлопских). Все они приносили в польскую армию свои песни, пополнялся устный репертуар воинов-поляков и в процессе общения с гражданским населением Советского Союза.

Вопросы возникновения устного репертуара польских соединений, которые формировались в СССР, еще не изучены и не освещены в печати. Поэтому каждое воспоминание ветеранов представляет значительный научный интерес. 9 мая 1976 г. в Люблине (ПНР) автор встретился с полковником запаса Войска Польского М. Задорожным и попросил его рассказать, какие песни они пели, почему их пели, от кого усвоили. На поставленные вопросы М. Задорожный ответил мне письмом (от 13—16 июля 1976 г.), в котором не только перечислил песни, но некоторые из них и записал. Учитывая особую ценность сведений, которые сообщил мне М. Задорожный, я позволю себе привести некоторые из них.

М. Задорожный — поляк. До призыва в Советскую Армию учился на первом курсе Львовского университета им. И. Франко (изучал украинскую филологию). В Советскую Армию был призван осенью 1940 г. Служил в артиллерийском полку.

В этой части было несколько десятков поляков, украинцев и евреев приехавших из Западной Украины. Тоска по родным местам была причиной, по которой они часто собирались группами и пели свои песни. Однако ежедневно во время маршей и учений разучивали русские песни. М. Задорожный помнит с того периода песни: «Если завтра война», «Катюша», «Три танкиста», «Марш танкистов» («Броня крепка и танки наши быстры»), «Марш артиллеристов» («Артиллеристы, точней прицел...»). «Эх, вы, кони, вы, кони стальные» и др. В это же время он впервые услышал украинские песни «Розп'ягайте, хлопці, коні», «Ой при лузі, при лужку, при широком полі».

С осени 1941 г. до октября 1943 г. (момента вступления в польскую армию) был на военно-строительных работах в рабочих батальонах. Во время пребывания в рабочих батальонах поляки чаще, чем в артиллерийском полку, встречались с гражданскими людьми и от них выучили новые песни, посвященные солдатам и фронтовым боям, рассказывающие о тоске по самым близким.

Более года (весь 1942 и часть 1943 г.) батальон, в котором был М. Задорожный, строил жилье для рабочих одного из эва-

куированных из Ленинграда заводов. Из этого периода он запомнил больше всего прекрасные песни, которые еще долго после войны пел в кругу друзей — своих ровесников, прошедших в годы войны такой же боевой путь, как и он. «Еще и теперь,— пишет М. Задорожний,— когда встретимся с моими старыми приятелями по случаю дня рождения или именин, не раз споем какую-нибудь из тех давних военных песен». Дальше М. Задорожний перечислил песни, которые больше всего ему запомнились: «Песня о Родине», «Синий платочек», «Эх, дороги, пыль да туман», «Полюшко-поле», «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат», «На позицию девушка провожала бойца», «Землянка», «На рейде большом легла тишина», «Священная война», «Молдаванка», старая русская песня «Раскинулось море широко», украинская «Студенточка, зоря вечірняя» и др.

В октябре 1943 г. М. Задорожний и его товарищи узнали о формировании польской армии. Они обратились в военкомат и через несколько дней прибыли в лагерь в Сельцах над Окой. М. Задорожний пишет: «Очень сильное впечатление произвела на меня песня, которую там услышал, как только переступил порог землянки солдаты пели: «Gdy wrócisz po wielu, wielu latach, // Zostaniesz pokój w kwiatkach, // Jak gdyby nic». Далее М. Задорожний привел отрывки еще четырех довоенных песен «О, mój gozmagynie», «Wojenko, wojenko»¹⁹, «Pod Krakowem ciemny las», «Prowadzą konika», «Gdym wyruszył w pole, zapłakała Ania»²⁰, «Cztery córki miał tata». Их пели в военном лагере над Окой. Там же возникла и новая песня-марш 1-го корпуса польских вооруженных сил в СССР. Она начиналась словами «Szumi dokoła las». Песня эта сразу же была принята²¹.

Когда 1-я польская армия форсировала р. Буг и начала воевать на территории Польши (июль 1944 г.), с ней объединилась Армия Людова, которая сражалась с врагом в оккупированной стране; много солдат пришло также из Армии Крайовой. Вместе с ними в 1-ю польскую армию пришли новые песни.

М. Задорожний процитировал партизанскую песню «Rozszumiała się wierzbą płaczące», которая была широко распространена среди польских партизан Армии Людовой, Батальонов хлопских и Армии Крайовой²².

После войны стала известна песня «Czerwone takie na Monte Cassino», которую пели солдаты 2-го польского корпуса. В ней рассказывалось²³ о взятии немецкого укрепленного пункта на Монте-Кассино.

Письмо М. Задорожний закончил словами: «И это уже все, что мне вспомнилось из тех песен, которые мы пели во время войны и после нее, и сейчас еще часто поем, когда встретимся в старом солдатском кругу. Мы поем польские, русские и украинские песни, ибо с ними связаны наши трудные годы и пе-

реживания военных лет. Известно, что песня помогала нам преодолевать военные невзгоды, помогала находить друзей в стране пятиконечной звезды»²⁴.

Общение между русскими, украинцами, белорусами, поляками, чехами и словаками облегчалось не только из-за близости славянских языков, но и вследствие того, что в воинских и партизанских формированиях периода второй мировой войны, как правило, были люди, которые знали несколько языков. Так, например, украинцы из восточных областей УССР и белорусы из восточных областей БССР хорошо знали русский язык, украинцы и белорусы из западных областей своих республик владели русским и польским языками, поляки из этих же областей соответственно хорошо понимали украинский, белорусский и русский языки. Украинцы из Закарпатья, служившие в чехословацких воинских частях, владели чешским и словацким языками (до войны они входили в состав одного государства). Чехи из Подолья владели украинским языком. Знали русский язык чехи, словаки и поляки, которые перед войной эмигрировали в Советский Союз или постоянно жили на его территории.

Кроме того, за время службы в подразделениях и соединениях, формировавшихся на территории Советского Союза, многие поляки, чехи, словаки в той или иной мере выучили русский язык.

Русский язык стал языком дружбы, языком, на котором говорили представители всех национальностей, боровшихся против фашизма на советской земле или в смешанных партизанских отрядах в Польше и Чехословакии. Советские песни, прежде всего русские, прочно вошли в репертуар поляков, словаков, чехов, других народов, оказав определенное влияние и на их оригинальное творчество военных лет²⁵.

Устный репертуар восточных и западных славян в годы второй мировой войны, как уже отмечалось, был чрезвычайно разнообразным: он определялся национальными и местными традициями, условиями жизни и борьбы народов и отдельных коллективов. Последнее обусловило то, что в ходе войны чаще, чем в мирное время, начали петь песни о национально-освободительной и классовой борьбе, песни, воспевающие героев этой борьбы, старые солдатские песни. Они воодушевляли народ, напоминали ему о героическом прошлом. Многие из названных произведений исполнялись в том виде, в каком они исполнялись до войны. Некоторые же из них видоизменялись. Последнее явление исследователи отмечали у всех народов. Это общая закономерность развития народной поэзии.

Песни, созданные в довоенные годы, оригинальные и измененные, не могли полностью удовлетворить народы. Новое время требовало новых песен. Эта старая истина стала особенно очевидной в самом начале войны. Не прав был польский поэт

Станислав Балинский, который в стихотворении «Wojna bez pieśni» заявлял:

W tej wojnie bez litości nie potrzeba pieśni,
Co mają kwitnąć chmurnie na krwi i cierpieniu.
Żeby zwyciężyć dzisiaj i zwycięstw nie prześnić,
Trzeba przeciszyć struny i walczyć w milczeniu²⁶.

Песня тоже была оружием. И народы создавали новые песни с самого начала войны. Материалы, собранные в последние годы, подтверждают это. Так, В. Е. Гусев записал воспоминания И. Мощиньского — бывшего связного командира первого партизанского отряда Хубаль (майора Г. Добжанского). Хубаль, когда был в хорошем настроении, пел, а его бойцы не только любили петь, но и сами сочиняли песни. По утверждению другого партизана названного отряда, М. Мерновского, Хубаль сам сочинил песню «Хоть вдали у нас есть семья и близкие» (В. Гусев полагал, что это была первая польская партизанская песня)²⁷.

В предисловии к одному из польских сборников, изданных в 1943 г., говорилось: «Не знаем с сентября 1939 г. ни с самых близких к нему месяцев ни одной новой песни. Но уже в середине 1940 г. это молчание было нарушено. Нарушено ... самородной народной песней»²⁸. Свидетельства участников партизанского движения, записанные В. Гусевым, говорят о том, что новые песни создавались уже в первые месяцы второй мировой войны, а не спустя почти год после ее начала.

Новые песни в оккупированной фашистами Польше создавались не только в партизанских отрядах. «Как во времена татарских наездов, как во времена Потопа²⁹, — писал в 1943 г. автор вступительной статьи к сборнику «Pieśni zbrojne», — появились неизвестно откуда никому неизвестные творцы, простые люди, которые из сердца извлекали слова и мелодии, рассказывающие о муках и боли пережитых дней, а также пророчески предвещающие наступление светлого, великого завтра. Сотни певцов и певиц — уличных, железнодорожных и др., — переходя от дома к дому, от города к городу, от села к селу, разносили эти слова муки, героизма и надежды по всей польской земле»³⁰.

В период вторжения фашистских войск создавали новые произведения и народы Советского Союза, Чехословакии, других стран. Песни возникали на основе традиций национального фольклора и литературы, устно и письменно, индивидуально и коллективно; создавались они известными авторами и никому неизвестными самодельными поэтами³¹ и композиторами.

В песенном творчестве восточных и западных славян значительное место занимали произведения, созданные на ранее известные мелодии, свои, национальные, и заимствованные. Издатель песен замойских партизан — сам участник партизан-

ского движения — Подви́нский писал, что новые песни пелись «преимущественно на уже известные мелодии»³². В печати отмечалось, что известные мелодии способствовали быстрому усвоению и распространению новых песен.

Во время войны восточные и западные славяне использовали в своем творчестве все многообразие жанров и видов народной поэзии. На фронте и в тылу, в партизанских отрядах и на временно оккупированной врагом территории создавались песни, частушки, пословицы и поговорки, сказки и сказы, устные художественные рассказы и анекдоты.

В отдельных случаях создавались новые былины, думы, причитания по погибшим воинам, волшебные сказки. Эти жанры оказались непродуктивными — не они определяли устную поэзию периода второй мировой войны, но игнорировать их было бы неверно. Ибо каждый человек, где бы он ни находился, при создании новых произведений обращался к тем традициям, художественным образам и приемам, которые были ему наиболее близки. Именно поэтому исполнители русских былин создавали новые былины, украинские кобзари — думы.

Аналогичные явления происходили и в Польше, и в Чехословакии. Однако наблюдались и особенности. Так, например, в Польше весьма популярными оказались коленды. На Украине же были отмечены лишь единичные случаи создания новых колядок (*Колесса*, 34—35, № 22; 40, № 7). В условиях оккупированной Польши коленды были тем жанром, который позволял исполнять новые произведения, даже сатирические, не боясь привлечь внимание врага. Однако коленды периода оккупации имели специфический характер, они обогащались дополнительными чертами, которые сближали их с уличными песнями. Новые коленды сохраняли только мелодию (а поэтому и структуру) костельной коленды, а содержание их свободно изменялось в зависимости от военной ситуации³³.

*

В песенном творчестве восточных и западных славян нашли воплощение многие темы жизни и борьбы народов против фашистских захватчиков. В данном докладе мы остановимся лишь на основных темах, определяющих песенную поэзию военных лет.

На XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что «в ратных подвигах Великой Отечественной войны выросло и закалилось нерушимое единство всех классов и социальных групп, наций и народностей нашей страны»³⁴.

Отмеченное в докладе нерушимое единство всех классов и социальных групп, наций и народностей Советского Союза обусловило идейную общность их художественных произведений, близость тем и образов.

Ведущей темой русских, украинских, белорусских песен, как и песен других народов СССР, является тема защиты Советской Родины — защиты завоеваний Великого Октября. Она нашла воплощение в произведениях, созданных бойцами Советской Армии, партизанских отрядов, тружениками советского тыла, населением временно оккупированных врагом районов, узниками фашистских концлагерей и тюрем.

Приведем несколько примеров. Смертельно раненный боец просит передать матери и сестре, что он честно погиб

За Советскую страну,
За Советскую державу,
За Советскую звезду.

(Крупянская — Минц, 73).

Парень молодой бьет врагов-захватчиков «за страну Советскую» (там же, 76); летчик быстро покончит с фашистской машиной «во славу священной Советской земли» (там же, 199).

Партизаны готовы в бой «за родину Советов» (Крупянская — Минц, 170; Гутараў — Кабашнікаў, 119); партизаны разгромили врагов «И вернули строй советский — // Партизанским стал район» (Крупянская — Минц, 167; Гутараў — Кабашнікаў, 112); партизанам смерть не страшна — «Была бы только вольной // Советская страна» (Гутараў — Кабашнікаў, 78); партизан отдал свою геройскую жизнь «за Советскую страну родную» (Крупянская — Минц, 175).

Тема борьбы за Советскую Родину нашла воплощение и в лирических песнях. Девушка пишет другу, что она взяла винтовку и ушла к партизанам, что враг будет побежден:

А пока, родной мой и любимый,
Мы идем с тобой в одном строю
Защищать советский край родимый
И любовь горячую свою.

(Гутараў — Кабашнікаў, 202).

Тема борьбы за Советскую родину, Советскую власть являлась определяющей также в украинских и белорусских песнях.

Партизаны уничтожают в бою врага «За Радянську Україну // За республіку свою» (Родина — Стельмах, 98, 99); раненый молодой казак призывает товарищей так бить фашистов, «Щоб Радянську Україну // Повік пам'ятали» (там же, 136).

Девушка на вопрос предателя, за что ее привели в полицию, гордо ответила:

За Країну я Радянську
Готова вмирати...

(Родина — Стельмах, 67).

Герой частушки заявляет: «Іду я до партизан // Битись за радвладу» (*Родіна — Стельмах*, 143). Лирическая героиня другой частушки призывает милого идти в партизаны, бить злых фашистов, ибо без родной Советской власти нельзя жить:

Іди, милий, в партизани,
Злих фашистів бити,
Бо без рідної радвледи
Нам не можна жити.

(*Родіна — Стельмах*, 143).

Украинская песня о войнах-танкистах заканчивалась словами: «Хай живе на радість нашу // Радянська Країна» (*Родіна — Стельмах*, 254).

В белорусских песнях говорилось: «Знішчыць лад савецкі // Падлюга (Гитлер.— Б. К.) збіраўся... Край жа наш савецкі // Будзе красавацца» (*Гутараў — Кабашинікаў*, 71); бойцы Красной Армии борются «За Савецкую Радзіму» (там же, 60), партизан отдал свою жизнь «За Савецкую зямлю радную» (там же, 155).

Во многих русских, украинских и белорусских песнях понятие Родина (Батьківщина, Радзіма), Украина, Белоруссия употребляется без определения «Советская», но в ходе повествования раскрывается, о какой Родине идет речь, часто употребляется символ Советской родины — красный флаг (см.: *Гутараў — Кабашинікаў*, 129, 151; *Колесса*, 26).

Советская Родина, Советская земля называются в песнях священными, родными, любимыми; Советская власть — родной, властью рабочих и крестьян (*Гутараў — Кабашинікаў*, 115)⁵⁵

В грозные годы войны борьбой советского народа руководила Коммунистическая партия Советского Союза, на фронте коммунисты показывали пример героизма и самоотверженности в борьбе за Советскую Родину. Все это нашло отражение в фольклоре военных лет. Вот несколько примеров:

В тылу врага нас партия призвала
На боевые славные дела.
(*Гутараў — Кабашинікаў*, 125).

Народ весь с нами, партия с нами,
И никуда фашистам не уйти.
(Там же, 96).

Твій Андрій загинув,
Юний комуніст,
Щоб по нашій землі
Не ходив фашист.

(*Родіна — Стельмах*, 134)⁵⁶.

Тема борьбы за освобождение родной земли от фашистских захватчиков — основная тема песенного творчества польского и

чехословацкого народов. Однако в ряде произведений она дополняется социальной темой — освобождения от гнета помещиков и капиталистов. Подобное переплетение мотивов борьбы за национальное и социальное освобождение было характерно для участников Сопротивления и партизанского движения тех стран, в которых до второй мировой войны был буржуазный строй.

Социальный мотив особенно отчетливо звучит в польских песнях, которые были созданы в отрядах Гвардии Людовой, Армии Людовой и Батальонов хлопских.

Так, например, песня «Powstańcie, skrzywdzeni» (ее пели партизаны Гвардии Людовой и Армии Людовой в Люблинском воеводстве) начиналась словами-призывом:

Powstańcie, skrzywdzeni, dość naszej ofiary,
Czas życie rozpocząć od nowa,
Bo w gruz się rozpada przemocy świat stary
I rodzi się Polska Ludowa,

а кончалась уверенностью, что народ возьмет власть в свои могучие руки и родится Народная Польша: «Lud władzę ujmuje w mocarne swe ręce // I rodzi się Polska Ludowa» (*Świrko*, 303).

В песне «Gdy się z Gwardii ktoś zapyta», исполнявшейся в партизанских отрядах Гвардии Людовой и Армии Людовой, содержался призыв громить Гитлера и его сообщников, убивать сыщиков, и тут же речь шла о строительстве (после победы) Народной Польши, классовой борьбе:

Polskę Ludową zbudujemy,
W niej szczęśliwie będziemy żyć,
Panów z majątków wyzucimy,
Darmozjadom palniem w łeb.
(*Świrko*, 305).

Весьма часто мотив борьбы с немецко-фашистскими оккупантами переплетается с мотивом борьбы с классовыми угнетателями и в песенном фольклоре партизан Батальонов хлопских.

Так, в коленде «Dzisiaj w Berlinie» говорилось:

Wnet obszarników
Z rządu wyrzucimy,
A rząd ludowy
W Polsce utworzymy,
Ziemię chłopom podzielimy.
(*Świrko*, 291).

В песне «Wygośliśmy z Polski podziemi», также бытовавшей в Батальонах хлопских, звучит уверенность в том, что после

победы над захватчиком придет победа над классовым врагом:

Gdy zerwie niewoli kajdany,
żołnierski, ofiarny nasz trud,
nie wrócą do rządów już pany,
a Polskę uładzi sam lud.
Nie wróci się dola już łzawa,
nie będzie wyzysku, ni zła,
ludowe wprowadzą w moc prawa
zwycięzcy żołnierze BCh.

(*Batko*, 26).

Борьба за свободу, равенство, мир, Народную Польшу воспевалась также в песнях «Idą z podziemi», «Do boju o Polskę Ludową», «Bez munduru my, żołnierze» (*Batko*, 18, 21—22).

В песнях, созданных в отрядах Армии Крайовой, подобных социальных мотивов разыскать не удалось: в них повествуется о борьбе с немецким фашизмом, о свободе, о лучшем будущем (после освобождения от иноземных оккупантов), но не о народной власти и социальной справедливости. Польская исследовательница А. Александрович-Ульрих справедливо отмечала: «Польская оккупационная и партизанская поэзия — явление сложное, иногда даже идеологически противоположное»³⁷.

В Словакии, как и в Польше, борьба против немецко-фашистской оккупации считалась с классовой борьбой. Трудящиеся республики мечтали о социальном освобождении.

Приведем несколько примеров. В песне «Našo pani, veľki rapí»:

Počkajte vy, mili pani,
co ta vojna dokaže,
my zrucime puta zos ruk
a vam dame ret'aze.

(*Burlasová*, 191, N 11).

Борьба с немецким фашизмом и внутренними угнетателями наиболее отчетливое воплощение нашла в песне «Veje vietor zo všetkých strán». Начинается эта песня призывом стать под Красное Знамя, бить немецких фашистов:

Veje vietor zo všetkých strán
do červenej zástavy.
Staňme pod ňu, mili bratia,
fašizmus nás nezlomí.
Hor sa, bratia, do boja sa chystajme!
Za tie krivdy od Germánov páchané.

А кончается призывом к уничтожению угнетателей и хвалой труду и коммунистам:

Nech zahynú fabrikanti,
buržuji a statkári.

Nech sahnú darmožráči,
nech zahynú bankári.
Nech zahynie vláda kapitalistov!
Práci česť a práci česť komunistom!
(Gáll, 21) ³⁸.

Важное место в песенном творчестве восточных и западных славян занимала тема взаимопомощи народов в борьбе с фашизмом, отмечалась освободительная миссия Советской Армии, та помощь, которую Советский Союз оказал польскому и чехословацким народам в создании их армий.

Герои заявляли в русской песне, что они «били извергов Европы» (*Гутарай — Кабашикай*,) 117); в белорусской: «Мы ня сём праз бітвы волю // Усёй зямлі і міру кветкі» (там же, 151). Лирическая героиня украинской песни говорит любимому:

Бий фашистів, мій коханий,
Громи у Карпатах.
Всі слов'яни допоможуть
Гадів добивати.
(Родіна — Стельмах, 182).

Автор словацкой песни «Tichá noc tmavá noc, krásna je», обращаясь к своему народу, говорит, что он неодинок в борьбе с врагом:

Slovenský národe, nie si sám,
na horách chráni t'a partizán,
tam bojujú Česi aj Slováci,
bratia Rusi, Srbi, Polaci.
(Burlasová, 184, N 2).

О многонациональном составе партизанских отрядов говорится в песне «Skalnou steroú a divočinu»:

Slovák, Čech, Rus, Srb i Francúz,
boj ich zvolal zo všech strán,
(v bratské šíky za slobodu
s hrdým menom partizán).
(Burlasová, 164).

С особенной теплотой в словацких песнях говорится о совместной борьбе с врагом словаков и русских. Например, в песне «Chodila Marina»:

Smelo sa boríme
s fašistickým vráhom,
spolu s bratmi Rusmi
zničíme ho valom.
(Burlasová,
194, N 17; Gáll, 27).

В других песнях говорится о русских партизанах и командирах, которые сражались в словацких бригадах, иногда об их гибели³⁹.

В польских песенных произведениях рассказывается о помощи СССР в создании Войска Польского:

Już wojsko polskie,
Co w Rosji powstało,
Idzie nam na pomoc
Wyzwolić Warszawę.
(*Swirko*, 290)⁴⁰.

В них содержится обращение к Советскому Союзу прорвать фронт («Przerywajcież front wy, dzielne Sowiety, // Niechaj Germanu krują się jak krety» — *Swirko*, 431); говорится о героических победах Советской Армии («Bohaterskie wojsko ruskie // Wszystko zwyciężyło» — *Swirko*, 193). Благодаря этим победам появилась надежда на освобождение:

Już mamy nadzieję
Jutrzeńki wolności,
Bo Niemcy spod Stalingradu
Niosą w workach kości.
(*Swirko*, 193).

Такие основные темы песенных произведений периода второй мировой войны.

В заключение необходимо остановиться на некоторых вопросах типизации действительности в фольклоре военных лет, вопросах, которые получали в печати неодинаковые ответы.

Многие песни, созданные в годы второй мировой войны в регулярных воинских частях и партизанских отрядах, отличались конкретностью: в них повествовалось об отдельных боевых операциях, упоминались номера частей или названия партизанских отрядов, соединений, перечислялись города и села, за которые велись ожесточенные бои, упоминались бойцы и офицеры, особо отличившиеся в этих боях. Подобные песни создавались в советских и польских отрядах и соединениях (чехословацким материалом мы не располагаем). Например, в одной из строф строевой песни 710-го артиллерийского полка Советской Армии «Бей, семьсот десятый!» говорится:

Никто не забудет Лычково и Пено,
Полу, Фанзавод и Ловать,
Огней точной трассы... Стервятники-ассы
Назад не могли улетать.

(*Крупянская — Миц, 42*).

Аналогичные строки есть в песне-марше партизанской бригады «Буревестник», которая действовала в Минской обл. БССР.

Попомнит враг Зачаї и Валерьяны,
Где мы громили свору всех чинов....

и несколько дальше:

Мы будем бить проклятых людоедов,
Как били их под Минском и Уздой.
(Гутарай — Кабашнікаў, 126).

В песне «В огне войны мы волю закалили», созданной в Былиницкой партизанской оперативной группе 760-го партизанского отряда, упоминаются села Могилевской обл. БССР: Дручаны, Разводы, Дражня, Рубеж, Воевичи, а также Усакинский лес.

Мы не забудем кличевские ночи
И смелый наш белычинский набег.
(Гутарай — Кабашнікаў, 132) ⁴¹.

В польской партизанской песне «Bagabazze» названы Буско, Хмельник, Стопница (*Szewera*, 358) и т. д., и т. п.

Мы здесь не цитировали песен об обороне Москвы, Одессы, Севастополя, о варшавском восстании и других боях, прочно вошедших в историю второй мировой войны, — они широко известны. В данном докладе в качестве примеров приведены песни, в которых говорится о местах, не всегда обозначенных на карте. Их названия ничего не говорят современному читателю или слушателю, не всегда они были известны и в годы второй мировой войны. Но они были памятны тем, кто за них вел ожесточенные бои, внося свой вклад в дело победы над сильным и коварным врагом. Победные бои не только за большие города, но даже за небольшие поселки, села, заводы, безыменные высотки являлись гордостью воинов, о них слагали песни, их упоминали в маршах отрядов, частей и соединений наряду с фамилиями особо отличившихся командиров, рядовых солдат и партизан. Иногда в одной песне-марше перечислялось несколько фамилий. Например, в песне «Мы в битве с врагами любимой Отчизны»:

Герой Хорошилов, Исаев и Крамник,
Жиребеенко, Лютов — всегда впереди.
Мы славим их имя, как наших героев,
Как воинов славных Советской страны.
(Крупянская — Миц, 41).

Конечно, названия небольших городов, сел, лесов, рек и т. п., перечисление фамилий не способствовали широкому распространению песен, часто они оставались достоянием только той воинской части, подразделения, партизанского отряда, в котором были сложены. Однако конкретность этих песен имела особое значение для коллективов; она повышала силу воздействия

произведений, помогала воспитанию молодых воинов на боевых традициях своей части, отряда и т. д.⁴² Вероятно, подобным же образом создавались и имели такую же функцию песни и в предшествующие войны. Только незначительная их часть дошла до нас в виде старых солдатских песен, в которых воспеваются подвиги отдельных полков и командиров, песен периода революции и гражданской войны на территории бывшей царской России. Некоторые из дошедших до нас песен также содержат конкретные детали, что не помешало их популярности. В качестве примера достаточно назвать русскую песню «По долинам и по взгорьям», в которой говорится о боях на Дальнем Востоке («Чтобы с боя взять Приморье»), упоминаются «штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни». Песня эта получила широкое распространение среди русских, украинцев, белорусов и других народов СССР, среди польских, чехословацких, югославских партизан. Пели ее в оригинале и в переводе на родной язык, на ее мелодию создавали новые песни⁴³. Во многом благодаря песне «По долинам и по взгорьям» бои за небольшие дальневосточные города Спасск и Волочаевск стали широкоизвестными.

Конечно, далеко не все вновь созданные произведения имели художественную ценность. Однако в них были запечатлены думы и чаяния воинов, их ратные подвиги. В кругу создавших и певших их людей эти песни имели особое значение. Понять его поможет высказывание Подвиньского (Зигмунта Ключовского) — автора вступительной статьи к сборнику «Pieśni oddziałów partyzanckich Zamojszczyzny». Подвиньский писал: «Солдатские песни возникают в периоды всех войн... Много их возникло и в борющихся в настоящее время наших партизанских отрядах, среди которых замойские партизанские отряды 9 занимают главное место. Писали их солдаты этих отрядов, некоторые создавали коллективно, пели же преимущественно на различные ранее известные мелодии.

Песни эти выражают солдатскую тоску (грусть) и любовь, рисуют фрагменты лагерной жизни, боевые подвиги отрядов и образы наиболее популярных командиров, вокруг которых уже создается легенда. Различна ценность этих песен, что в данном случае не имеет большого значения. К тому же во время хорового пения они звучат совершенно иначе, чем при чтении. Для нас они имеют особую прелесть потому, что возникли на нашей территории, среди замойских отрядов, с которыми общество Замойщины так сильно сжилось. Эти песни являются частью истории замойских диверсионных отрядов и как таковую их следует трактовать. Мы старались это подчеркнуть, давая в примечаниях короткие комментарии и объяснения»⁴⁴.

Наряду с песнями, в которых воспевались боевые действия воинских подразделений, частей и соединений, а также партизанских формирований, в годы второй мировой войны было

создано значительное количество произведений, посвященных отдельным командирам и бойцам. В них рассказывалось о подвигах того или иного воина. Особенно много подобных песен было в частях Советской Армии⁴⁵. Условия конспирации не позволяли создавать и исполнять песни с фамилиями бойцов партизанских отрядов и антифашистского Сопротивления, этим, вероятно, объясняется тот факт, что удельный вес песен о конкретных воинах и командирах в партизанском (советском, польском и словацком) фольклоре несколько меньший, чем в фронтовом⁴⁶.

Биографичность песен о подвигах конкретных воинов и командиров не исключает типичности созданных в них образов, так как сам подвиг героя являлся типичным явлением для всего народа.

«Биографичность» за редкими исключениями не способствовала широкому распространению песен, но в тех подразделениях, бойцы которых в них прославлялись, такие произведения исполнялись и имели большую воспитательную силу⁴⁷.

Песни воинских частей, партизанских отрядов и соединений, а также песни об отдельных героях возникали на протяжении всей второй мировой войны. Неверно представление, что они предшествовали песням, в которых были созданы обобщенные образы воинов или коллективов — борцов за освобождение. Те и другие возникали одновременно. Они имели различную, хотя и близкую функцию. Конечно, песни, в которых говорится не о конкретных воинских или партизанских отрядах и их боевых делах, не о конкретных людях, переходили из части в часть, с фронта в тыл и т. д., т. е. имели более широкое распространение.

В Советском Союзе, например, были широко известны образы танкиста, среди боя исправившего подбитый врагом танк; штурмана, направившего свой горящий самолет на груженный бензином вражеский поезд; связиста, который, будучи смертельно раненым, зажал в руке концы перебитого телефонного провода, чтобы не прерывалась связь, образы безыменных героев-партизан и т. д. В песнях, созданных в Польше и Чехословакии, запечатлены образы безыменных партизан, которые, не щадя жизни, боролись за свободу своей родины.

Многие из этих песен широко распространялись в годы войны, некоторые из них поются и сейчас. Однако это не значит, что они лучше тех, в которых фронтовики и партизаны воспевали свои подразделения, героические подвиги товарищей. Среди тех и других есть и удачные и неудачные. Но все они сейчас представляют значительный интерес, так как в них выражены думы, чаяния, переживания тех, кто боролся с врагом, изборожены их боевые подвиги.

По способу изображения действительности к рассмотренным песням примыкает группа песен, создатели которых стреми-

лись к максимальной точности в передаче событий. Такие песни (типа песен-хроник) есть в фольклоре восточных и западных славян, например в песнях о начале войны:

W trzydziestym dziewiątym wojna się zaczęła,
Dnia pierwszego wrzeźśnia godzina wybiła.
Od zachodu słońca armaty strzelają,
Ponad naszą Polską kule się syrają.

(*Świrko*, 70).

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.

(*Запись автора доклада*)

К хроникальной точности и последовательности стремились и авторы песен о злодеяниях фашистов.

Вот как начинается одна из польских песен:

W dzień Matki Boskiej Gromnicznej straszne się tam rzeczy działy,
Do wsi Borów nad Wisłą wpadły niemieckie oddziały.
Zaczęli palić, mordować, nikogo tam nie szczydzili,
Podczas Mszy Świętej w kościele księdza wraz z ludźmi zabili.
Potem przyszli do wioski, wszystkie dziewczęta spędzili...

(*Świrko*, 428).

Аналогично повествуется в польской песне и о расстреле фашистами жителей Китова («Pacyfikacja Kitowa». — *Świrko*, 429).

К максимально точной передаче последовательности событий стремилась и автор словацкой песни «Od Skýcova cesta govúá», в которой рассказано, как немецкие фашисты сожгли село Скицов. С. Бурласова писала, что это песня типа хроники, изображающая реальные события. Пелась она на мелодию русской песни о Степане Разине (*Burlasová*, 217). В песне «Za slovenskýho povstania» подробно рассказано, как фашисты захватили словацких юношей, куда их отвезли, как они там жили, работали, что ели (*Burlasová*, 218) и т. д.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Крупнянская — Минц — *Крупнянская В. Ю., Минц С. И.* Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1953 (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. 19).

Родіна — *Стельмах* — Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну. Упорядкували М. Родіна, М. Стельмах. Київ, 1953.

Гутараў — *Кабашнікаў* — Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны. Складальнікі: І. В. Гутараў, М. Я. Грынблат, К. П. Кабашнікаў, І. Р. Сцяпунін, І. К. Цішчанка. Мінск, 1961.

Колесса — Фольклор Вітчизняної війни. Під редакцією академіка Ф. Колесса. Львів, 1945.

Batko — *Pieśni Batalionów Chłopskich*, opracował Walerian Batko. Warszawa, 1946.

- Burlasová* — *Burlasová Soňa*. Partizánské a odbojové piesne. Slovenské národné povstanie v ľudovej tvorbe. Bratislava, 1974, s. 149—224.
- Gáll* — *Bojom šumeli lesy*. Partizánské a bojové piesne zo Slovenského národného povstania. Zostavil Cyril Gáll. Bratislava, 1969.
- Swirko* — *Z pieśnią i karabinem*. Pieśni partyzanckie i okupacyjne z lat 1939—1945. Wybór materiałów z konkursu ZMW i «Nowej Wsi». Wyboru dokonał oraz wstępem i przypisami opatrzył Stanisław Swirko. Warszawa, 1971.
- Szewera* — *Szewera Tadeusz*. Niech wiatr ją poniesie. Antologia pieśni z lat 1939—1945. Wydawnictwo Łódzkie, 1975.

- ¹ Обширный список литературы, посвященный проблеме общего и особенного в народной поэзии, см. в статье: *Гацук В. М.* Проблемы изучения конкретно-национального и общего в фольклоре.— В кн.: Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке. Кишинев, 1971. Эта же статья с небольшими изменениями была напечатана в кн.: Проблемы на българския фолклор. Доклады и исследования. София, 1972, с. 73—80.
- ² *Гусев В. Е.* Партизанская народная поэзия у славян в годы второй мировой войны.— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации (София, сентябрь, 1963). М., 1963, с. 291—347; *Он же.* Типизация действительности в партизанском фольклоре. М. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август, 1964); *Burlasová S.* Ruská partizánska pieseň «Po dolinam i po vzhoriam» a jej slovenské verzie.— *Slovenský národopis*, 1974 (Bratislava), т. 22, N 4, с. 543—570; *Она же.* Partizánske a odbojové piesne.— In: *Slovenské národné povstanie v ľudovej tvorbe*. Bratislava, 1974, s. 149—224.
- ³ Интересное наблюдение над образованием песенного репертуара трудящихся советского тыла провел И. Париллов в Нарымском крае (см. его статью «Влияние Великой Отечественной войны на фольклор».— *Сибирские огни*, 1946, № 1).
- ⁴ Более подробно о влиянии талантливого певца на репертуар подразделения см.: *Пушкарев Л. Н.* Из воспоминаний фольклориста-фронтовика.— В кн.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.— Л., 1964, с. 325—344.
- ⁵ *Донецкие огни*. Ворошиловград, 1945, с. 117.
- ⁶ *Duraczyński E.* Stosunki w kierownictwie podziemia londyńskiego. 1939—1943. Warszawa, 1966, s. 5.
- ⁷ *Hirsz Zb. J.* (Предисловие).— In: *Chłopski znak*, [1969], s. 7—8.
- ⁸ Подробно о возникновении антифашистского Сопротивления, о различных партиях, участвовавших в нем, о Словацком народном восстании и широком развитии партизанского движения в Словакии см. в статье: *Solc Jaroslav*. Slovensko vo vojne a proti vojne.— In: *Slovenské národné povstanie v ľudovej tvorbe*, s. 17—84.
- ⁹ *Duraczyński E.* Stosunki w kierownictwie podziemia londyńskiego, s. 291.
- ¹⁰ *Гусев В. Е.* Поездка в Польшу.— СЭ, 1974, № 3, с. 152.
- ¹¹ *Michálek J.* Slovenské národné povstanie v ľudovom rozprávani.— In: *Slovenské národné povstanie v ľudovej tvorbe*, s. 148, N 100.
- ¹² *Burlasová S.* Partizánské a odbojové piesne..., s. 153.
- ¹³ *Burlasová S.* Ruská partizánska pieseň..., s. 545.
- ¹⁴ См.: *Гусев В. Е.* Поездка в Польшу.
- ¹⁵ *Szewera*, 48, 316, 348, 362, 386, 404, 414, 421, 453, 583, 616, 720. Песни на русские и украинские мелодии публиковались почти во всех сборниках польской народной поэзии военных лет. Кроме того, много их хранится в обследованных нами архивах Варшавы, Кракова, Люблина. Помнят эти песни и исполнители. Сравнительно недавно их записывали И. Бартминьский, В. Е. Гусев и автор данного доклада.
- ¹⁶ *Свобода Л.* От Бузулука до Праги. М., 1969, с. 167.
- ¹⁷ *Глидер М.* С киноаппаратом в тылу врага. М., 1947, с. 195.
- ¹⁸ См.: Боевые действия народного Войска Польского 1943—1944 гг. М., 1961; *Popławski S.* Towarzysze frontowych dróg. Warszawa, 1970.
- ¹⁹ Их тексты: *Szewera*, 61, 57; *Swirko*, 159.

- ²⁰ Ее текст. *Szewera*, 127.
- ²¹ Ее текст см.: *Szewera*, 682.
- ²² Ее текст см.: *Szewera*, 48; *Świrko*, 346.
- ²³ М. Задорожный процитировал отрывок этой песни. Полный ее текст см.: *Szewera*, 687.
- ²⁴ Письмо М. Задорожного хранится у автора данного доклада.
- ²⁵ Проблема взаимодействия песенного фольклора в годы второй мировой войны требует специального исследования.
- ²⁶ *Polska walcząca*, 1941, 25 stycznia, пр. 4. Цит. по: *Szczawiej J. Poezja Polski walczącej. 1939—1945.— Antologia*, t. 1. Warszawa, 1974, s. 161.
- ²⁷ *Гусев В. Е.* Поездка в Польшу, с. 152.
- ²⁸ *Pieśni zbrojne*. Warszawa, 1943 (чтобы ввести оккупантов в заблуждение, на обложке был указан 1938 г.), с. 5.
- ²⁹ Так в Польше называют период шведского нашествия.— *Б. К.*
- ³⁰ *Pieśni zbrojne*, с. 5.
- ³¹ Интересные наблюдения над творчеством трех польских самодеятельных поэтов сделала В. Помяновская. На конкретных примерах исследовательница показала, что самодеятельные поэты создавали свои произведения на основе народных и литературных традиций (*Pomianowska W. Ludowi poeci Kielecczyzny w czasie okupacji hitlerowskiej.— Literatura ludowa*, 1963 (Warszawa), N 1, s. 4—10).
- ³² *Pieśni oddziałów partyzanckich Zamojszczyzny*, 1944, s. 3.
- ³³ *Abramowicz M. Czemuż ty Hitlerze? — Odra*, 1969, (Wrocław), пр. 2, s. 67.
- ³⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 75.
- ³⁵ Кроме приведенных примеров см. также: *Гутарај — Кабашнікај*, 140, 155.
- ³⁶ См. также: *Крупнянская — Минц*, 55, 70; *Коллеса*, 26 и др.
- ³⁷ *Aleksandrowicz-Ulrich A.* (Предисловие).— *Chłopski znak*. Wyd-wo Lubelskie, [1969], s. 15.
- ³⁸ См. также: *Burlasová*, 182, N 1a; 183, N 1b; 189, N 8.
- ³⁹ См., например: *Burlasová*, 205, 206, № 34 и 35; 210, № 43; 211, № 45.
- ⁴⁰ См. также: *Świrko*, 74.
- ⁴¹ См. также песни воинских частей и соединений Советской Армии: «Вперед, дивизия», «Наша песня», «Песня 1-й гвардейской танковой бригады», «Песня пятидесятой армии», «Марш пятьдесят первой отдельной зенитно-артиллерийской дивизии», «Наша полковая», «Бей, семьсот десятый», «Симбуховцы», «Ой, как шли по снежным перекатам», «Песня тачинцев», «Гвардейский марш», «Походная песня воинов-гвардейцев», «Марш семьсот шестнадцатого полка» (*Крупнянская — Минц*, 29—35, 38, 42, 45—47, 49, 51—53); песни советских партизанских отрядов и бригад: «Отомстим фашистским гадам», «Призыв партии великой», «Мы помним дни суровых испытаний», «Шумят, гремят леса от чудной песни», «Когда на землю Белоруси» (*Гутарај — Кабашнікај*, 117, 122, 125—128) и др.; песни польских партизанских отрядов: «Му, partyzanci majora Hubali», «Hubalczycu», «Pieśń Odwetu», «Marsz Gwardii Ludowej», «Barabasze» (*Szewera*, 319—321, 325, 337—338, 358—359). См. также: «*Pieśni oddziałów partyzanckich Zamojszczyzny*».
- ⁴² Более подробно о воспитательном значении песни в Советской Армии см. в статье: *Кирдан Б. П.* Об общественно-воспитательном значении фронтовой поэзии (1941—1945).— В кн.: Вопросы народно-поэтического творчества. М., 1960, с. 146—170.
- ⁴³ *Burlasová S. Ruská partizánska pieseň...*, s. 543—570.
- ⁴⁴ *Pieśni oddziałów partyzanckich Zamojszczyzny*, s. 3—4.
- ⁴⁵ См., например: «Ведет в атаку смело и отважно» (о майоре Акулове), «Песня о Доваторе», «Песня о Садыкове», «Песня о Черняковском», «Песня о снайпере Александре Мозовце», «Он был рожден для светлой жизни» (о лейтенанте В. Тонияне), «Песня о Матросове», «Песня о Суркове» (*Крупнянская — Минц*, 44, 57, 59, 61, 62, 66, 68, 70).
- ⁴⁶ См., например, песни в сборниках «*Pieśni oddziałów partyzanckich Zamojszczyzny*», «*Niech wiatr ją poniesie*» и др.
- ⁴⁷ Один из примеров воспитательного воздействия подобных песен на фронте см. в статье: *Гендлер Г.* Воспитание молодых воинов на боевых традициях части.— *Комсомольская правда*, 1943, 8 июня.

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ПОЭЗИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В НАЧАЛЕ XX В.

Общий процесс, происходивший с развитием капитализма в календарной и семейной обрядности,— это постепенное сокращение обрядовых действий, выпадение одних элементов, трансформация и переосмысление других, а в конечном результате исчезновение обрядов из быта, забвение их. Но процесс этот был длительным, он протекал неравномерно, различными были и судьбы обрядов разных типов.

Начало процесса ослабления, а затем распада аграрной календарной обрядности в русской деревне наблюдалось уже в первой половине XIX в. Так, авторы первых (и единственных) сводных работ о восточнославянских праздниках И. М. Снегирев и А. В. Терещенко¹ о некоторых обрядах говорили как об исчезнувших или исчезающих. Но таких случаев было еще немного, в основном Снегирев и Терещенко описывали обряды, широко бытовавшие в то время у русских, украинцев и белорусов. Исчезновение же отдельных обрядов, перенос их на другие дни и пр. не всегда были связаны с начинавшимися изменениями хозяйственного и бытового уклада крестьянства, а объяснялись рядом других причин, в частности воздействием православной церкви.

Однако в середине XIX в. собиратели этнографического материала отмечали и начавшийся процесс отмирания отдельных обрядов и обычаев, замену обрядовых песен лирическими. Наблюдалось это главным образом там, где сильнее сказывалось влияние крупных городов и промышленных центров. Так, Доброхотов в 1851 г. писал, что масленица во Владимире проводится очень однообразно, ее отличают только неумеренная еда и катанье на лошадях: «Не так было лет за 30 и даже за 15. Бывало с четверга является масленица во всем своем веселом, комическом виде. Здесь речь идет об олицетворенной масленице. Ее устраивали владимирские удалые ямщики»².

Корреспондент Русского географического общества, представивший в 1850 г. материал «О быте крестьян Московской губернии», отмечал, что некоторые обряды и обычаи уже исчезают. Так, сказав, что качели на пасху в Московской губ. делают повсюду, он отмечает: «хотя в некоторых местах, например в Дмитровском уезде, они уже почти выводятся». Описав празднование семика, он замечает: «Впрочем, празднование семика ут-

рачивается в Московской губернии... В уездах Ружском, Серпуховском празднования семика не бывает вовсе».

Утратили когда-то присущее им обрядовое значение и хороводные песни: «Выбор хоровода и хороводных песен зависит от воли хороводниц по большей части без всякого отношения ко времени»³.

Такого же характера наблюдения П. Сумарокова в Каширском у. Московской губ. О «сороках» (9 марта 40 мучеников, когда пекли печенье в виде птичек — «жаворонки») он говорил, как о детском празднике⁴. Он же утверждал, что масленица празднуется без всяких шутовских обрядов, только катаются с гор и крестьяне с женами ездят в торговые села на гулянья⁵ (в другой статье он указывал, что в немногих больших селах «провожают масленицу с шутовским обрядом»).

В середине XIX в. таких наблюдений было немного. Относились к обрядам достаточно серьезно. Это показывает огромный этнографический материал, собранный этнографическим бюро кн. В. Тенишева в 1898—1899 гг. по всем русским губерниям в ответ на разосланные анкеты. Однако сравнение этого материала с материалами корреспондентов РГО начала 50-х годов показывает, что обряды значительно деформировались и разрушались. О многих обрядах в корреспонденциях Тенишевского бюро не говорится или же описываются их остатки, иногда авторы упоминают тот или другой обычай, раньше в этой местности бытовавший, но уже исчезнувший, или же отмечают, что исполняют его только старые люди. Так, Е. Ивановец из с. Георгиевское (Белозерский у. Новгородской губ.), говоря об обычае в прощенное воскресенье просить друг у друга прощение, замечал: «обычай этот в настоящее время соблюдается только стариками и старухами»⁶. Так же писал А. А. Промтов из с. Лемина Поляна (Краснослободский у. Пензенской губ.) об обычае ходить в прощенное воскресенье на кладбище: «Такой обычай исполняют только старухи лет пятидесяти и далее»⁷.

Явственно обозначившийся к концу XIX в. процесс разрушения и забвения календарных обрядов в начале XX в. продолжался с большей интенсивностью. Теперь уже многие этнографы и фольклористы, собиравшие полевой материал, сетуют, что традиционные обряды и поэзия исчезают, что молодежь не исполняет их, боясь прослыть отсталой. Так, например, И. В. Костоловский, систематически собиравший в начале века этнографический материал в Рыбинском и других уездах Ярославской губ., сам местный уроженец, писал, что в Угличе в роже около города на вознесение бывает гулянье «русавы» [русалии], на которые приходят и крестьяне окрестных селений. В 60-х годах XIX в. на гулянье водили хороводы и «песни приходилось слышать с припевами: «Ой, дид, ладо, вытопчем, вытопчем». В настоящее время все это изме-

нилось: хороводы заменились городскими «кадрилями» да «лянце». Народные песни сменились фабричной гармонией и турецким барабаном, да и самые гулянья начали терять дух веселости»⁸. Это довольно типичное высказывание для тех лет. Многие этнографы отмечали, что тот или другой обряд на обследованной ими территории исчез или исчезает.

«Празднование семика с каждым годом все мельчает и скоро исчезнет»⁹, — констатировал Г. К. Завойко на основе наблюдений во Владимирской и Новгородской губерниях. И даже в глухих углах, каким было, например, в старой России Пошехонье, к некоторым обрядам перестали относиться серьезно. «Обычай сжигания масленицы за последнее время потерял свое значение и стал забавой ребятишек. Мужики и бабы жалеют даже дрова для масленицы, но не жалеют старых плетней и веников»¹⁰. К. А. Поляков в 1928 г. сообщал, что в Копнянском у. Владимирской губ. на масленицу лет 30 тому назад на улицах жгли костры. В 10-х годах костры жгли только дети¹¹.

Именно к первым десятилетиям XX в. этнографы, наблюдавшие народную жизнь, и сами информаторы относят исчезновение многих обрядов. Сказалась на их состоянии и первая мировая война.

Особенно большое влияние оказала на состояние обрядов Октябрьская социалистическая революция. Обряды, связанные с прежними религиозными представлениями, стали уходить в прошлое. Так, отмечалось, например, что исчез обычай «окликать молодых» (т. е. величать поздравлять) в конце пасхальной недели¹².

Коллективизация, изменившая коренным образом хозяйство и быт советской деревни, нанесла последний удар традиционной сельскохозяйственной обрядности. Если в условиях мелко-собственнического уклада древнейшие аграрно-магические обряды в трансформированном виде могли еще исполняться, то в коллективном социалистическом сельском хозяйстве они стали явным анахронизмом. Поэтому теперь нередко приходится слышать, что обряды перестали исполнять, когда вступили в колхоз. «Как колхоз начался — кончили»¹³, — сказали про «проводы русалки» в с. Большая Верейка (Землянский р-н Воронежской обл.). Тогда же перестали по окончании жатвы оставлять несжатый пучок колосьев «Илье на бороду»: «После коллективизации так уже не делали»¹⁴.

Сейчас пожилые колхозницы, вспоминая о том или другом обряде, нередко замечают, что так делала бабушка или мать, но теперь этого нет. «„Бороду“ моя бабушка делала. На поле оставит уголок недожатый и, как косу, заплетает. Я у бабушки на поле видала, когда маленькая была. А мама уже этого не делала»¹⁵, — рассказывала М. И. Шаньгина из д. Шубинская (Ленский р-н Архангельской обл.). В 1973 г., когда сделана

запись, ей было 69 лет, следовательно, данный обряд в Архангельской обл. стал забываться перед революцией. Но не все сразу и не повсюду перестали делать «бороду». В. А. Ярыгина (61 год) из д. Ярыгино того же района говорила: «Мама у нас делала так, я помню»¹⁶. Некоторые же информаторы говорили, что отдельные наиболее старые женщины еще заплетают «бороду», но это были уже исключения. «Старушки это делают, шепчут что-то. Я слов этих не знаю»¹⁷,— говорила А. К. Шаньгина (65 лет) из д. Лена.

Объяснить, для чего это делали, могли не все. Наряду с ответами, что это для урожая («Чтоб на другой год лучше народилось. Чтоб не пустовало поле»¹⁸, «Примета,— чтоб другого года урожай был»¹⁹, «Наверное, к тому, чтоб урожай хороший был»²⁰ и т. п.), встречались и такие: «А кто знает, так — присловье», «Старина заведена у старух, говорят: „Илье на бороду“»²¹ и т. п. А одна девушка заявила: «Вероятно, у них суеверие»²².

Но если «бороду» завивать перестали и смысл обряда почти забыли, то само название «борода» («присловье такое», поговорка) в некоторых районах Архангельской обл. стойко сохраняется и обозначает уже окончание жатвы, пирушку по этому случаю: «Так и говорят: „Борода вам, женки, сегодня“... А колосья уже на завивали в колхозе. Когда маленько завьешь свое-то»²³. А в Пинежском р-не экспедиции МГУ констатировали как бы новую жизнь «бороды» — в знак окончания жатвы в ряде селений поют старинную жатвенную песню о бороде, величавшую раньше хозяина, у которого жали, а теперь председателя колхоза, бригадира: «Бригадиру, председателю, счетоводу припевают»²⁴, «До сих пор на смех поют»²⁵. После этого следует угощение. Все это называют: «справлять бороду», «сегодня у нас борода».

Примеры с «бородой» показывают, каким длительным и сложным был процесс отмирания обрядов и как различно иногда протекал он в разных районах одной области. «Завивание бороды» в Архангельской обл. начало исчезать уже в первое десятилетие XX в., но рудименты его дожили до наших дней, а название обряда и некоторые его элементы приобрели в ряде селений (особенно в Пинежском р-не) новое качество.

Можно привести еще несколько примеров, которые показывают как трансформировались и переосмыслились календарные обряды на последнем этапе их существования. Так, в южных русских губерниях к петрову дню был приурочен обычай «караулить солнце». Существовало поверье, что солнце в этот день при восходе «играет», переливается всеми цветами радуги, подпрыгивает (у украинцев это поверье было связано с Иваном Купалой, русские же его везде, кроме южных губерний, относили к пасхе). Первое описание этого обычая в Тульской губ. дал в начале XIX в. В. Броневский: «С большой торжествен-

ностью крестьяне и крестьянки, в лучших праздничных нарядах, в ночь на петров день, за час до света идут на высоту холма и там с немой, но с красноречивым восхищением ожидают величественного зрелища восходящего солнца, что они называют „караулить солнце“... Как только покажутся первые лучи, запевало начинает: и все подхватывают песню с припевом: „Ой, Ладю! Ой, Ладю!“»²⁶ Из этого описания, если даже сделать скидку на его приподнятый стиль, можно видеть, что встреча солнца была торжественным ритуалом, исполнявшимся всеми крестьянами.

По-иному выглядит рассказ об этом обряде тульской крестьянки из с. Кочетки, записанный С. Сухотиным в 1912 г.: «Идем со звонками, гармониями, бубнами; у кого заслонка звонкая, так заслонку возьмет. А несколько кос беспрерывно брали, по косе палкой били... А сами разрядимся, как на святках, обещаемся колокольчиками, бубенцами. И идем. Крик, шум, пляска, пенье — во как весело было! И на всю ночь... А как вернемся — за большой лес солнце ждать»²⁷. Это уже не чинная праздничная церемония, а веселое ночное гуляние молодежи. При этом старались как можно больше шуметь, что первоначально имело тоже обрядовое значение — должно было отпугивать всякую нечисть, а теперь уже воспринималось только как развлечение.

Особенно привился у молодежи обычай тащить все, что удастся: бороны, сани, бревна и т. п.; все это относили куда-нибудь подальше, чтобы хозяева дольше не могли найти свои вещи (основой послужил, по-видимому, обычай, когда материал для ритуального костра, зажигаемого ночью, нужно было собирать обязательно тайно, красть его). Когда Е. Р. Лепер, наблюдавшая в 1927 г. празднование петрова дня в д. Косари (Новосильковский у.), спросила, что значит «караулить солнце», ей ответили: «солнце караулить накануне петрова дня — бочки таскать, матышки красть»²⁸, об игре же солнца уже не помнили. И еще в 1971 г. студенты, проходившие фольклорную практику в Калужской обл., наблюдали как под петров день молодежь тащила все что можно, делала завалы на дорогах, у дверей домов, чтобы нельзя было выйти. Так озорничали парни, ничего не знающие о старинном обычае «караулить солнце»²⁹.

В XIX в. у русских семицко-троицких обряд завивания березки почти повсеместно (там, где он бытовал) сопровождался кумлением: на сплетенные ветви березок вешали крестик, девушки целовались через венок, менялись какими-либо вещами (кольцами, платками и т. п.); после этого они считались «кумами» и относились друг к другу как родственницы, сестры. «К обряду кумовства яковлевские крестьянки относятся очень серьезно: раз покумившиеся всю жизнь называют одна другую кумою»³⁰, — писал в 1899 г. В. Преображенский из с. Яков-

лево Орловской губ. В южных русских районах кумление нередко соединялось с «крещением кукушки»³¹, делали «кукушку» — подобие птички, куколку, просто брали пучок травы (чаще «кукушкины слезки») или веточку, клали на нее крестик и около нее кумились, а затем ее «хоронили». По имеющимся сведениям, крещение кукушки, как и кумление, еще в начале XX в. рассматривали как важное обрядовое действие, руководила им часто пожилая опытная женщина, обучавшая девушек.

Но обряд этот стал постепенно исчезать. Е. Н. Елеонская наблюдала в 1910 г., как справляли «крещение и похороны» в имении Липки (Новосильковский у. Тульской губ.). Сохранилось лишь название, никаких действий не было, молодежь гуляла, пела частушки, которые иногда тут же сочинялись, плясала³². С. Сухотин в 1912 г. в том же Новосильковском у. в д. Кочеты наблюдал, как девушки делали «кукушку»; это было подобие шалашика: в лесу втыкали крест-накрест две ветки черемухи, вешали посредине крестик, украшали лентами, тряпочками, травой. Около такой «кукушки» кумились, жарили и ели яичницу, а потом ходили сюда в праздники, если парни не сломают шалашик. Здесь сохранялся троицкий обряд кумления и поедания яичницы, но собственно «кукушки» не было³³. В некоторых же уездах Калужской губ. в 1911 г., как констатировала Е. Н. Елеонская, «обряд еще справляется, но приближается к игре. Она наблюдала, как в д. Шамордино делали и крестили кукушку, а потом зарывали ее; при этом пели песни, не имеющие никакого отношения к обряду (вроде «Соловей с кукушечкой все сговаривался»)»³⁴.

Как можно видеть, распадение обряда шло даже в одном уезде с разной интенсивностью, по-разному он модифицировался. Но суть процесса была общая — смысл обряда выхолащивался и он превращался в пустую формальность или игру и, наконец, исчезал, а название иногда сохранялось. Во что в конечном счете могло превратиться кумление, показывают материалы, собранные студентами МГУ во время фольклорной практики в 1965 г. в д. Андронове (Клепиковский р-н Рязанской обл.). Колхозники говорили, что на троицу почти вся деревня уходит в лес, с собой берут всякую еду. «Женщины говорят друг другу: „Давай с тобой дружить!“ Переплетают руки и пьют»³⁵. Этот «брудершафт» лишь смутно напоминает о существовавшем на троицу обряде.

Интересно отметить, что и обычаи, возникшие под явным церковным влиянием, превращались иногда в шутку. Вот как, например, рассказывала одна женщина из д. Першлахта (Прионежский р-н Архангельской обл.) об обычае вечером накануне «великого» поста («прощеное воскресенье») просить друг у друга прощения: «Вечером войдут на горку, каждому мужику за шею ухватишься: „Прости меня, грешну!“ Это все смехом...»³⁶.

То же происходило с традиционными обрядами и у украинцев. Так, М. А. Максимович, собиравший этнографический материал в середине XIX в., писал, что «на Украине, например, у нас на Побережье, уже вывелись почти все троицкие обычаи»³⁷. Он же отмечал, что раньше в первый понедельник петровского поста, называвшийся «розыграми», хоронили куклу — «Кострубоньку»: «В нынешнее время этот обычай забыт»³⁸. Самый яркий народный украинский праздник Купала («Купайла») утрачивал обрядовое значение, сохранялся как развлечение молодежи и постепенно забывался. «Замечаемое местами ослабление купальских обрядов» констатировал еще Н. Ф. Сумцов³⁹. «Теперь обрядность, сопровождающая Ивана Купайла, находится на той степени забвения, когда она целиком почти сохраняется детьми»⁴⁰; — делал заключение Х. Я. Ящуржинский на основе материалов из Уманского у. Киевской губ. То же наблюдалось и в с. Корытном Подольской губ., где Купалу справляли только девочки и подростки не старше 14—15 лет. Автор заметки пишет, что лет пять тому назад на Купайлу собрались и взрослые девушки, теперь же они считают это неудобным⁴¹. «Обычай этот как-то сам по себе вывелся... Некоторые из молодежи и названия Ивана Купала не знают, и о купальских песнях никакого понятия не имеют»⁴²; — отмечала С. А. Чернявская, собиравшая в конце XIX в. этнографический материал около Херсона. В Волинском Полесье в начале XX в. скакание через огонь «сохранялось только в небогатых селах и глухих местах». В с. Медвежьем в 1913 г. пожилые крестьяне говорили, что «не роблять цього, бо сміються з цього», но «це за нашої пам'яті робили»⁴³.

Забывались и купальские песни. Еще Н. Ф. Сумцов считал, что эти песни заключают в себе мало архаических элементов⁴⁴. «Обрядность, которая совершается на празднике Купайла, еще до некоторой степени сохраняет мифическую окраску, зато песни, по крайней мере те, которые поются теперь, решительно не истолковывают обрядность, как это бывает в других случаях... В настоящее время, рядом с купальскими поются и другие, даже заносные солдатские песни»⁴⁵; — писал Х. Ящуржинский. То же наблюдал и В. Каун в Волинской губ.: «Ходят по улицам и распевают песни, которые по содержанию мало имеют отношения к празднику»⁴⁶. Сохранились некоторые купальские песни, связанные с отдельными моментами обряда (когда устанавливали на месте гулянья обрядовое дерево-Марену, когда бросали его в воду), но в основном пели песни необрядовые: любовные, семейные, сатирические, шуточные; девушки сочиняли коротенькие песенки типа частушек, в них высмеивали парубков, которые отвечали им тем же.

От некоторых обычаев и обрядов оставалось только название. Как характерную особенность украинской пасхальной об-

рядности исследователи XIX в. отмечали «навський великдень» (пасха мертвых), который справлялся в четверг. В начале XX в. этот обычай почти всюду был забыт. Так, В. Каун писал, что в Острожском и Каменецком уездах Волынской губ. осталось только название. «Объяснить же, что такое «навський великдень» не могут, а празднуют только потому, что наши отцы праздновали и если работать в этот день, то вырастет „навська кістка“, но что это за косточка — не знают»⁴⁷.

Большая сохранность обрядов к концу XIX в. отмечалась у белорусов, которые в большинстве относились еще к ним со всей серьезностью и старались выполнять все, что требовалось. По сравнению с русской и украинской белорусская календарная обрядность отличалась архаичностью. Так, если в украинской купальской обрядности стали превалировать игровые моменты, то у белорусов в ней очень большое место занимали всевозможные обереги от ведьм; сохранялись (правда, уже как исключение) такие архаические детали, как приход старухи к костру за огнем, конский череп, повешенный на дерево над костром и пр. Архаические элементы сохранялись в праздновании коляды (рождества), при обходе скота перед первым выгоном в поле и в других обрядах. «Закликание» весны у русских к началу XX в. почти повсеместно стало детской забавой, а у украинцев — весенними гуляньями молодежи, на которых пели как веснянки, так и другие песни и играли в разные игры. У белорусов «закликание» весны и пение веснянок сохранялись как серьезный обряд, обязательно исполнявшийся.

Но и у белорусов календарная обрядность начала разрушаться, хотя процесс этот здесь шел медленнее. П. В. Шейн, например, отмечал в 1877 г., что живные обряды еще живут повсеместно, хотя и исполняются не так строго, как лет 20—30 тому назад⁴⁸. В отдельных местах обряды начинали забываться. Так, корреспондент РГО Гр. Клоднинский из Лепельского у. Витебской губ. еще в 1850 г. сообщал: «В моем околотке давно не разводят ночью огней и не поют купальских песен»⁴⁹. По его сведениям, Купалу в последний раз здесь справляли лет пять назад. В пореформенный же период процесс распада обрядов естественно пошел быстрее. Так, И. Берман, давший в 1873 г. этнографическое описание Ошмянского у. Виленской губ., писал, что, бывало, на Купалу раскладывали костры и пели песни, «теперь, с распространением грамотности и освобождением от крепостной зависимости, обычай беснования в ночь Купалы отчасти выводится, потому что скупер стали на дрова и не из чего раскладывать костры»⁵⁰.

К концу XIX в. обряды еще более утрачивают прежнее значение и превращаются в игру или угасают. А. Е. Грузинский, наблюдавший как в д. Переделка (Речицкий у. Минской губ.) на Купалу прыгали через костер, писал: «Весь обряд

производил впечатление игры, забавы, которая не всех даже оживляла». Оживление внесло «нововведение» — парни водружали на верхушку огромного шеста крест-накрест два снопа, зажигали их, а потом старались уронить этот шест на толпу девушек — «раздавался отчаянный визг» (по мнению А. Грузинского, эту «забаву» принесли хлопцы с помещичьего фольварка, по утверждению крестьян «прежде этого не было») ⁵¹. В том же 1891 г. П. Бывалькевич, описавший празднование Купалы в д. Углы (Слуцкий у. Минской губ.), отмечал: «Указанная деревня Углы представляет собой единственное место в Слуцком уезде и соседних, где еще сохранился старинный обычай празднования Купалы» ⁵².

Эти порой достаточно категоричные утверждения отнюдь не означают, что календарная обрядность у белорусов к концу XIX в. находилась на последней стадии своего существования. Таких наблюдений немного, они относятся к отдельным местностям и лишь констатируют начавшийся процесс. Наблюдения других этнографов и прежде всего колоссальный материал, собранный Е. Р. Романовым и опубликованный в девяти выпусках его «Белорусского сборника» (1886—1912), показывают, что в большинстве мест Белоруссии обряды сохранялись еще достаточно хорошо.

Некоторые обряды, особенно в отсталых ранее районах (например, у полещуков), сохранялись и после революции, отдельные элементы их встречаются иногда и сейчас. Так, экспедиция Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР в 1968 г. наблюдала празднование троицы в д. Палуж (Краснопольский р-н Могилевской обл.). На лугу после обеда собралось до 40 женщин, под аккомпанемент гармониста и скрипача они пели разные песни (от «Венков» до песен советских композиторов), плясали «Лявониху», «Семеновну», «Страдание», а потом с пением разных припевок пошли в рощу, наломали березовых веток и сделали из них венки, которые побросали в речку. После этого опять пели и плясали ⁵³. Участвовали в этом преимущественно пожилые женщины, и все выглядело, как обычное гуляние; только венки из березы напоминали о прежнем обрядовом действе. Женщины исполняли этот обычай как воспоминание о своей молодости, не вкладывая в него никакого значения (показательно, что пляски «Семеновна», «Страдание» также характерны для 20—30-годов). Такой же вид имел и характерный раньше для белорусского Полесья троицкий обряд «Куст», зафиксированный фольклорными экспедициями Белорусского государственного университета в д. Парачча, Лышча и Чамарин Пинского р-на ⁵⁴. С «Кустом» ходили только 5—6 женщин, в основном старше 50 лет. В других близлежащих деревнях обряд «Куст» исчез, как и многие другие обряды. Например, масленица уже в начале столетия справлялась не везде, а теперь, как говорят люди,

масленица на Брестщине за праздник не считается и никак не отмечается, блинов не пекут⁵⁵.

О том, что у белорусов распадение календарной обрядности (по крайней мере в ряде местностей) протекало по сравнению с русскими и украинцами более медленно, свидетельствует хотя бы следующее наблюдение. З. Я. Можейко, детально обследовавшая песенный репертуар с. Тонеж, о весенних обрядах («закливание весны») сделала такое заключение: «Новая жизнь традиционных весенних обрядов и песен нагляднее всего видна в Тонеже в обычае встречать весну. В самом начале весны, как только начинает таять снег, дети идут „на які-небудзь узгорак“ и начинают „клікаць вясну“, „чырковаць“, т. е. петь веснянку: „Ой чырачка-пташечка, не залятай далечко“. Они украшают игрушками и цветами небольшую елочку, с которой заходят во дворы родственников и знакомых и поют „Чырачку“, а также новые современные песни»⁵⁶. Здесь за новую жизнь традиционных обрядов выдается одна из общих закономерностей — переход некоторых обрядов к детям, когда их уже перестали выполнять взрослые (подробнее об этом будет сказано дальше). В частности, детским обрядом стало и закливание весны с «жаворонками», но у русских это произошло в конце XIX — начале XX в. Вообще же З. Я. Можейко констатирует, что из всех обрядовых циклов песен «вясна» в Тонеже наименее строго связана с обрядностью. Сохранилась только «Чырачка». «Остальные весенние песни по существу лирические, „втянутые“ в весенний цикл через побочные ассоциации...»⁵⁷

Судьбы обрядов на последнем этапе их существования в значительной мере зависели и от их типа. В круг календарных обрядов входили различные действия магического характера, исполнявшиеся в определенные дни; функция их была — охранять от всякой нечисти, обеспечить плодородие и здоровье. Большая часть подобных действий проводилась обычно отдельно в каждой семье (чаще хозяином или хозяйкой) в своем доме и на своем поле. Такие обряды могли сохраняться, пока в них верили, с утратой веры они становились ненужными. Но как пережиток они могли сохраняться довольно долго (иногда до наших дней). Исполняли их, как правило, пожилые люди, старики, которые еще сохраняли в какой-то степени веру в них или же на всякий случай, по традиции, потому что раньше так делали, причем нередко уже не знали, для чего это. Так, в конце XIX в. около Херсона некоторые, кончая жать, еще оставляли «спасову бороду», но на вопрос: «Зачем это? — отвечали: „А хто яго знае, так робыли наши диды и батьки“»⁵⁸. Сохранению некоторых обычаев иногда способствовали местные особенности. Так, в Архангельской области, как показывают материалы фольклорных экспедиций МГУ, довольно стойко сохранялись некоторые обряды, связанные со скотом. «Здесь без

отпуска [заговора] пасти нельзя, кругом леса»⁵⁹, — говорил один пастух.

Прежде чем окончательно исчезнуть из быта, некоторые из обрядов этого типа получали новое толкование и изменяли свою функцию. Так, последнему снопу, который торжественно вносили в дом, для обеспечения урожая в будущем году (зерна из него весной всыпали в семена или скармливали скоту) стали в некоторых местах⁶⁰ приписывать свойство выгонять из дома мух. Катание на масленицу с ледяных гор на донцах от прялок, которое по древним воззрениям должно было способствовать урожаю льна, девушки из д. Каменка (Козельский р-н Калужской обл.) стали рассматривать как гадание: «На масленицу катались на донцах (это от прялок). Сиделись человек пять и вместе отталкивались. Кто дальше уедет, тот дальше замуж выйдет»⁶¹. Как гадание был осмыслен и обычай подбрасывать ложки вверх, когда на вознесение или троицу ели в поле яичницу: «Если под березкой, подбрасывали ложки в сторону. В какую сторону полетит — в той жених»⁶² (раньше ложки старались подбросить повыше, чтобы рожь выросла такая же высокая). Для гадания стали использоваться и некоторые предметы, изготовлявшиеся первоначально с магической целью. Так, в средокрестье (середина великого поста) русские, украинцы и белорусы раньше пекли особое печенье — «кресты», которые сохраняли до весны и брали с собой, когда первый раз выезжали сеять. Но уже почти везде к концу XIX в. стали печь «кресты» и для каждого члена семьи, в них запекали деньги, лук, лучину и т. п. и смотрели, кому что достанется, что кого ожидает. Переосмысление магических действий в гадания встречалось нередко, это был общий процесс.

Иногда обряд сохранялся потому, что воспринимался как забава, праздничное увеселение и т. п. Так, Н. Я. Сулинова (Елатомский р-н Рязанской обл.) рассказывала, что она, когда была девушкой, окончив жатву каталась по ниве: «А сами, девки-то, по полю катаемся, радостно было, что скоренько управились»⁶³. А в Тулуновской волости (Нижнеудинский у. Иркутской губ.) дали такое объяснение обычаю в егорьев день втыкать в хлеву или в ворота ветку вербы: «На воротах для веселья скота в ихний праздник втыкают вербу»⁶⁴.

Более стойкими и жизнеспособными оказались приуроченные к большим праздникам обряды, которые исполнялись коллективно, всей деревней или отдельной половозрастной группой. Эти обряды постепенно сложились в комплексы, состоявшие из элементов, разнородных по характеру и времени возникновения; включали они в себя также большое количество песен, хороводов, плясок. В процессе развития наиболее архаические элементы из них выпадали или видоизменялись, порой почти до неузнаваемости; обряд пополнялся новыми элементами, уже необрядовыми по своей сущности. Забывались

и песни, непосредственно связанные с обрядом; пели любые песни, популярные в то время, сочиняли и новые песни и частушки, чаще шуточные. В результате обряд почти полностью утрачивал свою прежнюю аграрно-магическую функцию и воспринимался как праздничное развлечение, веселое гулянье.

В этом качестве некоторые традиционные элементы обрядов сохранялись длительное время, они придавали празднику особый колорит, служили как бы знаком, отличающим его от других праздников. Такой характер обряды этого типа приобретали еще в XIX в.

Примером подобной трансформации обрядов данного типа может служить русская масленица. Основой ее, как и западноевропейского карнавала, был древнейший весенний аграрный праздник, знаменовавший наступление тепла. Важнейшим компонентом его были проводы-похороны антропоморфного изображения, олицетворявшего мертвящее, враждебное человеку и природе начало — зиму, мрак, смерть. Это изображение уничтожали — рвали на части, бросали в воду или сжигали. К концу XIX в. обрядовое чучело на масленицу встречалось редко — преимущественно в южных губерниях, в Псковской, в глухих местах Сибири (у украинцев и белорусов оно вообще не сохранилось). Смысл его был позабыт и кукла воспринималась как изображение праздника — «Сударыня масленица». Ей уже не старались придать первоначально устрашающий и отталкивающий облик, а делали иногда даже красивой, одевали в нарядное платье и пр. А главное — на все это смотрели только как на забаву. И масленицу не прогоняли, а просили погостить подольше, сетовали, что так скоро кончилось праздничное веселье и наступает пост.

Однако везде сохранялись выражения: проводить масленицу и жечь масленицу. В последний день масленицы вечером обязательно разжигали костры и, когда костер догорал, говорили, что «масленица сгорела». Это был сигнал к окончанию масленичного веселья. В таком виде дошли до XX в. слившиеся воедино два важнейших компонента древнейшего весеннего обрядового действия: уничтожение изображения зимы (осталась только словесная формула) и ритуальные огни, цель которых была помочь солнцу. Аграрно-магический смысл празднества был прочно забыт, на первый план выдвигались чисто увеселительные моменты: катание на лошадях и с гор, угощение блинами. Эти элементы стали общерусскими, областные различия в проведении масленицы стирались. Но это не вело к утрате специфики празднества, масленица имела свои опознавательные знаки (прежде всего «блины масленные»). Игровой по преимуществу характер приобрели в начале XX в. и другие праздничные действия: святки, семик-троица и пр. Они превратились в обычные гулянья молодежи, но сохраняли и какие-то особенности каждого праздника (березка на троицу и т. п.).

У украинцев любимыми развлечениями стали колядование под Новый год, встреча весны и Купала. В каком виде купальская обрядность сохранялась у украинцев в конце XIX — начале XX в., уже говорилось. Обрядовое же «закливание» весны с пением веснянок, функции которых были первоначально аграрно-магические, стало веселым гуляньем молодежи в полях и рощах, при этом играли в разные игры и пели песни, среди которых собственно веснянки составляли очень незначительный процент и все больше забывались. То же, только несколько позже, происходило и у белорусов.

Необходимо отметить, что некоторые обряды, переставшие уже выполняться взрослыми, переходили к детям и продолжали более или менее длительное время бытовать в качестве детской игры. Это была не случайность, а общая закономерность, которая проявлялась повсеместно у русских, украинцев и белорусов, что особенно часто стали отмечать в начале XX в. Выше уже были приведены этнографические наблюдения, свидетельствующие о том, что тот или другой обряд исчезает и исполняется только детьми. Можно привести и другие аналогичные примеры. «В сельце Левине (Меленковский у. Владимирской губ.) масленица сохранилась как забава подростков. Они делают соломенное чучело и возят его, неистово крича: „Кургузу Масленицу везем!“»⁶⁵ Так же и в Заднесельской волости (Кадниковский у. Вологодской губ.) «Масленицу сжигали (жгли костры) чаще дети, которые прыгали вокруг костра и кричали: «Наша масленица, гори вплоть до петрова дни»⁶⁶. О семицко-троицких обрядах во Владимирской губ. М. И. Смирнов писал: «Со времени войны [первой мировой], а в некоторых местах и раньше семиковые обряды взрослыми девицами перестали исполняться, а большей частью перешли в разряд игр девочек школьного возраста»⁶⁷. Такого рода наблюдений немало. То же было и у украинцев (выше приведены аналогичные высказывания).

Некоторые обряды были сохранены только или преимущественно детьми. Так, у русских к началу XX в. «закливание» весны и пение веснянок взрослыми почти нигде не сохранились, но везде 9 марта дети бегали с испеченными жаворонками и просили их принести скорее весну. По форме эти приговоры и песенки — типичные заклинания. Ребятишки очень легко усваивали эти короткие заговорные формулы благодаря их простоте и близости по форме к детским потешкам и припевкам. И не случайно у русских только дети сохранили некоторые заклинания на дождь, вёдро и другие: «Дождь, дождь на бабину рожь...», «Дождик, дождик, перестань...», «Солнышко, ведрышко, выгляни в окошечко...» и т. п. Дети же стали обходить дворы с праздничными поздравлениями и благопожеланиями, когда взрослые перестали это делать; в ряде мест к детям перешло и колядование, а на Новый год с ними ходили по

избам, разбрасывали зерна разных злаков и пели: «Сею, сею, посеваю, с Новым годом поздравляю!»

К бытовавшему в нескольких центральных русских губерниях обычаю поздравлять на пасхе молодоженов («вьюнец» или «вьюношник») во многих местах еще в начале XX в. сохранялось серьезное отношение, исполняли его женатые мужчины (в том числе старики) и замужние женщины. Но обряд начали дублировать и дети. Так, по данным И. В. Костоловского, в Николокормской волости (Рыбинский у. Ярославской губ.) в субботу на пасху рано утром поздравлять молодоженов шли соседи — мужчины, а когда они, получив угощение, уходили, являлись ребятишки и повторяли все снова: стучали палкой о крыльцо и призывали «вьюнца» и «вьюницу» выйти на крыльцо с угощением⁶⁸. А в Ростове Ярославском уже в конце XIX в. с «вьюношными» песнями ходили только дети. Забавой ребятишек становился постепенно этот обычай и в Костромской обл. С поздравлениями дети ходили очень охотно, так как им за это давали пряники, баранки, конфеты и т. п. С азартом они хлестали друг друга в вербное воскресенье веточками вербы, приговаривая: «Верба хлес, бей до слез!» Но ребята воспринимали не все обряды, а только содержавшие элементы игровые или могущие стать таковыми.

Сохранение отдельных обычаев может вызываться и психологической потребностью. Таков обычай посещать в общий для всех день (на пасху или троицу) кладбище, где похоронены умершие родные. Генетически этот обычай можно связать с древними тризнами, совершавшимися на могилах весной, на радуницу. По сути же это принципиально различные явления. Подавляющее большинство приходящих сейчас в эти дни на кладбище свободны от каких бы то ни было религиозных предрассудков, но у них есть естественная потребность вспомнить об умерших близких людях, когда это делают все.

Проследить конкретно судьбы всех календарных обрядов в конце XIX — начале XX в., все многообразие переживаемых ими метаморфоз в докладе, конечно, невозможно. В нем выделены, насколько это позволил имеющийся материал, лишь основные закономерности, которые определили характер календарной обрядности на последнем этапе ее жизни. Эти закономерности были общими для всех трех восточнославянских (и, очевидно, многих других) народов, обусловлены они были коренными социально-экономическими переменами. Местные же особенности, степень развития хозяйства колхоза и района, культурный уровень местного населения, большая или меньшая сохранность традиции в прошлом и др. могли лишь ускорять или замедлять исчезновение отдельных обрядов. Вместе с этим исчезала и обрядовая поэзия, но многие песни, утратив связь с обрядом, сохраняются благодаря их высоким эстетическим достоинствам и входят в национальный культурный фонд.

Исчезали верования, магия, но искусство, игра, народная выдумка, юмор, проявлявшиеся в оформлении праздников, сохраняются в ряде случаев и при оформлении современных праздников.

- ¹ *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1—4. М., 1837—1839; *Терещенко А. В.* Быт русского народа, вып. 1—VIII. М., 1847—1848.
- ² *Доброхотов.* Несколько слов о масленице.— Владимирские губернские ведомости, 1851, № 9.
- ³ Архив Географического общества СССР (далее — ГО), XXII. 17, л. 14 и 24.
- ⁴ *Сумароков П.* Очерк сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде.— Москвитянин, 1849, № 9, смесь, с. 8.
- ⁵ *Сумароков П.* Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда.— Сельское хозяйство, 1860, № 7, с. 74.
- ⁶ Архив Гос. музея этнографии. Ленинград (далее — ГМЭ), ф. 7 (Этнографическое бюро кн. В. Тенишева), оп. 1, д. 699, л. 35.
- ⁷ ГМЭ, д. 1353, л. 44.
- ⁸ *Костоловский И. В.* Вознесенев день в Ярославской губернии.— ЭО, 1903, № 3, с. 157.
- ⁹ *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии.— ЭО, 1914, № 3—4, с. 150.
- ¹⁰ *Огурцов Н.* Масленица в Пошехонском уезде.— ЭО, 1909, № 1, с. 71.
- ¹¹ ГО, VI, 96, л. 2 об.
- ¹² *Груздев В. Ф.* Окликание молодых.— Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, 1922, т. XXXII, вып. 1, с. 93.
- ¹³ Архив кафедры фольклора филологического факультета Московского гос. ун-та (далее — МГУ), экспедиция 1958 г., зима, тетр. 9, л. 5 об.
- ¹⁴ Там же, л. 3 об.
- ¹⁵ МГУ, 1973, лето, п. 1, т. 7, № 2.
- ¹⁶ Там же, п. 1, т. 8, № 4.
- ¹⁷ Там же, п. 1, т. 7, № 9.
- ¹⁸ Там же, п. 1, т. 7, № 20.
- ¹⁹ Там же, п. 1, т. 7, № 3.
- ²⁰ Там же, п. 1, т. 8, № 2.
- ²¹ МГУ, 1959, п. 1, т. 10, № 72 (Каргопольский р-н).
- ²² Там же, п. 1, т. 8, № 10.
- ²³ МГУ, 1970, т. 2, № 13 (д. Кожинская Холмогорского р-на).
- ²⁴ МГУ, 1971, п. 1, т. 1, № 153.
- ²⁵ МГУ, 1972, т. 17, № 6.
- ²⁶ *Броневский В.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга, ч. II. М., 1828, с. 375.
- ²⁷ *Сухотин С.* Несколько обрядов в Тульской губернии.— ЭО, 1912, № 3, с. 100.
- ²⁸ *Лепер Е. Р.* Южновеликорусский летний обряд «караулить солнце».— Этнография, 1928, № 2, с. 32.
- ²⁹ МГУ, фольклорн. практ. 1971, п. 1, т. 19, № 10 и др.
- ³⁰ ГМЭ, 1223, л. 4.
- ³¹ Все имеющиеся сведения об этом обряде собраны и рассмотрены в статье: *Кедрина В. Е.* Обряд крещения и похорон кукушки.— ЭО, 1912, № 1-2, с. 101—139.
- ³² *Елеонская Е. Н.* Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях.— ЭО, 1912, № 1-2, с. 146.
- ³³ *Сухотин С.* Несколько обрядов..., с. 98.
- ³⁴ *Елеонская Е. Н.* Крещение и похороны..., с. 150.
- ³⁵ МГУ, фольклорн. практ. 1965, т. 6, № 105.
- ³⁶ МГУ, 1962, п. 1, т. 7, № 86.
- ³⁷ *Максимович М. А.* Дни и месяцы украинского селянина.— Собр. соч., т. III. Киев, 1877, с. 506.

- ³⁸ Там же, с. 522.
- ³⁹ *Сумцов Н. Ф.* Культурные переживания. Киев, 1885, с. 140.
- ⁴⁰ *Яцуржинский Х.* Заметка о Купальском празднике в Уманском уезде.— Киевская старина, 1890, вып. II, с. 327.
- ⁴¹ *Р.* «Иван Кулайло» в с. Корытном Гайсинского у. Подольской губ.— Живая старина, 1895, вып. 1, с. 222.
- ⁴² *Чернявская С. А.* Обряды и песни села Белозерки Херсонской губернии.— Сборник Харьковского ист.-филол. о-ва, 1893, т. 5, вып. 1, с. 100.
- ⁴³ *Камінський В.* Свято Купала на Волинському Полісі.— Етнографічний вісник, 1927 (Киев), кн. 5, с. 19.
- ⁴⁴ *Сумцов Н. Ф.* Культурные переживания, с. 139.
- ⁴⁵ *Яцуржинский Х.* Заметка о Купальском празднике..., с. 325—326.
- ⁴⁶ ГО, VIII, 25, л. 14 об.
- ⁴⁷ Там же, л. 14.
- ⁴⁸ *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. I, ч. I. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб., 1877, с. 238.
- ⁴⁹ ГО, V, 4, л. 10.
- ⁵⁰ *Берман И.* Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе.— Зап. РГО по отделению этнографии, 1873, т. 5, с. 22.
- ⁵¹ *Грузинский А. Е.* Из этнографических наблюдений в Речницком уезде Минской губернии.— ЭО, 1891, № 4, с. 144.
- ⁵² *Бывалькевич П.* Иван Купала в Углах Слуцкого уезда Минской губ.— ЭО, 1891, № 4, с. 192.
- ⁵³ Архив Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, ф. 8, оп. 2, п. 3, т. 1, л. 51.
- ⁵⁴ Беларускі фальклор у сучасных запісах. Брэсцкая вобласць. Традыцыйныя жанры. Мінск, 1973, с. 58—59.
- ⁵⁵ Там же, с. 56.
- ⁵⁶ *Можейко З. Я.* Песенная культура Белорусского Полесья. Село Тонеж. Минск, 1971, с. 56.
- ⁵⁷ *Можейко З. Я.* Песенная культура..., с. 53.
- ⁵⁸ *Чернявская С. А.* Обряды и песни..., с. 100.
- ⁵⁹ МГУ, 1959, лето — осень, п. 1, т. 3, № 26.
- ⁶⁰ Например, в Вологодской губ.: *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890, с. 33.
- ⁶¹ МГУ, фольклорн. практ. 1971, п. 1, т. 14, № 21.
- ⁶² Фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского гос. ун-та, колл. 36, п. 2, д. 4, № 26.
- ⁶³ Там же, колл. 26, п. 6, д. 63, № 1.
- ⁶⁴ *Виноградов Г. С.* Материалы для народного календаря русского старожилото населения Сибири.— Зап. Тулуновского отдела О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта, вып. 1, Иркутск, 1918, с. 11.
- ⁶⁵ *Добрынкин Н.* Народные обычаи в Меленковском уезде. Масленица. Проводы русалки.— Владимирские губернские ведомости, 1896, № 6.
- ⁶⁶ *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии..., с. 128.
- ⁶⁷ *Смирнов М. И.* Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде. По этнографическим наблюдениям.— Труды Переславль-Залесского историко-этнографического и краеведческого музея, 1927, вып. 1, с. 29.
- ⁶⁸ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. ОЛЕА и Э, д. 80, № 49, л. 1—2.

Н. И. САВУШКИНА

ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ НАРОДНОЙ ДРАМЫ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ

**(Общее и особенное в народной драме
восточных славян)**

Сходство традиционных фольклорных драм и народной театральной культуры славян давно побудило исследователей к их сравнительному изучению.

Наиболее детально и всесторонне проанализированы в этом плане произведения кукольного театра, и в частности вертепа. Выявлены общие темы и сюжеты кукольных представлений, их эволюция и национальное своеобразие, сходные персонажи и средства их театрального воплощения¹.

Виды народных драм, исполняемых живыми актерами, изучены не так всесторонне. Ученые сосредоточили внимание преимущественно на отдельных сюжетах, образах, художественных средствах и объяснении причин их общности².

Анализу поэтических особенностей и средств при сравнительном изучении уделялось недостаточно внимания. Эту проблему поставил П. Г. Богатырев. В своих трудах он выявил и дал перечень основных художественных приемов народной драмы (оксиморон, метатеза, реализация метафоры, игра слов и т. д.), указал на их общность в чешских кукольных пьесах и русских пьесах, исполняемых живыми актерами, в разных произведениях ярмарочного фольклора³.

Представляется целесообразным продолжить сравнительное исследование народных драм. Необходимо рассмотреть общность и своеобразие сюжетно-композиционных типов драм, художественных приемов и средств создания образов. Важно при этом не только указать приемы и средства, но установить их распространенность, значимость применительно к созданию того или иного образа. Не менее важно выявить сходство и различие устойчивых поэтических формул, излюбленных клише, которыми так богата народная драма.

Наконец, существенно проследить конкретное образно-лексическое «наполнение», национальное своеобразие «предметного плана» некоторых общих поэтических средств.

Материалом для настоящего доклада послужили русские, украинские и белорусские народные пьесы как кукольного (вертепного — «батлеечного» и петрушечного) театра, так и театра живых актеров.

Публикации украинских и белорусских народных драм, к сожалению, немногочисленны. Наиболее значительные бело-

русские представлены в трудах П. В. Шейна, Е. Р. Романова⁴, П. Бессонова и М. Федеровского⁵, в советское время переизданные Г. И. Барышевым и А. К. Санниковым. Они же опубликовали и некоторые архивные материалы. Рукописный вариант белорусской драмы любезно предоставлен нам К. П. Кабашниковым⁶. К ним примыкают отдельные публикации в «Этнографическом обозрении» и других журналах и изданиях⁷.

Украинские записи представлены в трудах Н. А. Маркевича, И. В. Бессарабы, Е. Марковского и И. О. Волошина⁸.

Дореволюционные публикации мы находим на страницах «Киевской старины», «Этнографического обозрения» и др.⁹

Всего нам известно 25 текстов украинских драм, 21 текст белорусских драм. Поскольку имеющийся в нашем распоряжении русский материал значительно превосходит белорусский и украинский (за счет архивных записей экспедиций МГУ 1960-х годов и других), мы сочли возможным ограничить его крупнейшими дореволюционными публикациями Н. Е. Ончукова, Н. Н. Виноградова и некоторыми публикациями из «Этнографического обозрения» 1890—1900-х годов, отдельными архивными материалами¹⁰.

На основании обзора публикаций можно сделать предварительный вывод о том, что у восточных славян к концу XIX в. сформировались определенные типы народных драм, обладающие как общими, так и специфическими чертами.

Принимая выводы исследователей о наличии фактов заимствования, сотворчества и типологического сходства и обусловивших их факторов, коренящихся в общности и своеобразии историко-этнических процессов, мы сосредоточиваем внимание на результатах этих процессов, проявившихся в достаточно поздно сложившихся явлениях народной культуры.

Нас интересует, какие приемы и средства построения народных драм и создания их образов характеризуют своеобразие каждой национальной традиции, выделяя ее из других, а при общности этих приемов — своеобразие их сочетания, «строительного материала», из которого «сделан» каждый поэтический элемент произведения.

Названные вопросы, естественно, не исчерпывают проблемы сравнительного изучения поэтики во всей ее полноте, на всех уровнях. Однако, не претендуя на полноту и всесторонность анализа, мы предполагаем выявить общее и особенное в конкретном художественном воплощении, в некоторых сюжетно-композиционных приемах и образно-стилевых средствах создания образов действующих лиц.

1

Все рассматриваемые народные драмы отчетливо делятся на четыре сюжетно-композиционные типа, представляющие исторические этапы развития этого жанра, по-разному соотно-

сящиеся с профессиональным искусством. В восточнославянском репертуаре конца XIX — начала XX в. они сосуществуют, взаимодействуют и на основе этого взаимодействия образуют новые художественные единства.

Типы эти следующие.

1. *Комическая сцена* представляет собой определенную игровую сюжетную ситуацию, не обладающую достаточно развитым действием, в которой обнаруживаются тем не менее определенные конфликтные взаимоотношения участвующих в ней персонажей. Тематика таких сцен была очень разнообразна, в них находили отражение многие стороны дореволюционной народной жизни, как сельской, так и городской.

Композиционно сценка оформлена как диалог или монолог в сочетании с диалогом, иногда дополняемым массовыми действиями (пением, пляской и др.).

Комическая сцена, безусловно, древнейший сюжетно-композиционный тип народной драмы, составляющий ее ядро, первоэлемент. Одновременно это и одна из наиболее продуктивных разновидностей народной драмы, постоянно обогащающаяся в своем историческом развитии новыми темами, персонажами.

В русской, украинской и белорусской традиции комическая сцена широко представлена в ряжении. Популярнейшие ее персонажи — «парные» фигуры: доктор и больной, покупатель и продавец, старик со старухой («Мацей», «Коза» и т. д.).

2. *Драма цепочного (дивертисментного) построения* представляет собой соединение путем «нанизывания» однотипных комических сцен, с повторением комических ситуаций, иногда скрепленных единым героем. Произведения этого типа обладают более развитым сюжетным действием. В репертуаре восточных славян эта драма представлена немногими сюжетами («Мнимый барин», «Барин», «Пахомушка», «Маврух», «Ездок и коневал», «Петрушка», некоторые версии «Маланки», бытовая часть вертепа, некоторые версии «Мацея»).

3. *Драма сложного построения* включает трагические и комические сцены, обладает достаточно значимым общественным конфликтом, развитым сюжетным действием. В своем возникновении и развитии связана с профессиональной драматургией.

В восточнославянском репертуаре она представлена немногими общими религиозными, тираноборческими и разбойничьими сюжетами, бытовавшими, однако, в большом числе версий и вариантов («Царь Ирод», «Царь Максимилиан», «Лодка»).

4. *Контаминированная драма* — устойчивое соединение разных сюжетов, что было свойственно жизни жанра в позднейший период.

Первые два типа народной драмы представляют собой развитие «чистой» фольклорной традиции. Вторые два типа возникли под влиянием литературы, профессиональных драм, ко-

торые были «втянуты» в усложнившуюся фольклорную систему и переработаны ею.

У каждого из родственных народов наличествует своеобразие репертуара.

Так, русский репертуар характеризуется незначительным числом вертепных драм, наличием пьес разбойничьей тематики (многочисленность вариантов «Лодки» и разбойничьих пьес литературного происхождения), разнообразием версий популярнейшей драмы «Царь Максимилиан», сильным влиянием литературных источников (ранняя русская драматургия, лубочная литература) и постоянным расширением и изменением песенных фрагментов драмы.

Украинскому репертуару присуще значительное распространение пьес религиозной тематики (под влиянием польских драм): «Царь Ирод», большое число устойчивых контаминаций («Трон»), сильное влияние украинской ранней драматургии, малое число «светских» песенных вставок, отсутствие пьес разбойничьей тематики.

Белорусский репертуар занимает как бы «промежуточное» положение. Его роднят с украинским наличие религиозных «батлеек», отсутствие разбойничьей драмы и незначительность поздних литературных влияний, а с русским — малое число контаминированных драм.

Комические сцены с участием исконных и наиболее популярных парных персонажей (доктор и больной, цыган и мужик, старик и старуха) в русском, украинском и белорусском фольклоре не только бытуют самостоятельно, но и входят в пьесы сложного построения («Царь Максимилиан», «Ирод», вертеп, батлейка). В последнем случае они могут не терять своей цельности и замкнутости или, напротив, как бы «растворяться» в сюжете (в «Царе Максимилиане» пациентами становятся царь и др.).

Большая устойчивость традиции в исполнении этих сцен рожеными на святках способствовала сохранению в них древней обрядовой основы — ритуального магического битья, ритуальной еды, пляски, воскрешения из мертвых, — на которую позже наслоились такие карнавальные действия, как шутовское лечение и др.

Белорусские и украинские сцены сохранили более архаичные мотивы («Коза», «Мацей», воскрешение из мертвых казака с помощью заговора). В русских ярче выступает позднее сатирическое осмысление взаимоотношений героев.

В каждой из сцен можно различить несколько общих устойчивых мотивов, которые по-разному сочетаются в каждой национальной традиции. Так, сцена «Доктор и больной» включает шесть комических элементов.

1. Комическая самохарактеристика — реклама доктора.
2. Комические жалобы и обещания больного.

3. Комические расспросы об аттестате и уговор о плате.
4. Комическое установление диагноза.
5. Комические рецепты или способы лечения.
6. Комические сования и угрозы больного.

Наиболее полно и разнообразно представлены эти элементы в белорусской традиции.

1. Мужик (Мацей) жалуется на боли в животе (объелся кутьи, юшки и т. д.) и сулит за лечение деньги (торбочку и т. д.).

2. Доктор устанавливает диагноз («трясця»).

3. Доктор «лечит» пациента битьем («пацей, Мацей») и убеждает с торбой.

4. Мужик сетует на лечение, ругает доктора.

Сцена строится как монолог больного плюс диалог его с доктором, кончается избиением и погоней за врачом (*Романов*, вып. 8—9, II; *Шейн*, т. 1, II; *Бессонов*; *Федеровский*).

В русском репертуаре преобладает сцена другого типа.

1. Доктор комически похваляется и рекламирует свое искусство.

2. Доктор выслушивает жалобы больного.

3. Доктор предлагает комические способы лечения (битье, нюханье табака).

Сцена строится как монолог доктора плюс диалог его с больным.

Благодаря обязательному включению этой сцены, бытовавшей и отдельно, в драму «Царь Максимилиан» и представления «Петрушки», ее популярности в святочном и свадебном ряжении, она очень устойчива по вариантам (*Ончуков*, I, II; *Виноградов*, I, III; *Каллаш*, II). Она распространена не только в русском, но и в белорусском и украинском фольклоре, где представляется заимствованием из русского (*Романов*, вып. 8—9, I; *Волошин*, III; *Васильев*; *Грузинский*).

В украинском репертуаре преобладает сходная сцена, но со своим «набором» элементов.

1. Доктор комически похваляется и рекламирует свое искусство.

2. Больной спрашивает доктора о праве на лечение (аттестате).

3. Больной и доктор торгуются из-за платы.

4. Доктор лечит больного (*Волошин*, I, V).

Сцена строится аналогично русской как монолог доктора в сочетании с диалогом доктора и больного.

В восточнославянской традиции была достаточно широко распространена исконная, по мнению Л. Уорнер¹¹, сцена оживления доктором (знахаркой) покойника (убитого) с помощью разных магических средств, эликсиров.

У украинцев и белорусов она имеет одинаковый состав.

1. Баба-шепетуха комически представляется и рекламирует свое искусство.

2. Оживляет с помощью заговора больного (мертвого) казака.

3. Баба танцует с казаком.

4. Казак расплачивается с ней побоями (*Романов*, вып. 8—9, II; *Чалый; Маркевич; Галаган; Марковский*, II; и др.).

В русском, украинском и белорусском фольклоре так же наличествует сцена оживления убитого доктором по приказу царя с помощью снадобья в пузырьке и т. д. Оживший говорит, что он «крепко спал» (*Каллаш*, I; *Кабашников; Волков*).

В фольклоре восточных славян популярны и другие сходные сценки, подробно рассмотреть их мы не имеем возможности.

Укажем на сцену торго или обмена лошадьми (мужик и цыган), обязательную для вертепных и петрушечных представлений. Оптимальный состав сцены следующий.

1. Комическая самохарактеристика цыгана.

2. Комическое предложение (публике, барину, Петрушке, мужику) продать или поменять лошадей.

3. Комическое расхваливание лошади.

4. Комический спор, хорошие ли люди цыгане.

Для украинских вариантов характерны три первых (1—3) эпизода (*Маркевич; Галаган; Волошин*, VII); для белорусских — три последних (2—4) (*Васильев; Гринблат*).

В русской традиции сцена Петрушки и цыгана содержит расспросы Петрушки о лошади и комическую характеристику ее цыганом (*Тиханов*, I, II).

Комическая сцена «Муж и жена» (старик и старуха, цыган и цыганка, Антон и Антониха) отличается наибольшим разнообразием как по составу персонажей, так и по составу сюжетно-композиционных элементов. Разнообразна она и по сочетанию текста и игры. Вообще национальная комическая пара «мужчина и женщина» популярна в ряжении и вертепе. Иногда эти пары безмолвно танцуют под звуки национального танца: краковяка, «под вишенкою», русского, камаринского и т. д. (*Вин*, Вел. вертеп; *Шейн*, т. 3, I, II; *Романов*, вып. 8—9, II, III). Иногда проход пары сопровождается песней и мимическим действием. Такой вид имеет в ряде вариантов сцена «Антон и Антониха» (*Романов*, вып. 8—9, II, III; *Шейн*, т. 3, I; *Волошин*, IV; и др.). В песне как бы «заложена» конфликтная ситуация, но она не прояснена окончательно. Так же не развернута сцена деда и бабы, танцующих под песню «Ой, під вишенкою». В песне рассказывается о конфликте молодой жены и старого мужа, не пускающего жену «на вулицю погулять» (*Волошин*, III; и др.).

Однако в белорусской и украинской драме существуют и другого рода сцены, развивающие тему «бабьих уверток». Это прежде всего сцена «цыган и цыганка» (казак и казачка).

Состав ее следующий.

1. Комический выходной монолог цыгана.

2. Комические поиски цыганом пропавшей жены (с шатром, лошадью вместе).

3. Комические расспросы цыганом жены (где была, добыла ли еду).

4. Пляска цыгана и цыганки.

5. Комическое избиение цыганом жены (*Романов*, вып. 8—9, I, III; *Шейн*, т. 3, I, II; *Бар.*, *Сан.*, I; *Маркович*; *Чальий*; *Малинка*; и др.).

В русском фольклоре комические супруги часто фигурируют в ряжении. При ссоре супругов верх одерживает жена, избивающая мужа.

Драмы второго сюжетно-композиционного типа представлены в восточнославянской традиции немногими общими сюжетами. У русских — «Барин», «Мнимый барин», «Маврух», «Конь» («Ездок и коневал»), у украинцев — «Коза» («Маланка»), у белорусов — «Мацей», «Коза», «Барин».

Цепочные комические пьесы объединяют, как правило, несколько относительно замкнутых эпизодов, обычно как бы развивающихся из одной сцены, скрепленных одним действующим лицом.

Сюжет может быть не развернут, близок игре — «Коза», «Мацей», «Барин», либо обладать достаточно развитым сюжетным действием — «Мнимый барин», «Пахомушка».

Отдельные сцены имеют устойчивое композиционное строение: монолог + диалог.

Украинские и белорусские цепочные пьесы, как и отдельные сцены, сохранили исконный обрядовый аграрный смысл. В некоторых вариантах наблюдается неразвитость текста¹².

Собиратели прошлого свидетельствуют о широком распространении в конце XIX — начале XX в. «Козы» на Украине¹³.

Бесспорна связь этой драмы с комической сценой «Антон и Антониха», где также фигурирует коза. В записи Ящуржинского представлен наиболее полный вариант «Козы».

1. Дед ведет козу и припевает: «Ой, козо, козо, козо-небого».

2. Коза скачет, потом «издыхает».

3. Все плачут и поют.

4. Дед с Маланкою танцуют под песню «Ой, під вишенкою».

5. Маланка бьет деда.

6. Лекарь предлагает вылечить козу.

7. Дед оживляет козу заговором.

8. Дед выпрашивает еврея о его лошади, богатстве, жене.

9. Цыган требует у еврея отработки панщины, бьет его.

10. Еврей жалуется уряднику на цыгана, урядник разгоняет их.

11. Еврей рассказывает комическую «байку» — небылицу.

12. Участники просят вознаграждения и уходят.

Как видим, пьеса строится, как чередование, «нанизывание» сцен, каждая из которых отдельно исполнялась в ряжении.

Близок по составу действующих лиц и вариант Волошина (1).

Белорусские цепочные драмы также сходны, в некоторых случаях вместо козы выступает лошадь и лечит ее цыган (*Шейн*, т. 3, 1). Цепочному «развертыванию» подверглась и сцена «Мацей». После лечения битьем появляется жена Мацея — Ульяна, Мацей посылает ее в шинок за полквартой (*Шейн*, т. 3, I, II).

В записях Яцимирского и Милорадовича действие сосредоточивается вокруг Маланки. Дед «гуляет» не с козой, а с Маланкой (иногда вначале с Маланкой танцуют парни), потом танцует с ней. Смерть ударяет Маланку косой, фельдшер ее воскрешает по просьбе деда. Снова пляшут.

В записи Милорадовича старый дед хвастается молодницей Маланкой, гоняется за другой молодницей, просит копеечку «Маланке на сережки».

Подобному «обытовлению» сюжета подверглись и другие украинские варианты.

Украинской «Козе» близка русская комическая пьеса «Барин» (*Ончуков*, VI), состоящая из нескольких сцен.

1. Барин танцует с паньей.
2. Барин рассуживает жалобы просителей.
3. Барин покупает коня.
4. Барин покупает и закалывает быка.
5. Барин покупает удивительных людей.
6. Барин танцует с паньей «Во лузях».

Каждая сцена строится как монолог в сочетании с диалогом и заканчивается битьем или пляской. Ее древний аграрный смысл не вызывает сомнений, хотя в позднейшем бытовании она претерпела изменения, получила социально заостренный смысл (продажа «удивительных людей» за рюмку водки).

Иной характер имеет пьеса «Мнимый барин» (*Ончуков*, VII), в каждой из сцен-диалогов которой наличествует социально острый смысл. В них сатирически изображен разорившийся барин. Его глупость осмеивается в разговоре с трактирщиком, слугой, в последней сцене явственно звучит мотив угрозы барину (*Тиханов*).

Сходна по содержанию и построению с ончуковской белорусская драма в записи Романова (*Романов*, вып. 8—9, III). Она также строится, как серия диалогов барина и слуги Ваньки на разные темы, прерываемых уходом и возобновляемых с появлением слуги. В заключение Ванька садится верхом на барина и кричит: «Барин, пошел!». Наличие близких сцен и совпадение текстов дают возможность предположить заимствование белорусским вертепом популярной русской сцены.

Таким образом, драмы цепочного построения представляют собой развитие и усложнение фольклорной драматической тра-

диции, которая полно проявилась в светской части белорусского и украинского «Вертепа» («Ирода») и в русском «Петрушке».

О компоновке петрушечных представлений из отдельных сцен пишет А. Ф. Некрылова¹⁴.

Пьесы сложного построения, представляющие третий сюжетно-композиционный тип, в общем репертуаре восточных славян имеют три разновидности: пьесы религиозного содержания («Царь Ирод»), тираноборческие («Царь Максимилиан») и разбойничьи («Лодка»). Они исполнялись не только живыми актерами, но и куклами.

Разбойничьи драмы представлены в украинском репертуаре одним текстом, сходным с русским, в записи И. О. Волошина и двумя — в соединении с «Царем Максимилианом». В белорусской традиции драма «Лодка» отдельно не зафиксирована, она входит в два контаминированных текста.

Рассмотрим два наиболее популярных произведения: «Царь Ирод» и «Царь Максимилиан».

Пьеса «Царь Ирод» (чаще именуемая вертеп или батлейка) широко бытовала на Украине и в Белоруссии, куда, как известно, пришла из Польши. Значительно меньше она была распространена в России, где зафиксировано всего несколько текстов и упоминаний о ее бытовании в Костромской губернии и Сибири (Иркутске)¹⁵.

При общей относительно устойчивой схеме сюжета в устных национальных традициях наблюдается различие зачинов, концовок и мотивировок действия.

Представление «Ирода» как в кукольном, так и в «живом» вертепе открывалось обычно пением рождественского тропаря или кантов (Романов, вып. 8—9, I—III; Шейн, т. 3, I, II, IV; Вин. Бел. вертеп; Бар., Сан., I; Васильев; Бессараба, I; Чалый).

В украинских вариантах пономарь иногда произносил выходной монолог: «Восстаньте ото сна и благо сотворите. Пойду позвоню» (Маркевич; Марковский; Галаган). В некоторых пьесах вместо пономаря появляется воин, казак или другой персонаж с поздравлением (Волошин, VII).

Белорусские варианты, таким образом, испытали меньше, нежели украинские, влияния других пьес. Общей типовой концовкой драмы является просьба о вознаграждении.

В белорусских и русских вариантах деньги просит Цыган (Вин. Вел. вертеп), Максимка (Тарнавский), старец с кошельком или торбой (Романов, III; Бар., Сан., I). Бернардинский монах или пилигрим (Шейн, I; Бар., Сан., III). В украинских драмах был специальный персонаж, выходящий в конце представления, — Савочка-старец, Савелий — человек веселый (Волошин, VII; Галаган; Чалый; Марковский, I, III, IV).

Своеобразны в каждой национальной традиции и мотивировки, скрепляющие серьезные сцены «Ирода» с комическими.

В украинских текстах первой после смерти Ирода, которого тащат в ад, почти всегда бывает сцена «дед и баба». Дед и баба открывают серию бытовых комических сцен общей мотивировкой — ликование, радость по поводу смерти Ирода:

«Ой, теперь, бабусенько, година настала, як царя Ирода не стало: от теперенька мы с тобой и потанцюємо» (*Чалый; Галоган; Маркевич; Марковский*, I, IV; *Волошин*, VI; и др.).

Сходна мотивировка и в русском вертепе. В одном варианте Казак, усевшись на трон, поздравляет присутствующих (*Марковский*, III).

В белорусских пьесах серьезная часть связывается с комической по-иному: здесь чаще комически «обыгрывается» освобожденный трон Ирода. На него без всякого почтения, страха усаживаются персонажи. «Сяду на трон, і буду такі, які ён» — заявляет Янкель (*Бар., Сан.*, II), присаживается на трон Аришенька (*Вин.*, Бел. вертеп).

Берка собирается покупать дворец и открывать в нем трактир: «...Я думаю ў гэтым палацы отккрыць трактир: от тут бацонацк поставлю, а тут креселько (затем он садится на трон и давай плясать от радости)» (*Шейн*, т. 3, III).

Иногда радость по поводу смерти Ирода выражается в песне: «Мы вас поздраўляем, доўга жиць жалаем» (*Бар., Сан.*, I; *Шейн*, т. 3, I, II) или словах воина-жолнера: «Пазабыў свайго пана, буду пить віно збанам» (*Бар., Сан.*, III).

Народная драма «Царь Максимилиан» существовала в репертуаре восточных славян как в виде отдельной пьесы, так и в соединении с другими сюжетами (контаминированный тип).

Наибольшую близость обнаруживают русские, украинские и белорусские тексты, представляющие соединение сюжетов «Лодка» и «Царь Максимилиан» (*Мезерницкий; Волков; Грузинский*), соединения эти, как правило, не мотивированы.

Как контаминированные с «Лодкой», так и неконтаминированные варианты во многом сходны по построению, трагические и комические сцены в них чередуются. Конфликт имеет преимущественно религиозный характер, хотя в ряде вариантов осложняется участием Адольфа в разбойничьей шайке (*Ончуков; Грузинский; Абрамов; Волков*). Перенесение конфликта царя Максимилиана и Адольфа на социальную почву позволило нам выделить особую версию сюжета¹⁶. Наличие такой версии свойственно украинским и белорусским пьесам.

Бытовая версия (конфликт из-за отказа Адольфа жениться на невесте, предложенной отцом), имеющая и на русской почве локальный характер, в украинских и белорусских пьесах отсутствует.

Некоторым своеобразием отличается украинская драматическая традиция. Если для русского и белорусского драмати-

ческого репертуара соединение драм «Царь Ирод» и «Царь Максимилиан» не типично (1—2 варианта), то на Украине, очевидно, вследствие более сильного влияния вертепа, разыгрывания его помимо кукол актерами («живой вертеп») оно получило широкое распространение. Пьеса «Трон» представлена восьмью вариантами (*Бессараба*, I, II; *Ястребов*; *Васильев*; *Волошин*, III—VI). Характерно, что сюжетно-композиционная специфика этих пьес выражается в более четком разделении текста на серьезную и комическую части, завершенности каждой сцены.

Существенно, что во всех вариантах первая часть имеет тенденцию к сокращению, что было отмечено применительно к кукольному вертепу¹⁷. Тот же процесс наблюдается и в «живом вертепе», где вместо разыгрывания сцен с Иродом хор исполняет песни, описывающие эти события (*Волошин*, V, VI). Иногда религиозные мотивы лишь включаются в выходной монолог. Вариант Ястребова начинается выходным монологом казака: «Здравствуйте, господа, и послушайте, что я буду говорить про себя. Когда я был маленьким младенцем, я видел большое чудо: когда ангелы летели, слава в вышних богу пели, то я этого страху сильно испугался, от сырой земли на воздух приподнялся, и так мене дарили серебром и золотом, но я этого серебра и злата не принимаю,— вас, господа, всех с Рождеством Христовым поздравляю» (*Ястребов*, с. 56).

В украинской традиции закрепились и устойчивая мотивировка, соединяющая части пьесы (разные сюжеты).

Воин царя Ирода после трагических событий объявляет: «Пойду и предамся белому царю и буду ему служить» (*Бессараба*, I) или «Предамся неверному царю в руки, чтоб не терпеть больше муки» (*Бессараба*, II). Поэтому сцена с царем Максимилианом открывается словами царя, обращенными к прибывшему воину «Следуй, друг, за мной!» (*Бессараба*, I, II; *Волошин*, VII). Характерно, что и в случае отдельного исполнения «Царя Максимилиана» это начало также присутствует.

Пьесы третьего и четвертого сюжетно-композиционных типов обнаруживают сходство зачинов и концовок, обусловленное одинаковой обстановкой представлений. Они происходили в дни народных праздников в домах, которые обходили участники представлений с предложением разыграть драму. Поэтому зачин содержал просьбу разрешить зайти в дом и сыграть пьесу (*Грузинский*; *Ончуков*, V), возвешение о прибытии главного действующего лица и его представление (*Романов*; *Васильев*; *Кабашиков*; *Каллаш*; *Мезерницкий*) или песню. В каждом национальном репертуаре были излюбленные песни, открывавшие и завершавшие представление. Это были популярные романсы «Поехал казак на чужбину далеко» (*Абрамов*), «Ты куда, мой друг, стремишься на тот погибельный Кавказ» (*Волков*) и шу-

точные плясовые «Сени, мои сени», «Жила-была курочка». Общими оказывались песни, составлявшие солдатский репертуар: «Ездил белый русский царь» (Ончуков, I, II), «Стройся, армия, в колонны» (Гринблат).

В заключение одно из действующих лиц обращалось к зрителям с просьбой о вознаграждении (Ончуков, III, IV; Виноградов, 1905), главный персонаж прощался с присутствующими (Абрамов), хор исполнял песню.

Итак, рассмотрение сюжетно-композиционных типов восточнославянских народных драм обнаруживает как общность их, так и различие.

Общность состоит в наличии общих сюжетов и мотивов, принципов построения, активном взаимодействии разных типов.

Различие проявляется в отдельных приемах построения, необычной комбинации сюжетно-композиционных элементов, своеобразии мотивировок, «сцепления» сцен, зачинов и концовок.

Общее и своеобразное проявляется не только в приемах построения, наличии или отсутствии и особом характере связи частей пьес, но и в преобладании в национальном репертуаре того или иного типа, определяемом историческими причинами.

Так, в русском репертуаре представлены все четыре сюжетно-композиционных типа, с явным преобладанием третьего, незначительным числом контаминаций.

Для украинского репертуара характерно большое число контаминаций с сильным влиянием вертепа.

2

Известно, что образы действующих лиц народной драмы раскрываются прежде всего в монологах (особенно в выходных) и диалогах. Они заданы традицией и предстают неизменными в своих характерных чертах.

В выходном монологе герой рассказывает о себе — кто он, откуда, зачем явился, что собирается (может) делать. Настроение героя, его состояние в тексте не определяются вовсе или определяются очень скупо (например, косвенно, через исполняемую песню). Конечно, актер своей игрой в какой-то мере дополняет и углубляет психологическую характеристику.

В диалогах и следующих за ними действиях определяются взаимоотношения персонажей, выявляются основные их черты (непреклонность, жестокость, невежественность, хитрость и т. д.).

Рассмотрим пять типов персонажей, общих для восточнославянской (и шире — европейской) традиции, представляющих основной типаж народной драматургии.

1. Герой — правитель, вожак (царь Максимилиан, царь Ирод, атаман и т. д.).
2. Воин (араб, гусар, казак и т. д.).
3. Доктор (лекарь, аптекарь).
4. Герой из народа (старик, дед, гробокопатель, Максимка, Маркушка, слуга и т. д.).
5. Представитель другой национальности (цыган, еврей и т. д.).

Поэтические монологи, характеризующие этих персонажей, состоят из набора элементов — формул. Одни из них (как правило, начальные) устойчивы, служат как бы опорными, другие — изменяемы, подвижны и могут отсутствовать.

Наиболее универсален выходной монолог героя-правителя (царя Максимилиана).

Полные его варианты содержат следующие элементы.

1. Герой здоровается.
2. Спрашивает, за кого его принимают.
3. Представляется.
4. Хвастает своей силой и могуществом.
5. Спрашивает, для кого сооружен трон.
6. Объявляет, что будет судить по закону.
7. Согласен понести наказание за неправильный суд.
8. Приказывает позвать сына.

В русских и украинских текстах «Царя Максимилиана» встречаем наиболее полные и близкие между собой монологи (*Мезерницкий; Ончуков, I, II; Виноградов, I, II; Волков, Абрамов; и др.*).

Опорные элементы 1—3 (иногда и 4) встречаются и в монологах других персонажей: скорохода, Мамаю, араба, Змеюлана, доктора.

В русских и украинских текстах сходны и литературные реминисценции («Стану на горы, горы трещат, взгляну на воды, воды кипят»).

Иногда в подобный монолог вносится комическая формула — описание худого мундира (*Ончуков, I*).

В выходных монологах царя — атамана встречается устойчивая формула с образом звезды (иногда солнца, — *Ончуков, I*).

Пала, пала звезда с неба

И осияла весь белый свет (*Ончуков, III; Виноградов, III; Васильев; Грузинский; Волошин, V, VI*).

В украинских пьесах звезда упоминается не только в монологах, но и в песнях (*Бессараба, I, II; Волошин, V, VI*).

Применительно к разным сюжетам этот образ, очевидно, мог по-разному интерпретироваться. Он символизирует и виффлеемскую звезду (вертеп), и исключительность героя («Царь Максимилиан»), и его роковую судьбу («Лодка»).

В белорусских текстах выходной монолог царя не получил

такого развития и закрепления. В старейшем тексте Романова находим неразвернутые формулы 1, 4, 5 (*Романов*, вып. 5, I). В других текстах находим лишь формулы 1 и 5 (*Кабашников; Васильев*).

В вариантах Грузинского и Гринблата выходной монолог практически отсутствует и содержит лишь первый и последний элементы.

Героя-правителя характеризует приказ о погребении сына Адольфа, убитых воинов. В нем, как и в выходном монологе, наблюдаем сочетание устойчивой опорной начальной формулы и переменной, необязательной.

Начальная формула одинакова в русских, украинских и белорусских записях:

А уберите это тело,
Чтоб оно сверх земли не тлело (*Абрамов; Бессараба*, I; и все другие).

Далее следуют вариации:

Чтобы дождь не мочил
И черви не точили (*Ончуков*, I; *Виноградов*, 1905; *Гринблат*).

Чтобы птицы не клевали
И звери не терзали (*Виноградов*, I; *Волошин*, IV; *Романов; Бессараба*, II; *Каллаш*, I).

Чтобы в царстве не смердело (*Виноградов*, IV; *Мезерницкий; Волков; Васильев; Грузинский*).

Белорусские записи дают только названные выше формулы. В русских и украинских текстах переменные формулы получили своеобразное трагикомическое развитие:

Чтобы снизу не тлело, сверху не коптело,
Чтобы галки не закакали, а наши бабы не заплакали
(*Виноградов*, II, III)

Чтобы из носу в рот от жары не потекло (*Виноградов*, III).

Черти в воду не тащили (*Виноградов*, III).

Чтоб он за нас бога молил (*Волошин*, III).

Не дай його псам, краше з'їж його сам (*Волошин*, V).

Отдай его псам, а часть съешь сам (*Волошин*, VI).

В народных пьесах восточных славян многообразно разработан образ смелого, лихого воина, который выступает в разном облике.

Наиболее традиционен и, очевидно, исконен для «Царя Максимилиана» образ араба, соперника царя, встречающийся в русских, украинских и белорусских пьесах. Его появление сопровождалось обычно сценическим эффектом — исполнитель держал во рту керосин или скипидар, которым брызгал на горящую свечу, отчего происходила яркая вспышка пламени.

Опорными элементами его монолога были слова:

Жаром пылаю, на колени припадаю (*Виноградов*, II; *Романов*, вып. 5, I).

Однако наибольшее распространение получила другая формула, очевидно, вытеснившая названную:

Стройся в ряди,
Иде чорний араб з орди
На білому коні,
Керас на спіни,
Шапка з чорным пером,
Грудн вкрити серебром
Кров у жилах кипить
Хочу тебе разорить
И град твій спалить (*Бессараба, I; Волошин, IV—VI; Васильев*).

Опорный элемент формулы «Шапка с черным пером, грудь покрыта серебром» используется в выходном монологе других персонажей и в белорусских пьесах (*Васильев*).

Очевидно, полюбившийся народу образ лихого вояки позднее был конкретизирован и воплотился в таких персонажах, как гусар у русских с выходным монологом литературного происхождения («Гусар» Пушкина и др.), улан у белорусов с комической характеристикой:

А вулане добрый пане...
А в вуланах добро жить
Довбешечкой воши бить (*Романов, вып. 8—9, III*).

Или

Улане, улане малёване дзети...
Бо улане добры людзи,
Што положил, то не будзе (*Шейн, т. 3, II*),

венгерец — гусарин у украинцев с выходным монологом:

Терентен басса, маленька басса, велька басса
Мои поля, моя вода, мое блато, мое злато, мое све
(*Галаган; Маркевич и др.*).

Здесь, как видим, отсутствуют достаточно распространенные и закрепившиеся в традиции формулы с опорными элементами.

Выходные монологи этих персонажей чаще импровизируются, в них используются литературные источники или комические оксиморные формулы.

То же самое произошло и с образом казака (донского казака, уральского казака, гетмана-малоросса и т. д.), получившим героико-комическую окраску как в вертеле, так и в «Царе Максимилиане».

Для его характеристики в выходном монологе также использовались разнородные элементы: песенные фрагменты, формулы из монолога царя Максимилиана, раешника (*Каллаш, I; Галаган; Волошин, V; Шейн, т. 3, I, II*).

Так, в украинской традиции излюбленной «арией» казака-запорожца была песня «Казак вільний як вітер у поле», иногда насыщенная острыми мотивами социального протеста (*Волошин, V*) или, наоборот, лирическая песня «Казак коня напоил» (*Шейн, т. 3, II*).

В большинстве вариантов украинских и белорусских драм образ этот нарочито снижен, безудержная удаль переплетается в нем с разгулом.

В некоторых случаях популярность персонажа привела к выработке (особенно в вертепе) отдельных устойчивых формул: Донской казак:

Гóля, гóля, я казак из чыстого поля,
Я козацькой натуры: пропи́лся от ног до шкуры и т. д. (*Малинка; Волошин, I; Абрамов*).

Сравним в белорусском варианте:

Ах, гóра, гóра! Я есць казак чыстого поля, я яшчэ
казакавай натуры не абучаўся, як з галавы до ног
пропіўся (*Кабашніков*).

Другие же формулы достаточно разнообразны:

Казак (ходит кругом)

...Назад тому тридцать три года какой я был славный воевода!
Кудри на мне вились, усы мои веревкой крутились, борода на мне
рдела, и вся казацкая кровь кипела (*Костин*).

Хома. Оце я, мосцепанове, Хома, що у мене на голову волосья нема, а був один
космок, да й той у пылыповку коло грубы спёк. А штанив затым не маю,
що добре горилку кусаю (*Чалый*).

Казак. Я казак-неборок со степи-поля,

Вот здесь казакова роскошь и воля

А у казака-дурака жинки нема,

Одна душа в теле,

Вши всю голову объели (*Садится на Иродов трон*).

Сяду я на Иродову козюльку

Да покурю табаку люльку

Ти не убачу я себе зезюльку? (*Романов, I*).

Как видим, общая идея карнавального разгула, выставляемой напоказ наготы и свободы от всяких условностей выражается в близких, но не идентичных поэтических формулах.

Традиционные посягательства этого героя на царский трон, что также вносило в драму социальный сатирический элемент.

Комическая самохарактеристика — реклама доктора-лекаря — широко распространена в драматической традиции восточных славян. Она состоит из нескольких слагаемых элементов — опорных формул и формул, которые широко варьируются в рамках общеславянской или национальной традиции. Иногда на-

циональная традиция представлена специфической формулой.

1. Доктор спрашивает, узнали ли его и за кого принимают.

2. Представляется.

3. Рекламирует свое искусство (здоровых делает больными, вместо одних болезней «вставляет» другие).

4. Отправляет на тот свет.

5. Ссылается на благодарность с того света.

Первый элемент представлен постоянной формулой, одинаково закрепленной в русской, белорусской и украинской драме:

Здравствуйте, все почтенные господа,

Вот и я прибыл сюда,

За кого вы меня почитаете?

(*Ончуков*, I, II; *Волошин*, I; *Бессараба*, II; *Романов*, вып. 5 I; и др.).

Нетрудно заметить, что эта формула общая с началом монологического героя-правителя (элементы 1—2).

Формула «представления» доктора сходна по конструкции и разнообразна по предметно-лексическому составу, локальному и характерному для каждой национальной традиции. В ней меняется образное определение доктора, содержащее название места, откуда он прибыл.

В русских вариантах: доктор и лекарь из-под каменного моста, аптекарь (*Виноградов*, II, III; *Каллаш*, I).

Искусственный аптекарь (*Виноградов*, I).

В украинских вариантах: турецкий аптекарь (*Волошин*, III; *Каллаш*, I); киевский аптекарь (*Волошин*, V); немецкий аптекарь (*Абрамов*); пинтибрюсский доктор (*Бессараба*, II); заграничный доктор (*Мезерницкий*).

В белорусских вариантах: главный лекарь (*Романов*, вып. 5, I); турецкий аптекарь (*Васильев*).

Формула «доктор рекламирует свое искусство» одинакова в традиции восточных славян.

Ко мне приводят на ногах,

А от меня увозят на дровнях

(*Ончуков*, I; *Виноградов*, I; *Ястребов*; *Волошин*, III; *Васильев*, *Романов*, вып. 5, I).

Чиры вырезаю — болячки вставляю,

Зубы дергаю, глаза ковыряю

(*Виноградов*, I, II; *Волошин*, III, V; *Абрамов*; *Ястребов*; *Бессараба*, II; *Мезерницкий*; *Васильев*; *Гринблат*).

Единообразна, хотя и варьируется широко, формула «доктор отправляет на тот свет»:

«Живых людей на тот свет отправляю...», «С белым светом разлучаю...», «Живого к смерти представляю...», «На тот свет по этапу отправляю...» (*Ончуков*, I; *Виноградов*, I, III; *Волошин*, III; *Абрамов*; *Ястребов*; *Бессараба*, II).

В славянских драмах сохранилась и древняя обрядовая индоевропейская формула «лечения»:

«Кровь мечу — баб лечу...», «Старых на молодых переделяваю...», «Кровь вливаю — кровь выливаю...», «Кровь лечу, кровь мечу...», «Молодым дзеўкам па трыдцать три фунта скулля устаўляю...» (Виноградов, II; Абрамов; Волошин, I; Гринблат; Романов, I).

Формула «доктор ссылается на благодарность с того света» наличествует только в украинских и белорусских текстах (Волошин, I, III, IV; Абрамов; Ястребов; Грузинский; Васильев).

Здесь более явственно, как и в предыдущей формуле, выступает древняя ритуальная основа, характерная для покойницкой игры. Карнавальная идея мнимой смерти звучит и в русской драме «Маврух». Характерно, что во всех рекламных формулах (1—3) наличествует общий художественный прием — оксиморон.

Общие приемы и изобразительные средства наблюдаются и в комических рецептах и методах лечения, которые также несут следы одновременно и древних магических представлений, и карнавального битья, и «разъятия» на части человеческого тела.

В жалобах больного обычно перечисляются части тела: ноги, голова, руки, нос и др.

Варьируемые формулы лечения сходны у всех восточных славян:

Твои ноги отрубить на пороге,
Осиновы приставить,
Танцовать заставить —
Поправятся твои ноги (Ончуков, I).

В других вариантах: костыли приставить, деревяшки приставить, крылья приставить (Виноградов, I, III; Грузинский; Васильев; Абрамов).

Балиць галава, трэба агалці дагала, і прыкласці пястру і будзе галава як ляпешка, абвесці дзесяць разоў дубінай (Калашников, ср.: Ончуков, II; Виноградов, II, III; Каллаш, II).

В других вариантах: кипятком полить, приложить теста, парным молоком привязать (Волошин, II; Бессараба, II; Романов, вып. 8—9, I).

Такие же способы лечения предлагаются и для других частей тела (оторвать ноги, выбить зубы, отрубить руки и т. д.).

В украинских и белорусских текстах иногда встречаются другого вида рецепты:

Скажеш свой бабі Ганні,
Шоб запарила воды в ванні,
І усипала десять хунт солі,
Устромиш, попарыш,
І танцовать повалиш,
Назначаю тобі каплі Датського короля (Волошин, I).

Сходные формулы комических рецептов находим в белорусских сценках «Мацей»:

«Што моя жонка Ульянка ни робляла: горшок на пупу стаўляла, ничего не помогала, еще боли залягло. Порадзили сходзиць ў Раўскаго аптэку, купить моху, чертополоху, курыной жоўци, комарыных кишок и еще нечаго троху, зробила баўтузник, стукнуў, выпий, — ничего не помогае, яще горэй домагае» (*Шейн*, т. 3, V; *Романов*; вып. 8—9, I; *Федеровский*; *Бессонов*):

В восточнославянской драме существуют формулы пародийных заговоров.

В украинском вертепе «баба-шепетуха от святого духа» или цыганка оживляют с помощью заговора казака запорожца:

А я баба-шепетуха од святого духа
По горам, по пискам (ходила),
Писок на вылах носыла
Скільки на вылах писку,
Стильки в тоби, казаче, духу (хукает и плюет),
Устань, казаче, да мини за труд оддай (*Марковский*, I; *Галаган*).

«Що в кишени, то — мени, що в животе — то тоби!» (*Галаган*; *Чалый*).

Для белорусских и русских драм комические заговоры менее характерны, они встречаются в одиночных вариантах (*Ончуков*, I; *Романов*, вып. 8—9, I).

В группе персонажей — представителей разных национальностей выделяется популярная фигура цыгана.

Выходной монолог цыгана в большинстве случаев содержит формулы с включением заумных и цыганских слов:

Дегы, дегы, забув батю дугы!
На шляв да-ры-да-ты,
Бо иду поздравляты (*Маркевич*; *Галаган*; *Марковский*, I).
На ковердо вердо на чечерже
Господа миряне! (*Шейн*, т. 3, IV; *Романов*, вып. 8—9, III).
Чхав бурдочки! начхав бурдочки!
Наша мати не вмирала! (*Чалый*).
О-му! Чачинька — чачинька!
Где же ты делася, моя клячинька! (*Романов*, вып. 5, I).

Лишь иногда он начинался обычной формулой обращения к присутствующим: Здравствуйте, господа!.. (*Бар.*, *Сан.*, I; *Марковский*, I).

В восточнославянской драматической традиции роль заумных и иноязычных слов относительно невелика.

Кроме речи цыгана (отчасти еврея), они свойственны речи доктора. Это бывает в тех немногих случаях, когда доктор представляется иностранцем (*Васильев*; *Мезерницкий*).

В диалогах цыгана на тему продажи или обмена лошадей также находим устойчивые формулы расхваливания лошади, построенные на оксимороне.

В белорусских и украинских текстах:

У мене кремінь, не кобила,

Як біжить то она земля дріжить,

А як упаде, то лежить (*Маркевич; Галаган; Волошин, VII; Гринблат*).

Сходные формулы обнаруживаем в русском «Петрушке» и украинской драме:

Мой конь без хвоста, что ни день, то верста.

Мой конь — только уздой тронь (*Можаровский; Васильев; Тиханов*).

Помимо оксиморона и использования заумных и иностранных слов в речи представителей разных национальностей или диалогов с их участием встречается игра точными омонимами.

Старик. Становись на часы!

Еврей. Сто! Положь мене часы, то я стану на часы (*Васильев*).

Наполеон. Я тобі, дурак мужык, как заиду, да заиду.

Мужик. Та зайидь, зайидь, мій паночку, моя жинка вельку кадку буракив намочыла, буде вас угощаты (*Малинка*).

Образ представителя народа — старика, гробокопателя, слуги — в народной драме отличается наибольшей разработанностью. В отличие от других комических персонажей он не характеризуется выходным монологом. Лишь в немногих украинских драмах его появление сопровождается развернутым монологом, сходным с приговорами свадебного дружки:

Оце, спіткнувся через царський поріг,

Зарубив з капустою пиріг,

Ой... розсипав табак,

Зурубив печений кабак (*Волошин, VI*)

или с выходным монологом цыгана:

Трах, трах — тарарах,

Прихав дід на волах,

Без підметок и подошв,

Здравствуйте, выше шкпернаторство (*Волошин, V*).

Зато в многочисленных диалогах с его участием обнаруживается необыкновенное богатство использования комических художественных приемов, однако в особом соотношении их.

Если в создании комических образов доктора, инородца преобладает прием оксиморона, закрепленный в устойчивых формулах, то для раскрытия образа мужика, старика употребление его ограничено.

В русских, украинских и белорусских драмах с помощью оксиморона или метатезы построены немногие диалоги (адыю-

танта и старика, старика и старухи, барина и слуги или старосты). Они отличаются устойчивостью формул и в почти неизменном виде встречаются в разных драмах.

Таковы формулы широкоизвестного диалога барина и старосты о состоянии хозяйства, доходов, об урожае и изготовлении из него пива (*Ончуков*, II, VIII; *Романов*, вып. 8—9, I):

Царь Макс. Хорошее было пиво?

Максимка. Очень хорошее. Кабы этого пива поднести, да сзади плахой оплести, и с места бы не уползти (*Ончуков*, II).

В украинских и белорусских текстах единичны использования метатезы.

Клим. Бідна ж моя головонько, козу вбив!
Понесу ж її до дому, та отдам собакам шкуру,
а из мяса справлю жинці кожух! (*Галаган*).

Старик. Ну что? В доме порядки навела, курей подоила, коров пошупала, индюков в поле отогнала? (*Мезерницкий*).

Нам представляется, что употребление этих приемов связано с определенной профессионализацией. Недаром они чаще встречались в произведениях, исполняемых балаганными «дедами», раешниками, петрушечниками¹⁸, и в монологах чаще, нежели в диалогах.

В диалогах вообще (сравнительно с монологами) формульность ослабевает, употребление сложных тропов тоже. Диалогам более свойственна игра слов, близких омонимам, допускающая неподготовленную импровизацию.

В создании комического образа старика преобладает прием обыгрывания глухоты. Игра слов охватывает как отдельные слова, так и словосочетания и целые фразы, иногда разрастаясь до виртуозных прибауток.

При этом в устах старика во многих случаях комедийному снижению подвергаются «высокие» понятия власти, чинов, регалий, действия «высоких» персонажей, их имена.

В русских, украинских и белорусских драмах интересны формы реализации одного приема. Слова, сходные по звучанию, близкие омонимам, подбираются к одному понятию своеобразно в каждой национальной традиции.

Так, старика зовут к царю, он же, якобы не расслышав, переспрашивает, уравнивая царя с представителями «низких» профессий. В русских текстах обыгрывается созвучие: царь — косарь (*Ончуков*, I), в белорусских: царь — чмарь (*Васильев*), в украинских: царь — чмарь, смоляр, шинкар, гончар, свиляр (*Бессараба*, II; *Волошин*, II—IV).

Ваше превосходительство — ваше высоконеперескочишь.

Ваше императорство — ваше попирательство, помирательство, шкапернаторство.

Царские воеводы — колоды, корона — корова.

Скороход-фельдмаршал — сквородник с маслом.

Ордена — перленя; полковник — покойник; прапорщик — тряпошник;

Максимильян — Демьян, Савостьян (*Ончуков*, I, II; *Романов*, вып. 5, I; *Виноградов*, 1905; *Виноградов*, II, III; *Волошин*, III; и др.).

В образовании таких парных понятий национальная специфика проявляется наиболее явно в названиях профессий (*укр.* шинкарь, смоляр).

В других случаях игра слов не приобретает сатирического смысла, ограничивается бытовыми понятиями (тело — дело, труп — круп, доктор — дохлый и т. д.).

При игре созвучными словосочетаниями образуются иногда устойчивые пары: чтоб черви не точили — чтоб черти не утащили, погодные платить — по городу водить (*Ончуков*, I, II). Принеси жертву богам — положи мою бриль к ногам (*Романов*, вып. 5, I). Да воскреснет бог — да растреснет твой лоб (*Вин.*, Бел. вертеп; *Романов*, вып. 8—9, I).

На престол встав — з печи впав (*Волошин*, V).

Богу молить — рыбу ловить (*Волошин*, II).

Принеси микстури — не хочу на стули (*Мезерницкий*).

Можно предположить, что в двух рассмотренных видах игры словами и словосочетаниями имела место неподготовленная импровизация, лишь иногда остающаяся в традиции.

В виде устойчивых формул закреплялась игра слов с наращиванием состава и образованием прибауток:

Що у тебя болит — як запалишь, той горит (*Васильев*; *Волошин*, III).

В Питери — скаже, що застудився на холодном вітері (*Волошин*, II).

Дед, ты глух — я не люблю двух (*Гринблат*).

Не так, не так — бодай же ты свету не ведаў як! (*Шейн*, т. 3, I, II).

Колода — Какой там чорт воевода? Приведи мне двадцать пять полков гусарского войска. И того не боюсь (*Ончуков*, IV, V).

В игре слов, близких омонимам, как нигде ярко выступает комедийное начало. Каждая удачно найденная «пара» таит эффект контраста, неожиданности, необычность сопоставлений.

Мастерство и комедийный дар исполнителей позволяли развернуть короткую сцену в эффектный юмористический поединок. Классическим образцом его является разговор двух стариков с царем Максимилианом и доктором в I варианте Ончукова. Удвоение числа комических персонажей усилило воздействие комического приема.

Итак, из сравнительного рассмотрения поэтики русских, украинских и белорусских народных драм можно сделать следующие выводы.

Как общие сюжетно-композиционные типы восточнославянской народной драмы, присущие ей в конце XIX — начале XX в., отличаются в каждой национальной традиции своеобразием отдельных элементов и их сочетаний, так и общие персонажи (типы персонажей) этих драм, характеризующиеся одинаковыми приемами создания, различны по конкретным образным элементам.

Монологи и отчасти диалоги действующих лиц представляют собой определенные наборы формул-клише, которые не просто варьируются, но в каждой национальной традиции образуют в некоторых случаях устойчивые единства. Излюбленные формулы, превратившиеся в *loci communes*, составляют общий художественный арсенал и прикрепляются к разным персонажам в разных драмах восточнославянских народов.

Общие художественные приемы комического, используемые восточнославянской драмой, одинаково соотносятся с определенными персонажами и эпизодами.

Так, прием оксиморона, метонимии и метафоры, игры точными омонимами свойствен монологам улана, доктора, цыгана или диалогам с их участием, диалогам барина и слуги, старосты. Эти формулы особенно устойчивы в традиции.

Прием игры слов, близких омонимам, свойствен диалогам с участием старика, гробокопателя. Это — наиболее гибкий и употребительный прием, позволяющий развивать и варьировать импровизированные диалоги. Его лексическое наполнение разнообразно в каждой национальной традиции.

Анализ общего и своеобразного в поэтике восточнославянских драм может способствовать выявлению и уточнению фольклорных связей на разных этапах и их характера, изучению генезиса и исторических судеб отдельных типов сюжетов, мотивов и образов народной драмы.

¹ *Перетц В. Н.* Кукольный театр на Руси.— В кн.: Ежегодник императорских театров. Сезон 1894—1895 гг. Приложения, кн. 1. СПб., 1895, с. 85—185; *Барышай Г. Я., Саннікаў А. К.* Беларускі народны тэатр «батлейка» і яго ўзаемазвязі з рускім «вяртэпам» і польскай «шопкай». Мінск, 1963; *Гусев В. Е.* Взаимосвязи русской вертепной драмы с белорусской и украинской.— В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 303—311; *Кравцов Н. И.* Славянский фольклор. Учебное пособие. М., 1976, с. 246—250; и др.

² *Гаццак В. М.* Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. М., 1975, с. 147—153; *Уорнер Л.* О фольклорном происхождении некоторых эпизодов русской народной драмы «Царь Максимилиан» и ее сходстве с народным театром Англии.— СЭ, 1973, № 5, с. 51—59.

³ *Богатырев П. Г.* Чешский кукольный и русский народный театр. Берлин — Петербург, 1923; *Он же.* Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре.— В кн.: Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 450—496.

⁴ *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. 1, ч. 1, т. 3. СПб., 1902 (далее — *Шейн*, т. 1, I и т. д.; *Шейн*, т. 3, I, II и т. д.; римскими цифрами обозначаются варианты, конкретные тексты); *Романов Е. Р.* Белорусский сборник, вып. 5. Витебск, 1891;

- вып. 8—9. Вильна, 1912 (далее — *Романов*, вып. 5, I; *Романов*, вып. 8—9, I, II и т. д.).
- ⁵ *Бессонов П.* Белорусские песни, вып. I. М., 1871 (далее — *Бессонов*); *Federowski M.* Lud białoruski, t. I. Kraków, 1897 (далее — *Федеровский*).
- ⁶ *Барышай Г. J.*, *Саннікаў А. К.* Беларускі народны тэатр «батлейка». Мінск, 1962, с. 89—162 (далее — *Бар*, *Сан.*, I, II и т. д.); АИМЭФ АН БССР, ф. 8, оп. 1, спр. 57, СШ 3-Л, 23—29 (далее — *Кабашников*; здесь и в подобных случаях указывается для краткости и единообразия собиратель или публикатор).
- ⁷ ЭО, 1898, М., кн. 36, № 1, с. 83—100 (далее — *Васильев*); кн. 38, № 3, с. 161—168 (далее — *Грузинский*); Изв. ОРЯС АН, 1908. СПб., кн. II, т. XIII, с. 71—78 (далее — *Вин.* Бел. вертеп.); Белорусское искусство. Минск, 1957, с. 102—107 (далее — *Гринблат*).
- ⁸ *Маркевич Н. А.* Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860, с. 31—64 (далее — *Маркевич*); *Бессараба И. В.* Материалы для этнографии Херсонской губернии. Пг., 1916, с. 374—401 (далее — *Бессараба*, I, II); *Марковский Е.* Украинский вертеп. Розвідки й тексти. Київ, 1929 (далее — *Марковский*, I, II и т. д.); *Волошин J. O.* Джерела народного театру на Україні. Київ, 1960. Додатки, с. 159—226 (далее — *Волошин*, I, II и т. д.).
- ⁹ Киевская старина, 1882, кн. 10 (далее — *Галаган*); 1883, кн. 3 (далее — *Тарнавский*); 1887, кн. 12 (далее — *ИБ*); 1889, кн. 1 (далее — *Чалый*); 1895, кн. 2 (далее — *Ястребов*); 1898, кн. 1 (далее — *Яцуржинский*); Этнографическое обозрение, 1898, кн. 39, № 4, с. 52—59 (далее — *Каллаш*, I); 1897, № 4, с. 37—43 (далее — *Малинка*); 1914, № 1-2, с. 46—77 (далее — *Яцмирский*); Изв. ОРЯС АН, 1904, т. IX, кн. 3, с. 270—298 (далее — *Абрамов*); Русский филологический вестник, 1912 (Варшава), т. LXVIII, № 3-4, с. 326—336 (далее — *Волков*); *Мезерницкий П. Г.* Народный театр в гор. Стародубе Черниговской губ. СПб., 1909 (далее — *Мезерницкий*).
- ¹⁰ *Ончуков Н. Е.* Северные народные драмы. СПб., 1911 (далее — *Ончуков*, I, II и т. д.); *Виноградов Н. Н.* Народная драма «Царь Максимилиан». — Сборник ОРЯС АН, 1914. Пг., т. 90, № 7 (далее — *Виноградов*, I, II и т. д.); *Виноградов Н. Н.* Народная драма «Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольф». — Изв. ОРЯС АН, 1905, т. 10, кн. 2 (далее — *Виноградов*, 1905); *Виноградов Н.* Великолукский вертеп. СПб., 1906 (далее — *Вин.*, Вел. вертеп); Записи народных драм в Рукописном отделе Публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 777, оп. 1, № 188 (далее — *Тиханов*).
- ¹¹ *Уорнер Л.* О фольклорном происхождении..., с. 55.
- ¹² *Яцмирский*, с. 71.
- ¹³ *Яцуржинский Х. П.* Рождественская интермедия («Коза»). Отд. отт. Киев, 1898, с. 1.
- ¹⁴ *Некрылова А. Ф.* Русский народный кукольный театр «Петрушка» в записях XIX—XX веков. Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 17—18.
- ¹⁵ *Вин.* Вел. вертеп; *Шукин Н.* Вертеп. — Вестник Императорского географического общества, 1860, т. XXIX, кн. 7, ч. 5, с. 25—35.
- ¹⁶ *Савушкина Н. И.* Русская народная драма. Учебное пособие, ч. I. М., 1977.
- ¹⁷ *Гусев В. Е.* Взаимосвязи русской вертепной драмы с белорусской и украинской. — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 311.
- ¹⁸ *Богатырев П. Г.* Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре, с. 453.

И. М. ШЕПТУНОВ

ОБРАЗ НАРОДНОГО ГЕРОЯ В СЛАВЯНСКОМ И НЕСЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Когда мы обращаемся к явлениям общественной жизни, а таковые суть литература, искусство, фольклор и другие формы проявления общественного сознания, мы употребляем при этом понятие «народ» или «народный».

«Народ» — это исторически изменяющаяся этносоциальная общность. Социальные наполнения понятия «народ» времени феодальной и времени капиталистической формации различны, в каких-то частях они совпадают между собой, в каких-то совершенно отличны, далеки друг от друга.

И потому мы всегда должны соотносить факты и явления общественного сознания, факты, например, народной культуры в целом или фольклора, в частности, каждого данного периода с тем, что собой представляет исторически изменяющаяся этносоциальная общность этого же периода. Но при этом всегда надо иметь в виду, что в силу традиционности народной культуры, в том числе и фольклора, в ней живучи и продуктивны как позитивные, так и негативные стороны прошлого, своеобразно закрепленные в общественном сознании. Память народа сохраняет и цепко держит факты, события, социальные, классовые и семейные отношения прошлого, каждодневно частица за частицей, слой за слоем добавляя к ним факты и события нынешнего времени, которые завтра опять становятся прошлым, принадлежащим истории. Народная культура длительно сохраняет в себе очень многое из того, что было в прошлом создано и накоплено как общественный опыт поколений и в то же время она очень чутка и мобильна в отражении всех социальных перемен, классовых отношений, соотношения личного, частного и общественного. Примером этого, относящимся к нашему времени, может служить частушка, которая с поразительной остротой и быстротой откликается на все события стремительно текущей жизни.

Мы обратили внимание на все это в связи с тем, что проблема образа народного героя в славянском и неславянском фольклоре Центральной и Юго-Восточной Европы является вопросом сложным и многоплановым, требующим историко-диалектического подхода и сравнительно-исторического изучения обширнейшего материала многих национальных фольклорных массивов. А все это вместе взятое нуждается в уси-

лиях многих исследователей. Свою же задачу мы видим в том, чтобы осветить некоторые стороны этой проблемы и поделиться имеющимися наблюдениями.

Сразу же необходимо отметить, что данный вопрос в той или иной мере уже находил отражение в работах П. Г. Богатырева, В. М. Гацака, В. Гашпариковой, П. Динекова, Н. И. Кравцова, Н. А. Новгородовой (Гридасовой), Цв. Романской, В. К. Соколовой, С. Стойковой и др.¹

В трудах названных ученых эта проблема ставилась в ряду других вопросов и не являлась главной. Вместе с тем суждения, высказанные о ней, представляют интерес, и они учтены нами.

Народный герой потому и народный, что основными своими чертами отвечает жизненно важным стремлениям и чаяниям народных масс данной эпохи. Народный герой славянского и неславянского фольклора народов Центральной и Юго-Восточной Европы несет в себе черты истинных, живших и действовавших в определенных исторических рамках лидеров, является художественным отражением подвижной совокупности действительных деятелей и той исторической сущности, в которой они были и формировались как личности.

Народный герой и этносоциальная общность находятся в прямой и обратной связи: в среде этносоциальной общности складываются и оформляются в образ черты подлинных народных героев, а затем сложившийся художественный образ в определенных ситуациях начинает воздействовать на членов данной этносоциальной общности, а в ряде случаев его воздействие выходит даже далеко за рамки этой общности.

Каждая эпоха выдвигала своего народного фольклорного героя, который был созвучен действительности и отражал главные направления миропонимания и мироощущения данной стадии развития той или иной исторически изменяющейся общности.

Изменения общественных отношений ведут к изменению сознания. Исторические катаклизмы и конфликтные ситуации влекли изменения общественного устройства этнических общностей. Эти процессы находили отражение и в фольклоре.

Борьба с османским завоеванием, уничтожение государственности и видоизменение прежних феодальных отношений вели к перемене и в фольклоре балканских народов: песни раннего средневековья о деяниях юнаков-богатырей были либо забыты или вытеснены песнями о новых героях, о событиях недавнего времени, либо слились с этими новыми песнями и воспринимались уже как песни о других, новых героях-богатырях, воителях против иноземцев-завоевателей. В образе героя новой богатырской песни позднего средневековья нередко как дань традиции прошлого проглядывают черты, восходящие к языческой славянской и неславянской мифологии народов, населявших Балканы.

Вместе с тем образ юнака-богатыря, являющегося образом народного героя этой трагической эпохи в жизни балканских народов, нес в себе черты, не только присущие феодальному времени недалекого прошлого (герой этот, как правило, феодальный владетель, богатырь-одиночка), но и черты, отвечающие новой исторической ситуации,— он выступал поборником правды и справедливости, защитником угнетенных, блюстителем христианской веры, храбрым воином в борьбе против завоевателей-османов. Образ народного героя богатырских песен балканских народов строился при помощи средств гиперболизации и героической идеализации его жизни, его подвигов, совершаемых им в единоборстве с врагом.

В XIV—XV вв. в результате османского завоевания были ликвидированы классы местных феодалов, произошли серьезные социальные сдвиги в соотношении бывших сословий, к гнету феодальному прибавился теперь еще и гнет национальный, была ликвидирована государственность, народные массы были превращены в «райю» (что означало «стадо»). В эту пору, как и несколько позже, юнацкие, войничкие и акритские богатырские песни, а также и прозаические предания о деяниях богатырей были созвучны чаяниям угнетенных народов.

Вместе с тем среди угнетенных народных масс, испытывавших все больший экономический и социально-политический гнет Османской империи, возникают и развиваются начиная с XV в., а местами несколько позже народные движения, известные в одних областях как хайдучество (болгарские, сербские, хорватские, валашские и молдавские земли), в других — как движение клефтов (греческие земли), качаков (албанские земли) и ускоков (Далмация). Эти движения, выражавшиеся преимущественно в форме партизанской борьбы, были направлены против турецких завоевателей, против всей системы угнетения, установленной на захваченных территориях Османской империи, а также против местных социальных врагов — господарей, богатеев — чорбаджиев, ростовщиков, откупщиков налогов².

Эти изменения в общественных отношениях, расстановке социальных сил находили отражение и в общественном сознании. В богатом фольклорном массиве Юго-Восточной Европы как реакция на сложившуюся ситуацию в общественных отношениях (в одних местах, по-видимому, с конца XV в., в других — с XVI и XVII в., т. е. вслед за развитием движений хайдуков, клефтов, качаков, ускоков) появляется и широко бытует вплоть до XX в. многожанровое образование, называемое нами общим термином хайдуцкий фольклор³.

Хайдуцкий фольклор, включающий эпические песни, прозаические предания, народную драму, балладу, лирическую и историческую песни, обнаруживает типологические сходства с произведениями устного поэтического творчества, отражающими антифеодальную борьбу украинских и польских опришков,

словацких и чешских збойников, т. е. с произведениями фольклора народов, также находившихся под властью эксплуататоров — феодалов и инонациональных владельцев.

Закономерности процессов в природе (хотя бы смена времен года) заставляли человека с древнейших времен наблюдать за признаками каждого явления сначала в природе, затем и обществе. Какое-либо отклонение от привычного порядка следования явлений, обнаружение чего-либо нового вызывали удивление, были непонятными, казались незакономерными. Но появившись, новое явление в силу повторяемости и при условии его соответствия развитию главных тенденций данного общества приобретает еще и качественную характеристику — правильность (раз оно появляется или проявляется вновь и вновь), и тогда оно перестает быть отклонением, а становится уже характерной чертой или общественно значимого факта, или общественной формации.

Повторяемость и правильность, взятые неразрывно вместе, позволяют проводить нужные обобщения, сопоставления различных фактов, соотносить явления разных уровней и находить общее, выделять специфическое.

«Анализ материальных общественных отношений... сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение,— указывал В. И. Ленин в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»,— и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им»⁴.

Данное положение В. И. Ленина служит методологической основой при рассмотрении общих типологических сходжений хайдуцкого фольклора народов Юго-Восточной Европы и устного поэтического творчества народов Центральной Европы, посвященного збойникам и опришкам.

Сходство процессов исторического развития этих народов, их борьбы против чужеземного гнета и социальной несправедливости обусловили и типологическую близость, совпадение идейных позиций и художественных средств отражения действительности в хайдуцком фольклоре и в фольклоре збойничком. Повторяемость и правильность явлений, фактов исторической действительности, их совпадение и совпадение художественных произведений народного творчества, в данном случае хайдуцкого фольклора и фольклора збойничкого, позволяют говорить об их типологической близости, о закономерности и правомочности рассмотрения в сопоставительном плане образа народного героя в фольклоре народов Центральной и Юго-Восточной Европы. При этом, основываясь на критериях повто-

ряемости и правильности, мы можем брать и рассматривать какое-либо одно фольклорное образование одной этнической общности и обнаруженное в нем соотносить со схожим в других фольклорных системах, дополняя и расширяя наше представление о совокупности черт и качеств образа народного героя уже всего хайдуцкого фольклора, взятого вместе с подобным, совпадающим в фольклорных произведениях о збойниках и опришках.

Исходя из изложенного выше обратимся к хайдуцкому фольклору, объединяющему произведения фольклорных массивов балканского региона славянских и неславянских народов. Среди поэтических форм, а именно среди песен о хайдуках и близких им героях — качаках, клефтах, ускоках, наибольшее развитие получила болгарская хайдуцкая песня. Мы об этом говорили ранее в одной из наших работ⁵. В данном случае мы вновь это подчеркиваем в связи с тем, что именно болгарскую хайдуцкую песню, как наиболее развитую, обладающую многожанровостью, мы и берем как основную для характеристики образа народного героя фольклора Юго-Восточной Европы. Для нас важно проследить за формированием образа народного героя фольклора Центральной Европы, и для этой цели мы обращаемся к збойничьей словацкой песне. Наряду с ними мы будем по мере надобности привлекать также материал греческих клефтских песен и хайдуцких песен молдаван.

Образ фольклорного народного героя, продуцирующийся на основе болгарской хайдуцкой песни XV—XIX вв., — образ многокомпонентный, мозаичный, так как он складывается из единичных черт хайдуков — героев большого числа отдельных песен, множества их вариантов, т. е. он является суммарно-синтетическим образом.

Для того чтобы увидеть его во всей многолинейности и суммарности, сначала обратимся к одной известной песне — «Стоян и дружината му» («Стоян и его дружина») ⁶ и рассмотрим ее с точки зрения раскрытия образа хайдука. Мы обратились к этой песне не случайно. В болгарском хайдуцком фольклорном песенном наследии с именем Стояна связано более ста песен, имеющих огромное число вариантов. Песни, посвященные другим любимым героям хайдуцкого фольклора, посвящены значительно меньшим числом. Так, Индже-воеводе посвящено 17 песен, хайдуку Велко — 14, Чавдару — 7, Страхилу — Страшил — 7, Богдану — 7, Вылко — 5, Лало — 5, Ангелу — 2, Татунчо — 2 и т. д.⁷ Мы при этом отнюдь не считаем, что все песни о хайдуке (воеводе) Стояне имеют в своей основе деяния одного действительно существовавшего хайдука. Имя Стоян чрезвычайно распространено в Болгарии, и правы те исследователи, которые считают, что с песенным героем Стоянов связаны, возможно, 10—12 исторических личностей Стоянов, живших в разных местах и в разное время. Вместе с тем песенный репертуар, объединенный именем Стояна-хайдука, мо-

жет вполне послужить для первого шага в рассмотрении образа хайдука — фольклорного народного героя эпохи.

Песня «Стоян и дружината му» принадлежит к песням ранним, датировать ее, по-видимому, можно XVII в. Основанием для таких выводов служит встречающееся пять раз в песне обращение к Стояну «...въвода от вето време останал», т. е. «воевода, оставшийся от старого времени, позволяющее отнести эту песню к Стояну-воеводе из Тырново»⁸.

Любопытно отметить, что Стоян на протяжении песни называется по-разному: сначала «молодой воевода», затем «молодой воевода, от старого времени оставшийся», потом «наш воевода, от старого времени оставшийся» — эпитет «молодой» исчез, выпал и в конце уже — «старый воевода, от старого времени оставшийся» («Стара въвода от вето время останал» — БНТ-2, с. 174). Герою песни как бы дается возрастная характеристика, образ от этого получается динамичным, изменяющимся во времени: был он молодым, затем стал зрелым и, наконец, «старым» хайдуком. И когда он, «старый», опытный хайдук захватывает в плен бея-кровопийцу, то тот вдруг, чтобы сделать приятное воеводе Стояну и спасти свою шкуру, обращаясь к хайдуку, подобострастно называет его «молодой воевода» («Млада въвода» — БНТ-2, с. 178), надеясь этим обращением-комплиментом смягчить свою участь. Это придает данному месту песни трагикомическое звучание.

Образ Стояна-воеводы предстает перед нами развивающимся. Вначале мы видим его молодым, сильным человеком, уверенным в себе. Он с легкостью перепрыгивает через воткнутое в землю древко знамени, он хранитель хайдуцких традиций — члены его дружины и он сам дают клятву верности и товарищества не бросать заболевшего в лесных дебрях Балкан.

Но вот случилась беда — воевода Стоян вдруг занемог. Вся дружина в смятении, и песня передает трогательную заботу товарищей о больном, их сочувствие ему: «вчера знамя перепрыгнул, веселым был Стоян, а сегодня больной, разболевшийся» («Вчера байрака прескочи, весел си беше, Стоене, днеска са болен разболя», — БНТ-2, с. 166). И в силу хайдуцкой клятвы друзья-товарищи несут воеводу Стояна на руках — ослабевшего, снедаемого недугом, «как ягненка георгиевского, как цыпленка к петрову дню» (БНТ-2, с. 166).

Так носила его дружина на руках от «великого дня» (т. е. от пасхи) до ильина дня и не провела ни одной хайдуцкой операции — ни казны не ограбили, ни бея не захватили. Дружина устала от больного Стояна, хочет бросить его в горах, но брат Стояна Иван-хайдук просит дружину нести больного до поля отцовского, где его могут найти мать и сестра, когда придут жать «хорошую желтую пшеницу» («хубава жълта пшеница», — БНТ-2, с. 167).

Трогательно изображается прощание больного Стояна с

дружиной. Все хайдуки плачут, просят прощения у воеводы, что они его оставляют. Стоян же ничего им не ответил, печально лишь глянул на них и махнул рукой. Песня показывает внутреннее напряжение героя, его печальную мудрость — он понимает желания и стремления молодых и здоровых удальцов — хайдуков своей дружины, он внутренне уже повзрослел, помудрел и потому им затем говорит: «Я вас прощаю, дружина! Ходите, где ходится, и еще обо мне думайте, и еще обо мне слушайте, и опять меня ищите» (БНТ-2, с. 167—168). В этих словах Стояна-воеводы заключена вера в непременною встречу с дружиной, а значит и вера в выздоровление.

Больного Стояна на отцовской ниве находит сестра — девушка решительная, смелая, достойная своего брата-хайдука. Посылая ее посмотреть, кто лежит в пшенице на их поле, мать говорит ей:

Ти имаш сърце юнашко,
кѣто баты си Стояна,
на йдно сте сърце лежали,
една ва й майка родила...

Ты имеешь сердце юнацкое,
как брат твой Стоян,
под одним сердцем вы лежали,
одна мать вас родила...

.....
запаши сабя френгия,
затъкни кобур пищови,
задигни пушка бойлия,
че, иди, джаным, че иди,
че виж коя е тѣз рѣка...

.....
опояшься саблей-френгией,
заткни кобуру пистолетную,
возьми ружье меткое
и иди, дорогая, иди,
посмотри, чья это рука...

(БНТ-2, с. 168)

(Перевод подстрочный)

Этим подчеркивается, что Стоян — хайдуцкого колена, раз и мать и сестра так по-боевому настроены и имеют даже хайдуцкое снаряжение.

Сестра Станчица находит больного Стояна, который ей говорит, что он не разбойник, а ее брат Стоян и что сабля его не секла, пуля в него не попала, а болен он оттого, что сам себя сглазил (БНТ-2, с. 169). Вслед за этим он просит перенести его в дом, где мать и сестра будут лечить его и он станет на ноги. Девять лет болел Стоян, наконец он поправился, ушел в лес, на Стара-планину, которой он говорит о своем выздоровлении и спрашивает у нее, не видно ли тут хайдуков, его дружины. Затем он отправляется на гору Бакеджик, где светится далекий огонь. Но это оказались не хайдуки, как думал Стоян, а пастухи. С ними он заводит разговор о житебытье, и они повествуют о тяжком своем существовании. Рассказ этот является ярким свидетельством страшного османского гнета и произвола, зафиксированным в фольклоре:

Стоене, стара въйвода,
като ни питаш, да кажем,
правото да ти обадим,
от тебе лѣжа не бива,

Стоян, старый воевода,
раз ты нас спрашиваешь, скажем,
прямо тебе сообщим,
ты нас не обманывал,

то тебе скритом не бива.
Стоене, старо въивода,
одкак са, Стоене, загуби,
рахит от турци нямаме:
секи ден гости тук идат
остри ножове си въртят,
агнета да им почеме,
ракия да заливаме,
невясти да им търснме,
невясти, млади девойки;
на гърди турят вериги,
вериги нигорешени;
тук няма млади юнаци,
дружина вярна, сговорна,
та турци страха да дадат.
Снощи кехая викаше
в голямо село Бакъджик:
«Бея си има меджия,
меджия нивя ще земе,
да иде мало ѝ голямо
нивята да му пожене;
кой не рачи да иде —
главата ша му отрежат,
като на агне гергъовско,
като на пиле петровско».

(БНТ-2, с. 172—173).

от тебя нам скрывать нечего.
Стоян, старый воевода,
как, ты, Стоян, пропал,
покою от турок нет:
каждый день в гости приходят,
острыми ножами размахивают,
ягнят им печем,
ракией заливаем,
молодок им ищем,
молодок, молодых девушек;
на грудь нам кладут цепи,
цепи раскаленные;
нет здесь молодых юнаков,
нет дружины верной, сговорной,
(чтобы) на турок страху нагнать.
С вечера глашатай кричал
в большом селе Бакыджик:
«Бей объявил себе «помочь»,
«помочь» ниву убрать,
пусть идут малые и взрослые
ниву ему жать;
кто не хочет идти —
голову тому отрежут,
как ягненку георгиевскому,
как цыпленку петровскому».

(Перевод подстрочный)

Эта картина рабской жизни балканских народов под турецким игом, приведенная в песне, близка свидетельству современника, оставленному на страницах старой сербской рукописной книги. В этом свидетельстве говорится: «И въ то лето бысть крепкъ гладь, якоже человекомъ от своих животь лишати се. Ох, беда, ох, тоуга, ох, скръбы въ то лето от проклети чеда агаренских на християнскы род, ох, ох, ох...»⁹

Выслушав печальный рассказ пастухов, Стоян ничего не сказал овчарам, только себе прошептал: «Ах, турки, турки, ну погодите, нехристи, погодите молодые беи, ведь я-то уже выздоровел, теперь я рассчитаюсь» («Де гиди, турцы, де гиди, де гиди вяра лошава, де гиди млади бойове — нали си веке оздравях, сега щем хесап гледаме». — БНТ-2, с. 173).

Затем Стоян находит свою дружину, которая без него заплотшала, обносилась, все хайдуки — голодные, босые, так как «без овчара овцы разве ходят, без воеводы разве бывает добыча?» (БНТ-2, с. 174).

После соединения Стояна с дружиной воевода намечает захватить бея из села Бакыджик. Далее в песне рассказывается о смелом плане Стояна: отвлечь внимание стражников подражанием реву медведя и в это время броситься на бея. Никто

из дружины не взялся выполнять этот дерзкий план, пришлось действовать самому Стояну. Он пленил бея, увел его в лес, заставил его себе прислуживать, как ранее бею прислуживали три девушки. А в конце песни он принудил бея отдать все награбленное добро и роздал его хайдукам. То, что осталось от сокровищ бея после раздачи хайдукам, Стоян зарыл на всякий случай, вдруг захватят враги — будет чем откупиться («белки щѣт фана и менеча давам тежко имане, ща давам а се отърва, отърва да са изплата».— БНТ-2, с. 178).

Хайдуцкий воевода Стоян в этом интересном произведении народной поэзии прожил вместе со слушателями песни десять лет своей нелегкой жизни. За время, пока пелась эта песня, сопереживающий слушатель не только полюбил ее героя, но и сроднился с ним — мужественным, умным, хитрым с врагами, справедливым, не терпящим насилия над простыми людьми.

Мы привели выше столь большой отрывок из песни «Стоян и дружината му» не только потому, что в нем в образной форме отражена страшная действительность того времени, но и потому, что в нем выражено глубокое доверие к народному заступнику, воеводе Стояну.

В этом же отрывке обращают на себя внимание строки, в которых выражена и косвенная оценка простыми людьми — овчарами — хайдучества в целом: «Нет здесь молодых юнаков. нет дружины верной сговорной, чтобы на турок страху нагнать». Овчары видят в хайдуках единственных защитников народа.

Стоян-воевода помогает избавиться от турок своим соотечественникам. Это — пастухи-овчары, это «из девяти сел жнецы, молодые женщины, молодки... молодые девицы» (БНТ-2, с. 175), т. е. представители угнетенных, бесправных крестьянских масс, и Стоян со своей дружиной кровно с ними связан.

Идея защиты народа, лежащая в основе песни «Стоян и дружината му» и нашедшая в образе воеводы Стояна яркое выражение, воплощена во многих произведениях болгарского хайдуцкого фольклора:

Ненчо-воевода, бывший хайдуком в конце XVIII — начале XIX в., вел непрестанную борьбу с турками — «развернул Ненчо знамена, и колет турецких басурманов, собирает желтые золотые...» («...развива Ненчо байраци, и коли турски читаци, събира жълти жълтици...» — БНТ-2, с. 208).

В песне «Златан-воевода Кокарчооглу» поется о том, что хайдук имеет высокое самосознание, представление о своем месте в жизни и борьбе — «Пока есть Стара планина — турку не поклонюсь» («Дорде и Стара планина на турчин не са покланям».— БНТ-2, с. 217). Законом для него является правило: «где видишь турка — коли его, где видишь казну — забирай ее» («...де види турци — коли ги, де види хазна — земи я».— БНТ-2, с. 260).

В песне, посвященной известному воеводе из Котела Алтын-

лы Стояну, отчаянному храбрецу, вначале поётся о том, что намерен сделать Стоян:

Татари ди си изловя
манафи да си посекъ,
забеци да си изгоря,
хазна да си оберà,
горо льо, шь я харижа,
на хора, на сиромаси!

(БНТ-2, с. 268).

Татар я поймаю,
манафов * я порублю,
зебецев ** я сожгу,
казну я ограблю,
лес родной я подарю ее
людям, беднякам!

(Перевод подстрочный)

В заключении песни мы видим, что свое намерение Алтынлы Стоян блестяще выполнил и роздал захваченные деньги беднякам.

Больной хайдук Георгий долгие годы страдает тяжелым недугом; он своею болезнью связывает жену, за что она упрекает его в том, что он не умирает и не выздоравливает и не дает ей разрешения-прощения обручиться с другим, в своем ответе жене хайдук говорит:

От уста ти прошка давам,
мило сърдце не ти дава.
Оглави се, ожени се,
ако найдеш добър юнак,
добър юнак като мене:
денем лежи, вечер ходи
да обира царска хазна,
царска хазна с желто злато,
да го дава на сюрмаси,
на сюрмаси, на дружина.

(БНТ-2, с. 526)

Устами я тебе прошение даю,
милое сердце тебе его не дает.
Обручься, обвенчайся,
если найдешь доброго юнака,
доброго юнака, как я:
днем лежу, вечером хожу
да обираю царскую казну,
царскую казну с желтым золотом,
да раздаю его беднякам,
беднякам, дружине.

(Перевод подстрочный)

Подобным образом поступает и Бояна-воевода, которая захваченные дружиной деньги также раздаёт «бедным и сиромашам» (БНТ-2, с. 322).

Молодой воевода Стоян, скучающий по красавице жене, играет на кавале, звучанием своим передающим такие слова Стояна его Ганке: когда родится у нас дитя, назови его моим именем, пусть станет он таким, как я, станет молодым воеводой и будет «диких врагов-душманов гнать» (БНТ-2, с. 111).

Сестра хайдука с большой силой убеждения в правоте дела своего брата говорит о нем: «Отбор юнаци да води, да сече наши душмани и цариградски султани» («отборных юнаков он водит и сечет наших врагов-душманов и цариградских султанов». — БНТ-2, с. 276).

Манол-воевода, спустившись с гор, чтобы повидать своего недавно родившегося племянника-тезку, говорит сестре знаме-

* Манафы — прозвище малоазнатских турок.

** Зебецы — народное название турецкого племени из Анатолии.

нательные слова: «На тебе, сестра, эти деньги — ты его грамоте научишь, чтоб свое (т. е. наше.— *И. Ш.*) царство отнять (т. е. освободить.— *И. Ш.*)» (БНТ-2, с. 217). А в песне о Кара-Кольо лесная птичка-невеличка говорит хайдуку о том, что надо ему «знамя средь села забыть, набрать верную дружину... и изгнать турок»¹⁰.

В песнях, относящихся к 40—70-м годам XIX в., все ярче проявляется идея изгнания турок с родной земли.

В широко известной песне «Дончо-воевода и Мургаш»¹¹, где с особой силой проявляется уже национальное самосознание, о Дончо говорится, что он «болгарского колена», а его мать «болгарка и болгарским молоком его вскормила». В песне говорится о задаче освобождения родины:

Удрайте пусти чытаци.

Да си земята отиемем,

Да си децати откупим,

Да си жените избавим,

Да си бащите поменем,

Да си за майки отмъстим!

Ударьте по проклятым турокам.

Чтобы нам землю взять,

Чтобы нам детей выкупить,

Чтобы нам жен избавить,

Чтобы нам отцов помянуть,

Чтобы нам за матерей отомстить.

(Перевод подстрочный)

Молодой Стоян уходит в дружину, чтобы «болгар освободить, болгар, мама, болгарок от этих турок проклятых: много молодец в рабство брали, много девушек потуречили» («българи да отървеме, българи, мамо, българки от тия турци прокляти: много са булки робили, много са моми турчили». — БНТ-2, с. 76). При этом молодой Стоян, одевая «одежду юнацкую», сбрасывает с себя «одежду торговца», а мать заклинает его идти уже не в хайдуки, а в «бунтовники»; т. е. в четники революционных отрядов Раковского.

И как завершающий аккорд всей многовековой борьбы народа звучит строфа из песни о Карадже, где выражена уже идея свободы, идея справедливости:

Били са три дни, три ноци
за правда и за свобода.

(БНТ-2, с. 298)

Бились три дня, три ноци
за правду и за свободу.

(Перевод подстрочный)

Итак, свободолобивые идеи, идеи защиты народа звучат во многих болгарских песнях о хайдуках. При этом, как мы пытались это показать, они не остаются неизменными, они эволюционируют: в ранних песнях это защита народа, «закрыльничество», месть поработителям, поиски правды, в более поздних идея защиты своих близких перерастает в идею борьбы за свободу народа, что выражается лозунгом национально-освободительного движения — «за правду и за свободу». Образ хайдука — это образ носителя идеи свободы, борьбы за справедливость, за правду, против рабства.

Близкие мотивы мы обнаруживаем и в молдавских хайдуц-

ких дойнах. Там хайдук тоже выступает борцом за правду:

Рэмый, воде, ла домине, Еу мэ бук ын хайдучие, Ка сэ-мь фак сингур Үдрептате ¹² .	Оставайся, гоеподарь, и властуй.. Я ухожу в хайдуки, Я сам себе добуду правду.
---	---

(Перевод подстрочный)

Герой молдавской песни — простой крестьянин, у него нет даже необходимого оружия — ни сабли, ни пистолетов, а есть лишь орудие его труда — коса, и он с ней уходит в хайдуки, чтобы отомстить завоевателям-туркам за обиды:

Сэ мэ фак, майкэ, хайдук. Ши ын кодру ам сэ трэеск, Ку турчий сэ мэ рэзбоеск, Сэ ле-арэт кум коаса мя Тае, арде'н карне ря. Лас'сэ штие орьче турк Рэзбунаря де хайдук.	Сделаюсь, мать, хайдуком И буду жить в лесу, С турками буду биться, Покажу им, как моя коса Режет, жжет вражье мясо. Пусть знает каждый турок Хайдуцкую месть.
--	---

(Фолклор молдовенеск, с. 239).

(Перевод подстрочный)

Хайдук-молдаванин выступает также как борец против социального зла, против мироеда-богача, против феодала-чокоя, эксплуатировавших крестьян:

Штие фрунза кодрулуй, Че-й фэчам чокоюлуй, Че-й фэчам богатулуй! Де-л приндям ын кодру дес, Орь пе дялурь, ор пе шес, Ын требам дече и-й драгэ: Де фрынгие орь де бардэ Ку гура ыл ынтребам, Баный дин пунгэ-й скотям Шила чей сэрачь ый дам.	Знает лист кодра, Что я делал с мироедом, Что я делал с богачом! Если он попадался мне в густом лесу, Или на холмах, или в долине, Я спрашивал: чего ему хочётся: Веревки или топора, Устами его спрашивал, Деньги же из кошелька забирал И бедным отдавал.
--	---

(Фолклор молдовенеск, с. 240).

(Перевод подстрочный)

В молдавской песне поется о том, что хайдук отправляется «с гнедым (т. е. с конем) вместо брата добывать справедливость» (Фолклор молдовенеск, с. 240), добывать правду.

Свободолюбие и борьба за справедливость, правду и счастье народа — характерные черты и образа героев клефтских песен. В них обнаруживаются схожие с болгарскими и молдавскими хайдуцкими песнями мотивы.

Клефт полон собственного достоинства, он презирает паразитов, перед которыми никогда не склонит головы. Для не-

го вся жизнь в борьбе, в сражении с угнетателями. Умирающий старый клефт просит своих товарищей, своего племянника сделать такую гробницу, чтобы в ней он мог продолжать сражаться с врагом и после смерти:

Тридцать лет в арматолах и двадцать в клефтах,
А теперь ко мне пришла смерть и я хочу умереть.
Сделайте мне гробницу широкую, высокую,
Чтобы я стоял прямо, сражался и заряжал рядом,
А справа оставьте окно,
Чтобы ласточки прилетали, весну приносили
И соловьи о добром мае приносили весть.

·Ελληνικά δημοτικά τραγούδια, т. I. ·Αθήναι, 1962, N с 'Z' 282.

(Перевод подстрочный)

Как и хайдуки, клефты видят цель своей деятельности в защите угнетенных, в противостоянии османским насильникам. Клефтские песни много раз упоминают о гордых клефтах — Захаракисе, Стергиосе и др., которые, осознавая свое предназначение, говорят: «Я райей не стану, туркам не поклонюсь»¹³, которые призывают своих друзей-дружинников показать отвагу и смелость, быть «палликарами» — удальцами.

Воевода дружины клефтов Захаракис в обращении к дружинникам говорит о необходимости защищать райю, народные массы:

Эй, палликары мои, все собирайтесь,
Я собираюсь сразиться с этим арабом Суфисом,
Покажем нашу удаль и отвагу,
Чтобы он увидел клефтские ружья, наши пули летящие,
Чтобы он не прошел тиранить бессильную райю.

·Εκλογαί από τά τραγούδια του ελληνικού λαού, υπό Ν. Γ. Πολίτου.
·Αθήναι, 1966, с. 70.

(Перевод подстрочный)

Все клефтские песни заключают в себе мотив сопротивления, борьбы с поработителями. Песни эти — страстный призыв ко всем быть мужественными и гордыми. В них часто герой говорит сам о себе как о борце и борце непримиримом:

«Пока жив Льякос, паше он не кланяется.
Для паши у него есть сабля, для визаря — ружье».

·Ελληνικά δημοτικά τραγούδια, т. I. ·Αθήναι, 1962, N K 'B', с 202.

(Перевод подстрочный)

Так формируется образ народного героя в фольклоре народов Балканского полуострова. Новизна его состоит в том, что он социально заострен, фактура образа обусловлена новым соотношением общественных сил, общественных отношений, скла-

дывавшихся на Балканах на протяжении XV—XIX вв. При этом необходимо отметить, что этот образ сохраняет черты прежнего эпического героя — юнака, воина, богатыря акритских песен. В произведениях хайдуцкого фольклора нередко мы встречаем сюжетные ситуации, при которых «момченце» (паренек) одним ударом убивает триста юнаков (БНТ-2, с. 103), или поединок арапчонка и Велко-воеводы длится «три дня и три вечера» (БНТ-2, с. 126), или вдруг конь хайдука Стояна заговаривает с ним человеческим голосом (БНТ-2, с. 188), или у хайдука Велко вдруг появляется архаический «топуз» — палица весом в «девять ок» (БНТ-2, с. 196), или вдруг хайдук Нано вытаскивает саблю в «двенадцать пядей юнацких» (БНТ-2, с. 245), или же хайдук Йорги родился с крыльями, что является признаком его необычайной хайдуцкой стати (БНТ-2, с. 94), или клефты, как богатыри, бой «три дня ведут, три ночи» (Греческие народные песни. М., 1957, с. 68), хайдук Кодрян на кауром коне «перепрыгнул стену из камня» (Гацак В. М. Восточнороманский героический эпос, с. 393), а хайдук Радул «обучен биться с семью погонями» (Фолклор молдовенеск, с. 240—241).

Вместе с тем в новом народном герое-хайдуке преобладают черты человека уже нового времени, понимающего, что главное в борьбе против угнетателей, против мироедов — это битва «за правду и за свободу».

Также за правду против кривды борется и народный герой словацкой збойницкой песни. Образ збойника — образ динамический, слагающийся из ярких черт героических личностей, в большинстве своем кончавших жизнь трагически — или от пули, или на виселице.

Образ збойника имеет преимущественно одну функциональную сторону, выражающуюся в его социальной сущности — это сопротивление пану, поиски правды, месть и даже разбой как средства неорганизованной, стихийно возникающей антифеодальной борьбы. Он — «продукт» этой борьбы. Эта функциональная сторона образа збойника организует и художественную систему его как образа народного героя.

Доминирующей чертой образа збойника является поиск социальной справедливости:

Nej, ja musím byt'zbojnik
bo krivda veliká;
pergavost'u panov
pravda u zbojnika.

Разбойником стал я
из-за кривды великой,
неправда с панами,
правда у збойника.

*Melicherčik A. Slovenski folklor.
Chrestomatia. Bratislava, 1959, s. 535.*

(Перевод подстрочный)

Герои збойницких песен, как и герои песен об опришках, борются против панов — носителей социального зла. Паны-феодалы в большинстве случаев являлись инонациональными угне-

тателями, ставленниками Австро-Венгерской империи или другого иноземного государства, поэтому борьба збойников носит не только социальный, но и национальный характер.

Против кого борется збойник, что за цели он ставит перед собой? На эти вопросы песня отвечает:

Však sem ja nezbíjal
chudobnych paholkov
krom páním, zemanův
tých zlých prokurátorův.

Цит. по кн.: Богатырев П. Г.
Словацкие эпические рассказы и
лирико-эпические песни, с. 91.

Ведь я не грабил
бедных батраков,
а только панов, помещиков,
злых прокуроров.

(Перевод подстрочный)

Народные массы с сочувствием и любовью относились к «благородным» разбойникам. Это видно по следующим фольклорным свидетельствам:

Dajže Bože, ešte
horním chlapcom ščesce,
vi bohatim brali,
a hudobnim dali.

Богатырев П. Г. Словацкие эпические рассказы..., с. 91.

Дай, боже,
лесным молодцам счастья,
чтобы они у богатых брали,
а бедных наделяли.

(Перевод подстрочный)

Любовь народная рисовала збойника удачливым, ловким, невероятно смелым, наделяла его неуязвимостью от пуль, силой. Но самая главная черта образа этого народного героя — забота о несчастных, помощь им. Герой збойничьей песни считает себя безгрешным, праведным:

Nebojim sa boha,
čo by ma pokaral'.
Od boháčov som bral
a chudobným dával.

Богатырев П. Г. Словацкие эпические рассказы..., с. 93, 94.

Я не боюсь бога,
что он меня накажет,
я брал у богатых
и давал бедным.

(Перевод подстрочный)

Главный герой збойничьих песен Яношик, вокруг которого по существу и сложился цикл збойничьих песен, представляет собой яркий пример синтетического образа — все лучшее перенесено народом на него, он средоточие подвигов почти всех «благородных» разбойников. Образ Яношика — это образ родного брата воеводы Стояна и клефта Захаракиса. Поставленные рядом, герои хайдуцкого фольклора и героя збойничьего цикла фольклора Центральной Европы совпадают в своих основных художественных функциях: они будили надежду на лучшее будущее широких народных масс.

Поэтому «положительные герои песен в известной мере идеализированы и наделены высокими моральными достоинствами. Особенно ярко проявляются их мужество и сила духа в

критические моменты: перед лицом опасности, в руках у врагов»¹⁴.

Мы так подробно остановились на чертах свободолюбия, правдоискательства, помощи и защиты народа в образах народного героя фольклора Центральной и Юго-Восточной Европы потому, что эти черты являются основными, образующими образ. К этому необходимо также добавить, что суммарно-синтетический, монументальный образ народного героя эпохи предвозрождения и возрождения славянских и балканских народов складывается из прямой характеристики героя, из лично его действий, свидетелями которых являются слушатели фольклорного произведения, из его самохарактеристики, его реплик и оценок, из косвенных характеристик и оценок героя другими героями фольклорных произведений, из «портретной», так сказать, зарисовки героя, дающей иногда в песне.

Совпадения идейно-тематического плана, наблюдаемые нами между хайдуцким фольклором и збойничким, порождают близость средств их художественного выражения, особенно при формировании образа народного героя. Реалистичность является характерной их чертой, хотя она может и своеобразно проявляться и сопровождаться фантастическими чудесными элементами, ей часто сопутствует гиперболы.

Народность образа героя фольклорных произведений славянских и балканских народов — хайдуков, клефтов, збойников — очевидна. Образам народных героев присущи и другие черты: гуманизм, лиризм, чувство братства и взаимопомощи и т. д. Их раскрытие и изучение — задача последующих исследований.

¹⁴ См.: *Богатырев П. Г.* Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни. М., 1963; *Гацак В. М.* Восточнороманский героический эпос. Исследования и тексты. М., 1967; *Он же.* Молдавские и румынские эпические песни о гайдуках и некоторые вопросы их соотношения с южнославянскими. Автореф. дис. Кишинев, 1960; *Диневков П.* Хайдушки песни.— В кн.: Българска народна поезия. София, 1949; *Он же.* Хайдушки народни песни в развитието на българска литература.— В кн.: Из историята на българска литература. 1969; *Кравцов Н. И.* Роль народного эпоса в развитии сербской литературы.— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963; *Новгородова Н. А.* Болгарские народные гайдуцкие песни. Канд. дис. М., 1970; *Романска Цв.* Общи особености в българските и сърбските хайдушки песни.— В кн.: Въпроси на българското народно творчество. Избрани студии и статии. София, 1976; *Она же.* Българските хайдушки народни песни в сравнение с песните със сходна тематика у останалите славянски и балкански народи.— Там же; *Соколова В. К.* О некоторых закономерностях развития историко-песенного фольклора у славянских народов.— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов; *Стойкова С.* Хайдушките песни на балканските народи през епоха на национално-то им възраждане.— Български фолклор, 1975, година 1, кн. 2; *Она же.* Общи черти и различия между българските и сърбските хайдушки и гръцките клефтически песни.— Славенска филология, XIV. София, 1973; *Gašparikova V.* Zbojník Michal Vdovec v. historii a folklore gemerského ľudu. Bratislava, 1964; *Melicherčík A.* Janošikovska tradícia na Slovensku. Bratislava,

1952; *Haxhihasani Q.* La sujet des kaçaks des chants populaires albanais.— Association internationale d'Etudes du Sud-Est Europeen. Bulletin. Bucarest, 1972, X, N 2, где помещено сообщение о коллоквиуме в Чепеларе, на котором был сделан указанный доклад. *Sako Lihni.* A propos des chants sur les kaçaks (там же).

- ² См.: История на България, т. I. София, 1954, с. 273—276; *Дорев П.* Документи на турските държавни архиви, ч. I. София, 1940; *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи през 15—18 век, т. I. София, 1971; История Молдавии. Кишинев, 1950, с. 206—207; *Гацак В. М.* Восточнороманский эпос, с. 139; *Матковски А.* Турски извори за ајдутството и арамиството во Македонија, т. I—III. Скопје, 1961—1973.
- ³ См. подробнее: *Шептунов И. М.* Жанры хайдуцкого фольклора.— В кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 294—295.
- ⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. I, с. 137.
- ⁵ См.: *Шептунов И. М.* Эпос южных славян.— В кн.: Эпос славянских народов. М., 1959, с. 191.
- ⁶ Българско народно творчество в дванадесет тома, т. 2. Хайдушки песни (далее — БНТ-2). София, 1961, с. 164—178.
- ⁷ См.: *Димитрова А., Янакиев М.* Предания за исторически лица в български народни умотворения.— Известия за семинара по славянска филология. София, 1948, кн. VIII и IX, с. 492, 498, 502, 519, 520, 522, 524—534, 536, 537, 544, 548, 556—559, 567.
- ⁸ См. там же, с. 524—525, а также БНТ-2, с. 664.
- ⁹ См.: *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи през 15—18 век, т. I, с. 21.
- ¹⁰ *Осинин Д.* Заплакала е гората, хайдушки песни. София, 1947, с. 49.
- ¹¹ *Ангелов Б., Вакарелски Х.* Трем на българската народна историческа епика. София, 1940, с. 301. Песня посвящена воеводе Дончо Ватахыта из Копривштицы. Был хайдуком в 30—60-х годах XIX в.
- ¹² Фольклор молдовенеск. Хрестоматия (далее — Фольклор молдовенеск). Кишинэу, 1966, с. 239.
- ¹³ Ἐκλογαὶ ἀπὸ τὰ τραγῳδία τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ ὑπὸ Ν. Γ. Πολίτου. Ἀθήναι, 1966, N 62, s. 70.
- ¹⁴ *Соколова В. К.* О некоторых закономерностях развития историко-песенного фольклора у славянских народов.— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 473.

В. Г. БАЗАНОВ

ОТ МИФА О «ВЕЧНОМ ДРЕВЕ» К СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ УТОПИИ

(Сергей Есенин и Николай Клюев)

Сергей Есенин писал о себе: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном». Сам термин «крестьянский уклон» в годы свершившейся пролетарской революции неизбежно вызывал недоумение и настороженность. Поэта легко было заподозрить в ориентации на старых народников. Но у Есенина с народниками были свои счеты, он отнюдь не собирался следовать за ними. Из всех народнических писателей он выделял Глеба Успенского, высоко ценил его суровый реализм. «Когда я,— признавался Есенин,— читаю Успенского, то вижу перед собой всю горькую правду жизни». И все же совсем освободиться от некоторых народнических пережитков крестьянские поэты смогли не сразу, им пришлось многое передумать, прежде всего пересмотреть свою веру в особую миссию крестьянской России, понять диалектику нового времени.

Вопрос о взаимоотношениях города и деревни для 20-х годов был новым и трудным. В определенной исторической обстановке он имел под собой реальные основания. В. И. Ленин в 1921 г. писал: «Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России... мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямо, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно... Это — воля громадных масс трудящегося населения»¹. Это «недовольство» нашло отражение в художественном творчестве крестьянских поэтов и в их публицистических выступлениях. Есенин, например, «прямоком» выступал против пролеткультистов и футуристов, принижавших значение крестьянства в прошлой истории и в эпоху пролетарской революции. С пролеткультистами и футуристами он завел спор в «Ключах Марии» и продолжил его в поэзии, в поэмах 1917—1919 гг. Poleмика начиналась издали, с мифа о «вечном древе». «Все от древа» — формула Есенина. Футуристы «свернули себе шею» на том, что вечное словесное дерево вырвали из почвы, «повернули сосну корнем вверх» и «посадили на сук ей ворону».

С мифом о «вечном древе» (мировом дереве) были связаны представления древнего человека о происхождении мира и борьбе светлого и темного начала. Если судить по мифам, то «из-

под корней мирового дерева текли источники мудрости и всякого знания; сюда приходили боги утолять свою жажду — и потому они ведали все прошедшее, настоящее и будущее, все доброе и злое, и могли творить святой и непреложный суд»². Исследователи истории мифотворчества и поэтики мифов (А. А. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, в наше время В. Н. Топоров) считают мифологему «мирового дерева» символическим комплексом, «образом некоей универсальной концепции», моделирующей мир³. Многие космогонические таинства (происхождение земли из океана, отделение неба от земли и т. д.) были сконцентрированы именно в этом мифе, в образе «мирового дерева». Со временем в народном сознании «вечное древо» утратило свой первоначальный смысл, мир как бы растворился в сказочной фантастике. Соответственно изменялась и сама символика. Из мифа выростала волшебная сказка с ее чудесными деревьями. «Простолюдины, — пишет Афанасьев, — до сих пор убеждены, что где-то далеко (на востоке) есть страна вечного лета, насажденная садами золотых и серебряных деревьев, оглашаемая песнями райских птиц, в которой реки текут млеком и медом, серебром и золотом»⁴.

Есенина привлекали мифы и предания о космическом дереве философской содержательностью и семантической многоплановостью. Для него важен не сам миф, а его вторичное существование — «древо жизни». «Древо жизни» — первобытная община, большая патриархальная «семья» и вообще вся история человечества. Есенин знал мифические предания о дереве-великане, обнимающем собой весь мир. В античном эпосе такое дерево — ясень, в скандинавском — иггдразиль, у славян — ясень, дуб, лиственница. Об этих мифических деревьях говорится в «Ключах Марии»: «Скандинавская иггдразиль — поклонение ясеню, то дерево, под которым сидел Гуатама, и этот Маврикийский дуб были символами «семьи» как в узком, так и в широком смысле у всех народов; это дерево родилось в эпоху пастушеского быта». Но Есенин обращался к мифу о «вечном древе» не только для того, чтобы отыскать плодоносные корни народного искусства, установить определенную закономерность в истории художественного сознания. С помощью древних преданий поэт пытался найти путь в будущее, определить свое отношение к крестьянским социально-этическим утопиям.

Русская классическая литература всегда участвовала в поисках положительных идеалов, в социально-философских исканиях, сопряженных с трудными искусствами и драматическими противоречиями. Щедрин в своей предсмертной книге «Пошехонская старина» призывал писателей «воспевать идеалы будущего, ибо это своего рода лучезарные лучи, без оживотворяющего действия которых земной шар обратился бы в камень»⁵. Искания, блуждания, разочарования продолжались вплоть до полной победы Великой Октябрьской революции. Крестьянским поэтам

были еще свойственны некоторые народнические иллюзии. Так, Есенин в 1918 г. представлял себе социалистическое будущее как некий «вселенский вертоград», где «люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего дерева, имя которому социализм, или рай, ибо рай и мужицком творчестве так и представляется», где «все племена и народы ссылаются к мировому столу и каждого встречают с золотым ковшом с сыченой брагой». И в стихах Есенина вольная Русь ссылает на пир, за крестьянский стол:

И слава отвагу
И гордый твой дух,
Сыченою брагой
Обносит их круг.

Вульгарные социологи видели в есенинском «вертограде» отражение кулацких идеалов. Г. А. Медынский о клюевском Китеж-граде и есенинской Инонии писал: «Это кулацкий идеал жизни, жизни без нужды и горя, без властей и притеснений, идеал самостоятельной жизни с крестьянской идеологией, полной довольства и сытости, с своим «крестьянским», коровьим богом, с традиционным гостеприимством и традиционной сыченой брагой»⁶. Между тем социально-этические утопии крестьянских поэтов отражали не кулацкое стяжательство и «сытое довольство», а вековые наивные мечтания русского крестьянина о зажиточной жизни, чаяния, широко отразившиеся в фольклоре. Эти иллюзии долго держались. С ними крестьянин жил и после Октябрьской революции, пока не убедился, что только в союзе с пролетариатом он сможет переменить свою судьбу. Даже Николай Клюев, особенно склонный к идеологизации патриархальной старины, миф и предания о «вечном древе» использует для прославления того «чудесного дерева», которое олицетворяет завоеванную свободу. В статье «Красный набат» (1919) Клюев писал: «Из моря народной крови выросло золотое дерево Свободы.

Корни этого дерева купаются в чистых источниках бытия, в сердце матери-природы, ствол ушел за сотовое, отныне разгаданное и послушное небо, а ветви своею целящею, бальзамической тенью осенили концы вселенной.

Жаждающие народы, отягченные оковами племена потянулись к живописным плодам чудесного дерева.

Всех радостнее, в младенческом непорочном восторге, в огненном восхищении — пошел навстречу красному древнему шуму русский многоскорбный народ»⁷.

Древние мифы для того и возрождались поэтами и художниками, чтобы на основе их создавать новые образы-символы, перетолковывать мифы и народные предания в духе своего мировоззрения и своей эстетики. Это давний прием пропаганды-

стской литературы, завещанный русскими гражданскими писателями XIX столетия. Один из выдающихся революционных народников С. М. Степняк-Кравчинский, в народных сказках видел прообраз мужицкого «золотого царства». Но по сказочным представлениям «будущее царство» находилось за тридевять земель, за горами, за морями, слишком далекий путь лежал к нему от крестьянской избы. Революционные народники стремились сократить расстояние, приблизить победу крестьян над царем и помещиками. Степняк-Кравчинский писал о народных сказках: «Да только врут там, что оно («золотое царство».—В. Б.) за тридевять земель: оно у тебя под носом. И тебе стоит только отворить ворота, чтобы в него войти!»

В своих пропагандистских сказках «О Правде и Кривде» и «Мудрице Наумовне» революционер-семидесятник вносит в стихийные мужицкие утопии просветительские идеи. О социалистическом будущем он пишет: «Исчезнет навсегда темнота народная, исчезнут все предрассудки и суеверия, ибо и они рассеиваются от знания, как ночной туман от солнечного света». «Когда мужики будут владеть всей русской землей большими артелями, то эти артели,— говорится в сказке «О Правде и Кривде»,— заведут самое лучшее хозяйство, купят самые лучшие машины, потому что они будут богаче всякого помещика». В сказке «Мудрица Наумовна» не обойдено также и крестьянское пиршество: «Вот они садятся обедать и пища их вкусна и здорова. Их обед приправлен веселой речью и братскою любовью». Когда П. Л. Лавров усомнился в необходимости подробно живописать вкусные обеды с сыченою брагой, Кравчинский отвечал: «Прежде всего отвечаю на то, что для вас лично особенно важно. Это насчет «дорогих блюд и рек вина». Я охотно изменю это место, потому что не придаю ему большого значения, обед должен быть с какими-нибудь прибавлениями, а не сухомятку, но вместо дорогих блюд и сладких вин можно пригласить музыку или пение. Я, впрочем, еще не думал об этом предмете... Для меня важно другое. Отчего вы полагаете, что социалистам может быть поставлено в упрек то, что они желают дать роду человеческому всякие материальные удовольствия. Что касается меня лично, то я убежден в том, что это будет»⁸.

Есенин и Клюев, возможно, и не читали Степняка-Кравчинского, но во многом они следуют по его пути. Вместо богов, утоляющих жажду под волшебным деревом, у Есенина — «преогромнейшее древо, имя которому социализм». У его бывшего учителя — «древо свободы». Под этим деревом освобожденные революцией племена и народы находят источник мудрости, всяких знаний и материального благополучия.

На этом мистерия не кончается. Глубокая связь с историей и культурой Древней Руси; с народным творчеством обусловила появление в поэзии Есенина и Клюева группы образов и

мотивов, уходящих в мифы, фольклорные предания, сказки и легенды.

На вершине мифического мирового дерева находились птицы, внизу, у самых корней,—змеи или рыбы, в средней части — копытные, травоядные (коза, олень). Расположение хтонических животных соответствовало первобытным представлениям о мире: верх — небо, низ — подземное царство, середина — земля⁹. Под есенинским «вечным древом» пасется корова, правда, тоже полумифическая («коровий бог»). Но это особый символ, которому поэт придает первостепенное значение. Миф как бы объединяется с волшебной сказкой. Из всех животных волшебные сказки предпочтение отдают чудесной корове и сивке-бурке. Сказочная корова дает людям из своих неистощимых соцов жизненные блага. А. Афанасьев пишет именно о такой сказочной корове:

«Насыщаясь молоком мифической коровы, сказочные герои приобретают ту же могучую силу и красоту, какими наделила богов вкушаемая ими амрита (живая вода)... Сказочная корова, будучи убита, не умирает окончательно, а только перерождается в новые образы: из ее внутренностей и пепла вырастает ходячая (подвижная, летучая) яблоня с серебряными листьями, золотыми плодами и журчащим из-под корней источником»¹⁰.

Сошлемся также на Ф. И. Буслаева: «...одно из почетнейших мест в их (наших предков.— В. Б.) скромном Олимпе занимала некая корова, которой по смыслу соответствует бог изобилия»¹¹.

По народным представлениям без чудесной коровы невозможна страна всеобщего благоденствия с молочными реками и волшебными садами. В лакских сказках, например, девушка сунула руку в правое ухо коровы — та дала ей медную и железную утварь (подносы, чашки и т. п.); сунула руку в левое ухо — оттуда посыпались кораллы, жемчуг, платья, сапожки. Корова кормила эту девушку маслом, медом и даже выдала ее замуж за своего сына. У Есенина есть великолепные стихи о корове. Обычная деревенская корова на своем «кивливом» языке оплакивает теленка, которого мясник ведет на убой. Мы слышим коровий плач, видим ее слезы:

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не дали матери сына,
Первая радость не впрок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

В очерке «Сергей Есенин» Горький вспоминал: «Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью писал о животных»¹². В поэмах есть и другая корова, корова-символ, корова-загадка. Сам господь должен «отелиться», превратиться в некую корову.

Пою и взываю:
Господи, отелись!
(«Преображенья»)

П. В. Орешин сказал однажды Есенину, что «образ «господи, отелись...» не совсем понятен, но тем не менее, если перевести все это на крестьянский язык, то тут говорится о каком-то вселенском и мировом урожае, размножении или еще что-то в этом же роде»¹³. В «этом же роде» образ содержится в стихотворении «Не напрасно дули ветры». «Отелившееся небо» не просто метафора, подсказанная космическим мифом, это еще и практическая реализация мифа, его мужицкое толкование — «море хлеба»:

И неволью в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

В разговоре с И. Грузиновым Есенин поясняет: «Я решил, что Россию следует показать через корову. Лошадь для нас не так характерна. Взгляни на карту — каждая страна представлена по-своему: там осел, там верблюд, там слон... А у нас что? Корова! Без коровы нет России»¹⁴.

За причудливым и беспорядочным нагромождением иносказаний и образов в орнаментальных поэмах Есенина почти всегда выступают зримые черты крестьянского быта и вполне злободневные ассоциации. От мифа и библейской легенды — к фольклорному преданию, к сказочным образам, от фольклорного предания — к политической инвективе, к собственно есенинским образам, к диалогу с современностью.

Поэтическая оратория в честь мужицкого «коровьего бога» задумана с явным намерением полемически заострить свои социально-этнические утопии, подчеркнуть их злободневность, их «крестьянский уклон».

В «Ключах Марии» образ есенинской коровы — без всякого шифра. Крестьяне хотят поставить памятник корове. Таким задиристым выступлением начинался «дуэт» Есенина с пролет-

культовцами и футуристами. В стихах тоже появляются трубные звуки, вместо пастушеского рожка — гремящие литавры:

Труби, мычи коровой,
Греми телком громов...

В «Инонии» — грозное предупреждение. Поэт пророчесствует и заклиняет:

Говорю вам — вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-инному над нашей выгибью
Вспух незримый коровий бог.

Ясно, что пролетарские поэты не могли согласиться с культом «коровьего бога», с искусственным противопоставлением деревни и города, первобытной природы и «железного дьявола». Они увидели в есенинских декларациях выражение ограниченных крестьянских идеалов, патриархальных в своей основе, поверхностное вглядывание в современную народную жизнь, в происходящие события, бегство поэта в Древнюю Русь.

Маяковский совершенно точно уловил политический смысл «коровьего бога», когда сказал, что Есенин хочет поставить памятник «корове-символу, упершейся рогами в паровоз». «Коровьи» стихи послужили основанием для зачисления Есенина в лагерь «мужиковствующих». В знаменитом стихотворении «Юбилейное» Маяковский писал о «мужиковствующей своре», поклоняющейся «коровьему богу»:

Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
Раз послушаешь...
Но это ведь из хора!
Балалаечник!

История так распорядилась, что Маяковский и Есенин, как бы ни спорили между собой, ни писали друг на друга эпиграмм, ни расходились во взглядах, в конечном итоге оказались вместе в авангарде советской поэзии, были ее полномочными представителями, один — в городе, другой — в деревне. Есенин сам перечеркнул своих мифических коров. Корову теперь он видит на вывеске мясной лавки или на пастбище, готов «целовать коров», но уже не ради культа «коровьего бога».

Сложнее складывалась судьба Клюева. В своих социально-этических утопиях он часто впадал в риторику, в надуманный метафоризм. Его стихи о «пшеничном рае» и «багряных коро-

вах» сейчас трудно читать, настолько они вычурны, нарочиты и утомительны:

Се знамение: багряная корова,
Скотница с подойником пламенным.
Будет кринка тяжко-свинцова,
Устойка с творогом каменным.

Ложная идея разрушала подлинно «избяную» поэтику. Когда поэт уходит от тощих абстракций, надуманных аллегорий в мир вещественный, в реальный деревенский быт, в сосновый бор, его стихи приобретают энергию, образы становятся осязаемыми, тучными, буревыми, насыщенными запахом трав и красками самой природы, создают впечатление огромности материального мира:

Хозяйка-земля и подойник березовый —
Опалая роща лежит предо мной.

Или

Подойник с кринкою щербатой
Тревожит сумрак избяной.

Поиски «пшеничного рая», особого пути крестьянской России, изолированного от общего исторического процесса, обращение к патриархальным идеалам оказались бесперспективными, ложными. В. И. Ленин писал, что такой «крестьянский взгляд определяется отживающим и безвозвратным прошлым, а не нарастающим будущим. Крестьянский взгляд *неверен*. Он представляет из себя идеологию вчерашнего дня...»¹⁵

Здесь нужно сказать, что Есенин, в отличие от Клюева, проявляет исключительную осторожность в окончательном проектировании будущего, он строит патриархальные утопии и сам же их разрушает. Неустойчивость его фантазмагорий настолько очевидна, что едва ли можно «Инонию» расценивать как непременно крестьянскую утопию. В поэме нет окончательного решения, более того, для Есенина Китеж-град — ушедшее прошлое, к которому не может быть возврата. В конечном итоге Есенин свой «вселенский вертоград» сближает с обычной рязанской деревней, где хаты утопают среди нив и на крылечке в ожидании сына сидит старушка мать:

Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку-мать...

Именно этот образ в лирике Есенина постоянно сливается с универсальным образом матери-Родины, с образом Советской России. Есенин еще в 20-х годах убедился, что его «памятник короле» построен на ложном основании и нуждается он не в реставрации, а в замене, что у крестьянства не может быть третьего пути.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 59.
- ² Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1968, с. 282.
- ³ «Мировое (или космическое) дерево — образ некой универсальной концепции, определявший в течение долгого времени моделирование человеческих коллективов Старого и Нового Света. В то же время оно ведущая (а в некоторых традициях единственная) тема искусства вплоть до начала буддийского и христианского этапов его в его развитии. В ряде случаев мировое дерево и сейчас остается основной темой в отдельных культурных традициях (ср. некоторые народности Сибири). Впрочем, христианское искусство вплоть до эпохи Возрождения, как и буддийское в первые века своего существования, так же отлично обнаруживает преемственную связь с искусством эпохи „мирового дерева“» (Топоров В. Н. Происхождение некоторых поэтических символов.— В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 93).
- ⁴ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, с. 294.
- ⁵ Щедрин Н. (Салтыков М. Е.). Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 99.
- ⁶ Медынский Г. А. Религиозные влияния в русской литературе. Очерки по истории русской художественной литературы. М., 1933, с. 186.
- ⁷ Клюев Н. Красный набат.— Звезда Вытегры, 1919, № 25, с. 2—3.
- ⁸ См.: Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л., 1973.
- ⁹ О трехчленной структуре «мирового дерева» см.: Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов, с. 93; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976, с. 214.
- ¹⁰ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, с. 674—675.
- ¹¹ Русский вестник, 1872, октябрь, с. 663—664.
- ¹² Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. XVII. М., 1955, с. 63.
- ¹³ Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1965, с. 190.
- ¹⁴ Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М.—Л., 1926, с. 129.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 135.

Т. С. МАКАШИНА

ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО ПРОЦЕССА В ПОЛОСЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ

(На материалах русского фольклора XX в. Латгалии)

Латгалия (восточная часть Латвии) граничит на востоке с РСФСР и БССР. Часть ее территории находится в так называемой полосе этнической границы, т. е. на стыке нескольких этнических массивов, на рубеже между территориями, на которых живут латыши, русские и белорусы. П. И. Кушнер, посвятивший вопросам этнических границ и этнических территорий ряд работ, писал: «Этническая граница определяется... сложной спецификой всей жизни и быта народа, спецификой, слагающейся веками и отражающейся как в материальной, так и в духовной культуре. В отличие от границ государственных и административных этнические границы очень редко разделяют одной сплошной линией два этнических массива; гораздо чаще этнические границы соседних народов пересекают друг друга, образуя внутри пересеченных территорий зоны, заселенные смешанным в этническом отношении населением, или создавая национальные островки среди сплошного массива чужой национальности, или формируя приграничную более или менее широкую полосу, заселенную переходной в этническом отношении группой или народностью»¹. Эти общие наблюдения П. И. Кушнера полностью можно отнести к Латгалии. Население Латгалии отличается сложным этническим составом.

В течение нескольких веков в этом крае рядом живут: латыши, литовцы, русские, белорусы, поляки, эстонцы и др. Расселены эти национальности как большими массивами, так и отдельными «вкраплениями» в инородной среде. Пестрота национального состава сопровождалась в прошлом пестротой вероисповедания. По данным статистики, в конце XIX в. на этой территории жили: католики, лютеране, православные, единоверцы, старообрядцы разных толков, магометане, иудаисты и др.² При этом различные вероисповедания встречались внутри одной национальности, что приводило к определенной разобщенности внутри национальных групп изучаемого района. Этническое своеобразие Латгалии во многом определялось также национальной политикой государств, в состав которых в разное время входили исследуемые районы. Все эти данные — географическое положение, исторические судьбы, этническое своеобразие Латгалии — определили специфику духовной культуры местного русского населения, в частности его фольклора и обрядов.

Русские в Латвии за исключением приграничных районов³ являются пришлым населением. Складывалось здесь русское старожильческое население постепенно, на протяжении многих веков. Первые поселения русских, очевидно, возникли на торговых путях по рекам Западная Двина и Гауя еще в IX—XI вв.⁴ В последующие века наблюдалось множество крупных и мелких миграционных волн русских на эти земли. Особенно большое количество русского населения сосредоточилось на территории Латгалии. Так, по данным переписи 1897 г. процент русского населения в так называемых инфляндских уездах Витебской губернии (ныне эта территория занимает часть Даугавпилсского, Лудзенского и Резекненского районов) составлял 13,3 по отношению к остальному населению этой территории. Первое наиболее значительное по сравнению с предыдущими переселение русских на территорию Латгалии произошло в XV в. Оно было связано с преследованием в Псковско-Новгородском крае последователей сект стригольников и жидовствующих⁵. Множество русских осело на территории Латгалии в результате Ливонских войн (1558—1583 гг.). С 1656 по 1667 г. вся восточная Латвия была занята войсками царя Алексея Михайловича⁶. В XVII в. на земли Латгалии, одной из ближайших зарубежных территорий на западе, хлынул поток беглых крестьян, они покидали родные места в ответ на усиление феодального закрепощения. К концу века беглые из России исчислялись тысячами. К этому же времени относится начало наиболее крупного переселенческого движения, определившего, во многом религиозную и этнографическую специфику русских поселений Латгалии. Это движение было связано с событиями, происходившими под знаменем борьбы за «старую веру».

Русские старообрядцы в Латвии в большинстве своем принадлежали к так называемому федосеевскому толку беспоповщины и в своей массе первоначально были выходцами из Псковско-Новгородского края, но по мере распространения этого учения среди населения Петербургской, Тверской, Ярославской, Московской и других губерний на территории Латгалии появлялись выходцы и из этих губерний. Время поселения основной массы федосеевцев в Латгалии исследователи относят к XVII— началу XVIII в. Переселение староверов в Латгалию продолжалось и после первого раздела Польши 1772 г., несмотря на то что эта территория уже отошла к России. Наряду с федосеевцами в начале XVIII в. на территории Латвии появились последователи поповщины. В большинстве они также были выходцами преимущественно из Новгородской, Псковской и других северо-западных областей России. Численность старообрядцев на протяжении XVIII—XIX вв. не была стабильной, так как постоянно под воздействием социально-экономических и религиозных причин наблюдались миграции русского населения не только в Латгалию, но и из нее. Среди подобных переселений

исследователи отмечают несколько наиболее крупных волн⁷. К концу XIX в. в Латгалии насчитывалось 55 624 русских, из них 75,2% составляли староверы. В XIX в. основная масса переселенцев-староверов осела в Двинском и Режицком уездах и в меньшей степени в Люцинском. Селились староверы неравномерно. Большинство старообрядцев поселилось в восточных частях уездов, ближе к районам с господствующим русским населением.

Положение своего рода «изгоев», инонациональная среда, окружавшая их, привели к определенной замкнутости, стремлению сохранить в чистоте религиозные и бытовые устои. Это зачастую приводило к изоляции от другого населения Латгалии. Такое положение сохранялось вплоть до конца XIX в., когда постепенно под воздействием капиталистических отношений строга́я самоизоляция начала расшатываться.

Многочисленной, а со временем даже превосходящей по численности старообрядцев была группа русских православных. Русские православные (не считая пограничных с Россией районов, где русские были коренными жителями) приходили на территорию Латгалии из разных мест России и по разным причинам на протяжении почти десяти веков. Это переселение происходило с той или иной степенью интенсивности непрерывно и не имело, как правило, единого направления. Однако замечены разновременные миграционные волны в основном из одного региона — Псковской губернии. В процессе заселения отдельные мелкие группы русских растворились в более компактных поселениях. Более крупные группы, как, например, на северо-востоке Латгалии (в основном выходяцы из Псковщины), продолжали сохранять свой быт и культуру.

В результате сложных этнических процессов в Латгалии к концу XIX — началу XX в. сложилось несколько групп русского населения, имевших свои характерные черты. В известной мере эти группы сохранялись до недавнего времени. Это — русские, в прошлом старообрядцы, и русские, в прошлом православные. Обе группы содержат в себе несколько подгрупп.

Группа бывшего старообрядческого населения, хотя и отличается большим единообразием по сравнению с другими конфессиональными группами, состоит из множества более мелких подгрупп, различающихся и генетически и степенью приверженности к федосеевскому вероучению.

В группе бывшего православного населения наиболее четко выделяются две подгруппы. Одна из них — русские, живущие на северо-востоке Латгалии (в прошлом в основном выходяцы из Псковщины). Другая — русские, живущие на юге Лудзенского, Краславского и отчасти Даугавпилсского районов. Как показали статистические материалы конца XIX в., на этой территории жили православные белорусы⁸.

Возможно, русские, которые занимают эту же территорию

теперь, являются потомками тех православных белорусов, национальное самосознание которых изменилось в результате сложных этнических процессов.

Приступая к работе в таком этнически пестром и сложном районе, фольклористы Института этнографии ставили задачу исследовать своеобразие фольклора русского населения, обусловленное этническими особенностями Латгалии, ее географическим положением и историческими судьбами.

Собирание фольклора русского населения Латгалии началось еще в 20-х годах XX столетия. За время с 20-х по 70-е годы XX в. собран большой материал по фольклору русского и белорусского населения.

Как показал материал, своеобразие местного фольклора наиболее заметно проявилось в характере бытования фольклорных жанров. Большое влияние на развитие местного фольклора на определенном этапе исторического развития оказала конфессиональная принадлежность тех групп населения, о которых говорилось выше. Это влияние проявлялось по-разному: в одних случаях принадлежность к той или иной конфессиональной группе, например у местных старообрядцев, привела к сознательному ограничению бытования отдельных жанров фольклора в соответствии с вероучением данной группы. При этом обособленность в быту этой группы от остального населения на протяжении довольно длительного периода (больше, чем два века — с XVIII по XX в.) препятствовала взаимодействию отдельных элементов в ее духовной культуре, в частности в фольклоре, и приводило к определенной их консервации. В других случаях общая конфессиональная принадлежность играла объединяющую роль для групп разной национальности и создавала благоприятные условия взаимодействия и взаимовлияния в духовной культуре. Это произошло, например, между группами населения, живущего на юго-востоке Латвии (юг Лудзенского и Краславского районов).

В репертуаре русского, в прошлом старообрядческого, населения преобладают традиционные необрядовые лирические песни. Свадебных песен и песен, связанных с земледельческим календарем, у большинства старообрядцев почти не встречается. Значительное место в их репертуаре занимают духовные стихи и сказки легендарного характера, рассказы на религиозные сюжеты.

Особенно заметно сказалась зависимость бытования фольклорных жанров от вероучения местных старообрядцев на свадебном фольклоре. Большинство старообрядцев Латгалии держалось федосеевского толка беспоповщины поморского происхождения. Одним из требований их вероучения в сложившейся обстановке «преплачевного» времени было безбрачие. Однако этот идеал федосеевской доктрины был достижим лишь в условиях «обителей». За их пределами семьи продолжали суще-

ствовать⁹, но нелегально, так как не освященная церковным венчанием семейная жизнь расценивалась как беззаконие¹⁰.

Отрицательное отношение к семейному быту повлияло и на обстоятельства, при которых происходило заключение брака, а также сказалось и на его обрядовом оформлении¹¹.

Заключение такого брака рассматривалось как событие частное, не поощрялось и поэтому не имело широкой общественной огласки. Наиболее подходящей для этой цели формой брака был брак «уводом», по местному выражению «тихоматный» брак, имевший распространение и в Новгородском крае¹². При такой форме брака девушка выходила замуж без согласия родителей¹³. Естественно, что обрядовое оформление брака «уводом» была скромным. Брак «уводом» был распространен на всей территории Латгалии. Но, как свидетельствуют печатные источники, а также материалы, собранные в экспедициях 60—70-х годов XX в., у старообрядцев издавна существовали и другие формы, сохранявшие элементы более развитого свадебного обряда¹⁴.

А. Белоусов, обследовавший Резекненский район, некогда наиболее густо заселенный старообрядцами, отмечал, что на этой территории сосуществуют «несколько более или менее отличных друг от друга способов перехода девушки в новую семью». Ту же картину наблюдали сотрудники Института этнографии в других районах Латгалии: Даугавпилском, Краславском и Лудзенском. Одни способы перехода девушки в семью были схожи с традиционной свадебной обрядностью, другие состояли только из «кражи» невесты и не обставлялись особыми обрядами, причем к этой форме прибегали и когда не было согласия на брак родителей, и когда родители давали свое согласие. Встречался способ, в котором «кража» невесты занимала как бы место «сговора» в свадебном обряде¹⁵. Причина этого разнообразия форм брака, как считает А. Белоусов и с этим отчасти нельзя не согласиться, заключается в том, что у «исконных крепковерцев», особо рьяно культивирующих религиозно-бытовую традицию коренной фелдосеевщины, был распространен брак «убегом» в наиболее простом обрядовом оформлении. Там же, где «к невенчанным бракам относились снисходительно и семейная жизнь не преследовалась столь энергично и неуклонно, как того требовал принцип обязательного «иноческого жития», свадебный обряд более или менее сохранился»¹⁶.

Влияние религиозно-бытовых традиций каждой общины на выбор обрядовых форм брака не было, однако, единственной причиной их разнообразия у старообрядцев Латгалии. Существенную роль в выборе форм брака играли экономические и политические факторы. Уже во второй половине XVIII в. и особенно в XIX в. наблюдается постепенное отступление от многих важных положений вероучения. Наметились значительные изменения и в отношении к браку, среди зажиточных старо-

обрядцев появилось стремление юридически закрепить имущество за членами своих семей. Старообрядцы-федосеевцы стали отказываться от обязательного безбрачия. В 1827 г. руководители рижских старообрядцев сообщили губернским властям о своем решении «завести у себя бракосочетание по обряду, согласно с верою»¹⁷ (т. е. просили признать свои браки законными). Им отказали. Тогда в 1830 г. старообрядцы сами установили обряд бракосочетания (как таковой). Кроме того, некоторые старообрядцы в 30—40-х годах XIX в. в результате гонений со стороны царской администрации перешли в единоверчество, а в конце XIX в. часть их, преимущественно из зажиточных крестьян, перешла в новопоморский толк, приемлющий церковное венчание. Все это не могло не повлиять на традицию свадебной обрядности. По мере ослабления влияния вероучения на быт старообрядцев и частичную легализацию брака свадебный обряд получал все большее распространение.

На вопрос о том, что представляет собой свадебный обряд у бывших старообрядцев, существует несколько точек зрения. А. Белоусов считает, что у старообрядцев Резекненского района свадебный обряд является сжатым, упрощенным вариантом исконной свадебной обрядности, принесенной еще первыми переселенцами со своей родины. У исследователей, изучавших свадебный обряд староверов Даугавпилсского, Краславского и Лудзенского районов, создается впечатление, что обряд, распространенный в XX в. на этой территории, имеет много общих черт с обрядом местных белорусов и латышей — католиков. Сходство между обрядами этих национальных групп может служить показателем ряда процессов. Оно может быть результатом процессов заимствования. В пользу этого предположения говорят общие черты обряда, а также высказывания информаторов, бывших староверов, например, о том, что свадьбу (40-е годы XX в.) играли «по-латышскому» образцу.

Возможно и то, что среди бывших русских старообрядцев Даугавпилсского, Краславского, Лудзенского районов в прошлом были белорусы¹⁸, «совратившиеся», как писал Сементовский, в XIX в. в раскол¹⁹. Тогда многие элементы свадебного обряда, общие с обрядом местного белорусского населения, являются не заимствованными, а «исконными», что, конечно, не исключает возможности других заимствований в более позднее время. Приведенные точки зрения на происхождение свадебного обряда латгальских староверов не исключают друг друга. Скорее всего, каждая из них верна для определенной территории. Это отчасти подтверждается и фольклорным материалом.

Прежде чем говорить о свадебном репертуаре местных староверов, надо вспомнить об отрицательном отношении старообрядцев-федосеевцев к «мирской» песне вообще, о чем свидетельствует запись в 18-й статье федосеевского «Польского» устава, принятого в 1751 г.²⁰, а особенно к свадебной песне, если

учесть еще долгое незаконное положение самого брака у федосеевцев. Поэтому можно предположить, что свадебный репертуар бывших старообрядцев Латгалии мог сформироваться довольно поздно, лишь тогда, когда влияние вероучения старообрядцев на быт значительно ослабло. Материалы экспедиций 60—70-х годов XX в. показали, что свадебный репертуар в большинстве старообрядческих районов Латгалии состоит из разнообразных по своему характеру и происхождению песен, распространенных довольно широко у русского населения Латгалии.

Наиболее популярными являются лирическая песня «Калина-малина ранешенько расцвела, не во тую пору-времячко маменька меня родила» и романс «Подул осенний в поле ветер, завяли алые цветы...» В разряд свадебных попала так называемая «ходячая» песня «Гуляла девушка по садочку, наколола ноженьку на былинку», заключительные строки соответствовали свадебным моментам: «По утру ранешенько девушки косу мне плели, вечер мою косынку милый расплетал».

Исключение из общей картины составляет репертуар бывших старообрядцев западной части Резекненского района (окрестности г. Виляны), где, как считает А. Белоусов, сохранились элементы «исконного» свадебного обряда. В этом районе, в деревне Нотры, было записано одно причитание невесты, подобные которому ранее не публиковались ни в одном из сборников русского фольклора Латгалии. Многократно встречались свадебная песня «Сборы», распространенная в Псковской области, и несколько других традиционных лирических, но несвадебных песен. Подобные записи пока немногочисленны, и это не позволяет сделать вполне определенного вывода о существовании устойчивой самостоятельной фольклорной свадебной традиции на западе Резекненского района.

Итак, материалы, собранные у бывших старообрядцев в Латгалии, показали, что состояние и бытование у них свадебного обряда и фольклора находились под большим влиянием их вероучения. Это приводило на ранних этапах существования федосеевского толка к появлению таких форм брака, при которых обрядовая сторона и фольклор почти отсутствовали или сохранялись в виде субстрата свадебного обряда, бытовавшего на родине первых переселенцев. В более позднее время (конец XIX — начало XX в.), по мере ослабления влияния вероучения федосеевцев на быт, а также под воздействием экономических и политических факторов, сформировался новый свадебный обряд, вобравший в себя элементы свадебного обряда того населения, которое окружало старообрядцев. Что же касается свадебного фольклора, то за исключением отдельных старинных традиционных свадебных текстов, записанных в западной части Резекненского района, свадебный репертуар состоял из поздних по своему происхождению и разных по характеру песен,

распространенных среди русского населения Латгалии. Это также свидетельствует о его позднем формировании.

Совершенно иную картину по сравнению со свадебной традицией бывших старообрядцев представляют собой свадебный обряд и фольклор бывшего православного населения юга Краславского и Лудзенского районов. Как уже говорилось, на этой территории еще в конце XIX — начале XX в. жили православные белорусы. Под воздействием причин, обозначенных выше, эта группа белорусов, видимо, изменила свое национальное самосознание. Богатый материал по свадебному фольклору этой группы населения дает творчество одной из наиболее талантливых исполнительниц песен В. В. Защеринской²¹. Ее репертуар типичен для юго-восточной части Латгалии и включает почти все песни, которые нам удалось записать здесь от других исполнительниц.

Прежде всего необходимо отметить в целом удивительное сходство большинства текстов Защеринской с текстами, опубликованными в сборниках белорусского фольклора²². Варианты песен, близкие к текстам Защеринской, были распространены на территории Витебской, Могилевской губерний, Борисовского у. Минской губ. и на Смоленщине, т. е. в районах, где по мнению М. Никольского, распространен столбовой обряд — один из основных типов белорусского свадебного обряда, сохранившийся до нашего времени. По словам того же исследователя, этот обряд «ранее имел распространение и в Велико-русии и по своему происхождению он восходит самое позднее к IX—X вв.» Это позволяет отнести наши тексты к единой, целостной поэтической культуре.

Нужно отметить, что для большинства песен В. В. Защеринская указала моменты, когда они исполнялись в свадебной игре, причем порядок исполнения песен согласуется с тем, который приводится в печатных сборниках для аналогичных текстов. Это также говорит в пользу принадлежности ее репертуара к той же традиции.

Сходство отмечается в основном в сюжетах, отдельных мотивах, образах, характере поэтики и символики. Вместе с тем полной идентичности текстов нет.

Большой изменчивостью, по нашим наблюдениям, отличаются протяжные лирические песни, исполняемые до венца, а также величальные и корильные песни. Следует отметить, что именно в песнях этого вида чаще встречаются элементы других национальных традиций, в частности русской. Более устойчивы тексты, отражающие определенные узловые моменты свадебной игры или какое-то ритуальное действие. Чаще изменяются зачины или концовка песен при сравнительно устойчивой основной части. В целом тексты отличаются хорошей сохранностью, стройной композицией, широким использованием поэтических средств.

Объем и характер белорусского элемента в фольклорной тра-

диции местных русских естественно наводит на мысль, что именно белорусская поэтическая культура была изначально присуща этому населению. Из 80 сюжетных песен, записанных у Защеринской, только 15% могут быть отнесены к русской поэтической культуре, да и то с оговоркой, что большинство этих песен широко распространены по всей России и они могут иметь общеславянские корни. Это такие песни, как:

1. Не было дождика — понабрызгало,
Не было гостиков — понаехало.
2. На море путица купалася,
Сама своему пережку дивовалася.
3. А соколы-лебеди стороной летят,
Белую лебедку на крыльях несут.
4. Ягода со ягодой
При бору росли...

Некоторые из этих текстов бытуют и на территории Белоруссии, причем некоторые песни Защеринской текстологически ближе к белорусским вариантам, чем к русским (например, песня «Елка сосенка зима — лето зеленее»). Сходство с белорусскими вариантами может свидетельствовать о том, что песня попала в репертуар Защеринской опять-таки через посредничество белорусов. Правда, есть тексты, близкие к русским вариантам. Например: «С синего моря ветры веют, с чистого поля гости едут», или величальная песня: «А кто у нас хороший».

В целом русский элемент в свадебных песнях, исполненных Защеринской, проявляется больше, чем в сходных вариантах, записанных на территории Белоруссии. Это явление объясняется бытовыми контактами людей различной национальности, населяющих Лудзенский район Латвийской ССР.

Интересно, что русский элемент прослеживается не только в поэтическом творчестве русских, но и в схожих вариантах песен, записанных у местных белорусов, о чем мы с полным правом можем судить по сборнику С. П. Сахарова²³. Особенно заметно русское влияние в языке и поэтических средствах песен. Например, исполняя белорусскую песню, В. В. Защеринская использует образы, более характерные для русской поэтики. В песне «Як попала серая зязюля в задевья» вместо образа «золочок-чачоток» варианта, записанного Шейном, В. В. Защеринская дает образ золочок — «белых лебедок». В песне «Соколы-лебеди стороной летят» вместо образов «черной галочки», «шерой лебеди», встречающихся в белорусских вариантах этой песни, Защеринская опять-таки повторяет образ «белой лебедушки». Надо сказать, что этот образ у нее не случаен и в ее вариантах встречается довольно устойчиво как символ молодой девушки, правда, наряду с образом «шерай зязюли», исполняющим ту же роль в белорусской поэтике.

Сходство с русской поэтической культурой проявляется и в других образах. Например, одна корильная песня Защеринской начинается так:

Ох, вы, князи, бояре,
Да вы бором ежжали...

а близкие варианты песни в публикациях Шейна звучат так: «Сватове, панове» (Минская губ.); «сватовы, братовы» (Виленская губ.).

Сходны с русскими и более развернутые поэтические портреты. Например, Защеринская дает такой портрет — образ молодой:

Да як наша княжна
Ростом тонка висока, 2 р.
Лицом бела румяна.

В близких вариантах Шейна молодая просто сравнивается с какими-то образами²⁴:

Наша молодая, як суровещка,
Наша молодая, як сыр белый,
Наша молодая, як золото,
Наша молодая, як сунца.

Интересно, что очень близкий к варианту Защеринской поэтический портрет молодой встречен в величальной песне, записанной в Пскове.

Было бы неверно категорически относить одни поэтические образы или эпитеты к чисто русской культуре, а другие — к белорусской, тем более что речь идет о двух близкородственных народах. И многие из упомянутых здесь образов можно встретить в песнях как одного народа, так и другого. Правильнее говорить о том, что более характерно для современного этапа бытования песенного фольклора, так как эти образы и эпитеты могут быть общими и относиться к архаичным пластам свадебной поэтики.

Украинский элемент проявляется в значительно меньшей степени по сравнению с русским, но тем не менее есть песни, явно заимствованные у украинцев. Например: «Да дай же мне, боже, годину счастливу, чтобы забачили на меня дивчину». Украинизмы проявляются и в языке песен, например: «Нюшенька чернобривенька». Это не считая тех слов, которые являются общими для украинцев и белорусов, типа — рятуй, чувать и т. д.

Встречаются песни, бытующие как на территории Белоруссии, так и Украины, например, такая песня, как «Куковала зязюля в садочку, склонивши головку к листочку». Но в этих случаях мы не можем с твердой уверенностью говорить о заимствовании их из украинского фольклора, так как наши вари-

анты ближе к вариантам, записанным в Белоруссии. Возможно, эти тексты были общими для белорусов и украинцев.

Польское влияние заметно в тех сферах духовной культуры, которые были связаны с религиозными верованиями, так как в основном оно проявляется в названиях бога, святых, например: «Найсьвеньша мамухна» — пресвятая богородица, анелы — ангелы.

Данных о влиянии латышской поэзии на местный фольклор у нас нет.

Собранные материалы позволяют сделать вывод о том, что при всем разнообразии элементов различных национальных культур, отмеченных нами в свадебном фольклоре русских юга Лудзенского района, наиболее существенный, а в некоторых случаях и определяющий компонент — белорусский.

Календарные песни также записаны нами в основном на юге Лудзенского и Краславского районов. Они представляют собой модификацию белорусских текстов. Особо следует отметить песни рождественского периода. Изучение обряда, связанного с празднованием «коляд», показало, что мы имеем дело с двумя различными национальными традициями. Они проявляются как в обрядовой стороне праздника, так и в фольклоре. В северной части Лудзенского района рождественско-крещенские обряды сохранили форму единого цикла, характерного, как писал В. И. Чичеров, для русской традиции²⁵. Иная картина на юге района. Здесь мы встречаемся с чертами, присущими белорусской традиции. В северной части района, а также в смежных районах Псковской области записаны колядки с припевом: «Виноградье красно-зеленое». В. И. Чичеров считал этот припев распространенным на территории новгородской колонизации²⁶. В южной части Лудзенского района и смежных районах Псковской области припев к аналогичным текстам в настоящее время существует в форме коляда. Этот припев распространен по всей территории России и считается, в отличие от чисто русского «виноградья» и «овсеня», общеславянским²⁷. Кроме того, в южной части Лудзенского района записаны дифференцированные колядки, относящиеся к отдельным членам семьи, например к хозяйке, а также тексты типа «Ишла свинья по леду...» и «рацен», исполнявшиеся на смешанном польско-белорусском языке²⁸.

Различия фольклорной традиции на севере и юге не исключают, однако, наличия в фольклоре обоих районов и некоторых общих черт. Большинство колядок принадлежат, по терминологии В. И. Чичерова, к «обобщенному типу обряда». В этом случае колядование относилось «к семейной общине в целом (большой семье) и обращено к главе семьи (остальные ее члены упоминаются лишь по связи с ним)»²⁹. Содержание колядок сводилось к величанию с пожеланием богатства и просьбе о подаянии. По композиции эти песни трехчастные: 1) приход

коляды и поиски ее колядовщиками; 2) величание хозяина и его дома; 3) пожелание благополучия, чаще просьба о подаении.

В некоторых текстах просьба о подаении сочетается с угрозой. При сравнении текстов колядок из северной части Лудзенского района и из южной легко заметить их сходство. В то же время палитра традиционной поэтики богаче в южном варианте, кроме того, в нем встречаются два мотива, а именно: «хозяин едет суды судить» и мотив «трех окуней» — поэтический символ богатства, — не обнаруженные в северном типе. У нас нет достаточного основания считать северный вариант местной, но обедненной формой южного варианта. На наш взгляд, обе эти формы достаточно устойчивы на своих территориях. Если даже северная форма и является производной от южной, то, вероятно, видоизменение произошло давно и в настоящее время оба варианта существуют как два самостоятельных типа с характерной для каждого зоной распространения³⁰.

В пользу общности происхождения обоих вариантов говорит сходство поэтических образов и мотивов этих песен с поэтическими образцами русского Севера. Например, почти точное повторение мотивов «трех окуней» и «хозяин едет суды судить» встречается в свадебных песнях, исполняемых на «смотрины» в Варзуге и Олонце³¹. Те же мотивы мы находим в величаниях «на помочах» и в других текстах, записанных на русском Севере³². Варианты, записанные в северной части Лудзенского района, тоже имеют параллели с текстами песен Терского берега.

Итак, если в обрядах рождественских праздников на севере и юге Лудзенского района отчетливо прослеживается принадлежность к разным национальным традициям, то в песенной традиции такого четкого разделения нет. Более того, можно предположить, что некоторые песни рождественского периода едины по своему происхождению. Пока у нас нет достаточных оснований объяснить этот факт происхождением текстов от общих славянских корней, так как подобные тексты почти неизвестны в украинском и белорусском фольклоре (нам удалось обнаружить схожие песни и мотивы на Украине и в Белоруссии, но эти записи немногочисленны)³³. Что же касается хороводных и игровых песен, распространенных в группе населения, о которой идет речь, то они почти тождественны подобным текстам, бытующим во всех группах местного русского населения.

Создается впечатление, что фольклорная традиция юга Лудзенского, а также и Краславского районов, базирующаяся в основном на белорусской культуре, как бы заменяла отсутствующие жанры произведениями из репертуара других местных поэтических культур. В результате появился тот своеобразный сплав, который характерен для местной локальной традиции, возникшей в переходной этнической зоне.

Этническая специфика Латгалии, определившаяся вследствие ее географического положения и исторических судеб, не могла не сказаться на духовной культуре этого региона, в частности на фольклоре и обрядах местного русского населения. Собранный материал по фольклору и обрядам этих групп населения позволяет проследить некоторые закономерности процессов этнической консолидации и этнической специфики, протекающих в разных этноконфессиональных группах.

С одной стороны, на определенном этапе развития у некоторых групп населения наблюдались процессы обособления. Они вели к определенной консервации духовной культуры. Обычно такие процессы в большей степени зависели от вероисповедания соответствующей группы населения, например у старообрядцев-федосеевцев. С другой стороны, шло постоянное взаимодействие и взаимопроникновение как в обрядах, так и в фольклоре. Взаимодействие стимулировалось общим вероисповеданием у разных национальных групп и прослеживается в фольклоре бывших православных русских и белорусов юга Лудзенского и Краславского районов.

Общее вероисповедание разных национальных групп в некоторых случаях приводило в совокупности с другими факторами (политическими, социальными и др.) к изменению национального самосознания. При этом, однако, фольклор и обряды сохраняли свою исконную традицию, но ее основной компонент дополнялся и обогащался местными традициями.

Как устойчивость, так и подверженность влиянию прослеживается у разных групп русского населения на традиции в целом и на ее отдельных элементах — обрядах, жанрах и т. д. При этом можно отметить, что в обрядовом фольклоре в большей степени сохранялась исконная национальная традиция, а не обрядовый фольклор легче проникал в разные этноконфессиональные группы. Сравнительный анализ свадебной обрядовой и фольклорной традиции свидетельствует о том, что в последние 50—70 лет процессы взаимодействия и взаимопроникновения различных местных национальных традиций протекают более активно в обрядах, чем в фольклоре. Фольклор остается более стабильным.

¹ Кушнер (Кнышев) П. И. Этническая граница и этническая (этнографическая) территория (Методы исследования). — Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, 1949, вып. VI, с. 47—48.

² Долгоруков В. Витебская губерния. Историко-географический и статистический обзор, вып. 1. Витебск, 1890, с. 301—318.

³ См. об этом: Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Этническое исследование национальных процессов в Прибалтике. — СЭ, 1965, № 5, с. 7.

⁴ История Латвийской ССР, т. 1. Рига, 1952, с. 46, 49, 58—59.

⁵ Заварина А. А. Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во 2-й половине XIX и начале XX века. Автореф. канд. дис. М., 1955, с. 23.

- ⁶ История Латвийской ССР, т. 1, с. 159—160, 240.
- ⁷ *Заварина А. А.* Из истории поселения старообрядцев в Латгалии.— В кн.: Атеизм и религия. Рига, 1969.
- ⁸ Материалы для этнографии России... сост. А. Ф. Риттх. СПб., 1873, с. 8; Сборник в память первого русского статистического съезда 1870 г. СПб., 1872, с. 300; Общий очерк Витебской губернии см.: Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. Витебск, 1898, с. 40—308.
- ⁹ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве св. правит. Синода, т. 1. СПб., 1868, с. 661—662.
- ¹⁰ Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым, т. 1. М., 1864, с. 106.
- ¹¹ Там же, с. 93.
- ¹² *Заварина А. А.* Семья и семейный быт...
- ¹³ *Сергеев А.* Известие о новоженях.— ЕОИДР, 1869, кн. 3, с. 132—134.
- ¹⁴ Там же; *Нильский И.* Семейная жизнь в русском расколе, вып. 1. СПб., 1869, с. 190; *Герещенко А.* Быт русского народа, ч. II. СПб., 1848, с. 28—29; *Заварина А. А.* Семья и семейный быт...; *Макашина Т. С.* Свадебный обряд русского населения Латгалии (рукопись), с. 6—7.
- ¹⁵ *Белоусов А. Ф.* Рассуждение о судьбах свадебной обрядности у русских старожилов Латвии (рукопись), с. 5—6.
- ¹⁶ *Подмазов А.* Церковь без священства. Рига, 1973, с. 36.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 2, д. 2а, л. 75, 77—79, 82, 177, 186, 191, 197—202.
- ¹⁹ Сборник в память первого русского статистического съезда 1870 г., с. 300.
- ²⁰ *Иоаннов А.* Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. СПб., 1831, с. 139.
- ²¹ АИЭ, ф. 1, д. 118; ф. 2, д. 29.
- ²² *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, т. 1—2. СПб., 1893; *Он же.* Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложениями объяснительного словаря и грамматических примечаний. СПб., 1874; *Романов Е. Р.* Белорусский сборник, вып. 1—9. Киев—Витебск—Вильна, 1886—1912; *Сахарай С. П.* Народная творчасьць Латгаліі і Ілукстэнскіх беларусаў. I. Rīga, 1940.
- ²³ *Сахарай С. П.* Народная творчасьць...
- ²⁴ *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, т. 1, с. 281, № 24.
- ²⁵ *Чичеров В. И.* Русские колядки и их типы.— СЭ, 1948, № 2, с. 108.
- ²⁶ *Чичеров В. И.* Русские колядки..., с. 108.
- ²⁷ Там же, с. 128.
- ²⁸ Там же, с. 129.
- ²⁹ Там же, с. 112.
- ³⁰ Тексты, близкие к песням северной части Лудзенского района, записаны в западных районах Псковской области (см.: *Котикова Н.* Народные песни Псковской обл. М., 1966, с. 260, № 252), а также на стыке Латгалии и Псковщины (см.: *Фридрих И. Д.* Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Рига, 1936, с. 359, № 473, 474).
- ³¹ *Балашов Д., Красовская Ю. Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969, с. 122, № 47.
- ³² *Потебня А. А.* Объяснение малорусских и сродных народных песен, т. II. Варшава, 1887, с. 546—548, 710—715.
- ³³ См.: *Шейн П. В.* Белорусские народные песни. СПб., 1874, с. 43—47, № 90, 91; *Потебня А. А.* Объяснение..., с. 712—713. К приведенному тексту автор дает пояснение: «Редкий случай занесения в Малороссию вр. винограда».

В. А. ДЬЯКОВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. С. МЫЛЬНИКОВ

НЕКОТОРЫЕ УЗЛОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МИРОВОЙ СЛАВИСТИКИ

Знакомство с тем, как развивались славяноведческие дисциплины и весь славистический комплекс, не только позволяет исследователям полнее мобилизовать уже накопленные наукой факты и обобщения, но и повышает теоретический уровень исследовательской работы, помогает совершенствовать приемы исследования. Тем более отраден рост интереса к процессу развития славяноведения, наблюдающийся в последние годы среди специалистов и нашедший воплощение как в изданиях типа чехословацкого и советских библиографических словарей¹, так и в международной серии по истории славистики².

Перед теми, кто занимается историей славистики, сама жизнь ставит методологические вопросы, без решения которых разработка конкретной тематики будет затруднительна. К их числу относится прежде всего вопрос об определении славистами своего предмета исследования, о круге научных дисциплин, входящих в славяноведческий комплекс, об их соотношении друг с другом на разных этапах развития науки. К важным методологическим вопросам относится и все то, что связано с пониманием и оценкой исторической роли идеи славянской взаимности, различные политические интерпретации которой оказывали не всегда одинаковое, но в целом весьма существенное воздействие на развитие славяноведения. Большое методологическое значение имеют также вопросы, связанные с критериями периодизации истории славистики и спецификой их применения в национальных рамках и мировом масштабе. Именно на трех указанных группах вопросов сосредоточили свое внимание авторы настоящей работы, считая, что их рассмотрение вполне назрело и может принести реальную пользу.

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ — КОМПЛЕКС НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН, ИЗУЧАЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Хотя славяноведение³ уже имеет более чем 200-летнюю историю, на наших славистических форумах нередко возникает вопрос об его предмете, который толкуется зачастую по-разному. Объясняется это, очевидно, многосоставностью самого предмета исследования, а значит, и понятия славистики, комплексный характер которой не всегда учитывается. Иногда мы сталкиваемся с абсолютизацией отдельных компонентов целого. Так, некоторые ученые толкуют славистику как исключительно филологическую дисциплину. Но достаточно вспомнить, как она возникла, чтобы не согласиться с таким мнением. Ведь она рождалась как одна из форм выражения национального самосознания славянских народов, их борьбы за национальную и культурную независимость. И потому нелогично исключать из понятия славистики историю и историю культуры. В основе понятия славистики лежит историческая, культурная и языковая общность славян, понятая в ее историческом развитии.

Иной подход противоречит и теоретическим положениям, и исследовательской практике И. Добровского, А. Х. Востокова, П. Шафарика, В. Караджича и других ученых, стоявших у колыбели мировой славистики. Будучи по преимуществу филологом, патриарх славистики Добровский много занимался также историей и историей культуры, в частности: древнейшими поселениями славян; деятельностью Кирилла и Мефодия; идеологией гуситского движения; он написал цикл статей «Критические опыты очищения чешской истории от позднейших вымыслов» и вместе с Ф. М. Пелцлем издал два тома исторических документов⁴. Еще больший удельный вес занимала история в научных интересах Шафарика, который наряду с крупными филологическими работами издал такие известные исторические труды, как «Славянские древности» и «Славянское народописание»⁵. Что касается Караджича, то он, как известно, был не только реформатором сербскохорватского литературного языка, но и первым исследователем новой истории Сербии, Боснии, Черногории, Боки Которской⁶.

Славистика выделялась из других областей знания и превращалась в науку тогда, когда во многих славянских странах шел процесс формирования наций, частью которого являлось складывание национальных языков и национальных культур. Историческая обстановка была такова, что в отличие от западноевропейского региона, где возникновение централизованных государств стимулировало консолидацию национальных общностей, в Центральной и Юго-Восточной Европе процессы эти происходили по-другому — на первый план выдвигалось формирование языковой общности, вслед за ней и развивалось национальное самосознание и лишь после этого мог ре-

шаться (или ставиться) вопрос о национальной государственности. Указанная особенность исторического развития, с одной стороны, объективно обуславливала выдвигание на первый план филологических проблем в славяноведении, а с другой — определяла комплексность его задач, ибо развитие национальных языков было теснейшим образом связано со складыванием национальных культур, а вслед за ними возникала общественная потребность в изучении и осознании исторического прошлого данного народа через сохранившиеся письменные и вещественные памятники, через фольклорные и этнографические материалы.

Внутриполитическая обстановка в России отличалась существенным образом, однако и здесь развитие славяноведения шло аналогичными путями. До 60—70-х годов XIX в. многие видные русские ученые, такие, как О. М. Бодянский, А. Ф. Гильфердинг, В. И. Григорович, И. И. Срезневский и др., совершенно сознательно соединяли в своем научном творчестве филологические интересы с интересами историческими, с занятиями вспомогательными историко-филологическими дисциплинами, в том числе палеографией, археографией и т. д. О. М. Бодянский, например, занимался не только вопросами, связанными с историей славянской письменности и находящимися на пограничье истории с филологическими дисциплинами, но и собственно историей западных и южных славян, не говоря уже об истории Украины и России. А. Ф. Гильфердинг написал несколько лингвистических работ о славянских языках, но более известны его исследования о западных и южных славянах, которые имели в основном исторический характер, хотя в них и затрагивалась этнографическая и филологическая проблематика. В. И. Григорович и И. И. Срезневский, занимая длительное время университетские кафедры «истории и литературы славянских наречий», публиковали исторические источники: первый — о южных славянах⁷, второй — о религии и письменности древних славян⁸.

Любопытна позиция некоторых других русских славистов первой половины XIX в., в частности П. И. Прейса, который занимал кафедру «истории и литературы славянских наречий» в Петербургском университете до И. И. Срезневского. Ученик А. Х. Востокова и лингвист по подготовке и основным научным интересам, П. И. Прейс особое внимание обращал не только на филологическую, но и на историческую подготовку студентов. В своем «Наброске программы университетских чтений по славистике» (1840) он писал: «При обозрении каждого славянского племени будет оно рассматриваться в отношении: а) географическом; б) историко-политическом; в) этнографическом; г) лингвистическом; д) литературном»⁹. Изложенная программа дает отчетливое представление о том, что включали П. И. Прейс и его современники в понятие славяноведения.

Речь шла об историко-филологическом комплексе дисциплин, очень близком к тому, который относят к славяноведению и большинством современных специалистов.

Примерно на рубеже 60-х и 70-х годов славяноведение в России вступило в новый этап своего развития. В последующие десятилетия в славистике, как и в других отраслях знания, происходила дифференциация наук, которая вела к более узкой специализации отдельных ученых и порождала тенденцию к обособлению каждой из дисциплин славистического комплекса. В славяноведении появились «чистые» лингвисты (А. Л. Дювернуа и И. А. Бодуэн де Куртенэ), «чистые» литературоведы (А. Н. Пыпин) и «чистые» историки, а также специалисты исключительно этнографического профиля, фольклористы и т. д. Это содействовало совершенствованию методики исследования, более глубокому проникновению в суть изучаемых явлений, накоплению огромной массы конкретного материала. Но этот позитивный в своей основе процесс имел и определенные негативные последствия, выразившиеся в некотором нарушении целостности взгляда на объект исследования, а ведь объект этот — общественная жизнь славянских народов — оставался единым.

Указанные тенденции привели через какое-то время к выделению более или менее широко понимаемого комплекса «славянская филология», который нередко стали идентифицировать со славистикой в целом, пытаясь отодвинуть в сторону всю ее чисто историческую часть, которая в прежние годы почти всегда органически включалась не только в понимание предмета, но и в круг научной деятельности отдельных славяноведов. В этом смысле характерны взгляды И. В. Ягича, который в разное время дал два определения термина «славянская филология». В одном случае (1875) он говорил о понятии «филологии в широком смысле», включая в него «не только языки, которые с полным правом выдвигаются на первый план, но и памятники языка и литературы, произведения народного духа и в целом литературные древности славян». В другом случае (1892), разрабатывая план «Энциклопедии славянской филологии», Ягич выделил в самостоятельные разделы язык, литературу, фольклор, религию и правовые обычаи, археологию. Ограничивая славистику указанными рамками и называя все это «славянской филологией», ученый не решился довести разграничения с историей до логического конца и включил в понятие «славистика» такие отчасти или целиком исторические дисциплины, как археология, эпиграфика, нумизматика, палеография, не говоря уж о «произведениях народного духа», к которым, конечно же, относятся не только многие объекты исторического исследования, но также их результаты — разного рода исторические сочинения.

Тенденции к дифференциации дисциплин славяноведческо-

го комплекса, достигшие апогея на рубеже XIX и XX вв., стали затем постепенно ослабевать и сменяться интеграционными стремлениями, которые явились отражением внутренней взаимосвязи этих дисциплин, их взаимопроникновения. Интеграционные стремления стали особенно ощутимыми в межвоенный период и в годы второй мировой войны. Представляется, что их объективным выражением было понимание необходимости в единых научных учреждениях, охватывающих весь славяноведческий комплекс. Первая попытка такого рода была предпринята в нашей стране, где на протяжении 1932—1934 гг. в системе Академии наук СССР существовал возглавляемый Н. С. Державиным Институт славяноведения (в Ленинграде). В 1947 г. в Москве был создан Институт славяноведения (ныне Институт славяноведения и балканистики) АН СССР, объединивший историков и филологов в самом широком смысле этих слов и ставший крупнейшим центром мировой славистики.

Итак, если не в понимании отдельных ученых, то объективно славяноведение было и остается комплексом научных дисциплин, изучающих общественную жизнь славянских народов. Такая формулировка для определения предмета славистических исследований как будто не вызывает возражений. Однако она носит общий характер и не отвечает на такие вопросы: какие научные дисциплины и в какой мере входят в славяноведение, правильно ли говорить о комплексе наук или нужно вести речь о комплексной науке?

В качестве составных частей славистического комплекса наук в него традиционно входят славянское языкознание, литературоведение, история (включая развитие общественной мысли и историю права славянских народов), а также история культуры, этнография, фольклористика, искусствоведение славянских стран. Остальные общественные науки имеют меньше непосредственных связей со славяноведением. Однако в него за последние десятилетия все шире включаются соответствующие разделы политической экономики, экономической географии, философии, социологии и некоторых других научных дисциплин.

В своей исследовательской деятельности слависты неизбежно имеют дело с целыми пластами материала, являющегося составной частью общего языкознания, истории всемирной литературы или всеобщей истории. И совершенно очевидно, что языкознание, литературоведение, история, прочно входящие в славистический комплекс, не утрачивают постоянных органических связей с соответствующими научными дисциплинами как целым. Из них они черпают очень многое — не только общее понимание важнейших процессов или материал для аналогий и сопоставлений, но — и это особенно существенно — и методику и приемы исследования, выработанные данной отраслью науки. Вместе с тем весьма важны для исследователя междисципли-

нарные связи, существующие внутри славистического комплекса, ибо они обогащают его кругозор, повышают методологическую вооруженность, позволяя ставить и решать более сложные задачи. Можно привести немало доводов в подтверждение того, что научные дисциплины, образующие славистический комплекс, обладают определенной степенью внутреннего единства. Однако думается, все же, что применительно к славяноведению правильнее говорить о комплексе наук, а не о комплексной науке в полном смысле этого слова.

В связи со сказанным нередко возникают вопросы: какие исследования являются собственно славистическими? Очень часто считают, что изучение одной из славянских стран, одного языка, одной литературы еще не является славяноведением, что славяноведение проявляется только там, где речь идет об общеславянской или межславянской проблематике, о сравнительном изучении по меньшей мере двух стран, языков или литератур. Думается, что категоричность таких выводов неправомерна. Безусловно, работы сравнительного плана имеют преимущества перед работами, анализирующими частные, отдельно взятые факты и явления. Но и чисто страноведческие работы были и будут составной частью славистики.

Единое и научно правильное определение предмета славяноведения чрезвычайно важно при разработке его истории. Поэтому вполне естественно, что соответствующий круг вопросов так или иначе обсуждался едва ли не на каждом заседании Международной комиссии по истории славистики начиная с Московского (1958) и Венского (1960). Единства мнений пока не достигнуто, но важнейшие практические шаги в разработке истории славяноведения опираются на комплексное понимание предмета. Из него исходили, в частности, чехословацкие специалисты, подготовившие и издавшие библиографический словарь славистов этой страны. В предисловии к словарю они определили свою позицию следующим образом: «Мы считали вполне естественным и безусловным, что термин «славистика» является понятием более широким, чем понятие «филология». Поэтому мы включаем в словарь все ... работы из области обществоведения, которые имеют или имели с точки зрения своего времени научный характер»¹⁰. На такой же основе подготовлен советскими учеными аналогичный словарь «Славяноведение в дореволюционной России»¹¹.

Коснемся еще одного вопроса, связанного с пониманием предмета славистики. Как известно, славистика в неславянских странах охватывает изучение истории, языков, культуры всех славянских народов, практически всю их общественную жизнь. Несколько по-другому решается этот вопрос в странах славянского языка. Еще П. И. Прейс в упоминавшемся «Наброске программы университетских чтений по славистике» говорил, что предметом исследования для российского славяноведения

являются «славяне за исключением русских». Аналогичное понимание бытовало и бытует также в других славянских странах. Вполне понятны сугубо практические, так сказать, житейские соображения, которыми оно обусловлено. Однако совершенно очевидно, что нелогично ни разрывать, ни тем более противопоставлять, например, русистику — славистике в СССР, славистику — богемистике в Чехословакии, болгаристику — славистике в Болгарии и т. д. В каждой славянской стране отечественная история, литература, язык были, есть и будут предметом особого внимания, с целью их изучения всегда создавались специальные научные учреждения. Однако не должно быть изоляции отечественной тематики от изучения зарубежных славян. Ведь, скажем, область связей национальной истории данного народа с другими славянскими народами — одна из важных задач каждого слависта, а именно здесь такая изоляция может создать много помех и препятствий. Специалисты по зарубежным славянским странам в СССР должны неизбежно заниматься многосторонними связями и отношениями изучаемых ими стран с историческим и историко-культурным развитием русского, украинского, белорусского народов; богемисты, болгаристы, русисты, югослависты, например, в Польше должны обращаться к связям с развитием польской истории, литературы, языка, к исследованиям сравнительного характера. То же соответственно относится ко всем славянским странам.

Исследуя процесс генезиса и развития мировой славистики, необходимо охватывать его целиком, вне зависимости от того, как толковался предмет изучения в то или иное время и каким образом, исходя из практических целей, распределялись функции между различными учреждениями внутри страны. При этом исключительно важны принципы отбора материала — здесь, очевидно, должен действовать критерий, обеспечивающий ориентировку на общезначимые, закономерные тенденции указанного процесса.

Каждая наука имеет свой специфический объект познания, который она исследует в его изменениях, развитии. Славистика, занимаясь общественной жизнью славянских народов, должна, если она стремится быть объективной наукой, следовать реальному ходу истории, изучать не только прошлое, но и современность. Известно, что после 1944—1945 гг. славянские народы вошли в новую, социалистическую общность, объединяющую их с другими, неславянскими народами, также вставшими на путь социалистического строительства. Народы социалистического содружества тесно связаны между собой единством целей, сотрудничеством в политической, экономической и идейной сферах. Они имеют богатое прошлое, берегут его как драгоценное наследие, нужное им и сегодня. Вместе с тем они творят свою новую историю. Объективно исследовать это новое, роль и ме-

сто славянских народов в мировой общественной и духовной жизни XX в.— одна из задач современной славистики.

Один из важнейших методологических вопросов истории славяноведения, как и истории других наук, связан с правильной оценкой соотношения между внутренними закономерностями развития данной отрасли науки и влиянием общих исторических условий, т. е. факторов социально-политических и идейных, без учета которых невозможно ни правильно оценить наиболее существенные поворотные пункты в развитии славистики, ни точно определить саму суть рассматриваемых процессов. Речь идет, разумеется, не о вульгарно-социологическом подходе к развитию науки, но об учете реальных объективных факторов, обуславливающих это развитие.

Важное методологическое значение для истории славистики имеет (о чем уже говорилось выше) определение круга тех научных дисциплин, образующих в комплексе славяноведение как науку. Не менее важно в методологическом отношении определение основного предмета исследования в тех работах по истории славяноведения, которые мы будем издавать. Предельно схематизируя расхождение точек зрения, ситуацию, пожалуй, можно свести к дилемме: история «славянской идеи» или истории славяноведения, которые мы будем готовить. Еще в прошлом веке определилось расхождение во взглядах, которое можно свести к дилемме: развитие «славянской идеи» или история «славянских изучений»? Ограничиваясь «славянской идеей», исследователи неизбежно оставляли за бортом едва ли не большую часть славистических исследований и значительную часть крупнейших ученых, особенно в те периоды, когда интеграционные тенденции в славистике ослабевали. Создать научный труд по истории «славистических изучений» гораздо труднее, чем по истории «славянской идеи», но это необходимо, чтобы охватить то, что нам интересно и полезно, а именно — показать поступательную динамику научной мысли в исследованиях языков, исторического и историко-культурного развития славянских народов.

Далее следует существенный методологический вопрос о целях и содержании истории мировой славистики в отличие от истории славяноведения в отдельно взятой стране. Конечно, мировая славистика складывается из того, что сделано в отдельных странах, но речь идет не о простой сумме имен и названий. Результаты развития мировой славистики связаны с результатами славистических исследований в национальном масштабе, но отличаются от них и в количественном и в качественном смысле. Общее соотношение между этими результатами, их конкретные оценки и сопоставления будут успешны в том случае, если мы будем базироваться на основных принципах материалистической диалектики и используем достижения современной компаративистики.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ИДЕИ СЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИИ НА РАЗВИТИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Происхождение, общественно-политическое содержание, историческая роль идеи славянской общности неизменно интересуют славистов, ибо речь идет о вопросах, которые важной составной частью входят в то, что можно назвать истоками славяноведения как науки. Беря тот аспект темы, который теснее всего связан с историей славистики, и рассматривая его в методологическом плане, обратим внимание на терминологию, начиная с терминов «славянское единство», «славянская взаимность», «славянская общность», «славянская солидарность», «всеславянство», «славянщина» (или «славянщина») и т. д. Мы оперируем этими терминами, хотя ни в материалах изучаемой эпохи, ни в современной научной литературе нет точных и однозначных определений вкладываемого в них смысла. От этого происходили и происходят разного рода недоразумения. Одним из них представляется убеждение, будто термин «славянское единство» всегда связан с теми концепциями, которые рассматривали всех славян как единый народ или единую нацию. Такое толкование не вытекает ни из смысла слова «единство», ни из текстов соответствующих деятелей прошлого. Во всяком случае литература дает немало таких примеров, когда термин «славянское единство» употреблялся в качестве синонима или в смысле, очень близком смыслу терминов «славянская взаимность» или «славянская общность», которыми мы преимущественно пользуемся.

Разумеется, когда речь идет о детальном разборе каждой данной концепции, весьма существенно точно установить, о чем идет речь: о взаимосвязях и взаимопомощи в культурно-национальной сфере, об осознании общности происхождения в этническом смысле, о языковом сближении или национальном единстве, толкуемом и в смысле политическом. Но при этом следует иметь в виду, что на общественную мысль славянских народов и на развитие славистики то или иное влияние оказывали или могли оказывать любые концепции подобного рода.

Совершенно справедливо говорят, например, что нельзя ставить на одну доску концепции П. И. Шафарика и Я. Коллара, так как у первого речь идет преимущественно о «славянской взаимности», а второй ратует главным образом за «славянское единство». Однако не следует забывать, что в некоторых своих аспектах идея «единства» славян вовсе не была чужда Шафарику, а стремление к «взаимности» вовсе не исключалось Колларом.

Представляется целесообразным особо рассмотреть также очень броский по форме, но не совсем определенный по содержанию термин «панславизм». Он появился в 40-х годах прошлого века. Это было не только время, когда идея славянской общности вышла на арену европейской общественной мысли, но и когда вокруг этой идеи осуществлялось немало различных политических спекуляций, довольно далеких от ее непосредственного содержания.

Термин «панславизм» возник почти одновременно с термином «пангерманизм» в ходе длительных и острых дискуссий по поводу целей внешней политики немецких государств и Российской империи на славянских землях, что, естественно, должно было оставить и оставило на нем свой отпечаток. Не случайно один из советских исследователей пишет: «Возникновение термина „панславизм“ явилось определенным этапом в развитии немецкой буржуазно-националистической идеологии и свидетельствовало об усилении ее антиславянской, в частности антирусской, направленности, подогреваемой подозрениями, что Россия является одним из основных препятствий на пути к общегерманскому единству»¹².

Именно поэтому в западной литературе в понятие «панславизм» чаще всего вкладывается заведомо реакционное содержание, связанное с претензиями царизма на гегемонию. Между тем в славянских языках, в том числе в русском, понятие «панславизм» значительно шире и многостороннее. В связи со сказанным нам кажется необходимым призвать к точному и продуманному использованию термина «панславизм», чтобы в эту рубрику не зачислялись, как это иногда делается, практически все интерпретации идеи славянской общности, включая и те, которые не имеют ничего общего с «панславизмом» западно-европейской буржуазной публицистики 40-х годов XIX в.

Идея славянской взаимности явилась неизбежным и закономерным продуктом исторического развития славянских народов в период их перехода от феодализма к капитализму, в эпоху формирования наций и национальной культуры; постепению эта идея прочно вошла в национальное самосознание большинства славянских народов и надолго стала его неотъемлемой составной частью. Если говорить о социально-политической сфере, то на первом этапе, особенно до 1848 г., идея славянской взаимности довольно часто использовалась теми силами, в программе и деятельности которых объективно отражались тенденции капиталистического развития, хотя идеологами выступали преимущественно выходцы из интеллигенции. Буржуазия либо была этнически инородной, либо не могла еще играть сколько-нибудь значительной роли в общественной жизни из-за своей малочисленности и низкого культурного уровня. Идея славянской взаимности в те времена была важным идейно-теоретическим орудием национальных движений славянских народов,

а они в тот период объединяли, как правило, довольно разнообразные элементы, начиная с тех, кто безраздельно связывал национальное освобождение с ликвидацией феодальных порядков, с коренной перестройкой общественных отношений, и кончая местными феодалами, которые лишь отстаивали свои привилегии и боролись за власть с иноземными захватчиками¹³. Чтобы показать всю сложность ситуации, необходимо добавить, что в Российской империи, монархии Габсбургов, даже в Османском государстве были и такие силы, которые пытались приспособить идею славянской солидарности для охранительных целей, т. е. для сохранения разобщенности и угнетенного положения большинства славянских народов.

Идея славянской взаимности являлась более или менее существенным, но далеко не единственным компонентом общественно-политических или научных концепций, возникавших у славянских народов и оказывавших влияние на развитие славяноведения. Сосуществуя с основными философско-социологическими доктринами, занимавшими в те времена человеческие умы, идея славянской солидарности в одних случаях прямо выводилась из них, в других — выступала хотя и самостоятельно, но в сложном переплетении с некоторыми такого рода доктринами, в третьих — лежала в основе рассуждений, с помощью которых делались попытки противопоставления исторических судеб Западной и Восточной Европы.

Методологический вывод, вытекающий из сказанного, сводится к тому, что в данной области особенно неправомерны и чреваты ошибками любые поспешные оценки. Нельзя говорить о прогрессивности идеи славянской взаимности вообще, так же как нельзя утверждать, что она всегда служила и может служить только силам реакции. В период между 1789 и 1871 гг., т. е. в эпоху буржуазно-прогрессивных, национально-освободительных и демократически-освободительных движений¹⁴, идея эта довольно часто использовалась прогрессивными силами, в последующие десятилетия, как правило, она оказывалась на службе реакции. Но это вовсе не значит, что в первом периоде необходимо во всех случаях искать только прогрессивность, а во втором видеть одно реакционное. В каждом отдельном случае все определялось совершенно конкретной обстановкой социально-экономических и идейно-политических столкновений, следовательно, только на ней, а не на умозрительных схемах должен основывать исследователь свои выводы и оценки.

Рассмотрим конкретные примеры, относящиеся к XIX в., но имеющие общеметодологическое значение.

Примером реакционно-охранительной интерпретации идеи славянской общности могут служить взгляды польского писателя и литературного критика М. Грабовского. Владелец поместий на Правобережной Украине, убежденный сторонник полной лояльности польской общественности по отношению к ца-

ризму, он высказывал готовность пропагандировать «великую идею славянщины», имея в виду «не федерацию, а единую и неделимую монархию» — во главе с династией Романовых. При этом он осуждал всякие попытки борьбы польского народа за независимость, считая наилучшим вариантом автономию польских земель внутри Российской империи и цинично заявляя, что падение Речи Посполитой «необычно приблизило славянскую эру»¹⁵. Далеко не все такого рода интерпретаторы идеи славянской общности высказывались столь откровенно и прямолинейно, далеко не все они ориентировались на русский царизм (были и такие, которые лучшими защитниками своих интересов считали Габсбургов и даже турецкие власти), но суть дела оставалась в своей основе аналогичной.

В России 40—50-х годов своеобразную интерпретацию идеи славянской общности дали ранние славянофилы: А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, братья Киреевские. По поводу оценки русского славянофильства было и есть много споров. Нам кажется необоснованной как тенденция, идеализирующая мировоззрение и политические взгляды славянофилов, гипертрофирующая их оппозиционность, так и противоположная ей тенденция, безоговорочно связывающая их исключительно с лагерем реакции и обскурантизма. Раннее славянофильство было сложным и противоречивым течением. Его доктрины безусловно имели черты консерватизма. Однако в некоторых вопросах, включая отношение к крепостничеству, славянофилы были хотя и в весьма умеренной, но все же в оппозиции к царскому правительству, высказывались за реформы, осуществляемые, разумеется, с согласия царизма и с учетом интересов правящих классов. Думается, что это обязывает нас ставить определенную грань между концепциями раннего славянофильства и реакционной идеологией самодержавия, воплотившейся в «теории официальной народности» или в панславистских теориях пореформенного периода.

Хорошо известно, что славянофилы были горячими пропагандистами идеи славянской общности, что большинство из них ратовало не только за языковое и культурное сближение славян, но и за политическое объединение славянских народов под эгидой царской России. Однако в 40—50-х годах это лишь отчасти совпадало с «теорией официальной народности», с основной внешнеполитической линией царского правительства. Во всяком случае имеется много вполне достоверных источников, не оставляющих сомнения в том, что в николаевскую эпоху и сам царь, и его министры, во-первых, практически не стремились к новым территориальным приобретениям за счет славянских земель, а во-вторых, с большой опаской относились к идее славянской взаимности¹⁶. Нельзя забывать и о том, что в зарубежных славянских странах славянофильская интерпретация этой идеи воспринималась более радикально, чем внутри Рос-

сии, что иногда и она оказывала воздействие на участников революционного движения. С этой точки зрения весьма показательны свидетельства польских конспираторов 40-х годов, действовавших в Варшаве, но являвшихся выпускниками Московского университета¹⁷.

Для западных и южных славян наиболее типичным в рассматриваемую эпоху являлось то направление истолкования идеи славянской общности, которое в целом можно назвать либеральным. К этому направлению относилось много разных доктрин, конкретный облик которых зависел от сословно-классовой или национальной ориентации соответствующих деятелей. Характерным для всех них было соединение более или менее явно выраженной оппозиционности по отношению к властям и более или менее устойчивого стремления к буржуазной по своему объективному содержанию перестройке общественных отношений с убеждением, что поставленные цели должны быть достигнуты с помощью постепенных реформ, а не путем революционной ломки существующего правопорядка.

Исторические условия, в которых развивались чешский и словацкий народы, были таковы, что именно они выдвинули самых ярких представителей этого направления. Думается, что с теми или иными оговорками к нему могут быть отнесены Й. Добровский, Й. Юнгман, П. Шафарик, Я. Коллар, а также Л. Штур, К. Гавличек-Боровский, Ф. Палацкий и др. Их мировоззрение и политические взгляды были далеко не идентичными, созданные ими интерпретации идеи славянской общности не только не совпадали в наиболее существенных чертах, но иногда прямо противостояли друг другу. Однако они все-таки укладываются в довольно широкие, но достаточно определенные рамки либерального направления.

Если говорить об эволюции доктрин, то наиболее общая и отчетливая тенденция заключалась в постепенном снижении внимания к чертам, общим для всех славянских народов, за счет роста интересов к специфике каждого из них, причем не только в языковой и культурно-исторической сферах, но и в политической. Несомненно, что эти весьма важные для развития славяноведения сдвиги были более или менее синхронны с процессом развития национального самосознания и формированием наций у славянских народов, так как они объективно обуславливались этим процессом. Чем дальше шел указанный процесс, тем более «национальными», так сказать, становились политические и научные интерпретации идеи славянской общности.

В югославянских землях характерным примером либеральной интерпретации идеи славянской общности были сторонники иллиризма, в особенности Л. Гай у хорватов и М. Маяр у словенцев. Существенное отличие югославян заключается, как нам кажется, в том, что у них с самого начала слабо чувство-

вался «общеславянский» компонент, столь отчетливо выраженный у Я. Коллара. В их доктринах этот компонент выглядел лишь весьма отвлеченным общетеоретическим аргументом, тогда как все конкретные послы и выводы практически не выходили за рамки югославянского региона, не всегда учитывая даже тех южных славян, которые находились за пределами государства Габсбургов.

Революционные события 1848—1849 гг. на территории тогдашней Австрийской империи вызвали обострение идейно-политической борьбы вокруг идеи славянской общности. При этом наиболее видное место заняла либерально-буржуазная концепция австрославизма, окончательно сформулированная в 1846 г. К. Гавличеком-Боровским, а в период революции и после нее развитая Ф. Палацким.

Один из главных инициаторов и председатель Славянского съезда в Праге, Палацкий склонял его участников к принятию решения в духе умеренного австрославизма. Представители радикально-демократических сил национальных движений (в том числе чешского) приняли поддерживаемую им концепцию превращения Австрии в федерацию равноправных национальных государств. Однако они активно и безрезультатно боролись за внесение в документы съезда социальных требований, связанных с существенной демократизацией существующего правопорядка. Бурные дискуссии оборвались с началом Пражского вооруженного восстания, среди активных участников которого оказались чешские радикалы, а также их ближайшие единомышленники из представителей других, в том числе неславянских народов.

Революция смелá одни и существенно трансформировала другие славянские доктрины. Концепция австрославизма, отстаиваемая либералами во время революции, фактически оставалась на вооружении чешской, а отчасти и словацкой буржуазии до первой мировой войны. У югославянских народов вместе с приспособленной для местных условий концепцией австрославизма получили широкое распространение доктрины югославизма и панхорватизма. Облик всех этих политических интерпретаций идеи славянской общности подтверждает уже высказывавшуюся мысль о том, что время и историческое развитие ослабляли в этих концепциях «общеславянские» элементы и выдвигали на первый план элементы национальные. По мере того как развивались славянские народы, «общеславянская» оболочка для их национальной идеологии оказывалась все менее и менее пригодной. Эту тенденцию мы должны, разумеется, брать в сочетании с местной спецификой, которая иногда с самого начала весьма существенно снижала значение «общеславянского» компонента.

В польских условиях интерпретации славянской идеи были весьма специфичны. Специфика заключалась прежде всего в

национальном мессианизме, т. е. в утверждении, что Польша должна стать во главе славянского мира либо в одиночку, либо вместе с обновленной Россией. На таких позициях стояли многие польские мыслители и деятели польского освободительного движения. Один из них, участник Славянского конгресса в Праге Е. Морачевский, предполагал, например, создать польско-богемско-иллирийскую конфедерацию во главе с Польшей; при этом он выражал надежду, что конфедерация объединится в будущем с создаваемым одновременно сербо-болгарским государством и присоединит со временем Словакию и Галицию (в том числе Восточную)¹⁸.

Е. Морачевский принадлежал к умеренной части Польского демократического общества. Более радикальные деятели польского освободительного движения 40—50-х годов, такие, как революционный демократ Эдвард Дембовский, а также Генрик Каменский, Петр Сцегенный и др., высказываясь за славянскую демократическую федерацию с республиканской формой правления, не исключали из числа ее предполагаемых членов России, считая, что русский народ может свергнуть самодержавие, ликвидировать крепостничество и вместе с польским народом стать во главе «Всеславянства». Характерно, что наиболее радикальные деятели польского освободительного движения, как правило, были сторонниками русско-польского революционного сотрудничества, причем не только теоретически, но и в своей практической деятельности^{19а}.

В России идея славянской общности была близка и привлекательна для многих декабристов, особенно для членов Общества соединенных славян, которые заявили себя горячими сторонниками демократической федерации всех славянских народов, а также венгров и молдаван, ошибочно причислявшихся ими к славянству. В 40-х годах определенное влияние идея славянской общности оказала на петрашевцев, а в программе Кирилло-Мефодиевского братства она стала одним из основных компонентов. Левое крыло этой организации, к которому относился и великий украинский поэт Тарас Шевченко, провозгласило необходимость демократической федеративной республики славян, основанной на ликвидации сословных и уменьшении имущественных различий. Славянская идея занимала видное место в мировоззрении А. И. Герцена и М. А. Бакунина. Оба они (особенно А. И. Герцен) были горячими пропагандистами теории общинного социализма, утверждавшей, что наиболее легкий путь к социалистическим преобразованиям общества лежит через русскую и вообще славянскую общину; оба они (особенно М. А. Бакунин) ратовали за демократическую федерацию славянских народов, которая должна была подняться на обломках крепостнических порядков и тех монархических государств, которые угнетали славянство. Однако весьма радикальные с точки зрения социальных требований славянские про-

граммы А. И. Герцена и М. А. Бакунина не были чужды таких черт, которые вызывали у современников упреки в вольной или невольной поддержке великодержавных стремлений русского царизма.

В этом смысле совершенно безупречной представляется позиция наиболее последовательного идеолога русской революционной демократии — Н. Г. Чернышевского. Чтобы уничтожить по отношению к русским революционерам даже тень подозрения в великодержавности со стороны их славянских собратьев, он заявлял: «Другие славянские племена могут желать единства между собою, потому что каждое из них было бы слишком слабо в отдельности,— им действительно нужна взаимная опора. Мы не в таком положении»¹⁹. В то же время Чернышевский выступал за самое тесное и самое действенное сотрудничество революционных сил славянских народов между собой и за революционный союз всех народов, борющихся против социального и национального гнета, против деспотических правительств и эксплуататорских классов²⁰. Именно в этом состояла важнейшая особенность той политической интерпретации идеи славянской общности, до которой поднялись революционные демократы. В их мировоззрении эта идея, национальная в своей основе, становилась исходным рубежом для теоретического обоснования и воспитания чувств интернационализма у наиболее передовой части славянской общественности.

Из сказанного явствует, что изучение языков, литератур и истории славянских народов не могло не привести и действительно привело в начале XIX в. к более глубокому пониманию этнической близости славян и определенной общности их исторических судеб. В тогдашних условиях идея славянской взаимности (при всей утопичности и несостоятельности ее трактовки в форме призыва к созданию единой нации) во многом способствовала объединению славянских народов в их борьбе за национальную независимость. Важно отметить также, что неразрывная связь между политическим и научным содержанием идеи славянской взаимности, во-первых, создавала вполне очевидные дополнительные стимулы для обращения славистов к чисто исторической проблематике или к тому, что стоит на пороге филологии и истории, во-вторых, связывала воедино филологические и исторические проблемы, создавала объективную потребность в специалистах широкого профиля, способных охватывать все славяноведческие дисциплины.

На протяжении последних десятилетий XIX в., накануне и в годы первой мировой войны, а также в межвоенный период идея славянской взаимности все чаще оказывалась орудием политических спекуляций в руках реакционеров, пытавшихся использовать ее в интересах имущих классов и вкладывавших в нее сугубо националистическое содержание. Содержание исторического процесса изменялось, и речь уже не могла идти о

понимании этой идеи в традиционном духе. Но это не означало, что исторические традиции были отброшены и забыты. Период второй мировой войны, годы кровопролитной борьбы с фашизмом весьма убедительно подтвердили жизненность идеи славянской солидарности²¹.

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Говоря о периодизации истории мировой славистики, мы прежде всего должны установить ее цели и принципы.

Выдвижение на первое место вопроса о целях периодизации не случайно. Можно, конечно, сказать, что выработка периодизации истории славистики служит практическим целям организации материала, помогает его систематизации, членению и оформлению. Однако такой ответ был бы заведомо неполон. В самом деле, развитие славянских изучений как в отдельных странах, так и в мировом масштабе отличается крайней неравномерностью как с точки зрения географии их распространения, так и в смысле определения объекта изучения.

Будучи важным элементом научной абстракции, периодизация истории славистики выступает в качестве способа познания внутренних закономерностей эволюции этой дисциплины в целом и отдельных частей научного комплекса (истории, лингвистики, литературоведения и т. д.), а также связей славистики с тенденциями современного ей общественного и идейно-культурного развития. Иными словами, цель периодизации, будучи важным аспектом стратегии научного исследования, заключается в решении двуединой кардинальной проблемы о соотношении между наукой и обществом.

Примечательно, что осознание связей между ними было присуще многим славистам прошлого, в том числе представителям русского дореволюционного славяноведения. Нельзя не обратиться с этой точки зрения внимания на полемику по поводу выхода в свет капитального труда И. В. Ягича «История славянской филологии» (СПб., 1910). Рассматривая эту работу, один из видных в то время русских славистов Н. М. Петровский упрекал И. В. Ягича в том, что в его книге «факты славянской науки зачастую [рассматриваются] оторванными от современной им общественной обстановки». Рецензент прямо указывал, что славянская филология в первой половине XIX в. «была лишь частью того обширного процесса, который называется славянским возрождением»²². Впрочем, подобный подход в то время был во многом новым и непривычным настолько, что, например, редакция «Журнала министерства народного просвещения», поместившая рецензию Н. М. Петровского, сочла необходимым выразить в этой части несогласие с мыслью рецензента. Кстати, в настоящее время понимание связи науки с

развитием общества, очевидное для историков-марксистов, начинает в той или иной мере находить понимание и у многих историков науки на Западе²³.

Эволюция славистики проходила под знаком неравномерности ее распространения и толкования предмета изучения. Было ли случайным такое положение? Вся история славянских изучений показывает, что здесь находила проявление не случайность, а несомненная закономерность, раскрытие которой на материалах разных национальных школ и в целом, т. е. с учетом местных, региональных и общих черт развития, составляет важнейшую задачу историка славяноведения. По-видимому, и причины, по которым славистика формировалась в тех или иных научных центрах, и объем информации, вкладывавшийся в разное время в понятие славистики, и, наконец, общественная значимость ее были определенным образом детерминированы. Раскрытие этого потребует сопоставительного, сравнительно-исторического и комплексного исследования, например истории славяноведения в России и остальных славянских странах, с одной стороны, и в Германии, Франции, Англии и некоторых других западноевропейских странах — с другой, особенно в XVIII—XIX вв. Историк славистики не может пройти мимо славистических изучений в ряде стран Америки (прежде всего в США), а также Азии и Африки, отчасти формирующихся на наших глазах. Конечно, история славистики не может сводиться к заурядной иллюстрации общекультурного развития, хотя она с ним теснейшим образом связана. Исходя из сказанного следует иметь в виду, что в истории славяноведения как науки действуют два вида закономерностей: с одной стороны, выражающие собственно развитие славистики и отражающие факторы ее имманентной эволюции, с другой стороны, отражающие воздействие на нее общественных условий, в обстановке которых эта отрасль знания развивалась и развивается. Эти закономерности носят относительно общий, универсальный характер, однако конкретные формы их проявления в разных странах и в разное время не могут не носить специфических черт. Это следует учитывать при конкретизации общих задач периодизации истории мировой славистики. При этом хотелось бы обратить внимание на следующие соображения.

Во-первых, следует помнить о неравномерности развития славистических изучений как в диахроническом (т. е. в рамках одной страны или региона), так и в синхроническом (т. е. в контексте мирового развития науки о славянах) отношениях. В самом деле, известно, что как самостоятельное научное направление славяноведение, охватывавшее преимущественно языковедение и некоторые общие вопросы истории культуры, сложилось к концу XVIII — началу XIX в. в определенных, достаточно четко очерченных центрах: в Чехии, России и Германии, начав затем распространяться в других славянских и

неславянских странах. При этом менялись и представления о предмете славистики, и проблематика славянских изучений, и удельный вес в них тех или иных дисциплин. По-разному рассматривались задачи славистики в славянских и неславянских странах, на них оказывали воздействие идейные позиции ученых и общая атмосфера того или иного периода. Как и в других общественных науках, здесь происходила борьба мнений и идеологических направлений, ученые, занимавшие гуманистические, прогрессивные, демократические позиции, выступали против использования славяноведения определенными реакционными силами для проповеди шовинизма и национализма. Очевидно, эта хронологическая и идейно-научная неравномерность развития славяноведения должна учитываться при создании его исторической периодизации.

Во-вторых, необходимо уточнить содержание объекта такой периодизации. Сама по себе история мировой славистики не есть механическое сложение ее национальных или региональных школ и направлений. Она призвана осмыслить развитие славянских изучений в целом, т. е. не только в рамках отдельных стран или регионов, но в международном масштабе, с учетом взаимосвязей и взаимодействий, которые по существу с первых же шагов формирования славяноведения как науки наблюдаются в его истории. Это нелегкая задача, которая потребует дополнительных усилий по сравнительно-историческому изучению процессов развития славистики. Чтобы избежать кажущейся, отмеченной вначале противоречивости фактического материала, необходимо, по-видимому, и при разработке исторической его периодизации принимать во внимание существование не одного, а, так сказать, нескольких «уровней» осмысления фактов: общемирового, регионального и национального.

В-третьих, предварительным и необходимым условием создания периодизации истории славистики должна стать выработка ее исходных принципов и критериев. Соблюдение этого условия обязательно для обеспечения научности и исторической объективности периодизации, которая лишь при этом условии будет «работать» в качестве подлинно научной абстракции. Очевидно, что это — одна из наиболее трудных и сложных задач.

Вопрос о принципах периодизации истории славистики можно рассматривать в качестве существенного логического звена, с помощью которого конкретизируется и практически реализуется историческая периодизация как научная абстракция. В методологии советской исторической науки эти вопросы не случайно занимают в последние годы все большее место. Теоретической основой принятой в советской историографии периодизации является, как известно, марксистское учение о прогрессивной смене социально-экономических формаций, которое индивидуализируется, конкретизируется при изучении истории отдельных

страя и народов, тех или иных периодов и эпох. Однако периодизация развития отдельных форм духовной деятельности, в том числе и славистики как науки, не может решаться простым «накладыванием» на нее общеисторической периодизации, хотя диалектически и соотносится определенным образом с последней²⁴. В. И. Ленин, неоднократно обращавшийся к этой проблематике, настоятельно подчеркивал, что границы отдельных периодов в пределах больших всемирно-исторических эпох в зависимости от избираемого для исследования критерия могут быть различны²⁵.

Исходным критерием выработки периодизации интересующей нас области должны быть общие и частные закономерности развития славистики на путях ее генезиса и формирования как науки. При этом должны учитываться не только логика, внутренние закономерности, но и ее общественные связи, стимулировавшие ее развитие и выдвигавшие перед ней задачи, которые в то или иное время славистика решала или во всяком случае была призвана решать. Отсюда вытекает, что периодизация истории славистики должна учитывать, во-первых, процесс развития познания своего объекта (история славянских изучений и их проблематики на том или ином этапе развития научной мысли, отдельных школ, национальных центров и т. п.) и, во-вторых, соотношение славяноведения с общественными и культурными движениями той или иной эпохи (проблема «наука и общество»). Ни один из названных элементов нельзя абсолютизировать или игнорировать — оба они должны находиться в органической и диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности.

Сказанное выше позволяет наметить основные контуры схемы будущей периодизации истории мировой славистики, которую в настоящем ее виде следует рассматривать в качестве предварительной, реализующей в общих чертах сформулированные нами цели, задачи и принципы.

Как самостоятельный комплекс наук, славяноведение возникает не ранее XVIII в., хотя эмпирический, а отчасти и специальный интерес к истории и культуре славянских народов возникает в качестве сравнительно устойчивой тенденции уже в раннее средневековье — таково, например, содержание деятельности Кирилла (Константина) и Мефодия в IX в., соответствующие разделы начального летописания у славянских, а также у некоторых соседних с ними народов. Однако сведения эти носили еще разрозненный характер и в сознании их авторов и современников пока не осмыслились как нечто целостное. По мере дальнейшего развития культуры славянских народов шел процесс роста их этнического самосознания, порождавший с XVI—XVII вв. разного рода идеи славянской общности (Я. Длугош, М. Меховский, Даниэль Адам из Велеславина, В. Прибоевич и др.).

Возрастание политической и культурной роли славянских народов в жизни Европы, особенно России и Польши, приводит в XVII—XVIII вв. к заметному усилению интереса к ним в западноевропейской науке, литературе и публицистике (итальянские гуманисты, Герберштейн, Поссевин, Олеарий, Геснер и др.). С XVII в. как своеобразный итог предшествующего развития появляются первые научные и публицистические труды, в которых прослеживается зарождение целенаправленного интереса к осмыслению прошлого, настоящего и отчасти будущего славянских народов, что было тесно связано как с внутренней эволюцией славянских народов, так и с ролью их в политической жизни Европы. Таковы работы Ю. Крижанича, М. Орбини, Б. Бальбина, публицистика польских и русских авторов, «Грамматика» М. Смотрицкого, а на Западе — деятельность Лейбница, Спарвенфельда, Лудольфа и некоторых других ученых. В результате к началу XVIII в. сложились необходимые идейно-культурные и научные предпосылки для последующего становления славистики как науки. Мы остановились на этом периоде несколько подробнее именно потому, что он во многом предопределил направленность и тематику славянских исследований на довольно длительный период и вместе с тем свидетельствовал о глубоких корнях, которыми они уходили в научное и общественно-политическое развитие как самих славянских народов, так и соседних с ними стран. В целом охарактеризованный период может быть назван подготовительным: это была предыстория славистики как научной дисциплины.

Превращение славистики в науку происходило на протяжении десятилетий XVIII в. и теснейшим образом связано с развитием общественной мысли и культуры славянских народов, с распространением в Европе идей Просвещения. Этими чертами проникнута деятельность В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова в России, просветителей в Польше, Чехии, Словении, у лужицких сербов и южных славян. В итоге к концу XVIII в. усилились славянских и западноевропейских ученых славистика формируется как самостоятельная научная дисциплина, в составе которой преобладающее место принадлежало языкознанию. В конце XVIII — середине XIX в. славяноведение оказывается в фокусе национально-освободительной борьбы славянских народов (поистине международную значимость приобрели труды И. Добровского и А. Х. Востокова), оно вызывает к себе все больший интерес среди прогрессивных кругов русского общества (например, у А. С. Пушкина и декабристов). Важным событием в истории славистики явилось основание кафедр славянских языков и литературы в университетах России, а также в научных центрах Германии, Австрии, Франции. Период от конца XVIII в. до 60—70-х годов XIX в. оказался временем становления славистики как науки не только в национальном, но и в международном масштабе.

Следующий, третий этап был временем дальнейшего развития славистики, углубления ее содержания, разработки методологических проблем, формирования научных школ и направлений, поисков форм международного сотрудничества. Наряду с лингвистическими аспектами в поле зрения ученых-славистов все чаще включаются общеисторическая и историко-культурная проблематика. Вместе с тем рассматриваемый период явился временем обострения идейной борьбы между представителями разных направлений, возникновения революционно-демократической трактовки прошлого и настоящего славянских народов (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, И. Лелевель, И. Фрич, С. Маркович и др.). Это отразило общие тенденции общественного и культурного развития в пореформенной России и у зарубежных славянских народов, усиливавших борьбу за национальное и социальное освобождение. Именно в эти десятилетия берет начало новая концепция славистических исследований, связанных с учением марксизма-ленинизма. В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина освещены коренные проблемы истории и культуры славянских народов, их роль в развитии мирового исторического процесса.

Великая Октябрьская социалистическая революция и вызванные ею идейно-политические сдвиги, распад Австро-Венгерской монархии, коренные перемены в судьбах славянских народов — все это повлекло за собой переоценку ценностей и в области славистики, открывая вместе с тем новый этап в ее истории. Одним из важных следствий этого были утверждение и дальнейшее развитие славяноведения, основанного на марксистской методологии. Крупный вклад был внесен такими советскими историками и филологами, как Н. С. Державин, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, выдающимся чехословацким ученым и общественным деятелем З. Нееды. После второй мировой войны славяноведение переживает новый подъем, ознаменовавшийся как значительным развитием славянских изучений в международном масштабе (свидетельством тому служат IV, V, VI и VII международные съезды славистов, «Славянский проект» ЮНЕСКО, сотрудничество национальных культурных центров и другие межгосударственные акции), так и расширением самой проблематики исследований, которые наряду с традиционной филологией включают историю, историю культуры, археологию и этнографию. В послевоенный период различные области славистики стали ареной острой идеологической борьбы, в ходе которой марксистское направление, возникшее в Советском Союзе и утвердившееся в странах социалистического содружества, находило сторонников и среди ученых других стран мира.

На основе сказанного примерная схема периодизации истории мировой славистики представляется следующим образом:

1. Начальный этап (или «предыстория») славистических изучений (от раннего средневековья до XVIII в.).

2. Этап становления славистики как науки (от второй половины XVIII в. до 60—70-х годов XIX в.). В пределах этого этапа вырисовываются по крайней мере два периода, вехой между которыми является создание университетских кафедр славяноведения в России и других европейских странах.

3. Этап развития славистики, заключительной гранью которого является первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция. С учетом конкретного хода славистических исследований и организации науки в разных странах могут быть намечены два периода, границей которых служит рубеж XIX—XX вв.

4. Этап развития славистики как комплекса наук, ознаменованный утверждением качественно нового марксистского направления и характеризующийся упрочением организационных форм международного сотрудничества; этот этап продолжается и в настоящее время.

Намеченные контуры периодизации носят, конечно, предварительный характер. Они представляют собой попытку учесть в наиболее обобщенном виде основные рубежи в истории мировой славистики как научного комплекса. Они не исключают, а, наоборот, предполагают, во-первых, выработку систем периодизации истории славистики в отдельных странах и, во-вторых, разработку схем периодизации отдельных компонентов, входящих в славистический комплекс, например истории славянского языкознания, обладавшей своими, специфическими для нее особенностями и чертами развития.

Так, рассматривая историю русского дореволюционного славяноведения в целом, можно наметить следующие основные этапы: постепенное выделение славянских изучений из смежных областей знания и консолидация их в относительно устойчивый комплекс наук о славянах в тесной связи с процессами формирования и развития русской национальной культуры и подьемом национально-освободительного движения у других славянских народов (XVIII в.—конец 1860-х—1870-е годы); оформление славяноведения не только как развитого научного комплекса, в котором ведущую роль играла филология, в частности языкознание, но и как заметного компонента общественно-культурной жизни и идейной борьбы в пореформенной России; дальнейшее развитие науки, расширение ее предмета (в частности, настоятельные попытки включить сюда историю) и выход русской славистики на международную арену при одновременном усилении в ней идеологической борьбы, нарастании кризиса старой, буржуазно-дворянской методологии и проникновение в изучение славянских народов марксизма, чему содействовала теоретическая деятельность В. И. Ленина и литературно-публицистические выступления таких видных представителей большевизма, как, например, В. Воровского (примерно от 1890-х годов до 1917 г.). Великая Октябрьская социалистическая ре-

волюция, открывшая новую страницу не только в истории человечества, но и в истории науки, привела в дальнейшем и к складыванию принципиально нового, марксистско-ленинского направления в славяноведении, оказав тем самым огромное воздействие на общее развитие мировой славистики. Таким образом, основные этапы развития отечественного славяноведения отражают большой путь, пройденный им от превращения конгломерата разрозненных знаний о славянских народах в устойчивый интегрированный комплекс с последующей, «вторичной» дифференциацией славистических дисциплин, но уже в пределах этого научного комплекса.

Если бы мы попытались, с другой стороны, проследить пути развития отдельных его компонентов — славянского языкознания, славянской филологии, славянской истории или этнографии, то, очевидно, в каждом конкретном случае хронологические границы исторической периодизации могли бы различаться между собой, отражая тем самым конкретные особенности эволюции отдельных составных частей славяноведения. И такое положение едва ли следовало бы считать чем-то из ряда вон выходящим или же отрицающим возможность и даже целесообразность существования общей схемы периодизации истории национальной, региональной или мировой славистики. В этом в сущности проявились бы лишь разные уровни научной абстракции, та самая условность, подвижность, относительность, а не абсолютность граней в процессе развития природы и общества, на что специально обращал внимание В. И. Ленин, говоря: «Явление *бога* *че* закона»²⁶.

*

Затронутые вопросы, как уже говорилось, не исчерпывают методологической проблематики, разработка которой необходима для изучения истории славистики. Более широко эта проблематика рассмотрена при участии авторов настоящей работы в подготовленном учеными разных стран сборнике статей «Методологические проблемы истории славистики». Выход в свет названной и других книг, посвященных развитию славяноведения, открывает перспективы для дальнейших исследований в этой области.

- ¹ *Kudělka M., Simeček Z.* a kolektiv. Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972; *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. I. Минск, 1976; т. II, 1977; Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь (в печати).
- ² В рамках Международной комиссии по истории славистики подготовлены и сданы в печать сборники, посвященные методологическим вопросам истории славистики (СССР), XVIII — первой половине XIX в. (Чехословакия), концу XIX — началу XX в. (Болгария), межвоенному периоду (Польша); готовится также сборник, охватывающий вторую половину XIX в. (Югославия).
- ³ Термины «славяноведение» и «славистика» употребляются нами как равнозначные.
- ⁴ Kritische Versuche, die ältere böhmische Geschichte von späteren Erdichtungen zu reinigen. Praha, 1803—1819; Scriptorum rerum Bohemicarum. Praha, 1783—1784.
- ⁵ Slovanské starožitnosti. Praha, 1837; Slovanský národopis. Praha, 1842.
- ⁶ Подробно об этом см.: *Никитин С. А.* Караджич и Ранке.— В кн.: Проблемы историографии. Воронеж, 1960.
- ⁷ О Сербии в ее отношениях к соседним державам преимущественно в XIV и XV столетиях. Казань, 1859.
- ⁸ Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков, 1846.
- ⁹ Архив Академии наук СССР. Ленингр. отд.-ние, ф. 106, оп. 1, д. 5, л. 1.
- ¹⁰ Československé práce o jazyce..., Praha, 1972, s. 6.
- ¹¹ См.: *Дьяков В. А.* О подготовке биобиблиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России».— В кн.: Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974, с. 98—101.
- ¹² *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм».— В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, с. 69.
- ¹³ Данному кругу вопросов посвящена содержательная статья советской исследовательницы И. И. Лещиловской. Представляется, однако, что в этой статье недостаточно учтена указанная специфика национально-освободительного движения славянских народов, в результате чего идея славянской общности слишком однозначно привязывается к буржуазной идеологии даже там, где в рассматриваемый период национальная буржуазия практически еще не существовала или имела весьма малое влияние (см.: *Лещиловская И. И.* Концепция славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX века.— Вопросы истории, 1976, № 12, с. 77 и др.).
- ¹⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 137, 143.
- ¹⁵ Цит. по: Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т. III. М., 1958, с. 341—342.
- ¹⁶ См., в частности: *Рожественский С. В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, с. 224; Центральный государственный исторический архив УССР, ф. 707, 1847 г., д. 12, л. 1—14.
- ¹⁷ См.: *Djákow W.* Warszawska organizacja konspiracyjna 1848 roku.— Kwartalnik Historyczny, 1976, N 2, s. 376—377.
- ¹⁸ *Moraczewski J.* Opis pierwszego zjazdu słowiańskiego. Poznań, 1848, s. 43—44.
- ^{18a} Подробнее см.: *Дьяков В. А.* Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов.— Сов. славяновед., 1971, № 5, с. 46—57.
- ¹⁹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 4. М., 1949, с. 760.
- ²⁰ Подробнее см.: *Дьяков В. А.* «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1976, с. 129—137.

- ²¹ Недорезов А. И. Общественно-политическое значение солидарности славянских народов в годы второй мировой войны.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 28—51.
- ²² Петровский Н. М. [Рец. на кн.:] История славянской филологии. Труд И. В. Ягича.— Журнал министерства народного просвещения. Новая серия, 1910, т. 30, № 11, отд. 2, с. 183.
- ²³ См., например: Science and culture. A study of cohesive and disjunctive forces. Boston, 1965; Science and Society (1600—1900). By Rattansi P. a. c. Ed. Mathias P. Cambridge, 1972; Civilization and science in conflict or collaboration? M. O. Symposium on civilization and science. Amsterdam, 1973; подробнее об этом см.: Микулинский С. Р., Маркова Л. А. Основные методологические направления в зарубежной истории науки. М., 1971.
- ²⁴ Жуков Е. М. Ленин и понятие «эпохи» в мировой истории. М., 1965, с. 10. См. также: Миллер А. Ф. Периодизация истории.— Советская историческая энциклопедия, т. 11. М., 1968, с. 40—41.
- ²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.
- ²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 137.

Л. П. ЛАПТЕВА

РУССКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

(Проблемы истории)

Первые кадры русских славистов появились в 40-х годах XIX в. В течение десятилетий специалисты по славяноведению насчитывались в России единицами, а преподавание велось главным образом в филологическом плане. История славян стала выделяться как специальная дисциплина в 60-х годах XIX в., однако ни один ученый тогда еще не занимался ею исключительно. Вплоть до 60—70-х годов немногочисленные русские работы по истории славян основывались почти сплошь на славянофильских, романтических, провиденциалистских идеях.

При сравнении этой ситуации с той, которая сложилась к концу XIX в., ясно видно, что русское славяноведение проделало большой путь. Слависты усвоили сравнительно-исторический метод исследования и критический подход к источникам, стали строить свои работы на еще не вводившихся в научный оборот материалах, разысканию которых уделяли много сил. Хотя внутривосточная обстановка в России не способствовала развитию наук, этот процесс уже принял необратимый характер. Большую роль играли в нем тесные связи русских ученых с зарубежными, распространение исторических знаний и методов исследования в самых широких масштабах. Достижения в изучении всеобщей истории, истории России, славянской филологии отразились в определенной мере на работе высших учебных заведений. К началу XX в. в России насчитывалось около 30 специалистов, преподававших славяноведение в университетах, духовных академиях и т. д.¹ Будущие преподаватели славяноведения получали командировку на 2—3 года в славянские и западноевропейские страны, где изучали архивные материалы и литературу, совершенствовали знание языков, подробно знакомились с состоянием науки о славянах. Также и впоследствии, уже будучи профессорами, эти ученые имели возможность за казенный или собственный счет подолгу работать в библиотеках и архивах славянских стран. Значительную часть расходов по таким командировкам брало на себя Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук². Контакты, установленные в период командировок, обеспечивали русским славистам подробную текущую информацию о достижениях европейского славяноведения.

Тем не менее положение славистических дисциплин в выс-

ших учебных заведениях оставляло желать лучшего. Все эти дисциплины преподавались обычно одним профессором, который руководил и практическим изучением славянских языков. Специализация студентов и магистрантов нередко зависела в таких условиях от случайных причин. Понятно, что, например, историей славян занимались и славянские филологи, и историки России и стран Западной Европы и т. д. Университетский устав 1884 г. выделил ее, правда, в особую учебную дисциплину, но не предусмотрел для нее ни штатных кафедр, ни профессуры, подчеркнув тем самым несоответствие сложившегося положения интересам и потребностям русской науки и русского общества. Понятно, что и в начале XX в. в России существовали лишь считанные ученые, посвятившие себя исключительно истории славян. Ею продолжали заниматься и представители смежных наук.

Научная продукция по этой дисциплине чаще всего публиковалась в органах различных ученых обществ, существовавших при русских университетах, например при Московском: в изданиях Общества истории и древностей российских (ОИДР) и имп. Московского археологического общества (ИМАО). В 1892 г. при ИМАО была учреждена Славянская комиссия (СК ИМАО), в трудах которой опубликованы важные работы по истории славян³. В Петербургском университете такие работы печатались прежде всего Историческим обществом⁴. Аналогично обстояло дело и в провинции, где также имелись различные научные организации. При Киевском университете центром славянских исследований было Историческое общество Нестора Летописца⁵, в Одессе — Историко-филологическое общество при Новороссийском университете⁶. Были опубликованы работы в «Сборнике учено-литературного общества при Юрьевском университете»⁷ и в «Записках Общества истории, филологии и права при Варшавском университете»⁸. Существовали еще Историко-филологическое общество при Харьковском университете⁹, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете¹⁰.

Работы по истории славян публиковались далее в «Известиях» или «Записках» университетов, «Трудах» духовных академий, сборниках статей, посвященных отдельным лицам¹¹, специальных славянских сборниках¹², изданиях, славянских обществ¹³ и духовных академий¹⁴, в таких журналах, как «Русский вестник», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Голос минувшего» и др.

Были в России и исследователи славянской истории, не связанные непосредственно с университетским преподаванием, в их числе, например, академик А. А. Куник (1814—1899), много сделавший для разыскания и изучения источников о древних славянах. Другие академики, особенно члены ОРЯС, в разное время преподавали в Петербургском университете (В. И. Ламан-

ский, А. И. Соболевский, Н. П. Кондаков и т. д.). Большие заслуги в изучении истории славян принадлежат академикам В. И. Ламанскому (1833—1914) и А. Н. Пыпину (1833—1904). Отделение не только материально поддерживало деятельность по исследованию истории славян, но и публиковало исторические монографии. Так, им были изданы четырехтомное собрание сочинений А. А. Котляревского, исследователя древней истории славян¹⁵, капитальный трехтомный труд П. А. Ровинского о Черногории¹⁶ и др. В «Известиях ОРЯС» регулярно печатались отдельные статьи и обзоры о трудах по славянской истории. По инициативе ОРЯС был создан и под его непосредственным руководством проведен в 1903 г. Предварительный съезд русских филологов, где, в частности, обсуждались перспективы развития работы по истории славян. А. Н. Ясинским был представлен этому съезду обширный план издания трудов по славянской истории¹⁷, осуществить который, однако, по разным причинам не удалось.

В конце XIX в. начали возникать некоторые новые научные учреждения. Так, в 1895 г. был образован Русский археологический институт в Константинополе (РАИК). Его директор — крупнейший русский византист и славист акад. Ф. И. Успенский известен как автор капитальных исследований по истории славян¹⁸. Он организовал сбор и изучение славянских памятников письменности (сербских и болгарских), провел археологические раскопки в Болгарии и Македонии, обследовал памятники материальной культуры в Сербии и Болгарии. Институт существовал до 1914 г. В его научном органе¹⁹ опубликовано много исследований по южной славянской истории, например: «Христианские древности Западной Македонии» П. Н. Милюкова²⁰, «Синодик царя Бориса» М. Г. Попруженко²¹, «Материалы для болгарских древностей» Ф. И. Успенского²² и др.

Сотрудники РАИК имеют заслуги и в исследовании исторической географии Болгарии и Сербии. К тому же и исследования по собственно византийской истории объясняли многие вопросы исторического развития южных славян. К такого рода сочинениям относится, например, монография Б. А. Панченко «Крестьянская собственность в Византии»²³, выводы которой непосредственно касаются отношений, сложившихся на славянских территориях Византии. Как особую заслугу сотрудников РАИК следует отметить выполненные ими публикации важных документов славянской истории²⁴.

Изучением истории Византии в связи с историей славян занимались некоторые русские ученые и вне РАИК, например В. Э. Регель (1857—1932). О его работах по истории Чехии будет сказано ниже, здесь же следует упомянуть множество его мелких, но необычайно трудоемких и подчас уникальных по содержанию исследований из области южнославянской эпиграфики, исторической географии, источников о славяно-византий-

ских связях и т. д. Эти работы создавали прочный фундамент для более обширных обобщений и заключений²⁵. В. Э. Регель ретрактировал журнал «Византийский временник», издававшийся Академией наук²⁶. Здесь публиковались исследования и по истории славяно-византийских отношений.

Византиноведение считалось в русской науке необходимым фундаментом для изучения истории славян, особенно культуры славянских народов в различные эпохи. С этой точки зрения выдающееся значение имели труды акад. Н. П. Кондакова (1844—1925), осветившие многие особенности древнеславянской культуры, истоки которой ученый видел в византийском искусстве, особенно в рукописях и миниатюрах. В работе «Македония» (1909) исследователь приходит к выводу, что на Руси и балканском юге культура формировалась в сходных условиях, под воздействием греко-византийской образованности. Своими трудами²⁷ Н. П. Кондаков наметил направление дальнейшей комплексной разработки славянских древностей.

Славяно-византийские отношения рассматривались в русской историографии не только в культурном плане. Так, киевский профессор Т. Д. Флоринский (1854—1919) изучал, в частности, развитие аграрных отношений на балканском юге. В работе «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.»²⁸ он исследует особенности общины, частной формы собственности — баштины и прони, характер землевладения и поземельных отношений в югославянских землях и Византии в целом. Труды Т. Д. Флоринского оказали существенное влияние на становление медиевистики в славянских странах.

Собственно история Болгарии, ее политическое, экономическое и культурное развитие тоже нашли свое место в трудах русских ученых. Г. А. Ильинский (1876—1937) осуществил образцовое издание грамот болгарских царей. Он не только опубликовал все известные грамоты, но и исследовал большой круг проблем, связанных с внутренним устройством феодального славянского государства. Тонко анализируя лексику грамот, Г. А. Ильинский восстанавливает быт, духовную и материальную культуру, имущественные, правовые и социальные отношения средневековых болгар. Работа не утратила своего научного значения до настоящего времени. Она переиздана в Лондоне в 1970 г.

Внутренняя история Болгарии интересовала и одесского ученого М. Г. Попруженко (1866—1943). Он опубликовал текст²⁹ и всесторонне исследовал³⁰ такой важный источник, как «Синдик царя Бориса», обратив внимание, в частности, и на сведения о богомилстве, ускользнувшие от внимания более ранних исследователей. Книга М. Г. Попруженко вызвала широкую полемику, в том числе и в брошюре П. А. Лаврова³¹, критиковавшего, впрочем, работу М. Г. Попруженко главным образом с филологических позиций.

Одесский профессор интересовался и эпохэй болгарского Возрождения³².

Культурной жизни Болгарии до турецкого завоевания посвятил серьезное сочинение³³ киевский славист К. Ф. Радченко (1872—1908). Изложив факты истории и сведения о внутреннем состоянии Болгарии при последних Шишмановичах, автор на большом материале устанавливает, что религия и культура Болгарии и Византии XIV в. тесно между собой связаны. Однако К. Ф. Радченко находит в Болгарии и те веяния, которые характерны для Западной Европы, а именно: неудовлетворенность существующим церковным строем, стремление реформировать его, интерес к знаниям, критическое отношение к предшествующей письменности и т. д. По мнению автора, болгарская культура XV в. могла бы создать выдающиеся произведения, если бы не турецкое завоевание.

В прямой связи с исследованием К. Ф. Радченко находится работа П. А. Сырку «К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке»³⁴. Здесь характеризуется деятельность патриарха Евфимия в связи с событиями в Византии и Болгарии в XIV в. Поскольку «исправление книг» представляло собой реформу, исследование П. А. Сырку носит исторический характер. Оно существенно обогатило науку данными о жизни Болгарии XIV в. Тот же ученый написал еще работы по политической и культурной истории болгар³⁵. Правда, современники серьезно критиковали труды П. А. Сырку, не находя в них достаточных выводов из предпринятого исследования и отмечая поверхностный характер подхода автора к источникам³⁶. Однако фактический материал, неутомимо разыскивавшийся и публиковавшийся ученым, обогатил документальную базу для изучения истории южных славян, особенно болгаро-славянских связей в области культуры.

Эти последние изучались также А. И. Яцимирским³⁷ и А. Лукьяненко³⁸.

Важнейшее место в литературе о Болгарии занимают в конце XIX и начале XX в. работы по новому периоду болгарской истории. Особенно много различных материалов о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. печаталось в научных и литературных журналах³⁹. Далее было предпринято монументальное издание материалов о русско-турецкой войне, которыми и в наши дни широко пользуются исследователи⁴⁰. Известное внимание уделялось русской историографией и новейшей для того времени болгарской истории⁴¹.

Несколько работ рассматриваемого периода касаются истории Сербии. Феодальному ее периоду посвящена монография В. В. Качановского⁴², автор которой не только глубоко оценивает документальный материал по теме, но и высказывает интересные взгляды на сербскую историю указанного периода. Книга была высоко оценена современниками.

В ряде сочинений анализировался законник Стефана Душана⁴³. Важнейшее из них принадлежит Т. Д. Флоринскому⁴⁴. Благодаря этому ученому впервые стали известны полный текст законника, его древнейшая редакция. В книге характеризуются внутренняя политика Душана, подражание внешним формам государственного и общественного строя Византии и ее образованности. По мнению Т. Д. Флоринского, византийская культура, с одной стороны, принесла в Сербию просвещение, но, с другой — не изменила ни в какой мере структуру общества: «властельское сословие» при Душане сохранило свое господствующее положение, а «народ по-прежнему оставался в унижении и рабстве» (с. 14). Т. Д. Флоринский считает законник Душана частью обширного кодекса, заключающей собственно сербские законы и являющейся дополнением к византийскому законодательству. Исследователь констатирует, что законник зафиксировал исключительные права привилегированных сословий и бедственное положение сельского населения: крестьяне были окончательно прикреплены к земле, властители имели отроков в наследственной собственности; таким образом было узаконено рабство. Вывод Т. Д. Флоринского сводится к тому, что «законник не только не содержит никаких коренных преобразований, но прямо подтверждает и узаконивает уже существующий порядок вещей, совсем ненормальный и вредный для государства и народа» (с. 18). Принадлежа по своему мировоззрению к представителям позднего славянофильства, Т. Д. Флоринский в работе о законнике Душана следовал, однако, прежде всего данным источников, логике исторического развития. Поэтому работа должна быть признана продуктом позитивистского метода исследования. Основные ее выводы используются и в наше время, она была крупным достижением русского славяноведения и оказала влияние на дальнейшую разработку вопросов феодальной истории южных славян как русскими, так и другими славянскими исследователями.

В рассмотренный период развития русского славяноведения большое внимание было обращено на личность и творчество Юрия Крижанича. В русских архивах и библиотеках обнаружены неизвестные ранее произведения хорватского мыслителя, что вызвало полемику по поводу мировоззрения их автора, времени их возникновения и т. д.⁴⁵ Было издано собрание сочинений Крижанича⁴⁶. В целом русское славяноведение внесло большой вклад в изучение деятельности хорватского мыслителя, литература о нем заслуживает специального исследования.

Одним из самых значительных сочинений о южных славянах является в рассматриваемый период фундаментальный труд П. А. Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем»⁴⁷. Книга превосходит все, что было до тех пор написано о Черногории. Прожив в стране 27 лет, автор изучил жизнь малого славянского народа, описал природу страны, климати-

ческие условия, флору и фауну, природные богатства, язык, нравы и обычаи, изложил историю Черногории, проработав все доступные рукописи и другие документы, а также литературу. Исходив пешком всю страну, русский ученый составил подробную карту местности, исправившую много прежних топографических ошибок. В книге можно найти характеристику экономики, военного дела и других сторон жизни народа. Тип черногорца описан с антропологической и с психологической точек зрения. Подробно проанализирован черногорский фольклор, собраны и записаны произведения народного творчества. Этнографический материал, основанный на личном знакомстве автора с каждым уголком страны, отличается полной достоверностью, словом, черногорцы представлены во всех их жизненных проявлениях. Историческая концепция автора объясняется его демократическими убеждениями. Будучи народником в молодости, П. А. Ровинский и в зрелые годы сохранил симпатии к борьбе народов за свободу от иноземного ига, что отразилось и на его изложении истории Черногории. Труд в целом был высоко оценен современниками⁴⁸, составил эпоху в изучении этой части славянского Юга и не утратил своего научного значения до настоящего времени⁴⁹.

П. А. Ровинскому принадлежат также статьи по отдельным вопросам истории Черногории, черногорского права. Книга этого ученого о Петре II Негоше⁵⁰ дополнила более ранние труды об известном правителе Черногории и талантливом поэте. Писал П. А. Ровинский и об истории и культуре Сербии.

Этими последними вопросами занимались и другие русские ученые, например П. А. Кулаковский⁵¹, которому принадлежит и фундаментальное исследование об иллиризме⁵². Автор использовал обширный материал источников, и в течение многих лет его монография была единственным крупным сочинением на указанную тему во всей европейской славистике.

По новейшей истории Сербии фундаментальных трудов написано не было. Русские ученые создали общие очерки сербской истории, некоторые опубликованы в составе синтетических трудов⁵³. Их характерные черты — реалистический подход к современному положению Сербии и политическая заостренность. Значительное число брошюр и статей посвящено специально Хорватии⁵⁴, Боснии и Герцеговине⁵⁵. При своем научно-популярном характере и политической актуальности эта литература не лишена и историографического значения, поскольку в целом правильно освещала главные моменты исторического развития югославянских народов.

По истории Дубровника наиболее серьезные труды русских исследователей вышли уже на предшествующем этапе развития историографии. В рассматриваемый же период изданы лишь статьи по частным вопросам⁵⁶. Были опубликованы и научно-популярные сочинения по географии и статистике Македонии,

воспоминания участников военных действий на македонской территории⁵⁷ и т. п.

Таким образом, история южных славян нашла довольно полное отражение в русской историографии конца XIX — начала XX в. Конечно, определенную роль в этом сыграла международная обстановка, политические события периода. Большинство русских историков руководствовалось в своих интересах к славянскому Югу не только политическими соображениями, но и, по их представлениям, «нравственным долгом», состоявшим в необходимости ознакомления русского общества с жизнью «единокровных и единоверных братьев».

Отсюда понятно, что существовала значительная литература и по истории славянских церквей. Однако она требует специального освещения.

Независимо от мотивов, которыми субъективно руководствовались русские ученые, их работы сыграли значительную роль в развитии национальных южнославянских историографий и в исторической славистике вообще.

История западных славян также пользовалась большим вниманием русских ученых в рассматриваемый период времени. Заметно расширилась тематика исследований и усовершенствовалась их методика.

Продолжалась традиция в изучении полабско-балтийского славянства. Исследовались источники, разыскивались новые документы. Если раньше на первом плане стоял вопрос о борьбе поморских славян с немецким завоеванием⁵⁸, то в начале XX в. появляются сочинения об экономической и социальной истории этой ветви славянства. Таковы работы юрьевского ученого М. В. Бречкевича (1870—1963)⁵⁹, большого знатока источников и литературы предмета, создавшего собственную теорию социальной истории балтийских славян, считавшей, что, «хотя у них существовали классовые различия, но сословий не было, не было стены между «знатными» и «незнатными». По мнению М. В. Бречкевича, социальная история Поморья в XII в. характеризуется «двумя главными положениями: а) общим свободным состоянием сельского населения и б) отсутствием сословных перегородок между слоями населения»⁶⁰. Эта мысль наиболее ярко выражена в магистерской диссертации ученого «Очерки из социальной и государственной истории княжества Славия или Западного Поморья» (Юрьев, 1911), но проходит и через другие его работы⁶¹.

Точка зрения М. В. Бречкевича не была принята современной ему наукой и вызвала основательную критику. Так, Н. В. Ястребов указал на противоречия концепции юрьевского слависта, на отрыв социальной истории Поморья от истории окружающего мира⁶². С этим следует согласиться. Внеся много нового в освещение частных вопросов, М. В. Бречкевич настаивал, однако, на каких-то особых свойствах «славянского племе-

ни», повторяя утверждения, свойственные методологии прошлых периодов славянской историографии.

Крупнейшим исследователем истории балтийских славян был Д. Н. Егоров (1878—1931), автор двухтомной монографии о колонизации Мекленбурга⁶³, внесшей вклад в славистику и медиевистику. Он ввел в научный оборот новые источники, в частности «Десятичный список Ратцебургской епархии», проанализировал карты, гербы, грамоты, надписи, топонимику, применил методы филологической критики к хронике Гельмольда, разобрал общую его концепцию и писательские приемы. Такая методика означала большой шаг вперед. Концепция самого процесса колонизации выражена в стремлении доказать участие в колонизационных акциях местного славянского населения, т. е. «внутренний» характер процесса.

Этот вывод представлялся современникам Д. Н. Егорова небоснованным. Медиевист А. Савин писал: «Автор пришел к заключению, что в Мекленбурге XIII в. почти нет немецких дворян-поселенцев. Между тем XIII век есть классический век немецкой экспансии и восточной тяги, больших успехов немецкой колонизации в Чехии, Силезии, Польше, век утверждения двух немецких духовно-рыцарских орденов на восточном балтийском побережье... Априори трудно предположить, чтобы волны немецкого прилива совсем обошли тихий Мекленбург»⁶⁴. Эта критика вполне обоснована. Д. Н. Егоров переоценил доказательную силу некоторых источников. Но в книге разрешены важные вопросы о составе мекленбургского дворянства XIII в., его земельных владениях и другие, о которых не было и речи в предшествующей историографии. Монография была переведена на немецкий язык, вызвала полемику и за пределами России.

Д. Н. Егорову принадлежат и другие, менее крупные работы по истории балтийского славянства⁶⁵. Отдельные статьи о полабско-балтийских славянах публиковали многие научные издания конца XIX — начала XX в.⁶⁶

Для русской славистики этого времени характерен интерес и к сохранившимся остаткам полабского славянства — лужицким сербам, прежде всего и их культурному развитию и самому феномену жизнеспособности самого малого «славянского племени» среди «немецкого моря». К борьбе лужицких сербов за сохранение самобытности русские авторы всегда относились с большим сочувствием⁶⁷. Но крупных исследований в этой области сделано не было⁶⁸.

Весьма активно разрабатывалась в русском дореволюционном славяноведении история Польши. В начале XX в. было опубликовано немало источников, главным образом переписка о русской политике в Польше в начале XIX в., в период восстаний 1830 и 1863 гг. Так, отдельной книгой вышли «Беседы и частная переписка между Александром I и кн. Ад. Чарторый-

ским»⁶⁹, была опубликована переписка между Николаем I и Константином по польским делам⁷⁰, записка Н. Н. Новосильцева о польской конституции⁷¹, изданы письма генерала И. Ф. Паскевича к военному министру А. И. Чернышеву⁷², донесения о событиях в Варшаве 3—4 октября 1861 г.⁷³, корреспонденция кн. В. А. Черкасского и Н. А. Милютина о польских делах⁷⁴, мемуары⁷⁵, воспоминания отдельных лиц⁷⁶.

Впрочем, опубликована была лишь малая часть источников о Польше, хранившихся в русских архивах. Документы политики русского самодержавия 30—60-х годов XIX в. оставались под запретом.

Литература исследуемого периода по польской истории не содержит большого количества фундаментальных трудов, но зато весьма обильна. Из средневекового периода наибольшее внимание привлекала внешняя политика Польши, ее отношения с соседями. Очень важна в этом плане двухтомная монография Г. В. Форстена о балтийском вопросе⁷⁷. К ней примыкают сочинения В. В. Новодворского о борьбе за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой⁷⁸. Ряд работ посвящены княжению Витовта, Грюнвальдской битве и Торуньскому миру⁷⁹, а также взаимоотношениям России, Польши, Турции и других стран⁸⁰. Крупным исследователем польского средневековья, особенно же истории Литовского государства еще до соединения его с Польшей, является М. К. Любавский⁸¹. Его трудам свойственна большая насыщенность архивными материалами, ранее не использовавшимися. Тексты многих источников опубликованы им в качестве приложений к исследованиям.

Некоторые мелкие работы М. К. Любавского посвящены и другим вопросам истории Польши⁸². Проблемы польско-литовского государства изучали И. И. Лаппо, М. В. Довнар-Запольский⁸³ и другие ученые. Значительная литература имеется о польской реформации и католической реакции. На первое место здесь следует поставить труды крупного специалиста по всеобщей истории Н. И. Кареева, который с середины 80-х годов неоднократно обращался к этим сюжетам⁸⁴. Варшавский профессор Н. Н. Любич посвятил несколько исследований польской реформации, еретическим движениям и католической реакции⁸⁵ и мелкие работы — другим проблемам польской истории. Внимание русских ученых привлекли далее кризис Речи Посполитой, попытки проведения реформ⁸⁶, разделы Польши⁸⁷. Появляются труды о положении крестьян в Польше накануне разделов⁸⁸, анализируется обширная историография периода «падения Польши»⁸⁹. В работах используются новые источники, дающие основание для пересмотра заключений предшествующей литературы.

Несколько десятков трудов написано в рассматриваемый период о польской истории первой трети XIX в.: освещаются положение Польши в период наполеоновских войн, устройство

Царства Польского и его конституция⁹⁰. Имеются специальные работы о военных действиях в Польше в период подавления восстания 1830—1831 гг.⁹¹, о русской политике в Польше начала XIX в. Много места этим вопросам уделено в крупных монографиях о правлении русских императоров: Павла I, Александра I и Николая I⁹².

Анализ работ по истории Польши показывает, что в русской историографии существовали в этой области самые различные взгляды. Так, восстание 1830—1831 гг. освещается и с монархических, шовинистических, и с либеральных позиций. Немало авторов оценивали восстание как справедливую борьбу против царского угнетения, признавая, однако, ее ограниченный шляхетский характер.

Более двух десятков монографий и других работ освещают польское восстание 1863 г. Они рисуют ход восстания⁹³, русскую политику⁹⁴, военные действия⁹⁵ и т. д. И здесь наблюдается большое разнообразие взглядов и оценок.

Значительное число работ представляют собой общие очерки истории Польши, а также ее законодательства⁹⁶, борьбы за независимость⁹⁷, политики⁹⁸. Выделяется «История польского народа в XIX веке» (1915) А. Л. Погодина. Основным фактором этого периода времени автор считает борьбу поляков с царским самодержавием, а главной причиной ее неудач — классовую ограниченность шляхты. В другом сочинении тот же ученый проследил за развитием польской политической мысли во второй половине XIX в.⁹⁹ Проанализировав материал газет, брошюр и других изданий, он оценил польские политические доктрины с позиций русского либерализма. Социалистические учения всех направлений вызывали у А. Л. Погодина скептическое отношение. Но по своему фактическому материалу работа представляет интерес и для современного читателя.

Из сочинений об истории польской науки особого внимания заслуживает книга В. А. Францева о польском славяноведении¹⁰⁰. Варшавский профессор собрал множество фактов из неизвестных или давно забытых документов и опроверг бытовавшую точку зрения о равнодушии польских ученых к проблемам славяноведения. Однако в книге мало обобщений, что свойственно творческой манере В. А. Францева.

Крупнейшие русские историки-полонисты активно переводили на русский язык труды видных польских историков¹⁰¹.

Таким образом, русская историография охватывала широкий круг проблем польской истории. Однако ее источниковая база была все же ограничена. Польский вопрос оставался актуальным в политическом смысле, а потому многие документы невозможно было обнародовать. Преимущественное внимание уделялось политической истории, совсем мало было работ, посвященных крестьянству¹⁰², экономическому развитию¹⁰³, социальным вопросам.

Чешская история в рассматриваемый период тоже разрабатывалась в России достаточно интенсивно. Самым ранним этапом занимался В. Э. Регель, написавший значительное исследование об учредительных грамотах Пражской епархии¹⁰⁴, в котором поставлены важные вопросы о взаимоотношениях Чехии с Германией и Польшей в X—XI вв. Затем В. Э. Регель издал критическое исследование о хронике Козьмы Пражского¹⁰⁵, не потерявшее значение до нашего времени: многие элементы хроники Козьмы и ныне рассматриваются в том же ключе, как характеризовал их В. Э. Регель. Сочинение было для своего времени образцом критического исследования источника.

Проблемы чешского феодализма разработал А. Н. Ясинский (1864—1933). Его труд «Падение земского строя в чешском государстве X—XIII вв.»¹⁰⁶ основан на широкой источниковой базе. Главный его тезис состоит в том, что сословный строй в Чехии возник в связи с внутренними потребностями страны. Влияние немецкого права на государственное и социальное устройство чехов ученый считает второстепенным, выступая тем самым против концепции некоторых чешских историков.

Самой обширной работой А. Н. Ясинского являются «Очерки и исследования по экономической истории Чехии в средние века» (Юрьев, 1901). В книге освещается развитие чешского общества от первоначального равноправия к общественному и экономическому неравенству, подробно исследуется аграрная организация старочешской деревни. На переднем плане стоит тезис о самостоятельном развитии чешских аграрных институтов. Эта работа А. Н. Ясинского, как и предыдущая, подверглась критике, однако чешская историография всегда признавала высокие достоинства содержания, методики и творческой стороны трудов русского ученого.

А. Н. Ясинскому принадлежат также мелкие, но важные работы по чешской феодальной истории¹⁰⁷. Несмотря на некоторые противоречия и увлечения, сочинения А. Н. Ясинского по истории Чехии представляют собой достижение русской и европейской историографии, опровергают антинаучную теорию полной политической, экономической и культурной отсталости Чехии по сравнению с Германией и принадлежат к числу лучших исследований буржуазных ученых о чешской истории вообще.

Историография гуситского движения имеет в русской литературе богатые традиции. К концу XIX в. славянофильская точка зрения уже не встречается в серьезных научных исследованиях, ее рамки ограничиваются пропагандистской литературой. В научных же сочинениях гуситское движение рассматривается главным образом с позитивистских позиций, считается социальным явлением общеевропейского значения; подчерки-

вается и его национальный оттенок ¹⁰⁸. В нескольких работах марксистского направления гуситское движение характеризуется как явление классовой борьбы, однако эти работы — исключение и к тому же носят научно-популярный или компилятивный характер ¹⁰⁹. Большое внимание привлекают социальные аспекты позднегуситской идеологии и учения Общины чешских братьев, о них говорится, например, в трудах Ю. С. Анненкова (1849—1885) и Н. В. Ястребова (1869—1923) ¹¹⁰. В отличие от них церковный историк И. С. Пальмов (1856—1920), тоже занимавшийся Общиной, интересовался преимущественно профессиональной стороной ее идеологии ¹¹¹.

Внимание русских ученых привлекали далее жизнь и творчество великого педагога Я. А. Коменского ¹¹². В русском переводе были изданы отдельные его сочинения и сборники трудов ¹¹³. В первую очередь специалистов интересовали педагогические труды, но обращалось внимание и на другие стороны деятельности Я. А. Коменского ¹¹⁴.

В изучении истории чешского национального возрождения главное место принадлежит, несомненно, В. А. Францеву. Его заслуга состоит не только в издании первого русского капитального труда об этой эпохе ¹¹⁵, но и в обнаружении и обнаружении богатой переписки чешских будителей как базы для современных и будущих исследователей. Недостатки метода В. А. Францева — фактографичность, отсутствие серьезных обобщений и оригинальных концепций ¹¹⁶. Однако публикации В. А. Францева широко используются и в наши дни ¹¹⁷. Этому же ученому принадлежат многочисленные работы различного объема, посвященные почти всем деятелям чешского национального возрождения.

Та же эпоха изучалась и другими русскими учеными, уделившими много внимания творчеству П. Й. Шафарика ¹¹⁸, Я. Коллара ¹¹⁹, Ф. Палацкого, Й. Добровского.

История Чехии освещалась также в исторических трудах ¹²⁰ и общих очерках.

Словацкая тематика нашла лишь ограниченное отражение в русской историографии: освещались отдельные проблемы национального возрождения (прежде всего деятельность Л. Штура) и борьба словацкого народа против национального угнетения ¹²¹.

Исследуемый период дал сочинения по истории славяноведения как науки. Так, В. А. Францев, кроме монографии о польском славяноведении, уже упомянутой в другой связи, издал много очерков и исследований, посвященных отдельным событиям и лицам в истории славяноведения у всех славянских народов, не исключая и русского ¹²².

Крупным историком славяноведения как науки был также А. А. Кочубинский (1845—1907). Его интересовало в основном развитие славяноведения в России ¹²³. В отличие от В. А. Фран-

цева А. А. Кочубинский не скупился на оценки, подчас резкие и субъективные, отдельных лиц и целых периодов развития русского славяноведения. Он никогда не разделял романтических взглядов на начало русского славяноведения и на отношения между русскими и чешскими славистами. Кроме крупных трудов, А. А. Кочубинскому принадлежат мелкие сочинения по истории русской славистики.

Интересную монографию об одном из крупнейших славистов XIX в. Б. Копитаре издал казанский профессор Н. М. Петровский¹²⁴.

Близкое отношение к рассматриваемой тематике имели и труды о задачах русской науки в изучении славянской истории¹²⁵, об основных понятиях славистической науки¹²⁶, о ее современном состоянии и перспективах¹²⁷.

Перечисленными и характеризованными трудами не исчерпывается научная продукция русского славяноведения в области истории за рассматриваемый период; в рамках настоящего доклада оказалось возможным оценить лишь самые важные сочинения. Среди них нет исследований по истории церкви, славянскому праву. Однако и без них ясно, что изучение славянской истории значительно расширилось по сравнению с предшествующим периодом.

В ней господствовала буржуазная методология, прежде всего позитивистская, отрицавшая необходимость революционного развития общества, но признававшая влияние экономического фактора на ход истории. Позитивисты пытались искать закономерности в историческом процессе и стремились к обобщениям, критически исследовали источники на основе сравнительно-исторического анализа, разрабатывали актуальные проблемы.

Наряду с этим в славяноведении существовало конфессиональное направление, выдвигавшее в истории славян на первое место православную или католическую религию. С начала XX в. появляются работы, освещающие историю славян с марксистских позиций, но это были научно-популярные работы, насчитывающиеся единицами.

Изучение славянской истории шло неравномерно, что объясняется как состоянием источниковой базы, так и политической обстановкой момента, обуславливавшей тот или иной крен в разработке истории славян. Русские слависты не часто обращались к социально-экономическим сюжетам, в этом смысле славяноведение в России отставало от всеобщей и отечественной истории. Но нам все же представляется закономерным вывод о том, что русские ученые конца XIX — начала XX в. внесли большой вклад в изучение славянской истории.

¹ *Соболевский А.* Славяноведение в русской высшей школе. — Славянские известия, 1909, № 5, с. 677.

² В протоколах заседаний ОРЯС и отчетах за отдельные годы (они публиковались в «Сборнике ОРЯС» с 1892 г. до конца исследуемого периода) име-

- ются сведения о предоставлении средств на командировки в славянские страны почти всем русским славистам независимо от их узкой специальности: филологам, историкам, этнографам и т. д.
- ³ Древности. Труды Славянской комиссии ИМАО, 1895—1911, т. 1—5. В числе опубликованных здесь трудов можно назвать хотя бы известную монографию: *Ильинский Г. А.* Грамоты болгарских царей.— Труды Славянской комиссии ИМАО, 1911, т. 5.
 - ⁴ Орган этого общества «Историческое обозрение» выходил с 1890 г.
 - ⁵ Основано в 1873 г., издавало «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца».
 - ⁶ Основано в 1889 г.
 - ⁷ Издавался с 1890 г.
 - ⁸ Общество основано в 1900 г., «Записки» издавались с 1902 г.
 - ⁹ Основано в 1877 г., издавало «Сборник Харьковского историко-филологического общества».
 - ¹⁰ Основано в 1878 г., издавало «Известия».
 - ¹¹ См., например: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905; Сборник статей по славяноведению, посвященный М. С. Дринову. Харьков, 1904; Памяти Платона Андреевича Кулаковского. Пг., 1915; и др.
 - ¹² Сборник статей по славяноведению, вып. 1. СПб., 1904.
 - ¹³ «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества», «Известия Общества славянской культуры» и пр.
 - ¹⁴ «Церковный вестник», «Христианское чтение» и др.
 - ¹⁵ Сборник ОРЯС, т. 47—50. СПб., 1889—1895.
 - ¹⁶ Сборник ОРЯС, т. 46, 63, 80, 88. СПб., 1888—1909.
 - ¹⁷ ОР ГБЛ, ф. 40 (Будилович), карт. 20. Предварительный съезд русских филологов 10—15 апр. 1903. Бюллетень № 13.
 - ¹⁸ См., например: *Успенский Ф. И.* Первые славянские монархии на Северо-Западе. СПб., 1872; *Он же.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.
 - ¹⁹ Известия РАИК (далее — ИРАИК), т. 1—16, 1896—1914.
 - ²⁰ ИРАИК, т. 4, вып. 1. София, 1899, с. 21—151.
 - ²¹ ИРАИК, т. 5. Одесса, 1900.
 - ²² ИРАИК, т. 10. София, 1905.
 - ²³ ИРАИК, т. 9, вып. 1-2. София, 1904, с. 1—233.
 - ²⁴ Например, таких, как синодик царя Бориса, см.: ИРАИК, т. 2. Одесса, 1897 (Приложение).
 - ²⁵ Относительно полный перечень трудов В. Э. Регеля имеется в: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 121, д. 526, лл. 87—89.
 - ²⁶ «Византийский временник» основан в 1894 г. До 1914 г. был издан 21 том. С 1894 по 1899 г. В. Э. Регель был соредактором В. Г. Васильевского, а с 1899 г. редактировал журнал самостоятельно.
 - ²⁷ Наиболее важные сочинения Н. П. Кондакова: История и памятники византийской эмали. СПб., 1892; Русские древности в памятниках искусства, т. 1. СПб., 1896; Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906. Перечень работ ученого см. в кн.: *Cesko-slovenské práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760.* Praha, 1970, s. 236.
 - ²⁸ Работа издана в двух томах (СПб., 1882—1884).
 - ²⁹ ИРАИК, т. 2. Одесса, 1897 (Приложение).
 - ³⁰ ИРАИК, т. 5. Одесса, 1900.
 - ³¹ *Лавров П. А.* К вопросу о синодике царя Бориса. Одесса, 1899.
 - ³² *Попруженко М. Г. М. С. Дринов* (Очерки из истории возрождения болгарского народа). Харьков, 1903.
 - ³³ *Радченко К. Ф.* Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898.
 - ³⁴ Вышла в двух выпусках (СПб., 1898—1900). Переиздана в Лондоне в 1972 г.

- ³⁵ См., например: *Сырку П. А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII вв. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в.— ОРЯС, 1902, т. 71.
- ³⁶ См. отзыв В. И. Ламанского о трудах П. А. Сырку: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 150, л. 1545, л. 8—9 (записка В. И. Ламанского).
- ³⁷ *Яцимирский А. И.* Григорий Цамблак. СПб., 1904.
- ³⁸ *Лукьяненко А.* Культурно-историческая роль Болгарии в судьбах славянства вообще, России в частности. Киев, 1913.
- ³⁹ Подробная библиография русской литературы о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. приведена в кн.: *Улурия А. А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971. Здесь же дана оценка соответствующей литературы.
- ⁴⁰ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, вып. 1—96. СПб., 1898—1910.
- ⁴¹ *Плева П.* Военно-статистический обзор княжества Болгарского. СПб., 1891; *Овсяный Н. Р.* Болгария и болгары. СПб., 1900; *Милоков П. Н.* Болгария.— В кн.: Политический строй современных государств, т. 1. СПб., 1905; *Юркевич М. В.* Двадцатипятилетние итоги княжества Болгарии (1879—1904). София, 1905.
- ⁴² *Качановский В. В.* История Сербии с половины XIV до конца XV века, т. 1. Критическое исследование источников. Киев, 1899.
- ⁴³ См., например: *Соколов М. И.* Стефан Душан.— Книга для чтения по истории средних веков. Под ред. П. Г. Виноградова, вып. 3. М., 1899; *Ястребов Н. В.* Законник Стефана Душана, царя сербского. СПб., 1913.
- ⁴⁴ *Флоринский Т. Д.* Памятники законодательной деятельности Стефана Душана. Киев, 1888.
- ⁴⁵ Перечислим лишь некоторые из работ о Крижаниче: *Соколов М. И.* Новоткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей.— ЖМНП, 1891, № 4—5; *Бережков М. Н.* План завоевания Крыма, составленный Юрием Крижаничем.— ЖМНП, 1891, № 10—11; *Вергун Д. И.* Крижанич и его философия национализма. Казань, 1899; Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 года. М., 1901; *Пичета В. И.* Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды. СПб., 1911. Новые документы о Крижаниче в Ватиканском архиве описаны в кн.: Россия и Италия. Сборник материалов и исследований..., т. 3, вып. 1. СПб., 1911, прил. 1, с. 53—113; *Вальденберг В.* Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912.
- ⁴⁶ Собрание сочинений Юрия Крижанича, вып. 1—3. М., 1891.
- ⁴⁷ *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем, т. 1—3. СПб., 1888—1915.
- ⁴⁸ Детальный разбор труда П. А. Ровинского см. в кн.: *Лавров П. А.* П. А. Ровинский и его труды о Черногории. Пг., 1916.
- ⁴⁹ Подробнее см. в ст.: *Хитрова Н. И.* П. А. Ровинский (1831—1916) и югославянские народы.— Годишњак Балканолошког института Баланика, II. Београд, 1971, с. 141—174.
- ⁵⁰ *Ровинский П. А.* Петр II (Раде) Петрович Негош, владыка Черногорский (1830—1851). СПб., 1889.
- ⁵¹ См. хотя бы его ст.: *Кулаковский П. А.* Начало русской школы у сербов в XVIII веке.— Известия ОРЯС, т. 8, кн. 2—3. СПб., 1903.
- ⁵² *Кулаковский П. А.* Иллиризм. Исследование по хорватской литературе периода Возрождения. Варшава, 1894.
- ⁵³ См., например: *Флоринский Т. Д.* Славянское племя. Киев, 1907 (сербам посвящены с. 85—106); далее можно указать на сочинения: *Овсяный Н.* Сербия и сербы. СПб., 1897; *Евреинов Б. Н.* Статистические очерки Сербского королевства. СПб., 1903; *Балькович Д.* История сербского народа. Одесса, 1903; *Погодин А. Л.* История Сербии. СПб., 1910.
- ⁵⁴ В их числе: *Липовский А.* Хорваты. СПб., 1900.
- ⁵⁵ *Харузин А. Н.* Босния и Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб., 1901; *Александров И.* Юдоль славянских страданий. 25-летние итоги австрийской оккупации Босны — Герцеговины.— Славян-

- ские известия, 1906, № 3; *Е. В.* Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босния и Сербия. Лето 1902 года. Киев, 1903.
- ⁵⁶ См., например: *Флоринский Т. Д.* Рабство и торговля рабами в Дубровнике по данным статута 1272 г. и его продолжений.— В кн.: Сборник в честь проф. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911.
- ⁵⁷ *Тагеев Б.* Из македонских воспоминаний русского добровольца.— Русский вестник, 1904, № 2—5, 7.
- ⁵⁸ Характеристика русской литературы о балтийских славянах имеется в ст.: *Лалтева Л. П.* Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии.— В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966, с. 171—191.
- ⁵⁹ Более подробно об этих сочинениях см.: *Москаленко А. Е. М. В.* Бречкевич (1870—1963) и его работы по истории поморских славян.— В кн.: Славянский сборник. Саратов, 1972, с. 92—108.
- ⁶⁰ ЦГИАЭ СССР, ф. 402, оп. 3, д. 179, л. 324, 326.— Отчет М. В. Бречкевича о научных занятиях за границей в 1911—1912 гг.
- ⁶¹ См., например: *Бречкевич М.* Святополк, князь Поморский.— В кн.: Сборник учено-литературного общества при Юрьевском университете, 1902, т. 5; *Он же.* Первые поморские монастыри. Очерк из истории Балтийского Поморья в XII веке. Юрьев, 1905; и др.
- ⁶² ААНЛ, ф. 9, оп. 3, № 54, л. 1— отзыв Н. В. Ястребова о сочинении М. В. Бречкевича «Введение в социальную историю княжества Славии» от 5 октября 1912 г. С небольшими изменениями тот же отзыв напечатан в кн.: Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Российской академией наук, вып. 7. Отчеты за 1912 г. Пг., 1918, с. 437—443.
- ⁶³ *Егоров Д. Н.* Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга, т. 1—2. М., 1915.
- ⁶⁴ *Савин А.* [Рец. на кн.:] Егоров Д. Н. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. II. Процесс колонизации. М., 1915.— Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при имп. Московском ун-те, 1916, № 1, с. 92.
- ⁶⁵ См., например: *Егоров Д. Н.* Воззвание против славян 1108 года.— В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. СПб., 1917; *Он же.* Новый источник по истории прибалтийского славянства.— В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909.
- ⁶⁶ См., например: *Будилович А. С.* О причинах гибели балтийского славянства. Юрьев, 1899; *Филиппов Н. Н.* Очерк тысячелетней борьбы балтийско-полабского славянства с немцами до возрождения сербо-лужицкого племени (IX в.—1848 г.). СПб., 1897; *Яковенко П. А.* Сельское население в Руянском (Rügen) княжестве.— ЖМНП, 1910, № 10. Об этом последнем сочинении подробнее см.: *Москаленко А. Е. П. А.* Яковенко (1879—1920) и его работа по истории балтийских славян.— В кн.: Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969, с. 549—555.
- ⁶⁷ *Филиппов Н.* Крестьянские общества у сербов-лужичан.— Благовест, 1891, вып. 15; *Францев А. В.* Матица Сербская в Будышине.— ЖМНП, 1897, ч. 311, № 6; *Петухов Е. В.* Лужицкие сербы. Юрьев, 1897; *Сиротинин А.* Самый маленький славянский народ и его поэзия.— В кн.: Сиротинин А. Россия и славяне. СПб., 1913.
- ⁶⁸ Характеристику русской литературы о лужицких сэрбах см. в ст.: *Lapteva L. P.* Das Sorbenbild in der russischen vorrevolutionären Geschichtsschreibung.— Lëtöpis, 1965, Reihe B, Bd 12, S. 239—255.
- ⁶⁹ М., 1912.
- ⁷⁰ Русская старина, 1911, № 11.
- ⁷¹ Русская старина, 1905, № 3.
- ⁷² Сборник РИО, 1905, т. 122.
- ⁷³ Русская старина, 1902, № 10.
- ⁷⁴ Славянское обозрение, 1892, № 1, 3, 7, 8, 11.
- ⁷⁵ Мемуары кн. Ад. Чарторижского и его переписка с Александром I, т. 1—2. М., 1912—1913; Мемуары гр. Поточкой. СПб., 1915.

- ⁷⁶ См., например: *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе.— Русская старина, 1895, № 6; Польша 1814—1831 (из воспоминаний генерала К. Колачковского).— Русская старина, 1902, № 3, 5, 6; Из записок И. А. Никитина.— Русская старина, 1902, № 1—3, 6—7, 11—12; 1903, № 3, 11.
- ⁷⁷ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648), т. 1—2. СПб., 1893—1894.
- ⁷⁸ *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570—1582). СПб., 1904; *Он же.* Польша, Швеция и Дания в царствование польского короля Стефана Батория.— ЖМНП, 1910, № 11, с. 1—60.
- ⁷⁹ *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. СПб., 1885; *Он же.* Танненбергская битва.— ЖМНП, 1887, № 2; *Он же.* Торнский мир (1411 г.).— ЖМНП, 1890, № 11; *Он же.* Витовт. Последние 20 лет его княжения. 1410—1430. СПб., 1891.
- ⁸⁰ *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия, ч. 1. Киев, 1884; Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв., собранные В. А. Ульяничем. М., 1877; *Филевич И. П.* О борьбе Польши и Литвы — Руси за галицко-владимирское наследие. СПб., 1890.
- ⁸¹ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1901; *Он же.* Областное деление и местное управление литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1894.
- ⁸² *Любавский М. К.* Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше.— Книга для чтения по истории средних веков, т. 3. М., 1902, с. 444—464; *Он же.* Нешавские статуты Казимира Ягеллончика и их значение в истории государственного развития Польши.— Там же, с. 488—514.
- ⁸³ *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1986), т. 1. СПб., 1901; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. 1. Киев, 1901.
- ⁸⁴ *Кареев Н. И.* Реформация и католическая реакция в Польше.— Вестник Европы, 1885; № 8—11; *Он же.* Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886.
- ⁸⁵ *Любович Н. Н.* Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. Варшава, 1890; *Он же.* Люблинские вольнодумцы в XVI в. (антиринитарии и анабаптисты). Варшава, 1902.
- ⁸⁶ *Кареев Н. И.* Польские реформы XVIII в.— Вестник Европы, 1889, № 5—6; *Он же.* Исторический очерк польского сейма. М., 1888.
- ⁸⁷ *Михайлов А. Б.* Истинные виновники раздела Польши.— Исторический вестник, 1914, № 9.
- ⁸⁸ *Мякотин В. А.* Крестьянский вопрос в Польше в эпоху разделов. СПб., 1889.
- ⁸⁹ *Кареев Н. И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888.
- ⁹⁰ См., например: *Подвинский Ю.* Конституция Царства Польского и ее судьба (1815—1830). М., 1906; *Брянцев П.* Очерк состояния Польши под владычеством русских императоров после падения ее до 1830 года или до первого восстания поляков. Вильно, 1895; Конституционная хартия и другие акты бывшего Царства Польского (1814—1881). СПб., 1907.
- ⁹¹ *Пузыревский А. К.* Польско-русская война 1831 г. СПб., 1886.
- ⁹² *Шильдер Н. К.* Император Павел I. СПб., 1901; *Он же.* Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. 1—2. СПб., 1897; *Он же.* Император Николай I. СПб., 1903.
- ⁹³ См., например: *Сидоров А. А.* Польское восстание 1863 г. Исторический очерк. СПб., 1903.
- ⁹⁴ *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX в. Исторический очерк. СПб., 1903.
- ⁹⁵ *Гескет С.* Военные действия в Царстве Польском в 1863 г. СПб., 1894.
- ⁹⁶ *Рейнке П.* Очерк законодательства Царства Польского 1807—1881. СПб., 1902.
- ⁹⁷ *Подвинский Ю.* Сто лет борьбы польского народа за свободу. М., 1907.

- ⁹⁸ *Студницкий В.* Польша в политическом отношении от разделов до наших дней. СПб., 1908.
- ⁹⁹ *Погодин А. Л.* Главные течения польской политической мысли (1864—1907). Пг., 1907.
- ¹⁰⁰ *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX в. Прага, 1906.
- ¹⁰¹ *Бобржинский М.* Очерк истории Польши, т. 1—2. СПб., 1883—1891; *Смоленский В.* История польского народа. СПб., 1899; *Кутшеба С.* Очерк истории государственного и общественного строя Польши. СПб., 1907; *Бальцер М.* К истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1908; *Грабенский В.* История польского народа. СПб., 1910.
- ¹⁰² *Попруженко И. Г.* Эпизод из истории польского крестьянства (1846—1848).— *Исторический вестник*, 1894, № 6—7.
- ¹⁰³ См., например: *Воблый К. Г.* Очерки по истории польской фабричной промышленности, ч. 1 (1764—1830). Киев, 1909; *Янжул И. И.* Очерк исторического развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. Варшава, 1886.
- ¹⁰⁴ *Регель В.* Учредительные грамоты Пражской епархии.— В кн.: Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 35-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883.
- ¹⁰⁵ *Регель В. Э.* О хронике Козьмы Пражского. Критическое исследование. СПб., 1890.
- ¹⁰⁶ Киев, 1895.
- ¹⁰⁷ См., например: *Ясинский А. Н.* Введение немецкого права в селах Чехии XIV века. Киев, 1903; *Он же.* Присяга крестьян по чешскому средневековому праву.— В кн.: Сборник статей по славяноведению, I. Пг., 1904; *Он же.* Характеристика средневековой немецкой колонизации на юге Чехии.— В кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского..., и др.
- ¹⁰⁸ Подробнее об этом см.: *Лаптева Л. П.* Русская литература о гуситском движении (40-е годы XIX в.—1917 г.). Автореф. докт. дис. М., 1972.
- ¹⁰⁹ Анализ предложен в ст.: *Лаптева Л. П.* Прогрессивное направление русской дореволюционной историографии гуситского движения.— В кн.: История и историки. Историографический ежегодник. 1972. М., 1973.
- ¹¹⁰ Сочинения Петра Хельчицкого. Труд Ю. С. Анненкова.— Сборник ОРЯС, т. 55. СПб., 1894; *Ястребов Н. В.* Очерк жизни и литературной деятельности Петра Хельчицкого (1390—1457).— *ЖМНП*, 1895, № 12; *Он же.* Этюды о Петре Хельчицком и его времени. Из истории гуситской мысли, т. I. СПб., 1908; Вг. Jana Blahoslava spis o původu Jednoty Bratrské a řadu v ní (издал Н. Ястребов).— Сборник ОРЯС, т. 71. СПб., 1902.
- ¹¹¹ *Пальмов И. С.* Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами. Прага, 1904. К той же теме относятся и работы: *Пальмов И. С.* К вопросу о сношениях чехов-гуситов с восточную церковь. СПб., 1889; Мануальник Вячеслава Коранды как источник для характеристики идей чешского утракивизма во второй половине XV в.— В кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского.
- ¹¹² Из приблизительно 200 работ о Я. А. Коменском, имеющих вообще в русской литературе, около 150 издано в период с 1890 по 1917 г.
- ¹¹³ См., например: Избранные педагогические сочинения Я. А. Коменского в переводе Любомирского, ч. 1—2. М., 1893—1894; 1902—1911.
- ¹¹⁴ *Веригин Н. Я.* А. Коменский как картограф своей родины.— Педагогический еженедельник (Ревель), 1895; *Яреш Ф.* Об историческом значении Я. А. Коменского в связи с деятельностью чешских братьев. Киев, 1892.
- ¹¹⁵ *Францев В. А.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII — первой половины XIX в. Варшава, 1902.
- ¹¹⁶ Подробнее см.: *Лаптева Л. П.* В. А. Францев как историк славянства.— В кн.: Славянская историография. М., 1966, с. 204—246.

- ¹¹⁷ В. А. Францевым изданы: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Прага, 1905; Korespondence Jozefa Dobrovského a Jiřího Samuele Vandtkého z let 1810—1827. Praha, 1906; Korespondence P. J. Safáfika s ruskými učenci (1825—1861), d. I., č. 1—2. Praha, 1927—1928. Последний труд был подготовлен к печати еще до первой мировой войны.
- ¹¹⁸ Литература о П. И. Шафарике проанализирована в работе: *Лаптева Л. П.* П. И. Шафарик в русской дореволюционной литературе.— *Sborník Národního musea v Praze*. ř. C., 1967, sv. XII, č. 5.
- ¹¹⁹ См.: *Лаптева Л. П.* Ян Коллар в русской дореволюционной литературе.— В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 291—309.
- ¹²⁰ См., например, в кн.: *Митрофанов П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. 1780—1790. СПб., 1907.
- ¹²¹ Анализ этой историографии см. в статьях: *Лаптева Л. П.* Людовит Штур в русской литературе XIX и начала XX в.— В кн.: *L'udovit Stúr und die slawische Wechselseitigkeit. Gesamte Referate und die integrale Diskussion der wissenschaftlichen Tagung in Smolenice 27—29. Juni 1966*. Bratislava, 1969; *Lapteová L.* Svetozár Hurban Vajanský v ruských periodikach z konca 19. a začiatku 20. storočia.— В кн.: *Slovanské Studie*, XII. Historia, Bratislava, 1971.
- ¹²² Характеристику его трудов в этом плане см.: *Лаптева Л. П.* В. А. Францев, биографический очерк и классификация трудов.— *Slavia*, 1966, г. 35, сеš. 1.
- ¹²³ *Кочубинский А. А.* Адмирал Шишков и канцлер гр. Н. П. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1888.
- ¹²⁴ *Петровский Н. М.* Первые годы деятельности Копитаря. Казань, 1906.
- ¹²⁵ *Будилович А. С.* Несколько замечаний о научной постановке славянской истории, ее объеме, содержании и периодах. Юрьев, 1898.
- ¹²⁶ *Пыпин А. Н.* Обзор русских изучений славянства.— *Вестник Европы*, 1888, № 10; *Он же.* Русское славяноведение в XIX ст.— Там же, 1889, № 7—9.
- ¹²⁷ *Грот К. Я.* Об изучении славянства. СПб., 1901.

Г. Н. МОИСЕЕВА

СЛАВИСТИКА В РОССИИ XVIII В.

До настоящего времени существует мнение, что славистика в России возникла в 1835 г.— со времени основания отделения славяноведения при Московском университете.

Своей задачей мы считаем обратить внимание на развитие славистических знаний в России XVIII в. и показать путь, пройденный нашей наукой и культурой, который и привел к расцвету славяноведения в XIX в.

На протяжении всей многовековой истории на Руси всегда интересовались своими соседями — славянами. И в древнейших летописях, и в хронографах можно найти сведения о Польше, Болгарии, Сербии и Чехии. В XVII в. в России были переведены с польского языка многие книги по разнообразным отраслям знаний. С жадным интересом слушали в Москве речи Юрия Крижанича, в которых был призыв к объединению всех славян для борьбы с Оттоманской Портой.

Конец XVII — начало XVIII в. ознаменовались в России серьезными общественно-политическими преобразованиями. Реформы Петра I способствовали быстрому овладению русских европейской наукой и культурой. «Московия» превратилась в «Российскую Европию» (как образно названа она в повести петровского времени о российском матросе Василии Кориотском).

Западные славяне вызвали большой интерес у царя Петра. В его представлении они были потенциальными посредниками между западной и русской наукой. И не случайно, конечно, что первым типографом, печатавшим русские книги в Амстердаме, был поляк Илья Копиевский (Копиевич), который за небольшой промежуток времени подготовил 21 издание, начиная с «Введения во всякую историю» (Амстердам, 1699), латинской грамматики, руководства к изучению арифметики, «повестания кругов небесных с толкованием» и кончая публикацией Киевского Синописа в переводе на латинский язык и сочинения Горация, названного «О добродетели, стихами поетыцкими рускии». Об этой последней книге мы знаем лишь по ее названию, упомянутому в «Реестре» изданий И. Копиевского.

В замыслах Петра I открыть в России Академию наук для создания собственных научных кадров большое место занимала Чехия. Ученые чехи должны были стать преподавателями рус-

ских студентов. С целью налаживания взаимных контактов Петр I сам трижды был в Чехии. Кроме того, в 1716—1720 гг. в Прагу была отправлена группа учеников — будущих переводчиков.

В те же годы завязываются дипломатические отношения с Сербией. В Далмацию была отправлена группа дворян учиться морскому делу. Из Рагузской республики приезжает в Россию Савва Владиславич, получивший позднее титул графа Рагузинского. Он становится одним из видных сподвижников Петра I.

В начале 1720-х годов Савва Рагузинский по поручению Петра I переводит с итальянского языка книгу Мавро Орбини Рагузского (Пезаро, 1601) под заглавием: «Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами... Собрана из многих книг исторических чрез господина Мавроурбина архимандрита Рагужского. В которой описуется початие, и дела всех народов, бывших языка Славенского, и единого отечества, хотя ныне во многих царствиях розсеялося чрез многие войны, которые имели в Европе, во Азии и во Африке». Книга была издана в Санкт-Петербурге в 1722 г.

Орбини попытался дать историю всех славян, причисляя к славянам алланов, готов, иллиров, маркоманов. Кратко говорил о славянах российской, или московитах. Автор коснулся не только политической, но и культурной истории славян начиная с древнейшей поры. Это была первая книга, в которой сделана попытка охарактеризовать «славянский народ», относимый им к «единому племени». Он писал: «...москвитяне, россияне, поляки, чехи, черкасы, далматяне, истриане, карваты, бошняки, болгары, рашчане и прочие ближние, аще и различны суть именами свойственными» (с. 80).

Книга Орбини, изданная большим для того времени тиражом (1200 экз.), сыграла значительную роль в формировании славистических знаний в славянских странах. Влияние концепции этой книги можно увидеть во многих печатных и рукописных трудах славянских ученых XVIII в. (например, Паисия Хилендарского).

Значительную роль в развитии русской славистики XVIII в. сыграла Петербургская академия наук, открытая в 1725 г. после смерти Петра I. Акад. Коль написал «Введение в историю славян». В «Комментариях Академии наук» были опубликованы статьи профессора Г.-З. Байра по истории России. Тогда же занимался составлением русской грамматики, переводом «Несторовой летописи» (по петровской копии Кёнигсбергской летописи) и историей Руси И.-В. Паузе и молодой Г.-Ф. Миллер.

Еще при жизни Петра I и при его поддержке начал работу над «Историей российской» В. Н. Татищев. Через 20 лет он

подготовил «Предъизвещение» и «изъяснения», где осветил историю славянских племен. В распоряжении его были многочисленные работы польских историков (в переводе К. Кондратовича). Скептическое отношение к некоторым ошибочным известиям в трудах Кадлубка, Длугоша, Кромера и Стрыйковского породило у В. Н. Татищева отрицательную реакцию и на сведения по истории славянских племен. Он их считал баснями, не видя никаких исторических реалий в этих легендах и преданиях.

Труд В. Н. Татищева был опубликован в 1768 г. В рукописи он был известен сравнительно небольшому кругу ученых. Поэтому «История российская» не оказала в XVIII в. значительного влияния на развитие славистики ни в России, ни в славянских странах.

Огромная роль в изучении истории славян принадлежит М. В. Ломоносову — автору «Краткого российского летописца» (СПб., 1760) и «Древней российской истории» (СПб., 1766). Задуманный Ломоносовым большой труд — «Российская история» (опубликованная после смерти Ломоносова «Древняя российская история» заканчивается 1054 г.) — естественно включал итоги изучения им древнейшей истории славян, что нашло отражение в гл. 2 первой части его «Истории» — «О величестве и поколениях славенского народа». Ломоносову помогли свидетельства славянских историков, сведения античных, византийских и европейских авторов, анализ русских и славянских народных преданий и песен, изучение языка, а также исследование памятников материальной культуры. Такой «комплексный» (используя современную терминологию) подход к изучению истории славян дал значительный научный результат, который во многом определил направление дальнейшего развития славистики.

Ломоносов писал в своей «Истории»: «Множество разных земель славенского племени есть неложное доказательство величества и древности. Одна Россия, главнейшее оного поколение, довольна к сравнению с каждым иным европейским народом. Но представив с нею Польшу, Богемию, вендов, Моравию, сверх сих Болгарию, Сербию, Далмацию, Македонию и другие, около Дуная славянами обитаемые земли... распространенных славян видим»¹.

Многообразие славянских племен в России, засвидетельствованное русскими летописями, дало основание Ломоносову рассматривать в единстве историю всех славянских племен: «Такое множество и могущество славенского народа уже во дни первых князей российских известно из Нестора и из других наших и иностранных писателей. Ибо в России славяне новгородские, поляне на Днепре, по горам Киевским, древяне в Червонной России, между Днепром и Припятью, полочане на Двине, северяне на Десне, по Семи и по Суле, дулебы и

бужане по Бугу; кривичи около Смоленска, волынцы в Волынии, дреговичи меж Припятью и Двиною, радимичи на Соже, вятичи на Оке и другие поколения, по разным местам обитая и соединяясь с варягами-россами, пресильные войны подымали против греков. Вне России ляхи по Висле, чехи по вершинам Албы, болгары, сербы и моравляне около Дуная имели своих королей и владетелей, храбрыми делами знатных... Меж другими славенскими селениями оставил по себе с развалинами великую славу пребогатый купеческий город и пристань Виннета при устьях реки Одры; разорен около помянутых времен от датчан»². Ломоносов изучал развалины городов Старой Руссы и Пернова.

Анализируя единство языка, верований и народных преданий в соединении с летописными известиями, Ломоносов принял версию о переселении славянских племен с Дуная на Северные земли. Он пишет: «Итак, явствует, что, ненавидя римского ига и любя свою вольность, славяне искали оной в странах полунощных, которою единоплеменные их пользовались, в местах пространных, по великим полям, рекам и озерам. Нестор подробно описывает, что нашли волохи на славян дунайских и, седши с ними, стали обижать и насиловать; тогда иные, отшед на реку Вислу, назвались ляхами. От ляхов прозвались иные лутичи, иные мазовшане, иные поморяне. Иные сели по Днепру и назвались поляне; другие — древляне, затем что сели в лесах; многие между Припятью и Двиною и назвались дреговичи; некоторые поселились на Двине и назвались полочане по реке Полоте; многие перешли на Оку и проименовались вятичами. Иные славяне сели около озера Ильменя и прослыли своим тем же именем; иные поселились по Десне, Семи и Суле и назвались северяне»³.

В «Материалах» к «Российской грамматике» Ломоносов писал: «Наш народ у Дуная живал и реку за бога почитал «Здунайко, Здунай, Здунанай»⁴. В тех же «Материалах» имеется следующая заметка: «Языки от славенского произошли: 1) российской, 2) польской, 3) болгарской, 4) сербской, 5) чешкой, 6) словакской, 7) (вандальской) вендской»⁵.

Интерес к древнейшей славянской письменности, к истории ее возникновения побудил Ломоносова обратиться в 1760 г. в академическую канцелярию с просьбой организовать снятие копий с надгробных надписей в г. Брно в Моравии.

«Древняя российская история» и «Краткий российский летописец» Ломоносова были хорошо известны в славянских странах. Основоположник чешской историографии Г. Добнер и его оппонент Ф. Пубичка, как показывает А. С. Мыльников, ссылались в ходе полемики 1769—1770 гг. о происхождении чешского народа на труды великого русского ученого.

В 70—90-х годах XVIII в. история славян заняла значительное место в сочинениях М. М. Щербатова, И. Н. Болтина,

Ф. А. Эмина и Екатерины II. Однако не было выдвинуто никаких новых концепций. В «Записках касательно российской истории» Екатерины II явственно обнаруживается «охранительная» тенденция в интерпретации «вольности» древних славян. Императрица пыталась убедить читателя, что эта «вольность» принесла народам только несчастья, которые были устранены самоотверженной властью.

Именно против этой концепции Екатерины II выступил А. Н. Радищев и в «Путешествии из Петербурга в Москву», и в заметках, относящихся к российской истории, сохранных в Архиве Воронцовых. Вольность древних славян, по мнению А. Н. Радищева, была источником их величия и могущества.

В расширении интереса к истории славян значительную роль сыграла археографическая и публикаторская деятельность Н. И. Новикова. Предпринятое им издание «Древней российской вивлиофики» позволило ввести в научный оборот громадный фактический материал, до этого времени хранившийся в архивах и библиотеках и недоступный читателям. «Древняя российская история» займет большое место в развитии славистики XVIII—XIX вв. и в России, и в славянских странах.

1780.—1800 годы ознаменовались в России собиранием и публикациями древнейших русских литературных и исторических памятников А. И. Мусиным-Пушкиным. Изданные им в 1792 г. по пергаменной рукописи XIV в. «Русская Правда» и в 1793 г. «Поучение Владимира Мономаха» (из Лаврентьевской летописи), а в 1800 г. памятник XII в. «Слово о полку Игореве» раскрыли великое культурное наследие Древней Руси.

Большую роль в развитии славистики и научных контактов ученых сыграл Н. Н. Бантыш-Каменский, автор пятитомного труда, основанного на архивных источниках, — «Дипломатическое собрание дел между Россией и Польшей». Законченное к 1784 г., оно явилось предметом изучения целого поколения русских и славянских историков начиная с Н. М. Карамзина, использовавшего труд Н. Н. Бантыш-Каменского в «Истории государства Российского». Обладая громадными знаниями в архивных материалах и библиотечных фондах, Н. Н. Бантыш-Каменский был незаменимым помощником А. И. Мусину-Пушкину в подготовке издания «Слова о полку Игореве». Он много помогал и приехавшему в Россию в 1792 г. молодому чешскому слависту Йозефу Добровскому, который изучал сначала в Москве, а потом в Петербурге древнеславянские рукописи и старопечатные книги. Труды И. Добровского, основателя «пражской школы», оказали значительное влияние на развитие чешской славистики XIX в. Его последователь Йозеф Юнгман, автор «Истории чешской литературы», подготовил в 1809 г. перевод на чешский язык «Слова о полку Игореве», произведений Г. Р. Державина и М. М. Хераскова.

В 1808 г. совершил путешествие в славянские страны Д. Н. Бантыш-Каменский. Его научные контакты с западными учеными были в значительной степени подготовлены Н. Н. Бантыш-Каменским (его отцом). В 1810 г. в Москве вышла из печати публикация — «Путешествия в Молдавию, Валахию и Сербию». Молодой Д. Н. Бантыш-Каменский познакомился с славянскими языками, осмотрел древние письменные памятники, установил научные связи с учеными. Позднее, когда он приступил к изучению истории Украины и обследовал в различных городах архивы и библиотеки, славистические знания оказались ему чрезвычайно полезными при написании «Истории Малороссии в четырех частях» (М., 1822).

Таким образом, к началу XIX в. развитие славистики в России привело к значительным результатам: были изданы многие памятники славянской культуры, определена концепция происхождения славян, были установлены контакты с славянскими учеными. Все эти факторы сыграли роль в становлении славяноведения как науки и определили ее успехи в XIX в.

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VI. М.—Л., 1952, с. 174—175.

² Там же, с. 175.

³ Там же, с. 190—191.

⁴ Там же, т. VII. М.—Л., 1952, с. 618.

⁵ Там же, с. 609.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

<i>В. В. Зеленин, А. Х. Клеванский, А. Я. Манусевич.</i> Великий Октябрь и борьба трудящихся славянских стран за демократический мир, независимость и социальный прогресс	5
<i>В. П. Шерстобитов, А. В. Никонов.</i> Социально-этнические процессы у славянских народов СССР	32
<i>В. В. Мирьина.</i> Роль и место отдельных слоев крестьянства в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	45
<i>В. И. Злыднев.</i> Развитие социалистических тенденций в национальной культуре в условиях буржуазного государства (На материале Болгарии до сентября 1944 г.)	66
<i>Л. Б. Валев, И. И. Костюшко, М. М. Сумарокова.</i> Кризис буржуазной демократии в западных и южных славянских странах (Межвоенный период)	85
<i>Ю. А. Писарев.</i> Освободительное движение югославянских народов в конце XIX — начале XX в.	108
<i>В. И. Фрейдзон.</i> Революционная демократия и буржуазная революционность в национально-освободительных движениях южных славян в конце 60-х — 70-х годах XIX в.	120
<i>И. В. Чуркина.</i> Влияние русской общественной мысли на словенские политические программы в 60-х — начале 70-х годов XIX в.	140
<i>И. С. Достян.</i> Национально-освободительное движение южных славян и русская общественная мысль первой четверти XIX в.	158

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

<i>Б. А. Рыбаков.</i> Исторические судьбы праславян	182
<i>Э. А. Сымонович.</i> Культура карпатских курганов и ее роль в этногенезе славян	197
<i>Т. Д. Златковская.</i> Rosalia — русалии? (О происхождении восточнославянских русалий)	210
<i>В. В. Седов.</i> Славяне и иранцы в древности	227
<i>Г. Г. Литаврин.</i> Этническое самосознание славян в VII—X вв. (К проблеме формирования раннефеодальных народностей)	241

- С. И. Дмитриева.* О роли субстрата в сложении этнических групп русского Севера (По материалам фольклора и народного изобразительного искусства) 264

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

- В. Е. Гусев.* Фольклор в системе современной культуры славянских народов 283
- К. В. Чистов.* Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект 299
- В. П. Аникин.* Образность как стилиобразующий фактор (К вопросу о типологии фольклорного стиля) 328
- Н. И. Кравцов.* Славянская народная лирика 345
- Б. П. Кирдан.* Общее и особенное в песенном фольклоре восточных и западных славян периода второй мировой войны 360
- В. К. Соколова.* Календарные обряды и поэзия у восточнославянских народов в начале XX в. 385
- Н. И. Савишкина.* Вопросы поэтики народной драмы в сравнительном изучении (Общее и особенное в народной драме восточных славян) 401
- И. М. Шептунов.* Образ народного героя в славянском и неславянском фольклоре Центральной и Юго-Восточной Европы 425
- В. Г. Базанов.* От мифа о «вечном древе» к социально-эпической утопии (Сергей Есенин и Николай Клюев) 442
- Т. С. Макашина.* Особенности фольклорного процесса в полосе этнической границы (На материалах русского фольклора XX в. Латгалии) 451

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- В. А. Дьяков, Д. Ф. Марков, А. С. Мыльников.* Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики 465
- Л. П. Лаптева.* Русское славяноведение в конце XIX — начале XX в. (Проблемы истории) 491
- Г. Н. Моисеева.* Славистика в России XVIII в. 511

История, культура, этнография и фольклор славянских народов

*Утверждено к печати
Отделением истории АН СССР*

Редакторы издательства

Л. И. Тормозова, Г. В. Шелудько

Художник *В. Б. Кобрин*

Художественный редактор *И. В. Разина*

Технический редактор *А. П. Гусева*

Корректоры *Г. Н. Джиоева, П. А. Пирязев*

ИБ № 5317

Сдано в набор 27.12.77.

Подписано к печати 05.06.78

Т-09249. Формат 60×90^{1/16}

Бумага типографская № 1

Гарнитура латинская

Печать высокая

Усл. печ. л. 32,5. Уч.-изд. л. 36,8.

Тираж 3550. Тип. зак. 53

Цена 3 р. 90 к.

Издательство «Наука»

117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94-а

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

3 0 90-4

УШ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ